

История Санкт-Петербургской Православной Духовной Семинарии, с обзором общих узаконений и мероприятий по части семинарского устройства. 1809–1884 гг.

А.Н. Надеждин

Предисловие

Введение

Предисловие

Приснопамятный Филарет (Дроздов), митрополит московский, которому принадлежит великое значение в истории русского духовного просвещения текущего столетия, в одном из своих писем к Троице-Сергиевскому архимандриту Антонию между прочим высказал такую мысль: «написать что-нибудь о училищной жизни в истинном ее виде, может быть не бесполезно. Но лучше, чтобы это сделалось не по приказанию начальства, а как бы само собою... Я нахожу сие заслуживающим внимания». (Пис. к арх. Ант. т. IV. 144, 145).

Не смея предполагать, что издаваемая мною «История С. -Петербургской духовной семинарии, с обзором общих узаконений и мероприятий по части семинарского устройства 1809–1884 г.» – вполне отвечает мысли Высокопреосвященного Филарета, я могу заявить, что в своем труде, предпринятом по собственной инициативе, хотя с разрешения начальства, стремился прежде всего не погрешать против истины и относиться к излагаемому предмету возможно объективно и беспристрастно. В таком именно виде цель труда, признанная и мудрым Филаретом не бесполезной и заслуживающей внимания, представлялась мне плодотворной. *Historia vitae magistra*, гласит древнее изречение. Для последующей судьбы наших духовных семинарий история той или другой из них, или вообще их устройства, может оказать немаловажную услугу, предлагая обширный материал по вопросу об их усовершенствии, указывая недостатки и ошибки прошлого, которые не должны повторяться, приводя на память и случайно забытые достоинства прежнего быта, которые может быть полезно восстановить.

Поводом к изданию настоящей книги послужило исполнение в 1884 году 75-ти летия со времени открытия С. -Петербургской духовной семинарии на началах реформы 1808 года, вместе с чем исполнилось 75 лет и самой этой реформы, состоящей в разделении нашей смешанной и неупорядоченной дотоле духовной школы на три отдельных вида: высшее учебное заведение (академию), среднее (семинарию) и низшее (дух. уездное и приходское училища). Реформа началась с Петербурга, и все дальнейшие перемены и нововведения собственно в семинарском устройстве, в применении своем к петербургской семинарии, происходили, так сказать, на глазах высшего духовно-учебного начальства, и даже под непосредственным руководством тех или других представителей его. В виду этого, история петербургской семинарии получает особое значение и более или менее общий интерес. Но при этом еще я нашел возможным и целесообразным не ограничивать свою задачу изображением лишь внутренних явлений и особенностей в состоянии петербургской семинарии, но, рассматривая их в связи с общими узаконениями и мероприятиями по части семинарского устройства, не упускать из внимания и тех идей или веяний, под влиянием которых они происходили. Мое намерение написать историю спб. семинарии, заявленное в свое время семинарскому правлению, встретило с его стороны сочувствие, и оно, испросив на то разрешение Высокопреосвященного митрополита Исидора, открыло мне свободный доступ в семинарский архив. По определению же Святейшего Синода (от 12–26 окт. 1883 г.) обещано мне некоторое содействие по напечатанию книги.

Главные и существенные данные для истории семинарии заимствованы мною, конечно, из семинарского архива, но за некоторыми справками приходилось обращаться и в другие архивы – спб. духовной академии, ал. неевского училища, дух. консистории и синодальный, а также и некоторых иноепархиальных духовных семинарий. Заимствуя то или другое сведение из официального документа, я не считал нужным переписывать документ сполна, но, что считал в нем самым существенным, передавал подлинными словами, ставя их в кавычках. При этом, называя обыкновенно тот или другой документ и отмечая его дату, я не считал, однако же, необходимым каждый раз делать сноску, с указанием архива и номера документа, во

избежание излишней пестроты. К печатным официальным документам, без которых невозможно было обойтись, относятся, кроме разных отдельных указов и циркуляров по дух. учебной части, – уставы и проекты устройства дух. учебных заведений, с разными разъяснениями, правилами, положениями, программами и объяснительными записками; отчеты синодального обер-прокурора с 1836 по 1882 г., некоторые ревизорские отчеты и первый отчет ректора спб. семинарии архим. Хрисанфа, журналы собрания конференции спб. дух. ак. 1814, 1817 и 1823 гг., памятные книжки спб. семинарии 1868 и 1873 г. и пр.

Затем, в качестве пособий и справочных книг, я имел под руками разные сочинения, относящиеся к истории духовно-учебных заведений и духовного просвещения, также письма, воспоминания, записки разных лиц, имевших то или другое отношение к духовно-учебному ведомству и в частности к с. -петербургской семинарии. Таковы: истории наших дух. академий – с. -петербургской Чистовича, московской – Смирнова, киевской – пр. Макария (Булгакова) и Аскоченского, казанской – Благовещенского; истории духовных семинарий – пермской архим. Иеронима, в 3-х частях, владимирской – К. Надеждина, казанской – Благовещенского, тверской (истор. записка) Розанова. Далее, такие сочинения, как Духовные школы Знаменского, История российской иерархии Амвросия (Орнатского), Историко-статистическое описание с. -петербургской епархии, в 10 томах, Списки иерархов и настоятелей монастырей – Строева, Списки архиереев и архиерейских кафедр, Ю. Толстого, Об устройстве духовных училищ в России – Ростиславова, О способах содержания духовных училищ – Покровского (Странник 1860–62 г.), Обзор русской духовной литературы – архиеп. Филарета (Гумилевского), История перевода библии на русский яз. – Чистовича (Христ. Чт. 1872 и 73 г.) 50-ти летний юбилей киевской дух. академии (Тр. киев. акад. 1869 т. XI–XII), Сборник изд. в Москве по поводу 100-летнего юбилея митр. Филарета. Письма митр. Филарета к преосвящ. Григорию, Гавриилу, Смарагду, Алексею, Филарету (Гумилевскому) и др., архимандриту Антонию, А. Н. Муравьеву, к родным и пр.; некоторые из писем преосв. Иннокентия Борисова (помещ. напр. в Чтен. в общ. ист. и др. росс.), Филарета Гумилевского (Твор. св. отц. 1883 г. и сл.) Игнатия еп. кавказского, Никодима еп. красноярского, Афанасия (Соколова) архиеп. казанского, с сведениями о его жизни (Душеп. Чт. 1868 и 1870 г.); Воспоминания митр. Филарета (Прав. об. 1868. VIII), Записки митр. Иосифа Семашко, Спб. 1883. Записки Никодима, еп. красноярского, о митр. Филарете и гр. Пратасов (Чтен. в общ. ист. и др. росс. 1877 г. II), Записки прот. Виноградова о спб. семинарии (Русск. Стар. 1878. 8), Из воспоминаний синод. секретаря Исмаилова (Странник 1882 г.), Из воспоминаний альфа-солиста, преосв. Никанора Бровковича (Гражд. 1883 г.), Воспоминания о преосв. Леониде, архиеп. Саввы, Записки о митр. Филарете Сушкове, Воспоминания о спб. дух. академии Ростиславова (Вест. Евр. 1872 и 1883 г.), Памятный листок воспит. спб. семинарии 1863 г. – в нескольких выпусках, Дневник прот. А. В. Горского (Твор. св. отц. 1884 и 1885 г.), Автобиографии – прот. В. Б. Бажанова (Истор. вестн. 1883) и Г. И. Лавского (Русск. Ст. 1880 г.), Биографии – свящ. А. Т. Никольского, Спб. 1877 г. и А. В. Гумилевского Спб. 1873 г., писателя Помяловского (прилож. к 1 т. его сочинений) и разные другие сочинения, при случае процитованные в книге. Разумеется, все означенные произведения не могут иметь одинаковую ценность. За одни ручается их ученый авторитет, другие принадлежат лицам весьма почтенным и авторитетным, иные же имеют значение свидетельства очевидцев и современников, хотя не всегда чуждых пристрастия, увлечений и разнообразных сторонних влияний. Таким образом требовалось, приводя то или другое сведение или свидетельство, в пояснение и дополнение официального документа, относиться к подобным сведениям и свидетельствам с разбором, осторожностью и критикою. Но, характеризуя известное явление, или личность, я всегда старался основывать свою характеристику на свидетельствах авторитетных современников.

Наконец и устное предание я считал полезным и необходимым источником для своего труда, и с этою целью обращался ко многим из бывших воспитанников и наставников петербургской семинарии, которым и приношу теперь свою сердечную благодарность за сообщенные ими сведения.

Преподаватель Спб. дух. семинарии А. Надеждин. 30 Июля 1885 года.
Введение

Начало духовно-учебных заведений, называемых семинариями, относится к временам Петра Великого. Он повелел епархиальным архиереям заводить школы при своих домах и

вызывал с этою, между прочим, целию малорусских ученых монахов, для занятия архиерейских кафедр. Первыми семинариями, или, точнее, архиерейскими школами были: черниговская, ростовская, тобольская, новгородская, устройство которых местными архиереями, по образцу киевской и московской академий, относится к самым первым годам XVIII столетия. Со времени же учреждения Святейшего Синода (1721 г.), и высшая духовная власть показывает особенную заботливость об учении «церковнических детей, в надежду священства определенных», но состояние духовных училищ остается по прежнему на попечении преимущественно местных архиереев.

Выдающимся организатором духовного просвещения и семинарского устройства был псковский епископ и вице-президент св. Синода Феофан Прокопович, который подробно определил в «Духовном регламенте» цель, характер и объём духовного образования, составлял учебные руководства и сам основал школу в С. Петербурге, называвшуюся семинариєю, на реке Карповке, с курсом не специально богословским только, для которой написал и особую инструкцию.¹ Другой известный деятель по части духовного просвещения, особенно в Петербургском крае, был Феодосий Яновский, первый устроитель этого края по церковным делам, архимандрит Александро-невского монастыря, а с 1721 года и новгородский архиепископ, также и вице-президент св. Синода. По его приказанию, в сентябре 1721 года, при Александро-невском монастыре открыта архимандритом Варлаамом Голенковским первая школа, для обучения славянскому чтению и письму,² также грамматике и цифири, а в свободное время и музыке с живописью, названная грамматическою или словенскою. Впоследствии в ней введены и языки, греческий с латинским, почему с конца 1725 г. она и переименована в славяногреко-латинскую Александроневскую семинарию архимандритом Александроневского монастыря и советником св. Синода Петром Смеличем, с назначением ее преимущественно для детей священно-церковнослужительских, чтобы образовать достойных служителей церкви. Из первых, более выдающихся руководителей и наставников этой школы, после двух учителей, вызванных из новгородских училищ, были: вызванный из Москвы, грек Афанасий Скияда, именовавшийся профессором (классических языков); потом (с 1734 г.) ученый датчанин Адам Селлий в православии Николай, а в монашестве Никодим, бывший смотрителем и учителем латинского языка; с 1736 г. — наставники из Московской академии, иеромонахи: Гавриил Кременецкий (впоследствии киевский митрополит) и Амвросий Зертис-Каменский (московский архиепископ, убитый во время чумы). В половине 1730-х годов обозначается точнее и курс наук, более или менее соответствующий теперешнему училищному и семинарскому, разделенный на 8 классов: 1) инфима; 2) фара; 3) грамматика; 4) синтаксима, (преимущественно в этих классах изучались языки — еврейский, греческий, латинский, французский и немецкий); 5) поэзия, 6) риторика; 7) философия; 8) богословие. В семинарии заведены были диспуты и проповеди учеников и наставников. Около того же времени устраивается и библиотека, в которую поступили книги и рукописи после разных ученых, напр. Феофана Прокоповича, учителей Скияды и Селлия. В 1743 г. сама Императрица Елизавета Петровна посещала семинарию. В период 1725–1788 г. в ней сменилось: 8 ректоров, 10 префектов, 26 учителей. Число воспитанников в разные годы варьирует между 35 и 108, которые большею частью были из духовного звания, но также и из детей разночинцев и монастырских служителей. В 1738 г. из школы Феофана Прокоповича, закрывшейся вскоре после его смерти, переведено в Невскую семинарию до 20 учеников, а в 1741 г. прислано 25 человек псковских семинаристов. Содержание на семинарию до начала 30-х годов шло от монастыря, преимущественно из сумм за погребение на невском кладбище. В 1732 г. была прибавлена сумма из вотчинных монастырских доходов, впоследствии же — из Коллегии экономии. Помещение семинарии было сначала в особом здании, по северную сторону Черной речки, около невского проспекта; но с 1741 по 1775 г. оно находилось в новом, нарочно для того выстроенном доме, за нынешним стеклянным заводом, но шлиссельбургскому тракту.

В 1788 г. сообразно с устройством главных народных училищ, митрополит Гавриил (Петров) исходатайствовал Высочайшее соизволение на преобразование Александроневской семинарии в Главную семинарию, куда повелено было присылать из всех епархиальных семинарий, исключая троицесергиевскую, черниговскую и Новгород-северскую, лучших воспитанников, прием которых в низшие классы производился каждый год. Воспитанники высших двух классов, богословского и философского, назывались студентами, остальные

учениками. Училищный курс оставался по-прежнему, но к семинарскому прибавлены новые предметы: церковная история, механика, естественная история, математика и опытная физика. В таком виде семинария существовала 9 лет, до 1797 г.; в этот период в ней сменилось: 2 ректора, 5 префектов и до 30 преподавателей. С 1788 г. семинария заняла помещение уже в самом монастыре, в корпусе между соборною и Федоровскою церквями. В 1797 г., при Павле I, Главная семинария переименована в Александроневскую академию; при этом сделаны некоторые изменения и усовершенствования в учебной части, но заведение по-прежнему оставалось с низшим курсом, начиная с чтения и грамматики (поступали мальчики с 9 лет), и состояло из 7 классов, из которых в первых четырех полагалось учиться по одному году, а в трех последних – по два, с дозволением оставаться в богословском классе еще на год. С 1805 г. введено более порядка в приеме учеников, распределении занятий и обучении. Положено принимать заправленных уже в чтении, письме, пении и т. п. в духовных училищах и народных школах. Незаправленных отсылали в так называемую Русскую школу, учрежденную при Александроневской Лавре в 1803 г. под ведением Академии, или в приходские школы в Петербурге (числом 7), которые впоследствии были преобразованы в духовные училища. Число воспитанников в этот период простирается от 157 до 277. Ректоров сменилось – 4, префектов – 5, наставников свыше 40.

Между воспитанниками и наставниками Главной семинарии и Александроневской академии, в период времени от 1788 по 1809 г. встречаем имена многих, замечательных впоследствии, деятелей по части русского просвещения и в частности духовного – в период его великой реформы, в царствование Александра 1. Таковы: Мих. Мих. Спиранский, воспитанник, затем учитель и префект Главной семинарии, впоследствии знаменитый деятель по преобразованию различных частей государственного устройства, также и духовно-учебных заведений; Ив. Сем. Державин, учитель красноречия, впоследствии оберсвященник армии и флотов, член св. Синода и Комиссии духовных училищ; Анастасий Братановский учитель поэзии, впоследствии член св. Синода и Императорской Российской академии, потом астраханский архиепископ; Феофилакт Русанов, воспитанник и потом учитель поэзии и риторики в Александроневской академии, впоследствии епископ Калужский, присутствовавший в св. Синоде и член Комитета об усовершенствовании духовных училищ, потом архиепископ Рязанский, наконец. экзарх Грузии; Анатолий Максимович, первый ректор С. -Петербургской семинарии (преобразованной); Ив. Ив. Мартынов, директор канцелярии Министерства народного просвещения, член. Главного Правления училищ и действительный член Российской академии, ученый литератор; Амвросий Орнатский, автор «Истории российской иерархии», епископ пензенский; Евграф Музалевский-Платонов, первый ректор С. -Петербургской Духовной академии (преобразованной); Евгений Болховитинов, бывший в старой академии учителем богословия, весьма ученый муж, впоследствии митрополит киевский и член Комиссии духовных училищ, и немало других³.

Таким образом старая духовная семинария в С. -Петербурге, или Александроневская, с 1725 г., когда усвоено ей название семинарии прошла несколько стадий развития: из низшей школы сделавшись среднею, она оставалась в соединении с низшей; затем в нее вводится и высший курс, с прибавкой к ее названию Главной; наконец она переименовывается в академию, но продолжает заключать в себе три курса: низший, средний и отчасти высший, как бы в соответствие теперешним – училищному, семинарскому и академическому. В начале 1809 года – это заведение, на основании новой, коренной и всеобщей реформы духовных училищ, распадается на три совершенно отдельных заведения, хотя они и помещались первоначально вместе, в Александроневской лавре: 1) Духовную Академию, 2) Духовную Семинарию, 3) Александроневское Духовное училище. Предмет настоящей книги составляет история второго из означенных заведений – С. -Петербургской духовной семинарии, с 1809 года по 1884-й.

В течение означенного 75-летия история С. -Петербургской духовной семинарии представляет три периода: 1) с открытия ее в 1809 г. по 1841-й, пока она помещалась в Александроневской лавре; 2) с 1841 по 1868 год, после того как она была переведена в новое, особое здание на Обводном Канале, где находится и доселе, и вместе с тем, – почти одновременно с переменами в высшем духовно-учебном управлении, – подверглась внутреннему преобразованию и обновлению; 3) с 1868 года по настоящее время, после того

как введен в ней новый устав духовных семинарий, – Высочайше утвержденный 14 мая 1867 года.

Период I – Духовно-учебная реформа 1808 г. и открытие С.-Петербургской Духовной Семинарии

Недостатки прежней духовной школы стали более или менее сознаваться, еще с половины прошлого столетия. Они состояли: в отсутствии общего высшего надзора над духовно-учебными заведениями и руководительного начала, в форме общего для них устава; в неимении учителей, неопределенности и смешанности курсов, в недостатке положительных знаний, исключительном господстве латыни, преобладании формализма и схоластики в обучении, без надлежащего приложения науки к жизненным потребностям и запросам, в особенности же в материальной необеспеченности⁴. Но выражения Екатерины Великой, к началу ее царствования, «архиерейские семинарии состояли в весьма малом числе учеников, в худом учреждении для наук и в скудном содержании». Выражая особенную заботливость о народном образовании вообще, которому желала придать характер общего – гуманного развития, вместо прежнего узкоспециального и практического, – Екатерина II высказала намерение воззвать к новой жизни и духовную школу. И вот, в ответ на это намерение, лучшие из тогдашних архиереев, каковы: московский митрополит Платон (Левшин, тверской архиепископ Гавриил (Петров), псковский преосвященный Иннокентий (Нечаев) – высказывали разные предположения и представляли проекты относительно нового устройства духовного образования, которым, однако же, не суждено было осуществиться. Но по крайней мере материальное положение духовных училищ улучшилось, так как признано было справедливым уделить на них оклад от доходов с церковных имений, поступивших в казну. При Павле I оклад этот увеличен до 180 000 руб., хотя в тоже время и содержание вообще стало гораздо дороже. Затем такого рода преобразовательные попытки как указанные выше (во введении), в устройстве Александроневской семинарии, при Екатерине II получившей значение Главной семинарии, а при Павле I обращенной в академию, были, хотя неполным и недостаточным, осуществлением стремлений правительства к усовершенствованию духовного образования. Существенная же реформа духовной школы совершилась только в царствование Императора Александра I.

Еще в первые годы этого царствования, по поручению правительства, составлены были проекты о преобразовании духовных училищ: могилевским архиепископом Анастасием Братановским, бывшим учителем семинарии, – и тогдашним петербургским викарием, Евгением Болховитиновым, бывшим префектом Александроневской академии. Последний училищный план одобрен Государем и св. Синодом; петербургский митрополит Амвросий посылал его и к другим преосвященным на рассмотрение, между прочим к московскому митрополиту Платону, но последний отнесся к нему скептически и не сочувственно. Проект Евгения имел весьма большое влияние на последующую реформу. В ноябре 1807 г. Высочайше учрежден особый Комитет для преобразования духовных училищ, под председательством митрополита новгородского и с.-петербургского Амвросия (Подобедова), святителя, всей душой преданного делу духовного образования. Членами его были: Феофилакт Русанов, епископ калужский, весьма просвещенный архиерей, впоследствии взявший на себя и должность профессора во вновь открытой с.-петербургской академии; оберсвещенник Иоанн Державин; духовник Государя, протопресвитер Сергей Краснопевков, (которого вскоре потом сменил протопресвитер И. Криницкий); обер-прокурор св. Синода, князь А. Н. Голицын, принявши близко к сердцу дело духовного просвещения; статс-секретарь М. М. Сперанский, великий государственный организатор, глубоко понимавший своим светлым умом и по опыту знавший все нужды духовной школы, на которые он же особенно и обратил внимание Государя. Делопроизводителем в Комитет был обер-секретарь св. Синода А. Данилов.

С одной стороны, благодаря уже составленным проектам реформы – Анастасия и особенно Евгения, с другой, благодаря особенной энергии своих членов, Комитет чрез полгода окончил возложенную на него задачу и в июне 1808 г. представил на утверждение Государя «Доклад о усовершенствовании духовных училищ и начертание правил о образовании сих училищ и содержании духовенства, при церквях служащего», напечатанные в 1809 г. от св. Синода, – «с

приложением именных Высочайших указов, по сему предмету последовавших». Главная деятельность по составлению этого доклада принадлежит гениальному Сперанскому. Доклад одобрен Государем и утвержден особым указом Святейшему Синоду от 26 июня 1808 года. Тогда же Император Александр выразил пред явившимся к нему с изъявлением благодарности митрополитом Амвросием, лестную для духовного звания надежду, что духовные заведения, «при распространении общенародного просвещения, всегда будут стараться идти, по прежнему, впереди».⁵

Поставляя назначение духовных училищ в приготовлении юношества к духовному служению, сообразно с которым должно быть устроено в них обучение и воспитание, Комитет признал, в силу этого, и необходимость для них особого управления, которое, исходя из одного средоточия при св. Синод, чрез окружные академии, должно, для соблюдения единства и связи, обнимать все роды духовных училищ. Училища же разделены на 4 разряда и поставлены в отношения взаимного соподчинения – низших высшим: 1) академии, для высшего духовного образования и управления учебными округами; 2) семинарии, с средним курсом, для приготовления воспитанников в академии и особенно на поприще церковного служения; 3) училища уездные для низшего образования, сообразно с возрастом и назначением учащихся и приготовления их к семинарии; 4) училища приходские – для распространения единообразного и методического учения в самых селах и деревнях, под одним общим надзором. Епархии разделены на 4 округа, каждый под ведением своей академии; в каждой епархии положено по одной семинарии (всего 36) и по несколько низших училищ (уездных до 10, приходских до 30). При этом проектированы и училищные штаты. С этою целию особенное внимание обращено на восстановление исключительного права продажи восковых свечей одними церквами, на основании забытого указа Петра Великого. Вся сумма на содержание духовно-учебных заведений исчислена в 1 669 450 руб., полагая в том же числе и 338 863 руб. опускавшихся на духовные училища из казны с 1807 г.

Составление уставов и приведение всех комитетских предположений в исполнение предоставлено особому учреждению при св. Синоде, заменившему собою Комитет, под названием «Комиссии духовных училищ». Члены ее остались те же, которые были в Комитете. К началу 1809 г. составлены были проекты уставов: академического, семинарского и училищ – уездного и приходского. Введение к уставам и первая часть академического устава принадлежат перу Сперанского, остальные части и уставы семинарский с училищным составлены преосв. Феофилактом Русановым. Утверждение уставов Государем последовало в 1814 г. когда они и отпечатаны, но по петербургскому округу они получили применение с 1809 г. По постановлению Комиссии духовных училищ, первоначально открыта с. -петербургская академия, 17 февраля 1809 г. Затем в собрании 23 февраля 1809 года, по предложению митрополита Амвросия, Комиссия имела рассуждение об устройстве петербургской семинарии и сделала по этому предмету журнальное определение от вышеозначенного числа, в статье 15-й. Постановлено: из тех учеников, которые были в 1 и 2 классах старой Александроневской академии сделать уездное училище, а из классов 3, 4, 5 и 6-го составить с-петербургскую александроневскую семинарию⁶. Затем назначены были начальствующие и учащие для новой семинарии. Митрополит Амвросий ректором во вновь открытую семинарию представлял архимандрита Сергиевой пустыни Порфирия Кириллова, бывшего учителя и префекта в Александроневской академии, но Комиссия вместо него определила ректором, также из бывших александроневских наставников, потом Спасосенновского священника Андрея Максимовича, в начале 1809 г. принявшего монашество, с именем Анатолия, и вскоре возведенного в сан архимандрита; ему одному усвоено и звание профессора (богословских наук). Инспектором назначен вызванный – собственно для академии – из святотроицкой семинарии учитель риторики, иеродиакон Филарет Дроздов, с званием академического бакалавра и с возведением вскоре в сан иеромонаха; ему же поручено и преподавание философии. Из наставников бывшей александроневской академии, допущенных к соисканию бакалаврского звания в новой академии, определены учителями семинарии: Дим. Малиновский, на класс высшей риторики и греческого языка; Дим. Воронов на низший греческий класс и новые языки, но от немецкого он вскоре отказался, «находя себя не в состоянии занимать этот класс»; Андр. Иванов – на историю и географию; вызванный из Харьковского коллегиума для академии, Яков Толмачев определен на класс низшей риторики

и математики; И. Александров, священник Охтинской церкви, на класс еврейского языка. В апреле, за отказом Воронова от немецкого языка, преподавателем на этот класс назначен из учителей бывшей академии, священник Знаменской церкви, Фил. Кораллов. Всем им определено именоваться учителями до усмотрения. Экономом Семинарии утвержден священник И. Успенский бывший прежде комиссаром в александроневской академии. Затем предписано ректору составить расписание учебных часов, а наставникам – конспекты предметов.

1-го марта 1809 г., в понедельник, на 4-й неделе великого поста, по получении означенного постановления Комиссии на имя митрополита Амвросия, открыта с-петербургская духовная семинария в зданиях Александроневской лавры, как особое, вполне сформированное, среднее духовно-учебное заведение, – первая и старейшая из всех епархиальных семинарий, преобразованных на основании реформы 1808 года, и служившая впоследствии отчасти образцом для устройства других епархиальных семинарий.

О времени открытия семинарии Комиссия духовных училищ делала особое представление Святейшему Синоду (от 10-го мая 1809 г. за № 94), следующего содержания; «Комиссия духовных училищ честь имеет во известие представить Святейшему Синоду, что в 1-й день марта месяца открыты при Александроневской лавре семинария и уездное училище, по новому плану, для них начертанному; что с оного дня началось обучение предметам, в плане для училищ сих назначенным, и Правление семинарское из ректора, инспектора и эконома, Комиссией составленное, восприяло свое действие; и что оба упомянутые училища снабжены надлежащими уставами. (Амвросий, митрополит новгородский, Феофилакт, архиепископ рязанский. Духовник, протопресвитер Пав. Криницкий, обер-священник И. Державин. Князь А. Голицын. М. Сперанский)». Святейший Синод слушал это представление 14 мая. Приказали: «сообщить Сенату для пропечатания в Сенатских ведомостях». Сообщено 4 июня.⁷

Впрочем ученье в новой семинарии началось собственно с 18 мая, именно, по получении из Комиссии нового семинарского устава⁸. Под этим же числом (18 мая) видим и первое заседание семинарского правления, но случаю получения устава; постановления этого заседания составляют первый журнал семинарского правления.

Вот содержание этого журнала, отмеченного под № 1: «сего 1809 г. мая 18 дня, вторник. Члены семинарского Правления в присутствии прибыли в нижеписанных часах: Семинарии ректор иеромонах Анатолий, Инспектор иеромонах Филарет, Эконом священник Петр Успенский. В 7 часов.

«В оном собрании; но случаю получения из Комиссии дух. уч. устава дух. семинарий и устава уездных училищ первых частей, по слушании оных, положило следующее: 1) списать копии с уставов для употребления, а подлинники отдать переплесть и хранить в Правлении, на стол членов. 2) Списав копии с статей, относящихся к должностям о. ректора, инспектора, эконома, также и учителей, разослать оные им для исполнения. 3) Расписание учебных в семинарии часов, сочиненное о. ректором иером. Анатолием, в силу копии с 15 статьи журнала Комиссии дух. уч. Февраля 23, 1809 г., с утверждением Его Высокопреосвященства, с сего дня привести в действие; также расписание учебных часов уездного училища, выписав из устава, привести в надлежащее действие. 4) Конспекты бакалавра и учителей, требуемые в силу копии с 15 ст. журн. Комм. д. уч. февраля 23, 1809 г., – по силе устава семинарий гл. 1-й о конспектах § 89-го, предоставить рассмотрению о. ректора иеромонаха Анатолия. Под статьями журнала находятся следующие подписи: «Ректор семинарии иеромонах Анатолий. Инспектор иеромонах Филарет. Письмоводитель А. Бутковский». Резолюция митрополита: «1809. мая 26 ч. Смотрено. Записав сдать в Правление».

Затем вторые части уставов (семинарского к училищного) высланы из Комиссии на основании ее журнала от 22 мая, в июне месяце. (См. журн. сем. Пр. № 6, 19 июня 1809 г. ст. 3.)

Высшее управление

Комиссия духовных училищ, приняв их в свое постоянное заведывание, сделалась первым центральным учреждением, придавшим духовному образованию общую, благоустроенную постановку. Она выработала для них общие уставы и издавала потом общеобязательные постановления по всем частям, инструкции и программы, а также и частные для того или другого заведения предписания, но сообразные с общим характером духовно-учебного устройства и жизненной практикой⁹; рассматривала и рекомендовала книги для духовно-учебных заведений. Духовное образование стало независимо, как прежде – от влияния случайных вкусов со стороны местной епархиальной власти. Комиссия представляла целое ученое общество при св. Синод, состоявшее из высших духовных сановников от 4-х до 7,¹⁰ вместе с синодальным обер-прокурором, который в первое время существования Комиссии был еще министром народного просвещения, а также и министром духовных дел¹¹; в первое же время в состав ее находился и государственный секретарь Сперанский, место которого, после его падения, сначала никем не было занято, но потом и кроме обер-прокурора был еще второй светский сановник в числе членов Комиссии, например, в 1830-х г. князь И. С. Мещерский, сенатор, бывший обер-прокурор св. Синода; в 20-х годах действительный статский советник Павел Галахов, помощник попечителя человеколюбивого Общества. По отношению к Комиссии, петербургская семинария находилась в несколько исключительном положении, прежде всего, как столичная и бывшая постоянно на виду у начальства; члены Комиссии обыкновенно присутствовали на публичных экзаменах в семинарии и получали те или другие личные впечатления о состоянии учебно-воспитательного дела, на основании которых, между прочим, могли высказывать после те или другие свои мнения по части семинарского устройства вообще. Сверх того, петербургский митрополит, бывший обыкновенно председателем Комиссии, – как епархиальный архиерей, по уставу¹² имевший под своим главным ведомством семинарское правление, а следовательно и все семинарское устройство, был в тоже время и как бы представителем семинарии пред Комиссией.

Влияние в Комиссии того или другого из ее членов, естественно, определялось его способностями, энергией, иногда и внешним положением. В первое время особый вес в Комиссии имел преосвященный Феофилакт Русанов; затем, по удалении Феофилакta из С. -Петербурга первоначально в Рязань, потом в Грузию экзархом, большое значение приобретает преосвященный Филарет Дроздов, бывший ректор Петербургской академии, впоследствии митрополит московский,¹³ пользовавшийся особенным расположением и покровительством митрополита Амвросия и синодального обер-прокурора и влиятельного министра духовных дел князя Голицына и, благодаря своему уму, опытности и познаниям, сумевший надолго удержать свое влияние в Комиссии и при митрополите Серафиме, хотя последний не имел позднее сочувствия к Филарету. Различные распоряжения и предписания Комиссии в 20-х годах и в начале 30-х составлялись под преимущественным влиянием преосвященного Филарета; между прочим ему поручено было от Комиссии в 1827 году, при соучастии еще двух членов: Филарета Амфитеатрова, архиепископа Рязанского (впоследствии киевского митрополита) и Григория Постникова, епископа Калужского, (впоследствии С. -петербургского митрополита), важное дело пересмотра всех духовно-училищных уставов с тем, чтобы представить потом свое мнение в Комиссию. Но с половины 30-х годов влияние Филарета ослабевает, особенно с того времени, как обер-прокурором Святейшего Синода стал граф Протасов, по мысли которого и самая Комиссия духовных училищ была упразднена в 1839 г. и ее заменило Духовно-учебное Управление, учреждение с иным характером; но о нем будет сказано ниже, так как деятельность этого учреждения относится главным образом ко второму периоду истории петербургской семинарии. Вместе с упразднением Комиссии духовных училищ, увеличилась власть и расширились полномочия обер-прокурора св. Синода, тогда как прежде он имел значение в духовно-учебном ведомстве только как член Комиссии и был для нее посредником при сношениях с другими ведомствами.

После Комиссии духовных училищ следующей по порядку инстанцией учебного управления для семинарии было Внешнее академическое правление, состоявшее из ректора академии, двух членов внутреннего академического правления и двух членов конференции.

(Проект уст. дух. ак. Ч. III. § 429.) Таким образом административное начало из центра учебного управления переносилось в управление окружное. Внешнее академическое правление, с одной стороны, было посредствующим звеном между Комиссией и семинарией, так что все предписания и узаконения Комиссии получались из академического правления; с другой стороны, ему принадлежал и ближайший надзор за ходом семинарского учебно-воспитательного дела и контроль над семинарским устройством по всем частям. В силу этого, в академию представлялись списки учеников, конспекты пройденных предметов, описи библиотеки, архива и имущества, экономические отчеты, планы зданий, послужные списки и т. п. Академическое правление так же назначало членов академической конференции для присутствия на семинарских экзаменах и для обозрения семинарии по всем частям, делало предписания по поводу тех или других замеченных отступлений от устава, распоряжалось делом назначения профессоров и избрания ректора и т. д. В этом отношении петербургская семинария опять находилась в исключительном положении. В течении первых 10 лет, по открытии, она занимала одно общее помещение с академией, а с 1819 г. оставалась в самом близком соседстве с нею, вследствие этого была под непосредственным наблюдением своего академического начальства, нередко пользовалась содействием и помощью по педагогии членов академической корпорации, наконец в некоторых случаях старалась брать академию себе образцом. Затем, ректоры семинарии обыкновенно были членами академической конференции, а некоторые в этом звании и членами внешнего академического правления; многие и из инспекторов были избираемы также в члены академической конференции. Это давало им возможность иметь свое влияние в академии, которое так или иначе могло отражаться на положении и направлении семинарских дел. Ректоры же и инспекторы академии, с своей стороны, постоянно присутствовали на семинарских экзаменах и часто бывали ревизорами в семинарии, как это увидим ниже.

Епархиальная власть, имевшая до реформы почти исключительное и безраздельное значение в деле управления местной семинарией, по новому уставу 1809–14 г., получила в отношении к семинарии иное, но приличное ей место. За архиереями признаны были все права главных попечителей находящихся в их епархиях духовно-учебных заведений, которые и поставлены под собственное личное их ведомство, с устранением от участия в училищных делах консисторий, чрез которые прежде архиереи управляли и этими делами. Но и внутренняя администрация семинарии, по отношению к епархиальной власти, получила известную степень самостоятельности. Семинарскому правлению предоставлено право обсуждать предложения архиерея, причем, в случае разногласия, дело должно было представляться чрез академическое правление на разрешение Комиссии духовных училищ. (Проект уст. дух, сем. Ч. 1 §§ 8, 9.) При этом, как увидим ниже, мнения архиерейские не всегда получали утверждение высшей власти, несмотря на то даже, что петербургский митрополит был в то же время и первоприсутствующим в Синоде и председателем в Комиссии духовных училищ.

Предоставление семинарскому правлению известной степени самостоятельности, особенно же полномочия, какие получило академическое правление, как бы в ущерб прежней безраздельной власти архиереев над семинариями, не могли не быть, особенно в первое время, поводом к некоторым неудовольствиям и столкновениям¹⁴. Даже и позднее выходили недоразумения в этом пункте, так что некоторые из архиереев затруднялись своими отношениями к семинарскому правлению и выражали как бы готовность сложить с себя принадлежащее им право начальствования над ним. Так, в выписке из журнала Комиссии дух. училищ от 31 марта 1830 г., сообщенной академ. правлением семинарскому, значится: «Комиссия духовных училищ усмотрев, что некоторые преосвященные епархиальные архиереи затрудняются в управлении семинариями, полагая, якобы 4 пунктом устава оных предоставлено семинарским правлениям право распоряжения свои приводить в действие и без утверждения архиерейского, положила в отвращение сего затруднения изъяснить всем преосвященным, 1) что помянутого права семинарским правлениям отнюдь не предоставлено, кроме случаев маловажных и 2) предоставление – решения свои приводить в исполнение тогда, когда по записке, представленной преосвященному, в течение недели не последует предложения в отмену, имеет то значение, что решение семинарского правления, которого епархиальный архиерей не отменит в течение недели, принимается за такое, на которое он

согласен, а отнюдь сим не ограничивается власть архиерея и не дается семинарскому правлению права действовать без его утверждения».

Из трех петербургских митрополитов рассматриваемого периода, на долю первого, Высокопр. Амвросия Подобедова, выпало весьма важное дело открытия и устройства семинарии на основаниях новой реформы; второй – Михаил Десницкий, известный своими проповедями и духовно-нравственными сочинениями, управлял Петербургскою митрополией только три года (с 1818 по 1821 г.) Преемник его Серафим Глаголевский (1821–1843 г.), хотя не обладал ученостью и высокодаровитостию своих предшественников, но в частности к семинарским делам выказывал особое внимание и заботливость.¹⁵ Кроме самого митрополита, к семинарским делам, согласно с уставом (§ 5), имели то или другое отношение его викарии, которые, или в отсутствие митрополита, или по его поручению, рассматривали семинарские дела, полагали свои резолюции и давали те или другие советы и указания; тем более, что некоторые из них в тоже время были ректорами академии, наприм. епископы ревельские: Филарет Дроздов, Григорий Постников, Смарагд Крыжановский. Иногда викарию поручалось наблюдение за известною частию семинарского устройства, напр. Никанор Клементьевский в 1830–31 г. должен был иметь особый надзор за нравственною частию в семинарии. Впрочем, подобное наблюдение, как и вообще отношение епархиальной власти к петербургской семинарии, ограничивалось собственно официальною и бумажною стороною дела, или посещениями заведения только во время публичного экзамена. Обычай запросто посещать семинарию во всякое время, существовавший особенно в дореформенную эпоху и поддерживавшийся некоторыми архипастырями и после¹⁶, в Петербурге, по-видимому, не практиковался.

Должностные лица

С учреждения семинарии, определены в ней следующие должностные лица: ректор, инспектор, эконом, профессора и вообще преподаватели, секретарь правления, библиотекарь, врач, впоследствии и помощник инспектора. Представляем список всех этих должностных лиц в хронологическом порядке, с 1809 по 1841 год.

а) Ректоры

Ректоры, обыкновенно по назначению Комиссии духовных училищ, все были в монашеском сане, магистры или доктора богословия, архимандриты, но большей части настоятели какого-либо монастыря.¹⁷ Ректор обязан был преподавать богословие. С должностью ректора семинарии соединялись обыкновенно должности: члена академической конференции, духовно-цензурного комитета, присутствующего в консистории и благочинного над законоучителями светских учебных заведений¹⁸.

1) Анатолий (Андрей) Максимович, из малороссиян, (воспитанник александроневской семинарии), был сначала учителем поэзии и греческого языка в старой семинарии, в 1798 г. произведен во священника к Успенской Спасосенновской церкви, где приобрел известность как проповедник катехизатор. В 1809 г. вступил в монашество и определен Комиссией дух. учил, ректором вновь открытой петербургской семинарии; архимандрит Сергиевой пустыни; в июле 1809 г., с открытием академической конференции, избран ее членом; правил семинарией до 1812 г., когда назначен епископом полтавским. В 1816 г. – архиепископ минский и литовский, в 1832 г. – симбирский, а в 1842 г. за старостию уволен на покой.

2) Мефодий Пишнячевский, (из воспитанников киевской академии и московского университета), бывший префект и профессор киевской академии, потом инспектор и профессор философии с. -петербургской семинарии, с 15 февраля 1810 г. и ректор Александроневского училища; архимандрита Сергиевой пустыни; правил семинарией с 15 марта 1812 г. по сентябрь 1813 г., когда назначен викарием старорусским. Впоследствии – епископ полтавский и переяславский, потом астраханский (1824 г.), наконец псковский; в 1834 г. уволен на покой.

3) Иннокентий Смирнов, (московской Перервинской семинарии). По окончании курса наук в Троице-Лаврской московской семинарии, проходил учительские должности, начиная с нижнего грамматического класса до философии, обучая который сделан был префектом той же семинарии. В 1809 г. вступил в монашество и был игуменом московского Знаменского монастыря. В 1812 г., по представлению Комиссии дух. учил, вызван Св. Синодом в с. -петербургскую духовную академию бакалавром богословских наук по части церковной истории. В 1813 г., в сан архимандрита, сделан ректором с. -петербургской семинарии, с оставлением в должности академического бакалавра, – до 1814 года, когда получил степень доктора богословия; был архимандритом Сергиевой пустыни, а потом первоклассного Юрьевского монастыря. Кроме других должностей, соединенных с ректорством, назначен был членом Главного правления народных училищ, также членом комиссии по вопросу о суде над духовными лицами в Финляндии (1816 г.), вместе с Филаретом Дроздовым. В 1814 г. был членом комитета, составленного для испытаний студентов академии пред окончанием 1-го ее учебного курса; в 1817 г. ревизовал армейскую семинарию. Автор известной книги: «Начертание церковной истории, в 2-х томах, (изд. 1817 г., также «Богословия деятельного», «Опыта изъяснения первых двух псалмов», «Изъяснения символа веры» и др. В 1819 г. Высочайше утвержден епископом пензенским и саратовским и в том же году скончался, захворав на пути в епархию, на 36 году от рождения¹⁹.

4) Поликарп (Петр) Гойтанников (тверской семинарии), магистр 1-го курса с. -петербургской академии (1814 г.). По окончании курса, назначен профессором философии и инспектором с. -петербургской семинарии, затем и ректором александроневского училища и пострижен в монашество; в 1815 г. посвящен в иеромонаха, а в 1817 г. произведен в архимандрита второклассного Лужецкого Можайского монастыря; 4-го марта 1819 г. сделан ректором с. -петербургской семинарии. Член Императорской Российской Академии (1821 г.) и доктор богословия (1822 г.). В ноябре 1824 г. назначен ректором московской духовной академии и получил в управление Новоспасский монастырь, где, по выходе из академии в 1836 г., и скончался в следующем 1837 году.²⁰ Автор сочинений: *Chrestomatia latina* М. 1827; Беседы и слова; переводы с греческого, – и оставшейся в рукописи: *Theologia dogmatica*.

5) Иоанн (Михаил) Доброзраков (нижег. сем.), магистр Спб. академии 2-го курса (1817 г.), из профессоров черниговской семинарии вызван бакалавром в Спб. академии в 1819 г., по кафедре церковного красноречия, и в том же году принял монашество. С 1821 г. инспектор спб.

академии, а в ноябре 1824 г. определен ректором семинарии. В 1825 г. издал «Свящ. герменевтику» на латинском языке, за которую получил доктора богословия. В январе 1826 г. назначен ректором спб. духовной академии, а в августе 1830 г. утвержден епископом пензенским. Впоследствии архиепископ донской и новочеркасский. В 1867 г. уволен на покой.

6) Антоний (Стефан) Домкинский (Новгород, сем.) магистр спб. академии (1817 г.); из профессоров новгор. семинарии; пострижен в монашество в 1819 г. и определен инспектором той же семинарии. В 1821 г. переведен в арханг. семинарию ректором, а в февр. 1826 г., в сан архимандрита, определен ректором спб. семинарии. В сент. 1827 г. переведен на ректорскую же должность в псковскую семинарию, одновременно с удалением инспектора Саввы, за некоторые неисправности, особенно по экономической части. Затем был настоятелем во второклассном Спасо-Елиазаровском монастыре (псков. епарх.), где и умер в 1828 г. от апоплексии.

7) Нафанаил Павловский (арханг. сем.), магистр и бакалавр Спб. академии (1817 г.), с 1819 г. инспектор академии, в 1821 г. определен ректором ярославской семинарии, откуда, в сан архимандрита, переведен в петербургскую, в сентябре 1827 года. В 1830 г. назначен епископом полтавским и переяславским. Скончался псковским архиепископом в 1849 г.

8) Макарий Зимин (рязан. сем.), магистр московской академии (1824 г.), был инспектором калужской сем., потом профессором богословия в тверской сем., с оставлением звания инспектора; затем ректором ярославской сем., откуда в 1830 г. переведен в ректоры Спб. семинарии, оставаясь архимандритом Ростовского Авраамиева монастыря. С 1832 г. член акад. правления. В 1837 г. уволен от членства в цензурном комитете, согласно его желанию. Автор обширного и дельного труда – записок по догматическому богословию, впоследствии отлитографированных его учениками. В 1838 г. переведен ректором тверской семинарии и сделан настоятелем Троицкого Калязинского монастыря, в котором оставался и по увольнении от ректорства. Здесь, подпав под уголовное следствие, был временно запрещен в священнослужении и переведен в Желтиков монастырь, близ Твери, в число братии, затем по уголовному делу был оправдан. Умер в 70-х годах²¹.

9) Афанасий Соколов (костром, сем.), магистр Спб. академии (1825 г.) по выслуге двух лет, из бакалавров спб. академии – инспектор псковской семинарии, в 1828 г. ректор харьковского коллегиума, с 1830 г. ректор Чернигов. сем., в 1832 г. ректор тверской сем. и архимандрит Троицкого Калязинского монастыря. Находился в 1838 г. в С.-Петербург, на чреде священнослужения и определен ректором с. пет. семинарии (в марте). Кроме богословия преподавал в 1838–39 г. историческое учение об отцах церкви. Был членом комитета по постройке новых семинарских зданий и принимал участие в духовно-учебной реформе 1840 года. В июне 1841 г. утвержден епископом томским и енисейским, но, по определению Св. Синода, до прибытия нового ректора, должен был оставаться при прежних должностях и «обратить преимущественное внимание свое на приведение к окончанию отчетности по постройке здешнего. семинарского здания». В 1853 г. переведен архиепископом в Иркуте, а в 1856 г. в Казань; умер в 1868 г. в Кизическом монастыре (под Казанью), на покое.

б) Инспекторы

Инспекторы С. -Петербургской семинарии состояли обыкновенно до 1840 г. и ректорами, Александроневского духовного училища, помещавшегося вместе с семинарией; преподавали разные предметы, большею частию философию; были со степенью магистра и кандидата, состояли в сане архимандрита или иеромонаха, иногда даже иеродиакона. Временно допускались к исправлению инспекторской должности и лица светского звания из профессоров, которые или после принимали монашество, или должны были уступить инспекторскую должность назначенному на нее монаху. Между тем в уставе 1814 г. вовсе не сказано, чтобы инспектор имел даже духовный сан. Некоторые из инспекторов избирались в члены академической конференции.

1) Филарет Дроздов (моск. -троицкой сем.), определен Комиссией дух. училищ из учителей троицкой семинарии на должность инспектора спб. семинарию и профессора философских наук, с званием академического бакалавра, с 1 марта 1809 г., а с 8 августа и ректором Александроневского училища. 15 февраля 1810 г. перемещен в спб. академию бакалавром, согласно желанию ректора академии архимандрита Евграфа²². 8 июля 1811 года произведен в архимандрита и получил от Комиссии дух. училищ поручение дать окончившим курс воспитанникам с. -петербургской семинарии наставление в должности служителей церкви и руководствовать их в чтении Св. Писания и св. отец. В 1812 г. определен ректором академии, в 1814 г. наименован доктором богословия. Впоследствии – знаменитый митрополит московский и коломенский, – великий русский богослов и мудрый наставник многих других наставников и руководителей – иерархов и не-иерархов в нашем отечестве, имевший огромное значение и по духовно-учебному ведомству вообще и в частности для петербургской семинарии, в первые годы, в качестве ректора академии и особенно члена Комиссии дух. учил, и Св. Синода. Скончался в Москве в 1867 г.

2) Мефодий Пишнячевский (см. выше, в числе ректоров).

3) Феофан (Федор) Александров (троицкой сем.), из учителей Александроневского училища (между прочим, партесного пения) и армейской семинарии, помощник библиотекаря спб. академии, не раз рекомендованный за «отличную успеваемость» в должностях. С апреля 1812 г., по избранию семинарского правления, исправлял должность инспектора семинарии в светском звании. В августе пострижен в монахи²³ и занял все должности своего предшественника, получив потом сан архимандрита, с настоятельством сначала в Новгородском Сковородском монастыре, потом в Ростовском Борисоглебском. В 1814 г. переведен ректором ярослав. сем.,²⁴ затем был ректором новооткрытой казанской семинарии и казанской академии, профессором богословия в казан. университет: составил «записки по части догматической богословии». Приобрел также известность, как любитель музыки и церковный композитор. В 1832 г. переведен был настоятелем Донского Московского монастыря и, по избранию митрополита Филарета, назначен членом комитета для устройства церковного пения и по этому предмету не сходил в мнениях с директором придворной капеллы Львовым. В 1850 г. перемещен сначала в Нежинский Назарет-Богородичный, потом в Тверской Колязин монастырь, где и скончался в 1852 г.²⁵ Издал 2 тома проповедей.

4) Поликарп Гойтанников (см. выше, в числе ректоров)

5) Зосима Смирягин (смолен, сем.), магистр спб. акад. (1817 г.), из профессоров рязан. сем., бакалавр спб. акад. С 4 марта 1819 г. инспектор спб. сем. в сане иеромонаха; член акад. конференции; в том же году переведен ректором в псковскую семинарию, где и умер в 1821 г.

6) Андрей (Иван) Соколов (твер. сем.), старший кандидата спб. академии (1819 г.), с 9 августа 1819 г. определен еще в светском звании профессором церк. ист. и греческого языка и инспектором спб. семинарии. Вскоре пострижен и сделан иеродиаконом. В 1820 г. сделан иеромонахом, и возведен Комиссией дух. училищ на степень магистра «за отличное прохождение училищных должностей»; в 1821 г. переведен в воронежскую семинарию ректором. Отсюда в 1825 г. перемещен ректором вятской сем., после произведенных им построек по ворон. семинарии, без разрешения Комиссии дух. училищ, на остаточные суммы. Умер в 1827 г.

7) Феодосий (Федор) Птицын (спб. сем.), магистр спб. академии (1821 г.), по окончании курса, назначен инспектором на место Андрея и профессором на те же предметы, после того как заявил о намерении принять монашество; преподавал временно всеобщую историю с марта 1822 г. Будучи ректором Александроневского училища, временно (с 1 ноября 1822 г.) исправлял там и инспекторскую должность. В сентябре 1823 г. переведен инспектором в псковскую сем., но в 1825 г. перемещен, в звании соборного иеромонаха, в Александроневскую лавру, сначала в число братства лаврской киновии, потом сделан правителем дел канцелярии лавры. Умер в 1851 г.

8) Иннокентий (Иван) Борисов (орлов, сем.), I-й магистр 1-го курса киев. академии (1823 г.), еще светским назначен на должность инспектора спб. семинарии, «поелику оный магистр действительно вступает в духовное звание», как сказано в предписании о нем академического правления; был профессором церк. истории и греческого языка. В декабре того же 1823 года принял монашество, а в декабре 1824 г. перемещен в спб. академию бакалавром по богословию и в следующем году сделан инспектором академии. Впоследствии – доктор богословия (1828 г.); ректор киев. дух. акад. (1830 г.); епископ вологодский, харьковский и наконец архиепископ херсонский и таврический; знаменитый проповедник; многосторонне образованный: и ученый богослов; умер в 1857 г.

9) Савва (Семен) Ольхин (новгор. сем.), кандидата спб. акад. (1823 г.), преподавал сначала уроки по классу словесности, а также чтения Св. Писания – для всех учеников семинарии; приняв монашество, в июле 1824 г., назначен помощником главного профессора греческого языка, инспектора Иннокентия, а в декабре того же года, в сан соборного иеромонаха, занял его место по инспекторству и был профессором церк. истории и греч. языка. С 1825 преподавал философию и изъяснение Св. Писания. В 1820 г. исправлял должность ректора и в том же году получил степень магистра, по экзамену и по написании сочинений на две темы. В 1827 г. отправлен инспектором владимирской семинарии, но в следующем году, во исполнение предписания Комиссии дух. училищ, согласно прошению, но расстроенному здоровью, уволен от должности, с оставлением ему магистерского оклада и назначением местопребывания в монастыре, в котором числился в штате иеромонахов.

10) Исидор Никольский (тульской сем.), магистр спб. акад. по выслуге двух лет (1825 г.); в том же году принял монашество; бакалавр прав. богословия, библиографический и изъяснения Св. Писания нов. завета; до приезда нового инспектора, в течение месяца октября (1827 г.), исправлял должность инспектора спб. сем. и ректора Александроневского училища в сане иеромонаха, в 1829 г. определен ректором орловской сем., а в 1833 г. московской. Впоследствии – экзарх Грузии, потом митрополит киевский, а ныне митрополит новгородский и с-петербургский, старейший из русских иерархов и доселе, в течение сряду 24 лет, имеющий высшее архипастырское попечение о спб. семинарии.

11) Владимир (Василий) Алявдин (владим. сем.), магистр моск. акад. 1818 г., инспектор пензенской сем., и ректор пензен. дух. училища. Здесь он пользовался особенным расположением преосв. Иннокентия Смирнова, который скончался на его руках. После его смерти, издал его сочинения в первый раз и написал его биографию, приложенную к I т. сочинений преосв. Иннокентия. Издал впоследствии свое «Собрание поучительных слов и благоговейных размышлений». В конце 1820 г. перемещен, по собственному желанию, во владимир. семинарию также на должность инспектора. В 1827 г. принял монашество. После бывшей во владимир. сем. ревизии, получил признательность от Комиссии дух. училищ и переведен в октябре 1827 г. в С. -Петербург, на должность инспектора семинарии. В 1829 г. избран членом акад. конференции и затем, в сан архимандрита, определен ректором калужской семинарии. В январе 1835 г. рукоположен во епископа чигиринского, викария киевского; потом был епископом костромским и скончался архиепископом тобольским в 1845 г.

12) Иеремия Соловьев, студент спб. акад. (1827 г.), с правом на получение чрез год степени кандидата; с 1829 г. бакалавр академии по классу богословских наук; до приезда вновь назначенного инспектора сем. Николая, исправлял его должность. С 1830 г. инспектор, потом ректор киевской академии, а впоследствии архиепископ нижегородский; уволен в 1857 г. на покой в Нижегород. Печер. монастырь.

13) Николай Доброхотов (орлов, сем.), магистр киев. акад. (1827 г.), соборный иеромонах Киево-Печерской лавры, из профессоров словесности могилев. сем., назначен в октябре 1829

г. инспектором в спб. сем.; член акад. конференции. В 1832 г. назначен ректором пензен. сем., а в 1837 г. ректором петерб. академии. Впоследствии епископ тамбовский; уволен в 1857 г. и скончался в 1864 г. в Трегуляевом монастыре.

14) Антоний Павлинский (костром, сем.), магистр спб. акад. 1831 г. В мае 1832 г. переведен из инспекторов калуж. сем. в петербургскую. С 1837 г. – член комитета по постройке новых семинарских зданий. С 1838 г. кроме философии преподавал церк. древности. В октябре 1840 г. переведен в ректора Новгород. сем. В 1852 г. епископ острогожский, викарий воронежский, с 1854 г. епископ архангельский, скончался архиеписк. владимирским в 1878 г.

15) Иоасаф Гапонов (курской сем.), из учителей путивльского училища, вдовым священником поступил в киевскую академию, откуда, по окончании курса магистром, в 1837 г. назначен был, в сан иеромонаха, инспектором астрахан. сем., и затем перемещен в спб. в октябре 1840 г., преподавал церк. древности и обрядословие, изъяснение Св. Писания во всех отделениях и церк. библ. историю (в сред. отд.). В сент. 1841 г. переведен в одесскую сем., также на инспекторскую должность. В 1844 г., по определению Св. Синода, переведен в твер. сем., с поручением ему одного из богословских предметов, по усмотрению правления, и преподавал Св. Писание и патристику; но в следующем году, также по определению Св. Синода, за несогласное с монашескими обетами житие и произнесение проповеди не согласно с исправлением цензора, послан во владимирскую епархию и помещен преосв. Парфением в число братства в Суздальский Спасский монастырь, где некоторое время даже запрещен был в священнослужении. Но в 1854 г. согласно желанию, а также и «для удобнейшего исполнения поручений начальства», переведен в Боголюбов монастырь, близ Владимира; в 1857 г. издал сочинения о владимирских и суздальских достопамятностях; умер в 1861 г.

В) Эконо́мы

Должность эконо́ма семинарии, в соединении с алекса́дроневским училищем, имела особенно важное значение потому, что эконо́м был членом семинарского правления, вместе с ректором и инспектором, но утверждение в должности эконо́ма принадлежало только епархиальному архиерею. В эконо́мы избирались иногда люди с весьма ограниченным образованием из лиц монашествующих; впрочем, эконо́мы были и из священников, профессоров семинарии, учителей училища. Митрополит Серафим предпочитал назначать и на эту должность монахов, несмотря на то, что они не всегда отличались исправности, как это будет видно ниже.

1) Петр Успенский (Алекс. -нев. акад.), Ревельской Николаевской двухкомплектной церкви священник; при введении нового устава в 1809 г. назначен эконо́мом семинарии, из комиссаров алекса́дроневской-академии (1807 г.), заведывал потом и экономией духовной академии до 17 февраля. 1870 г., когда был перемещен, по прошению, к Преображенской церкви, при Императорском фарфоровом заводе и уволен из эконо́мов. Впоследствии протоиерей церкви театральной дирекции.

2) Петр Турчанинов, из дворян, учился сначала в Киеве, потом в харьковской гимназии и был в числе полковых певчих, под управлением известного Веделя. Затем из «приказнослужителей» поступил во священники города Севска, орловской епархии, по предложению орловского епископа Досифея Ильина, в хоре которого был регентом, также как потом и в семинарском. В 1809 г. перешел в Гатчинский военный госпиталь, отсюда 28 февраля 1810 г. переведен эконо́мом семинарии, с предоставлением ему священнического места в Ревеле, а в мае назначен регентом митрополичьего хора. В 1814 г. получил сан протоиерея и переведен из Ревеля в Кексгольм, к Рождественскому собору, на жалованье 225 р. без дохода, с оставлением в прежних должностях. В июле 1818 г. перешел к церкви Ап. Павла, при Императорской (Мариинской) больнице для бедных и уволен, по расстроенному здоровью, из эконо́мов семинарии, согласно прошению. Впоследствии – учитель пения придворной певческой капеллы и затем придворный, протоиерей в Стрельне. Умер в 1856 г. Известен, как знаменитый композитор духовно-музыкальных сочинений и переложений с древних церк. напевов.

3) Мисаил (Алекс. -невск. акад.), из приходских дьяконов – иеродиакон Алекса́дроневской лавры; определен эконо́мом в июле 1818 г. «с оставлением по-прежнему в числе братства лавры». В июне 1823 г. уволен за неисправности и уехал в Италию иеромонахом, в домовую церковь Демидова.

4) Михаил Николаев (спб. сем.), учитель Алекс. -невск. училища; состоял эконо́мом с половины 1823 г. до июля 1824 г.; потом сделан инспектором ябургского дух. училища и вскоре умер (1828 г.)

5) Симеон (москов. гимназии); из московского Данилова монастыря перешел в Алекс. -невск. лавру. В 1825 г. сделан иеромонахом, а в мае 1826 г. уволен из эконо́мов семинарии, с начетом.

6) Михаил Панов (тамб. сем.), кандидат спб. акад. 1825 г., учитель Алекс.-невск. училища; временно исправлял должность эконо́ма с июня 1826 г. Митрополит Серафим не утвердил представления семинарского правления об определении его в эконо́мы, назначив только временно исправлять должность и рекомендуя правлению избрать на должность эконо́ма какого-либо иеромонаха, или иеродиакона. Умер в мае 1828 г.

7) Вениамин, иеродиакон Алекса́дроневской лавры, где состоял подэконо́мом, потом иеромонах; вышел из семинарии по болезни в мае 1829 г.

8) Геннадий (Порохов), иеромонах Валаамского монастыря, (из канцелярских чиновников моголев. губ.) В апреле 1830 г. назначен настоятелем Богословского Черемного монастыря и вышел из эконо́мов семинарии.

9) Андрей (Алиенов) Михайлов (С. -петерб. Семинарии, стипендиат митрополита Михаила), старший кандидат петерб. академии 1827 года; в 1831 г. получил степень магистра; из учителей Аляксандро-невскаго училища, определен в октябре 1829 г. в семинарию профессором математики и еврейского языка, а с мая 1830 г. вступил и в должность эконо́ма.

В 1838 г. отказался от этой должности, по расстроенному здоровью; оставил также и еврейский язык, но с 1841 г. снова преподавал его. (См. о нем во 2-м периоде.)

10) Александр Петров (С. петерб. семинарии 1833 г.), учитель Александро-невского училища, исправлял должность семинарского Комиссара, а в сентябре 1838 г. определен правящим должностью эконома и оставался в этой должности до конца 1841 г., когда, с отделением Александроневского училища от семинарии, переведенной в новое здание, остался экономом в училище. (См. о нем в гл. Отношение семинарии к училищам.)

г) Профессоры, учителя и лекторы

Звание профессора семинарии получали лица, имеющие степень магистра духовной академии; учителями назывались не имеющие этой степени. Впрочем, до 1814 г. звание профессора давалось и без степени магистра, за ученые занятия, напр. Феофану Александрову, Толмачеву в 1811 г. и др. На должность лектора по какому-нибудь предмету иногда назначались временно, до занятия штатной кафедры, лица с академическими степенями, с умеренным вознаграждением, относительно чего было даже особое разрешение в 1833 г. Вообще, в 30-х годах являлись охотники из окончивших курс в академии занимать в петербургской семинарии хотя лекторские места, и правление выражало желание определять их. Впрочем, в 1835 г. (от 18 июня) было предписание не назначать лекторов на главные предметы. Большею же частью должность лектора, по греческому языку в низшем отделении, иногда же по классу словесности, возлагалась на учеников семинарии высшего отделения. Таковые лекторы будут указаны в своем месте.

Нередко профессорскую должность в петербургской семинарии отправляли академические профессора – временно, за отсутствием или неприбытием штатного преподавателя, или же в качестве самостоятельных наставников. Без сомнения, это служило к возвышению семинарии в учебном отношении. Случаев же занятия при семинарии должностей педагогических профессорами академии в рассматриваемый период было до 10, не считая перемещений из академии в семинарию и обратно.

С открытием семинарии, всех наставников, вместе с ректором и инспектором, было 8 человек, как видно из вышеприведенного определения Комиссии дух. учил., от 23 февраля 1809 г. С течением времени, число преподавателей увеличилось, с постепенным расширением семинарской программы. Ректор обыкновенно преподавал богословские науки, инспекторы преподавали философию, иногда церковную историю, или изъяснение св. Писания, а также церковно-библейскую историю, как это показано выше, в списке инспекторов. Перечисление остальных учащихся, в хронологическом порядке, по времени их поступления в семинарию, с краткими сведениями о них, представляется ниже.

1. Димитрий Малиновский (тверской семинарии), Александроневской акад. кандидат богословия (1804); в 1805–1808 г. был учителем низших классов академии; в новую семинарию назначен учителем высшей риторики и греческого языка в высшем классе. По выходе, в сентябре, во священники к Сергиевскому артиллерийскому собору, отказался от преподавания греческого языка, а потом, по недостатку времени, и высшей риторики, и в начале 1810 г. уволен из семинарии. Впоследствии принимал деятельное участие в трудах Российского Библейского общества, при котором состоял директором. Автор известного соч. «Историческое рассуждение о чинах греко-российской церкви». Умер 1826 г.

2. Димитрий Воронов, из тверской семинарии был вызван в число воспитанников Александроневской акад.; с ноября 1808 г. преподавал греческий язык в академии и определен в семинарию на низший греческий класс. Но, выдержав экзамен по греческому языку у греческого профессора академии Скинаса, переведен на высший греческий класс; назначен был преподавать также и новые языки, но от немецкого отказался. С октября 1809 г. секретарь семинар. правления. В 1813 г. за рачительную службу возведен в звание полного профессора; в конце этого года преподавал еще словесность в высшем класс. В 1814 г. перешел на гражданскую службу. За переводы на русский язык сочинений Шатобриана, Мармонтеля, Томаса, Фридриха Великого, был принят в члены С. -Петербургского Вольного общества любителей российской словесности и в сотрудники «Беседы любителей русского слова».

3. Андрей Иванов, из воспитанников Александроневской академии, кандидат богословия (1806 г.), с 1804 г. был учителем в низших классах академии и потом инспектором, с 13 ноября 1806 г. преподавал общую историю и географию; с 1807 г. общую и российскую историю и латинский синтаксис. По определению Комиссии дух. учил., назначен учителем истории и географии в новой семинарии, а в ноябре 1810 г. сделался секретарем семинар. правления; в 1813 г. возведен в звание профессора. В августе 1814 г. вышел из семинарии с чином VIII кл. в гражданскую службу и был после начальником отделения в Департаменте государственных имуществ.

4. Яков Толмачев – учился в Харьковском коллегиуме и Киевской академии, затем из учителей Харьковского коллегиума вызван Комиссией дух. учил, в С. -Петербург и определен учителем петербургской семинарии по классу низшей риторики и математики, потом возведен и в звание профессора; состоял в тоже время секретарем академической конференции. В 1814 г., по прошению, уволен из семинарии. Впоследствии – профессор словесности в С. -Петербургском университете.

5. Петр Александров, священник на Большеохтенском кладбище, преподавал еврейский язык (1809–1814 г.). Уволен, вместе с другими, в августе 1814 г, когда было предложено заместить учительские должности в семинарии воспитанниками, окончившими 1-й курс С. -Петербургской духовной академии. В последствии поступил в число братии Коневского монастыря.

6. Филипп Кораллов, священник Входеоерусалимской Знаменской церкви, с 13 сент. 1806 г. преподавал, без жалованья, немецкий язык в высшем класс Ал. невоской академии и, за отказом Воронова, приглашен был для преподавания немецкого языка в новой семинарии; преподавал потом и греч. язык в низш. отд. с начала 1810 г. Уволен в 1814 г.

7. Леонид Зарецкий, (калужской семинарии), иеромонах потом архимандрит; бакалавр спб. академии по классу словесных наук. В семинарии назначен, по желанию сем. правления, профессором эстетики (1810–1813 г.). Комиссия дух. училищ поручила ему составить учебник по его предмету, для духовных академий и семинарий, но дело это не состоялось по причине преждевременной смерти его, 23 ноября 1813 г.

8. Иван Щелкунов (из Ал. Нев. акад.), старший кандидат 1-го курса спб. дух. академии, с правом на магистерство чрез 1 год училищной службы. В августе 1814 г. определен на церковную и библейскую историю и греч. язык. В 1816 г. занял должность библиотекаря семинарии. В 1816 г. вышел во священники к Пантелеймоновской церкви; впоследствии протоиерей Знаменской церкви. † 1855 г.

9. Иван Смирнов (из воспит. Ал. невоской акад.), кандидат I курса с-петерб. дух. академии, в авг. 1814 г. назначен исправляющим должность профессора словесных наук и немецкого языка, потом получил звание полного профессора. В 1817 г. занял должность секретаря сем. правления; в 1818 г. вследствие заявления о многотрудности своих занятий, получил себе в помощники лектора, из учеников высш. отделения. В 1819 г. вышел из семинарии на должность приходского священника к морскому Богоявленскому собору. Впоследствии протоиерей в Смольном монастыре. † 1834 г.

10. Василий Полянский (из воспит. Ал. невоской акад.), в 1810 г. принят в спбург. дух. академию; кандидат 1-го курса. В августе 1814 г. назначен исправляющим должность профессора, а в 1817 г. и полным профессором исторических наук и французск. яз. и оставался в семинарии до 1819 г., когда вышел во священники к Андреевскому собору. Впоследствии законоучитель в институте женского патриотического общества и протоиерей церкви Покрова, в Коломне.

11. Петр Веселовский (владим. сем.), магистр 1-го курса спб. акад. в авг. 1814 г. назначен профессором математики, физики и еврейского яз. В 1816 г. согласно желанию, пострижен в монашество²⁶, под именем Неофита, и назначен в 1817 г., в сан архимандрита, инспектором и профессором богословия и математики в минскую семинарию. В 1819 г. от духовно-училищной службы уволен²⁷, оставаясь архимандритом Грозовского Иоанно-Богословского монастыря.

12) Стефан Райковский (нижегород. сем.), кандидат 1-го курса и бакалавр математики в спб. акад. с авг. 1814 т., впоследствии ординарный профессор; с авг. 1817 г. состоял профессором математики и еврейского яз. в семинарии, до 1819 г. Автор учебника по геометрии. † 1855 г.

13. Иродион Ветринский (ярославск. сем.), магистр 1-го курса, бакалавр и впоследствии ординарный профессор – спб. акад. и секретарь академического правления; издал на латинском языке свои лекции по философии. С августа 1819 г. преподавал философию в семинарии до 1825 г., в 1822 г. временно преподавал французский язык. Впоследствии (1834 г.) был директором могилевской гимназии.

14. Иван Наумов (спб. сем.), магистр спб. акад. (1819 г.); с сент. 1819 г. определен профессором математики и еврейского языка и библиотекарем. В 1824 г. поступил во

священники к церкви Екатерининского института, где был и законоучителем, и в 1825 г. вышел из семинарии. Впоследствии протоиерей церкви Зимнего дворца. † 1875 г.

15) Иван Раменский (новг. сем.), магистр спб. акад. (1817 г.), перемещен из профессоров новг. сем. на класс словесности и немец. языка, в окт. 1819 г. Вышел во священники к Свято-Духовской церкви, на Большой Охте, и оставил семинарии, в авг. 1823 г.; в 1826 г. переведен в Сергиевский собор. † 1849 г.

16. Александр Рождественский (спб. сем.), из учителей Ал. неевского училища, магистр спб. акад. 1817 г. и бакалавр; перемещен в семинарию в авг. 1819 г. на класс гражданской истории и франц. языка. В янв. 1820 г. определен священником тюремной церкви, впоследствии протоиерей Троицкого собора, на петербургской стороне. † 1874 г.

17. Михаил Малеин (из воспит. Троице-Сергиевской сем.), старший кандидат 1-го курса спб. акад. с правом на магистерство чрез 1 год училищной службы; из инспекторов псковской сем., переведен в 1821 г. в с-пет. на гражд. историю и франц. яз. В 1822 г. вышел во священники к церкви св. великомуч. Екатерины, в Екатерингофе. Умер протоиереем Владимирской церкви, в 1864 г.

18. Алексей Нарбеков (Владимирск. сем.), магистр моск. акад. (1822 г.); с сентября 1822 г. назначен профессором всеобщей истории и франц. языка. С начала 1824 г. – секретарь семинар. правления. В 1826 г. вышел во священники к Владимирской церкви, † 1831 г.

19. Ксенофонт Делекторский (владимир. сем.), магистр спб. акад. 1823 г., в августе этого года определен в семинарии на словесность (по 1-му отделению), но в октябре перемещен в спб. академию на греч. яз., а в следующем году на словесность; в 1828 г. рукоположен во священника к церкви Министерства иностр. дел и уволен из академии. † 1842 г.

20. Семен Каменский (спб. сем.), кандидат спб. акад. (1823 г.), определен учителем и инспектором в Ал. неевское училище, с возложением на него «обязанности надзирать и над учениками семинарии, помогать инспектору оной по нравственному управлению». С октября того же года – лектор греч. яз. в семинарии. В мае 1824 г. вышел во священники к церкви Воскресения, в Смольном монастыре.

21. Феофор Амелицкий (спб. сем.), магистр спб. акад. 1823 г.; с октября того же года – профессор словесности по 1-му отд. и немец. языка. В 1830 г. вышел в светское звание с чином VIII кл., как выслуживший более 6 лет, положенных для магистра (IX класса). В начале 1832 г. перешел из семинарии в гражданскую службу, по Минист. внутренних дел.

22. Николай Полиевктов (псков. сем.), кандидат спб. акад. 1823 г. Из профессоров псковской сем., по прошению, перемещен на 2-й класс словесности и на греч. языке в низш. отд. в начале 1825 г.; в августе занял должность библиотекаря; принял священство и в сентябре 1827 г. уволен из семинарии; был законоучителем Пажеского корпуса. Впоследствии – протоиерей Христорождественской церкви, на Песках. † 1862 г.

23. Козьма Успенский (новгор. сем.), магистр спб. акад. 1821 г.; из Владимирской семин., перемещен на церк. историю и греч. яз. в сент. 1825 г. В 1826 г. поступил в секретари сем. правления, а в сент. 1828 г. оставил эту должность. В 1830 г. вышел во священники к церкви Института корпуса путей сообщения, откуда удален в 1832 г., потом отправлен в Валаамский монастырь на 3 года и затем получил место священника в селе царскосел. уезда. † 1841 г.

24. Иван Ивановский (спб. сем.), старший кандидат спб. акад. 1825 г. По окончании курса, определен на математику и евр. язык; в 1827 г. получил степень магистра и поступил в библиотекари семинарии. Рукоположен во священника к церкви Горного кадетского корпуса и в 1829 г. вышел из семинарии. † 1831 г.

25. Николай Турчанинов (спб. сем.), старший кандидат спб. акад. 1825 г.; в апр. 1826 г. назначен на кафедру гражд. истории и франц. яз. С 1829 г. библиотекарь. В 1829. получил от государя Императора бриллиантовый перстень за поднесенное сочинение: «О соборах, бывших в России». По причине вдовства, уволившись в светское звание, в 1833 г. поступил в 1-ю гимназию учителем истории и статистики, потом вскоре перемещен в 3-ю²⁸. В январе 1834 г. вышел из семинарии в смотрители Александринского Сиротского дома, оставаясь и учителем гимназии. Впоследствии – тайный советник.

26. Иван Чупровский (спб. сем.), магистр и бакалавр спб. акад. 1827 г.; до приезда инспектора Владимира, в течении месяца, исправляя должность профессора философии. В 1829 г. из академии перемещен в псковскую семинарию профессором математики, † 1850 г.

27. Иван Мелиоранский (тул. сем.), магистр моск. акад. 1824 г. В окт. 1827 г. переведен из псковской сем. на словесность; с сент. 1828 г. – секретарь правления; в то же время преподавал еще греч. язык, но, затрудняясь совмещать два предмета с секретарством, просил в помощь лектора. В 1832 г. вышел во священника к Екатерининской церкви, на Васил. остров. Умер в 1869 г.

28) Григорий Окулов (из воспит. Алекс. невоской акад.); губернский секретарь, из чиновников спб. Палаты гражданского суда, по определению Комиссии дух. учил., назначен с октября 1828 г. учителем финского языка, в знании которого представил свидетельство от Коллегии иностранных дел. С апр. 1829 г., по поручению Комм. дух. учил., стал заниматься корректуру издаваемых на финском языке книг (катехизис, св. история, молитвы), потом и сам переводил; в 1833 г., с разрешения, начальства, ездил в Финляндию, особенно в Гельсингфорсский университет, для лучшего ознакомления с финской филологией; издал финскую азбуку, а в 1836 г. и финскую грамматику. В 1837 г. признан правлением сем. неблагонадежным «по болезненным припадкам и неисправности по классу» и уволен от службы.

29. Андрей Михайлов (см. выше, в списке экономов и ниже во 2-м периоде.)

30. Феодор Сионский (твер. сем.), магистр спб. акад. (1829 г.) и потом бакалавр философии (1830–33 г.), до приезда инспектора, иеромонаха Николая, в конце 1829 г., преподавал в семинарии философию. Впоследствии – протоиерей (не штатный) Казанского собора; известный профессор философии и потом богословия в спб. университете; автор «Введения в науку философии» (1833 г.), удостоенного от Академии Наук полной Демидовской премии; советом спб. университета был избран почетным доктором философии. † 1873 г. ²⁹

31) Иван Массальский (яросл. сем.), старший кандидата и потом магистр спб. акад. 1825 г.; из рязанской сем. перешел в сент. 1828 г. инспектором и учителем Ал. -невского училища, а отсюда в августе 1830 г. определен в семинарию профессором церк. истории и греч. языка; секретарь с 1831 г.; в августе того же года перемещен, по прошению, на кафедру словесности 1-го отделения; в 1832 г. отказался от секретарства, а с июля 1834 г. сделался библиотекарем. В апр. 1835 г. умер от горячки.

32. Николай Ладинский (псков. сем.), старший кандидат спб. акад. 1827 г.; в окт. 1831 г. переведен из псковской сем. профессором церк. истории и греч. языка. В августе 1832 г. вышел во священники церкви Института корпуса путей сообщения; впоследствии переведен ко Владимирской церкви, † 1848 г.

33. Павел Тяжелов (твер. сем.), магистр спб. акад. 1831 г. Не получив, за неимением вакансий, никакого назначения от академии, в ноябре 1831 г., по прошению, определен лектором по классу словесности и греч. яз., а потом немец. яз.; в декабре сделан был и помощником инспектора; в начале 1832 г. занял кафедру словесности и затем должность секретаря. Вышел с казенной квартиры, в марте 1834 г., уволился от должности помощника инспектора и секретаря правления, но занял должность библиотекаря; в июне того же года рукоположен во священника Спасо-Сенновской церкви и в сентябре вышел из семинарии. † 1857 г.

34. Алексей Никольский (новг. сем.), магистр спб. акад. 1829 г.; из профессоров рязан. семинарии, где был и помощником инспектора, по представлению митроп. Серафима, в 1832 г. определен профессором церк. истор. и греч. языка. В начале 1834 г. вышел во священники к Сергиевскому всей артиллерии собору и вскоре умер (1836 г.)

35. Григорий Смирягин (смолен. сем.), кандидат спб. акад. 1833 г.; по окончании курса, определен лектором по словесности (2-го отд.) и греческ. языку, за неимением учительских вакансий; в июне 1834 г., за болезнью проф. Жемчужина, преподавал гражд. историю и франц. язык; в сент. 1834 г. занял штатную кафедру словесности и нем. яз., но тогда же перешел с немец. класса на французский. В 1835 г., по смерти Масальского, исправлял должность учителя слов. по 1-му отдел. В 1837 г. уволился от преподавания франц. языка. В 1838 г. вышел во священники к Введению, на петерб. сторон. † 1883 г.

36. Иван Жемчужин (псков. сем.) старший кандидат, потом, чрез 1 год, магистр спб. акад. (1831 г.). В январе 1834 г., по прошению, перемещен Комиссией дух. учил. из профессоров псковской сем. в с. -петербургскую на кафедру гражд. истории и франц. языка. В сент. 1834 г.

переведен, по прошению, с франц. на немец. язык. С апреля 1835 г. был библиотекарем. В 1836 г. 9 дек. умер от чахотки.

37. Петр Боголюбов (новг. сем.), магистр спб. акад. 1833 г.; оставлен, по окончании курса, при академии на случай надобности и исправлял должность бакалавра философии. В январе 1834 г. занял место профессора церк. истории и греч. языка в семинарии и потом должность помощника инспектора. С марта того же года секретарь; преподавал также изъяснение св. Писания. В 1836 г. отказался от должности секретаря, по слабости зрения, и помощника инспектора; с 1837 г. преподавал франц. язык; в 1841 г. кроме церк. и библ. истории, преподавал церковные древности, временно гражд. историю, за болезнью проф. Семеновского, потом также и каноническое право. О нем см. ниже, пер. 2-й.

38. Сергей Галахов (твер. сем.), магистр спб. акад. 1833 г.; по окончании курса, не получил назначения, но потом поступил учителем Ал. -невского училища; в 1834 г., согласно желанию, определен в семинарию лектором, по кл. словесности. В октябре 1835 г. сделан сверхштатным профессором греч. языка, в низш. отд. и св. Писания. С 1836 г. сделан библиотекарем и временным преподавателем нем. языка, который преподавал и после. В окт. 1839 г. определен на кафедру Богословско-исторического учения о св. отцах церкви, состоя в то же время, с 1837 г. и преподавателем греч. языка в высш. отд.; в 1840 г. временно преподавал философию. Рукоположен во священника к церкви Императ. Воспитательного дома, где сделан законоучителем, и в конце 1841 г. вышел из семинарии. Впоследствии протоиерей Скорбященской церкви, (на Воскрес. проспекте). † 1876 г.

39. Иван Крылов (костром. сем.), магистр спб. акад. 1835 г.; назначен, по окончании курса, профессором словесности по 1-му отд. В начале 1836 г. ему временно поручено было преподавание граждан. истории; в 1841 г. преподавал и еврейский яз. В окт. 1836 г. сделан секретарем и помощником инспектора, но в начале 1840 г. отказался от этой должности, по выходе с казенной квартиры. В 1837 г. исправлял должность ректора Ал. -невского учил. и инспектора семинарии; в сентябре 1841 г. определен и библиотекарем, но в том же году рукоположен во священника и уволился сначала от преподавания евр. яз. и от библиотекарства, потом в дек. 1841 г. вышел из семинарии к морскому Никол. Богоявленскому собору. В 1870 г. отчислен за штат, по болезни.

40. Константин Боголюбов (новг. сем.), магистр спб. акад. 1835 г.; из профессоров тверской сем. назначен Комиссией дух. уч. в спб. на граждан. историю и нем. яз., в 1836 г. В 1838 г. перешел на кафедру словесности, но в августе этого же года переведен бакалавром отечественной истории в спб. дух. академию; в 1842 г. вышел во священники. Ныне протоиерей церкви при Министерстве иностранных дел.

41. Димитрий Успенский (олонец. сем.), кандидат спб. акад. 1837 г.; по окончании курса, определен учителем финского яз. (на основании свидетельства из Министерства иностранных дел) и греческого – в низш. отд. Оставался в семинарии после 1841 г. (см. о нем ниже, пер. 2-й).

42. Иван Семеновский (рязан. сем.), магистр спб. акад. 1837 г.; перемещен из ряз. сем. в июле 1838 г. в спб., на граждан. историю и нем. яз. В 1841 г., согласно прошению, по болезненному состоянию, уволен в светское звание и затем поступил в Департамент министерства юстиции. Впоследствии был губернским прокурором в разных городах. † 1871 г.

43. Иван Рождественский (Владимир. сем.), магистр спб. акад. 1837 г.; перемещен в авг. 1838 г. из профессоров рязан. сем. в спб., на словесность. В 1839 г. временно, (за болезнью Семеновского), преподавал граждан. историю и в июле этого года вышел из семинарии ко вновь устроенной при Дворянском полку церкви. Впоследствии – известный протоиерей церкви Малого дворца и член св. Синода, † 1882 г.

44. Иван Полотебнов (ряз. сем.), магистр спб. акад. 1839 г.; в октябре этого года назначен на кафедру словесности и помощником инспектора, с 8 февр. 1840 г. С сент. того же года – секретарь правления и преподаватель нем. языка, а в октябре исправлял должность инспектора. В сент. 1842 г. вышел во священника к церкви Медико-хирургической академии, где состоял законоучителем до 1847 г.

45. Петр Зыков (твер. сем.), из учителей краснохолмского училища, старший кандидат спб. акад. 1839 г.; определен на кафедру библейской истории и чтения св. Писания, во всех трех

отделениях; затем и церковных древностей. В окт. 1840 г. переведен на класс философии, а в 1841 г. на гражд. ист. и греч. яз. (см. ниже, пер. 2-й).

Определение на профессорские должности зависело, по уставу³⁰, от семин. правления, с утверждением архиерея, в том случае, если ищущие этих должностей поступали со стороны, а не прямо из академических воспитанников. Иногда сама Комиссия дух. учил. переводила наставников. Назначение академических воспитанников в семинарию зависело обыкновенно от академ. правления, которое большею частью соотнобалось с желаниями самих студентов и принимало во внимание место их родины. В силу этого, многие из преподавателей петербургской семинарии принадлежали и к петербургской епархии: на 45 – 50 преподавателей, если считать с поступившими потом в инспекторы, в рассматриваемый период, до 15 принадлежат спб. епархии и большею частью назначены академией прямо по окончании курса. Остальные же большею частью перемещены уже со службы или по прошению, или по распоряжению Комиссии дух. учил., или по назначению академии. Некоторые, даже со степенью магистра, поступали учителями в Александро-невское училище, чтобы перейти потом в семинарию, напр. Массальский, Галахов. Иногда представление сем. правления не утверждалось митрополитом, и он представлял своих кандидатов. Так 1832 г. правление представляло на должность профессора церк. истории и греч. языка Гавриила Розова, из воспит. спб. семинарии, старшего кандидата спб. академии, инспектора Ал. неевского училища, но митр. Серафим представил своих кандидатов – из костром. сем. И. Копосова и из рязанской Алексея Никольского: последний и был определен Комиссией дух. учил. в 1828 г. В 1826 г. сем. правление не знало, кому из двух кандидатов отдать предпочтение, А. Горянскому, 2-го разряда, который уже был на службе в училище, или еще не служившему Н. Турчанинову, имевшему 1-й разряд. Митрополит утвердил последнего. В 1827 г. Горянский снова представлен на словесность, но не утвержден. Иногда Комиссия дух. уч. не утверждала представлений ни семинарии и митрополита, ни академии, ни принимала в уважение прошения самих кандидатов, а определяла по собственному усмотрению. Так в 1834 г. магистр Сергей Галахов представлен был семинарией и митрополитом на класс гражд. истории и франц. яз., но Комиссия определила на эту должность профессора псков. сем. Жемчужина, по его прошению. В 1836 г. Комиссия дух. уч. определила на класс гражд. истор. и нем. языка профессора твер. сем., магистра Константина Боголюбова, хотя семинария, с утверждения митр. Серафима, представляла на эту должность учителя Ал. -неевского училища, кандидата Александра Камчатова. В 1834 г. магистры Галахов (учитель ал. -невск. уч.) и Павел Солярский (ямб. уч.) просились на словесность, но Комиссия дух. уч. отказала и определила кандидата Смирягина, бывшего в семинарии лектором. В 1835 г. правление представляло о желании И. Боголюбова перейти на словесность, но назначен Крылов. Иногда и академия не утверждала кандидатов, представляемых семинарией. Напр. представленный семинарским правлением в 1837 г. учитель Ал. -неевского училища Александр Петров на класс финского языка, как знающий этот язык и бывший родом из Финляндии, не был утвержден академией, а назначен на эту должность кандидат Дим. Успенский. – По назначении того или другого лица на учительскую должность, сем. правление обыкновенно составляло определение: «ректору ввести (такого-то) в класс по надлежащему.»

Профессора семинарии состояли обыкновенно в духовном звании и смотрели на семинарскую службу, как на переходную; большею частью чрез несколько времени они выходили во священники, причем места предлагались часто консисторией. В более древнюю пору места даже зачислялись за некоторыми из семинарских наставников, напр. за А. Ивановым зачислен был приход в Гдовском уезде, с доходом 75 р. (1811 г.) Магистры, вышедшие во священники, получали, по представлению сем. правления, от академии установленный крест.³¹ На семинарской службе священники, если и оставались иногда, то на непродолжительное время; хотя для поощрения к духовно-училищной службе, по указу св. Синода от 15 июня 1814 г., постановлено было: «лета службы училищной считать в старшинстве преимущественно пред летами службы епархиальной.» В виду того, что петербургская семинария всегда находилась на краю города, петербургский же священник, если имел свободное время, то всегда мог найти для себя занятия более выгодные и удобные, – в виду этого и видим столь частую смену преподавателей в здешней семинарии, служившую конечно, к невыгоде в педагогическом отношении. – Наставники, принимавшие монашеский

сан, быстро возвышались и опережали своих старших, и часто более способных, сослуживцев, делаясь инспекторами и ректорами, но лица, получавшие эти последние должности не всегда были счастливы: иногда неисправность по службе, особенно же не благоприличие поведения, по крайней мере внешнее, нередко неумение только скрывать себя и нетактичность в отношениях, преграждали им путь к высшей иерархической степени, как это можно видеть из выше представленного списка должностных лиц.

Выходить в светское звание можно было не ранее, как чрез 4 года службы, и то не совсем свободно. Еще в 1811 г., и после, Комиссия дух. уч. предписывала, чтобы состоящие на духовно-училищной службе, помимо своего непосредственного начальства, отнюдь не подавали прошений в гражданское ведомство. Начальство же, разве вдовство только считало законною причиной к увольнению в светское звание, как это было напр. с проф. Турчаниновым, или же слабость здоровья – для духовного сана: в последнем случае требовалось медицинское свидетельство о болезни, какое и представил напр. Аменицкий в 1830 г. (о болезни груди), или Семеновский в 1841 г. (припадки головокружения и ревматизм). При этом выходящие в светское звание не только лишались права на получение классного (магистерского или кандидатского) оклада, но должны были возратить всю сумму таковых окладов, полученную раньше, хотя принято было обыкновенно зачислять ее в награду, о чем будет сказано в своем месте.

Даже брать жен семинарским наставникам рекомендовалось – из духовного звания. В 1827 г. проф. Аменицкий подал прошение о дозволении ему вступить в брак с светскою девицею. Митроп. Серафим написал на его прошении: «если сем. правление согласно, то мы благословляем профессору сему вступить в законный брак. Впрочем, предполагая, что он поступит в духовное звание, советуем ему лучше вступить в брак с честною духовного звания девицею, нежели светскою. В 1834 г. было предписание об отклонении лиц, находящихся на духовно-училищной службе и состоящих в духовном звании, от вступления в браки, препятствующие принятию духовного сана (со вдовами). «Если же, по каким-либо уважительным причинам, таковой брак будет совершен, то вступившему в оный немедленно прекратить выдачу классного оклада... дабы преимущество сие, Всемилостивейше дарованное служителям алтаря, или готовящимся к сему служению, не было напрасно расточаемо на людей, нарушивших данное начальству обязательство.» (От 12 июня 1834 г.)

Но в виду того, что некоторые из наставников состояли в светском звании и были полезны для заведения, начальство находило справедливым не оставлять без внимания вопроса об их правах и преимуществах по службе. В 1814 г. сем. правление постановило: представить Его Высокопреосвященству об исходатайствовании профессорам (Воронову, Иванову и Толмачеву) за их долговременную и усердную службу награждения чинами VIII класса, на том основании, чтобы не токмо настоящие профессеры получили должное воздаяние, но и впредь всем имеющим заступить их места была надежда к получению поощрений соразмерных их трудам и заслугам, какое бы они ни избрали звание, по окончании учебных занятий при семинарии; и дабы настоящие профессеры прослужив столько времени не унизили самого достоинства профессоров семинарских, поступая в светское звание, где награждаются сим чином учителя гимназии без экзамена, без сомнения на том основании, что имеют аттестаты студентов. Профессеры здешней семинарии уже не мало приготовили таковых студентов, которые, по уложению начертания правил, равняются студентам университетским. Посему они, не подвергаясь никакому испытанию, уже имеют право преимущества пред теми студентами, коих образовали на чин VIII класса.» Митрополит утвердил это постановление. Затем в 1817 г. св. Синод ходатайствовал пред Императором о даровании «приличествующих служебных прав и преимуществ лицам, находящимся на духовно-училищной службе.» Наконец в 1820 г. 9 сент. был Высочайше утвержден особый доклад Комиссии дух. уч. по этому вопросу. В нем между прочим значится:

§ 7. Магистр, определенный в училищную службу при семинарии, именуется профессором, и по самой степени магистра состоя в IX классе, получает следующий чин VIII класса, по выслуге 6 лет с одобрением.

§ 9. Учители (т. е. не имеющие степени магистра) из кандидатов состоят в IX кл., а из студентов в X, но утверждаются в оных классах не прежде, как выслужив 4 года с одобрением (ср. § 2 о бакалаврах).

§ 10. Таковые учителя, продолжая службу в сем звании, а иногда по особенным уважениям получая и звание профессоров, имеют 2 года старшинства в классах, и производятся в дальнейшие чины на общих правилах гражд. службы.

Об учителях прежнего образования (не имеющих акад. степеней) было особое ходатайство пред Императором «о повелении представить таковых учителей к чинам XII кл. за выслугу 4-х лет при семинариях», а дальнейшее получение чинов оставить на общих правилах гражд. службы.

По случаю состоявшегося в 17 день февр. 1834 г. положения о гражданских мундирах, Комиссия дух. уч. постановила: наставникам, имеющим гражданские чины предоставить право ношения мундиров, а тем, которые не вышли из духовного звания «дозволить для соблюдения единообразия в одежде употреблять присвоенные вообще синод. ведомству мундирные фракы с бархатными воротниками.» (Предп. акад. прав. от 2 февр. 1835 г.)

По указу св. Синода от 31 дек. 1839 г. на наставников семинарии светских распространены преимущества, предоставленные учителям военного ведомства и народного просвещения. Состоя, в большинстве, в духовном звании и находясь в распоряжении епархиальной власти, профессора семинарии обязаны были произносить проповеди в назначенные им по расписанию ректора академии праздничные дни, в определенных церквях. Неисправные в этом отношении подвергались взысканию, или должны были оправдываться. В 1840 г. проф. Крылов не представил проповеди на день мытаря и фарисея на рецензию ректору академии Николаю и не произносил ее в назначенный день, в Александроневской лавре. На запрос, сделанный ему по этому поводу, объяснил, что писать не мог по причине головной боли и представил свидетельство от доктора в том, что страдает геморроидальными приливами крови. Такое же дело возникало и относительно проф. И. Боголюбова, который ссылаясь на боль в глазах, вследствие простуды. – Вместе с тем, и наблюдение вообще за поведением профессоров и учителей было бдительное. Ежегодно об их говении и исповеди представлялось донесение инспектора правлению, вместе с таким же донесением об учениках. Только к концу рассматриваемого периода это, по-видимому, вышло из обычая. Посторонние жалобы на преподавателей рассматривались в правлении, и по ним постановлялись те или другие решения. Об учителе О. (1835 г.) дважды было сообщение из каретной части: первый раз, что он был вытасчен из Обводного канала, второй раз, что он был взят в часть в нетрезвом виде и буйствовал: частный пристав просил правление семинарии принять свои меры. Учитель объяснял эти случаи припадками головокружения, но правление решило сделать чрез ректора внушение учителю и обстоятельно записать это в журнал «для соображения и суждения о поведении и достоинстве службы его в потребных случаях.» Митрополит Серафим отметил в формулярном списке учителя: «поведения порядочного, но по болезненным припадкам не всегда исправен и не совсем надежен,» 1836 г. В 1835 г. правление тонко отклонило награду учителю за издание им финской грамматики, а в 1837 г. представило о его неблагонадежности и постановило уволить его из семинарии. В 1841 г. на учителя Д. У. были жалобы посторонних лиц за неплатеж долгов: правление постановило производить вычет из его жалованья. Высшее начальство, с своей стороны, имело также попечение о нравственности служащих. Так в 1826 г., вследствие предписания синод. обер-прокурора, князя Мещерского, от всех служащих в семинарии взяты подписки, что они ни к каким тайным обществам не принадлежали и впредь принадлежать не будут, а если кто принадлежал, то должен объявить, какое общество, какая цель его, название и т. д. Впрочем, это было, по приказанию импер. Николая 1-го, по всем ведомствам. В 1830 г. от всех наставников требовалась подпись под выпиской дух. консистории из указа Синода о запрещении соч. Ветринского: «Памятники древней христ. церкви», как заключающего в себе мысли, не благоприятствующие православию. Подобную же подписку требовали в 1825 г. относительно книг мистического содержания, изданных без рассмотрения св. Синода. (См. ниже, в гл. Библиотека.)

Преподавание в других учебных заведениях семинарским профессорам не воспрещалось. Высочайшее повеление 1815 г. о том, чтобы не определять чиновников на две, или на три должности, в 1817 г. было отменено по отношению к учителям и профессорам, которым дозволено преподавание в разных местах. Но семинарские профессора преподавали большей частью частным образом, хотя не без ведома правления, у которого они для таких случаев

испрашивали свои послужные списки, напр. Турчанинов, Масальский, Смирягин (в Коммерч. Учил.), И. Боголюбов, бывший преподавателем в Екатерининском институте; иногда давал при этом письменное обязательство об аккуратности по службе, при совмещении посторонних обязанностей, как напр. Турчанинов, при поступлении учителем гимназии. (1833 г.)

Членами правления профессоры и учителя не состояли; только, за отсутствием того или другого члена, кто-нибудь из них назначался для присутствования в правлении, по избранию ректора. В 1830 г., по выбытии ректора Нафанаила, его должность исправлял инспектор Николай, а членом правления на место Николая был сделан проф. Н. Турчанинов. В 1839 г., при разборе жалобы протоиерея Романовского на инспектора Антония (см. в главе – Отношение сем. к училищам), вместо него членом правления был назначен проф. С. Галахов, также, как и в начале 1838 г. по назначении ректора Макария в Тверь; Полотебнов в 1840 г. назначался членом, за выходом инсп. Антония. Но, по уставу (§ 33), могли быть и другие случаи. При производстве же каких-либо следствий, или полицейских дознаний, относительно лиц прикосновенных к семинарии, депутаты обыкновенно назначались из профессоров. В 1836 г. проф. Крылов был депутатом при допросе в Каретной части двух воров, задержанных в семинарии письмоводителем и вахтером. В 1839 г. учит. Успенский был депутатом по делу ученика Несвицкого, Андрей Михайлов (1834 г.) – по делу привлеченного к суду воспитанника М. Лакомцева. (См. гл. Воспитание.)

Педагогическая и ученая деятельность наставников и их материальное положение будут рассмотрены в своем месте.

д) Помощники инспектора

Должность помощника инспектора по штатам не полагалась, и до 1830 г. (см. в гл. Воспитание) не была постоянной, хотя в 1828 г. было уже предписание назначать помощников инспектора «из профессоров или учителей, особенно заслуживающих доверие начальства.» Большею частию должность эту исправляли семинарские же наставники, или инспекторы Ал. неевского училища.

В первый раз на эту должность определен в августе 1814 г. ³²

1) Михаил Логановский, инспектор училища и библиотекарь семинарии (см. ниже, в списке библиотекарей).

Затем 2) Сем. Каменский инспектор Ал. неевского училища, приглашен был помогать инспектору семинарии «по нравственному управлению» (см. в списке профессоров.)

3) Филипп Кудрявцев – секретарь сем. правления (см. в списке секретарей).

4) Александр Горянский (спб. сем.), кандидата спб. акад. 1825 г.; инспектор Ал. неевского училища; по определению сем. правления 1827 г. получил прибавку к инспекторскому жалованью с тем, чтобы помогал инспектору семинарии в надзор за учениками. По выбытии проф. Полиевктова, преподавал словесность около двух месяцев, в 1827 г. – В 1828 г. вышел во священники к церкви Обуховской больницы, где и умер, в сане протоиерея, в 1854 г.

5) Григорий Добротворский (Владимир. сем.), кандидат спб. акад. 1827 г., инспектор Ал. -неевского училища, с сент. 1830 г. сделан помощником инспектора семинарии. В 1831 г. поступил во священники Петропавловского собора.

Затем следуют помощники инспектора из профессоров:

6) Пав. Тяжелов,

7) Петр Боголюбов,

8) Ив. Крылов,

9) Ив. Полотебнов.

е) Библиотекари

Должность библиотекаря семинарской библиотеки обыкновенно исправлялась, также, как и большею частию помощника инспектора, кем-либо из семин. наставников. Исключение составляют два первых библиотекаря.

1) Михаил Гронский, из воспит. Алекс. невской академии 1799 г., учитель училища и надзиратель при семинарии, затем библиотекарь семинарии, до половины 1814 г., когда вышел во священники к Благовещению, на Васил. остров.

2) Михаил Логановский (спб. сем.), учитель и инспектор Ал. невского училища, состоял библиотекарем с 1814 г. до 1816 г., когда поступил во священника к церкви академии художеств. Затем занимали должность библиотекаря профессора: Щелкунов, Наумов, Полиевктов, Ивановский, Турчанинов, Тяжелов, Масальский, Жемчужин, Галахов, Крылов.

и) Секретари правления и письмоводители

Большинство секретарей было также из профессоров, за немногими исключениями. В 1818 г. было предписано назначать секретарей из обучающихся в семинарии или училищ, но избегать посторонних чиновников, чтобы не лишать пособия обучающихся, а также и потому, что поступающие со стороны из канцелярий, напр. консисторской и др. «по приобретенному ими навыку, могут умножить приказные формы, обременительные для училищного управления.»

1) Дим. Воронов с окт. 1809 г. До этого времени, вместо секретаря, на журналах подписывался письмоводитель Антон Бутковский, ученик высш. отделения семинарии.

2) Андрей Иванов (см. выше в списке профессоров.)

3) Исидор Шатунов (вятской сем.), коллежский регистратор, был письмоводителем в дух. академии и с 1 сент. 1814 г. определен секретарем семинарии; состоял в должности до 1817 г., когда вышел во священники.

4) Ив. Смирнов 1817–1819 (см. выше).

5) Павел Виноградов (из воспит. ал. невской академии), учитель ал. невского училища, секретарь – с 17 мая 1819 г. до 1822 г., когда вышел во священники к церкви св. Троицк. на Александровской мануфактуре.

6) Филипп Кудрявцев (спб. сем.), с 1818 г. учитель ал. невского училища и инспектор, определен секретарем сем. правления в марте 1822 г.; был также в семинарии и помощником инспектора (1820–22 г.) В янв. 1824 г. вышел в гражданскую службу. Впоследствии был в должности обер-контролера в счетной экспедиции Комиссии дух. уч. и потом чиновником в канцелярии синодального обер-прокурора.

Затем на секретарской должности состояли профессора: А. Нарбеков, Е. Успенский, Мелиоранский, Масальский, Тяжелов, И. Боголюбов, Крылов, Полотебнов.

Письмоводителей по штату (1836 г.) полагалось трое: два для канцелярии правления и один при экономе, но иногда, в 30-х годах, письмоводителей было и четверо, а в первые годы – двое и даже один. Большею частью они избирались из учеников семинарии среднего или высш. отд. и утверждались в должности преосв. митрополитом: о таких письмоводителях будет сказано ниже. Но иногда письмоводителями были и сторонние лица, или окончившее курс семинарии и состоявшие на учительских должностях в училище. Из числа последних были например:

1) Василий Никольский (спб. сем.), учитель ал. невского училища и старший письмоводитель сем. правления, исправлял дважды должность секретаря, в отсутствие настоящего секретаря правления, в 1833 и 1834 г. Вышел во свящ. к церкви св. апост. Павла, на Александровской мануфактуре.

2) Порфирий Строкин (спб. сем.), учитель ал. невского училища и письмоводитель при экономе семинарии; вышел в 1833 г. во священники в Кронштадт, где и доселе состоит на службе, в сане протоиерея.

3) Платон Янусов – сделался письмоводителем, бывши учеником средн. отд. семинарии (1833 г.) и по окончании курса оставался в этой должности два года; уволен, по прошению, с послужным списком и наградой за содействие своими трудами временному ревизионному комитету.

з) Врачи

1) Христофор Книпер, синодский штаб-лекарь, около 20 лет бывший врачом при ал. невской академии. В 1816 г. вышел из семинарии по старости и слабости здоровья, в чин статского советника.

2) Иван Бок, штаб-лекарь, надворный советник, бывший преподаватель медицины в ал. невской академии с 1802 по 1808 г. Состоял врачом при семинарии с 1818 по 1827 г. затем перешел в Гатчинский воспитательный дом.

3) Александр Жювенель, штаб-лекарь, врач спб. дух. академии; в семинарии был по 1831 г.

4) Иларион Александров, статский советник, врач при академии, Ал. невской лавре и семинарии (с конца 1831 г.); но и ранее с 1820 г. оказывал privately помощь ученикам семинарии в экстренных случаях, по приглашению сем. начальства. В 1835 г. просил увольнения, но в поощрение награжден, по представлении сем. правления, чином действ. статского советника. В окт. 1838 г. уволен, согласно прошению.

5) Зиновий Панковский, состоявший врачом при ал. невской лавре и каретной части, поступил потом и в дух. академию. В семинарии был до 1845 г.

Послужные списки, с отметкою об исправности и поведении должностных лиц, на основании особого предписания в 1819 г., ежегодно представлялись в академическое правление, в 2-х экземплярах, из коих один посылался в Комиссию дух. уч., а с 1836 г. прямо в Комиссию предписано высылать списки классных чиновников.³³ В академию также представлялось уведомление о том, какие перемены произошли в течение месяца; все ли служащие намерены продолжать службу при семинарии (это утвердилось с 20-х годов); благонадежен ли они, и кто именно желает оставить службу. Награждение должностных лиц орденами было весьма редко, наставников же орденами даже и не награждали. Так в 1823 г., на запрос Комиссии дух. уч. о кавалерах в семинарии, оказался только один ректор Поликарп имеющим орден Анны 2-й степ. Также в 1829 г., по случаю подобного запроса, оказались в семинарии два кавалера: ректор Нафанаил (Анны 2-й степ.) и штаб-лекарь Жювенель (Анны 3-й ст.) Но денежные награды постоянно выдавались, как во время самой службы при семинарии, чрез известное количество лет, или после ревизии, так особенно при выходе из семинарии. О размерах этих наград будет сказано в своем месте (см. отд. экономия). Иногда же наградой служило одобрение от Комиссии дух. училищ, а также, в первое время, возведение в звание профессора, или магистра, напр. учитель Дим. Воронов за рачительную службу был представлен к награде званием полного профессора и возведен, по определению Комиссии дух. учил. (1812 г.) Относительно же награждения учеными степенями в 1815 г., по делу представления учителя семинарии Ив. Смирнова к награждению степенью старшего кандидата, было разъяснено от академического правления, что степень дается за ученые заслуги, после испытания, а не в награду за службу, хотя, как известно, и было принято выпускать некоторых воспитанников академии с правом на магистра, по выслуге известного числа лет, большею частью двух, на духовно-училищной службе, с одобрением начальства. Светским же должностным лицам иногда чины давались в награду. Толмачев, Иванов и Воронов пред выходом из семинарии в 1814 г. получили чин VIII класса; Ветринский в 1822 г. награжден чином VII класса; секретарь Кудрявцев в 1823 г. вместо чина X класса получил в награду чин IX класса; доктор Александров в 1835 году «в поощрение» награжден чином действительного статского советника. В конце 1839 г., по докладу обер-прокурора св. синода, последовало Высочайшее соизволение: светских наставников духовно-учебных заведений производить не одним, но тремя чинами выше класса присвоенного занимаемой ими должности, как это было в ведомствах военном и народного просвещения. Относительно отпусков должностных лиц в предписании акад. правления от 29 ноября 1832 г. между прочим сказано, что «в учебное время по свойству службы училищной отпуска должностных при училищах лиц всемерно избегать надлежит», но в случаях необходимости, местное начальство может дать увольнение на срок от 1 до 7 дней, с донесением о том епархиальному архиерею, который может разрешить и отпуск на 28 дней, «по самой крайней надобности.» Свыше же 28 дней отпуск может быть допущен по особенному разрешению Комиссии дух. училищ. Об

отпуске ректора епархиальный архиерей во всяком случае доводит до сведения Комиссии. В каникулярное время отпуск ректора зависят от усмотрения архиерея, который увольняет и инспектора, если значительная часть учеников остается в семинарии, – с поручением этих должностей другим лицам.

Обучение

Но проекту устава дух. семинарий, учебная часть преимущественно находилась под наблюдением ректора. Ему пред началом курса каждый профессор обязан был представлять «конспект или распорядок материй и времени, коему он полагает следовать в преподавании своей части» (§ 109). При этом требовалось указывать авторов и руководства, которым профессор намерен следовать и предписывалось «всегда держаться на одной линии с последними открытиями и успехами в каждой науке»³⁴. По рассмотрении конспектов, ректор должен был вносить их с своими примечаниями в правление. Но конспектов этого рода мы не видим в делах архива петерб. семинарии, вероятно, потому что они найдены были излишними, так как конспекты по всем наукам составлены были в Комиссии дух. учил, и высланы в 1814 г. для руководства преподавателям. В них обозначены основные пункты той или другой науки, предъявлены известные требования к преподавателю и указаны разные пособия и источники, первоначальные и новейшие, русские и иностранные. Тогда же высланы и вновь исправленные, отчасти на основании практики спб. семинарии, – и отпечатанные проекты уставов, а прежние вытребованы назад, «как уже недействительные.» Конспекты же наставников обыкновенно пред экзаменами подавались ректору и представлялись им в правление. Эти конспекты отличались от составленных Комиссией, так как в последних сказано было, что «ревность и усердие профессора дополнит то, что сверх сего откроется полезным для воспитанников.

Ректору же преимущественно вверялось: «наблюдение доброй методы учения» и «надзор за успехами» (проект, отд. III). Что касается метода обучения, то основные требования по этой части выражены во введении к уставам дух. учил. (§ 16 и след.) и в самом проекте сем. устава – вообще и в частности по каждой науке. Устав вооружается против рабского учения уроков, диктовки их, пространных разглагольствий учителя и предписывает возбуждать самодеятельность учеников, вызывая их на размышление и отчетность в усвоении преподаваемых уроков (отд. III гл. II.) С целью же надзора за успехами ректор, согласно 154 и 155 §§ проекта, принимал от профессоров донесения об учениках слабых и ленивых, по постановлению сем. правления 1825 г. – ежемесячно, а также и лучшие сочинения учеников. Ректору представлялись и списки учеников по успехам по каждому предмету пред экзаменами, а после экзаменов он сам составлял разрядные списки учеников и представлял их в правление. – Библиотека находилась также под главным надзором ректора. Доступ в нее для занятий разрешался только лучшим ученикам, по усмотрению ректора. – В случае замеченных неисправностей или отступлений от правил по части учебной, ректор поставлял это на вид кому следует, или доносил правлению для дальнейших распоряжений. Так, в окт. 1809 г. ректор Анатолий входил особой запиской в правление об учителе свящ. Малиновском, который «часто приходит поздно в класс и уходит прежде надлежащего времени, а иногда и совсем не приходит. И поскольку он занят должностью священнослужения; то нельзя и впредь надеяться, чтобы учительская должность была им исправляема без опущения. Для сего он почитает за необходимое класс высшей риторики поручить другому, а священника Малиновского уволить с аттестатом.» Правление допрашивало Малиновского, который объявил, что за полное жалованье, (а ему было уменьшено жалованье, так как раньше он отказался от преподавания еще греч. языка), он будет исправен, но правление нашло это несогласным с интересами семинарской экономии и постановило уволить его. – Ректор Антоний (1827 г.) повторял требование о представлении ему наставниками ежемесячно ведомостей с отметками успехов по всем предметам, и т. д.

Классы и учебные предметы

В первое время, до 1815 г., семинария состояла из двух только классов (с 2-х годичным курсом), или отделений: высшего и низшего, согласно «начертанию правил» 1809 г. § 51. Но в 1815 г. низшее отделение разделилось на два, и таким образом явились три класса, или отделения, с 2-х годичным курсом: высшее, среднее и низшее. В 1823 г. низшее отделение, по причине многочисленности учащихся, разделено, по предмету словесности, на два параллельных класса. По предписанию акад. правления, с утверждения Комиссии дух. училищ (в конце 1818 г.), «класс разделяется на две половины, с назначением особого профессора с полным окладом, если число учеников свыше 150. Если же число учеников свыше 75, то профессору давать помощника, с званием лектора, из лучших учеников высшего отделения, коего долг состоять будет в рассмотрении ученических сочинений, с умеренным жалованием из хозяйственных сумм. Но семинарское правление просило академию о назначении, для лучших успехов, второго преподавателя по словесности, в низшем отделении, где было более только 100 человек. Впрочем, в 1835 г. было новое предписание: вообще разделять классы по главным предметам (богословии, философии и словесности) на два отделения, если число учащихся превышает 100, с назначением особых сверхштатных наставников. По поводу этого предписания правление делало представление о назначении особого преподавателя на греческий язык (лектора – из окончивших курс академии), который был бы и помощником ректору в преподавании богословия.

Предметы семинарского образования оставались те же, какие изучались и до реформы, но с 1809 года они получили новую постановку. Основными предметами считались: богословие, философия и словесность, хотя состав или курс этих предметов в разное время был различен, как увидим из ниже следующих учительских конспектов. По этим основным предметам, из которых каждый проходил в течении двух лет, назывались и самые классы: высшее отделение – богословским или богословией, среднее – философским или философией, низшее – словесностью или риторикой. Названия эти остались от дореформенной эпохи. Преподавание главных предметов происходило на латинском языке, хотя с течением времени объем преподаваемого на латинском языке постепенно сокращался³⁵. На эти предметы назначалось и большее число уроков. Изучали их по запискам, составленным по известным печатным пособиям с нужными дополнениями профессора, а иногда и по собственным его запискам, как свидетельствуют ревизорские отчеты, напр. 1825 г. 1833 г. и проч. Печатных же учебников вообще было немного, и те большею частию остались от дореформенной эпохи³⁶, вновь издавалось очень мало, хотя высшее начальство побуждало к этому.

Из других предметов церковная история обыкновенно проходила в высшем отделении, гражданская в низшем, математические науки в среднем отделении, греческий язык и новые – во всех, еврейский язык в высшем, иногда и в друг. отделениях. Кроме того, до 1819 года в низшем отделении преподавалась география. О характере преподавания и объеме того или другого курса можем судить по конспектам наставников, а также и по отзывам обозревавших семинарию ревизоров, из членов акад. конференции, отчасти и по воспоминаниям воспитанников.

1. Богословие

Богословские науки признавались главнейшим предметом семинарского курса. «Главная цель учреждения дух. училищ, сказано в докладе комитета о усовершеннии духовных училищ, – первоначально состояла ныне есть, основательное и твердое учение предметов, к духовному званию принадлежащих: посему все науки, в училищах сих преподаваемые, должны относиться к сему роду учения и открывать во всем пространстве истинные его источники». (Докл. 1809 г. стр. 12). Впоследствии не раз напоминалось, чтобы «предметы учения существенно относящиеся к духовному образованию и церковному служению преподаваемы были с преимущественным вниманием» (предп. Ком. от 24 мая 1828 г.). На этом же основании богословские науки преподавались обыкновенно самим ректором в высшем отделении. В состав их входили: Богословие догматическое (*Theologia dogmatica*), нравственное или деятельное (*Theol. moralis*), герменевтика или наука об изъяснении св. Писания и археология или изъяснение церковных обрядов. О преподавании богословия в 1813 г. ревизор Филарет Дроздов писал: «Богословие догматическое, по так названному Сокращению Богословие сочиненной Феофаном Прокоповичем, изъяснена с желаемую основательностию, порядком и полнотою. В Богословии нравственной и теории Герменевтики, по недостатку полных сочинений отечественных, г. профессор (архим. Мефодий) избрал себе образцами лучших в сем роде немецких писателей, и трудность, с которою сопряжено было исправление систем их, в сообразность с духом Греко-российской церкви, преодолел, как свойственно православному богослову. В ученом разборе послания св. ап. Павла к Римлянам он показал опыт герменевтической практики. Важнейшие предметы церковной археологии собрал по большей части из отечественных православных писателей». – Лекции ректора Иннокентия, особенно по нравственному богословию, в 1821 г. напечатанному во 2-й части собрания его сочинений, настолько основательны и ясны по изложению, что служили руководством для академических профессоров и были в употреблении у студентов³⁷. Он были одобрены и ревизором, ректором академии Филаретом, в 1817 г. (см. ниже).

Theologia dogmatica делилась на 3 части, как видно напр. из конспекта ректора Поликарпа (1820 г.): *Cosmologia*; *Pneumatologia theologica*; *Anthropologia theologica*. В последней трактуется о состоянии человека до падения, о падении, искуплении и искупителе, о завете и религии, о благодати, таинствах и о церкви. С 20-х годов к богословским наукам присоединяется и пастырское богословие. Деление Богословия по конспекту Антония (1827 г.) следующее: I. *Hermeneutica sacra* (по собственным запискам, как замечает ревизор Иннокентий Борисов). II. *Doctrina de credendis, seu Theologia dogmatica*. Здесь же – *de fundamentis et principiis divinae revelationis*³⁸; между прочим: *refutatio atheismi*; *de sacra scriptura* и пр.³⁹ Далее идет догматика собственно. Для образца укажем отдел о крещении: *Baptismus*; *eius causa efficiens*; *materia*; *forma*; *causa ministerialis*; *necessitas*; *subjectum*; *effectus*. III. *Doctrina de agendis, seu Theologia practica*. IV. Богословие пастырское (на русском); для образца: нравственные качества священника – непорочность, единоженство, трезвость, целомудрие, благоговение, благочиние, странничество, учительность, воздержание от пьянства, воздержание от гнева и сродных ему пороков, кротость, бескорыстие, домостроительность, верность, мудрость. V. Христианская археология (церковные древности и литургия), – тоже по собственным запискам. Одобрив «способности, усердие и успехи» Антония, ревизор Иннокентий выставляет его как наставника, «заботящегося о чистоте церковного учения и о пастырском служении церкви». О ректоре Нафанаиле ревизор Павский в 1830 г. отзывался, что он «как профессор богословских наук делал свое дело со всем прилежанием, писал многие богословские трактаты сам (в дополнение к учебнику), и весьма основательные...». Ученики, по его предмету, отвечали с легкостью, не из памяти, а с рассудком». Конспект по догматическому богословию ректора Макария (1837 г.) весьма обширен и подробен, со многими разделениями и подразделениями и показывает стройность и последовательность системы.

Но отзыву ревизора Тим. Никольского (1833 г.), лекции ректора Макария по догматическому богословию «тщательно обработаны на русском языке. Ученики за ним записывали, а он исправлял записанное. Лекции его впоследствии были в обращении в разных духовно-учебных заведениях и доселе кое-где сохраняются отлитографированными. Ученики

Макария с восторгом отзываются об его лекциях и признают их даже выше иных академических⁴⁰.

Делаем выдержку из его конспекта по догматическому богословию.

А) Естественные свойства Божии.

1) Метафизические; разделение их на положительные и отрицательные (понятие о тех и других и исчисление их, здесь: жизнь, самобытность, вечность, неизменяемость, независимость).

2) Физические; понятие о них, перечисление их и понятие о каждом в отдельности: совершеннейший разум, совершеннейшая воля. Качества воли Божией: неизменяемость, высочайшая свобода; неизмеримость и вездеприсутствие, как следствия указанных физических свойств Божиих.

В) Нравственные свойства Божии: премудрость, святость, истинность, благость, правосудие. При этом каждое свойство рассматривается по известным рубрикам: понятие о том или другом свойстве, действительность его в Боге, различные наименования, доказательство чрез собственное размышление⁴¹ и Св. Писание, разрешение возражений, влияние веры в то или другое свойство Божие на свободную деятельность христианина.

Или возьмем для образца трактат о благодати, более подробный и обстоятельно изложенный, чем в современных руководствах по догматике.

Глава VI. Учение о благодати. Введение.

а) Связь сего учения с предыдущим, б) важность одного и с) разделение.

II. Понятие о благодати.

а) Различные деления и определения благодати, б) различные значения слова: благодать и в) самое понятие о благодати.

II. Необходимость благодати для человека падшего и восстанавливаемого.

Здесь: а) ложные мнения о сем предмете с краткою историею оных и б) догматическое учение о необходимости благодати для человека.

Здесь: А) Необходимость благодати для всякого доброго и спасительного действия человека, а) понятие о сем предмете и б) истина одного, доказываемая α) Св. Писанием и подтверждаемая β) учением церкви.

Б) Необходимость благодати для того, чтобы человек мог выйти из состояния греховного: а) понятие, истина сего, доказываемая α) Св. Писанием, β) подтверждаемая учением церкви и γ) подкрепляемая собственным размышлением христианина.

В) Благодать необходима человеку для самого первого начала веры и первого расположения к спасительному благочестию. Эта истина доказывается: α) свидетельствами Св. Писания, β) учением св. церкви и γ) подтверждается здравым разумом, δ) присовокупляется разрешение некоторых возражений.

Г) Необходимость благодати для дальнейшего усовершенствования в добродетели; доказывается: α) свидетельствами св. Писания, β) учением церкви, γ) из собственного размышления, δ) разрешение некоторых возражений.

Д) Благодать необходима для того, чтобы пребыть человеку в состоянии святости до конца жизни. Удостоверение в этой истине φ) из Св. Писания, β) из учения церкви, γ) чрез собственное размышление, δ) разрешение некоторых возражений и ε) практическое употребление учения о необходимости благодати вообще.

III. Бытие или действие в нас внутренней или сверхъестественной благодати. Здесь: а) связь с предыдущим и б) доказательства (по вышеозначенным рубрикам).

IV. Сила и действительность (efficacia) благодати в человеке.

Здесь: а) содержание и б) план сего отделения.

а) ложные мнения разномыслящих о сем предмете.

б) различные степени силы и действительности благодати в человеке.

с) о благодати достаточной (по вышеозначенным рубрикам).

д) о благодати действенной (efficax). Здесь: α) понятие о благодати могущественной и проч. (по тем же рубрикам).

е) Благодать действенная не нарушает свободы воли человека. (Доказательства по известным рубрикам).

ф) Мнения существующие в школах и между учеными о том как согласить действенность благодати с свободой воли человека. Здесь: а) связь сего отделения с предыдущим, б) самое изложение ученых мнений о сем предмете, с присовокуплением критики оных, и в особенности: аа) мнение томистов и бб) критика оного, вв) мнение Августиниан и гг) критика оного, дд) мнение молинистов с еее) его критикою, жж) мнение конгруистов и зз) критика сего мнения, ии) объясняется этот предмет независимо от всех представленных мнений и ии) излагается практическое употребление учения о действенности благодати.

V. Благотворные действия благодати для человека. Состав сего отделения: 1) Ясное учение о сем предмете размышляющих, именно Социниан и Арминиан, характеризуется каждое из оных. 2) Составляется истинное понятие об оправдании. Здесь а) различные значения слов – оправдание и правда в Св. Писании, б) известные определения оправдания, в) частнее показывается природа и свойства оправдания.

А) Оправдание в тесном смысле: а) понятие об оном и б) истина, доказываемая а) свидетельствами Св. Писания, б) учением отцов церкви и у) чрез собственное размышление,

Б) Возрождение или обновление (подобные же рубрики).

В) Освящение (sanctification – (подобные рубрики). Остатки первородного греха, имеющие место и в возрожденных и освященных благодатью, доказательства сей истины (по известным рубрикам).

VI. Условия таковых действий благодати в человеке, или известные расположения в человеке, необходимые для благотворных действий в нем благодати.

1) Предварит. понятия о сем предмете.

2) Благодать, так называемая, достаточная даруется всем и каждому, или, что тоже, все без изъятия призываются ко спасению. Доказательства. Различные способы призвания: а) призвание посредственное, обыкновенное, чрез откровенное слово Божие, б) чрез служителей или пастырей церкви, в) чрез разум и совесть, г) чрез различные явления видимого мира, д) посредством важных происшествий в мир гражданском, е) посредством частных событий жизни благоприятных и неблагоприятных; ж) призвание посредственное – чрезвычайное, чрез особенные знамения и чудеса, з) благодатное призвание непосредственное, и) разрешение некоторых недоумений о сем предмете.

3) Благодать призвания не для всех спасительна, или не во всех производит свои благотворные действия, по причине неисполнения необходимых для того условий, требуемых со стороны человека. Исчисляются сии условия. Для того, чтобы благодать произвела в человек свои благотворные действия непременно требуется от каждого:

А) Вера в И. Христа; а) истина сия доказывается а) св. Писанием, б) учением церкви, у) подтверждается христ. размышлением; б) определяется качество оной веры, – она должна быть историко-догматическая; истина сия доказывается (по известным рубрикам).

Б) Покаяние, сопряженное с переменю поведения и образа мыслей и чувствований. Доказательства (по известным рубрикам).

В) Особливые действия (actus) покаяния, как-то: а) страх Божий б) надежда и упование на Бога, в) любовь к Нему, хотя начинательная (initialis), г) отвращение от греховной жизни, д) твердая решительность проводить жизнь лучшую и с законом Божиим сообразную, е) каждая из сих истин доказывается (по известным рубрикам).

Г) Необходимо требуются плоды достаточные покаяния; а) понятие о них, б) доказательства (по известным рубрикам).

Д) Необходимость запечатлеть действия веры и покаяния таинствами (sacramentis), исповеданием грехов пред служителем церкви и крещением. Доказательства из Св. Писания и учения церкви. Объясняется, как и при каких условиях сообщается благодать оправдания, обновления и освящения младенцам.

4) Выводы, вытекающие из предыдущего учения об условиях, при которых благодать оказывает над человеком свои благотворные действия: 1) благодать может возрасти в своих действиях. Доказательства (по известным рубрикам). Средства, сему содействующие, здесь только исчисляются и доказываются свидетельствами св. Писания, кои подробно излагаются в богословии деятельном. 2) Благодать может быть утрачена. Доказательства. Опровержение некоторых возражений разномыслящих. 3) Благодать утраченная может быть возвращена снова. Доказательства (известные рубрики). 4) Без особенного откровения Божия мы не можем

быть совершенно уверены в нашем оправдании, обновлении и освящении, хотя питать надежду можем. Подтверждение этой истины (по известным рубрикам). – Признаки присутствия в нас благодати. – Опровержение некоторых возражений разномыслящих.

5) Когда возрожденные со своей стороны выполняют требуемые от них условия, то благодать всегда им содействует в исполнении предписаний божественного закона и в дальнейшем нравственно-христианском усовершенствовании. Доказательства. Опровержение возражений. Приложение учения об условиях действия благодати к свободной деятельности христианина.

VII. Добрые дела, как плоды действий в нас Божественной благодати. Доказательства (по известным рубрикам), а) добрые дела в возрастных необходимы для достижения вечного спасения: доказательства. б) Добрые дела хотя суть дары Божии, но, поскольку тут участвует и человеческая свобода, они имеют в очах Божиих вид заслуги: доказательства; разрешение возражений разномыслящих; приложение сего учения к жизни христианина.

Мы выписали, с незначительными сокращениями, всю I-ю главу, составленную весьма подробно и обширно. Другие главы также обширны, но иные более кратки и даже недостаточны, по сравнению с нынешнею программю по богословию, напр. гл. VII о таинствах. В некоторых главах вводятся вопросы, имеющие более отношения к нравственному богословию. Основное богословие (на лат. яз.), трактующее о происхождении религии, об ее источниках и т. п. только отчасти соответствует нынешней науке основного богословия которое занимается преимущественно апологией христианства.

Археология, по мнению ревизора Иннокентия (1827 г.), не имела надлежащей постановки, поэтому она вообще не в пользу этой науки, «поелику историческая часть оной почти вся находится в церк. истории, с тою притом выгодою, что там история храмов не начинается от Адама, как в археологии и пр., а иносказательные знаменования, заимствуемые из позднейших писателей, находясь нередко в противоречии с существенным свойством предметов, и даже между собою, не могут производить должного назидания, (напр. о поручах говорится, что они сделаны для удобства в действовании и означают узы Христовы).

Однако же к концу 30-х годов археология, или церковные древности, выделяется из системы богословия и составляет отдельный предмет (в высшем отделении), с особым преподавателем. В предписании акад. правления от 15 июля 1838 г., он поручен инспектору, но иногда преподавался и другими наставниками. По конспекту Зыкова (1840 г.), представляется обзор церковных служб: 1) полунощница; 2) утренняя; 3) часы; 4) литургия и ее разделение. Здесь: понятие о службах, содержание их, объяснение тех или других песней и действий. Но не видно исторических исследований. Конспект инспектора Иоасафа (1841 г.), по видимому, более обстоятелен. Сначала о церкви (или храме), ее составных частях и принадлежностях. Затем о церк. службах и входящих в состав их молитвах и песнопениях; о постах; о разных церк. обрядах; о таинствах.

Относительно герменевтики, которая первоначально входила в общую систему богословия и преподавалась ректорами, от 27 июня 1835 г. видим особое постановление правления, чтобы преподавание ее возложено было на отдельного преподавателя, сверхштатного, назначенного для греч. языка, св. Писания и чтения ученических сочинений по классу богословия (Галахова). Но на деле не видно, чтобы герменевтика была отдельным предметом в 30-х годах.

Руководства и пособия по богословским наукам, большею частью появившиеся еще в дореформенную эпоху, как видно из разных конспектов, были следующие: По Богословию: 1) Богословие Феофана Прокоповича (Theophani Procop. De credendis et agendis). Феофан Прокопович положил основание новому направлению нашей богословской науки, освободив ее от схоластики и католического характера и сообщив ей протестантские приемы, основанные на изучении св. Писания и церковной истории. Система его получила широкое распространение и вызвала подражания. 2) Богословие Феофилакта Горского, ректора московской академии (1769 г.), потом епископа переяславского (Theophilacti, orthiodoxae orientalis ecclesiae dogmata, seu doctrina christ. de credendis, также и de agendis, изд. в первый раз в 1784 г. 3) Иринаея Фальковского, ректора киевской академии, потом еп. чигиринского, сокращение богословия Прокоповича и митроп. Самуила Миславского, бывшего ректора киев. академии (1759 г. к Compendium theologiae dogmaticae (1802 г.) По отзыву Филарета черниг., это – «лучшая догматика из писанных дотоле в России». ⁴² 4) Buddei, Institutiones theologiae dogmaticae et

moralis. 5) Православное учение веры (Спб. 1765 г.), митрополита Платона Лавинскаго. 6) Св. Тихона Задонского, еп. воронежского: «Об истинном христианстве». – По герменевтике: 1) свящ. герменевтика 1806 г., синодальное издание (Compendium hermeneuticae sacrae, соч. архим. Антония Знаменского, ректора Ал. невоской семинарии (1797 г.), впоследствии архиеп. ярославского), сост. по Виттенбаху и Рамбаху. 2) Митроп. Амвросий «руководство к чтению книг св. Писания» 1779 г. 8) Delineatio hermeneuticae sacrae generalis, 1828 г., ректора Иоанна Доброзракова. – По археологии: Дмитревского (бывшего наставника семинарии, потом моск. университета), «Историческое, догматическое и таинственное изъяснение на литургию», 1804 г. – Вениамина Румовского, архиеп. нижегородского, Новая скрижаль, 1803 г. – Толкование на чин богослужения, митр. Симеона Фессалоникийского (XV в.) – По пастырскому богословии: Преосв. Парфения Сопковского, книга о должностях пресвитеров, изд. еще в конце прошлого столетия. – В 1836 г. выслано изданное св. Синодом «Наставление священнику относительно заблуждающих от истинной веры», также «относительно отпадших в молоканство», – для ознакомления с этим наставлением учащихся в высш. отделения семинарии. – С 1838 т. стали высылать «Царскую и патриаршую грамоты о учреждении Св. Синода, с изложением православного исповедания Восточно-кафолической церкви», – в нескольких экземплярах, для употребления воспитанников⁴³. Тогда же введено и преподавание Православного исповедания Петра Могилы. (См. ниже.)

2. Философия

Преподавание философии обыкновенно соединялось с должностью инспектора, кроме 1819–1825 и 1840 годов. В октябре 1840 г. последовало предписание от академического правления, чтобы инспектору, иеромонаху Иоасафу, как духовному лицу, вместо философии, поручено было преподавание какого-нибудь духовного предмета. Философия обыкновенно делилась на логику, метафизику и нравственную философию. С 1813 г. видим и историю философии. О преподавании философии: можно судить по следующим данным. По донесению ректора семинарии, архимандрита Иннокентия академическому правлению в 1815 году, «профессор философских наук, магистр, иеромонах Поликарп весь курс философии преподавал ученикам с отличным рачением и желаемыми успехами. Не токмо недостатки классического автора восполнил пояснениями письменными и изустными, но и ознакомил учащихся с лучшими систематическими новейшими и с глубокими мнениями древнейших философов. Тем с большею произвел сие пользою, что различные различных философов мнения изложил в строгом систематическом порядке, особенно в дополнение практической философии. Прочие части философии, как-то логику и метафизику и при кратком повторении раскрыл в лучшем и яснейшем порядке, нежели в каком находятся у классического автора». Ревизор Филарет Дроздов (1817 г.) называет Поликарпа ревностным профессором и прибавляет: «плод его трудолюбия есть извлечение философской истории, им составленное». – Из конспектов, для образца, возьмем конспект инспектора Зосимы Смирятина. *Prolegomena philosophiae. Prolegomena Logicae. De intellectu. De conceptibus. De conceptuum triplici perfectione. De judiciis. De ratiociniis. Logica applicata: 1) Methodus ad veritatem vi propria sive per meditationem perveniendi. 2) Methodus ad veritatem mediantibus aliis perveniendi. 3) Methodus aliis veritatem communicandi. Metaphysica. I. Ontologia. II. Stachaologia atque somatologia⁴⁴. III. Pneumatologia et psychologia. IV. Cosmologia. V. Theologia naturalis⁴⁵. Philpsophia practica s. moralis. I. Philosophia practica prima. II. Ethica⁴⁶. III. Doctrina juris. IV. Politica. Historia philosophicorum systematum: I. period. Philosophia barbarica. Philosophia Graecorum. II. per. Philosophia Romanorum; Eclectica; Judeorum; Arabum; Christianorum usque ad renatas litteras. III. per. A restauratione litterarum ad nostra usque tempora:* закончено Кантом. По конспекту Антония (1835 г.) есть: Фихте, Шеллинг и Герель.

Философия обыкновенно преподавалась по Баумейстеру (*Institutiones philosophiae; Elementa philosophiae recentioris*) последователю Лейбнице-вольфианской философии, как наиболее благоприятной для философского обоснования религиозных истин⁴⁷. «Цель философского учения, – по словам Сперанского, изложившего руководительные начала семина. обучения, – в том, чтобы, опровергнув все суесловные блуждения разума, призвать его и приуготовить к христианской философии». В нормальном же конспекте сказано еще, что философские науки должны раскрыть рассудок в учащихся и возвести их до того, чтобы они мыслили постоянно и основательно. Пособием также служили Винклер (*Institutiones philosophiae universae* 1762 г.) и Карпе (*Institutiones philosophiae*). Но означенные пособия вполне не признавались удовлетворительными. Еще Сперанский считал недостаточным в преподавании философии в духовно-учебных заведениях, «ограничить все познанием Баумейстера или Винклера, коих имена, равно как и глубокомысленные сочинения, знаменитые в наших семинариях, никогда в ученом свете не были приметны»⁴⁸. О книге Баумейстера и ревизор Филарет Дроздов писал в своем отчете в 1813 г.: «употребляемая в философском классе учебная книга, написанная Баумейстером, но началам Вольфия, не имеет качества требуемого 99 пунктом первой части семина. устава, по которому книги учебные должны держаться на одной линии с последними открытиями и успехами в каждой науке. Полезно было бы дать в пособие сему классу переводимую ныне на российский язык: Историю философских систем г. де Жерандо. А если бы рассуждено было заменить книгу Баумейстера другою классическою книгою латинскою: то можно бы для избрания в сию степень, обратить внимание на изданную за несколько пред сим лет книгу венского профессора, Карпе, который приняв аналитику и терминологию новейших философов, и перенесши, подобно им, формальные начала (*principia formalia*) человеческого разума из метафизики в логику, не уклоняется однако же с ними ни к скептицизму, ни к идеализму, но, пользуясь их открытиями, в тоже время предостерегает искателя истины от их заблуждений». Комиссия дух. уч., на

основании этого отзыва, предписала академии составить комитет из профессоров академии для рассмотрения, имеет ли Карпе по логике и метафизике качества, требуемые 99 пунктом 1 части проекта сем. уст. (1809 г.) и заключение представить Комиссии. Действительно, в 1815 г. философия Карпе была отпечатана в 4 частях в Московской синодальной типографии и введена в руководство, но впоследствии опять заменена Баумейстером⁴⁹, хотя допускались и «вставки из Карпе», как заметил ревизор Иннокентий в 1827 г. По истории философии пользовались руководством Бруккера (*Institutiones historiae philosophiae*). Некоторые из профессоров указывали в числе пособий сочинения известных философов: Локка, Мальбранша, Кондильяка, Вольфа, Бэкона, Лейбница (инсп. Мефодий Пишнячевский 1811 г.). Поликарп в 1815 г. вписал философские сочинения Канта⁵⁰. По замечанию ревизора Иннокентия Борисова, в 1827 г. философского конспекта, изданного 1814 г. от Комиссии дух. уч., «к сожалению, не было ни у преподавателя, ни в правлении, а в конспекте сказано, как обращаться с Баумейстером и указаны его недостатки.» Относительно содержания некоторых частей системы тот же ревизор замечает: «вместо подробного чтения (по старому изданию Баумейстера) устарелых правил публичной юриспруденции, политической экономии, церковного правоправедения (приспособленного при том к протестантской церкви) полезнее было бы усугубить занятие в логике, естественном богословии и науке о должностях». В 30-х годах пособием по логике указывается сочинение Вахмана, переведенное с немецкого профессором спб. акад. Вершинским. В 1830 г. о преподавании философии инсп. Николаем ревизор Павский заметил, что он «делает дополнение к классической книг и преподает с отличною ясностью и применением к неопытным еще и молодым умам».

3. Словесность

Словесность первоначально разделялась на риторику (в низш. отд.) и эстетику (в высш. отд.), которые до 1813 г. преподавались особыми преподавателями. Ректор Анатолий в ноябре 1809 г. входил запискою в правление сем. О том, чтобы преподавать риторику в первые два года, т. е. в низшем отделении, именно, «правила до всякого рода сочинений относящиеся, сочинять примеры и разбирать классических авторов», а «в два последние года в высш. отделении руководствовать учеников ко всему, что есть изящнейшего в словесности, чем особенно занимается эстетика, с присовокуплением филологии». Разделение риторического курса на высший и низший – остаток дореформенной эпохи⁵¹. Толмачев (1811 г.), преподаватель риторики делит ее на механическую часть слога и умственную. (Слова, предложения, периоды, хрии, слог, разговор, письма, речи). У архим. Леонида эстетика определяется как наука об изящном и высоком; далее, по его конспекту, – практическая словесность: пиитика (о поэзии), оратория (о красноречии); учение о слоге философском, историческом, учебном, разговорном; филология или всеобщая аналитика человеческого слова. Излагая уроки по Бургию, Толмачев писал в конспекте 1813 г. «читал я ученикам правила словесности, обширнее много и сообразнее нынешнему состоянию наук словесных составленные. Всех правил целью было то, чтобы они, сколько можно, расширяли с познанием слова область рассудка». Филологии в конспектах 1813 г. не видно, вследствие чего предписано было, согласно с отзывом ревизора Филарета, преподавать в классе словесных наук по высшему отделению филологии, сообразно § 111 проекта сем. уст. (1809 г.) С разделением семинарии на 3 отделения, словесность осталась только в низшем (1815 г.) Что касается эстетики, то после смерти бакалавра Леонида (в конце 1813 г.), правление семинарии, рассуждая об определении на его место профессора Воронова, между прочим постановило:

«Семинарское Правление преподавание эстетики в семинарии находит излишним и бесполезным: излишним потому, что эстетика, обнимая весьма многие отрасли изящного, чрезмерно расширяет пределы своей теории и призывает некоторым образом к доказанию своих правил все законы и положения новейшей, отвлеченной, но неутвержденной философии; бесполезным потому, что с допущением ее, чтение и разбор образцовых произведений красноречия в семинарском курсе должны быть выпущены и учащиеся остаться без практического познания примеров, кои преимущественно располагают к витийству. Сверх сего, в состав прежде преподаваемой в Семинарии эстетики значительную составляет часть обозрение драмы, коея теория и образцы есть ли не вредны для готовящихся быть служителями церкви и проповедниками Евангелия, то по крайней мере излишни. Посему, преподавание собственно называемой эстетики в семинарском курсе исключить».

Впоследствии, не составляя отдельного предмета, эстетика входила в курс словесности вообще.

В конспекте Смирнова (1819 г.) видим уже основы системы, утвердившейся впоследствии в семинариях. *Rhetorica. I. Praeliminaria. II. De propositionibus. III. De periodis. IV. De chriis. V. De orationibus: A) De inventione, B) De electione. C) De dispositione. D) De elocutione. VI. De actione sive pronuntiatione. Pars practica.* Просодия: A) Латинская. B) Российская. – По отзыву ректора сем. Иннокентия (1815 г.), профессор словесности Смирнов «некоторых (учеников) в немалом количестве приучил мыслить с такою основательностью, какой от малолетних не можно бы и надеяться», преподавал «с устными дополнениями того, что знать нужно, но автором (т. е. в учебник) опущено и достаточным изъяснением, – что у автора оставлено в темноте и сбивчивости». О нем же ревизор Филарет писал в 1817 году: «И. Смирнов есть профессор твердый в понятиях, настоящий во внушениях, искусный в применении к уму начинающих». У Аменицкого (1825 г. изложено подробнее – *De eloquentia*: роды красноречия, но вообще по системе Бургия, как отмечено и в его конспекте. Отдел поэзии – на русском языке.

Для лучшего понятия о том, что преподавалось ученикам С.-петербургской сем. на уроках словесности, в начале 20-х годов, представим написанный уже на русском языке, сжато и независимо от учебника, конспект Раменского (1821 г.).

I. Введение в правила словесности показывающее: а) определение словесности – подлежащее и предметное; б) условия необходимые для надлежащего успеха в оной, как то: природные дарования, знание словесных наук, знание других наук и упражнение; с) определение и разделение риторики; д) определение и разделение пиитики.

II. Приуготовительные правила словесности, показывающие: а) свойство прозы – внутреннее и внешнее; б) свойство поэзии – внутреннее и внешнее; с) наружный состав прозы, или предложения и периоды и их соединение между собою в один период и одно целое сочинение; д) наружный состав поэзии, или стихи и их разделение по свойству стоп, по числу стоп, по последнему слогу и по созвучию; примечание о стихах греческих и латинских: е) предварительные правила сочинения прозою; и) предварительные правила соч. стихами.

III. Общие правила всех сочинений, прозаических и стихотворных, разделяющиеся на: а) правила изобретения мыслей по указаниям риторическим; б) правила выбора мыслей, приличных предмету и цели сочинения; с) правила расположения мыслей, как естественного, так и искусственного; д) правила связи мыслей, как в мелких, так особенно в больших частях сочинений; е) правила выражения мыслей словами или слога простого, среднего и высокого: примечание об изящных и высоких мыслях и чувствованиях, независимо от слога украшающих сочинения; ф) правила произношения, или замечания касательно голоса и телодвижения при говорении речи.⁵²

IV. Частные правила сочинений прозаических, а именно: а) правила писем простых, ученых и высоких; б) деловых бумаг низких, средних и высоких; с) систем, рассуждений и рецензий; д) разговоров; е) описаний физических, нравственных и исторических; ф) сочинений исторических, как то: исторических записок и собственной или прагматической истории; выбора происшествий и обстоятельств; расположения тех и других; слога, занимательности и назидательности, каковыя требуются для истории; г) правила малых речей ораторских: х) правила больших речей ораторских вообще, и) речей академических; к) судебных: л) похвальных слов; м) слов церковных или проповедей. Для составления сих последних даны нарочито подробные наставления: как избирать текст для церковного слова, как извлекать из него тему или материю, как излагать сию материю и прилагать к состоянию слушателей, и сделаны особенные замечания о словах догматических и нравственных, праздничных и случайных.

V. Частные правила сочинений стихотворных, как то: оды, гимна, дифирамба, гимна лирического, элегии, рондо, сонета, эпиграммы, поэмы исторической, философской и практической, послания, сатиры, басни, поэмы эпической и идиллии.

VI. Правила упражнения, т. е. сочинения, чтения, разбора, перевода и подражания.

Профессор Мелиоранский (1829 г.), в котором ревизор Павский заметил «особенное прилежание и усердие к своему делу», – вводит уже более обширный отдел поэзии и разделяет ее на роды: лирическую, повествовательную (поэма, баллада), драматическую, описательную (описат. поэма, идиллия или эклога), дидактическую (сатиры, басни, притчи).

Конспект по словесности Крылова 1837 г. представляет опять некоторую особенность. Введение (понятие о науке и ее значении). Предварительные понятия из психологии (о внешних чувствах и трех главных способностях души) и логики (о законах, о способностях и формата мышления). Предварительные понятия о средствах выражать внутренние состояния души: телодвижения, письмена и речи. Понятия из общей грамматики. Риторика. Разделение прозы. Разделение риторики. О предмете сочинения. О расположении (хрии). О форме сочинения (слог и язык). Частные правила риторики. Разные роды словесных произведений. Исторические сочинения. Повествования вымышленные (роман, повесть, сказка, анекдот). Ученые сочинения. Речи (духовные и светские). Поэзия.

Классической книгой была риторика Бургия (Klementa oratoria 1776 г.), но она дополнялась записками профессора. По отзыву ревизора Никольского (1833 г.), риторика преподавалась по Бургию с некоторыми дополнениями профессоров, а поэзия по собственным запискам их (Масальского и Тяжелова). Затем пособиями служили: менее старая, хотя тоже из прошлого столетия, риторика Лежая (Ars rethorica), также Рижского (1805 г.) и Кошанского; «Правила пиитики», преосв. Аполлоса Байбакова (изд. 1774 г.); Мейнерса, «Начертание теории и истории изящных наук»; Руководство к церк. красноречию (1804 г.); Лактанций, предписанный в 1825 г. только для учителей.

В проекте устава сем. (§ 125) и нормальном конспекте указаны, сверх означенных: Ломоносов, Роллень, Блер, Цицерон и др. В 1830 г. выслана из Комиссии дух. уч. «История древней и новой литературы», Шлегеля, – Толмачев в 1813 г. выписал, с разрешения правления, «Отборные сочинения в стихах и проз. изданные Жуковским», так как «крайне нужно показывать, ученикам примеры, заимствованные из лучших российских писателей». Но русские писатели после Жуковского не были приобретены в рассматриваемый период. По замечанию ревизора Иннокентия Борисова (1827 г.), «с большею осмотрительностью надлежало выбирать примеры из светских авторов, нежели как делано в 1-м отделении». Простое чтение образцов вообще не играло первенствующей роли в преподавании, больше обращалось внимания на заучивание учениками определений и примеров разных риторических форм и оборотов, которым ученики обязаны были подражать. Но ревизор Иннокентий особенно одобрил то, что «лучшие ученики в продолжение испытания могли говорить без приготовления порядочные примеры».

4. История

Первоначально кафедра истории была одна: церковной и гражданской, всеобщей и русской. С 1814 г. она разделяется на две: церковной и библейской истории (в высшем отделении) и гражданской истории (в низшем отделении). Некоторое время (1819–25 г.) церковная история преподавалась инспекторами, обыкновенно же на эту кафедру назначались особые преподаватели. География всеобщая, русская и церковная преподавалась в спб. семинарии до 1819 года: по расписанию 1813 г. положен один урок в неделю по географии, затем она осталась только в училище, но без церковной. Всеобщая же история, первоначально проходившаяся и в училище, исключена из училищного курса в 1816 году.

В конспекте Андрея Иванова (1811 г.) указывается история и география – всеобщая, подробнее – российская история и география, затем библейская история и церковная – довольно кратко. По этому поводу ревизор Филарет Дроздов заметил: «желательно, чтобы лучше сокращаема была география, наука обременяющая память, нежели церковная история, питающая ум и сердце, и тем большего внимания требующая, чем теснее, нежели другие науки вспомогательные, соединена с главным предметом Духовного училища». В числе руководств и пособий у Иванова названы: Всемирная история Шрека (1805 г.), также историки: Милот, Анкентиль, Роллен, Робертсон, Татищев, Ломоносов, Щербатов, Нахачин, «Новое ядро российской истории», «Российская Вивлиофика»; церковная история излагалась по Горнию и Флери; а русская церковная история – по преосв. Платону, с сокращениями. По географии – учебник, изданный при Импер. Академии наук 1807 г., «Российская география», кроме того Зябловского география, статистика – кн. Голицина, Германа и Словарь Российской Империи, Путешествие аббата Делапорта, Сокращ. о странств. Лагарпа.

По отделении Церк. Истории в 1814 г., она стала преподаваться подробнее. По конспекту Щелкунова (1819 г.): Введение. Определение церк. истории. Ее разделение по предметам, по времени, по источникам. Польза, конец, источники. Особливое назначение Церк. библейской истории. Далее излагаются 10 периодов ветхозаветной истории; новозаветная, и по векам – история христианской церкви, кончая XVII веком. – Конспект Церк. истории всеобщей, вместе с русскою, – инсп. Саввы (1825 г.) составлен с некоторыми сокращениями по известному учебнику Иннокентия Смирнова: «Начертание Церковной Истории, от библейских времен до XVII в. » в двух частях (1817 г.), служащее продолжением «Начертания Церк. библейской истории» Филарета Дроздова, и ко 2-му изданию исправленное профессором академии, прот. Кочетовым (1820 г.). Ректор академии Филарет Дроздов в ревизорском отчете 1817 г. назвал Историю Иннокентия «прочным даром духовному просвещению»⁵³. Прочность же его, действительно, была такова, что эта книга служила учебником более 50 лет. По отзыву Филарета Черниг., сочинение это богато сведениями, пока источники (Магдебургские столетия и Барониевы летописи) доставляют ей материал, но не богата ими о востоке с XI в. и вообще о правосл. церкви новых времен; дух истории – превосходный, благочестивый и разумный, но расположение по векам, раздробляя события на части, затрудняет понимание целого; язык сух и нелегок. (Обз. русск. дух. лит. стр. 425).

Хотя при преподавании церк. истории и делались по местам выпуски в учебной книг,⁵⁴ но ревизор Иннокентий Борисов (1827 г.) заметил, что в уроках церковной истории, которую тогда преподавал К. Успенский, «можно бы еще сделать сокращения, особенно в истории Западной Церкви, более же следует обращать внимания на внутреннюю историю церкви, на ход веры, одушевляющей общество верующих».

В 1838 г. по предписанию Комм. дух. уч., введено отдельное преподавание русской церковной истории, входившей прежде в один курс со всеобщей, и назначено особое руководство: История российской церкви, Муравьева. Чтение этого предмета предписано (от 30 ноября) «присоединить к классу общей Церковной истории в высшем отделении, так чтобы преподающий общую Церк. историю, указывал на происшествия Российской церкви только кратко, для понимания современностей и связи событий; а потом, окончив общую, излагал Российскую Церк. историю в непрерывном порядке, по руководству назначенной книги».

С 1839 г. Библейская история отделена от церковной и составила особый предмет преподавания в среднем отделении, по известному руководству высокопр. Филарета

Московского.

Гражданская история долго преподавалась по Шрекку. Переводчик Шрекка, Константинов составил Российскую историю, которая с 20-х годов также служила в семинарии пособием. Об учебнике Шрекка ревизор Филарет Дроздов писал в 1813 г. Классическая книга всеобщей истории, достойная впрочем своего назначения, но выбору и расположению предметов, не довольно чиста в некоторых повествованиях и суждениях, относящихся до церкви, хотя несколько и переработана переводчиком. Сочинитель, будучи протестант, от времен Константина Великого до Лютера охотнее примечает в церкви злоупотребления и беспорядки, нежели деяния похвальные и происшествия назидательные; рассматривая западную церковь, как бы не видит за нею восточной; протестантством занимается много и не всегда беспристрастно». Далее ревизор в книге, раскрываемой на удачу, указывает следующие места, которые кажутся ему соблазнительными, или неприличными. «Втор. час. стр. 24. На одной и той же странице описаны Константин Великий и Иулиан отступник; в обоих замечены добрые и худые качества, но Иулиан отступник выхвален более, нежели Константин Великий. – Стр. 130. Беренгарий признан страдальцем за старание исправить догматы о св. Евхаристии. Напротив, Беренгарий пострадал за то, что превращал и отвергал истинный догмат о пресуществлении в св. Евхаристии. Стр. 242. На поле против параграфа 2-го напечатано: почему христиане сделали свою религию недействительною и вредною? Своеволие человеческое может, правда, сделать религию христианскую недействительною, или лучше, неотъемлемую у сей божественной религии силу и действительность свободно не принять: но я не знаю, можно ли христианам сделать религию свою вредною!! – Стр. 254. Автор говорит, что Лютер оставил от религии все человеческие прибавки и выдумки, чрез которые не только вера, но и наружное Богослужение обезображены были. Каждый сын Восточной церкви верует, что пять таинств, которые Лютер отставил, не были человеческие прибавки и выдумки. А что он, думая отвратить безобразия в Богослужении, сам обезобразил Богослужение лишив его нужного благолепия и занимательности, в том соглашались ныне беспристрастнейшие из самих лютеран». По предписанию Комиссии дух. уч., согласно с мнением ревизора, предоставлено профессору – историю Шрекка «в нужных местах исправлять записками необширными и не иначе, как по предварительном сношении с ректором о их нужде и достоинстве». Впоследствии руководство Шрекка издано в исправленном виде. – Конспект Полянского (1819 г.) составлен уже по 2-му изданию Шрекка: «Учебная книга всеобщей истории», вышедшему в 1819 г. После предварительных понятий, изложение всеобщей истории идет по периодам: 1) От сотворения мира до потопа; 2) От Ноя до Моисея; 3) От Моисея до Ромула; 4) От Ромула до Кира; 5) От Кира до Александра Македонского; 6) От Александра до И. Христа. Затем новая история: 1) От И. Христа до Феодосия; 2) От Феодосия до Магомета; 3) От Магомета до Карла Великого; 4) От Карла Великого до Григория VII. (Здесь же идет и Русская история). 5) От Григория VII до Колумба (история всех государств и русского). 6) От Колумба до наших времен, кончая Петром Великим. – Конспект проф. Малеина (1821 г.) изложен уже не по периодам, а по народам, как и в нововышедшем тогда учебнике Кайданова: «Руководство к познанию всеобщей политической истории». Профессор же Н. Турчанинов, один из лучших преподавателей, по отзыву ревизора протоиерея Тимофея Никольского (1833 г.), преподавал древнюю, среднюю и русскую историю по собственным запискам, а новую по Шрекку, оканчивая ее Наполеоном I и Александром I. О его преподавании ревизор Иннокентий отзывался, что оно «заслуживает похвалу; удовлетворительные ответы учеников на непредвиденные вопросы и умение относить происшествия к эпохам свидетельствуют о внимательном слушании уроков. Весьма похвально, что ученики ознакомлены с важнейшими происшествиями новейших времен, и указана прямая точка зрения на причины, их произведшие. » По мнению же ревизора Павского (1830 г.), «надобно только для лучшего соображения и удержания в памяти разнообразных исторических лиц и происшествий историю оживлять географиею и синхронистическим сводом происшествий». Недостаточность географических знаний, нужные для истории, заметил в 1839 г. (при проф. Семеновском) и ревизор Иванов, поэтому предписано было озаботиться принятием нужных мер к усилению этого предмета (т. е. географии) в училищах.

Конспект Боголюбова (1837 г.) представляет подробное обозрение народов по векам, также применительно к Кайданову, – до 1812 года. При этом, заметно, не принималось во

внимание, что масса голых и сухих фактов, из истории не только главных, но и второстепенных государств, как Венгрия, Швеция, Дания, Шотландия и Ирландия, слишком обременительна для памяти, на что было указано в нормальном конспекте, и может служить в ущерб не только вообще разумному усвоению истории, но и в частности Отечественной истории, которая, по уставу, должна занимать первое место (§ 138). История же славян оставалась в небрежении. Русская история, по указанному конспекту, доведена до половины царствования Екатерины II, но по конспекту Семеновского (1841 г.) закончена только Лжедмитрием I, а общая Вестфальским миром.

К чести преподавателей нужно отнести, что они не запаздывали в приобретении вновь выходящих руководств. В конце 1839 г. по определению св. Синода, предписано было учебник Кайданова по русской истории заменить новым руководством Устрялова («Начертание русской истории»), которое взято время уже было в обращении в пет. семинарии. Еще в 1837 г. обер-прокурор Пратасов, бывши в семинарии, между прочим на уроке русской истории К. Боголюбова, обратил внимание на то, знаком ли преподаватель с новым руководством по этому предмету, и, когда тот показал ему имеющийся у него учебник Устрялова, то остался очень доволен.

5. Математика

Из конспекта Якова Толмачева (1811 г.) видим, что геометрия преподавалась по Фуссу («Начальные основания математики»), с дополнениями из геометрии Гурьева, которая вследствие ее обширности, по предписанию Комиссии дух. уч., в 1811 г. была отменена, как учебное руководство в семинарии. Алгебра проходила по системе Вейдлера (Jnstitutiones Matheseos, 1736 г.), затем и по Фуссу; механика и математическая география по руководствами изданным для народных училищ (1806 г.); пасхалия по книг преосв. Архиепископа Мефодия Смирнова «Правило пасхального круга» (1800 г.); физика сначала по руководству Гиляревского, изд. еще в конце прошлого столетия, потом по Шрадеру, «Начальные основания физики» (1807 г.) По замечанию ревизора Филарета Дроздова (1813 г.), «физика по недостатку новейшего классического писателя на латинском языке, преподаваема была на русском, под руководством преимущественно Бриссона». Первоначально она относилась к наукам философским, как сказано выше, но с 1814. г. она отошла уже к кругу математических наук. По отзыву ректора Иннокентия Смирнова (1815 г.), учебник по физике, «как ощутительно недостаточный, скудный и мало основательный, заменен собственными записками профессора (Веселовского), сокращенными впрочем, в ясном и математическом порядке (methodo) предложенными. Сей труд г. профессора, как единственный плод его соображения извлечений из древних и новейших физиков, написан им на 52 листах». Успехи же по математике Иннокентий нашел недостаточными, так как преподавателю приходилось повторять арифметику и останавливаться на «самых первых началах математики». Между тем, как видно из конспекта Райковского (1818 г.), проходила и тригонометрия, и конические сечения. У Наумова также излагается высшая геометрия, а физика более подробно, кончая магнетизмом. Пасхалия же, хотя и упоминается, но иногда оставалась в пренебрежении, поэтому ревизор Иннокентий в 1827 г. сделал замечание о том, чтобы «не опускать преподавания пасхалии, как науки нужной для дух. воспитанника», а преподавателю вообще предписано после этой ревизии «прилагать вящее попечение об успехах учеников своих», так как «во многих из них не доставало желаний» заниматься математикой.

В 1833 г. ревизор прот. Никольский писал, что по алгебре в семинарии введен учебник Себржинского, профессора спб. дух. академии, (изданный в начале 20-х годов и доселе еще не вышедший из употребления в петерб. семинарии), по геометрии – Райковского, а по тригонометрии – Фусса; физика же и механика преподавалась по собственным запискам проф. А. Михайлова, конспекта которого (1837 г.) представляет следующие основные заглавия: Алгебра. Геометрия. Плоская тригонометрия. Конические сечения. Физика, Пасхалия. С 20-х годов по пасхалии вводится руководство Тяжелова, по физике же с 30-х годов пособием был Баумгартнер. Комиссия дух. уч. с 20-х годов стала высылать журнал: «Указатель открытий по физике, химии, естественной истории и технологии». Но в 1835 г. Комиссия нашла, что «курс физико-математических наук, по утвержденному в 1814 г. конспекту, весьма обширен и, при неопустительном изучении главных предметов, обременителен», и, признав за нужное сократить означенный курс, составила новый конспект.

В том же 1835 г. был запрос из академ. правления, есть ли в семинарии физические и математические инструменты, так как Комиссия д. уч. предписала: «упражнять непременно учеников в основательном приложении к практике приобретаемых ими сведений в математических науках и озаботиться приобретением пособий и инструментов для обучения практическим измерениям». Поручено проф. А. Михайлову доставить сведения о пособиях. Ответ последовал, что инструментов никаких не имеется⁵⁵. В следующем году, тому же профессору Михайлову поручено было составить список инструментов, необходимых для преподавания физики. Он представил такой список, на сумму 3407 руб., причем семинария дала отзыв в академическое правление, что она не имеет возможности приобрести на свои счет означенные инструменты. Таким образом преподавание физики происходило в рассматриваемый период без физического кабинета.

6. Языки

Преподавание языков, как древних, так и новых, с 1814 г. обыкновенно приурочивалось к какой-либо другой кафедре. Ранее же были отдельные преподаватели языков. С 1814 года греч. язык соединялся с кафедрой церковной истории, еврейский с математикой, французский – с гражд. историей, немецкий – с словесностью. По латинскому языку отдельных уроков не полагалось⁵⁶, так как самое преподавание основных предметов происходило на латинском языке, а в 1812 г. было даже предписано говорить по латыни учениками между собою и с учителями, даже вне классов; во всех классах назначались сочинения на лат. язык, а сверх того, упражнение в латинском красноречии входило в курс преподавания словесности. Поэтому в конспектах некоторых из преподавателей словесности видим указания на то, что было сделано по предмету латинской словесности. При этом указываются и латинские писатели, которыми занимались ученики. У Толмачева (1813 г.) указаны: Цицерон, Гораций, Квинтилиан, Квинт Курций, Вергилий, Плиний. По назначению наставника Смирнова (1814–1819 г.), ученики низшего отделения должны были читать известных латинских авторов (Лактанция, Плиния, Цицерона) и в конце недели давать отчет о прочитанном. По этому поводу ректор сем. Иннокентий в 1815 г. писал о Смирнове академ. правлению, что он «недостатки сведения в учениках по латинскому языку восполнил своим особенным прилежанием, поощрениями и требованиями». Профессор Раменский (1820 г.) разбирал с учениками из речей Цицерона – за Архия; Ливиеву речь Пакувия к Перолле; Цицеронову повесть о приключении с Канием; назначал ученикам кроме латинских сочинений письменные упражнения в переводах с латинского. Пред уроками словесности у него читалось и разбиралось Стригеллиево изъяснение на Нов. Завет, на лат. языке. У Аменицкого заведено было, чтобы ученики в свободное время переводили с латинского и вписывали переводы в заведенные для того тетради, которые представлялись учителю еженедельно, по субботам. Начальство, с своей стороны, неоднократно обращало внимание на усиление занятий лат. языком. Так в 1826 г. семинарское правление, по записке ректора Антония, само обратило внимание на увеличение занятий лат. словесностью, для усовершенствования знания лат. языка, и ввело чтение латинских авторов, с аналитическим разбором по средам, на уроке словесности, и домашнее чтение книг как русских, так и латинских, с отчетом учителю. В 1827 г. ревизор Иннокентий заметил, что «успехи учеников могли быть еще значительнее, если бы для них не был тяжел лат. язык, на коем писана большая часть лекций» и предлагал «усилить тщание об успехах в латинском и греческом языке» и «усугубить чтение латинских авторов и сочинение задач на латинском языке». В 1828 г. было предписание сем. правлению озаботиться, чтобы даже ученики училища, переводимые в семинарию, могли понимать разговоры на лат. языке; тоже требуется и по «инструкции для обозревающего дух. уездное и приходское училища». (См. ниже, в гл. Отнош. сем. к учил.) В 1830 г. от академ. правления снова было напоминание о латинском языке и о занятиях учеников по латинской словесности переводом Лактанция, как в классе, так и дома, с отчетом, наставнику. В 1830 г. на экзамене по словесности спрашивали переводить из Лактанция, а в 1833 г. речи из риторики Лежая. В 1839 г. вследствие замечаний ревизора Иванова, предписано озаботиться усовершенствованием учеников высш. отд. в изъяснении уроков на лат. языке. – Пособиями по латыни были: лат. грамматика преосв. Амвросия Протасова (тульского), введенная с начала текущего столетия; словари: Шревеллия, Целлярия, Розанова, Кронеберга.

Вышеозначенное соединение языков с известными кафедрами не всегда строго соблюдалось. С 30-х годов оно начинает постоянно нарушаться. Так в 1834 году наставник Смирягин просил о переводе его с немецкого языка на французский, а Жемчужин наоборот. Правление, на основании отметок в аттестатах просителей, уважило их просьбу. Еврейский язык в 1841 г. преподавал проф. словесности Крылов. По гречески иногда был особый преподаватель. Перемены в прежнем распределении преподавания языков происходили и вследствие увеличения к концу 30-х годов числа учебных предметов и персонала преподавателей.

В начале рассматриваемого периода, занятия языками были гораздо усиленнее и серьезнее, нежели к концу его, когда круг предметов семинарского обучения расширился. Но

уже и в 1830 г. ревизор Павский писал в своем отчете, что языки в семинарии «преподавались очень хорошо и успехи учеников были значительны».

По гречески, по конспекту Дим. Воронова (1811 г.), переводились: киропедия Ксенофонта, слова Василия Великого и Еванг. от Иоанна (5 глав), а с русского на греческий кондаки и др. песнопения на Господские праздники. Впоследствии из дух. авторов, кроме Василия Великого, видим и Златоуста, а из светских, кроме Ксенофонта, отрывки из Геродота и Фукидида, Гомера, Пиндара и Демосфена, а в низшем классе Плутарха. По конспекту Полиевктова (1825 г.) указывается: грамматика, разбор и перевод из Златоуста – два слова и три отрывка (по хрестоматии); Василия Великого 2 слова; стихиры богородичные на 8 гласов; 6 писем Иоанна Златоуста; 21 письмо Исидора Пелусиота; апофегмы Плутарха, числом 25. В 1827 г. тот же преподаватель обозначает Лукиана Самосатского (жизнь его и 10 разговоров) и Григория Богослова (20 писем). Занятия эти нельзя относить к разным классам, хотя греч. язык преподавался в 3-х классах, так как одновременно с Полиевктовым был и другой преподаватель греч. языка. В 1841 г., по конспекту Галахова, указывается уже только слово Афанасия Великого: «о воплощении», переводившееся в высш. и средн. отделениях, а в низшем, по конспекту Успенского, названы слова Златоуста: на страдания Иова и – против тех, которые вместо церкви ушли на зрелища. Правда, эти последние конспекты – за один год и даже менее, но сравнительно с 20-ми годами то, что в них указано, – незначительно и, сверх того, неточно обозначено. Учебными книгами были: грамматика Лящевского (1-е изд. 1747 г.), хрестоматии – Каченовского и изданная Комиссией д. уч. в 2-х част., в 1822 г. из соч. св. отцев; греческая филологическая энциклопедия; Clavis linguae graecae. Словари – Шревеллия и Гедерика. Не был оставлен без внимания и новогреческий язык; с этою целью с 20-х годов выписывалась книга Попиадопуло «Российские и греческие разговоры». Ревизор Иннокентий (1827 г.) обратил внимание на тот факт, что ученик Гавриил Розов перевел между домашними занятиями книгу о церк. древностях с ново-греческого языка. Тот же ревизор, вообще отзываясь с похвалою об успехах по греч. языку, прибавляет однако же, что «многие (из учеников) умеют только читать». Это уже указывает на неравномерность в занятиях учителя с классом.

По еврейски, по конспекту И. Александрова (1811 г.), кроме изучения граммат. правил, было разобрано и переведено с евр. 35 псалмов, особенно из тех, которые неправильно переведены по славянски, а на еврейский переводилось послание ап. Павла к евреям; затем составлялись речи и сочинения на еврейском языке. По конспекту Райковского (1819 г.), преподавано: 1) элементы аналитического чтения по грамм. Фроша; 2) Из кн. Бытия переведено 17 глав, из других книг 37 глав и псалмов 37. У Наумова (1821 г.), в течение 2-х лет, кроме грамматики, – переведены – 61 глава из разных книг В. завета. С этого времени входит уже в употребление евр. грамматика Павского. По конспекту Михайлова (1840 г.), в высшем отд. основные правила грамматики пройдены по руководству Павского и из его же еврейской хрестоматии, составленной в нач. 1820-х г. (по программе одобренной от Комм. дух. уч.), переведено 35 статей. Для пособия употреблялись: евр. словарь Штоккия; Lexicon Ioannis Simonis.

До 1814 г. дозволялось ученикам выбирать один из 3-х языков: еврейский, французский, или немецкий, но по еврейски можно было заниматься и при одном из новых языков в высш. отделении. Затем еврейский преподавался всем ученикам семинарии; так как в 1821 г. было предписание от Комиссии дух. уч. чтобы все ученики не менее двух лет занимались еврейским языком, а желающие во весь семинарский курс; но вскоре еврейский язык стал преподаваться в высшем и среднем отделениях. С 1825 г. он делается обязательным для воспитанников лишь высш. отделения, хотя и другие могли заниматься, по желанию. При этом воспитанники, имеющие по еврейски отметку 3-го разряда, в общем списке состояли иногда в 1 разряде и часто не ходили в класс (по замечанию ревизора 1827 г.). Следовательно, важного значения еврейскому языку, по видимому, не придавалось. С 1828 г. встречаются случаи увольнения от занятий еврейским языком некоторых из учеников высшего отделения «по слабости зрения», иногда же увольняли и по другим основаниям: напр. в 1837 г. ученику высш. отд. Музовскому дозволено вместо еврейского языка заниматься финским, который отчасти ему был уже известен.

Новые языки (франц. и немецкий), как большею частью приуроченные к известным кафедрам с 1814 г., едва ли могли преподаваться обстоятельно, так как сами преподаватели не всегда могли быть вполне сведущи. В силу этого и видим с 30-х годов прошения наставников о перемещении с одного языка на другой (Жемчужина и Смирягина), удовлетворять которым правление признавало полезным.

По немецки, по конспекту св. Кораллова (1811 г.), кроме грамматики, занимались переводом Камповых повествований об открытии Вест-Индии, и из поэм Гесснера – на смерть Авеля, а также «Моральной библиотеки, – с резолюцией грамматической»; а с русского на немецкий переводили историю Шрека. В 1813 г. переводили из кн. *Sittenbuchlein für Kinder* и из Бэкона: *Polit Moral und Ekonom. Versuche*, а с русского на нем. оду из Иова и «вечернее размышление», Ломоносова. Впоследствии, (в 20-х годах) переводились статьи из нравственных сочинений Геллерта, Грота и Душа; или из сочинений Гердера, Шиллера, Марецолля, Рейнгарда, Гейденрейха, Лихтенберга, Тидге, Пфеффеля, – по немецкой хрестоматии Пелица, в первый раз выписанной проф. Аменитским, в количестве 17 экз. на 47 учеников, чтобы избавить их от излишнего труда «писать то, что переводится в классе» (1824 г.). Пользовались Российско-французско-немецким словарем Гейма. Потом введены: немецкая хрестоматия Ульрихса (с 1826 г.) и нем. грамматика Гольтергофа, которую велено в 1833 г. заменить грамматикой Ульриха, а с 1837 г. Гаке; около этого времени вошел в употребление немецкий словарь Аделунга. В 1838 г. вместо хрест. Ульрихса введена другая: *Auswahl von Mustern deutsch. Prosaiker und Dichter*, одобренная конференцией спб. академии. При этом не оставлялись без внимания и переводы с русского на немецкий.

По французски – «Похождения Телемака» (Фенелона) были самою употребительной книгой для переводов, также слова Боссюэта, речи Флешье, Бурдалу, последние особенно в высш. отделении, ученики которого, по отзыву преподавателя Полянского (1819 г.), могли переводить свободно, без приготовления, с французского на русский и обратно. В низш. отд. (1820 г.) употреблялась французская хрестоматия «*Le Magasin des enfants*». Ревизор Иннокентий (1827 г.) обратил внимание на недостаток учебных книг по французски. По конспекту Турчанинова (1829 г.), кроме Телемака – в низш. и средн. отд., ученики средн. отд. перевели и разобрали по хрестоматии 28 отрывков из лучших франц. писателей: Массильона, Паскаля, Роллена, Бюффона и проч. Грамматика была в употреблении сначала Соколовского, потом Перелогова; словарем пользовались Татищева. В 1834 г. по опред. Комм. дух. уч. напечатано новое издание франц. хрестоматии, с исключением из нее некоторых статей, найденных несообразными с целию дух. образования. В 1837 г. из франц. хрестоматии в. средн. отд. переведено 11 статей и из 2-й части – все стихотворения; в низш. отд. перевели 1-ю часть Фенелона Телемака. На переводы с русского на французский в эту пору нет указаний.

Со стороны большинства учеников не замечается особенного расположения к изучению новых языков. Они не были обязательны для всех учеников, да и те, которые изъявили желание заниматься каким-либо из новых языков, часто манкировали. Еще в 1811 г. учитель нем. яз. Кораллов жаловался, что некоторые ученики вовсе не ходили в класс. В 1841 году в списке профессора Симеоновского значится 66 человек низш. отд., числящихся на нем. языке, но из них только 12 записаны в первом разряде и отмечены занимавшимися с тем или другим успехом, остальные 54 поставлены в 3-м разряде и отмечены вовсе незанимавшимися. По французски, на 38 человек низш. отд., записанных в списке проф. Боголюбова, только 30 оказали некоторые успехи. Между тем только четверо из низш. отд. вовсе не числились на каком-либо языке.

Первоначально новые языки преподавались во всех классах. Но уже в 1825 году из высш. отд. только двое занимались новыми яз. (один по французски, другой по немецки), так как в высш. отд. еврейский язык был обязателен для всех, а уроки назначены были по всем этим языкам в одни и те же часы. Из среднего отделения почти все значились на новых языках (кроме некоторых, занимавшихся по еврейски); из низшего же отделения все состояли на том или другом из новых языков. Затем к концу 20-х годов ученики высш. отд. уже вовсе не значатся на классах новых языков. Новые же языки преподавались только воспитанникам средн. и низшего отделения, кроме тех, которые избирали финский язык для изучения, со времени введения его в петербургской семинарии. Еще в 1826 году, по Высочайшему повелению, Комиссии дух. уч. предложено открыть при петерб. семинарии, для детей финского

духовенства, уроки по финскому языку, «дабы обращено было особенное внимание, как на нравственное качество, так и на приличное образование определяемых в Финляндии духовных лиц». Сначала дух. консистория искала способного учителя финского языка; сносилась с академией по этому поводу, но, не найдя никого, предоставила это дело семинарскому правлению, которое прежде всего обратилось с запросом к ученикам, родом из Финляндии. Оказались двое знающих по фински: Ник. Логиневский (высш. отд.) и Гавр. Зотиков (средн. отд.), которые и представили правлению свои опыты в знании финского языка, но опыты их признаны неудовлетворительными, и поручить им лекторство правление не нашло удобным. Только в 1828 г. Комиссия дух. уч. нашла преподавателя, губ. секретаря Григория Окулова и определила его с штатным окладом жалованья, постановив обучать по фински преимущественно уроженцев Финляндии, не устрояя впрочем и других, желающих заниматься по фински. Семин. правление назначило для этого языка 4 часа в неделю; 12 человек из всех отделений изъявили на первый раз желание учиться по фински, почему и уволены были от занятий французским, нем. и еврейским языками, (хотя последний для воспитанников высш. отд. был все таки обязателен). В 1830 г. учитель Окулов представил также свой конспект, в котором значилось, что ученики обучены читать и писать по фински, также грамматике, показаны им различные наречия финского языка, перевели 15 глав из ев. Матфея с синтаксическим разбором. Но неимение учебника по грамматике удваивало труды учителя. В 1832 г. Комиссия дух. уч. постановила издать российско-финскую азбуку, составленную Окуловым. В 1833 г. Окулову разрешено отправиться в Финляндию, особенно в Гельсингфорсский университет, для лучшего ознакомления с финской филологией, по поводу составлены им грамматики, которую он окончил в 1834 г. От Гельсингфорсского университета был дан одобрительный отзыв об этой грамматике. В 1836 г. по определению Комиссии дух. училищ, издана была финско-российская грамматика, составленная Окуловым⁵⁷ и введена в семинарии. Тогда же издан и краткий катехизис, им же переведенный на финский язык. Число учащихся в 1834 году увеличилось до 28 человек, а в 1837 г. было 35 человек, но преподавание финского яз. назначалось собственно для воспитанников среднего и низшего отделений; в 1841 г. учащихся по фински было 20 человек; занимались же в этом году, кроме грамматики, переводом с русского на финский «Чина исповедания», изданного св. Синодом. (Конспект Д. Успенского.)

В числе предметов, вводимых постепенно, или расширявшихся в курс семинарского преподавания и составивших потом отдельные кафедры, кроме упомянутых выше «Церковных древностей» и «Библейской истории», следует еще назвать: Изъяснение св. Писания и Историческое учение об отцах церкви.

По нормальному конспекту Комиссии, требовалось дать образец изъяснения св. Писания на одну из книг Библии, также ученикам назначать для чтения книги св. Писания, с отчетом в прочитанном. Но обыкновенно чтение и объяснение разных книг св. Писания происходило пред началом уроков по разным предметам, на основании предписания от 3-го мар. 1819 г. Так в 1819 г. пред началом ученья (на класс математики) объяснялось евангелие от Матфея, пред уроками словесности (1820 г.) читались и объяснялись Деяния апостольские, пред уроками богословия читалось и объяснялось евангелие от Иоанна и т. п. Но в том же предписании сказано было, что, согласно распоряжению Комиссии дух. уч., должно уделять еще по 2 часа в неделю, чтобы составилась особый класс, общий для всех учеников семинарии, по чтению Нов. Завета, поочередно, наставниками. Назначены были 3-й и 4-й часы, после обеда, в субботу. В 1821 г. предписано в аттестатах делать отметку по предмету чтения Нов. Завета. Сверх того, по предписанию Комиссии дух. учил. в 1822 г., введены были к «общенародному наставлению» назидательный толкования или беседы пред литургией и на литургии. Толкования поручались ректору и наставникам, по соглашению, или по назначению правления; на первый раз толкования св. Писания назначены были ректору Поликарпу, инсп. Феодосию и профессорам Раменскому и Наумову, – поочередно. Тем же указом предписаны были и чтения из св. отцев, с целью «усиления в народе Православного учения», по определению св. Синода от 10 янв. 1821 г. Такие занятия изъяснением св. Писания постановлено было отмечать в послужных списках наставников, если они производились кем либо из них не менее года. За сим введенное в семинариях по одному разу в неделю чтение св. Писания с объяснениями в учебные часы, «продолжать ли или заменить церковным толкованием, (предписано)

предоставить усмотрению местного начальства». В 1826 году видим особые уроки по объяснению св. Писания, собственно нового завета, уже для всех классов. С 1826 года встречаем и конспекты по классу изъяснения св. Писания нового завета. Так по конспекту инсп. Саввы (1827 г.), объяснены были послания ап. Павла к Римлянам, Коринф., Галат., Ефесеям., с предварительными сведениями о писателе, времени написания послания, наречии, месте и пр. Но ревизор Иннокентий (1827 г.) сделал замечание, что «по св. Писанию не ходили в класс многие ученики, и отчета по этому предмету с них не требовалось.» С 1829 года класс чтения св. Писания был в пятницу, после обеда: в высшем и среднем отд. читал посл. апостольские Массальский (1831 г.), а в обоих низших – Турчанинов (евангелия). В 1833 г. Алексей Никольский в высш. отделении, инсп. Антоний в средн. и Массальский в низш. отд. изъясняли новозаветные книги. В 1835 г. по представлении правления, на св. Писание (вместе с греч. языком) определен особый, сверх штатный преподаватель (Галахов). Ревизор прот. Никольский (1833 г.) в отчете о пройденном по св. Писанию указывает объяснение евангелий и посланий ап. Павла. С 1837 г. введен и Ветхий завет, по предписанию Комиссии дух. уч. Вообще замечается постепенное расширение курса преподавания изъяснения св. Писания, к концу рассматриваемого периода. По определению же св. Синода, сообщенному из акад. правления от 11 окт. 1839 г., чтение св. Писания введено, как особый предмет, во всех трех отделениях, и на этот предмет вместе с Библейской историей (в средн. отд.) – назначен особый сверхштатный наставник (И. Зыков). При этом предписано «иметь бдительный надзор и неослабное наблюдение за успешным преподаванием чтения св. Писания и при составлении разрядных списков обращать особенное внимание на успехи по оному учеников».

Конспект Галахова по классу объяснения св. Писания (1837 г.).

А. Общее введение к чтению св. Книг.

1) Понятие о нем. Разделение его. Общее наименование всем книгам В. З. и разделение оных по содержанию.

2) Важность св. книг еврейских для христиан.

3) Понятие о канон В. З. и состав канонических книг В. З.

4) О книгах апокрифических. Исчисление их. Время происхождения и причина их наименования.

5) Подлинность св. книг В. З.

6) Неповрежденность св. книг В. З.

7) История св. текста. О первоначальном языке св. книг.

8) Разделение св. книг на парасхи и гавтары – на главы и стихи.

9) Истории св. текста период 1-й, от начала появления писаний до плена Вавилонского.

10) Период II-й, от плена Вавилонского до И. Христа.

11) Период III-й, от И. Христа до окончания рецензии сделанной Мазоретами.

12) Период IV-й, от Мазоретов до наших времен.

Б. Частное введение.

Здесь предлагается обзор отдельно всех книг Св. Писания В. З. со стороны их наименования, подлинности, времени происхождения, содержания, разделения, цели, а иные и в отношении пользы от чтения, места и причины написания, писателя и его намерений, духа, источников, достоверности, слога и т. п. Затем указывается объяснение в которых более замечательных или трудных мест из той или другой книги. – Недостает только малых пророков.

Но Новому Завету конспекта нет в 1837 г. но, как видно из программы публ. испытания, пройдены были и книги нов. заветные.

В 1841 г. видим уже подробные конспекты инспектора Иоасафа, преподававшего св. Писание во всех классах: в них, кроме введения к чтению книг В. и Н. завета, обозначаются все книги св. Писания ветхого завета (в высш. и средн. отд.), с историческими и литературными сведениями о них и объяснением более трудных мест, затем книги нов. завета (в низш. отд.), за исключением некоторых посланий ап. Павла и соборных посланий. Последние, вероятно, были объяснены другим преподавателем в предыдущем году, так как конспект инсп. Иоасафа, бывшего в здешней семинарии лишь один год, относится только к 1840–41 учебному году. Из пособий по части объяснения св. Писания встречаем указания только на «Записки на книгу Бытия», Филарета, (высланы в библиотеку еще в 1817 г.), «Краткое руководство к чтению книг ветхого и нов. завета», митр. Амвросия, изданное еще в

прошлом столетии; симфонии. Но наставники, вероятно, руководствовались, творениями отеческими и некоторыми сочинениями русских толкователей св. Писания, в род преосв. Аполлоса (Байбакова), Ириней Клементьевского (архиеп. псковского) и проч. С конца 30-х годов введен новый предмет в высшем отделении, под названием: Богословско-историческое учение о св. отцах церкви. По предписанию акад. правл. от 5-го августа 1838 г., предмет этот поручен ректору семинарии, но потом его занял профессор Галахов. По конспекту Галахова (1839 г.), перечисляются св. отцы от мужей апостольских (с Варнавы) до Григория Чудотворца, а в 1841 году его конспект окончен св. Димитрием Ростовским, с краткими сведениями о жизни и писаниях св. отцев. В 1840 г. были выписаны Галаховым для преподавания этого предмета книги: 1) *Historia scriptorum ecclesiasticorum usque ad saeculum XIV*, 2) *Bibliothèque choisie des Peres*, par Marie-Nicolas S. Guillon; также некоторые из творений св. отцев (иностранный издания).

Таким образом в течении 30-ти летнего периода число предметов с пяти (богословия, философия, словесность, история и математика) увеличилось до 10-ти, причем некоторые кафедры получили разветвление, другие вновь открыты. Особенно разветвление получили науки богословские, духовные, на которые, как сказано было выше (стр. 57) вообще предписывалось обращать более внимания, сообразно с назначением семинарии и «особенной целью духовного учения, которое должно образовать благочестивых и просвещенных служителей слова Божия». (Введ. к уст. учил. Отд. 1. § 3). К четырем языкам, двум древним (еврейский и греческий) и двум новым, присоединен пятый – финский, не считая латинского, который оставался языком преподавания и предметом постоянных упражнений. К концу рассматриваемого периода науки следующим образом распределялись по классам.

В высшем отделении:

- 1) Богословие:
 - а) герменевтика,
 - б) догматическое богословие,
 - в) практическое или нравственное богословие;
 - г) пастырское богословие.
- 2) Церковная История, общая и российская.
- 3) Археология, или церковные древности.
- 4) Богословско-историческое учение об отцах церкви.

В среднем отделении:

- 1) Философия:
 - а) логика,
 - б) метафизика,
 - в) естественное богословие и нравственная философия;
 - г) история философии.
- 2) Церковно-библейская история.
- 3) Математика (алгебра, геометрия, тригонометрия).
- 4) Физика.
- 5) Пасхалия.

В низшем отделении:

- 1) Словесность русская и латинская.
- 2) Гражданская история всеобщая и русская.

Затем во всех классах:

- 1) Чтение и изъяснение св. Писания;
- 2). Греческий язык.

В средн. и низш. отделениях: языки французский, немецкий и. финский, по выбору.

В высшем отд. еврейский язык.

При этом постепенно изменялось и расписание. В первое время, как видно из расписания 1813 г., уроки полагались до обеда, часы: 9-й и 10-й; 11-й и 12-й; после обеда – 3-й и 4-й; 5-й и 6-й. В 1810 г. был запрос, считают ли наставники удобным вместо 8 часов в день заниматься только 6, но чтобы не произошло ослабления в успехах. Наставники нашли это недостаточным, особенно для слабых воспитанников. После обеда назначались не только языки, но в высш. отд. и богословие с философией, а в низшем – история, математика и лат.

авторы. – Высшее отделение: богословие и философия по 5-ти раз. в неделю; эстетика – два раза; нем., француз., и. еврейск. языки по два раза, из них обязателен был один, хотя. иные, – занимавшиеся еврейск. языком, брали и один из новых: таковых было 13-ть человек. Греческий – 1 раз в неделю. Всего 15 уроков, но для изучавших новый яз. и евр. – 17. – Низшее отделение: риторика – 6 раз, история – 3; математика – 3, греческ. и латин. по 2 раза, география 1 раз. Всего 17 уроков.

В 1814 году было выслано новое, единообразное для всех семинарии расписание учебных часов и предметов, составленное в Комиссии дух. училищ. Тогда же акад. правление к 6-ти часам математики, т. е. трем урокам, предписало прибавить еще два часа, но сем. правление оставило по прежнему, так как проф. Веселовский обещал окончить этот предмет к своему времени, без прибавления двух часов.

В 1830-х годах богословие, философия и словесность были по 6 раз в неделю. – Гражд. история, математика и церковная история по 4 раза; языки – греческ., финск. и новые по 3 раза. Св. Писание 1 раз во всех трех отделениях. Затем, по новому расписанию 1838 г. словесность полагалась ежедневно, богословие и философия 5 раз в неделю, по граждан. истории было 4 урока, по математике с физикой (сред. отд.) 3, по языкам по 3 урока, по церковной истории, библейской (средн. отд.) и учению об отцах церкви (высш. отд.) – по 2 урока, по св. Писанию по 1 уроку в неделю – (во всех классах) и по археологии 1 (в высшем отдел.). – Уроков в день было три, по два часа каждый: от 8-ми часов утра до 10, от 10 до 12 и от 2-х до 4-х, – кроме четверга, когда последнего урока не полагалось вовсе, согласно Проекту уст. сем. Отд. II, § 62. Послеобеденные уроки стали назначаться преимущественно на языки. Всех уроков в неделю было 17. Число учебных часов, или уроков, у наставников было различно. В 1839 г. у ректора Афанасия было 5 уроков по богословию и 2 по чтению св. отцов (14 часов); по словесности было 6 уроков (12 часов), по философии 5 уроков 10-ть часов); у иных же было еще менее, напр. у наставника финского языка 3 урока (6 часов). Но и при этом замещение уроков больных наставников другими, свободными, как требовал в своей резолюции 1831 г. ректор академии, викарий Смарагд, не всегда было удобно, по ненахождению свободных преподавателей на лице.

Внеурочные занятия

Кроме классных занятий и уроков полагались домашние упражнения, согласно с § 22 Введ. к уставу дух. учил., который состояли или в сочинениях, или в назначенном, применительно к тому или другому предмету, чтении и должны были сопровождаться строгою критикою и замечаниями со стороны профессоров. Каждый месяц, в низшем же отделении и каждую неделю,⁵⁸ назначались ученикам сочинения на русском и латинском языках, а иногда и латинские переводы, о чем выше упомянуто; воспитанники же высшего отделения сверх того обязаны были писать и произносить проповеди, по назначению, в церквях Лазаревской и надворотней, согласно предложению ректора Макария в 1836 г., с каковою целию их посвящали в стихарь. Рассмотрение проповедей предписывалось Комиссией дух. учил., согласно мнению ректора академии, Филарета, ревизовавшего семинарию в 1813 г., – «возложить относительно объяснения Слова Божия на ректора семинарии, а относительно слога на обучающего эстетике». При этом вообще рекомендовалось «теорию эстетики прилагать к практике, – т. е. занимать учеников сочинениями». Лучшие из сочинений ежемесячно представлялись ректору. Сочинения назначались собственно по главным предметам, т. е. словесности, философии и богословию и подавались наставникам этих предметов. Сочинения по предмету гражд. истории отменены в 1814 г. в низшем отделении Комиссиею дух. учил., на основании мнения ректора академии, Филарета, в виду того, что ученики этого отделения не слушали еще уроков по философии, и потому «без сомнения не способны к философии истории». Но впоследствии постановлено правлением давать сочинения по истории гражданской и церковной; писали иногда и на темы из математики. Ректор Антоний в 1827 году рекомендовал наставникам давать сочинения и по всем языкам, преподающимся в семинарии. В 30-х годах письменные упражнения назначались не по главным только предметам, но и по церковной истории, св. Писанию, гражд. истории, так как правление находило это «наилучшим способом к усвоению в умах учеников уроков, преподанных наставником» (1836).

О темах, какие назначались ученикам для сочинений, можно судить по упоминаемым в ревизорских отчетах, или в донесениях ректорских академическому правлению, а иногда и в конспектах. В 1817 г. ревизор Филарет назначил следующие темы.

В высшем отделении, для русского сочинения:

- а) «всяк согрешаяй не виде и не позна Бога; всяк, иже в Нем пребывает, не согрешает»;
- б) всяк отменяя сына, ни отца имать и исповедуя сына и отца имать»;

для латинского сочинения:

«Quinam est status animarum inter mortem cor poris et iudicium externum?»

В среднем отделении, по русски:

- а) «поелику понятие о движении есть относительное, то все ли равно, что земля обращается около солнца, или солнце около земли?»
- б) «свет есть ли вещество, или только явление вещества?»

По латыне:

- а) «Utrum natura sua intrinseca, an Dei voluntate anima est immortalis?».
- б) «Quodnam est firmissimum argumentum pro immortalitate animae?».

В низшем отделении, по русски:

«о силе человеческого слова»;

По латыне:

«omnis, qui non operatur iustitiam, non est ex Deo».

Кроме того, «по окончании вопросов (экзаменических) ученикам низшего отделения дано было предложение на устное сочинение (exromptu): после трудов приятно отдохновение, и выслушаны оные сочинения от некоторых».

В 1818 году для среднего и высшего отдел. тема: «an possibilis, et quomodo possibilis est invisibilis directio rerum visibilium». Русское экзаменское сочинение дано было для домашнего упражнения, но причине воскресного дня, на тему (для высшего и среднего отдел.): Слава Богу! Затем в класс:

- а) «иже везде сый и вся исполняяй»;

б) «чем доказать, что душа есть существо простое?»

В низшем отделении, латинское: «*amare Deum est summum bonum*»; русское: «победа над собою выше всех побед» и «описание лета».

В 1819 году, в высшем отделении: «есть ли закон Христов, отличается ли он от закона Моисеева, или сходствует с ним?» латинское: «*quid sit homo carnalis secundum apostolum?*» Второе сочинение: «какая цель была чудес Моисея в Египте и по исходе из Египта?» В том же году в среднем отделении назначено сочинение по математике: «определить отношение синуса, косинуса, тангенса, и котангенса и определить отношение сторон треугольника»; в низшем отделении: «науки без благочестия вредны». В 1826 г. в высшем отделении: «*Nemo potest theologus, nisi vir probus*» и текст из Евангелия Иоанна; в среднем отделении: «что есть случай и существует ли в мир?» В низшем отделении, хрия порядочная: «должно почитать старших себя».

В 1827 г. при ревизии Иннокентия, в высшем отдел. тема «должно ли искать священства»; средн. отделен. «какое сильнейшее доказательство бытия Божия?» В низш. отдел. силлогизм ораторский из предложения: «кто худо учился словесности, тот не может с пользою учиться философии». Из тем, назначавшихся преподавателем в течении года по философии, означенный ревизор признал некоторые неудачными, напр., *nemo po test esse immortalis* и т. п. В 1830 г., (прп ревизии Павского), в высш. отдел. «о различии между законом и Евангелием»; «все люди искуплены И. Христом». Средн. отдел. «*qui philosophatur, non solis debet stare sensibus*». В ревизорских отчетах 1825 г. и 1833 г. указываются следующие темы, назначавшиеся для экзаменических сочинений, – на латинском языке, в высшем отделении: «*in quo consistit summa officiorum hominis?* или – «*quid requiritur ad salutem hominis ex parte ipsius hominis?*», в среднем отдел. : «*an dantur monades?*» или – «*quodnam est fundamentum cognitionis humanae?*» в низшем отделении: «*nemo sine naevo*», или, «*prava consortia sunt vitanda*»; русские сочинения в высш. отдел. на тексты св. Писания, (в роде: «ныне пребывают в рае, надежда, любовь, три сия: больше же сих любовь»), в среднем отдел. философские вопросы («ведет ли философия человека к цели бытия его?») в низшем отд. изречения и нравственные сентенции («к бедным должно быть сострадательным», «одна добродетель составляет счастье», «мысли о воздержании»). На эти и подобные темы, большею частью отвлеченные и нравоучительные писались так называемые хрии и рассуждения. Но ученики были упражняемы и в составлении другого рода сочинении, согласно с § 136, 2 Уст. По словесности, напр. писались речи: о пользе паука – о превосходстве общественного воспитания пред частным, или речи поздравительные, которые произносились учениками⁵⁹, также – описания: весны – стихами, удовольствий из наук почерпаемых; переложения прозы в стихи. По латыне также писались хрии из слов какого-нибудь писателя, напр., по конспекту Раменского 1820 г., были назначаемы: хрия автонианская из слов Сенеки *tota vita descendum est mori*, или из слов Григория Назианзена и др.

О писательском искусстве воспитанников отчасти можно судить по сохранившимся между делами семинарского архива за 1827-й год нескольким экзаменическим задачкам, принадлежащим перу наиболее слабых воспитанников, которые пред каникулами были уволены из среднего отделения за малоуспешность, но в сентябре снова просились в семинарию приватно и были поэтому подвергнуты повторному испытанию. Они писали рассуждение (*ex promptu*) на тему: «о влиянии философии на нравственное образование человека». Написанное, конечно, не представляет ничего основательного и замечательного, отличается, так называемыми, общими местами, по старому семинарскому шаблону, но ни в одном из сочинений не замечается недостатка смысла где-нибудь, или выдающихся логических и грамматических неправильностей. Для примера приводим отрывок из одного такого сочинения, с сохранением правописания автора.

а) Философия приводит нас к познанию и приобретению добродетели, которое (ая) есть украшение нашего сердца; доставляет нам такие познания, от которых мы бываем в сей жизни счастливы и научает нас жить свято для будущей жизни, б) Философия есть наука полезнейшая в сей жизни. Ибо она преподает нам правила, по которым воля человеческая управляется в избрании добра, которое нас и наше состояние делает благополучнейшими, – и в отвращении от зла, которое нас и наше состояние делает несчастнейшим, и сверх сего то и другое представляет нам в самых живейших истинах. с) Наконец философия обязывает нас к

почтению Бога, Царя, родителей, наставников и начальников; заставляет нас любить и вспомоществовать бедным, – и открывает нам путь к вечному блаженству. Следовательно, если философия делает совершенным наше состояние; если приводит человека к познанию себя самого; если делает прилежно ею занимающегося благоразумным человеком и вместе добродетельным: то великое имеет влияние и на нравственное образование человека».

Автор этого рассуждения курса не мог окончить. В том же 1827 году ревизор Иннокентий о письменных упражнениях семинаристов отзывался, что «между проповедями есть назидательные; рассуждения порядочны, хотя их немного; по латыне многие не способны писать задач».

Вообще о писательских способностях семинаристов рассматриваемого периода, а также и следующего, можно заметить, что ими они все таки выдавались пред воспитанниками других заведений. Существовавшая в семинариях метода обучения писать по известным риторическим формулам (периоды, силлогизмы, хрии), распространять предложения синонимами, эпитетами и обстоятельствами, кстати и некстати употреблять тропы и фигуры, прибегать к так называемым толическим местам и казенным мыслям, игр понятиями, софистик и резонерству, держась большею частию слога библейского или латинского, – отзывается, конечно, рутиной и схоластикой и как исключительная крайность достойна порицания, но имела и свою полезную сторону, помогая еще неустановившейся мыслительной способности подходить к предмету и принимать определенный строй, приучая к порядку и логичности в изложении мыслей.

Из практических занятий, в рассматриваемый период, видим обучение воспитанников семинарии прививанию оспы, о чем был особый указ св. Синода в 1811 году, потом предписания в 1812 и 1816 годах⁶⁰. Обучение это возложено было на семинарского врача; «пред окончанием, или непосредственно по окончании каждого учебного курса, но без нарушения прочих учебных часов». В силу этого, напр. в 1819 г. находим постановление правления, чтобы окончившие курс ученики семинарии собрались 12 июля в 9 часов, для выслушания лекции о прививании оспы семинарского врача Бока. В 1827 г. правление предписало врачу Жувенелю отметить в списках, «кто как из учеников понял» сообщенное им о способах оспопрививания.

Пение не составляло особого предмета обучения для всех воспитанников, но поощрялось и поддерживалось, особенно в интересах семинарского хора для богослужения⁶¹, а также и других хоров, набиравшихся из семинаристов и учеников дух. училищ. В мае 1811 года было представление ректора Анатолия правлению о том, что «для усовершенствования согласия и образования голосов певчих хора Его Высокопреосвященства (из воспитанников семинарии и училища) нужен регент искусный в инструментальной музыке, каковым признал эконома, священника Петра Турчанинова, который берет под свое ведение и хор семинарских певчих». Правление его определило, а митрополит утвердил, написав, что эконому «поручается как обучение архиерейских певчих, равно как и певчих семинарских. так и надзор за порядком над всеми, с получением жалованья уставщику положенного и доходов по назначении». Говорят, в короткое время, митрополичий хор был доведен Турчаниновым до такого совершенства, что почти не уступал придворному. – Инспектор Феофан, как любитель и знаток пения, естественно, также не мог оставлять этого предмета без особенного внимания.

В предписании Комиссии дух. уч. чрез академию от 24 мая 1828 г. между прочим говорилось, «чтобы ученики низших училищ тщательно обучаемы были церковному чтению и пению, и, переходя в высшие, не переставали в свободные от учения дни заниматься чтением и пением в церквах, по распоряжению, какое по местным обстоятельствам за удобное будет». – В 20-х годах были и особые учителя для семинарского хора, напр. Филиппов, из учителей училища.

Библиотека

Семинарская библиотека составлялась постепенно посредством покупки книг, пожертвований, присылки их из комиссии дух. уч. и из академий. До 1819 г. пока академия не была переведена в новое помещение, библиотека семинарская имела помещение вместе с академической, в холодной бане Александро-невского монастыря, (выходящей на нынешний училищный двор), где и осталась после перемещения академии. Но семинарские наставники, с разрешения ректора академии, могли пользоваться и книгами из академической библиотеки, откуда был даже выдан в 1810 г. особый список книг, назначенных для пользования в семинарии.

Первый ректор семинарии архим. Анатолий составил в сентябре 1809 г. каталог книг, нужных для семинарии и препроводил его в Комиссию дух. уч. Получив оттуда разрешение, он издержал на покупку книг в 1809–11 г. 1046 р. 52 к. из суммы присланной Комиссией в количестве 2153 р. 45 к.

Следующий ректор Мефодий из той же суммы истратил на книги 242 р. 10 к. В 1813 г. Иннокентий купил книг на 215 р. Как видно из расписок в приеме книг первого семинарского библиотекаря Гронского, для библиотеки покупались такие книги, как русская история Татищева, риторика Ломоносова, творения Златоуста, похождения Телемака на франц., геометрия Гурьева и т. д. Вновь выходящие книги и руководства выписывались правлением и по репортам преподавателей, но иностранные книги, особенно в большем количестве, приобретались непременно с разрешения Комиссии дух. уч., которая не всегда его давала. В 1820 году Комиссия обратила внимание на то, что при выписке книг в семинарскую библиотеку, не точно обозначаются их названия, не принимается во внимание дорогая цена книг и в число классических книг (руководств) помещаются такие, которые Комиссией не признаны классическими. Разные издания приобретались и по рекомендации академического правления, или высылались, по распоряжению Комиссии, большею частью из Московской синодальной типографской конторы; так в 1814 г. оттуда прислано до 120 названий на лат. и греч. языках по разным предметам, иные в нескольких экземплярах. В 1824 г. с февраля по декабрь поступило разных книг до 25 названий (65. экз.) на сумму, не считая высланных бесплатно, 115 руб. Ректор Антоний в 1826 г. препроводил в библиотеку несколько книг французских и немецких, купленных им раньше; затем в 1827 г. приобрел церковных книг и симфоний на 701 руб. 13 коп. по особому, для того составленному, по постановлению правления, списку. Ректора иногда покупали в библиотеку книги свои, или от своих знакомых. Так в 1837 г. ректором Макарием куплено 57 названий по богословию и церковному красноречию у протоиерея Василевского за 329 руб. Тот же ректор приобретал книги – в 1833 г. на 185 руб., в 1834 г. свыше 200 р., в 1836 на 157 и потом 211 руб. и проч.

Пожертвования поступали иногда от академии петербургской и частью московской, также от частных лиц, авторов и из разных учреждений и мест. В 1811 г. из академической библиотеки уступлены семинарии все те книги, который для академии были не нужны, или находились в ее библиотеке в нескольких экземплярах. В 1812 г. от протоиерея Бедринского поступило 100 экз. пожертвованных книг. Затем пожертвовали: митр. Амвросий 237 названий (1822 г.), ректор Иоанн 39 экз. (1826 г.), возвратившийся из Китая архимандрит Петр 7 книг на китайском языке; протоиерей Вениаминов (1840 г.) несколько книг, переведенных им на алеутско-лисьевский язык. Книги, оставшиеся по смерти иеромонаха Коневского монастыря Мисаила, препровождены были чрез консисторию в семинарскую библиотеку. В 1827 году, по распоряжению св. Синода, в ведение академии и семинарии поступила библиотека бывшего библейского общества, состоявшая большею частью из книг св. Писания, причем на долю семинарии досталось 52 названия. В 1836 г. книги, сданные по Высочайшему повелению в Комиссию дух. уч. из конфискованных имений, чрез Департамент государственных имуществ, – поступили в библиотеку семинарии⁶². Но в 1829 г. уже из семинарской библиотеки отослано, по предписанию начальства, несколько книг, преимущественно творений св. отцев, в новооткрытую Олонецкую семинарию.

Относительно выписки периодических изданий особое положение издано Комиссией от 12 авг. 1838 г., по которому разрешалось выписывать журналы, издаваемые правительственными

местами, на счет экономических сумм, по возможности, не касаясь сумм ассигнованных на приращение библиотеки. Так в 1841 г. получались журналы: Христианское Чтение, Воскресное Чтение, Журнал министерства народного просвещения, С.-Петербургские академические и полицейские ведомости. Но раньше (напр. в 1832 г.), сверх того, выписывались и такие журналы, как «Телескоп» с «Молвою», «Северная пчела», «Библиотека для чтения», «Журнал изящных искусств»; последний по рекомендации акад. правления, вследствие предписания Комиссии дух. уч. При этом замечательно, что чрез посредство семинарии некоторые, собственно духовные, журналы выписывались и посторонними лицами, напр. «Воскр. чтение» в 1837 г. выписывали чрез семин. правление: один иеромонах Ал. Невской Лавры, коллежский асессор Гурьев, крестьянин Катков и др. В 30-х годах не раз присылалось чрез акад. правление объявление об издании «Русского инвалида», но сем. правление не выписывало его, как издание «неотносящееся к образованно духовных воспитанников семинарии».

Следя постоянно за выпискою книг в сем. библиотеку, Комиссия дух. уч. старалась не допускать книг, по чему либо считавшихся вредными. Выписанные учителем истории Ивановым в 1810 г. сочинения Мабли и Ловека вычеркнуты были из списка в Комиссии, потому что Левек «часто российских летописцев представляет в превратном виде и во многом отступает от строгой исторической истины; а сочинения Мабли основаны на началах, противных правилам нравственности, заключают предосудительный мнения и для класса исторических наук ни в каком отношении не могут быть полезны». Мабли (*Droit public de L'Europe*), как известно, учил, что главнейшая обязанность гражданина – стремиться к свободе и равенству и для доказательства этого не стеснялся извращать исторические факты. В 1818 г. предписано: томы «Образцовых сочинений в прозе и стихах» раздавать для чтения учащимся с особенным разбором, так как Комиссия усмотрела в некоторых томах «статьи не совсем нравственные и для духовного юношества не назидательные», хотя и дозволено приобретать в библиотеку это издание. В июле 1825 г., до указу св. Синода, приказано отобрать в семинарии и училища книги мистического характера, как напечатанный без рассмотрения св. Синода: 1) Воззвание к славянам о последовании внутреннему влечению Духа Христова; 2) Таинство креста; 3) Путь ко Христу, соч. И. Бема; 4) Победная повесть, соч. Штиллинга; 5) Письма к другу об ордене свободных каменщиков. 6) Сионский Вестник 1808, 17 и 18-го годов (высланный в библиотеку в 1817 г. по распоряжению Комиссии д. уч.). 7) Краткие рассуждения о важнейших предметах жизни христианской. 8) Краткий легчайший способ молиться, соч. Гион. В предписании означенные книги названы противными вере и благочестию. Вследствие этого, сем. правление пересматривало каталоги и найденные части «Сионского Вестника», а также 6 книг «Божественной философии» – Дю-Туа, были запечатаны и положены до востребования. В марте 1830 г. согласно с предложением моск. митрополита Филарета, последовал Высочайший указ об изъятии из обращения книги Ветринского «Памятники древней христианской церкви» (т. 1-й) и о запрещении ее, если не будет исправлена, так как заключает в себе «сбивчивые и ложные изречения с латинского переведенные и мысли, благоприятствующие то латинству, то протестантству, а св. Писанию и истинному преданию противные». В 1838 г. из Комиссии д. уч. последовало требование о возвращении присланных экземпляров священной истории Сем. Красноцветова, бывшего бакалавра спб. академии, затем священника в Швейцарии, а впоследствии настоятеля спб. Воскресенского собора. Книга его, написанная просто и живо, одобрена была цензурой и Комиссией, но затем найдена не вполне православной. Одобривший ее к напечатанию ректор семинарии Макарий по этому поводу подал прошение об увольнении от должности духовного цензора. В том же году затребованы были из семинарии в Комиссию для просмотра 5 томов Церковной истории Флэри на франц. языке.

Для пользования воспитанникам учебные книги высылались из Комиссии или безвозмездно – для казенных и беднейших, или для распродажи более состоятельным, с некоторой уступкой. В 1825 г. издано особое положение о порядке снабжения училищ книгами и о образе составления книжных отчетов, по высланной печатной форме, которые ежегодно должны были представляться в академическое правление. Высылая книги из свои хранилищ, Комиссия требовала предварительно реестра нужных книг, с приложением денег, если такие книги значились в каталогах Комиссии, если же книги в них не были означены, то нужно было обозначать, для кого и для чего он нужны. Сведения о книгах предписывалось доставлять ежегодно в мае; сроки для пользования учебниками положены 5-ти летние. В 1830 г.

предписано было от Синода – ученикам богословия раздавать в собственность книги св. Писания из бывшего Библейского общества. В 1834 г. разрешена выписка книг в запас для всех духовных училищ, на основании особых правил: реестры книг представляются в Комиссию от академического и семинарского правлений, которая, на основании их, составляет свой реестр и отправляет требуемые книги, для продажи ученикам; запись таковых книг должна вестись аккуратно, по присланной форме. Бедным ученикам книги даются безмездно, на прежнем основании. Правление, за полученные из Комиссии книги, деньги уплачивает сполна, тотчас по получении книг, вырученную же за продажу их сумму вносить немедленно в пополнение семинарской экономии, – Относительно же выдачи книг воспитанникам, кроме учебников, из фундаментальной библиотеки, еще в 1809 г. было постановлено правлением, по предложению ректора: «ученикам давать книги по запискам профессоров, который предъявляются ректору». Это предписывается и проектом устава 1814 г. (§ 184.)

Общего и полного каталога книг семинарской библиотеки не было до 1827 года. В этом году обозревавший семинарию архим. Иннокентий Борисов обратил внимание на отсутствие в библиотеке исправных каталогов. Тогда же последовало распоряжение Комиссии дух. уч. о высылке в нее копий с каталога библиотеки петербургской семинарии. Бывший в то время библиотекарь Полиевктов должен был заняться составлением каталога в полном и упорядоченном виде, на основании отдельных каталогов, которых к этому времени в библиотеке находилось 7, но помаранных и неисправных: 1) каталог книг вновь приобретенных – 396 названий, – составленный черне библиотекарем Щелкуновым (1816–1818 г.); 2) реестр книг, присланных из спб. духовной академии, в числе 433-х, составленный академическими библиотекарями, иеромонахом Григорием Постниковым (1814–16 г.) и иером. Моисеем Платоновым (1816–17 г.); 3) список книг поступивших в 1822 г. от митрополита Амвросия, числом 62 экзempl. различного содержания; 4) список книг – от него же, еще 175 экз. 5) реестр книг присланных из московской синодальной типографии в 1814 г., числом 120; 6) каталог книг из дух. академии (1820 г.) в числе 713 экз. и 94 рукописей; 7) реестр книг, невозвращенных в разное время учениками и не оказавшихся на лице после библиотекаря Гронского (1814 г.), 124 номера, с означением имен невозвративших. По репорту Полиевктова и Ивановского, из которых первый сдал библиотеку последнему в 1827 году, в каталоге значилось: книг и рукописей – латинских 1231, российских 575, французских 81, немецких 69, языков малоизвестных 36, географических пособий 19; книг не принадлежащих к духовному просвещению 237; учебных латинских и греческих 519, российских 913, французских 5; но находились книги и не вписанные в каталог, всего было свыше 3685 экземпляров. В 1829 г. библиотекарь Ивановский сверял каталоги и вносил в общий каталог книги, раньше почему либо не записанные. Но форма каталогов, предписанная уставом (Отд. Ш, гл. IV), как видно, не вполне соблюдалась. Даже в 1839 г. ревизор протоиерей Иванов обращал на это внимание.

Что касается сохранения книг, то на этот счет предпринимались и местные те или другие меры и делались неоднократно разные постановления от высшего начальства. Еще в 1809 г. ректор Анатолий предложил и правление постановило между прочим такое правило: «одна книга долее 4-х месяцев в одних руках оставаться не может, не быв предъявлена в библиотеке». Правило это вошло и в проект устава 1814 г. (§ 182). В 1821 г. предписано было строго наблюдать за сохранностью книг, под ближайшею ответственности библиотекаря; тоже повторено в 1827 году. Удостоверение о целостности библиотеки семинарское правление должно было ежегодно в августе представлять в акад. правление, для сообщения Комиссии (предпис. от 7 мая 1827 г.). Относительно же ежегодной проверки книг правлением по каталогам неоднократно были предписания из академии, напр. от 2 дек. 1830 г., 23 февр. 1831 г., 3 сент. 1832 г. и пр. Об учебниках же еще в 1825 г. (от 21 авг.) предписано: вместо книжных отчетов препровождать в Комиссию чрез академию листы с собственноручными расписками учеников, получивших книги.

Однако же, несмотря на все предписания, книги не редко утрачивались. За таковые предписывалось взыскивать с виновных деньги (предпис. от 25 авг. 1830 г.), но издавна утвердился обычай взамен утраченных книг вносить другие. По этому поводу Комиссия д. уч. предоставила академии рассматривать, могут ли книги, представляемые вместо утраченных, заменять их «по сравнению цены, без потери», за исключением, впрочем, драгоценных по важности и редкости, об утрате каковых требовалось доносить Комиссии (предпис. от 21 авг.

1829 г.). Проф. Турчанинов два раза в 1835 г. представлял свои книги, взамен утраченных в его библиотекарство (до 50 названий), так как, по сравнению цены, представленные в первый раз найдены недостаточными. За проф. Е. Успенским остались (1830 г.) невозвращенные книги, которые после взыскивались и в 1832 г. взамен утраченных приняты, по определению правления, представленные им его собственные книги, каковых сочинений в библиотеке не имелось, но частью сделан был вычет из его классного оклада. По смерти библиотекаря Массальского, на оставшееся его жалованье положено (1835 г.) купить сочинения, утраченные в его библиотекарство из казенной библиотеки (24 названия). Таких книг куплено на 255 р. 10 к., потом еще на 60 руб. куплено книг вместо атласа Сансона 1692 г. не оказавшегося в продаже.

Всех книг фундаментальной семин. библиотеки, вместе с учебниками, к концу 30-х годов было 3750 номеров.

Экзамены

Испытания или экзамены производились обыкновенно два раза в год: во второй половине декабря (экзамен третной) и в первой половине июля (годовой). Изменение сделано было только в 1831 г. по случаю холеры, когда ученики были отпущены с половины июня до 22 сент. и экзамены произведены – годовые в октябре, а третные в феврале 1832 г. Одни экзамены назывались частными или внутренними испытаниями, другие – были публичные, около 13–15 июля. Пред началом экзаменов все наставники представляли к назначенному числу конспекты пройденного и списки учеников, с отметками об их способностях, прилежании и успехах. План или порядок экзаменов составлялся ректором и определялся правлением. Они происходили в течение времени от трех дней (1825 г.) – до семи (1841 г.) в два заседания: от 8 или 9 до 2 часов и после обеда, от 4-х до 6 или 8 ч. вечера. Экзамен по главным предметам продолжался три часа, по второстепенным 1 и 2 часа, а по языкам 1 час (1813 г.). О характер экзаменов еще в 1810 г. было постановление сем. правления: «подражать испытанию произведенному в академии, где обращено было внимание на успехи учащихся, а не на церемонию. Для того две речи оставить, заготовлять программы». Во время экзамена в одном отделении, ученики других отделений большею частью заняты были писанием сочинений – русского и латинского, или стихов (в низш. отд.), а также решением вопросов на бумаге, данных экзаменаторами (1819 г.) Чтение экзаменических сочинений обыкновенно назначалось разным профессорам, по определению сем. правления. Но по распоряжению экзаменов 1819 г. (ректора Поликарпа), «все профессора участвуют в рассмотрении ученических сочинений, который всегда должны быть оканчиваемы в присутствии испытателей». На частном экзамене присутствовали члены правления и профессора. По плану экзаменов 1818 г. «на экзамен присутствуют все профессора и дают вопросы после преподавателя предмета, а по окончании экзамена высказывают свое мнение об успехах каждого ученика». По предписанию Комиссии дух. уч., «испытание следует производить в присутствии учителей особенно тех классов, в какие переходят ученики». (1828 г.) Иногда же бывали на частных экзаменах и лица, принадлежащие к высшему начальству. Напр. в 1812 г. митр. Амвросий был на третном экзамене, в 1813 г. ректор академии Филарет. Он же был и на частных годовых экзаменах в 1814 г. В 1826 г. на декабрьском экзамене был Никанор, епископ Ревельский лет. д. Спрашивали большею частью всех учеников – по главным предметам: богословию, философии, словесности. По другим предметам и языкам не всех спрашивали; напр. в 1825 г. даже на ревизорском экзамене, по гражд. истории были спрошены только первые и последние ученики; по языкам также спрашивали не всех. О способе производства экзаменов по языкам ревизор Филарет Дроздов писал в 1817 г. «по каждому классу языков вопросы начинались из грамматики и наипаче из синтаксиса, продолжались из переводов с отечественного языка на иностранный и обратно». Иногда экзамен не ограничивали определенным сроком. Напр. по плану ректора Антония (1827 г.), во время ревизии Иннокентия Борисова, значилось: «испытание полагается начать с 4-го июля и продолжать дотол, доколе успехи каждого ученика по своим предметам будут узнаны». Здесь же находим предписание и о способе испытания: «ученики высш. отд. по Богословию и Церковной ист. будут испытываемы по жребию или по билетам, по прочим же учебным предметам ученики всех отделений – чрез вопросы своих наставников». Отметки качества устных ответов полагается «делать цифрами, приспособительно к разделению на разряды». Обыкновенно же отметки успехов, как в частных списках профессорских, так и в общей табели, делались словами: отлично хорошо весьма ревностно, похвально, хорошо, порядочно, не худо, мало, почти ничего, слабо, недостаточно и т. п. Письменные упражнения отмечались цифрами с дробями – от 1 (лучший балл) до 3 и 4, редко 5.

На публичные испытания приглашалось обыкновенно много разных почетных лиц. В 1827 г. на публичном экзамене (14-го и 15-го июля) в первый день присутствовали: Серафим, митрополит Новгородский и Спб.; Филарет, митроп. Московский; Филарет архиеп. Рязанский; Григорий, епископ Калужский; Никанор, епископ Ревельский; Макарий, митрополит греческий и другие члены Св. Синода, Комиссии дух. уч. и конференции дух. академии, а также и прочие посетители дух. и светского звания. В 1830 г. на публичном экзамене был обер-прокурор князь Мещерский. В 1833 г. был обер-прокурор Нечаев.

Или вот полный список приглашенных в 1838 г.

Митрополиты: Серафим и Иона; архиепископ Владимир, епископ Венедикт; ректор академии, архимандрит Николай; граф Ник. Ал. Протасов; обер-священники: Музовский и Кутневич; архимандриты: Климент, Феогност, Никодим, Иннокентий Платон, Палладий; протоиереи: Кочетов, Павский, Бажанов, Никольский, Добронравин, Духовский, Малов, Иванов, Иедешев, Малеин, Щелкунов, Степанов, Песоцкий, Смирнов; соб. иеромонахи: Иоасаф, Евсевий, Никанор, Антоний; профессора и бакалавры академии, Карпов, Вознесенский, Ростиславов, Орлов, Крупский, Гусев, Долоцкий, Бенескриптов; священники: Мелиоранский, Колоколов, Богословский, Стратилатов, Горянский, Раевский, Максимов, Пельгорский, Полиевктов, Дебольский, Ладинский, Сидонский; чиновники: Н. И. Турчанинов, М. И. Дмитревский, А. И. Карасевский, И. И. Розанов, А. Н. Муравьев, М. А. Воскресенский; доктор Александров; архитекторы: А. О. Щедрин, И. В. Оржевский. Всех приглашенных до 60 человек.

Секретарю правления обыкновенно поручалось делать эти приглашения, посредством печатных билетов – с конца 30-х годов; но знатнейших лиц ездил приглашать сам ректор. Программа публичного испытания составлялась ректором, но статьи по тому или другому предмету назначались преподавателем предмета. Чтобы дать понятие о публичных экзаменах мы приводим одну из таких программ, которая составлена ректором Макарием (в июле 1837 г.).

«Собрание откроется пением духовной песни: Днесь благодать св. Духа нас собра. Затем для испытания учеников будут предложены предметы в следующем порядке:

I) по классу богословия: учение о природе, происхождении, назначении и последней судьбе человека.

II) По классу наук философских:

1) из метафизики – о бытии Бога и свойствах Его.

2) Из философской истории – Пифагор и Лейбниц.

III) По классу словесности:

1) о церковном слове;

2) общие и частные правила описаний.

IV) По классу церк. истории:

1) из истории ветхо-заветной – о вступлении Евреев в Палестину;

2) из новозав. истории – о состоянии церкви российской во время татарского порабощения.

V) По классу математики и физики:

1) о конических сечениях;

2) о явлениях движимости тел и общих законах движения.

VI) По классу гражд. истории:

1) история Англии при Вильгельме завоевателе и его преемниках до Генриха VII Тюдора;

2) царствование Иоанна Васильевича III.

VII) По классу изъяснения св. Писания:

1) о книге пророчеств Даниила;

2) о Евангелии от Иоанна.

VIII) По классу греческого, еврейского, немецкого, французского и финского языков – переводы.

Собрание закончится приличною духовною песнию».

Кроме того для публичного экзамена в более древнее время (напр. в 1814 г.) назначалось ученикам готовить рассуждения и речи на латинском и других языках, преподававшихся в семинарии. В 1833 г. ученики словесности читали стихи своего сочинения.

Отметки в списке делал сам митрополит. Ответы на публичном экзамене, на вопросы и возражения особенно митрополита, имели влияние на место в списке и даже разрядов отвечавшего, хотя это можно сказать только о главных предметах, преимущественно о богословии. По этому поводу в записках прот. Виноградова рассказывается следующее: прежде, во время экзаменов, воспитанников спрашивали по билетам, и каждый мог обдумать наперед свой ответ. На публичном же экзамене 1819 г. митрополит Михаил, руководствуясь только кратким конспектом, задавал столь общие вопросы, что на них приходилось читать целую часть богословия. Так и мне в удел досталось *de angelis*. И сии *angeli boni et mali*

перерядили меня из первого, в котором был у Иннокентия, во второй разряд»,⁶³ (в котором Виноградов и окончил курс). Лучшие из учеников после экзаменов награждались книгами, в хороших переплетах, с надписями: «за благонравное поведение, ревностное прилежание и отлично хорошие» или «весьма хорошие успехи». Число награждаемых простиралось иногда до 30–50, напр. в 1821 г. награжденных было: 14 высш. отд., 16 – средн. и 21 – низш. Но чаще большинство награждаемых было из высш. отд. В награду выдавались обыкновенно книги учебные и пособия, напр. по богословию – соч. Фальковского, Штоша, Грунера, Рамбахия, Иоанна герменевтика, Руководство к церк. красноречию; по другим предметам: алгебра Себржинского, греч. грамматика Лящевского, история Шрекке, еврейская хрестоматия и проч. Впрочем впоследствии видим и книги не учебного только содержания. Так в 1838 г. награду получили 16 человек; в числе книг духовного содержания были: Слова о священстве; Черты деятельного учения веры; И. Христос на кресте; Путь ко спасению; Надгробные слова Флешье; слова Боссюэта; светских книг менее, напр. Наука о стихотворстве; Песнь на кончину Александра I, (из книг купленных у прот. Василевского на 82 р. в 1837 г. Макарием).

По окончании экзаменов, составлялись и окончательные разрядные списки – в годы ревизий – согласно с замечаниями ревизора, которые по предпис. 1821 г. должны были ежегодно представляться в акад. правление, а особая форма для них выслана в 1828 году. На основании их ученики 1-го и 2-го разряда переводились в следующие классы, а 3-го разряда одни оставались на повторительный курс, другие исключались; в первое время некоторые записывались вне разряда и назывались «не удостоенными разряда».⁶⁴ При переводе наблюдались не успехи только, но и возраст отчасти; младолетних учеников предписано было задерживать в низших классах, если не особенно бойко идут, также как и учеников «незрелого учения» и к слушанию высших наук (богословия и философии) допускать учеников «достаточно наставленных в приговорительных науках и не слишком младолетних».⁶⁵ Еще ранее, ревизор еп. Григорий (1823 г.) писал, чтобы правление «постоянно и тщательно соблюдало, дабы никто из учеников семинарии не оканчивал курса ранее 22-х лет и соображаясь с сим переводило из одного отделения в другое и из уездных училищ в семинарию». Отступление от этого правила иногда делалось по резолюции митрополита.⁶⁶ Исключение же из семинарии происходило не только чрез 2 года, но с 1814 г., вследствие предп. Комм. дух. уч., ежегодно и даже после каждых экзаменов – годовых и третьих; исключали «по великовозрастию» и «по слабости природных способностей». Впрочем, согласно примеч. к 173 § проекта уст. малоуспешным ученикам дозволялось «продолжать учение в семинарии приватно, до усмотрения на следующем испытании; но на собственном иждивении». В силу этого некоторые исключенные, по прошению, опять принимались в тот же класс, а иногда и в высший, приватно «до усмотрения их успехов», и если оказывали успехи, то включались в число действительных или ординарных учеников.

Также и оставленные на повторительный курс «по незрелости учения» переводились приватно, и даже не удостоенные перевода из училищ, – по прошениям, в которых ссылались на великовозрастию, или на болезнь, препятствовавшую им в успехах, или по прошениям отцов и родственников; а иногда и по вниманию к особым обстоятельствам, как это будет показано ниже.

В 1814 г. было предписание Комиссии дух. уч. «дозволять продолжать учение приватным, но на собственном коште состоять в ведомстве епаршеском, в которое и отсылать тотчас же, если не окажут охоты к учению». Отказывали же в приеме по усмотрению правления, или по несогласию профессора главного предмета, в особенности ректора или инспектора; напр. в 1827 года в числе других исключенных просился приватно ученик средн. отд. А. Знаменский, которому было отказано, по несогласию на его принятие инспектора и профессора философии о. Владимира. В том же году некоторые из учеников средн. отд. переведены в высшее, «с обращением в среднее в случае неуспешности чрез одну треть, или с исключением из семинарии». Оказывалось, что некоторые из частных, действительно, обладали способностями к дальнейшему продолжению учения, а те, которые успехов не оказывали, «обращались в предшествовавшее состояние» и увольнялись после экзаменов с прежними правами, даже состоявшие в высшем отделении частными и не оказавшие успехов не считались окончившими курс и в конце списка отмечались особо (1837 г.). Иногда же увольняли частных и среди года, просто напр. по записке инспектора о неисправностях или

неблагоповедении (1837 г.). После экзаменов обыкновенно ректор делал представление правлению о тех из частных, которые, по его наблюдению, на экзамене обнаружили некоторые успехи и наставниками рекомендуются не с худой стороны, – и таких включали в число действительных.

В 1833 г. на счет частных постановлено, по поводу просьбы исключенного Зотикова: исключенных из средн. отделения допускать privately, до усмотрения успехов, обучаться в высш. отд., «где преподаются истины не столь отвлеченные и более близкие к сердцу христианина и след. более понятные для него», при честном и скромном поведении; но не позволять исключенным из низш. отделения быть частными в среднем, так как без надлежащего познания наук, преподающихся в низш. отделении, невозможно продолжать учение с успехом в высших классах». Но в том же году Тихомиров, исключенный из низш. отд., допущен privately в среднее, ввиду намерения его готовиться в мед. хирургическую академию. Дозволено также privately обучавшемуся в высш. отд. Александров-невского училища поступить частным в низш. отд. семинарии.

В 1837 г., на основании вышеизложенного постановления, просился privately в высш. отдел. оставленный на повторительный курс в средн. отд. Иг. Вознесенский, но ему отказано, – ибо оставлен, а не исключен. Тогда же исключенный из privately обучавшихся снова допущен частным. В эту пору принимали частных уже под условием жить на вольной квартире, за теснотою помещения в семинарии. При отказе в принятии частных в конце рассматриваемого периода видим иногда и ссылки на указанное выше Высочайше утвержденное положение о способах к улучшению состояния духовенства (от 6 дек. 1829 г.). Вообще же твердых и постоянных правил на счет частных не было; принятие их зависело собственно от усмотрения начальства.

По окончании курса, воспитанников не вышедших на места оставляли в семинарии и обязывали заниматься дальнейшим изучением св. Писания, св. отцов и богословия. В 1811 и 1813 годах было предписание Комиссии дух. уч. о том, чтобы окончившие семинарский курс оставались пока в семинарии на казенном содержании и совершенствовались в богословских науках и сочинениях, под руководством архимандрита Филарета, бакалавра богословских наук в с. петербургской дух. академии; в 1812 г. обязанность руководителя окончивших курс возложена на ректора семинарии Мефодия. В 1814 г. их экзаменовали из книги: «о должностях пресвитеров». Затем, по мере открытия вакансий в приходах или духовных училищах, предписывалось – определять их на места. Впоследствии стали затрудняться в помещении окончивших курс и помещали их под условием нести обязанности старших; но не оставляли без должного наблюдения и тех, которые не жили в семинарии. В 1820 г. было предписание держать их в семинарии не далее следующего курса и то имеющих остаться в дух. звании, с поручением тех или других должностей и донесением академии об исполнении ими тех или других поручений, а также о месте и времени их выбытия. В 1827 г. правление постановило оставить только бедных и то подчинив их вполне надзору инспектора. В январе 1830 г. последовал высочайший указ св. Синоду «о принятии вящих способов к образованию духовного юношества и к обеспечению церковных причтов в безбедном их содержании». На этом основании Комиссия дух. уч. предписала семинарскому правлению обратить особое внимание на окончивших курс, но не получивших еще места. Правление определило слушать им повторительный курс богословия⁶⁷, произносить проповеди, делать переводы св. отцов с греческого и т. д. С предоставлением казенного содержания беднейшим. В 1834 г. Комиссия, по рассмотрении мнений акад. и семин. правлений, затребовавших по поводу Высочайше утвержденного 6 дек. 1829 г. «Положения о преподавании вящих способов к образованию духовного юношества», – составила и издала общие правила касательно кончивших курс, но еще не поступивших на епархиальные места. По этим правилам, семинарское правление должно было вести особый список окончивших курс и беднейших из воспитанников, не имеющих родных, содержать их при семинарии, или помещать на жительство в монастырях и архиерейских домах. Живущие в семинарии подчинены наблюдению благочинных, которые о поведении их должны отмечать в клировых ведомостях. В назначенное время, один или два раза в год, окончившие курс обязаны были являться к семинарскому начальству, для отчета в своих занятиях. Занятия же их должны состоять в чтении и изучении св. Писания, писаний св. отцов, житий святых и церковной истории, богослужебных и истолковательных по

богослужению книг, Кормчей книги, сочинений по расколу, – с выписками и собственными размышлениями читающего; затем в сочинении поучений и составлении переводов, по предмету веры и нравственности, с иностранных языков. Желаящим дозволено посещать семинарские лекции, и преимущественно по классу богословия. В свободное же от учебных занятий время предписано всем, сколько можно чаще, ходить в церковь, для усовершенствования себя в знании церковного чтения, пения и устава. Проверая ежегодно все занятия окончивших курс, семинарское правление должно было делать во том надписи на их аттестатах, а епархиальное начальство принимать надписи в соображение, при определении на м на места. Окончившие курс допускались, по этим правилам, и к занятию разных должностей: лектора по классу языков, старшего, домашнего руководителя (репетитора) учеников, письмоводителя⁶⁸, гувернера или надзирателя училища⁶⁹.

По получении этих правил, сем. правление просило консисторию сообщить ему список окончивших курс в разное время и находящихся без места и обязать их явиться в семинарию для отчета в своих занятиях. Но консистория последнего сделать не могла, за неимением сведений о месте жительства означенных учеников, список же их выслала, по которому окончивших курс и остававшихся без места в 1834 году было: 2 первого разряда и 4 второго разряда. Тогда семинарское правление препроводило в консисторию ведомость об отцах этих учеников и назначило время прибытия их в сем. правление, для отчета в их учебных занятиях, в феврале следующего 1835 года.

Окончившим курс выдавались аттестаты, а вышедшим из семинарии по той или другой причине – свидетельства.

Относительно этих документов в предписании акад. правления от 24 мая 1828 г. между прочим было изображено следующее постановление Комиссии дух. уч.: «в аттестатах и свидетельствах степень учения и достоинство поведения (должно) означать со всевозможною точностию и беспристрастием, дабы по пристрастным свидетельствам не прокрадывались в духовную службу люди к ней неспособные, или ее недостойные». Ревизор Иннокентий (1827 г.) указал между прочим на необходимость «верной выдачи свидетельств с означением нерадивым их лености, неисправным в поведении их неисправности».

При выдаче же аттестатов, действительно, могли быть неисправности, если не со стороны самого начальства, то со стороны канцелярии. Так на свидетельстве, выданном уволенному после годичных экзаменов в 1832 году, воспитаннику Вас. Светлову, рукою ректора Макария карандашом сделана следующая надпись, относящаяся к секретарю: «И. И. выправьтесь сами об успехах уч. Светлова по слов., гражд. ист. и нем. яз. Мне невероятно, чтобы он был таких успехов, как здесь означил Скроботов (письмоводитель). Вообще это дело требует возможной верности. Р. А. Макарий». Очевидно, уже после этого, отметка по словесности *дов. хорошо* зачеркнута и поправлена на *порядочно*; по немецкому языку к отметке *не худо* прибавлено – *частью*; но гражданской истории вместо зачеркнутого *хорошо*, написано – *очень порядочно*.

Иногда аттестат переменяли. Письмоводитель академии Сем. Эвенков, кончивший курс в 1825 г. в 3-м разряде, просил о перемене аттестата в 1826 г. на 2-й разряд. Переменили, «по уважению к тому, что он в низш. и средн. отд. сем. учился хорошо и ныне при прощении представил 2 сочинения, из которых латинское дов. основательно, а касательно поведения свидетельствуется с доброй стороны от правления здешней академии».

Вакация, или каникулы точно определены были при следующих обстоятельствах. Ректор архим. Анатолий в заседание правления сем. 19 июня 1809 г. вошел особой запиской по вопросу о вакации, должна ли она быть и когда, так как в семин. устав ничего не сказано, а по 45 § училищного устава для ней назначено 6 недель. Постановлено представить акад. правлению, чтобы вакация была в одно время в семинарии и училище, а пред ней экзамены. По объявлении от митрополита, вакация началась в 1809 г. 11-го июля в воскресенье, после благодарственного молебна, по окончании литургии, и продолжалась до 1 сентября, В октябре того же года (от 20-го числа) ректор вошел в правление новой запиской о необходимости точно определить начало и конец учебного года (см. выше стр. 11). «Для назначения времени, писал он, частным и публичным испытаниям нужно знать, когда должен начинаться и оканчиваться год семинарского курса. Но как семинария открыта 1-го марта, а учение по новому образованию началось, по получении устава, мая 18-го дня: для того сей запрос подлежит сомнению». Правлением определено: «ученики богословии и философии занимаются

некоторыми из тех предметов, которые надлежало бы им пройти в прошедшие два года. Потому семин. правление почитает за нужное испросить у высшего начальства, чтобы первый год семин. курса оканчивался в следующем 1810 году перед вакациею. Таким образом к двум годам, положенным в § 51 «Начертания правил о образовании дух. училищ» будут прибавлены единовременно два месяца, и сие прибавление для успеха учеников почитается достаточным». Затем учебный год установился с 1 сент. по 15 июля. В 1814 г. внесен и в проект устава параграф (174), определяющий учебный год и время вакаций – с 15-го июля по 1 сентября. Но срока этого точно не придерживались; особенно начало ученья никогда не происходило именно с 1-го сент. В 1817 г. напр. только 5 сентября был молебен пред началом ученья, в Лазаревской церкви, после обедни, лотом происходило чтение списков в семинарском зале. Относительно же отпуска на вакацию в окт. 1827 г. последовало из акад. правления особое предписание, чтобы ранее срока не допускать его, а то в архангельской семинарии 13-го июля был отпуск, а 14 назначена ревизия.

О продолжении зимних каникул ректор Анатолий входил запиской в правление 20 дек. 1809 г., указывая, что «в уставе семинарском не определено время, сколь долго имеет продолжаться сей отдых», (т. е. на Святках). Правление постановило: по всеобщему постановлению для училищ, как явствует из календаря, надлежит увольнять по 1 января, а в семинарии по прежнему заведению обыкновенно увольняли по 7-е января; неизвестно, чему следовать, почему представить Его Высокопреосвященству на благорассмотрение». Митрополит утвердил прежний порядок.

Ревизии и распоряжения высшего начальства

Ревизии в семинарии происходили большею частию каждое двухлетие, во время годовых экзаменов и назначались от академии. Вследствие ревизий делались те или другие предписания от академии и Комиссии дух. уч., на основании замечаний и отчетов ревизоров. В 1811 году, при окончании первого учебного курса семинарии, ректор академии, архим. Сергей (Крылов – Платонов), по поручению Комиссии дух. уч., обозревал семинарию по учебной части. Многие из предположений архим. Сергея, по рассмотрении их членом Комиссии, архиепископом калужским Феофилактом, утверждены Комиссиею и послужили к лучшему устройению учебной части в семинарии, точнейшему распределению порядка и объема учебных предметов, а также и устройению семинарской библиотеки. В частности, в предписании Комиссии, по поводу этой ревизии, говорится напр. об изменении конспекта по словесности, о назначении сочинений по истории, об отмене учебника по математике – Гурьева, как слишком обширного; об усилении латинского языка, на котором следует не преподавать только, но и разговаривать, наконец об окончивших семинарский курс (см. выше, стр. 110). Обращено также внимание на то, чтобы ученики приучались к произнесению проповедей в церкви и для этого постановлено было собираться чрез три недели в субботу, под руководством профессора эстетики, архимандрита Леонида. В 1813 г. обозревал семинарию по учебной части ректор академии, архимандрит Филарет Дроздов, при депутате бакалавр академии, архимандрит Иннокентий. Кроме выше приведенных отзывов его об учебниках и преподавании, получивших утверждение от Комиссии дух. уч., заслуживает также внимание следующие замечания его. Относительно расписания он замечает между прочим, что «в некоторые дни не положены учебными 11 и 12 час пред полуднем, время самое способное к ученью». О профессорских записках (в частности по истории) Филарет писал: «желательно, чтобы ученики руководствуемы были более изданными книгами, нежели обширными записками профессора, коих переписка может отнимать время, нужное ученикам для других домашних упражнений, особенно для упражнения в сочинении». Но долго еще в семинарии не выводилось преподавание по запискам. Относительно производства экзаменов, находим следующее поучительное замечание. «Принятый образ испытаний весьма много действует на образ преподавания наук. Без сомнения, каждый из обучающихся желает испытание порученного ему класса представить в наилучшем виде: а потому как бы принужден уже избрать такой образ преподавания уроков, который бы служил наилучшим приготовлением к принятому образу испытания. Ныне вообще в училищах духовных и светских более или менее господствует такой образ испытаний, по которому отличие ученика составляет скорый, обильный и блистательный ответ на данный ему от его учителя вопрос, но при сем недовольно внимания обращается на то, собственные ли мысли объясняет ученик, или рассуждения учащего, твердо замеченные и обдуманые, как собственность, произносит из хранилища рассудка; или помощью одной памяти повторяет то, что читал в учебной книге и вытвердил на случай экзамена. От сего возникает такой образ преподавания уроков, который действует более на память, нежели на разум учащихся и который столь сильно осуждается 16 и 17 пунктами введения к уставу духовн. училищ. Дабы предупредить в духовных училищах распространение сей слабой методы учения, нужно утвердить более строгую методу испытания, по которой бы ученик менее мог надеяться на свою память и временное приготовление, ц более имел бы случая показывать свой ум и постоянное внимание к своему предмету. Для сего 1) в испытаниях особенно внутренних (на которых не классы вообще доказываются публиче, для ее уверения в совершенстве училища, но ученики порознь испытуются и сравниваются для их поощрения), менее должно заботиться о красоте ученических ответов, но стараться каждого ученика показывать тем, что он есть, и потому давать вопросы не одним лучшим, но и слабейшим. 2) Вопросы может начинать учитель испытываемого класса, дабы нечаянность не приводила учеников в смятение, а продолжает непременно или ректор, или тот из других учителей, кому какой предмет более известен, и кого назначит председательствующий на испытании. 3) В ответах учеников должно более уважать основательность, нежели скорость. 4) Ректор, при составлении списка отличившихся на испытании учеников, в особенном внимании должен иметь тех из них, которые разрешат более трудные вопросы, с большею силою собственного

рассуждения. Между прочим, вследствие этой ревизии, Комиссия дух. учил. предписала исключить ученика высшего отделения Ив. Пенинского и препроводить в епархиальное ведомство, так как «он языками – еврейским, греческим и французским по своему волею совсем не занимался и замечен в предосудительных поступках при самом окончании учебного курса». В 1815 г., по предписанию Комиссии дух. учил., академическое правление назначило правление семинарии самому произвести испытание ученикам и представить отчет о состоянии семинарии во всех отношениях: нравственном, учебном и экономическом. Вследствие чего ректор семинарии Иннокентий вошел в семинарское правление с представлением, в котором писал: «по окончании частного, учиненного в семинарии сего 1815 г. июля 6, 7 и 8 чисел, в присутствии гг. членов правления семинарии и бакалавров здешней академии, по всем предметам испытания, которое академическим правлением предписано произвести с такою же точностью, как ревизорское, сделанные мною замечания вношу в правление». Затем следуют приведенные выше, в своем месте, одобрительные отзывы о Поликарпе, Смирнове, Веселовском (по физике). Вследствие этого объявлено им одобрение от лица Комиссии духовных училищ, а Смирнов возведен в звание профессора.

В 1817 году опять обозревал семинарию по всем частям ректор академии Филарет, уже епископ Ревельский. Между прочим он писал о преподавании: «Богословские науки, несмотря на ограниченность пособий по некоторым частям, еще не обработанным в училищах, преподаны основательно и удовлетворительно; с утешением можно было видеть, что духовные познания пустили корни в умах и сердцах учеников. В философских науках ветхость и скудость классической книги, какова Баумейстеровая, исправлена и дополнена понятиями новейшей философии, заимствованными осмотрительно, изложенными ясно, и без нарушения древнего порядка истин. Науки словесные преподаны без излишнего пространства и вразумительно. Знание латинской словесности не достигло еще желаемой степени совершенства, однако в сем сделаны, благонадежные усилия, чтением латинских писателей вне классов, с классическим отчетом в урочное время. Преподавание церковной истории несколько беспечно почитает на классической книге. Уроки всеобщей истории, хотя не совсем систематические, приняты довольно твердо. Наставления в физике достаточны. Успехи в еврейском языке довольные». Говоря о лицах начальствующих и учащих ревизор «первое и совершенное одобрение» делает о ректоре Иннокентии, и с похвалой отзывается о его профессорских трудах «Церковной Истории» и «Деятельном Богословии». Отзывы о других, также одобрительные, приведены выше, но о наставнике церковной истории прибавлено: «о профессоре церковной истории сказанного выше правление академическое да не благоволит сопрягать с важными заключениями, после замечаний словесно деланных мною в семинарии». После ревизии Комиссия духовных училищ предписала академическому правлению: «возыметь попечение, дабы те из сих сочинений, рекомендованных ревизором (т. е. уроки деятельной богословии Иннокентия, извлечение из философской истории Поликарпа и уроки физики Неофита), которые нужны для классического употребления, или ныне же, или по пересмотре сочинителями, истребованы были в академическую конференцию, для рассмотрения к напечатанию». Из других замечаний ревизора можно указать, напр. чтобы «исключения не способных учеников не смешивать в названии с увольнением».

В 1819 г. ректор академии, архимандрит Григорий (Постников) производил ревизию, после которой из Комиссии дух. уч. прислано одобрение ректору семинарии Полнкарпу «за особенные труды по классу философских наук в бытность его профессором сего предмета и за исправное окончание богословского курса», затем профессорам Смирнову и Райковскому. Он же обозревал семинарию в 1821 году. В 1823 г. ревизором был опять ректор академии Григорий; уже еп. Ревельский, и представил к награде профессоров Ветринского и Наумова. Он обратил внимание на то, чтобы «никто из учеников семинарии не оканчивал курса ранее 22-х лет», о чем он представлял и митрополиту, который утвердил его мнение. «Сие будет полезно, писал ревизор, и для епархиального ведомства и для самих учеников, которые по самой молодости лет своих не могут достаточно выразуметь надлежащим образом высших и особенно нужных наук»; по окончании же курса «весьма трудно будет употребить их по надлежащим местам в духовном ведомстве».

В 1825 г. по определению академического правления, утвержденному Комиссией дух. уч., ревизия поручена была самому семинарскому правлению, но на экзамене присутствовал

ректор академии, еп. Ревельский Григорий. Отчет об этой ревизии представлен был семинарским правлением академическому, в ноябре того же 1825 года. Вообще, в случае оставления семинарии без ревизии, предписано было представлять академическому правлению выписки из журналов испытаний вместе со списками по высланной в 1828 г. форме и перечневыми ведомостями (ср. предп. акад. пр. от 14 янв. 1836 г. и от 22 янв. 1838 г.).

Весьма обстоятельная по всем частям ревизия произведена была в 1827 году инспектором академии, архимандритом Иннокентием (Борисовыми), за которую ему объявлено одобрение от Комиссии дух. уч., со внесением в послужной список. Кроме тех или других замечаний по каждому предмету, который уже указывались выше, ревизор Иннокентий «для усовершенствования семинарии» сделал и некоторые общие указания по части учебной, так он рекомендовал: «вообще более сокращенное преподавание наук в частях менее нужных и усиление в важнейших; более разборчивый перевод учеников из класса в класс, особенно из уездных училищ в семинарию; попечение о снабжении их учебными книгами, а также и книгами для чтения, с требованием от них учителями отчета в прочитанном⁷⁰ и с обязательством со стороны учителей – представлять правлению списки рекомендованных для чтения книг. О чтении письменных упражнений: ревизор заметил, что по богословию они «сопровождались надлежащею критикою», а по философии «критика состояла большею частию в общей похвале или порицании». Но вообще учебную и нравственную часть Иннокентий одобрил, только об экономической отозвался не совсем одобрительно, о чем будет сказано в своем месте, и представил к вниманию начальства ректора с инспектором и проф. Полиевктова. По поводу этой ревизии было предписание от Комиссии дух. уч. 1) исправить недостатки, согласно замечаниям ревизора, 2) не опускать преподавание пасхалии и усилить тщание об успехах в латинском и греческом языках, 3) войти в рассмотрение, не нужно ли какие либо учебные пособия семинарии противу нынешнего их состояния усилить, 4) подтвердить некоторым учителям (Аменицкому,⁷¹ Е. Успенскому, Ивановскому), чтобы прилагали вящее попечение об успехах учеников своих». О Полиевктове Комиссия постановила, что «награждать его на сей раз не видит причины». Что же касается перемещенных уже ректора Антония во Псков и инспектора Саввы во Владимир, на те же должности, то «на нынешний раз Комиссия нашла службу их достойною исправления, а не награждения», (преимущественно за упущения по экономии и делопроизводству) и предписала им «избегать прежних погрешностей». Впрочем на характер этих «погрешностей» нет ясных указаний.

В 1830 году ревизия была поручена профессору академии, протоиерею Герасиму Павскому. В этом году обозрение семинарии назначено было «с тою преимущественно целью, чтобы поверить действия семинарского правления в исправлении недостатков и упущений, кои замечены комиссиею, ревизовавшею дела оногo» (см. ниже, в отд. Экономия). Семинария найдена была ревизором «в совершенной исправности по всем частям управления», поэтому, согласно с отзывом обозревавшего, акад. правление представило «в особенное начальственное внимание Комиссии дух. училищ» бывшего ректора Нафанаила, тогда уже епископа полтавского и инспектора Николая, который и получил после того сан архимандрита, а также профессоров Мелиоранского и Полиевктова к денежной награде за усердие, – последнего собственно за составление «полного и ясного каталога семин. библиотеки». Исключенных по экзаменам при этой ревизии сравнительно было мало, только семь. В 1833 году ревизором в семинарию назначен был член академической конференции, протоиерей Морского собора Тимофей Никольский, который составил подробный отчет о порядке экзаменов и о преподавании каждого предмета в семинарии. В 1839 г. семинарию ревизовал профессор академии и член конференции, Спасосенновский протоиерей Иоанн Иванов. Вследствие его похвального отзыва о ректоре Афанасии, последнему объявлено благословение св. Синода «за неутомимую деятельность по всем возложенным на него должностям».

От времени до времени, вследствие ревизий, или по другим поводам, в семинарию, как видно из предыдущего, присылались предписания: высшего начальства, от правления академии, или чрез это правление от Комиссии дух. уч., или чрез консисторию от св. Синода. Некоторые из этих предписаний касаются учебного дела вообще в семинариях, другие же имеют значение только для петербургской семинарии. Некоторые из таких предписаний уже упоминались, или указаны в своем месте. Сюда относится напр. и Высочайше утвержденное

«Положение о способах к улучшению состояния духовенства (от 6 дек. 1829 г., с указом «о принятии вящих способов к образованию духовного юношества», говорится о содержании всех учеников семинарии на казенном, для лучших успехов в занятиях, о задержании младолетних в тех же классах, об ограничении принятия частных, о преподавании духовных предметов с преимущественным вниманием и проч. Далее, введение или составление новых учебников для дух. училищ и семинарий, приложение новых методов преподавания, изменение курса обучения, – являются одним из наиболее важных предметов предписаний высшего начальства, как это так же мы видели. К концу рассматриваемого периода изданы еще следующие замечательные постановления. В мае 1837 года Комиссия дух. училищ, «чтобы преподавание богословских наук возведено было к большему совершенству, систематической правильности и единообразному порядку», – предписала профессорам богословия представить конспекты, при составлении которых «не держаться раболепно принятого порядка и способа учения, но разрешается сочинителям употребить собственные свои мысли и предположения к усовершенствованию и облегчению учения, к устранению ненужных, излишних, любопытством или духом школы изысканных любопрений, к пополнению сведений о предметах нужных, полезных и употребительных в священном служении церкви, к которому готовятся обучающиеся в дух. училищах». В силу этого ректор Макарий обязался в течение вакационного времени представить означенный конспект. При конференции же спб. академии составлен особый комитет, для рассмотрения книг богословского курса, представивший вскоре свое мнение⁷².

Особенно обширное и обстоятельное постановление об усовершенствовании всего учебного строя в семинарии было издано от Комиссии дух. уч. в 1838 г. Постановление это, может быть, отчасти имеет связь с поручением Комиссии членам своим: двум Филаретам (московскому и рязанскому) и Григорию калужскому, еще в 1827 году, «заняться пересмотром уставов и представить свои замечания с мнением об исправлении», но в нем замечаются уже иные влияния. Оно старается, как можно строже, установить сословие – профессиональный характер семинарского образования, «все классы проникнуть учением веры, и представляет собою последнее крупное распоряжение от имени Комиссии дух. училищ, как общий результат мер принятых с половины 30-х годов к улучшению семин. преподавания и прецедент к задуманной семинарской реформе⁷³. Это постановление «об усовершенствовании учебного устройства в семинариях» выслано из академии от 15-го июня 1838 г. «Усматривая в преподавании учебных предметов в сем. недостаток общего единства и точного направления главной цели духовного учения и некоторые другие несовершенства, Комиссия д. у. признала нужным постановить на сей раз следующие правила».

Сообразно с главным назначением семинарий – образовывать достойных священнослужителей, – должны быть направлены все части семинарского преподавания.

При преподавании словесности должно быть стремление образовывать человека, который мог бы правильно, свободно и убедительно беседовать с народом об истинах веры и нравственности, отсюда, преимущественно должно иметь в виду образцы словесности духовной и красноречия церковного. Из латинских писателей избегать таких мест, который проникнуты духом языческого мира, или «немедленно преследовать их замечанием о несовершенстве языческих понятий». Стихотворство преимущественно направляется к тому, чтобы «образовать привычку оборотливее владеть языком». – «Всемерно остерегать юные умы от незаконных порождений поэзии, в которых преобладает страсть и чувственность» и представлять высокие и чистые образцы истинно высокого и изящного в слов из св. Писания. «Пусть пленяются его словом и с тем вместе неприметно напитаваются его духом. Пусть еще с поприща словесности усматривают, как высоко без искусственное величие священного и песнопевца, или пророка пред усиленно выработанною прелестью стихотворца».

По греческому языку языческих писателей брать только для ознакомления с разными наречиями и видоизменениями языка; но преимущественно переводить отцов церкви (по из данной Комиссией дух. уч. учебной книге греческого яз.). «Надобно употреблять особенное старание, чтобы, не только высшее отделение, но и среднее с низшим, по необходимости много занятые светскими науками, проницаемы были духом церковным». – В классах новых языков от чтения светских сочинений удерживаться, читать же проповедников и сочинения о религии, благонамеренные и беспристрастные, встретившуюся ложную мысль опровергать.

По Гражданской истории – избегать критицизма и помнить, что «достовернейшие начала истории рода человеческого и древних народов находятся в св. Писании», так же произвольного систематизма, по которому «воображают какой либо народ и его историю невольным развитием какой нибудь роковой идеи», наконец и неосмотрительного политического направления; указывать в истории «нравственные черты и силы Провидения Божия». – Для ознакомления учеников среднего отд. с предметами высшего – ввести Церковно-Библейскую историю, отделяя для сего по 2 часа в неделю от философии и математики. К Церковной истории в высшем отделении присовокупить Богословско-историческое учение о св. отцах.

По философии – «все, что не согласно с истинным разумом св. Писания, как сущая ложь и заблуждение, без всякой пощады должно быть отвергаемо». (Ср. Проект. уст. § 141.) «Как руководительной нити», держаться того правила, что «истинного и спасительного познания должно искать выше разума человеческого, – в откровении Божиим». В особенности, логика чтобы не была «отуманена отвлечениями критицизма, которых разбирательство для незрелых умов представляет более трудности, нежели пользы». В метафизике «надлежит осветить возможным светом естественного познания главные понятия о Боге, Его свойствах, провидении и мироправлении, о духовности и бессмертии души человеческой... Истинная, смиренная философия должна сделаться служительницею истинной религии, способною низлагать возношения ложной, гордой, самонадеянной философии, взимающейся на разум Божий». По философии нравственной – «отнюдь не вдаваться в исследования, превышающие возраст учащихся, или находящиеся в стороне от цели для них предположенной, каковы напр. исследования, относящиеся к праву естественному и вопросы политические». Сочинения по философии должны быть писаны чаще на лат. языке. «Философия привыкла говорить латинским языком, а сочинения на нем пишемые должны усиливать знание его в семинарии».

Класс чтения св. Писания ветхого и нового завета, – общий для всех отделений семинарии, – «должен быть особенным пунктом соединения всех классов в одном предмете и в одном духе, свойственном училищу духовному. Класс сей вместе должен возобновлять и умножать в учениках первоначальные познания из катехизиса и ев. истории и непрерывно и безостановочно вести к главному предмету их учения – богословию». При этом предписаны и некоторые правила преподавания св. Писания: а) прочитывать разные книги св. Писания ежегодно из исторических, учительных и пророческих, ветхого и нового завета; б) «чтобы истолкование читаемого текста было краткое и простое, удобовразумительное и для младших слушателей, и назидательное для всех; в) что бы при сем, по приличию, напоминаемы были те части катехизического учения, к которым тот или другой читаемый текст относится; г) чтобы нужнейшие тексты догматического или нравственного содержания назначаемы были для изучения» Полезно, чтобы по воскресеньям пред литургией, в церкви, или зале, предлагались катехизические беседы, так чтобы в течение года или двух лет обращался весь круг истин катехизических. По этой части должна быть погодная очередь между всеми, или некоторыми наставниками.

По Богословию – устранять «пространные, более философские, нежели богословские, исследования о религии вообще, не излишние в высшем образовании, для готовности отвечать вопрошающему из числа таких людей, для которых по несчастью века, иногда нужно бывает разрешать сомнения о первых понятиях религии, но для семинариста и будущего сельского священника более обременительные, нежели полезные, и даже возмущающие мыслью о возможности сомнений, которых неиспорченный ум и не подозревает».

«Вообще буквальное перенесение уроков академических в семинарию есть не только не похвальная небрежность, но погрешность и нерассудительность, требующая исправления». Вступление в богословие должно состоять из рассуждений о божественном происхождении и достоинстве христианской религии, чтобы священник мог беседовать с простолюдином из нехристиан. «Преподавание и всех частей богословия тщательно должно быть приспособляемо к употреблению, по возможности освобождено от сухих и невразумительных форм школы и не преобладаемо стремлением к блестящей, но холодной учености. Надобно, чтобы учением богословия проникнуто и согрето было сердце слушателя: только вместе с сим истинно просветлится его ум и способен будет озарять и других светом живым, благотворным и спасительным».

За неимением вполне удовлетворительных учебников по богословию делается приглашение к составлению их. «В руководство богосл. учения нужна книга такого достоинства, чтобы ею могли быть поверяемы другие». Указывается катехизис Петра Могилы, который рекомендуется прочитать пред началом богосл. курса и с ним поверять подробности богословского учения⁷⁴. Для догматического богословия рекомендуется так же Богословие И. Дамаскина и Огласительные поучения Кирилла Иерусалимского. Для Церк. древностей – рекомендуется Новая Скрижаль, в виде конспекта из нее.

Об испытаниях. «Надобно, чтобы испытание касалось всего преподаваемого в продолжение учебного года или курса, и чтобы краткое, но рассудительное и свободное разрешение вопроса предпочтительно было пространному чтению по памяти из преподаваемых уроков. Должно искать в испытании не того, чтобы оно было благовидным зрелищем для присутствующих, но того, чтобы оно было справедливым и беспристрастным судом для всех учеников».

Предписывается далее – акад. конференциям составить конспекты по Церк. древностям и истор. учению об отцах церкви и представить в Комиссию к следующему учебному году, а наставников побудить к составлению новых учебников.

Сообщая это «постановление», академия с своей стороны повторяет требование о преподавании катехизиса Петра Могилы и извещает семинарию, что епарх. архиерей будет наблюдать за выполнением предписанного.

В силу этого, правление сем., согласно предписанию акад. правл. от 5 авг. 1838 г., поручило ректору Афанасию преподавать Истор. учение об отцах церкви⁷⁵; церк. древности – инспектору Антонию; Церк. Библ. историю (средн. отд.) И. Боголюбову; катих. беседы по воскресеньям в зале собрания пред литургией – «на сей год Андрею Михайлову, как незанятому никакою другою должностью». Но в 1840 г. он просил об освобождении его от этой обязанности, которую исправлял более года, поэтому она была поручена наставнику Полотебнову, затем в 1841 г. инспектор Иоасаф изъявил желание говорить катехизич. беседы (после литургии). В сентябре 1839 г. из Духовно-учебного Управления был запрос о том, как именно распределено преподавание катехизиса Петра Могилы. В 1840 г. последовал тот же запрос от академического правления. Ректор Афанасий отвечал, что катехизис «в начале богословского курса читается непрерывно с кратким объяснением и строгим отчетом, в виде повторения катехизического учения и приготовления к богословскому, с многими дополнениями из св. Писания. Было предположено окончить чтение катехизиса к половине октября, но опыт показал, что нужно продолжать его до половины ноября». Но в октябре того же года предписано преподавать Правосл. исповедание Петра Могилы уже в низшем отделении. Отчета требовать не только в чтении наизусть, «но в свободном изложении мыслей, без нарушения сущности предмета». Тексты же заучивать ученикам с буквальной точностью. В высш. отд. делать только указания и возобновлять в памяти главнейшие места из Правосл. исповед.

Вследствие отношения об. -прок. гр. Пратасова к митр. Серафиму, акад. правление в 1839 г. сообщило семинарскому список книг учебных, какие следует составить: 1) Учение об иерархии и каноническом церковном праве; 2) Богословско-историческое учение об отцах и проповедниках слова Божия; 3) Краткое обозрение книг Св. Писания; 4) Герменевтика; 5) Догматическое богословие; 6) Деятельное богословие; 7) Философия; 8) История философии; 9) Греческая грамматика, для низших училищ. Предложено было заняться составлением означенных учебников лицам, получившим академическое образование. Три раза академия спрашивала ответа от семинарии на это предложение. Наконец последовал ответ, что ректор семинарии Афанасий берет на себя составление догматического богословия, в течение 2-х лет, а учитель Д. Успенский заявляет намерение составить греческую грамматику к сентябрю 1841 года. – Им предписано соображаться с положением о новом образовании учебной части в семинариях, которое в то время было издано. В 1840 г. (по предложению бывшей Комиссии дух. уч.), академическое правление спрашивало семинарское, не желает ли кто из профессоров и учителей семинарии, или духовных училищ, составить латинскую грамматику, более удовлетворительную, чем бывшая в употреблении (преосв. Амвросия). Но желающих не оказалось.

Составление учебных книг и особенно рассмотрение и рецензии их, по поручению начальства, издавна составляли предмета особых занятий для семинарских наставников, хотя

в рассматриваемый период вообще немного было таких поручений. В 1816 г. профессор математики Неофит Веселовский рассматривал учебник арифметики Горянского, учителя Александроневского училища и одобрил его к употреблению, так же как впоследствии и ректор семинарии Поликарп. В 1822 г. было предписано исключить из училищных руководств латинскую книжку для переводов Евтропия и на место ее составить новую латинскую хрестоматию. Дело это поручено было ректору семинарии Поликарпу, который уже из Московской академии, где был ректором, выслал в 1826 г. составленную им хрестоматию. Книга представлена была академическому правлению, а отсюда в 1827 г. опять переслана в семинарию, для рассмотрения специалисту. Рассматривал ее тогдашний ректор семинарии Антоний и признал «полезною» и «удобною» для духовных училищ, в которых она потом и введена в употребление. --Ректор Макарий Зимин в 1831 г. был членом Комитета по рассмотрению руководств к изучению русского языка и составлению лучшего учебника. (См. ниже, в гл. Отношение семинарии к училищам). Преподаватель финского языка Окулов, по поручению Комиссии пересматривал и исправлял перевод сокращенного катехизиса на финский язык (1832 г.), составил финскую азбуку и грамматику. Его преемник Д. Успенский сверял в 1837 г. печатавшуюся финскую грамматику с рукописью и замечания свои должен был представить семинарскому правлению; просматривал так же начатки христианского учения на финском яз. в 1838 г. – Профессору Семеновскому поручено было в 1839 г. рассмотреть немецко-российский лексикон Шмида и определить пригодность его для духовно-учебных заведений. Книга найдена не заслуживающего того, чтобы ввести ее в пособие при изучении немецкого языка в семинарии. – Ректор Афанасий в 1840 г. рассматривал катехизис Петра Могилы и сделал краткие заметки на разные места этой книги, найденный им не вполне православными.

Воспитание

Хотя в рассматриваемый нами период, так называемое физическое воспитание не имело еще надлежащей, организованной постановки, но понятие о нем не было чуждо и нашей духовной школы. По крайней мере 1-й параграф «Введения к уст. дух. училищ» гласит: «общая цель воспитания юношества есть образование нравственных и физических способностей, согласное с его предустановлением». Но как физическая сторона воспитания соединена с теми или другими экономическими и хозяйственными условиями и средствами, то эта сторона и будет рассмотрена нами в отделе экономии. В настоящем же отделе мы имеем в виду собственно нравственное воспитание семинаристов.

Инспекция

По уставу, нравственное управление находилось преимущественно в ведении инспектора и сообразно с этим определялись все его обязанности (Проект уст. Отд. II). Инспектору особенно нужно было помнить, что «главное предустановление юношества духовного состоит в утверждении и распространении истинного благочестия». (Введен. к уст. духов. уч. § 2). Не даром и сам он был лицо духовное и духовное по преимуществу, как имеющий монашеский сан – верх благочестия. Он имел постоянное наблюдение за учениками вне классов, или лично посещая их, или имея надзор чрез старших (Проек. §§ 72, 73). По донесению семин. правления в 1825 г. академическому, «ученики в свободное от классов время весьма часто посещаемы были инспектором, с должным наблюдением касательно занятий их, и вместе порядка и чистоты в комнатах. Для непосредственного и постоянного наблюдения определены старшими отличнейшие и благонравнейшие из учеников выш. отделения», которые избирались обыкновенно инспектором, но определялись правлением и руководствовались инструкцией, от правления выданной. Таким образом надеялись достигнуть выполнения правила: «попечительное око надзирателей должно быть обращено на учеников в классах, следовать за ними вне классов и невидимо сопровождать их даже вне училища». (Введ. к уст. § 12). Между тем сам инспектор, как оице духовное, важное (нередко архимандрит), не на столько мог быть свободен, подвижен и доступен для воспитанников.

Первую инструкцию старшим поручено было сем. правлением составить инспектору Филарету. 12-го июня 1809 г. Филарет входил в правление запиской об учениках, отличившихся поведением и замеченных в предосудительных поступках. Из числа первых пять представлены им, на основании 62 пункта уст., как заслуживающие «составлять сословие старших, а следующие за ними, смотря по надобности, помощниками при них и в должности старших». Правление постановило: «дать им по должности инструкции и списки учеников вверяемых их смотрению; о чем объявить им в правлении и во известие всем прочитать сию статью журнала, при собрании всех учеников»⁷⁶.

Неизвестно, была ли составлена в то время требующаяся инструкция; может быть, она и послужила образцом для позднейших инструкций. Но только между делами 1826 года находим в семинарском архиве подлинную инструкцию старшим, под заглавием: «начертание должности старшего». Обязанности старшего, по этой инструкции, разделяются на постоянные и временные.

«Постоянные обязанности старшего по отношению к себ самому состоят в том, чтобы:

1) собственным примером предшествовать сословию, его надзору вверенному в постоянном и точном соблюдении правил благонравия и деятельности.

2) Наблюдая за поведением каждого из учеников, сообщать начальству сведения о их характерах и нравственности.

3) Каждый день после урока относиться к инспектору о состоянии комнат, его смотрению порученных и о поведении учеников; об особенных же поступках ими сделанных, об особенных посетителях и других происшествиях заслуживающих особенное внимание доносить без малейшего медления.

4) Без ведома инспектора никуда не отлучаться.

– По отношению к воспитанникам обязанность старшего требует, чтобы образ жизни их был совершенно сообразен с правилами их поведения. Посему

1) он обязан наблюдать, чтобы общий порядок часов во время учения был исполняем в точности. Порядок же часов прямо заимствован из Проекта уст. сем. §§ 62 и 63. Замечание же Проекта о том, что «не всем воспитанникам, но с некоторым разбором можно позволять оставаться вечером до 11 часов (по общему правилу до 10), в инструкции поясняется так: «тому, кто по невинным причинам не исправил своего дела в часы для сего определяемые, можно дозволить иногда оставаться до 11 часов».

«На основании сего расписания часов око старшего должно сопровождать учеников во всех их положениях».

2) Все упражнения располагающие к благочестию, особенно молитве должны иметь первое место во внимании старшего⁷⁷. Посему он обязан наблюдать, чтобы воспитанники

поутру начинали свое дело, а ввечеру оканчивали положенными церковью на то и другое время молитвами, в чтении их управляясь очередью; и чтобы во все воскресные и праздничные дни все вместе, по два в ряд, ходили в церковь к началу службы и стояли в благоговейном духе, помня всегда то, что отсутствие от богослужения, неблаговременный приход в церковь или выход из оной есть зло важное, и что небрежность в чтении и пении, бесчиние и неблагопристойность в церкви не терпимы в духовных воспитанниках⁷⁸.

3) Учащиеся в определенное время все должны быть в классе и отсутствие от оного ни под каким видом, кроме болезни и необходимой отлучки, не позволительно. В классе они обязаны сидеть благочинно и со всем вниманием принимать внушаемое наставником, отнюдь не занимаясь чем либо посторонним. Поздний приход и неблаговременный выход из класса подлежат строгой ответственности. В предотвращение сего беспорядка старшие сряду после звонка затворяют комнаты и никому не поверяют ключей от оных. Больной должен идти в больницу.

4) В столовой должна быть тишина. Посему никто не может выговаривать служащим при оной за недостаток чего либо, а тем менее требовать от них излишнего. Для лучшего устройства в столовой старший садится при учениках, в ведении его находящихся. При столе должны быть всегда все; не бывший за общим столом без достаточной причины, сам себя лишает пищи.

5) Во время домашних упражнений воспитанники обязаны быть в своих комнатах и заниматься данными им уроками. При сем старший наблюдает:

а) все ли ученики занимаются делом, тому времени свойственным;

б) какие они читают книги, отнюдь не позволяя ни читать, ни иметь книг духовному образованию неприличных;

в) требуя от них строгого в делах отчета, не позволяет им предаваться праздности, которая препятствует занятию других; и

г) не готовых к классам принуждает к исправлению.

Для облегчения себя в сих трудах старший избирает аудиторов, которые обязуются слушать товарищей и доносить ему о исправности или неисправности их; а сам он поверяет донесения аудиторов, заставляя одного или двух читать себе урок. Для той же цели старший имеет у себя приора⁷⁹, который сверх того помогает ему смотреть за поведением учеников во всех их положениях; право сие может иметь и цензор.

6) Чистота в комнатах и опрятность кроватей состоит на отчете старшего⁸⁰. Для соблюдения первой он имеет в подчинении служителя, не позволяя ему ни под каким видом вносить в комнаты ни пищи, ни столовой посуды, ни дров (?), ниже умывальницы. К последней принуждает самих учеников (?).

7) Хотя посещение учеников лицами посторонними вовсе и не запрещается; но

1) о всяком таком посещении в тот же день старший доносит инспектору;

2) посещения частные, особливо лиц малоизвестных и поздним временем не дозволяется, и для того

3) старший обязывается замечать качество посетителей и если усмотрит в них что либо предосудительное, воспрещает им вход.

8) К родственникам отпускаются на воскресные и праздничные дни по разбору; для сего старший представляет об них записку инспектору, помещая в ней только тех, кои во всю неделю были исправны и ни чем не очернили своего поведения. Отлучка из семинарии никогда не может простирается на ночь, и даже в продолжении дня, хотя бы то было на два часа, не иначе как с дозволения инспектора. Всякий уволенный непременно должен в пять часов вечера возвратиться в семинарию и явиться или у самого инспектора, или по его назначению у старшего, который в свое время уведомляет о том инспектора.

9) Прогулка, в летнее особенно время, может быть и вне семинарии. Но благоразумные воспитанники, пользуясь свободою, должны стараться, чтобы самая прогулка их была назидательна (ср. Введ. к уст. § 11), и сопровождалась целомудрием и скромностию. По сей причине старший обязуется позволять прогулку в часы для сего назначенные не каждому ученику порознь, но многим в совокупности, и одному из них, надежнейшему поручая смотрение над прочими, требует от него отчета в их поведении. Полное право на прогулку имеют ученики благонравные; а замеченные в каких либо проступках иногда в наказавие

лишаются сего права. Самая прогулка может протираться не долее часа. Хотя во время часов отдохновения музыка и может быть терпима; но пение без нот (?), и особенно простонародное строго воспрещается⁸¹.

Кроме сих постоянных должностей, каждый из старших по очереди принимает на себя особенную обязанность в продолжении дня, а именно:

1) он наблюдает за исправностию повесток и хождением всех учеников семинарии в классы, их исправностию и благочинием.

2) В праздничные дни наблюдает определенное время собрания учеников в залу пред богослужением и делает нужные по сему распоряжения.

3) При столе надзирает, чтобы неопустительно сохранялось чтение положенных молитв.

4) Во всякое время, а наипаче в отсутствие эконома, он может для верности надзирать над служителями, при приеме съестных припасов и при разложении участков (?), и в пище отказывать всякому, кто не присутствует при общем столе, или кто лишен оного в наказание.

5) К должности чередного старшего принадлежит, в особенном каком либо случае, обойти все комнаты учеников семинарии для объявления приказаний, или по другим поручениям от ректора или инспектора.

6) Тот же чередной старший обязуется, в случае умедления какого-либо профессора или учителя приходом его в класс до получаса, тотчас доносить ректору, а и кроме сего случая, дважды в неделю, в среду после ужина и в субботу после всенощной, являться к ректору, с донесением о наблюдении порядка учениками при богослужении, в столовой, жилых и больничных комнатах⁸².

Подписано 20 мая 1826 года: ректор сем. архимандрит Антоний, инспектор соборн. иеромонах Савва, секретарь Козьма Успенский, письмоводитель Семен Ольгинский.»

В 1832 г. инспектор Антоний, с разрешения правления, сделал незначительные изменения и дополнения в этой инструкции, обратив более внимания на соблюдение опрятности, большей точности и формальности в отношении отлучек и т. п. и предписав старшим иметь попечение обо всех нуждах воспитанников, а очередного старшего обязав ходить по столовой во время обеда и ужина⁸³. В получении и верном исполнении инструкции старшие должны были дать расписки.

Из инструкции старшим мы видим не только то, какие обязанности и полномочия соединялись с должностию старшего, но и то, какие дисциплинарные и моральный требования предъявлялись к воспитанникам.

Хотя старшие отчасти и облегчали деятельность инспектора, но, будучи сами учениками, они являлись в какой-то фальшивой роли пред товарищами, иногда отличались заносчивостью, надменностию и грубостию. В марте 1841 г. ученик Лебедев допрошенный в правлении, «почему оказал грубость дежурному», показал, что он вежливо просил дежурного снять фуражку, когда тот ходил по комнатам, а дежурный принял это за оскорбление и с гневом сказал: «не твоего ума дело, я ходил, хожу и буду ходить в фуражке, а ты будешь в журнале записан и наказан». Инспектор оправдал ученика. Вследствие подобных выходов старших, к ним, естественно, воспитанники нередко относились неуважительно, давали разные прозвища, делали на счет их гадкие надписи на стене, или над их кроватью, «по ненависти к ним» (донес. инсп. Иоасафа, в марте 1841 г.); один воспитанник «писал ругательства старшему на чайник», по донесению инсп. Антония в 1836 г. Вообще, старшие далеко не всегда стояли на высоте своего призвания: они и сами попадались в тех или других проступках и, если не успевали как нибудь скрыть их, к чему они имели более способов, чем простые воспитанники, то часто лишались своей должности. Напр. в 1809 г. по донесению инсп. Филарета, ученик высш. отдел. Афанасьев отрешен от должности за то, что «занимался с младшими учениками увеселительным огнем внутри семинарии.» В 1811 г. И. Полянский «за безвременные самовольный отлучки из семинара, лишен был должности приора; С. Деляев исключен из старших за неуважительные выходы против начальства. В 1812 г. инспектор Александров (впоследствии о. Феофан) доносил правлению о старшем Пенинском, не имея полномочия сам наказать его за то, что он в нетрезвом виде разбил глаз товарищу: правление на первый раз дало ему строгий выговор. Тот же Пенинский в 1813 г. за грубое обращение с подчиненными ему учениками, непокорность начальству и частую нетрезвость с буйством, уволен был правлением из числа старших и на 7 дней заключен под арест. По предписанию же

Комиссии дух. уч., исключен при окончании курса, (стр. 117.) В 1825 г. старший Л-в сменен за нетрезвость и наказан исправлением должности служителя при столе. В 1830 г. старший В-ов был сменен правлением с должности за своевольную отлучку и нетрезвость, но, когда чрез несколько времени добрым поведением загладил свои проступки, то снова был возведен в старшие. В том же году инсп. Николай представлял к увольнению и других старших за рассеянность и самоволие, или за нетрезвость. В 1833 г. воспитанник высш. отделения Щ. уволенный с казенного, ходил обедать в училищную столовую, но был замечен инспектором Антонием и выслан, а старший того номера, где он пребывал, уволен от должности и наказан, сверх того, голодным столом в течение 3-х дней. Были и еще случаи увольнения от старшинства в этом году. В 1838 г. старший, недонесший своевременно о самовольной отлучке ученика и возвращении его в нетрезвом виде, получил замечание от правления, с общим подтверждением для всех старших – доносить о важных проступках тотчас же. – Старший Д-ев (1841 г.), не раз возбуждавший общее недовольство, несправедливо донес на одного ученика, подговорив свидетелей, но после сам вынужден был отказаться от своих слов: за это был сменен и наказан, (см. ниже).

Отличившиеся же поведением воспитанники назначались в старшие, или получали звание старшего «для почести», но представлению инспектора, согласно Проек. уст. гл. V, § 101. И. Долоцкий за отличное поведение в 1811 г., О. Осторожнов в 1813 г. – причислены были «к сословию старших». (Ср. представление инсп. Антония в 1833 г.). В инспекторских ведомостях о поведении учеников относительно старших находим отметки: «в должности исправны и впредь надежны; рачительны в должности и впредь благонадежны» и т. п. В поощрение же старших и в награду за их труды, по представлению инспектора Антония (1837 г.), положено было давать им награды книгами, ценою от 2 до 5 руб., дважды в год, с надписью: «за отлично усердное прохождение должности старшего». Иногда, особенно в 30-х годах, на основ. предпис. об окончивших курс (от 9 марта 1834 г.), должность старшего возлагалась на воспитанников окончивших курс, большею, частью прежде бывших старшими и известных своим благонравием, за неполучением места, пребывавших пока в семинарии. Так в 1834 г. студент И. Голубов сделан был старшим, по представлению инспектора, как особенно благонравный и прежде бывший старшим. Были и еще случаи. (См. ниже в отд. «Воспитанники»). Даже один из учителей александровского училища, И. Преображенский, бывший старшим раньше, в 1837 г., согласно желанию, получил должность главного старшего, чтобы только жить с учениками семинарии на казенном содержании. В такого рода назначении замечается более разумности и целесообразности, такое старшинство приближается к современной должности гувернера или воспитателя; но такой обычай не получил распространения, вероятно вследствие недостатка кандидатов, по отсутствию приличного вознаграждения за означенную должность.

С 1830 года, как упоминалось выше (стр. 47), учреждается постоянная должность помощника инспектора. Поводом к учреждению постоянной должности помощника инспектора послужил случай, бывший в киевской семинарии, где ученик Чепурковский нанес смертельную рану ножом товарищу. Издано было даже Высочайшее повеление духовно-училищным начальствам (1830 г.) – быть точнее в исполнении своих обязанностей и иметь более строгий присмотр за воспитанниками. По получении циркуляра об этом из Комиссии дух. учил., семинарское правление определило помощником инспектора Добротворского и сделало особое постановление касательно инспекции и старших, чтобы обо всем доносили без утайки. Митрополит Серафим поручил викарию Никанору несколько раз в год посещать семинарию. Комиссия же дух. училищ, сверх того, вследствие представления некоторых епархиальных архиереев, с целью лучшего надзора, предписала определять помощников инспектора, от одного до трех, которые еженедельно три раза должны репортовать инспектору о благосостоянии семинарии, петербургскому же инспектору предписано еженедельно доносить викарию Никанору, еп. ревельскому, потом епископу Смарагду, о состоянии семинарии, так же представлять и ведомости о поведении воспитанников. Правление возложило на помощника все те обязанности нравственного надзора за поведением воспитанников во всех их положениях (как то: во время пребывания их в жилых комнатах, на церковном или комнатном богослужении, за обеденным или ужиным столом и даже когда они бывают вне училища, сколько то возможно), каковые уставом возложены на инспектора, но что бы он 3 раза в

неделю доносил инспектору, а не правлению, и наблюдал за исправностию старших, хотя они с своими донесениями так же должны обращаться к инспектору, и употреблял по отношению ко всем ученикам узаконенные меры. При этом предписано при составлении списков, в первый разряд включать таких учеников, которые, при хороших успехах, отличаются и благонаравием. Но в 1839 г. ревизор прот. Иванов обратил внимание на недостаточность инспекции. Сделав замечание об отсутствии надлежащей чистоты и опрятности в комнатах воспитанников он представлял о необходимости назначить помощника инспектора, которого пока не было, за отказом от этой должности проф. Крылова. Наконец в 1840 г. с целью усиления надзора, инспекторская в семинарии должность отделена от ректорской в александроневском училище.

Отметки о поведении и взыскания за проступки

Ежемесячно инспектор представлял правлению семинарии: составляемые им (с. 1830 года совместно со своим помощником) списки по поведению и ведомости о поведении воспитанников, которые рассматривались в правлении и на основании их делались те или другие постановления о воспитанниках. Означенные ведомости дают обильный материал для суждения о характере проступков учеников, дисциплинарных взысканий с них и вообще о педагогических приемах и воспитательных мерах со стороны семинарских педагогов рассматриваемого периода.

В инспекторских ежемесячных ведомостях встречаются различные отметки; о благонравных, «смотря по степени отличия, большею частию отмечается: отлично ведут себя, или весьма хорошо; благонравны; примерного поведения; весьма скромны; ведут себя похвально; ведут себя постоянно хорошо; довольно хорошо» и т. п. Относительно неблагонравных указываются те или другие проступки, напр. «замечены в нетрезвости, драк, воровств, в азартной игре в карты и бильярд; самовольно отлучаются; замечены в мотовстве, неблагоприличной игре», или просто: «груб, дерзок, злонамерен; имеет дух прекословия, неуступчивости, насмешливости и непокорности». Или у инсп. Филарета: «особенный бездельник», «своеволен и нетрезв», «упорен в нежелании учиться и по тому неуважителен к порядку». А вот отметки инспектора Ив. Борисова (Иннокентия – впоследствии): «нрава христианского; скромн и благороден; особенно скромн и терпелив; усерден к богослужению; смирен, прост и нерассеян; тих и весьма склонен к занятию; небрежен, груб, склонен к самоволию и ссорам; рассеян, дерзок, нерадив». В отметках инспектора Антония (1835–37 г.), кроме самых обыкновенных предосудительных поступков, каковы: самовольные отлучки в классное и неклассное время и даже ночью, нехождение в класс и нетрезвость, иногда соединенная с буйством, – затем кроме обычных голословных характеристик: хвастлив, глуповат, ленив, самолюбив, капризен, характера негодного и т. п., постоянно указываются те или другие случаи неблагоповедения, напр.

«Д. посылал за вином, чтобы праздновать именины, но вино было перехвачено»; М. и С. «продали часы и деньги оставили в трактире и в театре»; «И. обнаруживает ненависть к жизни и потому послан к отцу, как сумасшедший, ибо в семинарии нет средств держать таковых; И. в нетрезвом виде завел драку с мужиками на проспекте; оказал грубость подъяконому в столовой; С. был крайне нетрезв, найдены у него две бутылки с вином». О других: «дерзок, обругал огородницу; простер шалость в класс, впрочем безнамеренную, до того, что ударил товарища ножиком в руку и сделал рану; разбил с намерением стекла в столовой; простер шалость до того, что бил стекла в окнах; бил бутылкою монастырского служителя; оказал неповиновение профессору; читает скверные книги; часто бывает в трактире; уехал на Пасху и две недели не является; уличен в воровстве; до такой степени напился на обеде у купца, что упал из его кареты в ворота монастырских; пьяный хотел драться с привратником; разбил глаз товарищу; в день своих именин купил полведра вина и перепоил многих из своих товарищей, он же разбил стекло в карете преосвящ. Евгения, при его отъезде; И. и С. продали табашнику тетради товарища Р.; часто уходят в город во время послеобеденных классов и входят в неприличные духовным воспитанникам места.»

Воспитанники, рекомендуемые инспектором с хорошей стороны, согласно проекту уст. сем. гл. Т. § 101, получали одобрение от правления, выражаемое иногда в полном его присутствии, или «благоволение» правления, объявлявшееся в присутствии всех учеников; иногда просто объявлялась благодарность семинарского правления или «удовольствие начальства»; так же записывали их в книгу поведения в число отличных по поведению учеников. Напротив, неблагонравные получали выговор не только от инспектора, но и в полном присутствии правления (проект. уст. сем. гл. VI, § 103), или замечание с отметкой в общей книге поведения, а так же и в присутствии всех учеников: («сие определение в услышание всем прочитано в трапезе», 1809 г.); иные, неоднократно попадавшие в одном и том же проступке, должны были давать в правлении письменное обязательство не делать известного проступка и быть исправными в поведении. При этом употреблялись различные наказания, согласно с проект. устава, или правами, составленными инспектором и утвержденными правлением, напр. до 20-

х годов встречаем наказания: черным столом, отправлением в номера уездных учеников, посадкою за обедом ниже всех товарищей,⁸⁴ или ниже уездных – на один или несколько дней, стоянием на коленях в столовой; лишением обеда или ужина; обязательством читать не в очередь в столовой, подавать миски в столовой и вообще исправлять должности служителей, в течение одного или нескольких дней. Впоследствии часто стали прибегать к заключению в уединенном месте на хлебе и воде, в течение нескольких дней или к наказанию – сажать за особым столом, или ставить у печки во время обеда, оставляя на хлебе и воде в течение нескольких дней, до целой недели; лишению отпуска на известное время, увольнению из общежития; угрозе совершенным увольнением из семинарии, которое большею частию отсрочивалось до экзаменов; приватные же большею частию немедленно увольнялись, после донесения инспектора о их проступках, более или менее важных. За поведение нередко иногда понижали и в разрядном списке. К некоторым наказаниям мог приговаривать и один инспектор, за известные проступки. Так в книге под заглавием: «состояние сениорств 1823 г.», встречаем следующие резолюции инспектора против лиц, замеченных старшим в каком либо проступке и записанных: «стоять на коленях во время вечернего служения (всенощной); В–на посадить в будку; К–ского выгнать из семинарского дома за пьянство и буйство, в пример прочим; посадить в столовой ниже уездных а кормить хлебом и водою три дня» Против записи старшего от 4 июня: «ученики риторики N-18 до 11 час. вечера играли в городки и все спали в 8 часу утра, при обходе дежурного» – инспектор (Феодосий) написал: «обед стоять на коленях всем ученикам 18 №». По рассказам, бывали случаи (в конце 20-х годов) и собственноручной расправы со стороны инспектора; иногда он, обходя комнаты и замечая те или другие неисправности, напр. нетрезвость, тут же при всех. наказывал провинившихся «отечески», по тогдашнему выражению, т. е. приказывал бывшему с ним служителю сечь учеников розгами, на скамейке.

С половины 30-х годов, в инспекторство Антония Павлинского, замечаются более строгие наказания за те же проступки: нетрезвость, самовольные отлучки, невозвращение на ночь, уклонение от классов, или богослужения. Содержание в карцере на хлебе и воде нередко доходит до 7 суток; коленостояние назначается в продолжение 5 обедов, а в классе – в продолжении 6 дней, или 4-х и более классов; притом из высшего класса, для большего посрамления, посылали стоять на коленях в низший класс; некоторых определялось иметь в виду при составлении списков и на экзаменах, согласно с предписанием 1830 г. – за дурное поведение лишать в списке 1-го разряда; учеников же низшего отделения иногда наказывали «отеческим образом», т. е. секли; часто брали подписки об исправлении. Впрочем к концу рассматриваемого периода наказания ослабевают снова.

Нередко видим желание. применять к известным проступкам соответствующие наказания, напр. уклонение от богослужения, или нескромность при богослужении наказывались земными поклонами – до 30 и более – в столовой, или в зале – при богослужении – до 100; а так же коленостоянием во время богослужения; за оскорбление товарища полагалось испрашивать у него прощение, в присутствии товарищей и особенно самого инспектора (по правилам инсп. Саввы); один ученик, ударивший товарища по щеке, кроме наказания черным столом на 2 дня, должен был публично просить прощение у него и кланяться в ноги. Не явившиеся своевременно после праздников лишаемы были правлением отпуска домой на масленицу, или на Рождество. За самовольную отлучку нескольких учеников в течение нескольких дней на Пасхе, правление постановило: сделав им надлежащее внушение, не увольнять их на вакацию столько дней, сколько они самовольно отлучались (1826 г.). Самовольное катанье на чужой лодке, соединенное с буйством, наказано было лишением прогулки и голодным столом, в течение 3-х дней (1826 г.). Наказания старались так же применять к возрасту и положению воспитанников. В 1828 г. ученикам разных классов, провинившимся в нетрезвости, правление определило различные наказания: ученикам богословия назначено было в течение 3-х дней носить в столовой пищу; ученикам философии – в продолжении недели исправлять в номерах служительскую должность, с занесением их в книгу поведения; учеников словесности определено было наказывать розгами и записать в книгу поведения. Своекоштные увольнялись из общежития; приватные увольнялись вовсе из семинарии; имевшие ту или другую должность лишались ее, напр. в 1830 г. был лишен лекторства за нетрезвость Ив. Ч–ский, который в следующем же месяце был рекомендован, как отличный по поведению и успехам, но в 1831 г.

снова замечен в нетрезвости и наказан заключением, на хлебе и воде, в карцере на 5 суток; за этот же порок окончил курс, по списку, последним в 1-м разряде, хотя был из самых лучших.

Исключенные, но остававшиеся в семинарии, изгонялись из нее с сообщением об них консистории⁸⁵; так же и кончившие курс, но проживавшие без места в семинарии: напр. в 1826 г. шесть человек таких удалены были из семинарии, после шума произведенного ими, при возвращении из города в нетрезвом виде, ночью. В 1827 г. инспектор Владимир доносил правлению об окончивших курс, что они своим поведением «не только не подают назидательного примера ученикам семинарии, но служат для них соблазном, пагубным для нравственности». Постановлено: отказать им в содержании при семинарии, кроме тех из бедных, которые согласны будут нести все обязанности ученика и быть под непосредственным надзором инспектора.

Особые донесения о проступках и пороках, и наказания за них

Кроме ежемесячных, регулярных репортов инспектора о поведении воспитанников, бывали и экстренные донесения о выдающихся проступках, или случаях дурного поведения. По рассмотрении таковых донесений в правлении, обыкновенно производилось следствие, и обвиняемые призывались к допросу в правление, или должны были давать письменные показания по делу. Мы приведем несколько подобных случаев, для характеристики нравственности и состояния воспитательного дела в семинарии.

Одним из наиболее частых и распространенных пороков является нетрезвость, которая нередко соединялась с разного рода безобразиями: буйством, бранью и дракою с товарищами и посторонними, дерзостью к начальству и проч. И в ежемесячных инспекторских репортах постоянно встречаются отметки: «замечен в пьянстве», или «употреблении горячих напитков»; «был в нетрезвом виде»; «утром найдено много в нетрезвом виде», у такого-то «отобран штоф» или «бутылка с вином» и т. п. И в особых занесениях этот порок фигурирует, можно сказать, на первом плане. Но нельзя сказать, чтобы он преследовался начальством с надлежащею строгостию: часто оно оказывало излишнюю снисходительность и терпеливость. На допросе в Правлении ученики свободно показывали, что «выпил две или три рюмки, (или несколько рюмок), в трактире столового вина», или «угощали в погребе», иногда «у родственников пил пиво и пунш», или даже «пил в комнате». В первое время видим неоднократно случаи увольнения из сожительства с прочими, с угрозой о совершенном увольнении, – за пьянство, соединенное с буйством. Но вообще к этому пороку относились довольно снисходительно. По донесению инсп. Филарета (1809 г.), «певчий М–ский с тремя товарищами самовольно ушел на тоню, вернулся в нетрезвом виде, порывался бить старших и даже ударил, разломал кровать, казенный налой и разбросал платье приоров»; был исключен, но бывшие с ним за нетрезвость наказаны арестом и выговором. По записке же инсп. Филарета, исключен ученик И–ский за нетрезвость и скандалы, (ночью «пришел на гауптвахту и спрашивал девушек и семинаристов», откуда с часовым препровожден в семинарию при записке). На представления о нем митр. Амвросий написал резолюцию: «согласно сему предлагаю ученика И–ского из семинарии исключая отправить во Владимирскую епархию и для проезда дать ему пачпорт с прописанием, дабы нигде не проживая кроме ночлега, явился в тамошнюю консисторию, а в сию сообщить с прописанием поступков его для надлежащего о нем рассмотрения». Но исключенный не хотел выходить из семинарского помещения, несмотря на все меры к этому и продолжал пьянствовать, к соблазну других учеников, как доносил о нем в 1810 г. инсп. Мефодий. Нужно было вывести его силою. В том же году в течении нескольких дней так же пьянствовал и буянил воспитанник И. и был наказан правлением только трехдневным арестом. В этом году митр. Амвросий даже обратил внимание семинарского начальства на усиление пьянства в семинарии; но правление объяснило, что, строго преследуя этот порок, оно и чаще о нем доносит митрополиту, – в общем же пьянство уменьшается. Тем не менее постановлено принять меры. Действительно, до конца 20-х годов почти не встречаем выдающихся донесений о нем, вследствие ли замечания, полученного от митрополита, или, вероятнее, потому что в эту пору начальствующими лицами были такие, как Иннокентий Смирнов, Поликарп, Феофан, Иннокентий Борисов, Иоанн Доброзраков, имевшие, без сомнения, и высокое нравственное влияние на семинарское юношество. Дело, по видимому, изменяется со второй половины 20-х годов, и порок успевает вкорениться, как видно из последующих донесений.

По донесению инспектора Владимира (1828 г.), ученик высш. отделения «Гр. Л–цев напился в трактир, разбил и окровавил себе лице и на другой день найден в пьянейшем виде и, будучи посажен в будку, бранился матерно». Викарий Никанор дал резолюцию: «поступить с ним на основании 103 § е, Проекта уст. дух. сем. (уединенное заключение), объявив по наказании, что, если не загладит своего поступка примерным поведением в течении года, то будет исключен. Тот же И–цев после вместе с Б–ским в пьяном виде врывались в дом дьякона Скорбященской церкви, ругались и кричали, потом найдены инспектором в семинарии безобразно пьяными, причем ругали и инспектора, особенно В–ский, «понося его честь и ругая такими словами, о коих благопристойность упоминать запрещает, грозили ему ссылкой».

Правление, ссылаясь на устав, который рекомендует наказания употреблять «в духе отеческого попечения, составляющего истинный характер начальства училищного» (§ 108), несмотря на то, что не раз уже попадались означенные воспитанники, как видно из справки о них с 1823 года, в разнообразных проступках, – определило виновным: стоять на коленях три дня во время ординарных и экстраординарных классов, записать их в книгу поведения и поручить особому надзору ректора. Митрополит Серафим на этом постановлении дал следующую резолюцию: «если семинарское правление имеет надежду, что ученики В–ский и И–цев, впавшие в гнусный и нетерпимый даже в самом низком состоянии и звании порок пьянства, который увеличили они еще и буянством своим, могут исправиться и сколько нибудь загладить его трезвенным, скромным и честным поведением своим; и если дьякон Скорб. церкви, а наипаче о. инспектор архим. Владимир согласятся простить их в оскорблениях, который причинили они им: то из уважения единственно к молодым летам их и к несчастному состоянию семейств их... а еще более в надежде их исправления; не исключать их из семинарии. Но как они опорочили ее поступками своими, учинить следующее: В–ского, яко более виноватого, заставить во время ординарных и экстраординарных классов стоять на коленях в продолжении 5 дней, а И–цева в продолжении 3-х дней, с тем однако же, что если впредь они замечены будут в пьянстве, ослушаниях начальству своему и буянстве: то не токмо из семинарии, но и из духовного звания вовсе исключены будут. Впрочем же учинить по мнению семинарского правления». Дьякон Скорб. церкви и инспектор Владимир с своей стороны простили вышеозначенных учеников.

В июле 1828 г. в Малом театре взят полицией ученик А. В–ов средн. отд., «в весьма пьяном виде». В письменном показании правлению заявил, что от жажды выпил бутылку меда и в театр с ним сделалось головокружение и тошнота, потом бесчувствие, в котором его и взяли в полицию. Правление, относясь более строго к проступкам семинаристов публичным, когда замешана бывала и полиция, постановило: в присутствии учеников высечь В–ова лозами и обязать подпискою в добром поведении.

О воспитаннике В–ском инспектор Николай доносил (в 1830 г.) что, при входе инспектора в комнату, он встал было, но повалился сейчас же на кровать и на вопросы инспектора ничего не мог выговорить. Наказан был обязанностью три дня подавать блюда в столовой за обедом и ужином. В 1831 г. было донесение об ученике низш. отд. С. З–ском, который, будучи помещен во время холеры в числе других, не имеющих пристанища, в Петропавловское училище, в пьяном виде разбил 15 стекол и сломал раму в училище, о чем донесено было ректором училища протоиер. Стахией Колосовым, вместе с инспектором свящ. Иоанном Долоцким. З. и прежде был замечаем в нетрезвости; наказан семидневным заключением на хлебе и воде и дал следующую расписку: «впредь не только не буду упиваться и чинить буйства, но и не употреблять никаких горячих напитков и вести себя, как надлежит духовному воспитаннику, – честно, кротко и благонравно; в противном случае неминуемо буду подлежать исключению из семинарии, с худым свидетельством». Нетрезвость и посещение трактиров, по донесению инсп. Николая в 1832 г., наказаны трехдневным карцером со внесением «в черную книгу». В 1832 г. препровожден из полиции Андрей Н–ский, произведший шум в пьяном виде и намеревавшийся ударить градского стража чубуком. Назначено: 3 дня ареста и в «черную книгу». Впоследствии исключен за нетрезвость, но чрез год снова принят уже из послушников и хотя по прежнему попадался в нетрезвости, но окончил курс в 1835 г. При этом иногда замечается уже сильная склонность к нетрезвости, начало запоя, как жанр, в Ив. Ч–ском (1831 г.), который, как выше упомянуто, был один из лучших учеников. Или, в 1833 г. инсп. Антоний доносил о Д–ов; «при добром сердце и любви к наукам не может преодолеть склонности к употреблению горячих напитков».

В ноябре 1838 г. инспектор Антоний доносил, что ученик средн. отд. митрополичий певчий Вл. Т–ский, в нетрезвом виде, привел от всенощной на семинарский коридор женщину, одетую довольно хорошо, снял с нее салоп и сорвал шейный платок; вероятно, бил, потому что она закричала о помощи» Из ближайшей комнаты выбежали ученики Ламанов и Гуляев и убедили Т–ского оставить женщину. Салоп ее был возвращен, но платок на другой день найден в коридоре семинарским кучером. Свидетелей – учеников приводили к присяге, а виновного заключили пока в служительскую комнату, приставив к ней надежного служителя. Т–ский раньше был исключен, потом принят приватно и затем включен в число действительных

учеников. При допросе показал: «отворил дверь я, нечаянно толкнув какую-то женщину; она обругала меня непристойными словами, а я ударил ее за это, бывши нетрезв, отчего с нее упали салоп и платок». В тоже время мать провинившегося подала слезное прошение в правление о прощении сына. Постановлено: «приняв во внимание сознание и раскаяние Т-ского и просьбу матери, вместо исключения, как бы следовало, тем более, что от женщины иска нет, позволить матери наказать сына телесно, в пример другим, затем записать в книгу «поведения и, призвав в правление, сделать строгое внушение с угрозой об исключение. Постановление утверждено митрополитом. По донесению того же инспектора, ученик высш. отд. Ив. С-ов был не трезв и задолжал в трактир 15 р. В наказании обвиняемый сослался на двух товарищей, которые напоили его и ушли из трактира, не заплатив денег; указывал так же на трактирного слугу, с которым играл на бикс и который подпаивал его и потом еще требовал с него денег за разбитые будто бы им чайник и стаканы. В 1838 г. ученики средн. отд. Т. С-ов и И. И-ов 6 дек. во втором часу пополудни, «до пьяна напившись в трактир, гнались за какою-то женщиною, проходившею чрез академическую калитку, прося дозволения проводить куда-то; когда же она ушла, ученики сии, вышед за семинарские ворота, неизвестно с каким почталионом, приехавшим в академию, произвели ссору и драку, вследствие которой у И-ова оказалось разорванным платье, у С-ова подбитым глаз, у почталиона разбитым нос». Призваны были в правление и сознались. На неделю приговорены к заключению один после другого в карцере, со внесением в книгу поведения и угрозой об увольнении в гражданское ведомство. В 1839 г., Л-ов исключенный из семинарии, просился приватным, но не принят в виду означенного факта. – А. С-кий низш. отд. в нетрезвом вид привезен извозчиком, избитый и без шинели (1838 г.). Дал показание, что какие-то солдаты били его до бесчувствия, но врач не нашел, чтобы побои были важны и могли довести до бесчувственного состояния. До выздоровления отправлен был в больницу, между тем о случае донесено было академическому правлению, которое предписало о последующем донести. По выздоровлении, на допросе в правлении С-кий заявил: отлучился погулять, зашел к тетке, на петербургской стороне, был в «весьма трезвом виде»; на Неве, под Троицким мостом подвергся нападению неизвестных солдат; хотя и кричал, но был избит и лишился чувств от удара в висок; был поднят сторожами Мраморного дворца; очнувшись на извозчике, уже на Выборгской, велел ехать к родственникам, к церкви Спаса Бочарного, откуда и доставлен в семинарию. Более 2-х недель он лежал в больнице, но боль в ноге и руке все еще не проходила. Врач Паковский признал побои не могшими довести до бесчувствия. Несмотря на некоторую неправдоподобность показания, постановлено: хотя С. следовало наказать, но как он «потерпел уже за свое своевольство от неблагоприятных людей, то, не подвергая его новому наказанию, отметить только в книге поведения», с угрозой об исключении. Но впоследствии опять было донесение инспектора о том, что тот же С-кий склонен к нетрезвости и буйству: в квартире зятя он даже был связан и отправлен к отцу (1839 г.). Приговорен к недельному заключению в карцере; но в 1841 году на него снова было донесение инспектора, что он в весьма нетрезвом виде избил двух учеников. – Девять воспитанников семинарии 27-го июня 1826 г. перепились и безобразничали во время обеда, «данного в семинарском зале одним посторонним лицом», сами брали бутылки, или выпрашивали их, сидели с кучерами и проч. и на замечания инспектора не обращали внимания. Правление постановило: сделать им выговор, со внесением в книгу поведения, и приложить к делу об экзаменах. В 1841 г. ученик низш. отделения И. В-ов самовольно ушел из семинарии, «захватив свои тюфяк и капот меньшего брата своего», потом взят был полицией за шум в питейном доме и препровожден в семинарию уже на третий день. Переведен был в другую семинарию. – Кроме означенных выше безобразных проявлений и проступков, с которыми соединялась нетрезвость, были и другие, имеющие еще более криминальный характер, как покушение на собственную жизнь. Окончивший курс Я. С-ов (1812 г.), не раз уже попадавший в пьянстве и наказанный напр. за драку с сельским дьяконом на невском проспекте, в пьяном виде нанес себе ножом рану в шею: был признан недостойным занимать священнослужительское место и отправлен в губернское правление. – Б-ин (1833 г.) бегал пьяный с ножом по монастырской аллее и оцарапал себе горло. – Ученик низш. отд. Михайл Л-ев (1834 г.), не раз замеченный в нетрезвости, рассеянности и невнимании, стал задумываться и порезал себе горло перочинным ножом. По предписанию обер-полицеймейстера Кокошкина, частный пристав

делал ему допрос, при депутате от семинарии, экономе Андрее Михайлове. По выздоровлении, на вопросные пункты правления отвечал, что сделал преступление, вследствие угроз инспектора, беспамьяства и меланхолии, которую подтвердили и товарищи. Хотя просил прощения, но с утверждения митр. Серафима, препровожден в консисторию, для предания гражданскому суду; академическое же правление предписало исключить его из семинарии.

Другой, часто повторявшийся проступок и постоянно упоминаемый в инспекторских донесениях, это – самовольная отлучка и несвоевременное возвращение в семинарию, с которыми соединялись нередко и другие нетерпимые проступки к даже преступления. При отлучках на ночь, для обмана инспекции, клалась иногда на кровати ушедшего «фальшивая кукла», как выражается инсп. Иоасаф в донесении от 21. февр. 1841 г.

Ученик Ф–ский, принятый в семинарию из харьковского коллегіума, по предписанию Комиссии дух. учил. (1811 г.), отпросившись к родственнику, бежал из С. -Петербурга и пойман с фальшивым видом во Псков, похитил, сверх того, тулуп и обвинен правлением семинарии в клевете на начальство, «будто его в монахи уговаривали, тогда как он был еще несовершеннолетним» (18 лет). Постановлено, с утверждения митрополита Амвросия, – исключить из семинарии и из духовного звания и чрез консисторию предать гражданскому суду. – Самовольно отлучившиеся и пропадавшие, иногда в течение нескольких дней, обыкновенно разыскивались чрез Управу благочиния и консисторию, и нередко оказывались проживавшими у родственников. Ученик средн. отд. В. И–ов (1822 г.) самовольно ушел из семинарии и несколько дней не являлся, был разыскиваем чрез Управу благочиния, но безуспешно. После оказался проживавшим у родственников, живущих за городом. С таких так же часто брали в правлении письменное обязательство не отлучаться и подвергали разным взысканиям, а иногда увольняли из семинарии: когда Еф. Н–ский высш. отд. самовольно отлучившись, три дня не являлся в семинарию, по донесению инсп. Поликарпа (1818 г.), о нем дано знать в полицию и сообщено в дух. консисторию об исключении его в епарх. ведомство; Лев С–ов за самовольные отлучки исключен из высш. отд. (1822 г.), с отметкою в свидетельстве: поведения не хорошего. Нередки были донесения о том, что уволенные на праздник домой, не явились и неизвестно, где находятся. Ученик низш. отд. И. Р–ов, не раз уже самовольно отлучавшийся и разыскивавшийся чрез Управу благочиния, два месяца снова пропал из семинарии в 1831 г., проживая, как оказалось, у матери. Приговорен был к 5-ти дневному уединенному заключению, на хлебе и воде, и дал письменное обещание вести себя исправно; но вскоре опять ушел из больницы, надев чужой сюртук, которого на нем после не оказалось. Положено было исключить его за частые, продолжительные и самовольные отлучки и препроводить, как армейского, к подлежащему начальству. – В. С–ов средн. отд. 3-го разряда (1831 г.) два раза отлучался из семинарии и заподозрен был в покраже шинели и 20 р. у другого воспитанника. Даны вопросные пункты письменно о причинах и месте отлучек; сослался на родственников, которые, впрочем, не подтвердили его показания. Исключен был после экзаменов в 1832 г., при поведении порядочном. В 1834 г. В–ов три ночи сряду провел вне семинарии, а днем приходил нетрезвый. Наказан на неделю голодным столом. В 1835 г. – И. В–ов низш. отд. без вида самовольно проживал в течении святков у дьячка Христорождественской, на Песках, церкви. В объяснении своем просил прощения и ссылался лишь на свою рассеянность и безрассудство. Постановлено: инспектору отечески наказать, взять с провинившегося подписку и внести его в книгу поведения. О дьячке же сообщено в консисторию.

Относительно родственников и знакомых семинаристов нельзя не заметить, что они большею частию не считали нужным подчиняться тем или другим требованиям семинарской дисциплины в отношении учеников и нередко напр. укрывали у себя их, в противность семинарским правилам, и вообще своим вмешательством и участием вредили делу семинарской педагоги. Бывали даже случаи, что учеников не выдавали, несмотря на прямое требование семинарского начальства. Так, по донесению инспектора Иоасафа (1840 г.), сын причетника Знаменской церкви, на которого двукратно отец жаловался семинарскому начальству за грубость и дерзость в отношении к отцу, не оказался на лице в семинарии, и когда послали за ним домой двух служителей, то мать воспрепятствовала взять сына. Так как воспитанник этот был приватным, то его и уволили из семинарии. – Не раз замеченный в своевольных отлучках и нетрезвости, ученик средн. отд. Ф. К–ов (1839 г.) играл в трактир на

бикс с трактирным служителем и проигрался. Служитель жаловался сначала семинарскому правлению, заявляя, что К–ов задолжал ему под расписку 180 р. и не платит, но, не получив удовлетворения от семинарского начальства, подал жалобу обер-прокурору св. Синода. Вследствие этого, из Духовно-учебного управления при св. Синоде был запрос в семинарию. Возникло дело. На допросе К–ов расписку признал своею и заявил, что действительно проиграл на бикс 180 р., но играл «не с того целью, чтобы отдать деньги, но собственно для удовольствия», на что будто-бы согласен был и трактирный слуга, но потом вынудил расписку, угрожая снять с К–ова все, что на нем было надето. Правление признало ученика неспособным для дачи расписок, как несовершеннолетнего, и самую расписку не принадлежащую к законным заемным обязательствам (на основании X т. Св. зак.); поэтому постановлено: в иске отказать, а К–ва наказать голодным столом в течение 4-х дней, записав в книгу поведения. Обер-прокурор согласился с этим, но чрез академическое правление дал знать правлению семинарии, что «сие ведет к заключению о недостаточном надзоре за поведением воспитанников семинарии, ибо начальство оной, зная о своевольных отлучках К–ова во время класса и богослужения и иногда на ночное время, и заметив его в нетрезвости, обязано было усугубить за ним надзор и не оставлять без разыскания следов его отлучки. Таким образом, вероятно, вскоре было бы открыто, что он посещает трактирное заведение, находящееся невдалеке от Лавры, которое, быть может, посещается и другими воспитанниками, где они могут увлекаться примерами невоздержания и терять добрые начала нравственности в то самое время, когда они посеваются». Предписано поставить это на вид семинарскому правлению.

Один из наиболее важных и нетерпимых пороков – воровство, которое так же часто соединялось с самовольной отлучкой, – по видимому, преследовалась начальством с большею строгостью, тем более что такого рода дела вовлекали иногда само начальство в излишние хлопоты и неприятности; хотя нельзя сказать, чтоб означенный порок был распространенным. – Ученик семинарии Вас. М–ский (1819 г.) по знакомству с письмоводителями дух. академии, часто ходил в канцелярию академического правления и, взяв оттуда казенную печать, передал ее знакомому почтамтскому чиновнику, который приложил ее к повестке на 50 руб., присланной на имя студента академии Пуришкевича, подложно подписался под руку секретаря академии Ветринского и передал повестку М–скому, для получения денег в почтамте. Получая деньги, М–ский встретил на почте акад. письмоводителя Попова, пригласил его с собой ехать на извозчике и потом угодил в трактире «Лиссабон», сказав в общих словах, что получил деньги по чужой повестке. Дело возникло по жалобе студента Пуришкевича на неполучение им 50 р. из почтамта. При сделанных допросах, письмоводитель Попов рассказал о встрече с М–ским; последний же давал четыре показания и сначала не сознавался, но наконец сказал, что взял казенную печать и передал чиновнику Братановскому, с которым и разделил деньги; признал себя виновным и в другом подобном же поступке. Исключен из семинарии и препровожден в консисторию, для поступления с ним по надлежащему». – В 1825 г. ученик высш. отд. Ив. С–ов за кражу казенных книг и некоторых вещей у профессора Аменитского и у товарищей присужден, был к преданию гражданскому суду; по увольнении из семинарии, чрез консисторию отослан в гражданское ведомство. – Вас. С–ов средн. отд., самовольно ушедший на два дня (1831 т.), заподозрен в краже денег и одежды у двоих товарищей; по предписанию викария, еп. Смарагда, допрошен и показал, что был у родственника: наказан заключением на 7 дней и оставлен в подозрении. Но в следующем году на него снова пало подозрение в числе 8-ми других учеников семинарии; из них только двое оставлены в подозрении, а 6 уволены с приличной отметкой в свидетельствах. Нередко дела о воровстве «предавались суду Божию», по неимению улик, а заподозренные ученики оставлялись в подозрении, «доколе не откроется ясных доказательств». Ученик. Щ–ов, обвиненный в похищении лодки на Неве, ценою в 25 руб., которую переделывал во время классов, – попадавший притом в нетрезвости и самовольных отлучках, предназначен был к исключению после экзаменов (1836 г.). – К–ский низш. отд. заподозрен был в похищении лексикона у товарища. Допрошены свидетели и взято показание с обвиняемого. Сознался и обещал возратить хозяину лексикона деньги за него чрез неделю. Постановлено: поступок его принять только во внимание при конце года. – Ученик низш. отд. Мпх. Н–цкий находясь, во время пасхи 1839 года, на мызе Графской Славянке, нашел под церковной лестницею и

похитил старую серебряную ризу с образа и, принеся в семинарию, отдал для продажи товарищу Ив. С-ову, который и был задержан полицией, вместе с другим семинаристом М. С-ским, причем оба они были отмечены находившимися несколько дней в самовольной отлучке; наконец были представлены в семинарию. Н-цкий, хотя и просил прощения у начальства и извинялся молодостью лет и глупостью, но отправлен в консисторию для предания гражданскому суду и уволен из семинарии. На суде он показал, что нашел в яме, во время прогулки по Славянке, какой-то узел, в котором оказалась риза, и что прошение его, поданное семинарскому начальству о прощении, было будто-бы вынуждено: он подписал его, не читая, но приказанию ректора семинарии Афанасия, который, «призвав его во 2-м часу ночи, драл за волосы и хотел сечь розгами». Для уличения в записательстве истребовано чрез консисторию из правления семинарии его прошение, в котором он раньше признавался в похищении. Правление заявило при этом, что Н-цкий раньше подачи прошения, «без всяких угроз и без всякого истязания», сознался в похищении, но убеждениям своего брата ученика средн. отд. А-ра Н-цкого. На допросе потребованы были братья обвиняемого и И. С-ов, ученики семинарии, при депутате, учителе Д. Успенском, а так же комнатный смотритель Петропавловского училища, родственник И. С-ова, студент Вас. С-ов. С-ский и И. С-ов не были исключены из семинарии, потому что, как обнаружено при дознании в семинарском правлении, они не знали о похищении, ни даже того, что им была дана именно риза. Но за самовольную отлучку и необнаружение пред начальством о данной им вещи для продажи, положено вменить им в наказание содержание в полиции, в продолжении 22-х дней, «с отметкою сего в книге поведения». Но после июльских экзаменов, (при ревизоре прот. Иоанне Иванове) они исключены за малоуспешность, причем принят был во внимание и вышеизложенный факт. Следствие о Н-цком, который содержался в тюрьме, тянулось очень долго, до 2-х лет, переписка возникла огромная между семинарией и судебными гражданскими местами, а так же и учреждениями духовного ведомства. Надворный уголовный суд ходатайствовал о законном распоряжении относительно дачи по закону очных ставок ректору семинарии Афанасию и инспектору Антонию с учениками Александром и Мих. Н-цкими, но ректор и инспектор представили письменные объяснения, по запросу пристава следственных дел. Св. Синод чрез академию вытребовал от семинарии сведения по делу, как оно открылось. Духовно-учебное же управление прислало (1840 г.) замечание сем. начальству, с предписанием об усилении надзора за учениками.

Далеко не последнее место в инспекторских репортах занимают отметки и донесения о непокорности начальству, неисполнении его требований, дерзости и грубости в обращении, брани, сквернословии и драк с товарищами и служителями, иногда оскорблении полиции. Между тем, по уставу, повинование и кротость поставляются на втором месте после «духовных упражнений» (молитвы), с замечанием: «не может тот быть покорен Богу, кто строптив пред человеками». (Введ. к уст. дух. уч. § 10). В 1810 году, ректор Анатолий входит в правление запиской на ученика А-ева высш. отд., который ругал одного монаха Лавры и «угрожал вцепиться ему в бороду, поносил дерзкими словами монашеский сан» и кроме того обманул ректора, доложив ему на его приказание – навести о том справку, – что певчие не берутся петь на последней неделе поста в одной из домовых церквей, между тем сам подговорил пятерых товарищей, отправился с ними петь в эту церковь и получил деньги. Приговорен был за все это – только на три дня под арест. – В 1825 г. несколько учеников философии за дерзость против старшего наказаны были инспектором Саввою лишением обеда и обязанности носить во весь день миски, но не подчинились этому наказанию, считая его несоразмерным с проступком; снова были приговорены к тому же и опять не исполнили приказаний. – В 1826 г. в монастырском саду двое из учеников философии напали на одного человека, по делу приехавшего в канцелярию митрополита, ругали его, били, изломали шляпу, тащили в съезжий дом за то, что он требовал у них своей лодки, на которой он приехал и на которой самовольно катались семинаристы. Правление постановило: выдержать виновных на хлебе и воде 3 дня, с запрещением на это время прогулки. – Инспектор Владимир (1829 г.) доносил правлению, что ученик высшего отделения С-ский не хотел читать великое повечерие, а другой раз не хотел идти на клирос петь и «с презрением отвергнул это приказание». Ученика призывали в правление для увещания и грозили записать в книгу поведения и не давать одобрительного отзыва в аттестат. Тем не менее назначен был в академию, хотя с

отметкою по поведению: «очень хорошего». – Ученик высш. отд. Ив. У–ский за грубость и неповиновение помощнику инспектора приговорен правлением (1833 г.) к 2-х дневному карцеру, но не хотел ни явиться для выслушания определения, ни идти в карцер, под предлогом слабого здоровья и несоразмерности наказания с проступком. Инспектор Антоний усмотрел в этом неповиновение и дерзость и в своем репорте указывал еще на самовольные отлучки У–ского, нехождение в церковь, уклонение от исповеди и причащения и непослушание инспектору, состоящее в следующем: на страстной неделе приказано было ученикам жить не во всех комнатах, а только в некоторых, так как многие были отпущены домой, между тем У. не желал подчиниться этому, и, когда инспектор запер дверь комнаты, где он хотел оставаться, он наговорил ему дерзостей и, уходя от инспектора, крикнул: «дурачество!». На требование ректора дать письменное объяснение в своих действиях, У. сначала отозвался нездоровьем, потом дал объяснение, стараясь оправдаться, но наложенного наказания все-таки не хотел исполнить. Положено было исключить и препроводить в консисторию. Но он подал слезное прошение митрополиту, выражая раскаяние и намерение исправиться. Прощение сдано было в семинарское правление, которое постановило отказать просителю, тем более что он не представил от консистории свидетельства о своем поведении за три месяца, после выхода из семинарии. Чрез год он представил одобрительное о своем поведении свидетельство от благочинного той местности, где проживал и исправлял причетническую должность; при этом снова просил о допущении в семинарию, хотя приватно. Допущен, со взятием подписки о скромном поведении и с подчинением особому надзору инспектора, В 1835 г. он окончил курс довольно высоко. – В. В–цкий (1837 г.), по донесении исп. Антония, «пришел в библиотеку в шляпе и требовал с криком и дерзостью расписки от библиотекаря... На замечание библиотекаря, что в шляпе быть в библиотеке неприлично, заявил, к соблазну бывших тут других воспитанников, что он шесть лет кланялся начальству и больше кланяться не будет и шляпу снимать не считает нужным; в таком же виде он требовал от подэконома всего казенного платья, заявив, что нагим не пойдет из семинарии, как требует начальство; кроме того в столовой произвел шум в нетрезвом виде». Постановлено было: «принять во внимание при составлении списков»; кончил курс все-таки во 2 разряде. – В 1840 т. ученик средн. отд. Н. И–ов за грубое обращение с старшим, непослушание инспектору и дерзкое обращение с ректором наказан трехдневным карцером, с отметкою в книге поведения. Воспитанник И. Б–ов низш. отд., раньше отмеченный инсп. Антонием – «поведения отлично-хорошего», по донесению исправляющего должность инспектора Полотебнова, самовольно отлучался; а по донесению инспектора Иоасафа, делал грубости старшему и явно издевался над распоряжениями начальства, притом самовольно отлучался и был нетрезв до того, что не мог сидеть за столом прямо, а склонил голову; в другой раз – «приведен был в семинарию каким-то посторонним человеком в бесчувственном положении». Призван был к допросу в правлении и после внесен в список учеников замеченных в предосудительных поступках, по делу ревизии 1841 г. (см. ниже): не переведен в следующий класс, и в дальнейших списках не значится. – Между многочисленными донесениями инспектора Иоасафа есть записка от 7 марта (1841 г.), в которой донося о самовольной отлучке из семинарии, неизвестно куда, 17 учеников, он «долгом поставляем довести до сведения правления, что при наблюдении за нравственностью учеников семинарии, он заметил в них, исключая очень немногих, дух вообще своевольный, грубый и непокорный. Оттого нет почти того дня, чтобы не было никаких беспорядков, то в классе, то вне класса, то в столовой», и в доказательство приводит выписки из журнала старших.

Из проступков особого рода можно отметить – сношения семинаристов с подозрительными личностями и принятие их на ночлег, без дозволения начальства. Ученик Б–ев (1827 г.), принявший к себе двух дьячков отрешенных от места, которые заподозрены были в произведении в номере двух выстрелов, наказан уединенным заключением на хлебе и воде в течении трех дней. Ученик сред. отд. Ч–ков (1827 г.) имел знакомство и «подозрительную связь» с бывшим семинаристом Всеславинским, исключенным за разные нетерпимые проступки и малоуспешность и потом попавшим в арестанты. Ч–ков принимал к себе на ночлег Всеславинского и за это сам был исключен из семинарии, тем более что инспектор делал о нем дурные рекомендации в месячных отчетах. Митрополит написал на представлении семин. правления: «утверждаем представление сие с замечанием, что ученика Ч–кова за худое

поведение давно должно было исключить из училищного ведомства в епархиальное». Отец Ч–кова, петербургский протоиерей подал прошение митрополиту об оставлении сына в семинарии, и преосв. Серафим положил длинную резолюцию об оставлении ученика в семинарии в виду того, что проступок его не очень важный, так как он бывшего товарища принял на ночлег, в чем виноват прежде всего приор, которого митрополит и велел отрезать, Ч–кова же подвергнуть особому надзору и доносить о нем митрополиту, при этом предписал «и в рассуждении других учеников употреблять всевозможное попечение о том, чтобы они могли быть полезными для церкви и отечества по своему просвещению и доброй нравственности». Семинарское правление сделало запрос в полицию о поведении Ч–кова за время его выбытия из семинарии и, получив одобрительный отзыв, приняло его снова, подчинив особому надзору нового старшего. Но Ч–ков курса в семинарии все-таки не окончил.

С 30-х годов в донесениях инспекторских встречаем нового рода проступок – табакокурение⁸⁶; нюханье же табака, как видно, начальством не возбранялось. Между донесениями инспектора Антония (1835–37 г.) встречаем уже не редко отметки о курении воспитанниками табаку, «опасном для зданий и для здоровья, как он выражается в особом репорте об этом правлении семинарии в марте 1837 г. Инспектор прибавляет, что он за это «наказывал выговорами, отнятием табаку и трубок и, наконец, коленостоянием в столовой и в классах... но безуспешно». Он представил правлению и список учеников, имеющих трубки и табак (числом 27). Все они были призваны в правление и получили строгое внушение о вреде и неприличии для дух. воспитанника табакокурения, причем взяты с них расписки. В 1836 г. инсп. Антоний доносил: «Ив. М–цкий на первой неделе пред самым приобщением св. таин накурился табаку до такой степени, что с ним случился удар столь сильный, что он расшиб себе нос и череп под левою бровью». В 1838 г. было донесение о куривших вместе С–в высш. отд. и К–ском средн. отд., причем первый, при появлении начальства, бросил трубку с огнем под кровать. На допрос С–ов отрекся от участия в курении, но К–ский сознался. Особых мер против табака курения не замечается. К концу же рассматриваемого периода (1836 г.) упоминается, как проступок, и картежная игра.

Кроме инспекторских репортов о поведении учеников изредка бывали и заявления преподавателей правлению о неблагоприятных поступках некоторых воспитанников. Обыкновенно же наставники должны были заявлять инспектору о проступках учеников в классе, согласно § 72 проек. уст. В 1811 году преподаватель Андрей Иванов, как секретарь, доносил правлению, что ученик высш. отд. Д–ин, уволенный из письмоводителей, разломал двери правления, потерял некоторые бумаги, казенные книги и денег казенных до 300 р. С него было взято несколько письменных показаний; между прочим он заявил, что во время отсутствия из семинарии имел постоянно ночлег на скамейках в летнем саду, отлучался же для того, чтобы занятиями на стороне помочь своему бедственному состоянию, по увольнении из письмоводителей и вследствие потери казенных денег, которые хотел возвратить. Инспектор не раз доносил раньше о его нетрезвости и самовольных поступках, вроде того, что он лазил в окно за хлебом и говядиной в казенную поварню: по поводу последнего обстоятельства отобраны были письменный по делу свидетельства от повара и комиссара. Обвиняемый старался оправдаться и отписывался, вроде того напр., что пьян не был, а только «рюмку настойки выпил». Но правление, признав его виновным в растрате 306 р. казенных денег, в самовольных отлучках из семинарии, с ночлегом в летнем саду в течении 5 ночей, а так же в похищении хлеба и говядины чрез окно из поварни и в нетрезвости, постановило: «уволить его из семинарии и отправить в консисторию, для отсылки в гражданское ведомство, представив о сем академическому правлению». Постановление утверждено митр. Амвросием в августе 1811 года.

В 1820 г. профессор еврейского языка И. Наумов подал жалобу в правление на ученика высш. отделения Алексея Ф–ова за его грубости и дерзости в классе: он вырвал тетрадь у учителя, который взял ее у Ф–ова, чтобы посмотреть, «в классе вынимает табакерку, стучит на весь класс, подчуёт табаком соседа, отвечающего в это время урок, и уходит преждевременно из класса с важностью, медленными и громкими шагами, преподавателю же заявил, что не нужно учить грамматике в высшем классе, так как это дело училища». Из дел не видно, подвергся ли этот воспитанник какому либо взысканию, но в 1821 г. он окончил курс последним во 2-м разряде, с поведением порядочным. По окончании курса он был определен учителем и

потом инспектором в Александроневское училище, хотя, прибавим к замечанию педагогам, и на службе не раз заявил себя неуважительным отношением к начальству и в конце концов за это был уволен, спустя уже несколько лет.

Меры предупредительные

Помимо собственно карательных мер относительно тех или других проступков и нарушений семинарской дисциплины, видим и меры предупредительные; Самое содержание всех учеников в казенном здании семинарии и устранение по возможности приходящих мотивировалось, кроме способствования лучшим успехам учеников, особенною целию – иметь «удобнейший надзор за нравственным их поведением», как заявило семинарское правление на запрос академии о способах содержания своекоштных учеников в 1827 г.⁸⁷ В том же году, правление представляло митр. Серафиму о неудобствах помещения семинарии в лавре не только в экономическом, но и учебно-воспитательном отношении, но представление об этом, повторявшееся и после, до времени не имело надлежащего успеха. (См. ниже, в гл. Экономия, о помещении). Высшее начальство иногда принимало свои особые меры, с целию возвышения нравственности и дисциплины воспитанников. Выше было сказано об учреждении в 1830 г. особой постоянной должности помощника инспектора, в силу Высочайшего повеления о лучшем надзоре в семинариях, –причем митр. Серафим поручил своему викарию Никанору (Елементьевскому) чаще посещать семинарию и на основании данной ему инструкции, иметь не ослабное наблюдение за действиями ректора и инспектора, чтобы они соблюдали повсюду надлежащий порядок и чистоту имели строжайший надзор за нравственностью учеников». Инспектор представлял ему еженедельные записки о благосостоянии семинарии и ежемесячные отчеты о поведении учеников. Может быть, вследствие этого находим более частые донесения инспекторские о разных беспорядках с 1830 года. Затем высшее начальство, как видно из списка должностных лиц, представленного выше, в случае замеченных неисправностей в семинарских начальниках, не стеснялось переводить их из петербургской семинарии в другую, чтобы, по выражению Филарета моск. «переменою места дать почувствовать нужду поставить себя в порядок»⁸⁸, а на их место определяло лиц, уже успевших заявить себя какими либо достоинствами и заслугами по части педагогики. Эти новые начальники, знаяшие притом о своем особенном призвании – исправить недостатки и упущения своих предшественников, на первых, по крайней мере, порах выказывали особое тщание в деятельности. Ближайшим же образом меры к предупреждению проступков обыкновенно придумывались инспектором, но получали одобрение и применение по определению семин. правления. Инспектору Савве поручено было придумать «местным обстоятельствам приличные и действительные меры к обузданию дерзости и своеволия, иногда примечаемых в некоторых учениках семинарии». Иеромонах Савва в своем представлении, кроме известных уже взысканий, упоминавшихся выше и частью предписываемых уставом, старался придумать средства к исправлению помимо наказаний, но остановился только на указываемом в проекте устава «поощрении к благонравию» (гл. V, § 101) и к исчисленным в уставе способам этого поощрения мог только прибавить еще один педагогический прием, впрочем из «Введения к уставу» (§ 14), это: «признаки доверия (ученику), иногда оказываемые старшим и инспектором, – в увольнении в город на целый день, а иногда, по применению к обстоятельствам, и на ночь, и в занятии высшего и лучшего места в комнате». В том же 1826 г. правление постановило, по поводу прошения одного воспитанника высш. отд. о выдаче нового сюртука: «в уважение хороших успехов и поведения не в пример другим завести сюртук» ученику С. И по уставу лучшим по поведению воспитанникам предписывалось выдавать новые вещи, а худшим – поношенные. (Проект. § 221. Е. прим. 3).

Более энергичный, находчивый и строгий преемник Саввы, инспектор Владимир, который и переведен был из владимирской семинарии в петербургскую для пользы службы, – по вступлении в должность, нашел много беспорядков и старался уничтожать и предупреждать их. С первого же раза он подал заявление семинарскому правлению о том, что сбитенная и овощная лавочка на семинарском дворе приносит ученикам вред, «нарушая потребную для ученика бережливость в экономии, отвлекая от надлежащих занятий и располагая к непослушательному лакомству и мотовству», в закладе у лавочника найдены были книги и между прочим Новый завет. По сему он предлагал вывести лавочку за монастырь. Правление, в виду контракта, предписало строгие правила лавочнику о часах торговли и о содержимом в лавке. В тоже время подано было прошение от учеников высш. отделения, в котором

доказывалась необходимость лавочки. Инспектор не оставил и этот факт без внимания и без особого донесения правлению, усматривая в нем «неблагопокорливость», несвойственную духовным воспитанникам. По его же предложению, в 1827 г. постановлено против привычки проживать дома самовольно и не являться на классы: «без билетов не проживать под предлогом болезни вне семинарии, в случае же болезни сейчас же представлять свидетельство лица, у кого больной остается; иначе будет считаться в самовольной отлучке». Энергия и суровость инспектора Владимира и желание обуздать учеников сильно вооружили против него последних, так что со стороны их были случаи внезапного и дерзкого нападения на инспектора, напр. в темном коридоре, когда ему приходилось даже спастись бегством.

Один так же из наиболее, по видимому, деятельных инспекторов Антоний, долее других бывший в должности инспектора (8 лет), обращая внимание на разные стороны поведения и благочиния воспитанников, в 1834 г. делал представление правлению относительно того, чтобы сами ученики не отлучались в классное время, для отправления на почту писем и вещей: по определению правления, дело это возложено было на особого служителя, с записыванием в книгу о тех или других вещах, или письмах. Но, с течением времени, постановление это, вероятно, пришло в забвение, так как в 1840 г. подобное же представление делал инспектор Иоасаф, обращая внимание на то, чтобы отправка писем на почту и получение денег с почты производились чрез надежного служителя. Во избежание беспорядков, вследствие того, что ученики сами ходят к сапожнику за сапогами, Антоний в 1835 г. предложила взять с сапожника расписку в том, что он будет доставлять сапоги чрез своих работников. Правление утвердило. По представлению того же инспектора в 1837 году, определены «два способных привратника» к двум семинарским воротам, а еще двое ворот закрыты, чтобы ученики не уходили часто из семинарии, и чтоб привратники пропускали их только по билетам от инспектора (согласно 75 § Проекта уст. д. сем.). При входе же в семинарский корпус – определено «поставить благонадежного солдата, в виде швейцара», которому дано особое приказание от инспектора на счет пропуска учеников. В следующем 1838 году, по настоянию же инсп. Антония, заперты были и восточные ворота, с согласия Невской лавры, чтобы посторонние лица не попадались в семинарском коридоре, отчего случались покражи, и чтобы ученики не ходили без надзора купаться на Неву. При этом же инспекторе, с целью своевременного прибытия в семинарию учеников после каникул, послано было сообщение в дух. консисторию (1832 г.) о тех, которые не явились после вакации, чтобы отцам их и родственникам сделано было внушение – не дозволять воспитанникам семинарии и училищ оставаться у себя сверх срока. Впрочем еще митр. Амвросий обращал внимание на это и в 1817 г. положил резолюцию на представлении об увольнении воспитанников к родным, на святки: «дать им увещание, дабы, гостя, достойно ходили звания своего и к сроку возвратились непременно». Затем снова сделано было сообщение в консисторию в 1835 году, по инициативе секретаря правления Боголюбова, заботившегося о сокращении канцелярской переписки с Управой благочиния и другими местами, по поводу неявляющихся в срок, или самовольно проживающих в городе учеников: правление просило консисторию воспретить священно и церковно-служителям держать у себя учеников без вида, или билета от семинарского начальства. После этого, действительно, нередко уже встречаем донесения причтов, по случаю болезни ученика в доме родителей, или родственников. С своей стороны, семинарское начальство старалось снисходить к тем или другим желаниям и потребностям учеников и выдавало им на известные случаи увольнительные виды. К концу рассматриваемого периода особенно нередко выдавались ученикам билеты, по желанию родителей их, или родственников, для проживания в городе на своих квартирах – и помимо болезни, которая часто бывала причиной увольнения к родным. С другой стороны, болезнь родственников, не говоря уже о смерти их, принималась во внимание, как повод к увольнению воспитанников в учебное время, на тот или другой срок. Излишние же стеснения в этом отношении, естественно, могли бы вести к своеволию. Небезынтересно следующее прошение по означенному поводу, поданное учеником словесности И. Брянцевым (1837 г.): «сегодня получил я письмо от отца своего, и вместе с сим получил сильный удар своему сердцу, который я не могу унять ничем, как только увидеть мать свою, уже приобщенную и исповеданную, и которая уже готовится улечь от меня без последнего моего поцелуя. Почему всепокорнейше и прошу семинарское правление о дозволении мне отправиться в дом

родителей своих на неделю и посмотреть на изображение матери может быть последний раз». Постановлено: «по уважению изъясненных в прошении причин уволить Брянцева к отцу в Васил. погост, новолад. уезда на 7 дней и выдать билет на проезд».

Забываясь о религиозном деле и об упорядочении ученических молитв, инспектор Антоний представлял правлению о необходимости приобретения молитвенников, для чтения молитв утром и вечером, а так же обратил внимание на краткость и небрежность молитв в столовой; он приказал читать по две молитвы: пред столом – «Очи всех» и «Отче наш», а после стола: «Благодарим Тя, Христе» и «Ядять убозии и насытятся, восхвалят Господа, и живи будут сердца их в век века». Кроме того, в устранение шума, или разговоров во время стола, определило слушать статьи из «Христианского» или «Воскресного чтения», или из других книг, читавшиеся кем либо из воспитанников, по назначению начальства. В тоже время он заботился и об улучшении пищи, которая, как известно, нередко служит в учебных заведениях поводом к неудовольствиям и беспорядкам. Согласно 226 § проекта уст. «чтобы одни и те же блюда не могли наскучить, то переменять оные по расписанию», Антоний делал представление о том, чтобы в семинарской столовой вывешивалось еженедельное расписание блюд, к сведению всех воспитанников.

Но и при всех подобных мероприятиях о. Антония, перемещенный из Твери в 1838 г. на место архим. Макария, новый ректор Афанасий Соколов был изумлен беспорядками в петербургской семинарии и энергично принялся за устранение их. «Быть скоро какому-нибудь осмотру и в семинарии, – писал он своему другу, тверскому прот. Волкову, по поводу посещения Государем академии, – а есть что посмотреть. Сору-то, дряни-то и глазами не окинешь! Попал же я в местечко! Поделом!.. Большею частию видишь расчет, лицемерие, притворство, лесть. Так же со мною рассуждает и чувствует и о. ректор академии, (бывший инспектор сем. Николай), с которым с первого раза Бог положил нам по сердцу, как нельзя лучше»... Вооружившись против дурных привычек учеников и нарушения дисциплины, как-то: продолжительного сна, нехождения в класс, непослушания, он по этому поводу чрез несколько времени писал в другом письме: «Вам, по любви вашей ко мне, верно любопытно знать, какое до сих пор имел я влияние на учеников. А вот какое: встают раньше, чем прежде; классы полнее, чем прежде; отвечают тверже, чем прежде. Двух богословов так крепко зацепил я по сочинениям, что кажется не стали бы противиться, если бы я вздумал расправиться с ними и по домашнему. Глядя на них и прочие призадумались. Один из учеников говорил в городе: «этот о. ректор, кажется, хочет взять нас в руки и кажется порядочно забирает». Некто ему сказал на это: «чтожь? Не лучше-ли вам добровольно сдаться?» – Да и мы сами так думаем, – отвечал ученик. Ученики училищ моими частыми посещениями их и слушанием их уроков и повторений в их комнатах, тоже, кажется, весьма довольны. Один с восхищением рассказывал своим почтенным родителям, как я его спрашивал, как хвалил, и как велел записать в училищный журнал. Короче сказать вам; я имею какое-то внутреннее и непоколебимое убеждение, что все пойдет хорошо, потому что действую по совести и в духе любви христианской, и все последствия своих действий вместе с собою предаю преблагой воле Божией». В сентябре 1838 г. Афанасий снова писал в Тверь между прочим следующее: «владыка в послужном моем списке при мне же, 15 сент. отметил меня так: «поведения честного, в должности очень исправен и благонадежен, как никого не отметил не только из служащих при семинарии и из подведомственных семинарии ректоров, в числе коих и о. Аким Семенович Кочетов, но, как слышал: я от достоверного человека, никого и из служащих при академии. Владыка, – сказать в добрый час, очень ко мне расположен»... (Душ. Чт. 1868. Ш. 338). К сожалению, и этот «очень исправный и благонадежный» ректор, «имевший непоколебимое убеждение, что все пойдет хорошо» и «действовавший по совести и в духе любви христианской», что подтверждают и ученики его, как увидим ниже, – впоследствии подпал существовавшему течению и, как видно из предыдущего и еще показано будет ниже, учеников не исправил.

В сент. 1840 года, по перевод архим. Антония в ректоры новгородской сем., – согласно с мнением сем. правления, с целью «усиления надзора за нравственностью учеников семинарии и александровских училищ», последовало распоряжение: «должность ректора сих училищ отделить от должности инспектора при семинарии», на которую назначен инспектор астраханской семинарии, иеромонах Иоасаф (Гапонов). Несмотря на это, в 1840–41 учебном

году особенно было много беспорядков и случаев неблагоповедения, даже со стороны одних и тех же воспитанников, которые положенных наказаний или не выполняли, или не боялись. Каждую неделю не один раз донося правлению о том, что ученики самовольно отлучаются, не бывают на ужине, или в классе, нередко попадают в безобразно-нетрезвом виде, инспектор Иоасаф предлагал прекратить отпуск учеников на дом, даже в воскресные и праздничные дни, «через что в учениках менее было бы рассеянности и тех беспорядков, какие ныне в них усматриваются». Такое предложение, если только в нем разумелось безусловное прекращение отпуска учеников в праздники на весь день, конечно, не может не показаться суровым и не видно, чтобы оно получило приложение на практике. Известно, что вообще внешние стеснения нередко ведут лишь к противоположной цели и возбуждают противодействия, нетерпимые в дисциплинарном отношении; нужны внутренние педагогические меры, разумные и последовательные, а их то часто и не доставало в практике петербургской семинарии рассматриваемого периода, хотя это, в большей или меньшей мере, было общим недостатком тогдашнего семинарского строя.

Выше мы видели факты излишней снисходительности и не благоразумной терпимости по отношению к ученикам, когда напр. исключенных за постоянную нетрезвость, или своеволие и дерзость в отношении начальства, снова принимали в семинарию, по прошениям их, или отцов их, и кое-как, с грехом пополам, доводили иногда до конца курса. Вообще исключать за поведение остерегались, в этом случае учениками сильно дорожили, согласно взглядам еще дореформенной эпохи, когда из училища исключался только «детина непобедимой злобы», после всевозможных отсрочек с целью исправления, назиданий и наказаний. Такая снисходительность с известной точки зрения может, пожалуй, казаться похвальной гуманностью и оправдываться верою педагогов в исправимость молодой природы. На самом же деле она вовсе не мотивировалась какими либо серьезными педагогическими принципами, не видно, чтобы, принимая некоторых исключенных, руководились наблюдениями над их натурой, а нередко иными соображениями: одного принимали, потому что он был уже монастырским послушником, другого – потому, что он был сын известного петербургского протоиерея. Следствия же из этого выходили печальные. Авторитет начальства подрывался такою непоследовательностью и даже пристрастностью действий, дурным влиянием в заведении давался простор и широкое развитие, и духовное юношество жило и воспитывалось в испорченной среде, из школы в жизнь выходил немалый процент людей с значительными слабостями и недостатками, портившими многим карьеру, как это можно примечать и на судьбе самих семинарских педагогов, воспитавшихся при тех же условиях. Мудрый наставник, митрополит моск. Филарет в письме своем к ректору московской семинарии Алексию Ржаницыну в 1845 г. преподал такой совет: «снисхождение к преткнувшемуся и падшему надобно иметь, но снисхождение к небрежному и закосневшему в падении имеет в обществе неблагоприятное действие, охлаждая ревность и распространяя небрежение. Надобно беречь каждого, но еще больше беречь дух всего общества. Господь да наставляет вас соединять милость и истину»⁸⁹. К сожалению, это правило не всем было известно и не все умели им пользоваться.

Обратимся ли мы к обычным в то время наказаниям и воспитательным средствам, то и в их характере и применении не можем не заметить отсутствия надлежащей целесообразности, тактичности, последовательности, нравственного элемента. В уставе сказано, что наказания должны быть редки, вынужденны, без мести, без вспыльчивости, без озлобления и особенно без унижения (Введ. § 15); между тем правило это часто нарушалось и в особенности последнее требование нарушалось уже по принципу, когда напр. наказывали учеников исполнением служительских обязанностей, прибегали к собственноручной расправе и т. п. Вообще же наказания были весьма часты, грубы, даже жестоки и имели более внешний, механический характер, чем внутренний, нравственный, и приводили нередко к противоположным результатам.

Упреки, обыкновенно делаемые семинарскому воспитанию прежнего времени, к сожалению, заключают в себе не мало горькой правды, и в той или другой степени относятся и к петербургской семинарии. Уважение внушается в семинариях, рассуждает Ростиславов, посредством страха, тогда как ум, честность и справедливость должны бы внушать его. Из воспитанников гнут дуги, принуждая к внешнему, беспрекословному иодчинению на глазах, а

за глазами что делается? Дуги эти перегибаются после в противоположную сторону. Скромность и смирение полагают в исполнении внешних приемов и обрядов и развивают собственно смиренничанье и лицемерие. Скромников и смиренных по очереди отмечают в списках и представляют к наградам, забывая, что истинная добродетель не оценивается по внешним признакам и должна быть бескорыстна, выше всяких расчетов. Таким образом развивают систему обмана и раздваивают натуру, воспитанник напр. нередко подкладывает душеспасительную книгу под роман, который читает. Иные же из воспитанников, вследствие такой педагогики, не желая быть лицемерами к комедиантам, как бы назло, стараются отличиться от них и оставляют даже добрые обычаи, напр. молиться Богу и т. п. Чтение сухих моральных книг признавалось средством к поднятия нравственности, как будто нравственность есть арифметика, или латинский словарь. Правила нравственности усваиваются сердцем, а не рассудком, сухие же трактаты часто поселяют только отвращение к правилам морали. Из таких высоких и священных обязанностей, как молитва, нередко делали механическую работу, необходимую церемонию, своего рода барщину и повинность; между тем о благообразии, приличии и разумности молитвенной обстановки заботились недостаточно. Мало того, молитву принято было обращать в наказание, чрез что, естественно, профанировалось религиозное чувство и молитвенное настроение. Что удивительного: если из семинарий выходили люди без религиозного благоговения и молитвенного расположения? С другой стороны, отношения воспитателей к воспитываемым, особенно такие средства надзора, как система старших, развивали в юношестве дурные свойства и наклонности: пьянство, интриганство, сплетничество, взяточничество, лесть⁹⁰.

От рассуждений бывшего духовного педагога обратимся к воспоминаниям бывшего воспитанника петерб. семинарии, прот. Виноградова. Между прочим он пишет следующее: «Они (семинар. воспитатели) приучают любить добродетель не увещаниями трогательными и описанием красот ее, но только страхом наказания... Водясь страхом неключимого раба, мы не только в младенчестве делаемся рабами, но и в жизни и службе – навсегда, касательно своих начальников... Эта слабость у нас величается названием смирения. Низко кланяться, робеть, трястись от страха пред лицом ректора или инспектора, отвечать им несмело, вот признаки сей вредной добродетели...⁹¹ Слыхал я, как какой нибудь генерал в звездах и крестах начнет выставлять вред шалостей и пользу благонравия; право, другому доктору богословия, со всею огромною теориею, и в голову не пришло бы такое сильное поучение! Св. инокам довольно, кажется, что они носят имя попечителей нравственности, довольно, что могут при сем и пожить в свое удовольствие, и как им хочется. Невольно, а спросишь после сего: сии начальники не суть ли наемники, им же овцы не своя. Имея мало дела, и вернейший своего звания предмета нравственность врученных им детей считают они лишним, или маловажным. От сего то небрежения, что делается с теми, кои обречены на сан священный с детства? Невинные, в течение 6 или 7 лет, после надзора родительского, чем становятся они в училище благочестия? Боже, мороз простирается по телу, когда представлю себе прошедшее!.. Унизительное состояние по наружности и убитый рабством дух не были причиною добра будущего... У нас порок гнуснейший – нетрезвость был в похвальбе... О харчевнях я умалчиваю... И это-то делается под надзором святых в мире ангелов! Господи! сколько потеряно тут первой младенческой доброты!.. Говоря далее о нищенском содержании семинаристов, о. Виноградов прибавляет: «пословицу (по платью встречают, по уму провожают) приводили нам в нравоучение те, кои одеваются богато, не как отшельники мира сего; равно как о пощении и воздержании говорили часто нам, а сами всегда едят и пьют лучше, нежели миряне, и даже во дни поста великого, держа питомцев на сухоядении, сами питаются стерлядями и шампанским. Deus sit cum illis».

Впрочем автор далеко не относится с отрицательной только стороны к семинарскому воспитанию, он хочет быть беспристрастным и между прочим заявляет: «признаюсь, я много, весьма много обязан семинарии. Благодарность заставляет молчать о чем нибудь на счет ее обидном. Но цель моя – воспоминание не запрещает описывать и черную и белую стороны». Касаясь нравственного влияния воспитателей о. Виноградов прибавляет, что были люди, которые несомненно его имели, (как это и нами выше замечено), и указывает особенно на Иннокентия (Смирнова), который «умел употреблять меры сильные к истреблению зол». Самый рассказ того же автора о прощении учеников с ректором Иннокентием свидетельствует

о том уважении, какое к нему питали ученики и о том влиянии, каким он пользовался среди них. Приводим этот рассказ. «В один день приходит он (Иннокентий) в класс в приметном смущении, в необыкновенном параде, со всеми орденами и крестами, и, окончив член (membrum) тогдашним уроком, сквозь слезы сказал нам: «сим членом оканчиваются мои уроки; нового члена начинать не буду, чтобы не оставить головы без туловища». Мы остолбенели от слов его; страх и отчаяние овладели нами; слезы полились у всех горькие. Приметя все сие, Иннокентий продолжал к нам: «да братцы! учитесь терпению, – я пример вам. Если любите меня, благодарите Господа, что меня удаляют, но епископом; а по доносу должен был лишиться звания». В день его отъезда все мы, студенты богословия пошли к нему проститься получить благословение и посмотреть на него, увя! в последний на земле раз. Целуясь с каждым из нас искренне и братски, – «прощайте говорил он, – прощайте, братцы! Не поминайте лихом собаку (?) Иннокентия! Да возьмите на память от меня по подарку». С сими словами вынес каждому по несколько книг, присказав про свои сочинения: «когда сочините лучше, сожгите сии негодные».⁹²

Таким образом, говоря об известных недостатках семинарской педагогики, нельзя не отдать должной справедливости начальникам, в род ректора Иннокентия, инспектора Поликарпа, или позднее, инсп. Николая. О первых напр. и ревизор Филарет в 1817 г. отзывался следующим образом: «часть нравственная так же найдена в добром устройстве, которым она обязана неослабному вниманию обоих старших членов семин. правления. В учениках не видно рассеянности или грубости, но спокойствие, послушание и внимание к своему делу». Подобным образом об инспекторе Николае ревизор Павский в 1830 г. писал: «в наблюдении за поведением учеников крайне прилежен, но при всем том, что строго вникает в поступки учеников, более внушить успел уважение к себе нежели страх». Действительно, бывшие ученики помнят этого инспектора, как доброго, но не слабого начальника, и Ростиславов в своих воспоминаниях о петерб. академии называет Николая человеком обладавшим здравым смыслом и добрым сердцем.

Ректор Афанасий (Соколов), по воспоминаниям его учеников, так же был начальник выдающийся. Отличаясь необыкновенною простотою и прямотою, он до того увлекался любовью к молодежи и педагогическому делу, что посвящал им, сколько мог, все свое время и внимание, с воспитанниками был дружественно близок и ласков, наделял их иногда собственными деньгами для поощрения; так что начальство (архиеп. Григорий) находило его увлечения в этом отношении не совсем приличными⁹³. Частью для характеристики этого ректора, частью же с целью показать, каково вообще было положение и значение ректора спб. семинарии приводим одно из писем Афанасия в Тверь, к протоиерею Воинову, в 1838 г.

Встав поутру в 5 (3-го мая) пошел я по комнатам, в коих живут ученики семинарии и училищ. В комнатах нашел уже немного спящих, нашел «ставших даже и тех учеников семинарии и училищ, которые накануне за проспание лишены были мною обеда. Нашел, что некоторые из учеников высш. отд. семинарии занимаются изучением первых двух форм еврейских глаголов, который за несколько пред тем дней во второй раз назначено было мною изучить к 3-му мая, потому что в первый по старой привычке изучили худо. Одного ученика заставлял спрягать, и как он спрягал нетвердо, то дал мне обещание повторить к классу твердо. В двух комнатах училищных всех учеников застал еще спящими. В первой сказал я: «вставайте ребята! что вы долго спите?» Все вдруг начали вставать. «Я пришел было к вам, – сказал я им, узнать, кто из вас отлично знает урок: но вижу, что еще никто из вас не знает так урока, потому что все вы проспали». – Я знаю, я знаю, я знаю! – закричали ребята в один голос со многих кроватей. «Так вставайте же, – сказал я, скорее, чтобы мне вас успеть переслушать и записать в журнале. Кричавшие ребята начали, как воробы, порхать и хватать кто чулки, кто сапоги, кто шейные платки, кто жилеты, кто шлафроки, кто что, чтобы поскорее одеться и отвечать мне. Но я сказал им: «нет, ребята, долго вас ждать, мне пора в другие комнаты; сами же вы виноваты, что проспали, а не я пришел к вам рано; я послушаю вас в другое время, напр. завтра, если опять не проспите; (не проспим, кричат ребята); будьте готовы (будем, кричат ребята); я приду» (пораньше приходите. – кричат ребята). Сказал это я и ушел. В другой комнате, в которой всех застал спящими, тоже случилось, с тем только различием, что ученикам в этой комнате я сказал в утешение их, что зайду к ним, побывав в других смежных с нами комнатах, что и исполнил. По выходе из этой комнаты, увидел, что

ревностнейшие из первой комнаты, в которой всех застал спящими, стоят на крыльце, на которое я вышел, и с книжками. Я спросил их: «зачем вы здесь? Не хотите ли, чтобы я вас прослушал?» Хотим, прослушайте! отвечали они в один голос. Я воротился с ними в комнату, всех переспросил и всех велел записать в журнале, кого хорошо, а кого и очень хорошо. Далее в одной комнате обступило меня человек двадцать объяснив, на мой вопрос, что все они знают урок отлично. Я переспросил человек пять-шесть ревностнейших, а прочих оставил без спроса, отозвавшись недостатком времени. Вообще, во всех комнатах дети так и лезут ко мне, чтобы я спросил их, лезут, кто с греческим, кто с географией, кто с историей, кто с уставом, кто с чем. А сперва бывало не вызовешь когонибудь к ответу. Слава Богу! Все начинает идти иначе и быстрее, чем прежде. Хорошо ответивших всех вообще велел я отметить в журнале, а рано вставших всем вообще сказал спасибо, некоторых не особенно в этом замеченных, не исключая и семинаристов, погладил и по головке. Возвратившись в конце 8 часа домой, напившись чаю и прочитав несколько ученических сочинений, в половине 9 часа я пошел в класс чтения св. писания, где спрашивал, говорил сам, и заставлял учеников. высш. отд. семинарии повторять мною говоренное. В классе вспомнил, что мне надобно идти еще к митрополиту с представлением и для спрошения, ехать ли мне в 10 часов на экзамен в институт путей сообщения. Увидев, что остается 10-го часа не более четверти, поспешил вон из класса, сказав профессору, чтобы после класса пришел ко мне. «А как ты мог увидеть, что остается 10 часа не более четверти, не имея часов?» – Нет, любезнейший, в Петербурге я уже имею часы; они здесь нужны. Видите, какая перемена произошла со мною! Да и каких перемен не произошло со мною? Даже лоб у меня сделался еще открытее и казистее, чем в Твери... Переоделся и пошел к владыке. Владыке доложили о мне, и мне велено идти к нему в гостиную. Пришел. Владыка лежит на софе, а пред ним на столе довольно толстое какое-то дело. Владыка встал, благословил и спросил: что скажете? Я сказал, что принес представление с приложением проекта предложения от имени Его Высокопреосвященства комиссии дух. уч. Владыка спросил: о чем? Я ответил, что следовало. Потом владыка спросил у меня: что болезнь ваша прошла ли? (болезнь уха). Кажется, что прошла, отвечал я. То-то, присовокупил владыка, а то вот (кивнув головою туда, где живет Аарон, лаврский эконо, его лечивший и вылечивший) здесь можно посоветоваться. Я поклонившись на это сказал: что 1-го мая приезжал ко мне из института путей сообщения полковник с приглашением на экзамен сего дня в 10-ть часов утра, что я отказывался невозможностию быть в 10-ть часов на экзамене, потому что 10-й и 11-й часы сам должен быть в классе; но что полковник, вероятно, для усиления своего приглашения, просил даже от графа Толя и требовал, чтобы я решительно дал обещание быть на экзамене, хотя в 1-м часу пополудни, дабы ему так донести и графу, и что от этого я не мог решительно отказаться. «Так что-жь?» спросил владыка. – «Что мне прикажете делать – спросил я; ехать ли мне на экзамен от своего класса, или не ехать?» Владыка спросил: «да будет ли кто там из духовных?» Это я не знаю, высокопреосвященнейший владыко, отвечал я; а знаю только, что очередного архимандрита там не будет, потому что он готовился служить; да и преосвященный викарный куда-то едет же, только не на экзамен. «Да! у них, сказал владыка, сегодня вынос, – присовокупив и тем кончив речь: «э! поезжайте!» Воротившись домой, я объявил профессору, чтобы он сходил за меня в класс, а служителю сказал, чтобы готова была карета. Служитель пошел, но тотчас воротился с известием, что одной лошади нет; и что на ней уехал эконо в город. Я послал служителя к лаврским властям, чтобы дали мне лошадей с экипажем ехать на экзамен. Служитель не выходя из комнаты воротился с повесткою из канцелярии временного присутствия при с.-петербургской духовной консистории для решения старых дел; в повестке канцелярия с утверждения митрополичья покорнейше просит о. ректора академии и меня пожаловать в 10-ть часов, 3-го мая в присутствие. На повестке в слышании подписался уже о. ректор академии. Я призадумался, что мне делать, удержал повестку и снова послал служителя в лавру за лошадьми и экипажем. Служитель воротившись сказал, что нет ни лошадей, ни экипажей, потому что все лошади и экипажи в разъезде. Что делать? Послал к о. ректору академии просить лошадей с экипажем. А время – все шло да шло. Служитель воротившись сказал, что о. ректор сам ко мне будет сию минуту, а об экипаже ни слова. Не видя о. ректора, я снова послал служителя справиться, готов ли будет экипаж. Служитель возвратившись сказал, что сейчас будет готов. Получив такое известие, я тотчас решился написать на повестке

следующее: «еще прежде получения сей повестки, будучи командирован его высокопреосвященством для присутствия при испытании в институт путей сообщения, не могу быть во временном присутствии при с.-петербургской духовной консистории.» Подождав немного, я снова послал служителя узнать об экипаже. Служитель возвратившись донес, что экипаж совсем готов. Я тотчас отправился к экипажу; но увидев на дворе, что семинарская лошадь возвратилась уже, велел, как можно скорее, приготовить свой экипаж, а в академию послал об этом уведомить. Между тем подходит консисторский пристав с двумя бумагами для подписи. «Некогда мне, сказал я ему, – ты видишь, что я еду.» – Да ректор академии подписал, – сказал служитель, а тоже совсем было куда-то собрался.» Я взглянул на бумагу, бегло прочел, и мах в комнату семинарского эконома для подписи. Почти уже в 11 часов поехал я в институт, и чрез полчаса слишком приехал; и от стоящих у парадного крыльца для приема офицеров услышал, что экзамен в законе Божиим, должно быть, уже окончился. Что делать? Я хотел воротиться, но офицеры приглашают. Я изъявил желание достоверно узнать, точно ли кончился экзамен в законе Божиим, и упомянул, что и г. полковнику, привозившему ко мне приглашение и усиленно звавшему на экзамен, я объявил, что по моим обстоятельствам я никак не могу быть на экзамен раньше половины 1-го часа. Вследствие этого один из офицеров вызвался вызвать г. полковника; я согласился, и он тотчас побежал и вызвал. Г. полковник сильно звал на экзамен, хотя на 10 минут, говоря, что теперь идет экзамен в словесности. Но я решительно отказался, говоря, что мне совестно так поздно войти в залу, наполненную множеством знатных, каковы графы, князья и. т. п., и произвести хотя малейшее движение, тем паче, что по окончании испытания в законе Божиим, мне и не для чего быть на экзамене; и вследствие этого поехал назад домой. «Вот прекрасно! думал я. Опустил класс, отказался от консистории, чтоб быть на экзамене; а между тем и на экзамене-то не был. Что делать? Надобно поправиться.» И решился заехать в консисторию. Времени было около четверти первого. Приехав к консистории, узнал, что присутствие еще не кончилось. Вхожу в присутствие, и там нахожу о. ректора академии и двух присутствующих протоиереев, обоих преседых-седых, – старичка Добронравина и первокурсного Малеина. Едва успел я сесть, как о. ректор говорит мне: «поздравляю вас.» «С чем?» спросил я, думая, что с прикомандированием ко временному присутствию. «Сего дня, продолжал о. ректор, пришло из комиссии духовных училищ предписание об определении вас членом академической конференции.» – А сколько я просил вас, говорил я ему, чтобы вы погодили делать о мне представление впредь до усмотрения: а вы – таки все свое делаете.» – «Да мы, прибавил он, сегодня же приготовили еще представление (только еще не подписали) об определении вас членом цензурного комитета; а после представим и еще в члены внешнего академического правления.» Затем спросил я, для чего меня призвали и по какому праву? Секретарь подал мне представление временного присутствия его высокопреосвященству митрополиту, в котором испрашивается у митрополита между прочим дозволение для слушания и решения важнейших дел приглашать чрез канцелярию отцов архимандритов ректоров академии и семинарии. Потом секретарь показал дело генерала-лейтенанта Куприанова о разводе его с своею супругою, частях в трех и листов в тысячу; по крайней мере оно показалось мне не менее. Спусти около получаса после моего входа в присутствие, вошел в оное и еще член, о. протоиерей Малов. Начали слушать экстракт, и слушали с расстановками для рассуждения почти до шестого часа; а по выслушании тотчас решили. Во время слушания входит в присутствие генерал Куприанов и объяснив, что он уволен фельдмаршалом князем Варшавским на 28 дней, просил о скорейшем решении дела. Надобно заметить, что за медленность по этому делу, по Высочайшему повелению, секретарь уже отрешен, а присутствующим всем до одного сделан строжайший выговор. После обеда зашел мимоходом в три ученические комнаты, и, что весьма замечательно, нашел учеников занимающихся повторением форм Пиел и Пюал. По возвращении домой от о. ректора академии, в конце 10-го часа, я сходил к профессору еврейского языка узнать, хорошо-ли ученики повторяли без меня Пакад и Нифал. Профессор сказал, что хорошо; но что он спросил только двоих, в ожидании меня в классе для спросов. Это хорошо, сказал я, что повторяли хорошо, а это худо, что вы спросили только двоих. Вам надлежало спросить по крайней мере человек 20, или 10, чтобы поддержать пробуждающееся прилежание к еврейскому языку; что же касается до меня, то я

мог и вновь переспросить вами спрошенных; за тем ушел я от него в том же духе любви, в каком и пришел. И часу в 12-м лег спать. « (Душ. Чт. 1868. 8. 328–335.)

Итак, отдавая должную справедливость подобным начальникам, лично имевшим доброе влияние, в общем не можем все-таки признать тогдашнюю педагогию удовлетворительною, как это подтвердило и высшее начальство к концу рассматриваемого периода. Личное доброе влияние оказывалось бессильным, ввиду разных обстоятельств, хотя бы в роде сейчас описанных, многообразных занятий ректора, отвлекавших его от прямых обязанностей по семинарии, и вообще недостатков, соответствовавших духу времени и зависевших от тех или других, твердо установившихся взглядов, обычаев и даже предрассудков.

Известно, что с одной стороны к воспитанникам относились весьма бесцеремонно, подвергая их унижительным наказаниям, обращаясь с ними слишком просто, даже иногда грубо и невежливо; в тоже время, с другой стороны, видели в них что-то более, чем должно, признавали за ними какие-то гражданские права, которых они, как воспитанники, не могли еще и не должны были иметь. В некоторых случаях на них смотрели вовсе не как на мальчиков, или юношей, нуждающихся собственно в постоянном руководстве и отеческих наставлениях, без особенных формальностей и официальной субординации, а как на лиц взрослых и правоспособных, которых нужно было призывать в правление, допрашивать с свидетелями, приводить к присяге, брать с них письменные показания и подписки с обещанием исправиться;⁹⁴ словом, сообразно, конечно, духу времени, вносили в педагогию ненужный для нее и даже вредный канцелярский формализм и процедуру тогдашнего судопроизводства. Нередко видим напр. такого рода постановления правления: «допросить (таких-то учеников), где и когда они пили вино, с кем, сколько, кто ходил за вином и куда, и при ком пили, и что покажут, доложить в свое время присутствию правления».

Между тем нельзя: сказать, чтобы иные идеалы не могли быть известны и понятны. Еще в конце XVIII века некоторыми из высоких руководителей духовного юношества, между которыми особенно видное место занимает митр. Платон, составлялись инструкции по воспитательной части, где высказывались такие мысли: наставник заступает ученикам место родителя, и потому чем менее сами родители вспомоществуют в наставлении детей своих, тем более трудиться есть долг учительский; оттого он должен поступать со всеми учениками отечески, т. е. ласково и любовно, – подавать им пример доброты и честности, изучать их способности и склонности и действовать сообразно с своими наблюдениями, стараться вперять в учеников стыд и благородное честолюбие, которыми бы они яко пружиною, были управляемы в поступках; подавать им материи к разговорам и другому упражнению, приличные их состоянию и благородные; своими частыми разговорами с ними научить их лучшему между людьми обхождению и пристойного смелости и т. д.⁹⁵

Затем тогдашние педагоги, по видимому, не приходили еще к сознанию того, что молодая натура учащихся и по мере сил трудящихся, естественно, желает отдохновения не физического только, но и развлечений, не сознавали так же, что разные дурные наклонности только постепенно можно заглушить, а потом и искоренить, пробудив в отличающихся ими какие либо иные, благородные наклонности и стремления, приспособительно к их умственному и нравственному настроению: в одних напр. можно развить или поддержать любознательность, в других любовь к искусствам – музыке, пению, рисованию, для третьих устроить приличные игры, прогулки и дать средства к телесным упражнениям. Еще Феофан Прокопович считал необходимым ввести в «семинариум» упражнения в играх «честных и телодвижных», дозволить «некие акции, диспуты, комедии, риторские экзерциции», а так же музыку вокальную и инструментальную, прогулки на судах, занятия геометрическими измерениями и т. п., поездки «на поля и места веселые», чтение повестей и проч. (см. Дух. регламента, о семинариуме). Но ничего подобного почти не существовало в семинарской педагогической практике рассматриваемого периода, да и все подобное признавалось в то время большею частию неприличным для духовного воспитанника. Правда, чтение книг считалось нужным и полезным, но собственно книг, имеющих отношение к урокам и слишком серьезных, или моральных: такое чтение составляет тоже ученье, а не отдохновение и развлечение. Книги, служащие развлечением, в соединении с пользой для эстетического и литературного развития, сочинения беллетристические тогдашних писателей и поэтов, Карамзина, Батюшкова, Жуковского, Грибоедова, Пушкина и др. признавались вредными; ученической библиотеки не

было вовсе; об организации чтения подобных книг в общем собрании учеников, или по группам, никто и не думал. Пение не возбранялось только духовное, но и для него не было дано надлежащих средств и устроено особых занятий; светское пение считалось неприличным. Любители музыки могли только иметь дешёвенькую гитару, но и с той по большей части нужно было укрываться от начальства; других инструментов не было и играть на них не позволили бы. О занятиях живописью нет никаких известий. Между тем в старой Александроневской семинарии был даже целый оркестр из семинаристов⁹⁶, были и живописцы, картины которых украшали семинарский зал и в рассматриваемый период.

О посещении воспитанниками театров в делах иногда упоминается. Напр. в журнале 1820 г. «о состоянии сениорств» значится под 30 декабря: «из учеников риторики многие ходили в театр». Не видно, чтобы это считалось важным проступком, против которого направлялись бы особые меры инспекции, но и не было делом дозволенным, большею же частью зависело от личного усмотрения начальства. Напр. Инспектор Николай (Доброхотов) иногда отпускал благонадежных воспитанников в театр. Но главным препятствием для увольнения в театр служило то обстоятельство, что после 10 часов вечера нельзя было пройти в семинарию, так как монастырские ворота запирались, и ночевать приходилось в городе. По этому поводу нам рассказывал такой случай, относящийся к началу 30-х годов и, вероятно, не единственный. Собралась однажды компания из нескольких воспитанников и без спросу отправилась в театр. Возвращаясь оттуда, часу в 12-м ночи, компания не решилась делать попытку перелезть чрез монастырскую стену (что иногда практиковалось семинаристами), так как не все были в силах совершить эту нелегкую экзерцицию, и, по совету своего коновода, отправилась набережной Невы, по направлению к Калашниковской пристани, искать ночлега. В одном из деревянных домиков на набережной, ученики сквозь освещенное окно заметили какого-то старика, который молился Богу, собираясь, вероятно, спать. Предводитель компании тихо постучал в стекло; старик вышел к калитке и спросил: «кто стучит и кого нужно?» Семинарист скромно объяснил ему, что несколько запоздавших певчих, которые пели всенощную по найму, но случайно были задержаны, не могут попасть домой, в Невскую лавру, и просят пустить их ночевать. Старик оказался добрым; он впустил мнимых певчих, дал им войлок – постлать на полу, и они, переночевав таким образом, ушли поутру, как только слышали монастырский звон к заутрени.

Устройство домашнего театра в стенах семинарии, конечно, не допускалось начальством. Но между воспитанниками находились иногда любители и артисты, которые, разумеется, с немалым для себя риском брались за это дело. Из учеников начала 20-х годов нам называли Гаврилова, из армейского духовенства, который отличался светкостью манер и, любя очень театр, потихоньку от начальства, устраивал в семинарии для товарищей драматические представления. Но все это были развлечения и удовольствия запрещенные, а потому редкие и весьма неудобные. По рассказам одного семин. профессора Исмаилова, в дореформенную эпоху, напротив, митр. Платон и начальство Перервинской семинарии не только не запрещали воспитанникам театральные представления, но сочувствовали им, помогали, сами присутствовали на представлениях воспитанников. При этом Исмайлове важность и пользу таких представлений определяет потребностью благородных развлечений для воспитанников, особенно заведений закрытых и находящихся за городом⁹⁷.

Из игр употребительнейшими были – в городки, в килу и мяч, которые иногда происходили и на глазах начальства, но незаметно, чтобы последнее заботилось об их благоустройстве и видело в поощрении и развитии их педагогическую меру, могущую предупреждать проступки. Известно только, что такие невинные и облагораживающие забавы, как танцы, считались неприличными для духовных воспитанников и преследовались, а «кила» и «чехарда» – грубые и небезопасные игры – не возбранялись. Что касается гимнастических упражнений, каких либо физических занятий, напр. по части возделывания земли, а так же известным образом организованных прогулок и особых семинарских празднеств, которые, в других семинариях устроались при участии начальства и составляли любимое и полезное развлечение, особенно в старые годы⁹⁸, то ничего такого не видим в петербургской семинарии, отчасти может быть и вследствие ее внешнего положения, с одной стороны, на чужой, монастырской земле, с другой – в столице, где вообще официальные условия жизни могут препятствовать более или менее свободным, патриархальным отношениям и обычаям, которые возможны в провинции. Но так

называемый «рекреации», т. е. увольнение от классов на день в мае месяце – раза три или более, – воспитанникам давались, хотя без обычной в других семинариях обстановки.

К этому нужно прибавить, что и некоторые экономические условия принаровлены были к тогдашним своеобразным идеалам воспитания. Одежи теплой напр. не выдавали семинаристам, между прочим в расчете, что им незачем и некуда ходить, и заставить их сидеть дома, упуская из внимания, что сидни подчас потихоньку пьянствуют, пользуясь титулом благонравных. Костюмировали семинаристов довольно странным образом, им выдавали шлафроки, куртки, длинные сюртуки и т. п. и тем как бы старались преградить им доступ «не в свою сферу», т. е. к обществу и порядочному знакомству, где они могли бы приучиться к светским манерам. Между тем, по первоначальному расписанию, воспитанникам семинарии предположено было шить даже фраки (см. в отд. экономия).

Помимо всех вышеуказанных педагогических недостатков, отчасти зависящих и отчасти не зависящих от семинарского начальства, при существовании, с другой стороны, и некоторых может быть излишеств, вроде множества старших, иногда мелочной и придирчивой дисциплины, нередко тяжелой казенщины и формальностей, полу-монашеского строя и отчасти даже иезуитизма, – при всем том нельзя не заметить недостатка благоразумной строгости и надлежащего воспитательского надзора в отношении учеников. Доказательством этому служат некоторые из более крупных фактов неблагоповедения воспитанников, по поводу которых правление получало замечания от высшего начальства. Затем были неизвестного рода упущения, беспорядки и недосмотры со стороны семинарских властей, которые нередко служили поводом к тем или другим проступкам. Отец вышеупомянутого воспитанника Ц–кова, приговоренного к исключению (1827 г.), между прочим писал в своем прошении митрополиту, что он раньше хотел подвергнуть своего сына телесному наказанию, но он находился в больнице, по заявлению семинарского начальства, хотя на самом деле не был болен, таким образом семинарское начальство «устранило отца от влияния на сына», а само, не заботясь о надлежащем надзоре за ним, исключило его. Конечно, начальство было право, исключив воспитанника на основании целого ряда проступков его, но и упрек начальству, допустившему здоровому находиться в больнице, имеет свое основание. К этому же времени относится и замечание ревизора Иннокентия, который хотя и назвал инсп. Савву «весьма усердным к своему делу,» но указал на упущения по инспекции, напр. что в книг о поведении «из двух годов означено только по одному месяцу.» Далее. В 1831 г. начальство петропавл. училища доносило об учениках семинарии, помещенных в здании училища во время холеры, что их «невозможно удерживать от курения табаку, держания огня в ночное время, бесчинства и самовольных отлучек в город». Правление оставило без последствий и без рассмотрения это донесение на том только основании, что оно было обще, без указания фамилий учеников. – В 1840 г. ученик низш. отд. Т–ский, отлучившийся самовольно из семинарии в учебное время на 4 дня, присужден был к лишению отпуска на святки, но, по просьбе отца, заявившего только, что он уже наказал сына, освобожден от означенного взыскания. По донесению инск. Иоасафа (1840 г.) многие из учеников не бывали в классах, по исполнению ими, или только под предлогом – посторонних обязанностей, к которым допускались ученики даже по уставу, (см. в отд. Воспитанники), или потому напр., что были в бане, – очевидно, вследствие недостатка распорядительности со стороны начальства. Вследствие этого постановлено баню топить в течении двух дней, как было прежде. Тоже можно сказать отчасти и о некоторых других беспорядках, упоминавшихся выше. Так по делу о самовольной отлучке 17 учеников 6 марта 1841 г. (см. выше, стр. 155) два воспитанника показали, что их желал непременно видеть дядя, приехавший в Петербург и не видавшийся с ними 5 лет, но как они не застали дома ни инспектора, ни его помощника то и отлучились без спросу с 5-го до 7-го; другие, сверх того, приводили в оправдание, что помощник инспектора обыкновенно говорил, будто он не имеет права уволить ученика (даже на короткое время). Один между прочим заявил, что «о. инспектору бывает неприятно, если кто за всякой малостью беспокоит его, поэтому и не спрашивался, а только сказался старшему»; некоторые указали на то, что ходили в торговую баню, потому что казенной долго не было. Многие же указывали на неточность записи дежурного, даже на его несправедливость, придирчивость и злобу. Нераспорядительность и слабость начальства, неудовлетворительность надзора и злоупотребления старших особенно видны из дела о несправедливом доносе старшего, ученика высш. отд. Мих. Д–ева, на

учеников низш. отд. Ст. Т-ского и Н. Т-ова, от 21 марта 1841 г. (ср. выше стр. 135). Со слов означенного старшего, инсп. Иоасаф донес правлению 21 марта, что означенные воспитанники, в 11-м часу вечера 20 марта, в пьяном виде пели какую-то площадную песню в коридоре, у дверей 19 № комнат, где читалась вечерняя молитва, причем Т-ский, отворив дверь в комнату, стоял в фуражке и продолжал петь. От того же числа инспектор подал еще вторую записку о тех же учениках, что они били товарища Конст. Ч-вского перочинным ножиком и подсвечником, отчего остались «боевые знаки». Воспитанники эти отправились к ректору, архимандриту Афанасию на свидетельство, для удостоверения, что они трезвы. Ректор нашел их трезвыми, о чем и доносил с своей стороны правлению того же 21 марта, считая нужным обратить его внимание на старшего Д-ева, который и после освидетельствования воспитанников Т-ского и Т-ова самим ректором, подтвержденного потом и инспектором, как заявляли означенные воспитанники, все таки продолжал утверждать «без зазрения совести» и письменно донес, что они нетрезвы. Но по второму вышеупомянутому донесению инспектора, действительно, «от Т-ского как он (инспектор) заметил, едва слышим был винный запах, который с его стороны заеден был чесноком». В правлении допрошено было несколько учеников словесности, которые большею частью показали почти одинаковыми словами в пользу старшего Д-ева, но 7 учеников средн. отд. заявили, что показание это ложно и сделано по приказанию самого Д-ева, с его слов, причем представили и клочек бумаги, на котором было написано рукою Д-ева, как должны были показывать ученики низшего отделения. Записки этой не отрицал Д-ев, заявив, что написал ее по просьбе учеников низш. отд., «чтобы складнее написать им показание». Когда ученики словесности были вновь допрошены, они отреклись от своего первого показания, совершенно оправдывали Т-ского с Т-овым и заявили, что писали по принуждению старшего, с его записки. Тогда и старший должен был подать новое объяснение, в котором прежде всего указывал на неправильность делопроизводства о Т-ском и Т-ов, на неблагоприятное составление им донесения ректору после 11-ти часов ночи, писанное «в сонном положении», слишком спешно, по настоянию о. ректора, потому необдуманно, – таким образом он обвиняет начальство; за тем говорит, что он сам не имеет обоняния, но назвал Т-ского нетрезвым, со слов ученика Ч-ского, которого тот бил. Факт побития Ч-ского на допросе так же выяснился в ином свете. В темнот Ч-ского не узнали и так как он молчал на вопросы кто это? то и приняли его за исключенного Логиневского, который часто ходил в нетрезвом виде в семинарию и беспокоил воспитанников; затем Ч-ского, действительно, толкнули, но тогда уже, когда он первый ударил в грудь Т-ского, но ни подсвечником, ни ножиком его не били. 21 марта его свидетельствовали в правлении и никаких «боевых знаков» на нем не оказалось. – Вообще, поведение воспитанников семинарии в половине 1841 года настолько сделалось нетерпимым, а меры начальства – неудовлетворительными, что назначена была особая ревизия по нравственной части.

Ревизии

Воспитательная часть, равно как и экономическая, обыкновенно подлежала обозрению ревизоров по учебной части, но бывали случаи, что «по нравственной части» назначались и особые ревизоры. В 1811 году, когда по учебной части производил ревизию ректор академии Сергей, нравственная и экономическая часть поручена была инспектору академии, архимандриту Ионе (Васильевскому). Он рассматривал инспекторские ведомости и отметки по поведению, инструкции старшим и проч. В 1813 г. при ревизии по учебной части Филарета, ревизором по нравственной и экономической частям, а так же и «по действованию правления семинарского на подведомые ему училища», был профессор эстетики, архимандрит Леонид, который, «осмотрев ежемесячные ведомости о поведении, за 2 года, сличал их с общим списком, куда вносятся все отзывы инспектора. Инструкцию, данную старшим, сверял с постановлениями, относящимися к общему надзору за нравственностью. Потом с инспектором семинарии ходил по комнатам учеников, рассматривал книги, которыми они сверх учебных занимаются, замечал домашнюю каждого ученика опрятность и заботливость об исправном сохранении книг и вещей, им доставленных». Затем известные уже ревизоры Филарет, Иннокентий (Борисов), прот. Павский, Иванов, как упоминалось в своем месте, касаясь и нравственной части, делали известные отзывы и замечания. Но особенно строгая и экстренная ревизия по нравственной части произведена была именно в 1841 г. инспектором спб. академии, архимандритом Филофеем, тем более, что в это время предположено было обновление семинарии по всем частям, согласно Высочайшему повелению, вследствие доклада обер-прокурора св. Синода, графа Пратасова. Между тем поведение учеников стало особенно нетерпимо. Несмотря на то, что они жили в монастыре, под охраной святыни, окруженные попечением монахов, они заявили себя не только не нравственными и благочестивыми, а наоборот. Инспектор Филофей в марте затребовал из семинарского правления разные справки и документы, как-то: репорты инспекторские, журналы старших, допросы учеников и пр., из которых видна виновность очень многих учеников во всех вышеописанных проступках и беспорядках, – и затем предложил правлению «сообщить свое мнение о том какие меры признает оно полезными для учреждения строгого надзора за нравственностью воспитанников на будущее время, по переводе семинарии в новое здание».

По окончании означенной ревизии, Духовно-учебное управление при св. Синоде затребовало разные справки и подлинные бумаги из сем. правления, репорты инспекторские с 1 сент. 1840 г., постановления правления об учениках и проч. и предписало «приостановить окончательные распоряжения на счет распределения на разряды воспитанников, замеченных в предосудительных поступках по делу о производившейся в сем году ревизии с. -петербургской семинарии».

По поводу донесения академического правления обер-прокурору о ревизии С. -Петербургской семинарии, произведенной инспектором академии архим. Филофеем, состоялось следующее определение св. Синода от 30 июля / 13 авг. 1841 года, изображенное в предписании акад. правления от 28 авг. 1841 г. «из обстоятельств настоящего дела видно, что управление спб. дух. семинариею по части поведения воспитанников не сопровождалось до ныне тем внимательным, попечительным и строгим надзором, который составляет необходимое условие при воспитании юношества, а еще более в семинарии, окончательно приготавливающей духовное юношество к важному поприщу пастырей и служителей церкви, которых нравственность должна быть примером чистоты. Одно обозрение семинарии, произведенное архимандритом Филофеем, невошедшим в точное дознание о действительном положении семинарии, чего требовали важность предмета и доверие начальства, но ограничившимся рассмотрением дел и бумаг, в которые вошли случаи, дошедшие до сведения семинарского начальства и не могли войти другие, скрывавшиеся от него, что весьма легко предположить по той свободе, в какой оставлены были воспитанники, уже показывает, что многие из них нередко не бывали в классах, самовольно отлучались из семинарии в город, где поведение их не могло быть известно, наконец не мало таких, которые впали в нетрезвость, а некоторые даже стали оказывать неповиновение начальству. Ближайшие причины таковых беспорядков заключались как в том, что при семинарии не было достаточного числа

начальственных лиц для надзора за нравственностью учеников, так и в местном положении семинарии, которая с низшими училищами помещалась в неудобных и рассеянных зданиях. Теперь причины сии устранены уже определением особого смотрителя, которому дана надлежащая инструкция⁹⁹, назначением двух помощников инспектору и предстоящим переводом семинарии в новое здание, где все принаровлено к потребностям лучшего порядка и устройства. За сим св. Синоду остается: 1-е) определить общие правила надзора за нравственностью воспитанников спб. семинарии, с означением круга обязанностей лиц, коим поручается надзор; 2-е) постановить определение о воспитанниках, которые дурным своим поведением обратили на себя особенное внимание; 3-е) рассмотреть действия семин. начальства, оказавшиеся по настоящему делу».

В этих соображениях св. Синод тогда же определил о порядке надзора за воспитанниками между прочим следующее: «1) надзор по нравственной части спб. семинарии, который доселе сосредотачивался в одном лице инспектора разделить и между двумя его помощниками, независимо от содействия, какое будет иметь инспектор от смотрителя. 2) В помощники инспектора избирать или из наличных наставников, которые удобно могут совместить труд по сей должности с обязанностями наставника, или же из воспитанников духовной академии, которые, за размещением к наставническим должностям, остаются без назначения. 3) Правами и жалованьем таковые помощники пользуются наравне с наставниками, и за отсутствием их должны ходить в класс, в случаях надобности, по усмотрению сем. правления. Квартиру имеют казенную в самом здании семинарии. 4) Круг обязанностей пом. инспектора, независимо от обязанностей смотрителя: а) сопровождать воспитанников в церковь для слушания богослужения и во время оного наблюдать за их благочинием; б) каждый день бывать с воспитанниками на утренних и вечерних молитвах; в столовой во время обеда и ужина смотреть за общим порядком и тишиною; г) наблюдать за воспитанниками: во время общих их прогулок на дворе, или в саду семинарском, в положенные уставом часы; д) сколь можно чаще посещать комнаты воспитанников, как во время домашних занятий их, так и во время классов, дабы видно было, не остается ли кто из них в комнатах вовремя классов; е) посещать и во всякое время ночи, по своему усмотрению, спальне ученические комнаты, чтобы видеть, все ли ученики ночуют дома. 5) Для взаимного облегчения в исполнении своих обязанностей помощники инспектора могут чередоваться по дням. 6) В потребных случаях помощники прямо относятся к инспектору семинарии, сообщая ему замечания свои о поведении воспитанников, а если инспектор по делу немаловажному не уважит замечаний их, то докладывают ректору. Месячные списки поведения они подписывают вместе с инспектором, в случае же несогласия могут представлять свое мнение письменно». Во время уроков наставники призывались к более внимательному наблюдению за воспитанниками, из которых неисправных в знании уроков и по поведению должны были записывать в особо заведенный для того классный журнал. Затем, относительно воспитанников, замеченных по ревизии в неприличном поведении, предписано было – перевести некоторых «учеников неодобренных в поведении, для продолжения учения буде пожелают в новгородскую или псковскую семинарию, в надежде, что они, возчувствовав свои проступки, устроятся последствий их и исправятся в поведении». Начальство означенных семинарий обязано было принять их; на проезд им положены были прогоны из духовно-учебного капитала. Воспитанники эти не вошли в общий двух годичный разрядный список учеников семинарии, а список их составлен был после, уже в сентябре 1841-го года. Но так как в это время ректором был уже архимандрита Феогност, то правление семинарии постановило, с утверждения митрополита Серафима, просить находившегося еще в Петербурге бывшего ректора семинарии, преосвящ. Афанасия, епископа томского, составить список означенных учеников, как ему хорошо известных со стороны успехов и поведения. Список был составлен и 9 сент. утвержден митрополитом. В него вошли: 7 учеников высш. отд., из которых четверо записаны в 3-й разряд, а трое поставлены вне разряда и, согласно определению св. Синода, назначены к поступления на причетнические должности по крайней мере на год; 13 учеников средн. отд., в том числе 3 первого разр., назначены к переводу в высш. отд. новгородской или псковской семинарии, по желанию их; а двое оставлены на повторительный курс в здешней семинарии; из 12 учеников низш. отд. 7 переведены в средн. отделение спб. семинарии¹⁰⁰, 3 оставлены в том же классе, а 2 исключены в епархиальное ведомство. Насколько решительно и бесповоротно было

определение на счет перемещения учеников в другие епархии, видно из следующего факта. Митрополичий певчий Лав. Б–ков, ученик средн. отд. Был так же в числе назначенных к перемещению в другую семинарию за нетрезвость и отлучки; он подал прошение митрополиту об оставлении его в петербургской семинарии. Митрополит Серафим ходатайствовал об этом в своем отношении к обер-прокурору св. Синода, графу Пратасову, но св. Синод, конечно, по настоянию графа Пратасова, определил: «за принятыми уже общими мерами касательно воспитанников с. -петербургской семинарии, обнаруженных бывшею ревизиею в неприличных наклонностях и худой нравственности, св. Синод не находит возможным изменить распоряжение свое об ученике Лав. Б–кове, предназначенном вместе с прочими к переводу в другую семинарию». Определение это сообщено из Дух. учебного управления 24 июня 1842 года, между тем Б–ков был уже отправлен в новгородскую семинарию.

Далее предписывалось: «всем прочим воспитанникам, которые обратили на себя нехорошее замечание начальства, объявить в полном собрании учеников семинарии, что на будущее время замеченный в худом поведении и особенно в нетрезвости и ослушании против начальства, отнюдь не будет терпим в ведомстве семинарии, а будет исключен из оной неодобрительным аттестатом».

Относительно прежних действий семинарского начальства св. Синод нашел: «1) поскольку образ действия сего начальства по управлению нравственною частию и способы нравственного надзора, кои доселе оным употреблялись, не всегда были сообразны с целию и важною властью, которою на сей предмет облечено семин. начальство; ибо правление семинарии, получая донесение инспектора о предосудительных поступках учеников, всякой почти раз, для удостоверения в оных, призывало обвиняемых в свое присутствие и требовало от них личных объяснений; чрез что давало им повод придумывать разные извинения к оправданию своих поступков, и сим самым внушало им мысль о недостатке доверия своего к инспектору, и ослабляло в них должное уважение и страх к инспектору, а с тем вместе и к самому правлению, в котором воспитанники так рано видели уже разногласие в мнениях и неопределительность распоряжений: то за таковое несовместное действие семин. правления сделать ему замечание. С тем вместе инспектору семинарии, иеромонаху Иоасафу внушить, чтобы он на будущее время ведомств. о поведении учеников непременно представлял правлению особо за каждый месяц, не соединяя за два месяца в одну, и чтобы впредь не обременял без особой надобности семин. правление донесениями о таких проступках ученических, которые не превышают меру наказания, предоставленную инспектору училищным уставом, и вообще в исправлении своей обязанности, требующей не одной отчетности на бумаге, но внимания чадлюбивого отца, постоянного наблюдения и всех тех действий, которые могут внушать добрую нравственность и воспитывать детей в духе любви, порядка и подчинения властям, поступал с тою неусыпною деятельностью и добросовестностью, какие потребны для всех сих условий. Академическому, правлению поручить преподавать и от себя инспектору предположенные наставления».

Предположенные от акад. правления, наставления инспектору семинарии состояли в следующем: «из донесения ревизовавшего спб. семинарию видно, что действия инспектора, особенно же по его записке в правление семинарское от 7 марта сего 1841 г. о безнравственности учеников семинарии, далеко не согласуются с идеею инспектора сем., а потому внушить ему, а) чтобы он не делал в своем лице из инспектора только доносчика правлению на учеников, нравственному его надзору вверенных; б) чтобы он все свои меры и средства употреблял наипаче на то, чтобы предотвращать всякие проступки между учениками, а доносил ректору или правлению тогда, когда предоставленный инспектору меры и средства оказываются уже недостаточными для исправления воспитанников; в) чтобы доносил предварительно ректору словесно, а не правлению семинарии, и притом по точном исследовании всех обстоятельств, относящихся до проступка какого-либо ученика, и со всею верною и добросовестностью; г) чтобы и сам уважал и всех воспитанников расположил и приучил уважать существующую постепенность в организации семинарского начальства, так чтобы не только ректор, инспектор и наставники, но и прочие надзиратели по нравственной части для каждого воспитанника имели важность власти, законно над ним поставленной; дабы каждый воспитанник оказывал должное уважение, послушание и благородную боязнь к самым старшим комнатным, потом тоже к прочим властям тем в большей мере, чем власть будет

выше, и дабы страшился оказаться в чем либо неисправным даже пред старшим, еще более пред инспектором, а еще более пред ректором. Что же касается до правления семинарии, то здесь должен быть самый высший и последний страх для воспитанника, так как и само правление, когда проступок воспитанника будет заслуживать того, чтобы быть внесенным в оное для письменного делопроизводства, должно уже действовать решительно, исключить из семинарии, или по крайней мере назначить самое высшее наказание, после которого при новом опыте того же проступка, воспитанник уже не может быть терпим в семинарии; д) чтобы обращался с воспитанниками в духе самой нежной и заботливой отеческой любви, старался действовать особенно на нравственные их силы, и меры наказательные, ему предоставленные, употреблял как меры отрицательно-вспомогательные, по смыслу правила, выраженного во введении к уст. дух. уч. под статью 15-ю; заслуживал у них сыновнее доверие и тем располагал их к детской искренней откровенности, и вообще свою честь и заслугу не разделял от поведения учеников, так как и действительно доброе поведение воспитанников составляет непосредственную заслугу инспектора, а худое на него же бросает некоторую тень, если только он не оправдится ревностным и благоразумным прохождением своей должности» (Подписали: Академии ректор, архим. Афанасий, секретарь Вознесенский).

Вскоре затем инспектор Иоасаф сменен был новым лицом, наилучшим из окончивших в 1841 г. курс магистром А. Мишиным, от которого уже не требовалось принятие монашеского сана.

Экономия

Духовно-училищный капитал. Первоначальные оклады. Увеличение штатов

Комитет 1807 г. об усовершенствовании дух. училищ не нашел возможным, особенно с финансовой стороны, открыть сразу все четыре духовно-учебных округа, пока не образовался общий духовно-училищный капитал. Для составления же этого капитала, по проекту, разработанному преимущественно Сперанским и преосвященными – Амвросием и Феофилактом, – предположено: 1) единовременно отделить пятую часть наличных церковных доходов (простиравшихся по ведомостям 1807 г. до 5 600 000 р.), составлявшую 1 120 000 р. 2) вследствие восстановления данной церкви императором Петром I права исключительной при церквях продажи восковых свеч, ежегодно свечных доходов собирать до 3 миллионов, хотя вследствие разных причин и неблагоприятных обстоятельств в первые годы они едва достигли 1 200 000 р. 3) испрашивать от казны ежегодно отпуска 1 353 000 р., а с 1814 г. по 2 милл., пока не составит: такая сумма, на проценты с которой, с прибавлением свечных доходов, можно будет содержать училища. В 1817 г. этот отпуск был прекращен, хотя Комиссия дух. уч. при этом испросила себе право обратиться к монаршим щедротам, в случае оскудения ее собственных средств. Этими тремя способами, не считая некоторых незначительных, второстепенных источников, и составлен чрез приращение процентами в течение 6 лет капитал до 15 милл., хотя, по предположению комитета, он должен был восходить к 1815 году до 24 949 018 р. На открытие же и содержание петербургского округа в течение первых шести лет найдено возможным употреблять еще церковную сумму прежних годов. Затем училищный капитал должен был оставаться неприкосновенным, а на расходы шли его проценты, с восполнением их свечными доходами, с течением времени все более возрастающими. Таким образом духовно-училищный капитал постепенно увеличивался: к 1826 г. он возрос до 32 милл., к 1835 г. свыше 41 милл., а в 1839 г. он превышал 44 милл. 252 тыс., или на серебро равнялся 12 643 506 р. с коп.¹⁰¹ Первоначально предполагалось из этого же капитала обеспечивать и церковные причты, но потом предположение это отклонено, или по крайней мере значительно ограничено – назначением лишь классных окладов духовенству за ученые академические степени, а с 1829 года и некоторых пособий и окладов бедным священно- и церковнослужителям, частью постоянных, частью же временных. За то многие расходы пошли на статьи, первоначально вовсе непредполагавшиеся комитетом, каковы: содержание Комиссии дух. уч. с временным счетным отделением при ней, а особенно Духовно-учебного управления и других учреждений синодального ведомства, с разными окладами, пенсиями и пособиями служащим, – не считая расходов случайных и совершенно сторонних, имевших благотворительную цель¹⁰².

По предположению комитета 1807 г., семинарии и училища, по разности цен в разных епархиях, разделены на три разряда, с окладами высшими, средними и низшими. Но петербургская епархия, по причине возвышенных цен на все предметы, сравнительно с прочими епархиями, заняла особое положение. Тогда как на семинарии высшего разряда назначено было по 17 000 руб. каждой, на с.-петербургскую семинарию положено 19 900 р. и на уездное училище в столице (александроневское) 2,750 р.,¹⁰³ помимо единовременных издержек на открытие этих заведений.

В числе профессоров и учителей, равно как и в окладах их, комитетом 1807 г. предположено намеренное уменьшение против гражданских училищ, в том расчете, что в плане образования дух. училищ предположено было соединять наставническую должность с другими духовными должностями, приносящими доход. Но как Комиссия, для первоначального образования академии и семинарий, признала нужным, к преподаванию некоторых учебных предметов, пригласить ученых людей светского звания: то те оклады, которые по указанному соображению предполагались достаточными для духовных, оказались для профессоров и учителей светского звания недостаточными и требующими добавления. Для покрытия этих расходов, вместе с единовременными издержками на открытие академии, семинарии и училищ, Комиссия не нашла нужным просить новых пособий от казны, имея в виду остатки от суммы, предназначенной на устройство училищ с.-петербургского округа, происшедшие от уменьшения количества уездных и приходских училищ против примерного назначения,

сделанного комитетом; так же от постепенного их устройства и наконец от неполного, на первых порах, комплекта казенных воспитанников академии и семинарии.

Как видно из расписаний жалованья служащим, выдававшегося обыкновенно, по представлению эконома, за два месяца¹⁰⁴, – первоначально не все преподаватели получали одинаковый оклад, и вообще в первые годы, до 1814-го, оклады часто изменялись. Сравним расписания жалованья с начала 1810 года и следующих годов, до 1820-го.

Ректор Анатолий первоначально получал с профессорскими 1500 руб., но в апреле 1810 г. было предписание об уменьшении его оклада на 350 руб., так как, иначе, его ректорский оклад превышал оклад ректора академии. Оставшиеся 350 р., по предписанию, распределены между наставниками: Толмачевым, Коралловым (по 50 р.), Вороновым, Александровым (по 75 р.) и Ивановым (100 р.). Но впоследствии ректору (Иннокентию) возвышен снова оклад до 1500 р., т. е. по должности ректора положено 850 р. и по должности профессора 650 р. или вообще 1500 р. «в пенсию, доколе состоит в училищной службе», как сказано в журнал Комм. дух. уч. от 21 сент. 1817 г. (ст. 1-я). Но и о. Поликарп после него получал ту же сумму.

Инспектор и профессор философии, архимандрит Мефодий – 650 руб., а вместе с жалованьем по должности ректора Александро-невского училища (450 р.) – 1100 руб. С 1814 г. инспектору сем. по должности ректора Алекс-невского училища; положено 550 р., без прибавочных по инспекторской должности – 300 р. (на основании проекта уст. § 199, прим. 2.), но с 650 р. профессорского оклада, итого 1200 р.

Бакалавр эстетики архим. Леонид – 400 руб. (за 4 часа, т. е. за два урока в неделю). – Преподаватель риторики и математики, Толмачев в 1810 г. – 600 р., затем прибавлено еще 50 руб. Но в 1812 г. он просил назначить ему отдельное жалованье за преподавание математики. Сем. правление, приняв во внимание, что и по одной словесности много уроков и сочинений, нашло справедливым представить Толмачева к особому окладу по математике, и ему было прибавлено 400 р.¹⁰⁵ Преподаватель истории и географии, А. Иванов – 500 руб. (1810 г.), затем прибавлено 100 руб. и в 1811 г. еще 50 руб. итого: 650 р. Но, с увеличением оклада, ему прекращена выдача 75 р. от зачисленного за ним в гдовском уезде прихода. Преподаватель высшего греческого класса и французского языка Д. Воронов – 475 р., затем прибавлено 75 р. и в 1811 г. еще 100 р. итого: 650 р. Преподаватель немецкого языка и греческого в низшем классе, свящ. Кораллов – 450 руб. а с прибавкой – 500 руб. Но в ноябре 1811 г., по закрытии отдельного низшего греческого класса, из его оклада убавлено 250 руб., которые распределены, как показано выше, между Вороновым (100 руб.) и Ивановым (50 р.), а так же библиотекарем (50 р.), с письмоводителями (по 25 р.) Преподаватель еврейского языка свящ. Александров первоначально – 175 р., а с прибавкой 250 р. С 1814 года жалованье профессорам положено по 650 р.

Библиотекарь Гронский получал 50 руб. и в 1811 т. прибавлено 50 р. Но библиотекарю с 1814 г. было положено уже 200 р. из остаточных сумм. (Проект. уст. § 199.) Письмоводители: Постников и Преображенский – получали по 100 р. а в 1811 г. прибавлено по 25 р. Секретарь – 250 р., эконом 300 р., врач – 300 р. (с 1814 г.).

Что касается содержания воспитанников, то в первые годы по этой части были постоянные затруднения. По заявлению семинарского правления в 1811 году, на запрос обзоревавшего семинарию по нравственной и экономической части, инспектора академии Ионы, – на полном казенном содержании никого не было, но правление доставляло необходимые принадлежности из одежды 52 ученикам, хотя всех учеников было 113. После этой ревизии предписано, на основании 57 § Начертания правил, «довольствовать учеников полным казенным содержанием». Но, как видно, по недостатку средств и дороговизне, правление затруднялось этим. В 1813 г. из 94 учеников семинарии, казенных было 62, но из них одни уже на полном казенном содержании, а другие на пище только, разумеется с квартирой. В 1812 году возникало дело, вследствие затруднениями по шитью платья. По смете исчислено на человека 55 р. 75 к. (всего на 100 человек 5575 р.), но по представлениям семинарского правления: требовалась сумма 11 295 руб. на полную экипировку казенного воспитанника (сюртук синий, фрак, перчатки, летний шлафрок из тика, 2 жилета, панталоны суконные и китайчатые, 2 косынки, пуховая круглая шляпа, три рубашки и исподницы, 3 пары чулок, 2 пары сапог и 1 головки). Но Комиссия дух. уч. 21 сент. 1812 г. положила: «делание фраков для учеников семинарии может быть отложено до удобнейшего времени, на прочую же одежду

правление должно по возможности употреблять сумму, штатом положенную». Общая сумма сократилась таким образом на 9170 руб., которые, вследствие представления митрополита Амвросия о недостаточности штатной суммы, и положено было единовременно отпустить на одежду учеников семинарии из остатков от неполного комплекта академических студентов. В 1814 году семинарское правление рассуждало и хлопотало об увеличении суммы на содержание воспитанников. По штату положено было 120 руб. на пищу и одежду и 15 руб. на квартиру, итого 135 руб. на каждого казенного. «Между тем, по составленной смете, принимая самую меньшую на все вещи цену, потребно в год на каждого ученика пользующегося пищею, платьем и квартирными выгодами, всего 242 р. 37 к. на каждого, а на 100 человек 24 237 р. 50 к.» Против штата недоставало 10 737 р. 50 к. Вследствие этого правление входило в долги и постоянно должно было испрашивать сверхштатных сумм, как и в 1813 году. В 1815–17 г. г. на казенном состояло от 100 до 85 человек из 131 общего числа воспитанников, притом 4 пользовались только квартирой и пищей. Между тем на содержание учеников пищею и одеждою и на содержание дома опять пришлось испрашивать сверх штата 6735 руб. В 1818 году потребовалось уже 10 159 рублей.

Естественно, возник вопрос об увеличении штатов по всем частям. 22 мая 1820 г. Высочайше утверждены новые штаты духовно-учебных заведений, по докладу Комиссии дух. уч., в котором между прочим было сказано: «с 1808 г. круг действия обширной учебной части распространялся, нужды в соразмерность того увеличивались, а способы к содержанию оставались все те же», потому найдено необходимым «составить новые училищные штаты, приспособленные к нынешним обстоятельствам. Прежнее деление семинарий на три разряда удержано, но петербургская опять поставлена вне разряда, и сумма, на нее назначенная 45 250 руб., в полтора раза превышает сумму на перворазрядные семинарии. Сверхштатные же дополнительные оклады постановлено прекратить. Ректору положено жалованья 1000 руб. и как профессору 1000 руб. профессорам по 1000 руб., в том числе и преподавателям местных языков и параллельного класса; эконому – 600 руб., лекарю – 400 р., трем, письмоводителям 750 р.; прибавочного жалованья: инспектору 500 руб., но, будучи ректором училища, он получал по этой должности только половину положенного оклада 300 руб. (1 примеч. к штатам уездн. уч.); секретарю – прибавочных 400 р., библиотекарю – 300 р. Между тем в других семинариях жалованья ректору и профессорам положено: в перворазрядных – по 750 р., во второ-разрядных – ректору 700 р., профессорам по 650 р. а в третье-разрядных по 600 руб. На содержание казеннокоштного воспитанника спб. семинарии назначено 300 руб. (всего – на 100 казенных – 30 000 р.), на содержание дома, служителей и проч. 4000 р., на больницу и библиотеку по 500 р.¹⁰⁶, на канцелярию 300 руб. Письмоводителям правление, как видно из приходо-расходных книг, выдавало различно, то по 50 р. – вновь поступившим, то более, до 225 р. (Копьеву в 1821 г.)¹⁰⁷.

Спустя пятнадцать лет, эти штаты снова признаны не достаточными. В 1836 г. Комиссия дух. уч. делала следующий всеподданнейший доклад, Высочайше утвержденный 23 мая 1836 года.

«Штаты дух. уч. при преобразовании оных в 1808 г. составленные, чрез 12 потом лет, в 1820 г. пересмотренные и возвышенные, в течении 15-летнего времени вновь оказались требующими пересмотра и приспособления к потребностям, открываемым переменою обстоятельств и дальнейшими опытами». Далее делается сравнение духовно-учебных окладов с светскими, и они оказываются менее почти втрое, говорится, что немногие могут пользоваться жалованьем или доходами по епархиальной службе, даже некоторые ректоры не имеют монастырей в управлении. Училищные дома и больницы (тем более что велено принимать и своекоштных в казенные больницы) так же требуют увеличения на содержание: оклады на них положено увеличить вдвое; оклады же на содержание воспитанников оставлены были пока прежние (300 р.), до собрания более удовлетворительных данных по этой части. Так же на библиотеку и канцелярию оставлены прежние оклады.

По новым штатам, введенным со второй половины 1836 г., семинарии по прежнему разделены на 3 разряда и в I-м разряде все-таки выделена С. -Петербургская, вместе с Олонецкой и Новгородской, (последняя по содержанию дома и больницы превышает все семинарии).

Ректору положено жалованья 1500 р., но ректорам, имеющим монастыри в управлении, постановлено выдавать оклад неполный, на первый раз две трети и даже до половины. На инспекторов же это не простиралось, на основании особого разъяснения Комиссии д. у. в 1837 г. Профессорам шести положено 9000 руб. (по 1500 р. каждому).¹⁰⁸ Сверхштатные профессора (для параллельных отделений) получали тот же оклад, по особым впрочем назначениям Комиссии. Поэтому напр. в 1839 г. получалось на 10 профессоров 15000 р. В других перворазрядных семинариях (тоб. пск. арх. ирк. перм. мин. херс.) ректору и профессорам – 1125 р. и т. д., а в 3-м разряде (большею частию южные и вост. сем.) – 900 р. Прибавочного жалованья в спб. сем. – инспектору 700 р., секретарю 500 р., библиотекарю 450 р.; затем эконому 700 р., лекарю 500 р., трем письмоводителям 1050 р., но письмоводителей иногда (с половины 30-х г.) было и 4, хотя получали они не поровну. На содержание дома, прислугу, освещение и отопление 6000 руб., на больницу 750 р., на канцелярию 300 р. Всего – 51950 р. Но в конце 30-х годов, с добавочными на сверхштатных преподавателей, высылалось 57950 р.

В августе 1840 г. выслан штат дух. сем. в переложении с ассигнаций на серебро: ректору и профессорам по 429 руб. сер., инспектору прибавочного 200 руб. 20 к. с, эконому 200 р. 20 к. с, секретарю прибавочного 143 р., лекарю 143 р., библиотекарю прибавочного 128 р. 70 к., письмоводителям 3-м по 100 р. 10 к., на содержание семинаристов, на каждого – 85 р. 70 к. с. (на 100 чел. 8570 р. с.).

В 1838 г. Комиссия дух. уч., желая проверить, насколько достаточны положенные штатом суммы, делала запрос о ценах на продукты в спб. семинарии за 5 лет (1825–30 гг.). Семинарское правление отвечало, что сумма на содержание учеников пищею и одеждою, положенная штатом, достаточна, а на содержание дома и больницы весьма недостаточна. 1) На содержание семинарского дома положено 6000 руб., а с александроневским училищем 7400 р., употребляется же в расход 20000 р., именно: прислуга 4043 р., отопление 6188 р., освещение 1560 р., конюшня 1000 руб., ремонта зданий 4890 р., посуда и мебель 2179 р. 2) На семинарскую больницу отпускается 750 р., а расходуется 3000 р. и более, т. е. медикаменты 2572 р. и прочие потребности 943 р. Вместе с тем представлена и сравнительная таблица цен 1836 года с предыдущими годами (1825–30) на содержание пищею, одеждою и проч.¹⁰⁹

Из таблицы видно, что к 1836 году почти все сделалось дороже, (кроме овса и капусты, так же сапогов). Поэтому естественно могли происходить передержки¹¹⁰, который, по уставу, могли впрочем возмещаться остатками от других статей однородных¹¹¹. Но впоследствии сделано в этом отношении ограничение. От 10 янв. 1839 г. предписано, чтобы в представлениях о разрешении расходов на покрытие передержек объяснять, из каких источников предполагается заимствовать потребную на то сумму, и по каким уважениям допускается самая передержка.

Что же касается особых, экстренных и случайных потребностей и расходов, то на них те или другие денежные суммы или высылались из центрального управления, или разрешались к выдаче из остаточных, по особым представлениям семин. правления. Остатки же зачислялись в семинарскую экономию не только от жалованья служащих, но и от неполного комплекта казенных воспитанников. (Проек. уст. § 201), и даже от классных окладов, по распоряжению Комиссии д. уч. в 1818 г. (относительно оклада о. Неофита). Вообще уставом допускались из ежегодных остатков «запасные суммы, составляющие собственность заведения на чрезвычайные потребности». (Введ. к уст. § 34.)

Пособия служащим, денежные награды, пенсии

Кроме окладов жалованья, служащие получали от времени до времени те или другие пособия и денежные награды.

По предписанию Комиссии дух. учил., поступающие на духовно-учебную службу из акад. воспитанников получали на обзаведение 100 руб.¹¹² Затем по ученой степени, в силу постановления Комиссии дух. уч., Высочайше утвержденного 27 авг. 1814 г., полагались оклады: доктору 500 р. или 143 р. сер., магистру – 350 р. или 100 руб. 10 к. с, кандидату 250 руб. или 71 р. 50 к. сер. Выходившие в светское звание лишались классных окладов, но деньги, уже полученные ими, обыкновенно назад не отбирались, а зачислялись им в награду, по особому, впрочем, каждый раз представлению о том высшему начальству. Так, представление семинарского правления в 1831 г. об увольнении профессора Турчанинова от уплаты полученной им суммы классного оклада, в уважение усердной и исправной службы, при том же он «не произвольно, а по необходимости оставляет духовное звание», – первоначально не было утверждено митрополитом Серафимом, в виду того, что из духовного звания он вышел не по болезни (согласно предп. Комм. дух. учил. 23 дек. 1830 г.), но по случаю вдовства, заявив, что «к монашеству не чувствует в себе склонности». Правление постановило представить дело Комиссии дух. уч., которая и разрешила не взыскивать с Турчанинова деньги. Вообще же предписано было (от 23 дек. 1830 г.), чтобы выходящих в светское звание по болезни свидетельствовали местные врачи и их свидетельства в подлинник прилагались бы к представлениям, с присовокуплением мнения преосвященного, касательно возвращения классного оклада. Степенные оклады выдавались обыкновенно из сумм семинарской экономии, так что и вышедшие из семинарии священники должны были получать эти оклады обыкновенно в семинарии. Число таких лиц постепенно возрастало. В 1822 г. суммы классных окладов при семинарии получалось только на 4-х магистров посторонних, а в 1840 г. уже на 30 человек.

Определенные казенные квартиры при семинарии имели собственно ректор и инспектор. Их квартиры даже меблировались на казенный счет, напр. по репорту эконома в февр. 1832 г., куплено на 325 р. мебели для ректорской квартиры, в мае куплен для него шкаф березовый за 18 руб. и комнатный шкаф за 40 руб. Тогда же починалась на казенный счет мебель в квартире инспектора. Что же касается наставников, то казенной квартирой при семинарии, в монастырском здании, дозволено было пользоваться только холостым, причем, по предписанию Комиссии дух. уч. еще в 1812 г. после ревизии архим. Ионы, им дозволено было пользоваться и дровами; «что же касается до снабжения их хлебом, то сие отныне прекратить». В 1818 г. (7-го марта) последовало предписание Комиссии дух. уч. и на счет квартирных денег: «если учащий будет иметь жительство на квартире, по неимению для него в училищном доме помещения, то сем. правление представляет о том академическому с мнению, сколько по местным обстоятельствами нужно назначить сему лицу квартирных денег». Женившиеся выселялись из Лавры и обращались обыкновенно с прошением в семинарское правление о выдаче пособия, иногда и на квартиру, но большею частию на отопление, так как в вышеуказанном предписании 1818 г. было сказано, что семинарское правление не обязывается выдавать квартирных денег лицам, «по собственной воле и личным видам оставившим казенное помещение». В 1823 г. профессор Наумов просил правление семинарии исходатайствовать ему квартирные деньги, «если только законный брак не принадлежит к числу тех личных видов, по коим учащий в семинарии лишается казенной квартиры». Отказано, но потом положено, на основании того же предписания 1818 г. (выдавать на отопление смотря «по истинной нужде лица»), – на дрова выдавать 100 руб. в год, так же как и профессору Раменскому в 1819 г., И. Виноградову секретарю (1821 г.) и впоследствии Нарбекову, Полиевктову, Коз. Успенскому (по 160 р. или по 20 саж. дров), Мелиоранскому, Аменитскому (1827 г.) 160 руб. Иногда определялось и количество сажень, на которое выдавались деньги, напр. Гр. Смирягину, Я. Боголюбову (1836 г.) на 15 сажень, Галахову – 138 р. Иногда же выдавались самые дрова, напр. в 1834 г. Жемчужину, «по вниманию к его бедности», вследствие его прошения, положено отпускать 15 саж. березовых однополенных дров.

Более определенное и беспристрастное предписание на счет квартирного пособия последовало от академического правления от 31 авг. 1825 г. (ср. подобное в февр. 1820 г.) «Училищные начальства должны представлять о квартирных деньгах только для тех наставников, кои не менее 4-х лет прослужат при училище, с одобрением начальства, дабы пособие сие служило вместе и наградой за службу и поощрением к продолжению оной». Здесь уже не делается различия между холостыми и женатыми. На этом основании наставники Желияранский, Аменитский, К. Успенский, Окулов, Ладинский получали на квартиру по 300 руб. в год. Турчанинов в 1830 году получил только 200 руб., так же Михайлов и Масальский, которого вывели с казенной квартиры, вследствие тесноты помещения, опасной во время холерной эпидемии. Петру Боголюбову в 1837 г. назначено 250 р. квартирных, но Смирягину вскоре после того – 300 руб. В 1840 г. Ив. Крылову положено квартирного пособия 60 р. сер., по определению Дух. учебного управления. Но Андр. Михайлову, в 1839 г., прослужившему в семинарии более 11 лет, отказано было Комиссией дух. уч. в квартирном пособии 300 руб., вскоре по выходе его из экономов семинарии, по расстроенному здоровью. Крылову так же потом отказано в квартирном пособии, так что некоторое время только И. Боголюбов получал это пособие. Но в февр. 1841 г. Крылову выслано из Духовно-учебного управления, вследствие нового ходатайства, 25 руб. сер. Кварт. пособия. Очевидно, в этом случае, особенно с конца 30-х годов, существовало усмотрение начальства. В 1841 г. от академического правления предписано: «с строгою разборчивостию» представлять наставников к выдаче квартирного пособия, не ограничиваясь одною выслугою 4-х лет в должности преподавателя, но показывая особые заслуги. Пособия же эти предписано (от 6 июля 1835 г.) выдавать преимущественно из остаточных сумм и только в случае неимения их представлять о том Комиссии. Пособия выдавались иногда и с другою целью, напр. Окулову в 1833 г. было выдано пособия 300 р. на проезд в Финляндию, с ученою целию.

Денежные награды выдавались служащим при семинарии по вниманию к разным обстоятельствам, или вследствие ревизии – наиболее отличившимся, иногда за исправление бесплатно, или с незначительною платою, той или другой сторонней должности, большею же частью при выходе из семинарии. В первую половину рассматриваемого периода денежные награды вообще были щедрее и чаще, чем в последнюю.

После ревизии, или за усердие по службе вообще, получили денежные награды: проф. Смирнов (1817 г.) «в воздаяние усердной службы и из уважения к семейственному его состоянию» 650 р., Малеин – 1350 р. (1822 г.) за псковскую службу, Раменский в 1821 г. – 500 р., Ветринский и Наумов (1823 г.) по 500 р., письмоводитель Мацеровский за приведение архива в порядок 100 р., Полиевктов и Мелиоранский, после ревизии Павского в 1830 г., получили награды по 1000 р. За посторонние труды: Тяжелов (1834 г.) и И. Боголюбов (1836 г.) по 250 р. за безвозмездное исправление должности секретаря и помощника инспектора, письмоводитель И. Янусов за содействие своими трудами временному ревизионному комитету в 1838 г. 100 руб. При выходе же из семинарии всего более выдавалось денежных наград. Наставники Толмачев, Иванов и Воронов получили по 650 р., по назначению Комиссии дух. уч. в 1814 г., Неофит Веселовский в 1817 г. 650 р. Ректор Поликарп в 1824 г. получил 2000 руб.; инспектор Николай в 1832 г. 500 руб.; профессора Ветринский – 500 р. и Наумов – 300 руб. – в 1825 г., наставник Е. Успенский, по оставлении секретарской должности в 1828 г. – 400 р.; экономы – иеромонах Вениамин, вышедший по болезни в 1829 г., получил 200 р.; Геннадий, бывший один год экономом в 1830 г., 250 р.; А. Петров в 1841 г. – 200 р.; врач Жювенель, при выходе, по прошению, в 1831 г. представлен был к награде 800 руб. за успешное излечение двух эпидемий, но митр. Серафим назначил только 400 р.; смотритель лазарета Быстреевский (1823 г.) 100 р., письмоводители: Мацеровский (1825 г.), В. Никольский, И. Строкин (1833 г.) и Пл. Янусов (1838 г.) по 100 р. Скроботов (1833 г.) 50 р.

При этом нужно заметить, что награды при выходе из семинарии выдавались собственно лицам, остающимся в духовном звании. Правда, правление семинарии делало попытку нарушить этот обычай, но она оказалась безуспешной. В 1825 г., при выходе с духовно-училищной службы в гражданское ведомство секретаря семинарского правления Ф. Кудрявцева, бывшего ранее инспектором александровского училища, также лектором и помощником инспектора в семинарии и прослужившего около 8 лет, – семинарское правление представляло его к денежной награде 600 руб., но митр. Серафим, вообще старавшийся

охранять интересы и неприкосновенность духовного сословия, предложил отменить решение сем. правления на том основании, что Кудрявцев вышел на гражданскую службу. Между тем эконо́мы – иеромонахи Вениамин и Геннадий, служившие в семинарии только около года, получили, при выходе, денежные награды. Большею частью митрополит (Серафим) уменьшал сумму той или другой награды, а Комиссия некоторых и вовсе не удостоивала, напр. Полиевкто́ва в 1828 г., Лади́нского в 1832 г., которого заслуги указаны были собственно по псковской семинарии. А. Михайлов представлен был за свыше 10-летнюю службу к годовому окладу 1500 р., особенно за труды по экономии, и не получил. Но по вниманию к особым обстоятельствам иногда выдавалось пособие даже уволенным со службы, напр. Окулову в 1838 г., по определению Комиссии дух. уч., выдано пособия 400 р., по уважению к бедности его и трудам по изданиям на финск. языке.

Что касается вознаграждения лиц, исправлявших должность за выбывших, то относительно этого издано было постановление Комм. д. уч., выраженное в предписании акад. правл. от 6 мая 1835 г., подтвержденное Комиссией и от 5 июня 1837 года, по которому полагалось выдавать означенное «вознаграждение из остаточного жалованья наставников убылых», если наличный преподаватель исправлял должность не менее 3-х месяцев «и притом с усердием и пользою для учащихся». Инсп. Николай за исправление ректорской должности в 1831 г. три месяца получал половину остаточного ректорского жалованья, 258 р. 34 к. Инсп. Феодосий за исправление инспекторской должности в ал.-невском училище (1822) – 20 р. в месяц. Масальский и Тяжелов (1832 г.), по выходе Ладинского, преподавали за него и получали его оклад пополам. Смирягин в 1834 г. исправлял должность за больного Жемчужина за половину его жалованья, а в 1835 г. за исправление сверх своей другой профессорской должности, по I-му классу словесности, получил за 4 месяца 170 р. 83 к., Галахов и Крылов (1837 г.) за исправление должности умершего Жемчужина – по 200 р.

Лектора с академическим образованием получали различно, смотря по имеющимся суммам: С. Каменский – 250 р. в год, С. Галахов – 150 р., а Тяжелов в 1831 г. и Смирягин в 1834 г. – 300 р. Лекторам же из учеников семинарии, согласно опред. акад. правл. 1818 г., полагалось еще более умеренное вознаграждение, по усмотрению сем. правления. Павинский в 1818 г. получал 40 р. в год; в 1819–23 г. лектор греч. языка (Смирнов) получал 12 р. 50 к. (в два месяца), или 75 р. в год; в 1830 г. – 100 р. В случае незаконного промедления в прибытии к месту службы вновь назначенных, оставшийся оклад их предписано (15 июня 1836 г) обращать в экономическую сумму, или в вознаграждение лиц, занимавших их должности. Вообще службу считать полагалось со дня определения, а жалованье производить со времени прибытия к назначенным местам. (Предп. от 6 мая 1835 г. и 5 июня 1837 г.)

Положение о пенсиях заслуженным наставникам духовно-учебного ведомства утверждено 4 июля 1828 года. Прослужившим не менее 15-ти лет, по увольнении, если не состоят на другой службе, назначено в пенсию часть оклада жалованья; прослужившим не менее 20 лет, а прослужившим не менее 25 лет – полный оклад. Вдовам таких лиц назначена та же пенсия, если при них находятся дети, до определения последних на казенное содержание. При этом Комиссия дух. уч. нашла справедливым исходатайствовать соответственную пенсию и вдовам лиц, прослуживших на духовно-училищной службе не менее 15-ти лет, хотя бы они умерли, состоя уже на епархиальной службе, а не на училищной (предп. от 31 июня 1833 г.). В пенсионный капитал употреблены остатки штатных сумм по духовным училищам до 1823 года (около 1 миллиона 80 тыс. руб.). На пенсии назначен собственно 1 миллион, с которого предполагалось 50 тыс. руб. % в год. Но в петербургской семинарии в рассматриваемые периоды не было лиц, получавших пенсию даже в размер оклада, т. е. за 15 лет службы, так как никто пока не оставался: на семинарской службе в течении и 15 лет. В 1827 г. при выходе из семинарии штаб-лекаря, статского советника Бока, семинарское правление представляло его к пенсии в 200 руб. как служившего в духовно-учебном ведомстве с 1802 года, сначала в качестве преподавателя медицины в Александроневской академии, потом в качестве врача при семинарии, в течение 25-ти лет, и не получавшего наград, но Комиссия духовных училищ отказала, «так как пенсии выдаются при увольнении от службы, а не при перемещении».

Содержание воспитанников

Все ученики семинарии, за самыми незначительными исключениями, жили ради педагогических целей, как сказано выше (см. стр. 158), в самой семинарии¹¹³ и получали стол и одежду, относительно которой существовало, впрочем, некоторое ограничение, согласно уставу (§ 221. Е), как сказано будет ниже. Одни из воспитанников пользовались штатным казенным содержанием, другие – своекоштные – вносили за свое содержание определенную сумму, третьи – меньшинство – состояли на каких-нибудь сторонних капиталах, или пособиях. На штатное казенное содержание принимались сироты, или самые бедные из воспитанников¹¹⁴, по особым прошениям их самих, или их родных. По штату, число казенных было 100, но на деле редко доводило до этого числа: обыкновенно казенных было менее. Как видно из перечневых ведомостей, в 1815–17 г., число их понижалось до 85 (из общего числа 131), в 1823 г. на штатном казенном было 62, а в 1824 – 56 (из 153) в 1833 – 87 (из 194). Но допускались еще полуказенные – из бедных воспитанников, пользовавшиеся помещением и столом, а за одежду вносившие положенную сумму, если не имели своей одежды; число их было различно и вместе с казенными оно иногда превышало 100. В 1823 году полуказенных было только 27, а в 1833 г. их было 33; в 1834 г. – 35 чел. при 83-х казенных, в 1839 году – 40 полуказенных на 73 казенных.

В 1830 г. вследствие упоминавшегося выше Высочайшего повеления от 6 дек. 1829 г. «о преподавании вящих способов к образованию духовного юношества» семинарское правление, по требованию Комиссии дух. уч., представило ей, между прочим, списки воспитанников семинарии, состоящих на своем содержании, с отметками, кому из них и «по каким именно уважениям нужно преимущественно пред другими оказать скорейшее пособие помещением на казенное содержание, и какие для этого нужно сделать новые постройки в семинарии, так как в силу означенного указа предполагалось содержать всех учеников на казенном коште. В изданном по этому случаю особом «Положении о способах к улучшению состояния духовенства» было сказано между прочим (§ 8) относительно нежелающих поступать в духовное звание: «в благодарность за свое воспитание (обязываются) служить по духовному ведомству не менее 4-х лет и кто желает быть свободен от сей обязанности, тот должен объявить о сем по крайней мере в половине семин. курса и с сего времени он уже не может пользоваться содержанием от семинарии, а только учением». Правление представило, что 12 полуказенных имеют нужду в полном казенном содержании, из своекоштных – 8 нуждаются в казенном и 11 в полуказенном содержании. Не видно, чтобы это представление было удовлетворено, но к концу рассматриваемого периода центральное управление высылало суммы на содержание казенных и сверх штата.

Своекоштные ученики, число которых было так же различно (в 1823 г. 77, в 1827 г. 82, в 1839 г. 125 чел.), за свое содержание в семинарии вносили определенную сумму. Первоначально, до 1811 г. за содержание пансионера взималось 50 руб., в 1811 г. взнос увеличен до 75 руб., а затем и до 100 р. (1812 г.)¹¹⁵ В случае неисправности во взносах, семинарское правление, в первые годы, иногда делало представления в Комиссию дух. уч. об увольнении таких воспитанников, за которых не вносились деньги¹¹⁶, иногда деньги с родителей взыскивались чрез консисторию, иногда же на бедных воспитанников высылались деньги, по прошениям, из Комиссии дух. уч. В 1812 г., после ревизии архимандрита Ионы, было предписание: «не взысканные деньги за содержание с своекоштных учеников, или родственников их, обязавшихся за них вносить оные, взыскать и впредь взыскивать в сроки». В 1813 г. правление постановило: «никому не позволять пользоваться квартирными выгодами и пищею, кто не внесет вперед суммы положенной». Несмотря на то, на учениках оставались все-таки значительные недоимки. Так в 1814 г. недоимок на своекоштных учениках было 865 р. за последнюю треть 1813 г., взыскание которых инспектор Феофан, при выходе, должен был сдать своему преемнику Гойтанникову (Поликарпу). Впоследствии неоднократно предпринимались те или другие меры, с целью исправного сбора сумм на содержание своекоштных. В 1818 г. чрез консисторию взыскивали недоимки с учеников, как выбывших в епархиальное ведомство, так и с состоящих на доходах от предоставленных за ними мест, и с отцев воспитанников. В 1823 г. ученики обязаны были подпискою – аккуратно вносить деньги за

свое содержание, под угрозой не принятия в семинарский дом, или невыдачи свидетельств при выходе из семинарии, – до уплаты долга. Действительно, в сентябре этого года у некоторых были задержаны аттестаты и свидетельства и выданы уже после, по особым прошениям, со взятием новых расписок об уплате долга в назначенный срок. В 1825 г. изданы снова правила об аккуратности взносов. Но к 1826 г. в недоимке по семинарии и алекс. невоскому училищу всего было 25220 р. Частью деньги эти истребованы чрез консисторию, а некоторую часть этой суммы правление решило простить задолжавшим до 19-го ноября 1825 г., на основании манифеста; но дело впоследствии опять возбудилось, так как митрополит не утвердил представления о подведении под манифест. В 1827 г. семинарским правлением изданы особые положения о содержании в училищах и семинарии своекоштных учеников. В положениях сказано, что сумма за содержание своекоштных должна быть взимаема «по истинной оценке всех предметов, основанной на опыте и местных обстоятельствах и на точном знании состояния родителей, потому в назначении таковых сумм могут быть и степени». С детей протоиереев, священников и светских положена полная сумма 10 руб. в месяц, с диаконских, а причетнических этой суммы. Впрочем при этом положено все-таки сообразоваться с состоянием родителей и количеством детей у них. За вакационное время вычета не положено, взносы же дозволены по третям. В случае неаккуратности их, постановлено делать сношения с консисторией, или духовными правлениями касательно родителей, детей же лишать стола и квартиры и не выдавать им увольнительных видов до уплаты долга. Не получающим казенного стола дозволено держать свой в казенном здании, если позволяет помещение, или вне его. Пользующиеся только помещением и отоплением платят, смотря по обстоятельствам, от 10 до 12 р. в год; за пользование книгами назначалась особая плата, сообразно с стоимостью книг.

Между тем к марту 1827 г. невнесенных денег за 1826-й год в семинарии, вместе с александроневским училищем, снова накопилось 4166 р. 80 к.¹¹⁷ По этому поводу возникло целое дело. На представлении семинарского правления митрополиту Серафиму об этих недоимках, он написал: «как резолюцією нашею, последовавшею 1826 г., генв. 18-го, на просьбе исключенного из философии ученика Андрея Абрютина предписано между прочим сем. правлению, чтобы впредь ученики за содержание свое вносили деньги наперед за полгода или по третям: то семинарское правление имеет немедленно представить нам объяснение, почему оно вопреки сей резолюции нашей не токмо не взыскивало за содержание в семинарии учеников денег наперед, но даже никакого распоряжения к исполнению оные не сделало». Оказалось, что прошение Абрютина¹¹⁸ с вышеозначенной резолюцией митр. Серафима не было докладываемо правлению. Потребовано объяснение. Ректор Антоний только в марте 1826 г. вступил в должность. Инспектор Савва заявил, что он об этом прошении ничего не знал, но с своей стороны принимал разные меры, чтобы взносы за своекоштных были аккуратны. Секретарь К. Успенский указывал на то, что это было раньше его вступления в должность, справиться же, при производстве дела о недоимках в марте 1826 г. – он «забыл», в чем «просил прощения» со стороны правления на основании манифеста 22 авг. 1826 г. Письмоводитель Иродион Скроботов сослался на письмоводителя Вас. Перова, получившего означенное прошение, заметив при том, что «к части письмоводителя не относится докладывать бумаги». Вас. Перов так же слагал с себя ответственность. Третий же письмоводитель Ольгинский заявил, что бумаги совсем не видал. Правление представило митрополиту обширное объяснение, стараясь оправдать себя, вместе с проектом строгих мер взыскания недоимок (лишение стола, увольнение из общежития, сношение с консисторией и проч.); секретаря же подводило под Высочайший манифест, хотя полагало сделать ему строгое внушение, со взятием подписки в исправности, так же как и письмоводителям. Митрополит в длинной резолюции, утвердив постановление правления, сделал ему «строжайшее замечание», за несвоевременность взыскания с учеников денег, отчего накопилось свыше 25 тыс., угрожая взысканием недоимочной суммы с правления, если она не будет внесена учениками. Дело тянулось около года, некоторые недоимки были внесены, а вновь поступивший инспектор Владимир должен был взыскивать остальные. Впрочем в сентябре 1828 г. с инспектора сложена обязанность собирать деньги с своекоштных и поручена эконому, в силу § 190 Проекта устава¹¹⁹.

После того взыскание долгов продолжали делать разными способами. С А. Шишова, уехавшего в Испанскую миссию, чрез Иностранную Коллегию взыскано 390 р. 63 к. В течении 1827–28 годов. В 1830 году, на основании вышеприведенных резолюций митрополита и подобной 1829 г., некоторые неисправные по взносам ученики были лишены стола и жительства в семинарии. За тем постановлено не выдавать должникам одежды; вместо нее выдавать по полугодно деньги, для внесения их в уплату долга.

В конце 1832 г., по записке инсп. Антония, так как деньги опять собирал инспектор, – должников было 28 человек (на сумму 2338 р.), из них некоторые должны были по 200 руб. В том же году ученик низш. отд. Мих. Ярославский принужден был выйти из семинарии за неплатеж долга 160 руб. и по невозможности содержаться на свой счет поступил в псаломщики церкви Гатчинского дворца, но в следующем году снова принят, по прошении, в семинарию, по уплате прежнего долга, и помещен, по вниманию к бедности, на полуказенное содержание. Ради бедности, вообще, иногда вместо 100 руб. брали 75, или внесение долга рассрочивали, требуя при этом иногда верного поручительства; даже, по крайней бедности, совсем прощали долги. Но в марте 1833 года правление снова вынуждено было постановить: «не позволять ни одному из своекоштных учеников пользоваться казенною пищею и квартирою без предварительного внесения за то платы» и вновь составило относительно этого подробные правила. Сумма за содержание назначена от 100 руб. (с детей священников и петербургских дьяконов) и 75 р., (с детей сельских дьяконов и причетнических), до 50 р. При этом дозволялось подавать прошения о понижении суммы взноса, по вниманию к тем или другим изменившимся обстоятельствам. Принято во внимание и количество семейства, определены сроки взносов и постановлено – каждое полугодие вновь подавать прошение о дозволении поступить в общежитие, с приложением квитанций от инспектора о внесении денег за содержание: инспектору поручен был сбор денег, как лицу более влиятельному, эконому же предписано не допускать никого в общежитие без резолюций правления, но с конца 1837 г. и обязанность сбора денег за содержание снова возложена на эконома. С целью побуждать к более исправному внесению денег в срок, употреблялись и некоторые моральные меры, напр. воспитанники отличные по поведению, но не заплатившие в срок за свое содержание, не записывались в число отличившихся в книге по поведению. Если ученик по болезни проживал в доме родителей, то деньги, внесенные за него, дозволялось возвращать по расчету за время его болезни. По этому пункту в 1834 г. сделано, впрочем, некоторое ограничение, согласно мнению инспектора Антония, именно, означенные вычеты допускались в том случае, если ученик проболел не менее месяца и представить законное свидетельство о болезни. Такая скидка напр. в 1841г. сделана была нескольким воспитанникам, жившим по болезни дома. Но в 1837 г. отцу ученика, исключенного за самовольные отлучки, выдали сумму, из внесенных им денег, за все время отлучек. Указанные постановления 1833 г. объявлены чрез консисторию по епархии. Взыскания с отцов производились также чрез консисторию и благочинных. Чрез подлежащие места и ведомства старались взыскивать и старые долги, с 1829 г. Так, с Якимовича, вышедшего в медицинскую академию в 1832 г., вытребовали долг чрез конференцию медиц. академии. На основании тех же постановлений, четверо из своекоштных воспитанников высланы были из семинарского здания и, не имея средств к жизни должны были отправиться к родителям за деньгами. Два брата Ш. сыновья одного сельского священника задолжали 566 р. 68 к. и один из них, при окончании курса в 1837 г., не получил аттестата, пока не дал правлению письменного обязательства заплатить, в течение 5 лет, причитающиеся с него 283 р. 34 к. Оставленный в том же классе и уволенный с казенного С–ов, по бедности подал прошение об увольнении из семинарии и уволен, так как принятие его на казенное «должно быть сопряжено с лишением одного кого либо достойнейшего его» (сент. 1840 г.). Ученик же петропавловского училища И. Успенский, назначенный к переводу в семинарию (1841 г.), из казанских певчих, должен был просить об оставлении его в том же класс училища, по невозможности содержаться в семинарии, и оставлен.

Между тем значительная сумма недоимок за прежнее время не оставлена была без внимания и со стороны высшего начальства. В сентябре 1837 года, по предписанию Комиссии Д. уч., учрежден при консистории особый «Временный комитет», с целью поспешнейшего сбора с бывших учеников семинарии и училищ недоимочных денег за содержание, которые по 1826 год составляли 25222 р. 39 коп. Членами этого комитета назначены: ректор семинарии

архим. Макарий, Большеохтенский протоиерей Матфей Смирнов, священники – Ксенофонт Делекторский и Федор Сидонский. Комитет должен был сообразить, с кого могут быть взысканы деньги и кого можно освободить от уплаты долга, и дать свое заключение, но сам не должен был приступать к взысканию недоимок, в силу особого предписания 1838 г. Комитет входил в переписку с отцами разных бывших воспитанников семинарии, или с самими ими, проверял те или другие показания их, на основании справок и сведений, вытребованных из семинарского правления, а для этого присылал в правление списки бывших учеников, относительно которых нужны были справки: о времени поступления и пребывания их в семинарии или училищ, о количеств их долга и пр. Первоначально комитет представил в консисторию мнение о взыскании недоимок с 32 бывших учеников и о прекращении взысканий с 70, о чем и доложено св. Синоду в 1840 г., при репорте митрополита Серафима. Затем еще из 75 должников с 10 положено сделать взыскания, а 65 освободить, о чем снова сделано представление св. Синоду, при репорте митрополита. Благодетельные, духовные правления и консистория взыскивали с разных лиц, из которых одни как бывшие воспитанники, сами за себя должны были уплачивать деньги, другие за своих сыновей; с некоторых же брали обязательства о внесении к известному сроку недоимочной суммы. Взысканные деньги высылались в семинарское правление: всего с конца 1837 года по 1840-й выслано было до 1545 руб. (от 10 руб. до 133 р. с лица). Но вследствие некоторых недоразумений и жалоб, по определению св. Синода в 1841 году, предписано было приостановиться в приведении к исполнению заключений комитета. В июле 1841 года ректор Афанасий доносил семинарскому правлению, что комитет, учрежденный при спб. дух. консистории по делу о недоимках с своекоштных учеников семинарии и ал. -невских училищ по 1826-й год, окончил свои действия в декабре 1839 года.

Несмотря, однако же, на все вышеозначенные мероприятия, надлежащей аккуратности во внесении платы за содержание не было. Так, по донесению эконома Петрова, учеников не доплативших за свое содержание, в первой половине 1841 года, было 15 человек, на сумму 151 руб. 30 коп.

Кроме указанных источников для содержания воспитанников были еще сторонние средства, назначавшиеся преимущественно в пользу недостаточных учеников и утвержденные особым «проектом положения Комиссии дух. уч. об учениках, к содержанию себя способа неимеющих».

1) Еще в прошлом столетии вошло в обыкновение зачислять места за недостаточными духовными воспитанниками – священнические, дьяконские и особенно причетнические. Обыкновение это, подтвержденное особым указом св. Синода (от 16 апр. 1784 г.), продолжало существовать и по введении реформы 1808 года. Церковные службы в таких приходах отправлялись престарелыми и заштатными священноцерковнослужителями, а иногда, в вакансионное время, и самими учениками, за которыми зачислялись места (причетнические). При зачислении мест, по прошению воспитанников, консистория сносилась с семинарским правлением о том, достоин ли такой-то зачисления и потом уведомляла семинарию, в случае состоявшегося зачисления. Напр. в июне 1809 г. было сообщение из консистории, «для объявления ученику поэзии Ив. Рождественскому, что новонад. уезда в Рождественском сясском погосте предоставлено за ним праздное диаконское место», также «за учеником поэзии Гр. Окуловым предоставлено место в Сердобольском уезде». Чрез консисторию высылались таким ученикам и деньги, которые они вносили за свое содержание. При этом семинар. правление иногда делало чрез консисторию понуждения причтам о более аккуратной высылке доходов ученикам от предоставленных за ними мест. Число воспитанников содержащихся в семинарии на таких доходах было в разные годы различно, но вообще незначительно.

2) На основании Высочайше утвержденного 18 марта 1810 г. доклада Комиссии д. уч., из консистории ежегодно высылались на содержание учеников суммы, собираемые от продажи венчиков, возлагаемых на усопших и листов разрешительной молитвы. Количество этой, так называемой, бурсачной суммы было различно в разные годы и, в случае ее уменьшения, семинар. правление обращало иногда на это внимание консистории. Так в 1814–16 гг. венчиковой суммы высылалось до 3 тыс. р. в год, а в 1817 г. поступило только 1817 руб. 80 к. На вопрос правления о причине уменьшения венчиковой суммы, консистория отзывалась неведением, но

указала на то, что венчики и листы разрешительный молитвы, неизвестно где печатанные, продают гробовщики, а священники не обращают на это должного внимания. Семинарское правление представило о том митрополиту. Впоследствии видим увеличение означенной суммы: во второй половине 1826 г. ее получено 3132 р. 96 к., в 1830 г. выслано 3557 р. 90 к., в 1831 г. (холера) 6054 р. 20 к. В 1833 г. снова обращено внимание на уменьшение венчиковой суммы, так как ее было уже менее 4 тыс, и поставлен вопрос консистории о способах к ее увеличению.

3) До 1821 г. от разных монастырей в епархии делались ежегодные взносы, или пособия на содержание бедных учеников от 50 р. до 100 и выше, именно от Сергиевой пустыни (до 300 руб.), Введенского Островского (до 200 р.), Зеленецкого Троицкого, в новолadoжском уезде, Валаамского Спасопреображенского, Черемнецкого Богословского (50 р.), Александроневского (1000 р.), но с 1814 г. последний освобожден от взноса этих денег, так как он выдавал на содержание учившихся в семинарии и ал. невском училище певчих митрополичьего хора до 2 000 руб. и более, напр. в 1820 г. 2608 руб. Временно, на известный год, и другие монастыри, вследствие заявления о затруднительности взноса положенной суммы, освобождались от него, напр. Введенский в 1814 т., Черемнецкий в 1818 г., Сергиева пустынь в 1819 г. Но в 1821 г. этот источник доходов семин. экономии совсем пресекся, да и вообще он был незначителен: от 750 р. (1815 г.) и ниже даже до 100 р. (1820 г.) в год. Всех же доходов из означенных трех источников за десятилетие с 1814 по 1824-й год было 36822 р. 76 к., в том числе: бурсачной суммы по консистории поступило 34272 руб. 76 к., от утвержденных за учениками мест и от монастырей (за 6 лет) – 2550 руб.

4) На основании указа св. Синода от 25 августа 1824 г. из Александроневской лавры ежегодно высылалась сумма, остающаяся от неполного комплекса соборных иеромонахов, такой суммы напр. за 1824 г. прислано 560 р., за 1828 г. 744 р. 61 коп., за 1833 г. 768 р. 88 к., за 1835 г. – 563 р. 75 к. и т. д.

5) Были и пожертвования на бедных учеников от разных лиц – единовременные, или внесенные в банк на обращение процентами. Митрополит Михаил 1820 г. внес в сохранную казну Опекунского совета 3000 руб. на вечное обращение, чтобы на проценты с них содержать одного из бедных семинаристов, который должен прозываться Михайловым. На эту стипендию в первый раз был принят воспитанник Андрей Алиенов, поступивший потом в 1823 г. в спб. духовную академию, впоследствии профессор с. петербургской семинарии. Потом на этой стипендии состояли: Гавр. Георгиевский, Ив. Шабров, Еф. Флоринский (в янв. 1832 г.). – В 20-х же годах от протодиакона Заводского завещан капитал в 3200 р. Еще ранее (1811 г.) поступило пожертвование от священника Мизеровского. В 1818 г. московского Новоспасского монастыря назначен, иеромонах Паисий пожертвовал на бедных учеников семинарии 1000 руб., полученные им в награду за труды по строительному комитету, учрежденному для построения дома спб. дух. академии. На проценты с этой суммы положено, в силу резолюции викария, ректора академии, епископа ревельского Филарета: «покупать назидательные книги для раздачи отличнейшим из бедных учеников при открытых испытаниях, что было бы и пособием и поощрением». Впоследствии (1837 г.), по предложению инсп. Антония, из этой суммы покупались иаградные книги для старших, отличающихся исправностью по своим обязанностям. – В 1833 г. купеческая жена Харавина, по внушению своего духовника, пожертвовала в пользу бедных дух. воспитанников 50 пуд. воску, на сумму 1650 руб. – В 1837 г. аптекарь Гроссман пожертвовал на содержание бедных воспитанников 273 р. 75 к. В 1840 г. митр. Серафим внес в сохранную казну для обращения на вечное время из процентов 2142 р. 85 к., сер. в пользу бедных учеников семинарии. Число учеников, состоявших на сторонних пособиях, определяется следующими цифрами: 1823 г. – 1, 1827 г. 9, 1833 г. – 6, 1839 г. – 8.

Некоторые из воспитанников по своему особенному положению пользовались и особыми суммами на содержание. На содержание окончивших курс и, за неполучением места, живших в семинарии первоначально академия высылала потребную сумму, напр. – в 1812 г. (на 19 человек окончивших курс и живших в семинарии) выслала 2000 р. и потом еще 698 р. В предписании акад. правления от 31 дек. 1811 г. и Комиссии дух. учил., 1813 г. между прочим сказано: «сумма на содержание (окончивших курс) потребная имеет быть употреблена из суммы от неполного комплекта академических студентов остающейся». При этом семин. правление обязывалось «учинить примерное назначение денег, нужных для содержания

окончивших курс и представить акад. правлению». На 1814 г. представлено о высылке суммы на содержание 31 окончивших курс, в количестве 6437 р. 15 к. Но акад. правление предписало: платья вновь не шить им, по выходе же из семинарии его отбирать. В 1820 г. предписано: на содержание окончивших курс заимствовать уже из остаточных сумм по семинарии и училищам, при собственной их одежде, и далее 2-х лет не держать их семинарии. В «Положении же о способах к улучшению состояния духовенства», вследствие известного указа от 6 дек. 1829 г. сказано (§ 5), что беднейшим окончившим курс, но не поступившим на места, занимаясь повторением «богословского учения» при семинарии, пользуются и содержанием от семинарии. – На содержание воспитанников армейского ведомства получалась известная сумма от Обер-священника армии и флотов которая напр. в 1839 г. равнялась 160 руб. на каждого воспитанника. Вообще же армейский капитал на воспитанников, по «Положениям об армейской семинарии» 1818 г. (см. ниже в гл. Воспитанники), равнялся 1900 руб. на 170 армейских воспитанников всех епархий, следовательно круглым числом около 112 р. на каждого воспитанника, но в петербургской семинарии сумма отпускавшаяся на каждого была несколько выше. Обер-священник обыкновенно делал отношение о принятии тех или других учеников, сыновей полковых священно-и-церковнослужителей, «на казенное содержание от армейской семинарии». Таковых напр. в 1823 г. было 2, в 1827 г. – 8, в 1839 г. – 18 и т. д. – Были и такие воспитанники, напр. из крещеных евреев, на содержание которых высылались деньги или пособия из попечительного комитета Императорского Человеколюбивого общества (в 1820-х годах), хотя оно иногда и отказывало в своем вспоможении. – Иные же из духовных воспитанников состояли на содержании попечительства о призрении бедных духовного звания.

Помещение

Петербургская семинария, в рассматриваемый период, как уже упоминалось выше, помещалась в зданиях Александро-невской лавры, вместе с Александро-невским духовным училищем и до 1819 года вместе с духовной академией. Семинария занимала собственно так называемый Федоровский корпус, находящийся между собором и двухэтажной церковью, на южной стороне лавры¹²⁰. В этом же корпусе помещалось сначала и училище, а также академическое правление и квартиры академических наставников. Собственно академия занимала здание между Федоровской церковью и угловою юго-западною башнею, в которой помещалась академическая библиотека. Здание это, с небольшою башнею посредине, принадлежит в настоящее время александро-невскому дух. училищу и занято квартирами смотрителя, его помощника и друг.

В 1812 г. на ремонт семин. здания издержано 5929 р. 75 к. Затем в 1815 г. по случаю разделения семинарии на 3 отделения, правление представляло об увеличении помещения. Между прочим баня переделана в жилые комнаты. На переделки отпущено из Комм. д. уч. 3708 р. 95 к.

Когда, в октябре 1819 года, духовная академия выселилась из лавры в новый дом, то семинарии разрешено было занять и бывшее академическое помещение, с уступкою части его для митрополичьих певчих. В 1822 году возникло дело о перемещении из нижнего Федоровского корпуса малолетних певчих в комнаты семинарии, чтобы присмотр за ними был более строгий, так как лавра сама не может иметь этого присмотра; при этом семинария выхлопотала, чтобы бывшее помещение певчих осталось за нею. Починять его лавра отказалась, «по расстроенному состоянию лаврских сумм», как заявил митрополит Серафим ректору семинарии Поликарпу. Поэтому семинария должна была обратиться за пособием к Комиссии дух. училищ. В начале 1829 года пять учителей александро-невского училища выселены с казенных квартир в зданиях, занимаемых семинарией и училищем, с выдачею им по 200 р. на наем квартир, чтобы очистить более помещения для воспитанников, так как от увеличения их стало тесно и душно. С этою же целию в 1829 г. и зимний зал переделан в жилые комнаты (за 8425 р. 48 коп.).

Все помещение семинарии с училищем по описи 1826 г. состояло из следующих частей:

1) летний зал с 8 окнами, со стенами отделанными под мрамор, где совершалось по праздникам утреннее или всенощное богослужение¹²¹.

2) Зимний зал, (в 1829 г. переделанный в жилые комнаты, с дозволения Комиссии дух. уч.)

3) Столовая.

4) Кухня.

5) Хлебная;

6) Библиотека, в башне на юго-западной стороне лавры, (где в настоящее время помещается лаврская библиотека).

7) Квартира ректора из 5 комнат.

8) Квартира инспектора из 4 комнат.

9) Правление.

10) Больница из 4 комнат.

11) Богословский класс с 5 окнами.

12) Философский класс с 7 окнами.

13) Два класса словесности, один с 2-х, а другой с 4-х окнами.

14) Класс уездный высший с 5 окнами.

15) Низший – 5 окон.

16) Приходский с 3 окнами.

17) Жилые комнаты для учеников семинарии и училища, вместе с помещением для певчих, числом 53; собственно комнат для учеников семинарии – 31: все они обозначались № и в каждом номере было от одной до трех комнат.

18) Кухня учителей

19) Бывшее правление.

20) Две комнаты для служителей.

- 21) Сторожка.
- 22) Кладовая.
- 23) Конюшня.
- 24) Сарай.
- 25) Баня.

Для отопления помещения заготавливалась «годовая порция дров», в количестве 500 саж. (1827 г.), а с 30-х годов до 600 и 650 саж. В 1837 г. сложены две новые печи, по новоизобретенному способу Шамаева, – в зале за 250 р. и в риторическом классе за 125 р. Относительно топки печей в семинарских зданиях, в янв. 1830 г. дано предписание от академ. правления, чтобы в послеобеденное время здания не были отопляемы.

Вдоль набережной Невы, семинарии принадлежал огород, который вскапывался обыкновенно по контракту. Так в 1817 г. за обработку семин. огорода, с семенами, уплачено 225 руб.

В начале 1827 года возник вопрос о новом помещении семинарии и расширении ее. Семинарское правление делало представление митрополиту Серафиму о том, что существующее помещение семинарии, вместе с училищем, в комнатах Ал. -Невской лавры и во флигелях за лаврой, – неудобно. От тесноты не может быть надлежащей опрятности и удобстве для экономии, а от расположения помещений не может быть общего надзора за поведением учащихся. Вследствие этого желательно было устроить отдельное здание, «в род замка или монастыря», где были бы: церковь, зал собрания, столовая с принадлежностями, комнаты – для правления, библиотеки с кабинетами, больницы, для начальствующих и учащихся, для классов, спальня комнаты с умывальницами и служительскими – для 200 воспитанников, а при доме – баня, погреба, кладовня и дровяники. Удобным для такого строения местом, «как по близости к главному духовному началу, так и по уединению», признана площадь за лаврою, между вновь устрояемым каналом (обводным) и черною речкою. Представление подписали: ректор архим. Антоний, инсп. соб. иером. Савва, исправл. д. эконома учитель Михаил Панов, секретарь Козьма Успенский. Митрополит утвердил представление, предписал «место для строения избрать лаврской канцелярии обще с членами семинарского правления, коего места сделать чертежи с масштабом и нам представить наперед, не делая плана». Правление указывало место в лаврском саду, занимаемое рощею; лаврская же канцелярия предлагала два места или по невскому проспекту, или в лаврском большом саду, но митрополит написал на представлении лаврской канцелярии такую резолюцию: «планы для построения вновь семинарии рассмотрены нами и найдены к исполнению неудобными. Сообщить в сем. правление, нельзя ли над некоторыми комнатами семинарскими надстроить вторые этажи, а к Федоровской церкви сделать пристройку, в соответствии Духовской церкви, с тем, чтобы в сей пристройке, имеющей быть в два этажа, устроены были комнаты для классов, или для помещения в них учеников, о чем и имеет представить нам семинарское правление мнение свое, посоветовавшись о сем с архитектором, но плана еще на строение сие не делать».

После ревизии инсп. акад. Иннокентия (в июле 1827 года), который вообще нашел семинарское помещение неудобным, Ком. дух. училищ предоставила митрополиту, по прибытии нового ректора в семинарию, потребовать от него «скорого изъяснения мер для приведения семинарии в удобный и приличный вид» по части помещения.

Новый ректор, архимандрит Нафанаил делал два представления, одно в октябре 1828 года, в котором поддерживал мнение преосв. Серафима о надстройке нового этажа в старом семинарском корпусе, другое в мае 1829 г., в котором полагал «построить новый трехэтажный корпус на месте принадлежащем семинарии, что по правую сторону Федоровской церкви», для чего архит. Петровым составлены были план и смета. Последнее представлено в акад. Правление.

В 1830 г. вследствие Высочайшего указа от 6 декабря 1829 г. на имя Св. Синода «о преподавании вящих способов к образованно духовного юношества и к обеспечению церк. причтов в безбедном их содержании», – было сделано постановление Ком. дух. уч. «о доставлении в оную: 1) подробных описаний и планов нынешних семинарских зданий; 2) мнения, какие постройки нужно еще сделать для совокупного помещения всех обучающихся в семинариях воспитанников из духовного юношества и 3) планов и смет сих построек с

уведомлением, нет ли средств сохранить вышеписанные строительные издержки отводом помещения для семинаристов в готовых зданиях духовного ведомства, или же в каких либо известных зданиях казенных, не имеющих особого назначения». В силу этого семинарское правление представило его Высокопреосвященству план Федоровского корпуса, принадлежащего Ал. Невской лавре, в котором находятся: жилые комнаты ректора семинарии, эконома, двух учителей ал. -невских училищ и большей части семинаристов, так же богословский и философский классы, семин. правление, зал собрания, подвалы, а на задней стороне кладовые, погреб и дровяные сараи; комнаты же инспектора семинарии, два класса словесности, семин. больница, библиотека, кухня, столовая и хлебная, и жилые комнаты остальной части семинаристов находятся в прикосновенных Ал. -Невской лавре зданиях, собственно принадлежащих семинарии, где помещаются и оба алекса́ндро-невские – уездное и приходское – училища. При этом правление доносило, «что помещение семинарии в зданиях занимаемых ею ныне, совершенно неудобно и не соответствует правилам доброго воспитания»: 1) риторические классы и столовая находятся в отдалении от жилых комнат и воспитанники во всякое время должны ходить туда через двор; 2) при жилых комнатах нет отдельных умывален и удобных, вблизи находящихся нужных мест, чего по настоящему фасаду и плану зданий в надлежащем виде и устроить нельзя;¹²² 3) по разбросанности жилых комнат, наблюдать за учениками неудобно, а по множеству открытых выходов семинарии, нередко самовольные отлучки; 4) от умножения воспитанников, которое происходит ежегодно, помещение делается совершенно невозможным, несмотря на то, что большая часть наставников семинарии и училищ не имеют жительства в семин. зданиях и что для предотвращения стеснения в жительстве в 1829 г. зимняя семин. зала обращена в жилые комнаты; между тем, на основании § 5 положения о способах к улучшению состояния духовенства, (Высочайше утвержденного 6-го дек. 1829 г.), и окончившие курс до определения на места должны жить в семинарии. Вследствие этого сем. правление сначала предполагало выстроить отдельный от алекса́ндро-невского училища дом, вне лавры, потом предположило училище вывести в другое место, а жительство семинаристов сосредоточить в зданиях собственно принадлежащих семинарии, сделать к ним пристройки и вторые этажи, где их нет, так чтобы здесь находились: комнаты для 300 воспитанников, кухня, столовая, хлебная, больница, 4 класса и квартиры для инспектора и его двух помощников; Федоровский корпус с подвалами, сараями и погребями назначить для квартир ректора, эконома и неженатых профессоров; остальную же часть его предоставить в распоряжение лавры, которая тоже терпит стеснение от жительства внутри ее воспитанников. Архитектор Комаров пересмотрел и исправил составленные умершим Петровым план, фасад и смету постройки и освидетельствовал назначенные к надстройке здания. (Подписано: ректор Архим. Нафанаил, инсп. иеромон. Николай, секр. Ив. Мелиоранский). Резолюция: «учинить по мнению сему».

Но пока составлялись подобные проекты и придумывались меры к улучшению помещения семинарии, здания принадлежащие ей в лавре более и более ветшали и становились теснее от увеличения воспитанников. В начале 30-х годов живущих в семинарском и училищном зданиях было свыше 460 чел. В 1833 г. пришлось, вследствие тесноты, некоторых вновь поступающих отсылать в ямбургское и петропавловское училища. В конце 30-х годов частных допускали уже под условием жить на своей квартире, за неимением места в семинарии. В 1839 г. ревизор протоиерей Иванов, вместе с членами сем. правления, осматривал все сем. здания, которые были найдены очень ветхими и тесными. Описывая тогдашнее помещение петерб. семинарии, Ростиславов замечает, что она была едва ли не самая дурная из тогдашних семинарий»¹²³. Подобным образом отзывался, как мы видели (стр. 163), перемещенный из тверской семинарии ректор Афанасий и выражал опасение, по поводу сделанного Государем Императором посещения академии в 1838 г., как бы не дошла очередь и до семинарии. Граф же Пратасов, бывши в семинарии в июне 1839 г., прямо заявил. о семин. комнатах, что «он боится, если государь, посетит их». «А я на это сказал ему, – пишет Афанасий, – что для поправки их нужен не один десяток тысяч, но что такой расход на них делать теперь Комиссии дух. уч. вовсе неблагоприятно, когда началась уже строиться семинария»¹²⁴. Действительно, к этому времени уже состоялось решение о перемещении семинарии из лавры и начата была постройка нового здания, на Обводном канале.

Больница и меры для здоровья

Семинарская больница сначала помещалась вне семинарского двора, но когда для построения нового академического здания, нужно было очистить для него место, то больничный дом, принадлежащий семинарии, перенесен на семинарский двор (в 1817 г. за 2500 р.), что, конечно, было гораздо удобнее для божьих воспитанников. В первое время был недостаток в некоторых больничных принадлежностях. Ревизора Иннокентий заявил, что больничного платья не было 2-х лет. Но по распоряжению Комиссии дух. уч. для больницы впоследствии высланы были даже рисунки одежды и белья из Обуховской больницы, с которыми и предписано сообразоваться (от 1 мая 1833 г.) Семинарские больницы были освобождены от надзора Врачебных управ, но предписано (1836 г.) ежемесячно доставлять в Управу сведения о числе больных и свойствах болезни. В семинарскую больницу поступали больные ученики как семинарии, так и училища, при том как казенные, так и своекоштные. В 1831 г. было даже особое предписание, на основании Высочайшего повеления, о том, чтобы больных учеников из своекоштных так же принимать в казенную больницу (предп. от 18 мая 1831 г. Впрочем последние отпрашивались часто к родителям или родственникам по причине болезни. Неизлечимо больные вовсе выходили из семинарии, по прошению, на основании докторского свидетельства, о чем будет сказано в своем месте (см. в гл. Воспитанники). Нередко правление увольняло воспитанников по болезни в дома родителей, на более или менее продолжительные сроки, впредь до выздоровления, на основании удостоверения семинарского врача. Особенно много таких увольнений видим в конце 30-х годов. Больные же, которые требовали продолжительного и специального лечения и особенного ухода, но не имели родственников, могущих взять их на свое попечение, обыкновенно были отправляемы в городскую больницу, или клинику. В 1813 г. ученик Алексей Павловский, заболевший помешательством, по предложению врача Книпера, отвезен для излечения в Обуховскую больницу, за невозможностью лечиться в семинарии; чрез несколько времени он был выписан, но потом снова отправлен туда же. В 1826 г. за помещение и лечение в клинике учеников А. Смирнова, В. Гуляева и окончившего курс Зах. Солнцева правление вносило деньги, по счетам представляемым из клиники. В 1830 г. ученик А. Андреев, страдавший «хроническою ломотою костей, с наростами на ногах», по представлению семинарского доктора не мог быть лечим в семинарии и отправлен в клинику, где находился с 10 января по 10 мая; за него было внесено 45 р. и после еще 30 р. 45 к. В 1835 г. ученик Князев укушенный, по предположению доктора Александрова, бешеной собакой, отправлен был для лучшего за ним присмотра в градскую Обуховскую больницу, откуда чрез 2 месяца прислан здоровым. В 1836 г. воспитанник низш. отд. А. Славинский помещен был в Мариинскую больницу, для излечения от «болезни требующей особенного медицинского пособия».

Более или менее обычные болезни, по репортам семинарских врачей, были: чирьи, чесотки, веред, простуда, перемежающаяся лихорадка, золотуха, глазная и зубная болезнь, горячка, жаба и проч. Число больных было различно. В 1827 г. напр. в больнице перебивало, в течение 8 месяцев, 184; но с 1828 г. в течение того-же времени около 400 человек, средним числом до 50 человек в месяц. За лекарство, по репортам доктора, уплачивалось от 20 до 30 р. в месяц (напр. в 1814 г.) и более; в 1831 г. за полгода 500 р. 18 к. В 1838 г. за полугодие в аптеку Голлингера уплачено 990 р. 16 к., но с этого года по 1841-й расходы уменьшились. Иногда случались и эпидемии, и расходы на больных, разумеется, значительно увеличивались. С сент. 1827 г. по июль 1828 г. была глазная эпидемия; в аптеку Голлингера за полгода уплачено 1102 р. 21 к. В 1830 г. развилась повальная головная болезнь с жаром (нервическая горячка), так что сразу 31 человек поступили в больницу. Правление спрашивало врача о причине эпидемии. По мнению Жювенеля, она произошла «вследствие сухости воздуха и постоянных морозов с ветрами». Приняты были разные гигиенические и санитарные меры: еженедельная баня, чистота и частая перемена белья, окуливание, прекращение сообщения с больными. Чрез три месяца (январь – март) болезнь прекратилась; из 119-ти больных этой болезнью умер один. В аптеку Голлингера за медикаменты уплачено 1328 р. 62 к., за 3 с половиной месяца; всех же издержек было сверх положенного, с января по 9 апр. 828 р. 62 к., которые и отпущены, с разрешения Ком. дух. уч. Тогда же Комиссия, по представлению сем.

правления, постановила: «поставить г. Жювенеля во внимание г. министра внутр. дел, при канцелярии коего состоит он на службе». В конце 1830 г., вследствие записки обер-прокурора князя Мещерского, на имя митрополита, предприняты были меры предосторожности против холеры. Доктор еженедельно должен был доносить о состоянии здоровья всех находящихся в семинарии и перечислять болезни, от которых хворали лежавшие в больнице. Правление докладывало о том митрополиту, а он сообщал Комиссии дух. уч. Старшим предписано наблюдать за выполнением тех или других мер предосторожности с окт. по февр. 1831 г. В 1831 г., когда холера шла из остзейских губерний, было предписано прежде всего распустить учеников ямбургского училища по домам; затем, когда она развилась в Петербурге, семинарное помещение, в июне месяц, было занято академией, академическое же здание, согласно Высочайшей воле, отдано в ведение с. -петербургского генерал-губернатора, под помещение холерных больных. Ученики семинарии и александровского училища были распущены с выдачею прогонов, (всего свыше 346 р.), двоим дозволено жить при семинарии, но 12 учеников семинарии и несколько училищных помещены в петропавловское училище, с платою по 6 р. в месяц за человека; об их здоровье и поведении представлялись еженедельные донесения семинарскому правлению. Для семинарии холера осталась без губительных последствий. В сентябре, по предписанию начальства, когда болезнь прекратилась, академия выселилась в свое помещение, и ученики семинарии снова были собраны. В 1833 г. в семинарии развилась опять эпидемическая горячка, так что потребовалось увеличить помещение для больных прибавлением к нему комнаты, ближайшей к больнице. В том же году распространились круп и скарлатина и продолжались около двух месяцев. По указанию врача Александрова, приняты были надлежащие меры предосторожности (проветривание комнат, свежая пища, чистота, отдельное помещение для больных, недопущение в город и на сырую погоду учеников), с донесением митрополиту и Комиссии дух. уч. В 1835 г. врач Александров составил правила предосторожности, по поводу появления в некоторых учебных заведениях скарлатины. В 1841 г. правление, обратив внимание на то, что за 1838–40 годы весьма значительно сократились расходы по больнице и ни один из воспитанников семинарии не умер за это время, представляло к награде врача Паковского, которому еще после ревизии прот. Иванова в 1839 г. объявлена была благодарность начальства.

Уход за больными, помимо доктора, жившего в город, поручался особым смотрителям лазарета, которые, по рекомендации врача, избирались или из учеников семинарии разных отделений и даже уездного училища, или из исключенных и окончивших курс, с умеренным жалованьем. В 1810 г. смотритель лазарета Никита Фомин получал 40 руб. в год, затем, по представлению доктора Книпера (1812 г.) прибавлено ему еще 20 р. Впоследствии жалованье увеличено до 10 руб. в месяц, при этом смотрители из учеников иногда получали полное казенное содержание, так Я. Землянский, получавший 10 р. в месяц и полуказенное содержание и заменявший даже фельдшера, по свидетельству доктора (1832 г.), за это принят, по прошению на полное казенное содержание. Вследствие большого числа заболевших, в 1833 г. определен ему помощник из учеников низш. отд., с жалованьем 60 р. в год. В 1840 г. смотритель больницы, ученик высш. отд. Вас. Покровский получал 2 р. 86 к. сер. в месяц. По особым случаям смотрители получали прибавки и награды, так в 1830 г. во время эпидемической горячки, смотрителю Спасскому положено было вместо 10 руб. – 25 р. в месяц. В 1838 г. смотритель и его помощник, по представлению доктора, получили, «за усердие к больным до самопожертвования», по 50 руб. награды, В 1827 г. по представлению врача Жювенеля, вместо смотрителя лазарета из учеников, или окончивших курс, определен был, с разрешения Комиссии дух. уч., фельдшер из Императорской больницы, Ив. Андреева, с жалованьем 20 руб. в месяц и казенным ученическим столом. Но он не долго оставался при семинарии. В 1830 г. опять уже видим смотрителем из окончивших курс, Алексея Смирнова, состоявшего в то же время и учителем приходского класса; он за множеством дел вскоре отказался, а его место занял ученик богословия С. Спасский. В 1833 г. фельдшера вызывали чрез газеты, но никто не явился. В 1838 г. по записке врача Даковского, фельдшера дозволено пригласить из больницы Ал. -Невской лавры. Для болезни зубов с 30-х годов являются особые врачи, специалисты. В 1836 г. зубной врач Мартин Вагенгейм вызвался безмездно пользоваться учеников семинарии. О нем был запрос в 1840 г; из академии, но в актах правления не

оказалось сведений о его деятельности по семинарии. Постановлено было взять расписки лечившихся у него. В 1840 г. выслано в награду ему 57 р. 14 к. сер., вследствие представления его к 200 руб. асс.

Помимо указанных мер предосторожности, по поводу тех или других случаев, угрожавших здоровью учеников, видим и некоторые другие распоряжения, касающиеся гигиены и охранение здоровья воспитанников. В апреле 1826 г. ректор Антоний между прочим обратил внимание правления на дурной воздух в классах, «так как рамы несмотря на весеннее время не были еще вынуты, и окна не отворялись». В 1827 г. сделано распоряжение, согласно Высочайшему повелению, о прекращении всяких сношений с с.-пет. гимназией, по случаю развившейся там скарлатинной горячки. В 1833 г., по представлению эконома, вследствие заявления врача Александрова, на училищном дворе был засыпан пруд «вредный для здоровья по причине гнилых испарений» и устроены сточные трубы с колодцами (за 320 руб.) Тогда же эконом Михайлов представлял правлению об устройении новых отхожих мест, чтобы чрез двор не проходить ученикам из некоторых комнат и не простужаться. В 1835 г. Сделано представление митрополиту о возобновлении для учеников семинарии и училища сада (за 361 руб.), и он написал: «согласен». Следующем году, вследствие донесения доктора о нечистотах на дворе пред семинарской больницей, могущих развивать заразительные болезни, было дано особое предписание эконома. В 1837 г. по записке эконома, разрешено в семинарской столовой выбить камин, с целью очищения воздуха. В 1838 г. врач Паковский предложил вместо сахара покупать для семинарской больницы мед, «как более полезный для здоровья и дешевый». В 1839 г. тот же врач, после того как в 1838 г. последовало от Комиссии дух. уч. запрещение купаться ученикам в Неве и Обводном канале, – сделал представление о необходимости построить для учеников ванну на реке, в виду того, что они часто страдают кожными сыпями и приливами крови к голове от занятий в летнее время. Семинарская баня около того времени, осенью, долго оставалась без починки, после того как мастеровые соседнего водочного завода Крамера, опасаясь пожара, разломали на ней трубу, из которой однажды летели искры. Полиция долго не разрешала починки; эконом представлял о необходимости бани для учеников, правление также признавало это и только, по сношении правления чрез митрополита с генерал-губернатором, было разрешено наконец в мае 1840 г. произвести починку бани и топить ее. Баня обыкновенно топилась для воспитанников чрез десять дней и открыта была для мытья два дня сряду. Мытье же полов в ученических комнатах происходило обыкновенно, в продолжение трех или четырех дней, чрез каждые два месяца, по крайней мер в тридцатых годах, при экономе Михайлове.

Прислуга

Первоначально семинарские служители были из духовного ведомства, уволенные ученики духовных училищ, которые вызывались чрез консисторию. Это подтверждено и предписанием Комиссии дух. уч. в 1812 г. В наказание высылали провинившихся дьячков (1810 г.), или консисторских писцов (1811 г.), для временного услужения в семинарии и потом экономом свидетельствовал в консисторию о поведении таковых. Один отец в 1817 г. просил уволить сына его из училища в светское звание, и семинарское правление согласилось, но митрополит Амвросий отказал ввиду того, что «духовное ведомство само имеет нужду в служебных лицах». Даже в 1827 г. ученик Георгиевский, исключенный из дух. училища, по определению семинарского правления, за бегство, кражу и ложь, поступил в число семинарских сторожей. Некоторые из таких служителей приобретали с течением времени собственность и особое доверие начальства. Так, когда дом служителя Артемьева в 1817 г. приказано было перенести, в виду постройки нового здания академии и выдано на это 1000 р., семинарское правление выдало ему еще заимообразно, по его просьбе, из остаточной училищной суммы 400 руб. под залог его дома. Тогда же было выдано из строительного комитета при академии 5000 руб. на перенесение и перестройку 7 домов семинарских служителей по оценке, произведенной при участии семинарского эконома Турчанинова. Но вообще подобные служители, поступавшие из епархиального ведомства, по неспособности к церковно-служительским должностям были не совсем исправны и надежны; притом иногда их и недоставало: нужно было отыскивать служителей вольнонаемных. Киевское семинарское правление обратило внимание на неудобства иметь вольнонаемных служителей, которые с великим трудом нанимаются и часто сменяются. Положение дела улучшилось, после того как в ноябре 1818 г. состоялось определение Комитета министров об отпуске солдата для служительских обязанностей в разных присутственных местах и казенных заведениях. На запрос (в 1817 г.) о числе служителей в петербургской семинарии от инспекторского департамента Главного штаба, вследствие отношения обер-прокурора св. Синода князя Голицына, – отвечено, что при семинарии служителей требуется 20 человек. И вот в 1818 г. по увольнении из семинарии прежних служителей, были отпущены, с Высочайшего соизволения, по распоряжению начальника штаба корпуса внутренней стражи, 20 инвалидов для исправления служительских обязанностей в с. -петербургской семинарии. Из них унтер-офицеру положено жалованья 33 р. 33 к. в 2 месяца, а остальным по 10 р. каждому.

Увольнение, или перемена таких, своего рода как бы штатных, служителей происходили при участии высшего начальства, академии, и даже Комиссии дух. уч. Так в 1825. г. унтер-офицер Овечкин, вследствие репорта эконома о его нетрезвости и буйств, по определению семинарского правления и с разрешения академического, был уволен и отправлен к своему военному начальству. Это последнее сделало семинарии запрос чрез академию, в чем состоит его неисправность: дали ответ, что Овечкин за командой смотрел слабо. За неисправность ему не выдано жалованья в разное время 196 р., которые впрочем отданы после, вследствие его прощения к митрополиту. В 1826 г. семинарское правление представляло академии и Комиссии дух. уч. о перемене 10 инвалидов и унтер-офицера. Комиссия по этому поводу сносилась с инспектором департамента Главного штаба, и в 1827 году прислано было вновь 11 человек. Но еще в 1821 году было предписано вызывать инвалидов только в случае крайности. Поэтому приходилось принимать так же и вольных служителей с жалованьем от 16 руб. до 24-х в два месяца. По недостатку средств на наем служителей, в 1826 г. было постановлено, чтобы «своекоштные воспитанники, сверх служителя, сами смотрели за порядком и чистотою в комнатах, поочередно. Но в 1829 г. число инвалидов, служащих при семинарии, с 16 человек дозволено увеличить до 26. Затем в апр. 1830 г. по Высочайшему повелению, предписано нанимать служителей из отставных солдат и не ходатайствовать о назначении их из нижних чинов военного ведомства, по недостатку их в отдельном корпусе внутренней стражи. В 1833 году снова сделано распоряжение «в должности служителей и сторожей обращать исключенных за неспособностью из уездных и приходских училищ и из низшего отделения семинарии», или иметь вольнонаемных. В 1834 году и были только вольнонаемные,

преимущественно из отставных солдат всего 25 человек. К концу же тридцатых годов число служителей простиралось от 35 до 45 человек.

В сент. 1809 г. согласно представлению инспектора иером. Филарета, заметившего неисправности служителей, постановлено: «учинить расписание, кто из служителей, какою должен заниматься работою»; дело это поручено эконому.

Эконом Турчанинов в 1815 г. составил инструкцию для старшего служителя и комиссара, по определении на эту должность служителя Вас. Афанасьева, на место уволившегося Мих. Попова, бывшего певчим и экономским письмоводителем. В 1826 г., по записке ректора Антония, правление постановило составить особую инструкцию для служителей, с показанием должности каждого из них; инструкцию составил эконом Панов в 1827 г., причем унтер-офицеру, который назывался исполнителем, дана была, с утверждения правления, особая инструкция о надзоре и ответственности по экономической части и по дому семинарии. Подобную инструкцию для комиссара поручено было составить эконому А. Петрову в 1838 г. В должности же комиссара, или наблюдателя за припасами и приготовлением пищи, в 30-х годах, состоял обыкновенно кто либо из воспитанников или окончивших курс, с жалованьем от 10 до 25 р. (Петрову в 1838 г.), иногда же и из исключенных. В 30-х годах упоминается название подъэконома, дававшееся, вероятно, комиссару.

Стол и одежда учеников

Обед и ужин воспитанников (в 12 и 8 час.), по уставу (Проекта §§ 225, 226), состояли из двух блюд, праздничный же обед – из 3-х. Пища была простая и довольно однообразная. В 1810 г. эконом Турчанинов входил запиской в правление о перемене блюд за столом, чтобы не наскучивали одни и те же, но, как видно из особого журнала, напр. 1820 г. под заглавием: «состояние сениорств, в последних числах декабря, следовательно в праздничное время, за обедом, обыкновенно были: щи, или иногда, суп и каша, или же – раза три в неделю – жаркое из говядины; за ужином: щи, или суп, и каша. При этом в течение недели не раз встречаются такие заметки дежурного: «щи только с дымом» (за ужином), или: «супощи, без подболтки и без всякого вкуса и каша». Бывали жалобы и на худое мясо и вообще на припасы. В постные дни, как видно из экономских репортов, покупалась для стола рыба, напр. в 1824 г. в марте по счету за рыбу уплачено 42 р., а в июне 421 р. и т. д. Но вся ли рыба покупалась собственно для ученического стола, и в достаточном количестве – сказать нельзя. По крайней мере об. прокурор Пратасов, посетив семинарскую столовую в июне 1838 г., «остался недоволен экономом за ботвинье, в котором мало показалось ему рыбы»¹²⁵. Инспектор Антоний, как выше упомянуто, заботился отчасти об улучшении пищи и разнообразии распписания кушаньев (стр. 163). Для питья квас брали обыкновенно с завода бочками, по 3 руб. за каждую (в 20-х годах) и истребляли его в значительном количестве, напр. в марте 1824 г. на 162 р. (54 бочки), в июне на 267 р., в ноябре – 204 р. и т. д. Казенного завтрака не полагалось, но в семинарии допускалась продажа ученикам некоторых припасов. В первые годы семинарский служитель продавал воспитанникам сбитень и булки, а вырученные деньги должен был вносить в правление. В 20-х же годах правление заключило условие с сбитенщиком, который должен был за пользование помещением вносить 100 р. в год и продавать ученикам сбитень, булки и т. п., но не держать горячительные напитки, даже и для себя. Намерение инспектора Владимира вывести эту лавочку за монастырь, как мы видели, (стр. 180), вызвало протест со стороны учеников и новое установление правлением строгих правил о часах и предметах торговли.

Одежда учеников определена в 1814 г. в особом распписании под буквой Е, приложенном к проекту устава 1814 г. (к § 221), хотя были и отступления от этого распписания. Верхней одежды, шинелей, не полагалось вовсе. В делах встречаются экономские репорты о пошитии фризowych шинелей только для учеников училища. Семинаристы же некоторые имели свои шинели – фризowe, или суконные на байке, другие, за неимением своих, пользовались чужими, если можно было, или довольствовались выдаваемыми для зимы суконными жилетами с рукавами, или куртками, сверх которых надевали еще суконный сюртук, и в этом одеянии отправлялись иногда в город, несмотря на зимний мороз. Шинели же шили впоследствии только для назначаемых в академию. Сверх указанного, выдавались еще на два года тиковые или, впоследствии, нанковые шлафроки, суконные брюки, а на лето панталоны и жилет кнтайчатые, или нанковые – впоследствии. Сюртук же выдавался на три года, или из сукна синего, а в 30-х гг. темно-серого, или обыкновенно из особой мохнатой материи, называвшейся мухояром. В 1826 г. два ученика высш. отд. просили выдать им новые сюртуки, за негодностью старых, (после того как одному их товарищу был выдан новый сюртук «по уважению к его успехам и поведению, не в пример другим»); правление постановило: выдать, но лишить этих учеников летней пары которая должна была шиться (т. е. шлафроков и жилетов с панталонами), с внушением – быть бережливыми к казенным вещам. Суконный, или кожаный картуз, полагавшийся по уставу, заменялся иногда особенно для учеников высших массов, пуховою круглой шляпой. Так в 1817 г. куплено 40 таких шляп, в 1830 г. для учеников высш. и средн. отделения приобретены такие же шляпы, от 5–6 руб. за штуку. Говорят, что инспектор Андрей, назначенный ректором в воронежскую семинарию, завел там, по примеру петербургской, шляпы для воспитанников и тем возбудил даже толки в городе. Кроме сапогов в первое время выдавались еще башмаки. При выходе воспитанников, казенную одежду нужно было возвращать, если срок не выслужила, но по бедности некоторых учеников, или по ветхости одежды и близости к сроку дозволялось иногда удерживать одежду при себе (напр. в 1837 г.). В 1840 г. некоторым из исключенных, более бедным, правление разрешило

пользоваться казенной одеждой до приискания места. Относительно своекоштных, не пользовавшихся казенной одеждой в 1830 г. было предписание от Комиссии дух. уи. чтобы и они соблюдали однообразие в одежд. Тоже предписывалось и относительно тех, которые получали вместо одежи деньгами¹²⁶.

Для спанья выдавали матрац, набитый шерстью, две подушки и одеяло, стоящие в 20-х годах 16 руб.

Вообще же и продовольствие одеждой, так же как и пищей, по крайней мере до половины 30-х годов, нельзя признать удовлетворительным. К концу рассматриваемого периода, со вступлением в должность синодального обер-прокурора гр. Пратасова, оно начинает улучшаться. Протоиерей Виноградов в своих записках пишет: «в наше время часть сия (т. е. экономия) столько же была худа, сколько совершенна и хороша при Израиле¹²⁷. Непонятно, от чего и от кого произошел такой упадок оной. Положение от казны было увеличено, оклады с своекоштных возвышены, а столовая и кухня были в весьма неприятном тоне: неопрятность, дурной вкус, качество дешевых и порченных припасов отличали оные; все дурно, худо, чуть не скверно. Посмотрел бы кто на одевание семинариста студента, удивился бы убранству его. Мухояровый сюртук, шляпа кожаная (?), сапоги повисшие, штаны и куртка толстого серого сукна, очень похожие на убор тогдашних булочников – вот что украшало наружность нашу! Сюртук суконный только походил кое на что. О ближайшем же к телу, сиречь о белье и говорить нечего. Если было цело оное, то так тонко и так нежно, как холст, что у добрых людей пополам расстилается¹²⁸. О поношенном же скажу только: часто в бане видишь, как иной казенно-коштный студент какие нибудь лоскутки на тесемке опоясывает кругом себя. Сознаюсь, что, пришед в возраст, часто с завистью глядели мы на слуг богатых господ, одетых лучше каждого из нас... Теперь (1836 г.), говорят все улучшилось. Но кто придумал, кто из монахов озаботился переменою? Никто. Сам царь-батюшка узнал, послал, велел». (стр. 567, 568.)

По этому поводу высказывается иногда такое мнение, что монашествующее начальство не считало нужным заботиться об улучшении внешнего положения духовных воспитанников, находя это излишней роскошью, вовсе несоответствующей их званию и назначению, тем более что начальство это, само воспитавшись в подобных же условиях, не сознавало даже всей недостаточности экономического положения духовно-учебных заведений¹²⁹. Мнение это имеет свое основание. Действительно, вопрос о коренной реформе в экономическом быту наших дух. заведений разрешен был по инициативе обер-прокурора графа Пратасова, тогда как духовные начальствующие лица относились к этому не особенно сочувственно. Но требования физического воспитания, которое уставом не оставлено в небрежении (Введ. § 1), конечно, должны были соединяться с теми или другими заботами по улучшению экономической части. Это мы уже видели и снова, на основании документальных данных петерб. семинарии, можем заявить, что стремление к улучшению внешних, физических условий быта воспитанников постоянно было присуще начальству семинарии. Недостатки же по хозяйству, конечно, происходили иногда и от общей небрежности, преимущественно же зависели от исполнительной власти – экономов, не говоря еще о некоторых условиях всего тогдашнего быта, независящих, может быть, от воли начальства, по крайней мере ближайшего.

Общее состояние хозяйства и разные меры к его улучшению

Хозяйственная часть, по уставу (§ 189), вверялась особенно эконому, поэтому естественно, что она вообще, весьма много зависела от способности и исправности этого должностного лица. Начальство же с своей стороны, как отчасти мы уже и видели, имело над этою частью наблюдение и предпринимало в разное время те или другие меры к ее улучшению.

В декабре 1809 г. возникло дело, вследствие жалоб учеников на худое мясо. Купец Мешкурин два месяца не являлся для подписания контракта и поставлял дурное мясо. Между тем эконом, по заявлению правления, «медленностию своею и потачкою неисправному поставщику Мешкурину навлек еще дороговизну», так как за мясо лучшее пришлось платить по 4 руб. за пуд, вместо 3 р. 50 к., как условлено в контракте. Правление определило – выдать Мешкурину за поставленное им дурное мясо, вместо 3 р. 50 к. за пуд, по 2 р. 80 к. Митрополит Амвросий положил резолюцию: «худое мясо не следовало брать; почему и нужно условиться с поставщиком оного, а правлением положенной цены утвердить нельзя». Другая его резолюция по этому же делу, (которое изложено было в двух статьях), следующая: «Правлению по первому усмотрению или жалобе надлежало решиться или сделать контракт, или не брать мяса у худого поставщика». Около того же времени, по поводу представления эконома о необходимости купить 25 жестяных подсвечников со щипцами, правление определило; «руководиться правилом его высокопреосвященства (данным раньше), т. е. при рапорте о покупках «представлять, сколько чего было, почему не стало, или вновь нужно». Митрополит написал: «мое предложение имеет смысл, чтобы о утраченных вещах иметь изыскание, но вместе стараться о покупке новых, дабы не было остановки и недостатка для употребления».

В 1810 г. ректор Анатолий делал представление правлению о неисправностях эконома У. Митрополит Амвросий по этому поводу положил резолюцию: «экономского нерадения впредь предлагать не терпеть, о чем ему и объявить в правлении». Вскоре он вышел. В 1817 г. ревизор Филарета Дроздов писал: «часть хозяйственная не равняется в устройстве двум первым. Некоторые недостатки, как напр. в полной одежде на воспитанников, неизбежны по ограниченности семинарских окладов и доходов. Но к сожалению можно примечать, что семинарский эконом не соответствует своею деятельностью тем усилиям, какие употребляет семинарское правление для соблюдения хозяйства и порядка в хозяйстве». Указания на некоторые недостатки и беспорядки по экономии находим в журналах сениорств, напр, в. 1815 г. записана жалоба на недостаток света, в 1818 г. жалоба на дурную пищу и квас, на стужу в столовой, отсутствие в трубах вышек и дверцев печных, на изломанные комнатные двери и пр. Инспектор предлагал это вниманию эконома, а тот – комиссара. Филарет при ревизии между прочим предложил семинарскому правлению: «подтвердить эконому семинарии, чтобы в столовой скатерти очищаемы были от кусков и крошек после каждого стола». Но по этому поводу и в 1830 г. эконом А. Михайлов делал представление о том, что «скатерти после 1-й столовой по недостатку служителей и времени, в скорости не могут быть отряхнуты и просушены», и поэтому необходимы еще две перемены скатертей для 2-й столовой. В 1823 г. иеродиакон Мисаил уволен был из экономов семинарии, вследствие представления ректора правлению об его неисправностях. Имущество его было описано, вследствие сделанного на него начета». В 1826 г. ректор Антоний входил особой запиской в правление по поводу тех беспорядков, какие он заметил при посещении классов: недостаток икон в некоторых классах кафедр или столиков для учащихся, дурной воздух, измаранные и изрезанные ученические карты. Около того же времени произведена, неизвестно кем, значительная покража белья и книг в комнатах, занимаемых учениками словесности и митрополичьими певчими, когда все находились у всенощного богослужения, в зале. Дело оставлено без дальнейшего расследования, по словесному приказанию митрополита, «ибо покража произошла в комнатах певчих его высокопреосвященства». Вообще, около половины 20-х годов было очень много беспорядков, как по делопроизводству вообще, так особенно по экономической части, о чем заявлял и ректор Антоний при вступлении в должность. Это же подтвердил и ревизор Иннокентий Борисов, заметив, что нет многих экономических книг, отчетов за несколько годов, неизвестно назначение некоторых сумм и пр. После его ревизии по экономической части

между прочим предписано: «чтобы остаточные суммы, подлежащие отсылке в Комиссию за книги и в составе пенсионного капитала высланы были в оную, не позже как чрез две недели по получении предписания, с различием, сколько денег значится по запискам сем. правления вырученных за книги и сколько считалось к 1823 г. на лицо остаточной экономической суммы. Высылка должна быть произведена, не ожидая поверки отчетов семинарии потому, что если бы при сей поверке и открылись какие либо обстоятельства переменяющие счет, оный всегда может быть исправлен возвратом ли излишних денег в семинарию, или взысканием недосланных от оной особо». Помимо этого, в 1826 г. учреждена была особая счетная Комиссия для поверки счетов спб. семинарии с 1815 по 1826-й год. Членами Комиссии избраны и утверждены митрополитом профессора академии, протоиереи: Герасим Павский и Иоаким Кочетов, бакалавр Ст. Райковский. Впоследствии присоединен еще инспектор академии архимандрит Иннокентий. Комиссия, на основании данной ей подробной инструкции, рассматривала разные счета и экономические документы с 1809 г. и нашла значительные опущения и беспорядки, которые отчасти упоминались уже выше. В следующем году Комиссия дух. уч. напоминала об ускорении занятий ревизионной комиссией и для этого назначила в нее еще от себя бухгалтера и контролера колл. асессора Филиппова, которому по окончании занятий комиссии в 1832 г. выдано награды из семин. сумм 750 руб. Остальным же членам объявлена «признательность начальства за труды». Вот что найдено было этой Комиссией. 1) Многих экономических записных книг не оказалось на лицо с 1809 по 1826 г. 2) Мелочных расходов (без определений правления) не записано в книги на 4489 р. 44 к. и пожертвованных денег 4000 р., хотя последние были на лицо. 3) Передержано по больнице из сумм по другим статьям ассигнованным (за 10 лет) 2081 р. 79 к.) 4) Выведено было передержки противу контрактных цен за купленную говядину в 1816 г. 1014 р. 19 к. Эконом Турчанинов этого определения семин. правления не подписал, отозвавшись, что в этом году «контракта на поставку говядины не было и что справка в журнал подведена была неверно». На это обращено внимание и ревизором Филаретом, но, по приказанию митр. Амвросия, оставлено без исследования. Впрочем и противу цен, показанных в определениях сем. правления, передано по сей статье 265 р. 80 коп.¹³⁰ 5) Статей не очищенных расписками суммою на 13660 р. 80 коп. 6) Некоторые суммы не записаны на приходе, хотя значатся в расходе; другие записаны не в тот год, в который поступили; некоторые же вовсе не записаны (на 5323 р. 93 к.) Вследствие разных опущений, в сумме остатка к 1826 г. недоставало 21041 р. 5 коп. Все это Комиссией дух. уч. (1832 г.) поставлено сем. правлению на вид, с строгим подтверждением на будущее время: не допускать подобных беспорядков и опущений, но без замечания, по силе 1 ст. Всемилоостивейшего манифеста 1826 г. и без привлечения виновных лиц к законной ответственности, на основании Высочайшего манифеста 22 авг. 1826 г. Затем предписано акад. правлению рассмотреть, признаются ли издержки по мелочным расходам необходимыми, а семинарскому – предписано о сверхштатных издержках представлять начальству, завести шнуровые приходо-расходные и другие книги по экономической части, по высланным (в количестве шести номеров) формам, и строго соблюдать в ведении книг, разных ведомостей и отчетностей указанный порядок и своевременную запись.

По запросу из академии о документах по вышеозначенным мелочным расходам, семин. правление выслало только пять расходных записок за два года и два отчета о мелочных расходах, но эти данные найдены необстоятельными, хотя сумма мелочных расходов за 9 лет (всего 5289 р. 44 к.) признана необходимою.

Некоторые объяснения нужны были от бывших ректоров Иннокентия (уже умершего) и Поликарпа, который и представил объяснения о расходе сумм, но они признаны неудовлетворительными; по этому предписано от 5-го дек. 1833 г. «в пополнение следующей ко взысканию суммы 3927 р. 25 к. взыскать с бывших в то время членов сем. правления, соразмерно их жалованью и времени нахождения в должности членов. Но как тогдашний инспектор Андрей и эконом Николаев уже умерли, то положено взыскать с их наследников, так как они умерли «по состоянию уже манифеста 22 авг. 1826 г.» Оказалось возможным взыскать только с наследников (в тверской губ.) бывшего инсп. Андрея 280 р. 19 к. Сношения по делу о взыскании тянулись до 1839 г.¹³¹

В том же 1826 г. секретарь Успенский подал правлению заявление, о том, что эконом иеромонах Симеон разорвал контракт, заключенный с поставщиком платья на воспитанников

семинарии, а залог его (банковский билет в 500 р.), будто бы возвратил портному, между тем наследники портного, вскоре затем умершего, требуют эти деньги. Эконом, по запросу правления, представил объяснение, что контракт разорвал нечаянно, так как он попал между его черновыми бумагами, а деньги 500 р. отыскал у приятеля портного, к которому, неизвестно как они попали. С контракта он представил правлению копию (незасвидетельствованную), а 500 руб. возвратил уже другим банковым билетом. Вскоре после этого он подал прошение об увольнении от должности, по болезни. На него сделан был начет в 4984 р. 57 к. и обнаружены – недостаток расписок от получавших деньги и утрата некоторых казенных вещей. Впрочем за 1824-й и 25-й годы до достоверности в счетах не дойдено, посему, по резолюции митрополита, дело передано в учрежденную около того времени вышеупомянутую комиссию для рассмотрения старых дел, имущество же Симеона опечатано и доходы его монашеские (в Киновии) удерживались. Но комиссия поверочная нашла расчет семинар. правления с экономом неправильным, ибо в основании сего расчета принята не та сумма, какая на самом деле была выдана эконому, но та, какую только предполагалось выдать ему по журналам, или какую он просил себе по своим представлениям. Предписано – произвести новый точный расчет. Митрополит утвердив это, сделал правлению «строгое замечание, чтобы, оно дела свои производило впредь с большею аккуратностию, нежели как оно производило их до сего времени» (1827 г.) Некоторые же вещи из опечатанных велел выдать бывшему эконому Симеону. После того допущен к исправлению должности эконома учитель М. Панов, который был, по видимому, дельный. По вниманию к его усердной службе и честному поведению, ему с разрешения Комиссии дух. уч., обращена в награду сумма, выданная на прогоны (192 р. 90 к.) до Тамбова, куда он был первоначально назначен, но не поехал, оставшись учителем ал. неевского училища и потом экономом семинарии. Панов заводил разные новые вещи, столы, парты и др. к удобству учеников, составил инструкцию для служителей. В 1827 г., когда и ревизор Иннокентий рекомендовал его как исправного,¹³² правление представляло митрополиту к утверждению его экономом «за особенную рачительность по службе, способность к делам экономическим и приобретенную уже (в течении 11 месяцев) опытность. » Но митр. Серафим не утвердил Панова и рекомендовал правлению избрать в эконома «известной верности и честности какого-либо иеромонаха, или иеродиакона пожилых лет, а до того времени править экономическую должность учителю М. Панову, под особым смотрением и надзиранием инспектора семинарии». Таким образом экономический интерес приносился иногда в жертву желанию иметь и в должности эконома лиц духовного и преимущественно монашеского сана. Но в 1830 г. снова представлен в эконома светский, профессор А. Михайлов, «как способный к сей должности в 1-х потому, что ему известны местные отношения города С. -Петер бурга, ибо он воспитался в здешней семинарии и обучался в здешней же академии, в 2-х потому, что он, занимая экстраординарные классы (?) по семинарии, имеет довольно свободного времени для исправного прохождения возлагаемой на него экономской должности». Между тем эконома – монахи или были неисправны, или вскоре выходили из семинарии. Хотя и при Михайлове, одном из наиболее, по видимому, предприимчивых и аккуратных экомов, не все было ладно: книги иногда оставались неочищенными расписками (напр. Масальского, после его смерти), несмотря на то, что за этим строго предписывалось следить, после разбора дел ревизионной комиссии 1829 г.; в 1836 г. из семинарской кладовой произведена была покража одежды на сумму 289 р., причем два вора задержаны вахтером и письмоводителем и препровождены в полицию. Но вообще в 30-годах замечается улучшение хозяйственной части. В числе улучшений, введенных при Михайлове, особенно можно упомянуть о новых ложках. Прежде употреблялись ложки деревянные, а тарелки и кружки палевые. При этом заведено было, чтобы каждый воспитанник с своей ложкой приходил в столовую, а как столовая помещалась на другом дворе (по крайней мере для некоторых), то забывшие свою ложку иногда оставались без горячего. В 1836 г. заведены вместо деревянных так называемый аргентиновые ложки (32 р. за дюжину), как более приличные и прочные. Еще в 1830 г. Михайлова «за особенное усердие в «исправлении экономической должности», как служившего один еще год в семинарии, акад. правление, согласно с отзывом ревизора Павского, постановило иметь в виду на будущее время. Но впоследствии Михайлов должен был даже отказаться от экономской должности, не имея по ней поощрения и одобрения от высшего начальства. Около этого времени об. -прокурор Пратасов обратил особенное

внимание на экономический быт академии и семинарии. Пратасов, бывши в семинарии, высказал неудовольствие относительно экономии и приказывал ректору строже смотреть за экономом, как свидетельствует об этом ректор Афанасий, который, впрочем и сам, по перемещении в петербургскую семинарию, нашел в ней много «сору и дряни».¹³³ Очевидно, эконом был в зависимости от многих внешних условий, неблагоприятствовавших его аккуратности. В 1837 г. возникло особое дело о семинарской конюшне. Содержание конюшни с течением времени все возрастало. В первое время в делах упоминается одна лошадь, телега, дровни или водовозные роспуски. В 1831 г. вместо одной лошади заведены две легковые (купленные за 500 р.) В 1833 г. на конюшню и ее принадлежности издержано было 1436 р. 3 к. Наконец в 1837 г. на представлении сем. правления по делу о содержании 3-х лошадей, митрополит Серафим написал: «семинарское правление имеет немедленно представить нам справку, сколько по штату положено быть при семинарии лошадей и для какой надобности содержатся оным три лошади». Правление указало, что число лошадей в устав не определено, хотя положено вообще иметь лошадей, число определяется, без сомнения, местными нуждами; число учеников живущих в семинарии, вместе с училищными и служителями до 500; в здании не имеется некоторых приспособлений, напр. квасоварни, колодца, поэтому часто приходится ездить за водой, за квасом (на завод), за песком, камнем и проч.; заведение находится на краю города и далеко от разных мест и лиц, с которыми необходимо иметь сношения; тех же лошадей приходится начальству употреблять и для приглашения членов св. Синода и Комиссии дух. учил. на публичные испытания и для объяснений с ними и проч., тем более, что в 1831 г. уже дозволено было иметь трех лошадей, из которых только одна содержится на штатную сумму, остальные же частью на бурсачную и армейскую, частью на собираемую с своекоштных учеников сем. и училищ. На этом объяснении митрополит положил такую резолюцию: «для удовлетворения всем нуждам училищной и семинарской экономий двух лошадей совершенно достаточно. Дело 1831 г., на которое правлением сделана ссылка, говорит о нужде иметь вместо одной двух лошадей, а не трех. Значущиеся по тому же делу две пары конской сбруи, ценою в 170 руб. слишком богаты для нужд хозяйственных, а два цветные ковра, за кои значится в деле особая уплата денег не могут и места иметь в числе оных». – Определенный вновь в 1838 г. правящим должностью эконома из комиссаров при столе А. Петров принимал некоторые меры к улучшению хозяйства. Правление с. -пет. семинарии «усмотрев из экономических отчетов за 1838, 1839 и 1840 г. между прочим весьма значительное уменьшение передержек по содержанию дома семинарии и соединенных с нею александровских училищ, в сравнении с предшествовавшими им годами, именно в последние три года передержано по содержанию дома менее 10585 р. 53 к., нежели в предшествовавшие им три года, вследствие чего должно было увеличиться число казеннокоштных и улучшиться содержание (так как передержки заимствуются из остатков по содержанию учеников, на осн. 32 пун. Введ. к проекту уст.), сверх того, так как в сент. 1838 г. открыт новый довольно значительный источник экономических доходов, именно с сент. 1838 г.¹³⁴ по янв. 1841 г. выручено денег от продажи костей, помоев и кусков 1206 р. 19 к. асс.», – положило представить эконома Петрова к награде в размере его годового жалованья, которое он и получил.

Высшее начальство, обратив особенное внимание, по инициативе гр. Пратасова, на экономическое улучшение семинарии и прежде всего петербургской, озаботилось упорядочением и отчетностей по экономической части, бывших ранее постоянно в неисправности. Первоначально экономические отчеты семинарий и училищ представлялись для рассмотрения в академическое правление, откуда препровождались, вместе с академическим, в контроль Комиссии дух. уч. Комиссия же была подавлена массой таких отчетов, поэтому «не могла так же обойтись без особой решительной меры по случаю давнего накопления в ней училищных отчетов, которые оставались нерассмотренными за неимением к тому в прежнее время способов.» По всеподданейшему докладу гр. Пратасова, с целью облегчения контрольной деятельности Комиссии дух. уч. в ноябре 1836 г. учреждено временное счетное отделение для обревизования накопившихся отчетов с 1813 по 1833 г., «которое в определенный двухгодичный срок и привело свои занятия с совершенному окончанию».¹³⁵ Потом эти дела перешли в Хозяйственное Управление при св. Синоде. При рассмотрении экономических отчетов петерб. семинарии этими учреждениями, затребованы

были из семинарии разные объяснения, по поводу встреченных в отчетах за 1834 г. и ранее недоразумений, неточностей, недомолвок. Особенное внимание обращено на передержки противу штата, напр. по содержанию дома в 1834 г. свыше 6 тыс., в 1835 г. до 15 тысяч руб. На запрос, делались ли эти передержки с разрешения епархиального начальства, семинария отвечала, на основании объяснения инспек. Антония и эконома Михайлова, что передержки происходили с разрешения митрополита, кроме разве незначительных. Последовало предписание, да и не одно, чтобы на всякий сверхштатный расход испрашивать разрешение архиерея. Разыскивались и проверялись экономические дела за более давние годы, даже с 1826-го, причем как Хозяйственное, так и Духовно-учеб. управления опять спрашивали у семинарии разных объяснений, но, за выходом должностных лиц, бывших в то время, справок не могли собрать, тем более, что и приходо-расходных книг или не доставало, или они велись не исправно, и отчеты некоторые были неверны.

В пособие же центральному контролю в конце 1836 г. учреждены особые епархиальные временные комитеты из лиц духовного ведомства, не участвовавших в действиях дух. учебных заведений, – для проверки с документами экономических отчетов этих заведений. В выписке из журнала Комм. дух. уч. от 22 окт. и 3 дек. 1836 г., сообщенной митр. Серафиму и сданной им в консисторию, сказано, что Контроль Комиссии не может иметь «удостоверения в том, согласны ли все суммы, в отчетах заключающиеся, с подлинными шнуровыми книгами и прочими документами, ибо сии документы и книги к отчетам не прилагаются, – на местах же подобной проверки ни кем не производится, кроме некоторых опытов, сделанных по московской епархии. Комиссия, обращая на сей предмета внимание и желая отчетность подведомственных ей мест привести в удовлетворительное во всех отношениях состояние, признала нужным разделить ревизию училищных отчетов на две инстанции, низшую, в которой могла бы производиться проверка с документами на местах, и высшую в контроле Комиссии, который должен окончательно рассматривать все экономические действия дух. учебных заведений. С сего целию Комиссия, положив учреждать в епархиях временные ревизионные комитеты из лиц дух. ведомства, не участвовавших в действиях учебных заведений, утвердила подробное положение для руководства сим комитетам с тем, чтобы проверку сию распространить на отчеты за время с 1833 г..., привести дело сие к окончанию, сколь возможно, без потери времени, и, по обревизовании отчетов за каждый год, не ожидая окончания последующих, представлять их в Комиссию со всеми нужными сведениями.» Для обревизования же дух. училищных отчетов 1836 г. допущено в случае надобности, чтобы не задерживать дела и окончить ревизию к марту следующего года, образовывать особый комитет. По распоряжению спб. епархиального начальства, в январе 1837 г. учреждены три комитета – для академии, семинарии с александроневским и петропавловским училищами и для ямбургских училищ: каждый из 3-х лиц. В комитет по делам семинарским, с утверждения митрополита, вошли: Спасосен. протоиерей И. Иванов, Пантелейм. священник Ст. Славинский и учитель сем. Гр. Смирягин.¹³⁶ Комитетам препровождены за три года отчеты и дано в руководство особое, утвержденное Комиссией дух. уч. «Положение», в котором определяются цель, состав и обязанности временных ревизионных комитетов. Главным образом комитет должен удостовериться в верности экономического отчета с документами, т. е. шнуровыми книгами, контрактами, разрешениями начальства, журналами правлений и проч. (§ 9); за тем поверить самый отчет, также все книги и записи, – соблюдены ли все требующиеся формальности; смотреть, нет ли издержек несогласных со штатами, правилами устава и предписаниями начальства (§ 16), проверить денежные записи, расходы – с справочными ценами и контрактами, освидетельствовать наличность суммы; поверить с документами количество в течение года содержащихся пищею учеников и служителей, а относительно одежды и обуви – имеются ли своеручные расписки их, также количество отопливаемых печей, освещаемых комнат и других помещений, количество больных и число служителей у каждого дела (§ 21). В случае усмотренных неясностей или неисправностей, дозволено требовать объяснения у сем. правления. В авг. того же 1837 г. семинарский комитет окончил свои занятия по рассмотрению экономических отчетов за три года, а в декабре того же года и за 1836 год, представив на благоусмотрение митрополита самые отчеты с журналами своих заседаний, равно как и замечаниями на усмотренные в них при проверке с шнуровыми книгами и прочими документами неясности и неисправности (впрочем незначительные); от митрополита же дело

препровождено в Комиссию дух. уч. Ревизионный комитет с того времени стал учреждаться ежегодно, по распоряжению епархиального начальства.

Воспитанники

Звание.

Ученики семинарии были собственно дети священноцерковнослужителей,¹³⁷ но в семинарию принимались и светские, с известными условиями и ограничениями. В 1818 г. Комиссия дух. уч. утвердила мнение акад. правления «о допущении в дух. училища гражданских лиц и о снабжении их свидетельствами от сих училищ, соразмеряясь однако же с числом дух. воспитанников и вместимостью училищных домов». Между делами архива спб. семинарии, особенно 1819 и 1820 годов и раньше, встречается немало прошений от светских лиц о принятии детей их, или родственников, в семинарию, или дух. училища, напр. от тит. советника Есаулова, служащего при Императ. фарфоровом заводе, канцеляриста Анкудинова, камер-лакея Небольсина, титул. советника Ермолаева, новоторжского купца Аксанина и др. Семинарское правление не находило обыкновенно препятствий к принятию их, кроме неблагоприятности, т. е. если, началось уже ученье, или под условием сначала своих разместить по комнатам. В январе 1822 г. последовало о светских следующее предписание Комиссии дух. уч. (от 22 дек. 1821 г.) «1) Детей не принадлежащих к духовному званию в духовные училища не принимать, буде они обременены многими учениками духовного звания, дабы излишним умножением учащихся не обременять как самых наставников, так и не делать затруднения в ходе учения; но если такового препятствия не встретится, то принимать в качестве приватно обучающихся. 2) Принимать их только пред началом учебного курса, а увольнять во всякое время, когда сами просить будут. 3) С выходящего из семинарии не в срочное время, если он жил в семинарии на своем содержании, удерживать в экономии весь остаток суммы, какая внесена была учеником при вступлении его. 4) При увольнении, аттестата не выдавать, а только свидетельство об обучении приватно, с означением, что выданное ему свидетельство ни в каком случае не может заменить аттестата семинарского. 5) Увольняемым в середине курса детям светского звания не выдавать свидетельств.» Однако же это предписание не мешало светским проситься и поступать в семинарию. В 1828 г. находим 5 прошений от светских лиц (преимущественно чиновников)¹³⁸ о принятии детей их в семинарию, в 1830 г. три таких же прошения; в 1835 г. было отношение обер-прокурора св. Синода Нечаева на имя митрополита о принятии в семинарию двоих сыновей аптекаря екатеринбургских заводов Гельма, для приготовления их в медико-хирургическую академию. Так же из светских Снигиревский принят в 1837 г. в дух. училище, для приготовления в мед. академию. Но другим отказывали, на основании вышеприведенного предписания Комиссии 1821 г. По предписанию же 1837 г. в июле постановлено – светских учеников принимать с разрешения епархиального архиерея и ежегодно в перечневых ведомостях особо об них показывать. В 1841 г. из числа 264 воспитанников семинарии только двое принадлежали к светскому званию. Из крещеных евреев воспитанников видим еще до 20-х годов, таковы были: Ник. Петровский и Ив. Крамановский, последний поступил в 1820 г. В 1835 г., по Высочайшему повелению, и грекоунитов дозволено принимать в дух. уч. и семинарию, хотя в петербургской епархии не было таковых.

Иноепархиальные, хотя также с некоторыми ограничениями, но постоянно бывали в петербургской семинарии, между прочим и на основании распоряжений Комиссии дух. уч. Некоторые поступали сначала в дух. училища, потом переходили в семинарию. Впрочем еще в 1811 г. семинарское правление, на отношение Ириней, архиеп. псковского, о принятии в петерб. семинарию двух воспитанников из псковской епархии, постановило: «в училищных правилах нет основания, на котором можно было бы принимать учеников других епархий в здешнюю семинарию», причем указало и на то, что иноепархиальные переходящие неблагоприятно (т. е. после начатия ученья) делают затруднение учителям. Но с разрешения Комиссии дух. уч. в том же 1811 г. по экзамену принят в семинарию ученик харьковского коллегиума Федоровский. В 1812 г. по прошению священника Славинского, по экзамену принят брат его, ученик низш. отд. новгородской сем., но с условием жить в доме брата. В 1813 г. принят в высшее отд. ученик моск. слав. греко-латинской академии А. Некрасов. И после видим, напр. в 1814 г., что по экзамену ученики нередко поступали или переводились в петербургскую семинарию из других епархий: новгородской, псковской, петрозаводской,

ярославской и друг. В 20-х годах были случаи принятия в семинарию из других епархий, на основании резолюций митрополита. В 1828 г. на запрос олонецкой консистории, сколько в петерб. семинарии было учеников из олонецкой епархии, таковых оказалось 9 человек; из них 7, с открытием олонецкой семинарии в 1829 г., по предписанию Комиссии дух. уч., и переведены туда. Но в том же году видим перешедших из новгородской семинарии, калужской и курской; тогда же были ученики из пензенской и минской епархий. В 1841 г. иноепархиальных было 7 человек: С. Чижов (средн. отд.) из тверской епархии, А. Жданов и Н. Симеоновский (низш. отд.) рязанской; Гавр. Рутов (средн. отд.) и Ив. Платонов (низш.) казанской; В. Наумов (высш. отд.) – херсонской; И. Смирнов (низш. отд.) тульской.

Обыкновенно просили о перемещении детей или родственников из других епархий, ради тех или других удобств. В 1837 г. напр. священник церкви села Бабина, новгородской епархии, Ирод. Флоринский просил о перемещении сына своего Димитрия в александроневское дух. училище, так как «С. Петербург расстоянием ближе к моему (просителя) жительству, нежели Новгород и сверх сего имею родственников в столице, которые могут содействовать к успешному занятию преподаваемыми науками сыну моему Д. Флоринскому своих попечением и присмотром». Подобное же основание было выставлено в 1841 г. священником села Коровья-ручья, новг. еп. для помещения сына его в александроневское училище. В том же году А. Черенский переведен из олонецкого уездного училища в здешнюю семинарию, так как отец его был священником в новолодожском уезде.

Служащие по духовно-учебному ведомству часто просили о переводе их родственников из других епархий: бакалавр акад. Моисей просил за племянника (1815 г.), Ветринский за брата (1814 г.) В 1826 г. с ректором Антонием приехал из Архангельска ученик Сергиев и принят в семинарию на казенное содержание. В 1830 г. инспектор академии Иосиф перевел двоих своих родственников из тверской семинарии, чтобы лучше наблюдать за ними, и вносил за их содержание. Профессор с. петербургской семинарии И. Симеоновский перевел из рязанской семинарии своего родного брата в 1840 году. Инспектор семинарии Иоасаф в том же году перевел своих детей из курской епархии в петропавловское училище, а по выходе своем из петербургской семинарии отправил их в рыльское училище.

В 1838 г. было предписание Комиссии дух. уч. чтобы семинарии «принимали детей духовенства других епархий в том только случае, когда на сие получат разрешение от епархиального преосвященного и когда сими детьми будут представлены надлежащие документы о их рождении и происхождении.» Еще ранее (1834 г.) было предписано – сообщать выписки из именных ведомостей об иноепархиальных учениках в местное семинарское правление и архиерею, но в именных ведомостях местной семинарии им не числиться, если снова не перейдут в нее.

Особенно часты были случаи временного перемещения в петербургскую семинарию иноепархиальных воспитанников, приезжавших сюда вместе с лицами монашествующими, вызываемыми на чреду священнослужения.

Подобные воспитанники не только поступали на время, но иногда просто лишь допускались к слушанию уроков в петербургской семинарии, а числились в семинарии своей епархии. Напр. в 1826 г. вместе с ректором псковским Иннокентием приехал ученик высш. отдел. Пономарев и чрез год опять просил увольнения, так как Иннокентий возвращался во Псков. С Иустином, ректором черниговской семинарии, приехал в 30-х годах, ученик средн. отд. Як. Дорогонецкий. С Иоанном, ректором харьковского коллегиума, вызванным на чреду, перешел ученик высш. отд. Рудинский, в 1840 г. Тогда же из подольской семинарии перешел ученик Н. Чернявский, назначенный в свиту архиепископа подольского Кирилла, вызванного в св. Синод. Иные из приехавших таким образом и курс оканчивали в петербургской семинарии, числясь в своей, напр. Д. Верещагин из псковской семинарии, Мих. Хребтов из тверской семинарии (1839 г.) и др. Иные, наоборот, числясь в петербургской семинарии, учились в чужой епархии и даже странствовали из одной епархии в другую, с дозволения правления, напр. И. Верховский с Никодимом (Лебедевым), ректором сарат. и друг. семинарий, был и в Саратове, и в Нижнем-Новгороде и в Иркутске. (1833 г.) При этом ежегодно сообщались в правление петерб. сем. сведения об успехах и поведении подобных воспитанников.

Армейские воспитанники, дети военного духовенства, поступали в семинарию по отношениям в семинарское правление от своего начальства. В первый раз в 1818 году

поступили в спб. семинарию 15 человек из существовавшей доселе отдельно, так называемой, армейской семинарии, по случаю «предположений о новом образе существования армейской семинарии».¹³⁹

Положения о новом образе существования армейской семинарии составлены членом св. Синода и Комиссией дух уч., армии и флота обер-священником Державиным. Предписание о приведении их в исполнение, по определению Комиссии дух. уч., последовало от академического правления 20-го сентября 1818 года. На основании этих постановлений, Высочайше утвержденных 14 апр. 1819 г., «армейская семинария из детей полкового духовенства существует отделениями в разных епархиях», воспитанники ее «содержатся совокупно с казенно-коштными воспитанниками епаршеских училищ» (§ 2) и, по окончании курса, должны поступать на священно-служительские должности при полках; исключенные же, но благонравные, могут оставаться еще на год, «для усовершенствования себя: в сведениях нужных причетнику». Сообщения об армейских воспитанниках, о их успехах, поведении и содержании делаются от семинарского правления к обер-священнику, но они «состоят в совершенной подчиненности епархиальному начальству, и обер-священник ни в какое по делам их разбирательство в то время не входит» (§§ 6, 8, 10); лучших из них архиереи имеют право назначать на епархиальную службу, сообщая о том обер-священнику. «Распоряжение в назначении и доставлении детей в епаршеские училища предоставляется обер-священнику, смотря по местной удобности, или другим обстоятельствам». (§ 12). В силу этого, обыкновенно и делались отношения в спб. семинарское правление от обер-священника (протоиерея Державина, в 20-х годах, или впоследствии Музовского, Мансветова, Кутневича), который, «включив просящегося в число воспитанников армейской семинарии,» сообщал правлению, «дабы благоволено было принять его» в семинарию, или училище. Но и отцам дозволено было воспитывать детей в той епархии, где признают для себя почему либо выгоднее, с тем впрочем, чтобы приплачивать от себя, если потребуется, к сумме назначаемой на содержание армейского воспитанника. (§ 14.) Поступающие в академию не обязывались после определяться на полковую службу, но в академии содержались уже не на армейские суммы. О количестве суммы отпускаемой, вообще на содержание армейских воспитанников сказано в своем месте (см. в гл. Экономия, стр. 214).

Фамилия воспитанника могла переменяться, с дозволения семинарского начальства, и это происходило без особых затруднений, хотя подобные случаи в спб. семинарии были редки. В 1826 г. воспит. Павлов «по воле родителя» просил переменить ему фамилию на Черткова; правление разрешило и переименовало. Стипендиаты митр. Михаила переименовывались Михайловыми, как выше сказано (стр. 213). Перемена фамилии производилась не только произвольно, но и довольно беспорядочно. Так в 1838 г. был запрос из консистории, почему исключенный из ал. -невского училища, сын диакона Пахомова носил фамилию Мансветова? Ответ от семинарии последовал: «из дел правления не видно, почему.» В 1833 г. псаломщик придворной церкви Котовский просил об увольнении из семинарии сына его А-ра Спасского и о переименовании снова Котовским, так как ректор петроп. училища прот. Стахий Колосов, по своему усмотрению, без согласия отца, назвал его Спасским. Правление уволило воспитанника и в свидетельстве назвало его Котовским.

Помимо ученических обязанностей, на воспитанников, как известно, возлагались различные должности, которые, служили к облегчению тех или других должностных лиц в семинарии, хотя, без сомнения, мешали прямым, ученическим обязанностям воспитанников. Как выше сказано было, из учеников выбирались старшие, приоры, цензоры – для наблюдения за поведением воспитанников (на таких должностях обыкновенно было до 20 и более учеников высш. и частно средн. отделения); за тем аудиторы и лекторы – по учебной части. О деятельности аудиторов нет сведений. Вероятно, должность эта, допущенная по инструкции старшим 1826 г. (см. выше, стр. 132), не получила развития в семинарии. Лекторы же из лучших учеников высш. отделения назначались, по уставу (§ 37), собственно «в пособие учителя по классу какого-либо языка», а так же и вообще в помощь некоторым наставникам, имевшим много занятий, или же за отсутствием какого-либо преподавателя. В 1818 г. было постановлено акад. правлением: если число учащихся по классу словесности будет свыше 75, то «профессору давать помощника с званием лектора из лучших учеников высш. отделения, коего долг состоять будет в рассмотрении сочинений». По греческому языку, как общему

предмету, постановлено давать профессору одного или двух помощников, отделяя им учеников менее успешных. На этом основании в 1819 г. было от семинарского правления представление академическому о необходимости лекторов по словесности и всеобщей истории и двух лекторов на греческий язык. По вниманию к просьбе наставника словесности Ив. Смирнова, который принял на себя и секретарскую должность, в 1818 г. назначен был лектором к нему ученик высш. отд. И. Павинский. Тогда же лектором греч. языка был Фил. Кудрявцев, потом Ив. Смирнов (1820–21 г.), Ив. Чупровский (1823 г.), так как более 200 учеников было у одного преподавателя греч. языка, (сначала у инспектора Андрея, потом у Е. Успенского). В 1828 г. Ив. Мелиоранский, проф. словесности и греч. языка и секретарь просил назначить на греч. яз. лектора, которым и назначен М. Петропавловский. В 1830 г. лектором, был Чупровский (другой), смененный потом Я. Налимовым. В 1832 г. определены в помощь проф. Тяжелову лекторами по словесности 1-го отд. М. Сиженский, 2-го отд. В. Долоцкий, по греч. яз. И. Скроботов. За тем в 1834 г., за выходом Тяжелова, назначены лекторами по 1 и 2 отд. словесности А. Педешев и В. Ушаков, а по греч. яз. Е. Михайлов 1-й; но Ушаков вскоре был уволен «за нерачность», по донесению проф. Массальского, а вместо него назначен уже магистр Галахов. В 1839 г. за болезнь проф. Семеновского посылали за него в класс – на гражд. историю П. Петровского, а на нем. язык А. Кедрова. В 1-й половине 1841 г., за болезнь наставника Д. Успенского, на класс греч. языка ходил Е. Добронравин, а на финский класс И. Зосимовский. Лекторы из учеников подавали также конспекты пройденного; напр. между конспектами 1834 г. находим и конспект по греч. яз. лектора Е. Михайлова 1-го. Но уже в 1835 г. (от 18 июня) предписано было – лекторов из учащихся более не назначать на главные предметы, т. е. богословие, философию и словесность. Да и на греческий язык с этого времени семин. правление выражает более желания назначать лекторов из окончивших курс в академии, так как охотники находились.

Кроме того, воспитанников высш. отд. временно назначали, с увольнением от и которых уроков в семинарии, для исправления учительской должности в александровском училище, по представлению ректора училища, бывшего, как известно, и инспектором семинарии. В 1818 г. ходил за учителя в алекс.-невское училище воспитанник Ф. Кудрявцев. К концу 1822 г., по рекомендации училищного ректора Феодосия, определены на учительские должности лучшие воспитанники И. Чупровский и М. Николаев (с жалованьем по 597 р.), причем их обязали ходить в свой класс только на богословские лекции и явиться на окончательные экзамены. По окончании курса в 1823 г., Николаев предпочел остаться на учительской в училище должности поступлению в академию. В том же году обучал партесному пению в училище так же и семинарский хор ученик низшего отд. семинарии Мпх. Горонович (с жалованьем 60 р. в год); он же учил и в 1826 т., бывши учеником высш. отделения. В 1824 г. на место вышедшего из ал.-невского училища, учителя иеромонаха Иезекииля, сем. правление назначило учеников высш. отд. С. Орнатского и С. Устинова, как особенно благонадежных, по отличным успехам и примерному поведению, уволив их от некоторых «менее значительных классов». В 1830 г. в приходский класс назначен был ученик высш. отд. И. Григорьев (с жалованьем 250 р.), с увольнением от хождения на уроки по языкам. За тем с половины 30-х годов обычай назначать учеников на преподавательские должности в училище, по видимому, выходит из употребления.

На воспитанников, с их согласия, возлагались еще должности – комиссара, смотрителя больницы, особенно же письмоводительская – при семинарском правлении, при экономе и даже при духовно-цензурном комитете, иногда по библиотеке (напр. в 1826 г. при составлении каталога) и проч. Отвлекая воспитанников от их ученических занятий, такие посторонние обязанности иногда могли служить и поводом к злоупотреблениям. Еще в 1810 г. ректор Анатолий представил к увольнению совершенно неуспевающих в науках трех учеников высш. отделения, как занятых посторонними обязанностями по экономии и письмоводству, дозволив двоим из них остаться при семинарии в должности письмоводителей. Секретарь Иванов (1811 г.) так же обращал внимание на неудобства иметь письмоводителей из учеников. Тем не менее по проекту семин. устава (§§ 23, 24) это дозволялось. В 30-х годах, для облегчения письмоводителей, число их увеличено до 4-х. Но и при этом бывало, что письмоводители опускали свои ученические обязанности. Напр. письмоводители И. Аландский и Е. Смирнов, вследствие донесения инспектора об отсутствии их в классе (1840 г.), прямо заявили, что занимались делами семин. правления. Письмоводитель же Игн. Вознесенский сослался на то,

что по делам службы был у члена комитета по построению здания семинарии. Впрочем хорошие воспитанники не злоупотребляли своим особым положением, в качестве письмоводителей, и не манкировали ученическими занятиями, как напр. тот же Н. Аландский, окончивший курс в первом десятке.

Особой же как бы привилегией пользовалась певческая должность в хоре митрополита, так что певчие могли не подчиняться иногда общим с другими воспитанниками правилам ученической дисциплины. Малоуспешность их обыкновенно не соединялась с теми последствиями для них, какими она сопровождалась для остальных воспитанников, поведение же их нередко было соблазном для других. В 1817 г. (сент. 10) митрополит Амвросий написал следующую резолюцию на прошении об увольнении ученика семинарии Петрова, состоявшего в хоре Его Высокопреосвященства и два раза уже оставленного на повторительный курс за нехождение на уроки: «Петрова яко певчего, не исключая из семинарии предлагаю объявить в оной на прежнем положении, дозволяя слушати лекции философские и класса словесности и не занимая ничем другим». Но оказалось, что философия и словесность бывают в одни часы, поэтому правление определило посылать его, когда свободен, так же на историю и языки, чтобы один не оставался в комнатах. В конце рассматриваемого периода был такой случай, что уволенный воспитанник черниговской семинарии, принят был в петербургскую, потому что, по приезде в Петербург, поступил в хор митрополита (1840 г.). Но в 1841 г. при введении реформы видим попытку и певчих подчинить общим требованиям дисциплины. Несмотря на ходатайство преосв. Серафима о воспитаннике В., бывшем в митрополичьем хоре, он за дурное поведение и малоуспешность переведен был в Новгородскую семинарию, (см. стр. 186), чрез что певчим как бы давалось внушение быть более исправными.

Количество воспитанников семинарии обозначалось обыкновенно в так называемых перечневых ведомостях¹⁴⁰, ежегодно представлявшихся в акад. правление (§ 443 акад. уст.), откуда сведения из них пересылались в Комиссию дух. уч. Количество учеников спб. сем. в течение года варьирует между 111 (1811 г.) и 264 (1839 г.), за исключением 1813 и половины 1814 г., когда число воспитанников семинарии понижалось до 93. Вообще же оно шло в увеличивающейся прогрессии, с незначительными колебаниями. Для примера укажем несколько годов: 1817 г. – 156 чел. 1828 г. – 198, 1830 – 186, 1835 – 217, 1841 – 250. В высшем отделении обыкновенно было менее прочих, в низшем более, так что в 1823 г. понадобилось разделить низшее отделение на два класса по словесности: в одном помещено 43 чел., в другом 51, но в 1841 г. было уже 52 и 55, в 1838 – 39 г. еще более. В высшем бывало от 24 (1817 г.), не считая 1815 г. когда, с образованием трех отделений (стр. 54), в высшем было только 13, – до 58 (1841 г.); в среднем – от 40 (1816 г.) до 91 (1841 г.). Всех выпусков с 1811 г. по 1841 г. было 16. Число воспитанников, окончивших полный семинарский курс в течение этого периода, равняется 549, как видно и из приложенных в конце книги списков. Количество исключаемых к году до 20-х годов было 10–14 человек, в 20-х годах оно возросло до 22 (1823 г.), хотя и понижалось до 7 (1830 г.); затем в 30-х годах оно довольно быстро поднялось до 32 (1840 г.). Исключенные увольнялись обыкновенно в епархиальное ведомство и об них сообщалось консистории, так же как и об окончивших курс, с обозначением, чьи дети, скольких лет, какого поведения, не состоят ли в долгу у семинарии. Желавшие же поступить в светское ведомство увольнялись св. Синодом, по представлению консистории. Число частных вообще было незначительно, еще менее из них – количество принимаемых в число действительных учеников, напр. в 1816 г. из частных 7 включены в число действительных, в 1827 г. так же 7, в 1840 г. – 2, в 1841 г. – 4 и т. п. Об условиях допущения частных сказано в своем месте (стр. 109); здесь же мы укажем на особые обстоятельства, по которым допускались иногда частные. В 1816 несколько исключенных приняты privately, до приискания ими места, с правом увольнения во всякое время. В 1819 г. бывший воспитанник медико-хирургической академии Андрей Леопольдов, желавший поступить в дух. академию, допущен privately к слушанию философии в семинарии, с помещением в семинарском доме, на содержании ректора дух. академии. Также бывший студент медиц. академии Сивиллов, изъявивший желание отправиться в китайскую миссию, принять временно в семинарии, для слушания тех предметов, которые плохо знал, с помещением в семинарии на собственный счет, с вычетом из его последующего жалованья. В 1823 году несколько исключенных принято privately. В числе их принят исключенный из низш. отделения Ник. Логиневский, вследствие

особой резолюции митрополита на прошении отца его, Выборгского протоиерея: «поелику означенный ученик по самому месту рождения и воспитания должен знать финский и частью шведский языки, а языки сии в Финляндии необходимо нужны для священника, для обучающихся же в здешней семинарии неизвестны; то семинарское правление имеет принять сего ученика в среднее отделение, не в пример другим исключенным ученикам, и иметь об нем особенное попечение, дабы он со временем мог в том краю, где почти вовсе нет ученых священников, знающих тамошние языки, употреблен с пользою для св. церкви». Воспитанник этот в числе последних окончил курс в 1827 г. Послушник Черемнецкого монастыря А. Новогородский, из прежде исключенных, снова принят приватно в 1834 г. и окончил курс в 1835 г. И. Наумов, уволенный из медиц. академии (тобол. сем.) в 1836 г., допущен приватно – на своем содержании – и просился даже на казенное, но вскоре был уволен за нетрезвость.

Некоторые из исключенных поступали иногда в другие учебные заведения, напр. в старый педагогический институт. Когда же один из уволенных по неспособности воспитанников (1820 г.) выдержал экзамен в московское отделение медико-хирургической академии, то последовало предписание от Комиссии дух. уч. наблюдать осмотрительность, чтобы не исключать способных.

Нередко воспитанники или родители их подавали прошения об увольнении из семинарии по болезни, или по другим причинам, но правление в этих случаях, особенно в первое время, поступало осмотрительно и не поспешно, тем более что нужно было представлять о том в Комиссию дух. учил. Считали нужным обращать внимание на успехи ученика. В 1812 г. не уволен по болезни воспитанник Оредежский, несмотря на представленное им докторское свидетельство. В 1814 г. отказано в увольнении Н. Налимову, согласно впрочем и мнению семин. врача Книпера. В 1818 г. воспитанник Хидковский подал прошение митрополиту Михаилу об увольнении его из семинарии, о чем и мать ученика просила, но правление не нашло нужным удовлетворить этому прошению, так как здоровье воспитанника, по отзыву штаб-лекаря Бока, было крепко; митрополит утвердил мнение правления. В 1827 г. ученик низш. отд. Быстров писал в прошении об увольнении: «третий год, как я страдаю от удара, полученного в грудь, и был уволен в епархиальное ведомство, на основании докторского свидетельства. В 1828 г. 8-мь учеников семинарии просили об увольнении в епархиальное ведомство по болезни (груди, сухоткой, золотухой); одних сем. правление оставило до каникул, о других отправило донесение в Комиссию дух. уч., которая и уволила их; вообще подобное увольнение происходило с разрешения Комиссии. В 1831 г. уволено несколько человек по слабости здоровья. Вас. Владыкин (1837 г.) из высш. отд. вышел по слабости здоровья, на основании свидетельства штаб-лекаря Смирнова.

Выход же из семинарии, для поступления в светские учебные заведения, не возбранялся, хотя допускался также не без разбора. Так в 1811 г. одному из учеников низш. отд. просившему увольнения из семинарии, для поступления в медицинскую академию, отказано, со внушением «о неленостном продолжении учения». В 1833 г. восп. Еф. Михайлов 2-й не уволен в медицинскую академию, потому что был в числе лучших и состоял на казенном содержании. Но, по окончании курса, в 1836 г. уволился из духовного звания. Особенно часты были заявления о желании поступить в медико-хирургическую академию¹⁴¹, тем более, что академия сама обыкновенно вызывала воспитанников семинарии. Испытание ученикам желающим поступить в медицинскую академию первоначально производилось, на основании постановления 1811 года, во врачебных управах, в присутствии одного члена семин. правления, но потом это изменено. В 1817 г. прислана была от медиц. академии программа для поступающих в нее из семинарии, определен срок подачи прошений и чрез Комиссию дух. уч. объявлено, чтобы ученики, увольняясь из семинарии, сами не приезжали в академию без достаточной подготовки и без всяких средств к жизни. В правилах 1818–22 г. для поступающих в медико-хир. академии из всех классов сем. определены годы 16–24 и предъявлены требования – в знании латинского и русского языков, арифметики и геометрии, логики и физики, с дозволением переходить на фармацевтическое отделение, в случае отвращения к трупам, или уезжать обратно. В 1824 г. было предписано – не подавать ученикам прошений высшему начальству, мимо своего, об увольнении их в медико-хирургическую академию. В том же году последовало предписание от акад. правления, подтвержденное и в 1832 г., чтобы сем. правление «представления свои о увольнении учеников в медицинское ведомство присылало

непременно к последним числам марта, с тем, что ежели таковые представления получатся в академ. правлении после марта, то оные будут оставляемы без дальнейшего движения». В янв. 1835 г., по Высочайшему повелению, было предписание от Комиссии дух. уч., чтобы в медико-хирургическую академию между прочим назначать из семинарий «воспитанников с самою хорошою нравственностью», а то замечено было, что «епархиальное начальство никогда не избирает лучших по нравственности». Подобное же предписание о благонадежной нравственности, в соединении с надлежащими познаниями в положенных науках, было и раньше, от 2 июля 1828 г., вследствие отношения г. управляющего внутренними делами. Учеников же признанных недостойными к принятию в медицинскую академию дозволялось заменять другими надежнейшими, без особого представления о том высшему начальству (Предп. от 12 окт. 1829 г.). С 1820 г. по 1841 г. число поступивших в медиц. академию из спб. семинарии, большею частью среднего отд.¹⁴² было около 25 человек, частью по назначении семинарского правления, вследствие вызова, большею же частью по собственному желанию. В делах находим следующие фамилии отправленных в мед. академию: Ник. Борисов (1812 г.), Иона Дьяконов (1817 г.), Конст. Максимов, Иван Андреев и Ник. Михайлов (1818 г.), Петр Трачевский, Фед. Зырянов (1820 г.), Ник. Максимов (1822 г.), Дим. Песоцкий, Пав. Иерусалимов (1824 г.); Ив. Криницкий, Вас. Мокиевский, Ег. Петров – в 1826 году были назначены, но удержаны вследствие особого предписания Комиссии д. уч., хотя в списках потом не упоминаются, (Петров вышел по болезни в 1827 г.); А-р Лебедев, А-р Товиев (1828 г.), Алексей Знаменский (1830 г.), Ив. Белов (1831 г.), Вас. Сивиллов, Гр. Михайлов, Ник. Знаменский, Гр. Петровский, Лука Якимович (1832 г.), Петр Павловский (1833 г.), Пав. Щутский (1836 г.), Иов Насилов (1837 г.). Поступившие же в 1838 г., ученики средн. отд. Варсов и Покровский просили о принятии их снова в семинарию, вследствие нерасположенности к анатомии: с разрешения Комиссии дух. уч. были приняты обратно в семинарию. В 1839 г. желающих не оказалось на вызов в мед. академию. В 1841 г. – И. Кондрацкий.

Бывали требования в старый педагогический институт, чрез Комиссию дух. уч., так в 1816 г. отправлены – И. Смирнов средн. отд. и. Первянский низш. отд. При учреждении Главного педагогического института (1828), на основании 8 § устава института, было постановлено: наполнять это заведение «преимущественно воспитанниками дух. семинарий, но не прежде как по окончании ученья в классах наук философских. Правило сие почтено нужным в том предположении, что молодые люди из духовного состояния, руководимые примерами благочестия, и получившие под строгим надзором духовных властей начала нравственности и классического обучения, будут способнее докончить с успехом образование свое в институте и вступить потом с пользою в важное и почтенное звание учителей. (Из отнош. министра нар. просв. гр. Ливена к митр. Серафиму). В 1829 г. в институт отправлены были студенты семинарии Мих. Быстров и Влад. Нечаев. Затем в октябре отправлены ученики высш. отд. Андрей Дашковский и Ник. Гостиннопольский, но последний возвращен по причине болезни (чесотка и опухоль в ногах). По вызову в 1832 г. назначены в институт четверо: Матв. Сиженский, Фед. Измайлов, Ник. Долоцкий, А-р Вещезеров, но первые два отказались по нерасположенности к светскому званию; затем послан еще Вас. Михайлов из средн. отд., Ив. Павловский (1832 г.), а в 1836 г. из низш. отд. Петр Долоцкий, в 1840 г. Ив. Лавровский (сред. отд.). На поступление же в университет в рассматриваемый период не находим прямых указаний. Но напр. в 1827 г. был запрос из спб. университета о поведении и успехах А-ра Вишневого (средн. отд.). – В начале 20-х годов видим и случаи увольнения из семинарии для поступления в Военностроительное училище путей сообщения: Ал. Адрианов и Ник. Гаврилов (средн. отд.) 1821 г., А-р Гаврилов (низш. отд.) 1822 г., Андрей Гойтанников (средн. отд.) 1823 г.

Большинство кончивших курс постепенно поступало на епархиальную службу, поэтому о них сообщались всегда более или менее подробные сведения (чей сын, сколько лет, откуда, не должен ли за содержание) в дух. консисторию. Консистория же почти ежегодно делала запросы к оканчивающим курс, не желает ли кто занять такое-то священническое место (обыкновенно в селе), с условием вступить в брак с такою-то, или на других условиях. Но большею частью воспитанники отказывались от предлагаемых мест. В 1830 г. предписано сообщать Синоду об остающихся еще без места окончивших курс, с целью посылать их в другие епархии. Часто бывали запросы в семинарию, нет ли желающих поступить на

причетнические и певческие должности, в состав той или другой миссии. Еще в 1809 г. вызывались желающие в церковники к учрежденной миссии в Кассель: изъявили желание двое, но консисторией признаны неспособными. В отчете ревизора Филарета (1817 г.) между прочим читаемы «не в обыкновенное время уволены были из семинарии по требованиям в миссии, основанным на Высочайшей воле, некоторые ученики, немного обещавшие семинарии по своим умственным способностям». В берлинскую и константинопольскую миссии вызывались в 1813 г., в первую так же и в 1827 г., в швейцарскую в 1817 г., в пекинскую в 1823, 24 и 28 годах, так же – в парижскую (1816 и 1825 г.), мадритскую (1826 г.), в Штутгарт – во священники (1823 г.), в Грецию (1833 г.), Стокгольм (1835 г.), Париж (1834 г.) и т. п. На эти места еще из учившихся часто находились охотники, но лучших по успехам не увольняли, – Иногда воспитанникам семинарии были предложения на места из других ведомств, но начальство не всегда отпускало учеников. В 1812 г. был запрос из канцелярии госуд. банка об увольнении восп. Филиппова, для поступления на службу в эту канцелярию; но правление отказало. В том же году был вызов желающих в ополчение из низш. отд. Изъявили желание несколько человек, но некоторые возвращены по слабости здоровья. В 1814 г. трое из семинарии, по запросу, определены надзирателями за детьми в Воспитательный дом. Кончившие же курс и не получившие места, как сказано выше, проживали до времени в семинарии и имели известные занятия, подготовляющие к дух. сану, (напр. в 1811 г. было таких 27, из них к 1813 г. осталось 8). Иногда они отправляли за казенный стол должность старших, на основании предпис. Ком. от 9 марта 1834 г., напр. И. Голубев (1834 г.), Ив. Покровский 1-й, Илья Смирнов и Ив. Покровский 2-й (1835 г.), Вас. Благовещенский и В. Варсов (1837 г.); иногда же должность комиссара (В. Музовский 1839 г.). Но иногда и никто из окончивших не проживал в семинарии (напр. в 1836 г.)-

Лучшие из воспитанников поступали в духовную академию, или на духовно-училищную службу. Всех поступивших в дух. академию по 1841 г. включительно было 68 человек. В московскую академию из них поступили лишь двое: Андрей Адамович из высш. отд. в 1836 г. и Иван Надеждин в том же году (из окончивших курс в 1835 г.). Поступивших же в петербургскую академию, по окончании семинарского курса, было 50; из них только два случая поступления в академию второразрядных: Мих. Галицкий (1823 г.) и А-р Кедров (1839 г.), сын певчего придворной церкви великой княгини Марии Павловны, в Веймар, назначенный в академию, по желанию великой княгини, согласно предложению синодального об. прокурора¹⁴³. Затем 10 человек из высшего отделения в 1814 г., по вызову академии, поступили в состав ее 2-го курса¹⁴⁴. Наконец 6 человек поступили из лучших воспитанников средн. отделения (1817–1821 г.); из них 4 по назначению семин. правления, так как в высш. отд. не находилось достойных для отправления в академию, и 2 по прошениям. Большею частью академия вызывала 4-х, но семинарское цравление иногда назначало менее; поступавших же в академию бывало и более 4-х (напр. в 1821 г., 1823 г.), вместе с поступавшими по собственному желанию и иногда со взносом за свое содержание, или «на половинном содержании», до открытия штатных вакансий¹⁴⁵. См. списки (в конце книги).

Относительно избрания учеников семинарии в состав академических курсов, кроме успехов и поведения, предписано было, после того как в 1826 г. из поступивших вновь студентов оказалось очень много больных, – «обращать должное внимание на состояние их здоровья, чтобы ученики расслабленного и ненадежного сложения, или подверженные каким-либо важным болезненным припадкам отнюдь отправляемы в академию не были, под опасением за сие строгой ответственности», с возвращением больных на счет местных сем. правлений. (Предп. ак. пр. от 30 марта 1826 г. подтвержденное от 16 августа 1832 г.)¹⁴⁶ Подобное требование предъявлялось и от других высших учебных заведений. Но, разумеется, суждения врачей в этом случае не всегда могли быть решительны и верны. По случаю сомнения врача и здоровья назначенного в 1833 г. в академию, студента спб. семинарии Б. Долоцкого, внутреннее акад. правление, согласно и с мнением доктора Александрова, положило: «хотя ученик Долоцкий признается врачом сомнительного здоровья, но оказанная им на испытании отличная благоуспешность подает надежду, и то он без особенных усилий и потери здоровья может продолжать курс академического ученья, а потому принять его в число воспитанников академии, предписав впрочем спб. сем. правлению, дабы не избирало в академию студентов сомнительных по здоровья». При этом Долоцкого обещал, в случае

болезни, взять на свое попечение отец его, кафедральный соборный ключарь, свящ. Иоанн Долоцкий, у которого он жил по болезни полгода, еще в 1831 г. Между тем оказалось впоследствии, что студент Долоцкий ни разу не хворал в академии и после в течении целых 35 лет был одним из исправнейших профессоров той же академии. В 1832 г. Ник. Долоцкий, назначенный в педагогический институт, был забракован доктором (по слабости груди), но по предписанию Комиссии дух. уч. не был задержан. Бывало и наоборот: больного доктор признавал здоровым. Воспитанник Гостиннопольский в 1829 г., отправленный в Главный педагогический институт, возвращен был назад, по причине болезни чесоткою и опухоли в ногах, хотя семинарский доктор ранее нашел его здоровым.

Не все поступившие в академию оканчивали академический курс, но из окончивших – 27 получили степень магистра, из них до 10 принадлежат к числу лучших магистров, приобретших впоследствии большую или меньшую известность в духовном и других ведомствах: А–р Рождественский (оконч. в сем. 1813 г. О нем см. стр. 35). Андрей Окулев (из семин. в 1814 г.), 2-го курса магистр и бакалавр спб. ак. ректор ал. -невского, потом петропавловского училища, протоиерей Казанского, затем Петропавловского, наконец Исаакиевского собора, член акад. конференции и дух. консистории, законоучитель Пажеского корпуса. Иван Иванов † (1814 г.) протоиерей, ординарный профессор спб. академии. А–р Максимович † (1814 г.) бакалавр гражд. истории и евр. языка в киевской академии; перешел потом в минист. внутр. дел (тайный советник). Спиридон Гуляев † (1817 г.), ординарный профессор киевской академии. Иван Чупровский † (1823 г.), см. стр. 37. Сергей Орнатский † (1825 г.) – в числе 3-х лучших студентов спб. академии, по предложению М. М. Сперанского, был вызван для изучения законоведения при II отд. собственной Его Величества канцелярии, слушал лекции в спб. университете и затем отправлен в Берлинский университет; по возвращении, со степенью доктора прав, определен профессором энциклопедии законоведения и росс. государственных законов – в московском университете. Гавриил Михайлов † (1827 г.), протоиерей Покровской, в Коломне, церкви. Василий Ив. Долоцкий (1833 г.), заслуженный профессор спб. дух. академии. Иван Скроботов † (1833 г.), протоиерей полковой кавалергардской церкви в Спб. (более 30 лет). Константин Добронравин (1841 г.), законоучитель 3-й спб. гимназии, потом смотритель ал. -невского училища, в сане протоиерея; ныне епископ Таврический (преосв. Гермоген). А–р Никольский † (см. ниже, пер. II)¹⁴⁷.

Отношение семинарии к училищам

Духовные училища уездные, а отчасти и приходские, находились в зависимости от семинарского правления в отношении административном, педагогическом и экономическом.

Поэтому и вся вторая часть «Проекта устава дух. семинарий» посвящена делу управления уездных училищ, зависящих от семинарии, которое состояло: «1) в надзоре за училищами по вступающим из оных бумагам в семинарское правление; 2) в надзоре за оными посредством отряжаемых семинарским правлением чиновников (ревизоров), для наблюдения за производством экзаменов и для обозрения всего относящегося к уездным училищам». Приходские училища находились собственно под надзором уездных¹⁴⁸, но напр. устройство этих училищ подлежало наблюдению семин. правления (Проек. уст. дух. сем. ч. I. § 272), отчасти и ревизия их (§ 298 примеч.); назначение и увольнение учителей происходило также с ведома семинарского начальства, ему же делалось представление в случае нетерпимости ученика в училище и духовном звании (Проект уст. дух. прих. уч. § 67), а семинария о таковых сообщала консистории (Проект уст. дух. сем. ч. II § 268); была некоторая зависимость и по экономической части (Пр. уст. прих. уч. §§ 84, 87, 88) и друг. (§ 12, 30, 39). Семинарское правление с своей стороны могло делать смотрителю те или другие предписания (§ 7). С течением времени приходские училища по большей части сливались с уездными, согласно с 272 § проекта сем. уст. ч. II, или вовсе закрывались.

Первое уездное духовное училище в С. -Петербург открыто в Александро-невской Лавре (стр. 10) на 112 учеников, с утверждения Комиссии дух. уч., изложенного в отношении на имя митрополита Амвросия от 14 февр. 1809 г. Затем по 14 пункту журнала Комиссии дух. уч. от 23 февр. 1809 г., сообщенному и в указе консистории от 17 августа 1809 года, определено новоучрежденному при лавре училищу «оставаться в соединении с семинариею во всех отношениях: нравственном, учебном и экономическом», хотя и с особым начальством и делопроизводством. В силу этого, инспектор семинарии был обыкновенно ректором Александро-невского училища, начиная с Филарета Дроздова, утвержденного 31 июля (1809 г.) по представлению митр. Амвросия, и кончая Антонием Павлинским (1840 г.). В конце 1840 г. назначен исправляющим должность ректора училища магистр моск. академии иеромонах Авраамий Казанский, и с него пошли отдельные смотрители и ректоры училища, тем более, что оно, по переводе семинарии из Александроневского монастыря в новый дом, отделилось от нее; с этого же времени для училища стали назначать и отдельного эконома.

В 1809 же году Комиссия дух. уч. определила открыть и 14 приходских училищ: в С. -Петербурге два – спасосенновское и петропавловское, в уездах – ямбургское, Выборгское, Гдовское, Новолодожское, Кронштадтское, Софийское (или царско-сельское), Шлиссельбургское, Ораниенбаумское, Сердобольское, Лужское (село-запольское), Ревельское, Старолодожское (в старо-лад. монастыре). Уездные училища открывались по мере подготовки учеников приходских училищ к высшим классам, – сначала низшие отделения, потом высшие. Так в февр. 1810 г. открыто петропавл. уездное училище, в присутствии ректора семинарии архим. Анатолия, затем в сент. ямбургское и ладожское. Но некоторые приходские училища, вследствие малочисленности учащихся (от 4-х до 7)¹⁴⁹, вскоре закрывались или соединялись с другими. Так, уже в сент. 1809 г. Ревельское приписано к ямбургскому, Новолодожское к Старолодожскому. В 1812 г. закрыты: Кронштадтское, Софийское, Ораниенбаумское и Шлиссельбургское, а Сердобольское соединено с Выборгским. В 1815 закрыты еще Лужское и Гдовское приходские училища, в 1820 году – Выборгское (где было только два ученика), так что с 1821 г. существовали лишь – Александроневское (уездное), Петропавловское (уездное и приходское), Спасосенновское (приходское), Ямбургское (уездное и приходское) и Ладожские (уездное – Новолодожское и приходское – Старолодожское).

Училища закрывались, по постановлению семинарского правления, с утверждения академического и митрополита. В 1822 г. в семинарском правлении рассматривалось дело по просьбе Старолодожского Николаевского монастыря о выведении из него дух. училища, так как ученики причиняют неопрятность и беспокойство братии. В то же время поступила от монастыря жалоба на инспектора иером. Иезекииля (Цветкова), что он не платит денег в монастырь за свое содержание. От училища получено оправдание, с заявлением о желании

иметь собственный дом, но как это оказалось дорого, то сем. правление постановило и представило академическому о закрытии училища, Академия донесла Комиссии дух. уч., которая и предписала консистории – училище закрыть, разместив учеников, где окажется удобнее, а вещи передать в александроневское училище. Таким образом к концу 1822 г. закрылись и оба ладожские училища, а в 1823 г. открыто приходское – александроневское. В 1824 г. закрыто Спасосенновское приходское училище, в котором было только 4 ученика, по заявлению ревизии 1823 года. Суммы и вещи переданы в ведение семинарского правления; ученики размещены по другим училищам. Остались только три училища – уездные и приходские: александроневское, петропавловское с казанским отделением¹⁵⁰ и ямбургское.

Заведуя назначением и увольнением учителей, иногда по представлению училищного ректора, или переводом их из одного училища в другое, без представления о том на распоряжение акад. правления, но с согласия епарх. архиерея, (сообразно 9 § Пр. уст. д. уч. подтв. в предписании акад. правл. от 20 авг. 1835 г.), семинария была и судебной инстанцией для училищ, полагавшей штрафы на виновных, даже иногда денежный (проект ч., II § 277, 280). Мы позволим себе привести несколько фактов: хотя они, может быть, и некрасивы, как и вообще разные следственные кляузные дела, но с одной стороны служат к характеристике тогдашних училищных педагогов и вообще положения дух. училищ, с другой показывают, насколько сем. правление должно было отвлекаться этими, сторонними для него и иногда не имеющими прямого отношения к педагогическим делам. В январе 1822 г., учитель староладожского училища, священник Матвей Вещезеров, уволенный по отметке смотрителя в послужном списке («должность проходит без усердия и впредь не подает о себе хорошей надежды»), жаловался семин. правлению, что «эта отметка есть нечто (sic) иное, как следствие его (смотрителя) ко мне (Вещезеру) ненависти, которую он и прежде сего неоднократно обнаруживал весьма оскорбительными и незаслуженными мною, выговорами, как словесно делаемыми, так и письменно, и даже к большой моей обиде на журнале классическом изъясненными». При этом учитель ссылается на прежние о нем рекомендации и ревизии. Семинарское правление оставило его учителем до усмотрения, переведши на место уволенного без аттестата от должности учителя приходского училища И-ского, обвиненного в пьянстве и педерастии. Об этом последнем было особое дело и следствие. Через год, когда следствие освободило И-ского от уголовного суда, он просил семин. правление о выдаче ему аттестата, для поступления в светскую службу, но правление представило дело на усмотрение митрополита Серафима, который словесно дал такое решение: «так как учитель И-ский по собственному своему желанию решает поступить в монастырь, то пусть во времени получит свидетельство от начальства той обители, в которой будет жить. Аттестат же его по должности учителя, приложенный при сем представлении, хранить при деле, впредь до рассмотрения». В аттестате он значится «поведения порядочного». – В 1821 г. возникло дело о растрате в 1819 г. смотрителем ладожского уездного училища свящ. А. С-вым 609 р. 64 к. Из них взыскано к 1826 г. 249 р. 7 к., а остальные прощены на основании манифеста, от 1 янв. 1826 г. – В 1822 г. производилось дело о пропаже в ладожском училище 1565 руб., о чем доведено было до сведения Комиссии дух. уч., которая предписала уволить от должности ректора с инспектором за нерадение о хранении казенных сумм и произвести следствие чрез консисторию, после чего положено было взыскать с них означенную сумму. При этом привлечен к ответственности и учитель свящ. Вещезеров, вследствие подозрения училищного начальства, но признан после (в 1830 г.) сем. правлением к делу неприкосновенным. В авг. 1823 г. правление представляло академии, что при всех мерах с бывшего смотрителя училища остались невзысканными 1242 руб. 97 кои. Учитель же Вещезеров просил Комиссию дух. уч. о выдаче ему удержанного жалованья. Дело это тянулось до 1834 г., и семинария дала отзыв на прошение Вещезерова, что остаточных сумм для выдачи ему удержанного жалованья не имеется. – В 1837 г. инсп. ал.-невского училища протоиерей Пав. С-ов, по донесению училищного ректора, инсп. сем. Антония, уволен от должности за безвременные отлучки, неисправность, нетрезвость и времяпровождение «с особами сомнительного поведения». Отослан был в Рождественский Коневский монастырь.

В том же году смотритель ямбургского училища, протоиерей С. Р-ский был под судом за неисправность и противозаконные действия, по доносу инспектора училища И. В-ева; в свою очередь смотритель рекомендовал инспектора, как человека безнравственного поведения и

потом доносил, что он не подчиняется приказаниям смотрителя, уехал без его ведома в Петербург (между тем сам смотритель выдал ему билет и знал, что инспектор находится в с-петербургской семинарии, при производстве экзамена ученикам, поступавшим из ямбургского училища в семинарию); доносил также, что инспектор употребляет в услужение себе учеников, (хотя, при расследовании, смотритель не мог доказать этого документально). Семинарское правление, по предписанию академического, должно было, рассмотрев это дело, донести без промедления о его ходе и окончании. Сначала смотрителю даны были вопросные пункты и на основании его ответов замечены важные беспорядки по училищу, поэтому постановлено было послать в училище ревизора, тем более что перед этим ревизии не было 8 лет. В качестве ревизора и следователя отправлен был инспектор семинарии о. Антоний. По следствию оказалось, что инспектор В-ев был оклеветан смотрителем, напр. будто он несколько лет не был на исповеди и у св. причащения, не ходил в церковь и был неисправен по письмоводству; смотритель же признан виновным в небрежном ведении хозяйства и книг, в недобросовестности, а также в растрате сумм.

Между прочим ученики семинарии всех отделений, раньше учившиеся в ямбургском училище, были допрашиваемы в 1837 г. в присутствии сем. правления, касательно деятельности и исправности смотрителя и инспектора и показали:

«Классы посещает смотритель не более 4-х раз в году. Наказывает учеников жестоко, часто без вины, единственно по прихоти «нередко собственноручно (так он собственноручно часто наказывает учеников в бане, заметив у них чесотку на теле). Пища бывает вообще негодная, именно: щи варятся из серой капусты, иногда и с сметками, но до такой степени гнилыми, что ученики выходят из столовой едва отведав кушанья; хлеб подается большею частию сырой и тот в малом количестве, так что ученики принуждены бывают покупать его на собственный счет, (это, впрочем, смотрителем строго запрещено). Говядины за ужином не бывает, и порция подаваемая за обедом несравненно менее порций, подаваемых за обедом и ужином здесь в семинарии; притом говядина большею частию бывает солонина. Рыба бывает только один раз в году. Каша готовится из круп затхлых. Суконные сюртуки выдает (смотритель) ученикам большею частию старые, шлафроки шьются каждогодно мухояровые. Сюртуки выдает смотритель ученикам только на время богослужения и, если отбирая их заметит на чьем либо сюртук оторванную пуговицу или другое что-либо, – жестокому подвергает наказанию виновного. Сапогов выдает по две пары на ученика в год без всякой починки, от того ученики в летнее время ходят большею частию босые. Белье выдает в разное время, когда настает уже крайняя нужда переменить его за ветхостию, и получивший оное должен расписаться за большее его количество нежели, какое получил, так напр. получив пару белья. должен расписаться в получении трех пар; кроме того ученики часто расписываются в получении таких вещей, которых никогда не получали, напр. не получив совсем головок, косынок, жилетов, носков, а иногда и фуражек, ученики принуждены расписываться в получении. Ученики расписываются часто не зная того, в чем расписываются, и притом одни ученики иногда расписываются в получении какой либо вещи за другого; напр. за Гронского расписывался Петр Логиневский, за И. Тихомирова А. Соловьев. Бумаги выдает по 12 листов в треть года, перьев по 3 штуки в треть. Прислугу по училищам составляет один повар, которому впрочем помогает иногда служитель смотрителя. Естественно, что ученики поэтому сами исправляют должности служителей как-то: носят воду, дрова, топят печки, метут классы и пр. Инспектор Васильев по инспекторской и учительской должностям совершенно исправен; с учениками обращается вежливо, с учителями живет согласно. Впрочем в церковь с учениками не ходит, не исповедуется с ними и св. таин не приобщается. Еще показали, что смотритель часто бывает нетрезв и в этом вид нетрезвом посещает комнаты учеников и наказывает их нещадно. Инспектор же, напротив, всегда бывает трезв и ничего подобного не делает. Показание подписано семью воспитанниками семинарии: 1 высш. отд. 2 средн. и 4 низш. Верность засвидетельствована секретарем сем. правления Ив. Крыловым. Учителя ямб. училища, допрошенные ревизором Антонием на месте, также показали против смотрителя, что классов почти никогда не посещает и на свои уроки почти не ходит, а ходят за него или другие учителя, или дьячек Лекарев и т. д. Напротив, инспектора одобрили. 16 вопросных пунктов предложено было ревизором самому смотрителю, потом еще 6 и 5.

Лучшие по поведению и рекомендованные училищным начальством ученики высш. отд. ямб. училища допрашивались и показали в пользу инспектора и против смотрителя, что он по классам не ходит, большею частию бывает нетрезв и необыкновенно жестоко сечет учеников, особенно за оторванные пуговицы на старых даже шлафороках; в бане сечет своими руками и т. п. Подписано 7 учениками, которые все, по замечанию ревизора, имеют 16 лет.

На запрос ревизора, почему смотритель, несмотря на неоднократные требования ревизора, не явился к нему, он подал объяснение, написанное совершенно безграмотно и без смысла, и ревизор написал на объяснении карандашом: *O nos miseros, a quibus sunt legenda haec, tain aliena sens... hun...*

Вопросные пункты даны были и инспектору, который с своей стороны также подавал объяснения, ссылаясь на разных свидетелей. Об нем ревизор спрашивал и земского исправника, и почетного смотрителя ямбургских нар. училищ мин. нар. просв., и даже отца его; все дали одобренный отзыв.

Постановлено, согласно с предписанием акад. правления в июле 1838 г. – ректора уволить, а инспектору сделать выговор за то, что вовремя не донес о беспорядках, и внушение об аккуратности. Предположено было далее закрыть училище и перевести учеников в С.-Петербург, но Комиссия дух. учил., пока не нашла этого нужным; в Ямбург назначен был новый ректор, профессор казанской духовной семинарии, магистр спб. академии 1837 г. Ник. Содальский. Протоиерей же Р-вский в 1839 г. подавал с своей стороны жалобу на инспектора семинарии Антония, что он по ревизии «очернил его перед высшим начальством по пристрастию к инспектору ямбургского училища И. Васильеву». Правление семинарии снова должно было разбирать это дело и требовало объяснения от Антония, которое и признано вполне удовлетворительным и во всем согласным с подлинным делом, в свое время рассмотренным в семинарском правлении и представленным в академическое. Жалоба оставлена без последствий. Но мир в ямбургском училище не водворился: новый ректор в 1839 г. доносит на инспектора Васильева, что он «производит неприятности в училище». На запрос же семинарии, какие именно? – ректор просил не давать хода его донесению, так как «неприятности в настоящее время совершенно пресечены и оные были более частные». Семинарское правление решило оставить дело без последствий; но ректору сделало внушение, чтобы вперед был осмотрителен при подобных донесениях. Последствия показали, что и правление поступило не дальновидно, оставив В-ва на прежней должности. В 1841 году видим новую жалобу на него от ректора ямбургского училища Содальского, что он самовольно уезжал из Ямбурга, по классу, как учитель, не совсем исправен, оскорбляет ректора и учителей. В свою очередь Васильев жаловался на ректора, что он самовольно устранил его от экономической отчетности и от инспекторства. На этот раз семинарское правление, не разбирая жалоб по существу, признало справедливым устранение Васильева от инспекторства, в виду того, что «несогласие, существующее между ними препятствует надлежащему управлению училищами». Васильев приехал в Петербург и подал новое заявление о злоупотреблениях ректора, который должен был отписываться. Снова назначен был в 1842 г. ревизор в ямбургское училище – священник казанского собора Андрей Окунев, член академической конференции. Признав ректора не совсем исправным, относительно бывшего инспектора В. ревизор отозвался, что он «своим малообдуманном обращением с священником Кедровым, (исправляющим должность инспектора), и ректором Содальским отчасти вредит им». Он «был бы почти прав, если бы уважительнее обращался с училищным начальством и если бы иногда тоже не сек без строгого разбора учеников и не употреблял их себе в услужение, позволяя тоже делать и другим». Семинарское правление, признав относительно ректора «слабость надзора и открывшиеся за ним неисправности, хотел уволить его, но принимая во внимание предположение о закрытии училища, ограничилось только строгим выговором. Васильева же постановило уволить. Оба они по этому поводу подавали объяснения, которые, однако же, не приняты во внимание. Васильев жаловался даже обер-прокурору св. Синода. Академия должна была проверить дело и поставила на вид семинарскому правлению некоторые с его стороны недосмотры и противоречия: правление отписывалось, отсюда возникло несколько новых дел; но увольнение Васильева все-таки признано справедливым. – В 1837 г. и от начальства александровского училища поступило донесение на учителя Алексея Филиппова, письменно нанесшего оскорбление училищному

начальству. В своем письменном объяснении подобное же оскорбление он нанес и семинарскому правлению. Хотя по резолюции митрополита, Филиппов и просил прощения, но был призван в семинарское правление для внушения, с угрозой увольнения от должности, при повторении подобного случая. В 1842 г. этот учитель, действительно, был уволен, вследствие новой на него жалобы, за неуважительное отношение к начальству.

С другой стороны, правление в известных случаях ходатайствовало за служащих в духовных училищах. Когда в 1812 г. предписано было от Комиссии дух. уч., вследствие ревизии в гдовском училище, уволить некоторых учителей, то смотритель представлял семинарскому правлению о их пригодности и способности, тем более что и сам ревизор признал достойными перевода в следующий класс 25 учеников этих учителей. Семинарское правление признало это уважительным и сделало представление академическому, но последнее отклонило это дело, уже решенное Комиссией дух. уч. В 1832 г. Комиссия отказала в квартирном пособии учителю ал. невского училища Скворцеву, так как он не выслужил 4-х лет. Сем. правление, войдя в бедное положение учителя, снова представило его к квартирному пособию, на основании примеров, бывших в 1829 г. Разрешено выдать 200 р. В 1834 г. семинарское правление ходатайствовало о награждении инспектора петропавловского училища, соборного ключаря Ев. Долоцкого орденом Анны 3-й ст. по выслуге им 21 года в училище. Назначение же ему пенсии за 20 лет, о чем он просил, признало невозможным, так как он оставался еще на службе. В 1835 г. новый инспектор и учитель петропавловского училища Андрей Павловский, определенный к церкви Государственного контроля, желал остаться и в училище. Консистория спрашивала мнения семинарского правления, которое, несмотря на мнение викария Венедикта (Григоровича) о необходимости увольнения Павловского – хотя от инспекторства, нашло возможным оставить его при прежних должностях, согласно его прошению и по сношении с учил. ректором, прот. Кочетовым. Митрополит утвердил мнение правления. В том же 1835 г. правление дозволило учителю Александроневского училища Александру Петрову пользоваться казенным ученическим столом за 75 р. в год.

По педагогической части – семинарское правление должно было заботиться о снабжении духовных училищ книгами, которые выписывались первоначально из московской синодальной типографской конторы, и делало те или другие указания и внушения училищным педагогам. В 1813 г., по предписанию академического правления, был запрос от семинарского по училищам – о недостатках с обеих сторон проекта устава дух. училищ. Большею частью училищные начальства признали проект удовлетворительным, но иные указали его недостатки. Напр. ректор Александроневского училища Феофан, как и ректор ямбургского училища, заявил о необходимости увеличить уроки по греческому и латинскому языкам, исключить из училищного курса всеобщую историю, по затруднительности предмета и отсутствию надлежащего учебника, сократить число уроков по русскому языку, но по славянски учить и в высшем классе; сократить так же курс священной истории. Семинарское правление с некоторым изменением представило это мнение академическому. – Заведя принятием и исключением учеников, или зачислением исключенных приватными, семинария малоуспешность учеников училищ по тому или другому классу всегда имела предметом особого внимания, особенно с конца 30-х годов, когда нередко бывали запросы в сем. правление об училищных воспитанниках из Духовно-учебного управления. Напр. когда в 1831 г. несколько учеников ямбургского училища на испытании в семинарском правлении оказались неспособными к поступлению в низшее отделение семинарии, особенно по латинскому языку, и были возвращены в училище, – последовал запрос о причинах малоуспешности учеников по латинскому языку. Учитель сослался на рассеянность учеников во время каникул, но это признано неосновательным и поставлено на вид учителю. Впрочем, в деле наблюдения за успехами в училищах особенное значение имеют ревизии, о которых сказано будет ниже.

Что же касается поведения училищных воспитанников, то оно постоянно являлось предлогом к сношениям училищ с семинарией, помимо ежемесячных донесений училищных начальств о поведении учеников. Самым распространенным пороком в училищах является бегство из училища и отсутствие на более или менее продолжительное время. Ревизор ямб. училища свящ. Иоанн Смирнов (1819 г.) писал в своем донесении семинарскому правлению между прочим следующее: «многие из учеников, отправясь в дом родителей на вакационные дни,

проживали там очень долгое время, так что некоторые не являлись в училища около полугода, а некоторые и целый год. Ректор училищ и учителя жаловались на сие опущение, по которому и лучшие ученики, по прибытии в училища, не могли сравниться с посредственными; и потому должны были или на другой курс оставаться в том же отделении, или поступать, по исключении, в епархиальное ведомство. Сие опущение в учениках замечено и обозревающим. Ректор училищ для прекращения оного предпринимал свои меры: яко член Ямбургского духовного правления, он высылал учеников из домов родителей по ямбургскому уезду, а к прочим писал письма и другие употреблял меры, но все остаются безуспешны. Ибо ученики в оправдание свое представляли училищу свидетельства в том, что они в продолжении просроченного ими времени были больны. Должно думать, как уверяет и ректор училищ, что некоторые родители, для коих тягостно содержание детей в училище, нарочито задерживали их в домах своих, дабы дети их скорее поступили к исключению».

Семинарское правление постановило: «употребить с своей стороны понуждения чрез посредство дух. консистории», а относительно бурсаков и полубурсаков сделать угрозу, что они «за таковую отлучку – будут лишаемы впредь казенного содержания».

Сбежавший из александроневского училища в 1827 г. И. Ксеномонтапов отыскан был чрез несколько времени в новгор. Юрьевском монастыре, с другим товарищем И. Соколовым. Тогда же были еще подобные случаи. Напр. исправлявший должность ректора александроневского училища, иеромонах Исидор представлял сем. правлению об ученике Н. Голубеве, что он «по причине неоднократной самовольной отлучки, сделался почти нетерпимым в училищном ведомстве, впрочем взяв во внимание его сиротство и то, что в настоящее время он занимается классическими делами и живет смирно, училищное начальство в надежде исправления его, полагает оставить уч. Голубева до 1-го экзамена». Правление согласилось. Любопытны показания училищных беглецов, которые они давали, по требованию семинарского правления.

Вот напр. показание ученика низшего отд. петроп. училища Ал-я Смирнова, где и как он провел время своего побега из училища и чем занимался. Вероятно, показание было словесное, но записано училищным начальством и препровождено в семинарское правление, (где получено 14 окт. 1836 г.) «После побега моего 21 сент. вместе с товарищем моим Вас. Никитиным, по взаимному согласию, во весь тот день мы ходили по городу без всякой цели и ночевали на Волковском кладбище в сарае, принадлежащем к богадельне; на другой день побега ходили мы по Волковскому полю и заходили на бойни, не столько для любопытства, сколько для того, чтоб устраниваться от поисков. Никитин в этот день от меня отлучился в то самое время, как замечены мы были моею матерью, которая хотя и кричала, бежа вслед за мною, что бы я воротился к ней, однако же из боязни наказания я ее не послушал и скрываясь кое-где в городе, я опять возвратился на ночлег и ночевал на том же кладбище, у дьякона в сарае, куда я и во все время своего побега ходил на ночлег постоянно, как в место более мне известное и безопасное, дни же проводил, в часы службы, в церквях, а прочее время или в птичьем и толкучем рынках, или на сенной, и вообще там, где по многолюдству представлялось мне более удобства скрываться и быть в безопасности от поисков. Чтоже касается до пропитания, то для сего сначала продали мы с Никитиным взятые с собою шинели свои, после же, когда уже мне нельзя было достать денег и продать было нечего, а потому и есть было не на что, ходил я по огородам и питался там морковью, репою и кочерыгами, хлеб же испрашивал от нищих, которые из сожаления давали мне иногда и по порядочному куску. Боровством нигде и никаким я не занимался и далее города не ходил никуда. Бежал же из училища не столько по собственному какому либо побуждению, сколько по внушению товарища моего Вас. Никитина, который беспрестанно писал ко мне даже и записки о том, чтоб скорее сбежать с ним из училища и дабы веселее провести время побега своего вместе. Все сие показал я по самой сущей правде, в чем и подписуюсь. Петроп. дух. уезд. учил. низш. отд. ученик Алексей Смирнов.» – Были исключены оба.

Другой ученик того же училища Ив. Криницкий, в 1835 году бывший полтора месяца в бегах, показывал: «бегал же я, как в сей раз так и прежде, по той собственно причине, что я чувствую себя совершенно неспособным к учению и чрезвычайно отягощаюсь ученическими занятиями. Хотя я и выучиваю уроки, но всегда с великим трудом и по большей части не понимая содержания оных; при своих слабых способностях я совершенно потерял склонность

к учению, так что если еще долгое время должен буду оставаться в училище, то не могу ручаться за исправность своего поведения. Всячески желал бы я, чтобы меня исключили из училища, и это желание было единственной причиной моего бегства, что все и показываю по сущей справедливости». Семинарское правление предписало: исключить, как неподобающего никакой надежды к исправлению, при окончании учебного года, (до чего оставалось около двух месяцев).

И. Воскресенский, ученик низш. отд. уездного ал. невского училища, несколько раз самовольно отлучался, наконец 12 марта (1837 г.) ушел опять «с товарищем М. на Апраксин двор для продажи книг сего последнего; отсюда пошли они в 3-ю адмиралтейскую часть к знакомому фонарщику и, пробыв здесь несколько времени, на ночлег отправились в харчевню к триумфальным воротам; 13-го числа возвратились опять к фонарщику и в тот же день, наняв подводу до села Бабина, новгор. губ., провели ночь в Ижоре; 14-го пообедав в Тосне к вечеру приехали в Бабино, где и ночевали; отселе 15-го пошли пешими, три дня находились в дороге и проводили ночи в деревнях, им неизвестных; 18-го пришли в Новгород, где проживали до 21-го на постоялом дворе; 22-го пошли в монастырь св. Антония и к вечеру перешли на другой постоянный двор, где товарищ Воскресенского оставил его. 24-го по советам одного дворника, он, Воскресенский, отправился в Юрьев монастырь к о. архим. Фотию, где живя более недели, по убеждению его высокопреподобия, явился в полицию, в которой и содержался в продолжении недели; отсюда, 6-го апреля в числе арестантов отправлен был в здешний Ордонанс-гаус, где находился сутки; 17-го числа переслан в Каретную часть, в которой провел двое суток, наконец 19-го был взят отцем своим (из сельских), у которого проживал по 27 апр. Правление предписало: «ученика Воскресенского за побег его и бродяжество наказать соразмерно преступлению и сделать надлежащее внушение». Но он, по донесению училищного начальства, «в присутствии отца своего объявил оному, что продолжать учение ни под каким видом не желает и наказания начальства принять не хочет». Предписано исключить и отослать в консисторию «за вины его довольно важные тем более, что сам решительно объявил своему начальству о нежелании продолжать учение и отвергает меры, предпринимаемые начальством к его вразумлению и исправлению».

Но не видно, чтобы начальство старалось вникнуть в существенные причины такого явления, кроющиеся, вероятно в условиях быта бурсаков, хотя семин. правление еще в 1827 г. положило придумать «меры к удержанию учеников от бегства». Иногда бегство из училища имело уже не просто только характер наивности и ребячества, но соединялось с более или менее крупными проступками. Так, в 1832 г. исключенный ученик высш. отд. александроневского училища Алексей Логиневский (армейского ведомства) и вновь принятый приватно, по предписанию семинарского правления, согласно желанию оберсвященника Мансветова, – самовольно отлучился из училища, захватив с собою казенные подушки, простыни и даже несколько книг товарищей и скрылся. По сношении с обер-священником Мансветовым оказалось, что он до 6 раз ночевал в его доме у псаломщиков, затем скрылся, неизвестно куда. Правление постановило препроводить его к обер-священнику, когда он возвратится в училище, а тот решил отдать его в военную службу. – В 1839 г. ученик высш. отделения петроп. училища Жв. Ареновский неделю пропадал. Оказалось, что он похитил у служащего при Петропавловском соборе солдата 6 руб., издержал их на лакомства и зрелища (на Пасхе) и боясь ответственности намеревался уйти к родственникам, в ладожский уезд, но на пути (пешком), в Шлиссельбурге был задержан одним родственником и препровожден в училище. Училищное начальство спрашивало сем. правление, что делать с этим учеником: исключить его, или наказать розгами при всех воспитанниках, сделав притом надлежащее внушение и угрозу? Семинарское правление предписало последнее. Подобное же было и относительно двух учеников александроневского училища.

Попечительность семинарии об училищных воспитанниках не ограничивалась, впрочем, только отрицательными и карательными мерами. По предписанию академического правления (1811 г.), семинария должна была внушать ректорам и смотрителям дух. училищ следовать «движению доброго сердца, заменяя сиротам место их родителей и ближних своими о них попечениями». Это – вследствие ревизии, нашедшей, что учеников училищ плохо содержат. Поэтому расходы на содержание их увеличены до 4000 руб. (на бурсака 70 руб., полубурсака 40 руб.) В 1811 г. предписано чрез семинарское правление ректорам и смотрителям дух.

училищ петерб. епархии, «дабы старались родителей и родственников ученических склонять к совокупному помещению и содержанию юных их питомцев, по примеру ямбургского училища». Некоторые из училищ находили к этому затруднения, напр. лугское, смотритель которого, священник Галактион Варсов делал представление сем. правлению и просил об исходатайствовании 1000 руб. на постройку дома, перевод же училища в самый город Лугу из села Заполья находил невыгодным по большой дороговизне содержания; правление согласилось с этим, училище оставлено в селе Заполье и на построение дома решено выслать 1000 руб. (1814 г.) – Возбуждение дела об употреблении учеников в услужение инспектором ямбургского училища – факт по тому времени заслуживающий внимания, так как и в более позднюю эпоху услужение учеников в училищах практиковалось, хотя уставом и было запрещено (Пр. уст. прих. уч. § 73)¹⁵¹. В 1823 г. регенту митрополичьего хора Качановскому от правления запрещено было наказывать училищных воспитанников, (не говоря уже о семинарских), при обучении пению, телесно, под опасением ответственности, на основании § 69 уст. уезд. дух. уч., а только штрафовать, а о важных проступках доносить училищному начальству. Для наблюдения же за певчими с 1816 г. определялся особый надзиратель, с условием жить в семинарском помещении, на иждивении Лавры. В 1821 г. певчие подчинены еще и особому надзору семинарской инспекции. Ревизор ямбургского училища свящ. Смирнов (1819 г.) обратил особенное внимание на то, что в учениках не замечается «ни дикости или чрезмерной застенчивости, ни чрезмерной смелости, похожей на дерзость: но в них господствует какая-то мягкость сердец и откровенность, но которой они свободно отвечают на вопросы начальников с какою-то к ним доверчивостию». В этом отношении он особенно рекомендует исправляющего должность смотрителя прот. Матвея Афанасьева, который «соединяет в себе отеческую попечительность с начальнической важностью и строгостью к ученикам». В 1829 г. семинарское правление имело рассуждение об ученике приходского класса М. Д–ском, который, по донесению училищного начальства, подвержен был сильным мочеиспусканиям не только в сонном, но и в бодрственном состоянии. Семинарский доктор не находил удобным лечить его в своей больнице, родные же отказались взять его к себе по многосемейности. Правление определило поместить его на казенный счет в клинику для излечения. – В 1834 г. назначен помощник инспектора в петропавловское училище, а в 1837 г. и в ал. невское, по представлению учил. ректора Антония. При перестройке петропавловского училища, в 1837 г., учебные комнаты отделены от спальных и явилась необходимость усилить надзор за учениками. По представлению училищного начальства, семинарское правление признало полезным учредить особых надзирателей или гувернеров и представило на утверждение митрополита трех кандидатов на эту должность из окончивших курс семинарии, которые и утверждены. На будущее же время вообще постановлено назначать надзирателей в училище. В 1840 г. дозволено допускать надзирателей к исправлению учительской должности в 1-м приходском классе.

Принятие училищных воспитанников на казенное (бурсачное или полубурсачное) содержание зависело так же от усмотрения сем. правления, которое пересылало и деньги на содержание и соображалось при этом с теми или другими педагогическими и экономическими условиями. В 1815 г. положено на бурсака 110 р., а полубурсака 75 р. для спб. епархии, по представлению семин. правления. В 1823 г. мещанин Фрол Алексеев подал прошение митрополиту о принятии племянника его И., сына бывшего колпинского дьякона, который был болен помешательством, – на полный бурсачный оклад в училище. Митрополит написал: «семинарскому правлению рассмотреть; и буде можно: то сиротствующего диаконского сына определить на полное казенное содержание». Семинарское правление решило, что ученик И. не может быть принят прежде усмотрения его успехов и поведения; но при этом, по просьбе дяди, вошло в сношение с консисторией, чтобы она предоставила сироте пансион его умершей матери. – Относительно принятия на казенное последовало ограничение, но предписанию акад. правления в 1817 г., – «принимать на бурсачные и полубурсачные оклады только тех учеников, кои имеют образовать себя для духовного, а не гражданского звания». По штатам 1820 г. на бурсака полагалось 150 р., а полубурсака 75; но из сем. правления иногда высылались менее, вследствие разных затруднений. В 1825 г. семинария объявила к сведению, что, по недостаточности бурсачной суммы, «семинарское правление не может удовлетворить многим бедным ученикам, не взирая на просьбы их, назначением какого-либо

пособия в содержании». В 1829 г. количество бурсаков и полубурсаков, по представлению семинарского правления, увеличено в духовных училищах на 50, и к 7650 руб., отпускаемым из Комиссии дух. уч., прибавлено еще 3600 руб. Оклады бедных учеников иногда разделялись по немногу между несколькими, поэтому было даже особое предписание (от 2 янв. 1833 г.), в котором сказано, что оклады «не должны дробиться на участки слишком мелкие, неудовлетворительные для нуждающихся» и должны распределяться «уравнительно с разными степенями бедности, замечаемыми в разных учениках». В 1835 г. правление сем. представляло высшему начальству, что находящихся в его ведении бурсачных сумм весьма недостаточно для содержания учеников, по причине множества бедных учеников и по дороговизне жизненных потребностей, так что для одних петропавловских и ямбургских училищ во 2-й половине 1834 г. не достало 4451 р., не говоря уже об александроневских. Еще в 1832 и 33 годах семинария с этою целью заимствовала из сумм, принадлежащих Комиссии дух. уч., 2612 р. 52 к. (т. е. остатки классовых и профессорских окладов) и из своих экономических – 11810 р. 36 к., «кои числятся в долгу на александроневском училище». Прося о сложении этого долга, правление просило и о высылке из Комиссии дух. уч. означенных 4451 р. и сверх того, в дополнение к штатным суммам на содержание бедных учеников училищ 5000 р. одновременно, а также об увеличении бурсаков и полубурсаков, по 25 человек тех и других.

Правление по этому поводу получило во 1-х выговор, за недостаток распорядительности и неточность в исполнении существующих правил, так как оно должно было сократить число казеннокоштных, не делать заимствований из экономических сумм, в два года более 14000, соображаться с количеством наличной суммы и делать строгий выбор из учеников, нуждающихся в казенном содержании. Но постановлено при этом – вышеозначенный долг не числить на училище; вместо единовременной прибавки, отпускать ежегодно в добавок вновь потребную сумму на 50 бурсаков и столько же полубурсаков, с подтверждением, чтобы правление никак не выходило из штатного положения и заботилось не столько об умножении числа казеннокоштных, сколько об улучшении содержания их; относительно же 4451 р. – потребовать новых, более обстоятельных объяснений. Впоследствии (1842 г.), по делу об увеличении бурсачных окладов в петроп. уч., предписано: руководствоваться предписанием Комм. дух. уч. 1835 г. (т. е. иметь 100 полных казенных и 100 половинных, с прибавкой еще 26 полных и 4 половинных) и прибавки более не допускать. – В 1841 г. ямбургское училище просило семин. правление ходатайствовать о восполнении недостатка штатных сумм, по случаю дороговизны на все жизненные потребности, в размере 572 р. 7 к. на содержание учеников и дома. Семинарское правление представляло об этом чрез академию обер-прокурору. Синод разрешил, с внушением, чтобы училище на будущее время «старалось не выходить из штатного положения». – В 1831 г. на исправление двух домов ямб. уч. исходатайствовано 7273 р. 20 к. В 1837 г. правление ходатайствовало о высылке единовременно до 3080 р. для петроп. училища на разные нужды, после обновления училищных зданий в этом году, при содействии купца Эртова; новые здания свидетельствовали проф. А. Михайлов и С. Галахов. В 1841 г. семин. правление, по запросу Духовно-учебного управления, представляло, что недостаточно будет суммы, назначенной по штату на содержание дома александроневских училищ, по переводе семинарии в новое здание. Действительно, с отделением училищной экономии от семинарии, утвержден новый штат по содержанию дома александроневских училищ, и определен особый эконом (бывший семинарский – А. Петров) особый при нем письмоводитель. Но приходо-расходные книги училища представлялись всегда на ревизии семинарскому правлению. Для ревизий училищ семинарское правление, согласно с уставом (§ 283), отряжало не только своих членов, но и посторонних лиц из монашеского, или белого духовенства, «коих деятельность, просвещение и благоразумие не подлежат сомнению», снабжая их надлежащею инструкцією. Инструкцию ревизорам в 1-й раз встречаем в 1817 г. В ней указываются различные стороны 1., внутреннего управления уездных училищ «по учебному, нравственному и экономическому отделению» 2., внешнего управления, т. е. по отношению уездных училищ к приходским, в частности – о бурсе, состоящей при училищах и вообще об обоих училищах. В 20-х годах инструкция пересматривалась. Первые четыре пункта этой инструкции – о производстве испытаний – представляют выписку из проекта уст. дух. сем. (ч. II. §§ 288, 289, 290 и прим ч. к

§ 282). Затем выписаны дальнейшие параграфы о способах обозрения устройства и порядков училищ. Наконец следующие последние три пункта инструкции уже представляют нечто сверх сказанного в уставе. «13. (Ревизор) имеет наблюдать: были ли преподаваемы с особенным вниманием предметы, существенно относящиеся к духовному образованию и церковному служению и пению, и ученики, переходя в высшие классы, не переставали ли в свободные от учения дни заниматься чтением и пением в церквах, по распоряжению, какое по местным обстоятельствам за удобнейшее признано. 14. Для точности в испытании учеников, назначаемых к переводу в высшие классы, (ревизор) имеет употреблять в пособие тех учителей, к которым они по переводу должны поступить, которым и наблюдать, чтобы к переводу избираемы были достаточно приготовленные в низших классах. 15. Имеет наблюдать, знание латинского языка, в приготовляемых к переводу из уездного училища в семинарию, доведено ли до того, чтобы они знали синтаксис сего языка совершенно и могли как переводить с оного и на оный, так и разуметь говорящего на оном и отвечать». – Закрывание училищ происходило иногда на основании бывших в них ревизий. – В 1815 г. ректор Иннокентий обозревал петропавловское училище и остался доволен, особенно ректором Стахией Колосовым и инсп. Ив. Долоцким. В 1817 г. Александроневское училище хотя оставлено без обозрения, но на экзамене присутствовал ректор семинарии архим. Иннокентий. В 1817 г. инспектор семинарии Поликарп обозревал петропавловское уездное училище и сделал одобрительный отзыв; а новолadoжское, по назначении семин. правления, обозревал бывший инспектор Ал. невского училища, свящ. Мих. Логановский. В 1819 г. ябургское училище ревизовал профессор семинарии, священник морского Богоявленского собора Иван Смирнов: ректор и большинство учителей после его ревизии получили денежные награды. Новолadoжские училища тогда же ревизовал священник Мариинского института Мих. Благовещенский, «по известной правлению способности его к исполнению такового препоручения», так как он был прежде инспектором и учителем Ал. -невского училища. Александроневское и петропавловское училища обозревал ректор сем. архим. Поликарп. В 1821 г. по мнению правления семинарии, на испытаниях в ал. невском училище будет присутствовать ректор академии Григорий», так же как и в 1823 г. Петропавловское в 1821 г. и Спасо-сенновское должен был обозревать иером. Андрей, новолadoжское уездное и старолadoжское приходское – свящ. Ив. Смирнов, ябургские – оставлены без обозрения; но в 1823 г. обозревал их инспектор семинарии Феодосий, а ректор Поликарп – петропавловское. Ректор семинарии Антоний ревизовал александроневское и петропавловское училища в 1827 году и дал одобрительный отзыв; инспектор Савва, тогда же ревизовавший ябургское училище, указал значительные там опущения. В 1829 г. его обозревал проф. Мелиоранский и нашел беспорядки по экономии. Член академической конференции, протоиерей Тимофей Никольский ревизовал александрон. и петропавл. училища в 1833 г., в ябургском же ревизии не было. В 1835 г. в те же училища назначены были присутствовать на экзамене ректор сем. Макарий и учитель словесности Григорий Смирягин, для испытания учеников высш. отделения преимущественно по латинскому языку. Учитель этого языка Гавр. Розов (старший кандидат спб. акад. 1831 г.) представлен, как особенно рачительный в исполнении учительской должности и получил благодарность от семин. правления. Те же лица, с присоединением еще другого профессора словесности Крылова, производили экзамен в означенных училищах в 1837 г. Профессора словесности назначались в виду того, что под их преимущественно руководство поступали переведенные из училища. В ябургском же училище в 1837 г. и экстренно в 1838 г. ревизором был инспектор Антоний, который, указав замеченные им недостатки, как-то: неисправное посещение классов учениками и учителями, нечистоту в комнатах, недостаток прислуги, небрежность смотрителя, неудобства зданий училищных и самой местности, представил мнение о закрытии и переводе училища в Петербург. Вследствие его ревизии, некоторым учителям, впрочем, объявлена благодарность, учителю Криницкому исходатайствован годовой оклад жалованья в награду, другим сделано замечание, дело же о закрытии училища, по опред. св. Синода, оставлено до построения нового здания семинарии. Петропавловское училище в 1839 г. ревизовал опять протоиерей Т. Никольский, за отказом назначенного сначала, священника Иоанна Добронравина. Получив подробную инструкцию для ревизии от семин. правления, он обо всех почти отозвался с похвалою, особенно о ректоре с инспектором. Семин. правление ходатайствовало о награждении их. В 1839 г. ректор

Афанасий присутствовал на экзамене учеников высш. отд. ал. неевского училища. Он же, вместе с протоиереем Андреевского собора ед. Песоцким, производил ревизорские экзамены в петропавловском училище в 1841 году.

Иногда же ревизия поручалась самим училищным начальствам, с обязательством (по § 300, ч. II Проекта) донести о состоянии училищ. Семинарское правление, в случае неназначения ревизии, обязано было, по уставу (§ 300, б), само испытывать всех поступающих из училищ и явившихся с училищными свидетельствами в семинарию и иногда возвращало назад некоторых учеников, одобренных училищным начальством; равно и неодобренных, но явившихся с прошениями в семинарию, вновь экзаменовало (§ 301). В 1813 г. в семинарском правлении, в присутствии депутата, бакалавра архим. Иннокентия, произведены были 3, 4 и 6-го сентября вторичные испытания ученикам училищ, назначенным к поступлению в семинарию; из них И. Савин ямб. уч. признан неспособным обучаться в семинарии и отправлен обратно в училище, на счет ректора ямб. училища. В 1817 г. из 20 учеников ямб. училища, где не было ревизии, 6 признаны сем. правлением недостойными к поступлению в семинарию. Поставлено это на вид, начальству, а учителя переменены. В 1831 г. так же 6 учеников ямб. училища признаны сем. правлением неспособными к поступлению. Тогда же из петропавл. училища 10 не приняты. В 1839 г. явившиеся из ямбург. училища и экзаменованные в правлении, при участии преподавателей Крылова и Д. Успенского, все приняты в семинарии. Но в 1841 г. из 14 возвращены 3; а из ал. неевского не принято 13. Случалось, что ревизоры признавали некоторых учеников сомнительными, и таковым назначалось снова явиться на экзамен, в сентябре, в семинарское правление; так в 1837 г. сомнительными признаны были 7 человек из ал. -неевского и петропавловского училищ, из них только 4 после нового испытания приняты в семинарию. Двое признаны малоспособными и великовозрастными, а один (А-р Одоевский) «по молодости лет (14 лет) и некоторой незрелости оставлен». Но, по прошению отца к митрополиту, переведен, вследствие его резолюции «если сын протоиерея сего не переведен в низшее отделение семинарии единственно по молодости лет, а не по малоуспешеству: то не перевести его в оное, буде сомнения важного не окажется». В 1841 году, наоборот, ученик низшего отд. петроп. учил., из казанских певчих, И. Воровский признан ревизором настолько развитым и подготовленным к семинарскому образованию, что был объявлен достойным перевода прямо в семинарию, и впоследствии ни разу не оставался на повторительный курс.

Число поступавших из училищ в семинарию в общем увеличивалось, почти с каждым курсом. На первом плане в этом отношении большею частью стояло александроневское училище, затем петропавловское, наконец ямбургское и др. Укажем некоторые годы:

1813 г. 1817. 1845. 1827. 1829. 1831. 1833. 1835. 1837.

Ал -неевское.	29	17	40	43	39	27	50	56	56
Петропавл.	18	16	26	22	23	31	33	31	35
Ямбург.	12	14	10	14	7	11	10	17	18
Новол.	10	6							

Непереведенным в семинарию и исключенным из училища дозволялось иногда (1821 г.) «числиться в училище до усмотрения их успехов». Семинарское правление поверяло и свидетельства безуспешных учеников, отсылавшихся к нему, и потом выдавало их по принадлежности (Проект. уст. уезд. учил. § 27).

С целью составления учебников и руководств по тем или другим предметам училищного курса иногда учреждались особые комитеты, по распоряжению высшего начальства. Так в 1831 г. предписано учредить комитет для пересмотра книг до изучению русского языка и составления нового лучшего руководства по этому предмету. Ректор семинарии архим. Макарий, бывший членом этого комитета, вместе с ректором академии и учителем русского языка александроневского училища В. Никольским, принял на себя «составление новой грамматики с окончательною обработкою во всех частях, как требующее единства в соображении и изложении», так как составление отдельных частей руководства распределено было между всеми членами. Но дело затянулось, между прочим и потому, что вышло новое руководство Мартынова, которое комитет также пожелал рассмотреть. Наконец в 1833 году 1-я часть грамматики представлена была к обер-прокурору Нечаеву, но его затребованию; остальные же три части препровождены в академическое правление уже в феврале 1834 года, с уведомлением, что 2-я часть грамматики (словосочинение) была составлена ректором

Макарием вновь, а 4-я (правописание) значительно изменена и исправлена. Грамматику Макария читали: Филарет московский и вятский ректор, вызванный в С. -Петербург в 1838 г. Никодим и к употреблению не одобрили.

В 1834 г. выслана из Комиссии дух. уч. книга: «начальные правила греч. языка», Шада, – для рассмотрения, не может ли она с пользою заменить для низших дух. училищ изучавшуюся доселе краткую греч. грамматику. Книгу поручено рассмотреть профессору греч. языка Н. Боголюбову, с препровождением ее к начальству Петропавловск. дух. училищ, в которых «наставники греч. языка известны правлению семинарии своею опытностью». Затем последовал новый запрос, не имеет ли правление в виду какого-либо другого руководства, которое было бы более пригодно для преподавания греч. грамматики, особенно в низших училищах. С этою целью решено было рассмотреть: синтаксис греч. яз. по Векеерлину, изд. Ивашковским, грамматику и синтаксис Грацинского, проф. казанского университета, «Начальные основания еллинского языка»; все означенные руководства правление препроводило в духовные училища – петропавловское и александроневское, для рассмотрения. Руководство Шада признано непригодным, потому что 1) в нем недостает синтаксиса, в котором особенно чувствуется нужда, 2) произношение греч. слов принято по методу Эразма, «основанной на сличении слов греческих с латинскими... А поскольку в духовных училищах слова греческие произносятся так, как древле научили русских сами греки-учители их в греческой особенно церковной словесности; и поскольку в наших церковных книгах греческие речения, оставаясь непереуведенными, произносятся по старой методе (Рейхлиновой): то изменение употребляемого в наших дух. училищах произношения на Эразмово будет странно, трудно и едва ли основательно» (Из предст. сем. правл. внешнему прав. академии, 1835 г.) 3) Одни правила изложены слишком кратко и неудобопонятно для учеников, других недостает.

Синтаксис по Векеерлину, при многих своих достоинствах, так же признан неудобным, как написанный слишком философским отвлеченным языком. В грамматике Грацинского отчасти усмотрены те же недостатки, что и в руководстве Шада, но при этом замечены в ней беспорядочность и неотчетливость в изложении, при отсутствии некоторых нужных правил¹⁵²; синтаксис же составлен с заметною поспешностию. Впрочем для руководства преподавателям означенные сочинения признаны полезными. Приступить же к составлению новой грамматики признано неудобным, по неизвестности, «какая будет введена в употребление в училищах русская грамматики, применительно к которой должны быть изложены все руководства других языков». (Предст. сем. пр. внешнему правд. академии 2 марта 1835 г.)

Канцелярское делопроизводство и архив семинарского правления

Действия и распоряжения семинарского правления, состоявшего из ректора, инспектора и эконома, по разным частям мы уже видели из всего того, что доселе изложено. Что касается канцелярского делопроизводства, определявшегося в особой главе проекта семинар. устава (ч. 1. отд. 1. гл. VI. «О образе производства дел в правлении»), то, при общем надзоре ректора, главная деятельная роль в этом отношении принадлежала секретарю, имевшему в своем заведывании письмоводителей, которые разделяли с ним канцелярские занятия. Секретарь Иванов в 1811 г. для более успешного делопроизводства по канцелярии хлопотал о том, чтобы письмоводители назначались не из учеников семинарии, отвлекаемых ученическими обязанностями, но из посторонних. Правление согласилось с этим и представляло о том высшему начальству, но академическое правление не уважило этого представления, ссылаясь на 22 § сем. устава (1809 г.). Семинарское правление вторично делало представление, указывая на то, что «в противном случае может последовать медленность в делах и опущение». Несмотря на это, и по проекту сем. устава 1814 г. (§ 24), как известно, допущены ученики к исправлению письмоводительской должности, хотя не устранялись и посторонние лица, которые, действительно, бывали изредка в петерб. семинарии на означенной должности (стр. 50), впрочем из бывших воспитанников.

Посторонние обязанности и для самого секретаря служили иногда препятствием к исправности. В 1817 г. ревизор, ректор академии Филарет в своем отчете между прочим сделал замечание о недосмотрах секретаря (Платунова), происходивших, вероятно, от того, что он «обременен был сторонними делами». В половине 20-х годов, как сказано выше (стр. 233, ср. 207), особенно много обнаружилось беспорядков по экономии и делопроизводству, как заявлял о том и ректор Антоний (Домкинский) и подтвердил потом в 1827 г. ревизор Иннокентий (Борисов); вследствие чего и учреждена была особая ревизионная комиссия. Вскоре по вступлении в должность ректора Антония (1826 г.), составлены были секретарем К. Успенским особые «правила для канцелярии семин. правления». В них распределяются обязанности между письмоводителями, с целью «исправнейшего и благонадежнейшего производства ими дел по канцелярии семин. правления». Смотрение за входящими бумагами, который должны помечаться рукою секретаря, поручено одному из письмоводителей правления (Скроботову) (§ 2). Ему же поручено: (§ 7) записывать исходящие бумаги и, соображая их со входящими, следить за исполнением бумаг и немедленно доносить секретарю о неисполненных; (§ 8) выписывать определения правления на дела, объявлять их кому следует, сшивать дела и вносить их в конце года в архив с номеровкою и описью; ему же преимущественно следить и за архивом (§ 10). Второй письмоводитель при правлении (Ольгинский) обязывался: (§ 4) переписывать на бело журналы, проверенные секретарем, без отлагательства; (§ 5) изготовлять на черно разные сообщения, предписания и представления по разным частям, кроме экономической. Третий письмоводитель – при экономе (Перов) обязывался (§ 3) составлять черновые доклады на все поступившие бумаги, наблюдать в них порядок, делать нужные справки и др. распоряжения по сему предмету; (§ 6) вести приходорасходные книги, поверять экономические счета, готовить записки и прочие бумаги по экономической части. Сверх того, все обязывались: (§ 9) в случае сложных дел, по распоряжению секретаря, заниматься одним делом; (§ 10) наблюдать отчасти за порядком и целостию архива, так как всеми ими берутся справки из него; (§ 11) дежурить по неделям, или по дням, находясь безотлучно, кроме классов, при правлении, ключ от которого не поверять правленскому служителю, и расписываясь в особой тетради (за скрепою секретаря) о благополучном состоянии канцелярии и архива; (§ 12) строго смотреть, чтобы ни ученики, ни посторонние лица без нужды не впускались в канцелярию; (§ 11) не отлучаться из семинарии без дозволения инспектора и секретаря.

До постановлению сем. правления от 5-го июля 1826 г. (ст. 1), письмоводители обязаны были подписками в исполнении инструкции, секретарю же поручено иметь главный надзор за ними. Правила эти, очевидно, должны были ввести в делопроизводство более порядка и

точности и предупреждать беспорядки, в род происшедшего в начале 1826 г., когда была затеряна бумага с резолюцией митрополита Серафима (см. выше стр. 207). Правда, вина в этом падала особенно на секретаря У., который и в других случаях обнаруживал неаккуратность, напр. растратил деньги, собранные за книги в 1827–28 г. (564 р. 80 к.), но и письмоводители, при их тогдашнем значении при канцелярии, не могли быть свободными от ответственности. Вообще же, делопроизводство к концу 20-х годов улучшается, особенно после того, как упоминавшаяся ревизионная комиссия 1826–29 г. обратила серьезное внимание на делопроизводство и счетоводство, а Комиссия дух. уч. вследствие этого сделала несколько распоряжений в этом отношении (см. выше стр. 240). Между прочим в 1829 г. предписание было из жалованья секретаря У. вычитать по 50 р. в месяц упомянутый деньги 564 р. 80 к., с замечанием от акад. правления «чтобы правление впредь не допускало подобных беспорядков». Тогда же было предписано ежегодно представлять в акад. правление ведомость о делах решенных и нерешенных (от 16 февраля).

В 1830 г. ревизор Павский уже писал в своем отчете акад. правлению, что он нашел в действиях семин. правления «во всем точность и самое верное исполнение устава» и канцелярский порядок держится во всей исправности».

Но в половине 30-х годов вышеизложенные правила письмоводителям, вероятно, пришли в забвение или может быть признаны были недостаточными. По крайней мере секретарь И. Боголюбов в апр. 1836 г. делал доклад правлению об утверждении составленного им «начертания обязанностей письмоводительских», с просьбой «для приведения в действие подобных правил – указать средства определеннейшие и действительнейшие тех, кои доселе употреблялись». Обязанности разделены на общие и частные и отчасти те же, что и в правилах 1826 г. Мы отметим только, что есть в этом «начертании особенного. К общим обязанностям письмоводителей отнесены: неукоснительное исполнение ими вообще своего дела и приказаний начальства; сообщение немедленного движения делам, если порядок производства их известен; неухожение без позволения секретаря из семинарии и возвращение в семинарию непременно к 8 час. вечера; неопустительное посещение классов, кроме дежурного письмоводителя, который остается в канцелярии на время классов, богослужения и стола, «чтобы канцелярия всегда была отперта, как для приема входящих бумаг, так и для других непредвиденных случаев». Частные обязанности разделены между 4 письмоводителями, из которых один называется старшим, другой младшим; 3-й помощником и 4-й при экономе. Старшему назначалась более самостоятельная деятельность, напр. поручалось дополнять входящие бумаги нужными справками и приготавливать к докладу; по определениям правления составлять вчерне исходящие бумаги и обозначать на исходящих их именование и краткое содержание; благовременно приготавливать все дела срочные; наблюдать за другими письмоводителями; хранить архив вместе с письмоводителем при экономе. Младший частью разделял обязанности старшего, частью же обязывался вести внешнюю сторону дела: запись входящих и исходящих, переписку на бело журналов, собирание и сшивку бумаг в одно дело. Помощнику назначалась преимущественно переписка, выписки из журналов, запись бумаг в пакетную книгу и отсылка их, ведение тетради для записывания ученических билетов и объявлений ученикам с почты и т. п. Письмоводитель при экономе заведывал собственно экономической частью. Переписка же больших бумаг – ведомостей, отчетов и т. п. поручалась, и о усмотрении секретаря, тому или другому письмоводителю, а его обязанности в то время должны были исправлять остальные письмоводители.

Правление утвердило инструкции (от 9 апр. 1836 г.), постановив «объявить оную письмоводителям, с подписками к точному и неременному исполнению, что по ней до кого из них касаться будет, под опасением в случае самовольного отступления от оной штрафа вычетом из жалованья или другими строгими мерами, – копии же с инструкции выдать и членам семин. правления».

Само собой разумеется, что при значительных полномочиях письмоводителей и доверии к ним, могли быть и некоторые злоупотребления, в случае недосмотра секретаря, или вообще начальства. Одно из таких и указано выше (на стр. 113), когда письмоводитель (1832 г.) улучшил отметки в аттестате одного воспитанника, что было замечено ректором Макарием. Из дела не видно, какому взысканию подвергся за это письмоводитель, но штрафы, введенные по

постановлению правления 1836 г. могли, конечно, предупреждать подобные злоупотребления, или недосмотры.

Относительно порядка поступления семинарских дел к митрополиту и от него имеется следующее свидетельство ректора Афанасия: «владыка, сказать в добрый час, очень ко мне расположен. При прежних ректорах, слышал я, семинарские бумаги доходили ко владыки и от владыки в семинарское правление чрез руки Ал. Ив. Сулова (письмоводителя при митрополите); но при мне ни одной такой бумаги еще не было. Я принесу бумагу, я же и унесу в тоже самое время, вовсе не заходя к Ал. Ив-чу. И владыка ни в чем еще со мной не спорил, а все утверждал беспрекословно». (Из пис. в Тверь в сент. 1838 г. Душ. Чт. 1868. VIII. 338).

Архив правления семинарии включает в себе дела с 1789 г. относящиеся к Главной семинарии и Алекс-невской академии – до 1799 г. С 1800 же года по 1808 включительно (кроме 1806 г.) нет ни одного дела; затем многих дел недостает особенно до 20-х годов, частью и после, хотя по старым описям эти дела значатся. Журналов нет на лице за 1828 и 29 годы. До 20-х годов архив не имел описи и находился в беспорядке, как доносил в янв. 1823 г. секретарь Кудрявцев, заявляя, что дела принимать от бывшего секретаря Виноградова, вследствие того, неудобно. Правление постановило: поручить секр. Кудрявцеву привести в порядок архив и составить опись его, и довести о том до сведения высш. начальства. По исполнении возложенной на него обязанности, он в награду представлен был к чину IX кл. вместо следующего ему X-го; письмоводителям, по его представлению, объявлено благоволение правления, старшему же письмоводителю дана денежная награда (см. стр. 200). Секретарь Нарбеков продолжал опись, начатую Кудрявцевым. В 1826 г. при рассмотрении правил для канцелярии, составленных Е. Успенским, правление между прочим постановило, чтобы секретарь наблюдал за целостию архива. В конце же 20-х годов назначена была особая комиссия для разбора старых дел; в ней кроме секретаря Мелиоранского занимался и бывший секретарь Е. Успенский, который сдал Мелиоранскому не все дела, при оставлении секретарства.

Вместе с донесением о состоянии библиотеки и с ведомостями о воспитанниках – предписано было доносить и о состоянии семинарского архива (от 23 апр. 1828 г.).

Период II – Граф Пратасов и предпринятое им дело преобразования духовно-учебной части

Духовно-учебная реформа, введенная в начале 40-х годов, тесно связана с именем синодального обер-прокурора, графа Николая Александровича Пратасова. В виду этого весьма важно остановить особое внимание на этой личности.

По выходе из Синода князя Мещерского, обер-прокурора кроткого и с особым уважением относившегося к духовенству его место занял бывший чиновник за обер-прокурорским столом С. Д. Нечаев, оказавшийся, по словам современника, начальником «нелегким», который, сделав безгласными всех чиновников, «хотел взять верх и над членами Синода, изменял резолюции и определения Синода и затевал ограничить архиерейскую власть, воспитанников же духовных училищ нарядить в пучки и полукафтаны»¹⁵³. Во время отъезда Нечаева в Крым к умирающей жене, его должность исправлял гусарский полковник, флигель-адъютант, граф Пратасов, бывший в то время товарищем министра народного просвещения, который потом, по просьбе членов Синода (Филарета моск. впрочем не было тогда в Петербурге), указавших на него Государю, как на «человека известного по уму, образованности и усердию к церкви православной», утвержден был Императором Николаем в должности синодального обер-прокурора¹⁵⁴ и оставался в ней до смерти своей, в янв. 1855 года.

Ум и образованность гр. Пратасова вообще не оспариваются, хотя характер последней пока еще недостаточно определен. Относительно же усердия его к церкви православной остается много недоразумений. С одной стороны, гр. Пратасов является человеком весьма верующим и почтительным к церкви. Из всех обер-прокуроров он едва ли не один устроил у себя домовую церковь. Он первый издал соборные правила и «догматические творения вселенских учителей», отыскал в Синоде и издал грамоты восточных патриархов, по исправлении их митр. Филаретом, и этим, как замечает Муравьев, «а также и другими действиями в пользу православия старался приобрести расположение старца Серафима и приобрел»¹⁵⁵. Признавая «учение православия необходимым для твердости веры и для чистоты нравов, для единодушия христиан и для самой государственной силы, – учение, коему доселе отечество наше одолжено нравственным своим могуществом»,¹⁵⁶ он все распоряжения свои, по видимому, направлял к возвышению и господству этого учения. Получив в управление и греко-униатскую церковь, старался «оградить ее от влияний, чуждых духу ее восточного происхождения», способствовать «восстановлению в ней древних восточных обрядов»¹⁵⁷, был и деятельным членом секретного комитета против стремлений свращать в латинство воссоединенных униатов и с особенным восторгом указывал как на «блистательный подвиг» царствования Николая I, на воссоединение унии в 1839 г., когда «древнее христианское православие, можно сказать чудодейственным манием Всевышнего, осенило весь Западный край отечества».¹⁵⁸ «На сих неизменных началах православия, на требованиях деятельного христианства и на прямых нуждах паствы», хотел он основать и реформу духовного образования,¹⁵⁹ имея в душе, даже по словам его недругов, некоторую искру чистой ревности и желание русскому духовенству добра».¹⁶⁰ Император Николай Павлович высоко ценил этого обер-прокурора, на отчет его за 1839 г. он написал собственноручно: «Читал с большим удовольствием», а на донесении о смерти Пратасова в 1855 г. написал: «искренно и душевно скорблю о потере этого достойного и верного слуги, которого столь давно знал и уважал».¹⁶¹

С другой стороны, о гр. Пратасов рассказывают, что он был «воспитанником иезуита, приставленного к нему в гувернеры»; ко двору получил доступ чрез своих мать и тещу, бывших статс-дамами при имп. Александре I, и приобрел особенную известность светскими талантами, «как отличный танцор». Сделавшись обер-прокурором, он не выражал сочувствия монашеству и не доверял духовным деятелям, но окружил себя лицами, по видимому, не православного духа. Таков напр. К. С. Сербинович, редактор Журнала мин. народ. просвещ., сделанный директором канцелярии синод, об. прокурора, (впоследствии член в комиссии прошений на Высочайшее имя); он получил воспитание в полоцкой иезуитской коллегии, – человек, по отзыву Исмаилова, (необыкновенно хитрый и действующий постоянно под непроницаемым

покровом». Так же Войцехович, сначала чиновник за обер-прокурорским столом, потом директор канцелярии св. Синода, (впоследствии член Государственного совета), «хотя не из иезуитов, но не менее их хитрый и сомнительной честности». Во главе учебного ведомства стал правитель Комиссии дух. учил., а потом директор Дух. уч. управления, А. И. Карасевский, человек, по выражению Исмаилова, того же «духа и масти», впрочем, по отзыву Ростиславова, «добрый, деликатный, не заносчивый, не вспыльчивый».¹⁶² Как администратор, гр. Пратасов был очень способный, энергичный, с преобразовательными наклонностями, но необыкновенно властолюбивый, повелительный и гордый, нещадивший и архиерейского сана. «Я министр! я архиерей!». недаром сказал он, по назначении его обер-прокурором одному из знакомых¹⁶³.

«Но неограниченному властолюбию, пишет в своей автобиографии протопресвитер Бажанов, граф Пратасов желал беспрекословно управлять синодом и сделать его безгласным¹⁶⁴ и, пользуясь болезнью и преклонными годами первенствующего члена, митр. Серафима, он достиг этой цели, выжив из синода происками митрополитов: киевского Филарета и московского Филарета»¹⁶⁵.

О религиозных же убеждениях гр. Пратасова епископ Никодим пишет, что он «с презрением смотрел на православие»¹⁶⁶. Отсюда и в его разных распоряжениях и мероприятиях усматривают католические тенденции. Так, при издании патриарших грамот, будто бы имелось в виду утвердить католическую мысль, заключающуюся в них, о недозволении всякому читать без руководства св. Писание; введение катехизиса Петра Могилы в семин. курс направлялось к пропагандированию католического учения о предопределении и о церковных заповедях, с каковою целью и Филаретов катехизис переделывался (см. выше, стр. 125); издание Книги правил, как основы церковного предания, воспрещение русского перевода и толкований Библии предположение утвердить исключительное, церковное и учебное, общественное и домашнее, употребление Славянской библии, по примеру латинской Вульгаты, – все это представляется результатом римско-католического влияния.

Последствия, однако же, показали, что собственно католические принципы не имели у нас развития и силы. Если бы действительно их желали пропагандировать, то были бы какие нибудь результаты этой пропаганды, но указать их в чем нибудь едва ли можно. Никак не против православия действовал гр. Пратасов и не в интересах именно католичества он делал вышеуказанные распоряжения. Не римско-католические идеи сами по себе были важны и дороги для него, а потому разве, что эти идеи совпадали с общим направлением правительственной системы его, стремящейся сообразно вообще с духом царствования Николая 1-го, к охранению власти, порядка, дисциплины и единообразия в формах жизни и даже мысли, – к устранению каких либо свободных нововведений и вопросов, возбуждающих мысль, словом системы, которую можно назвать консервативно-дисциплинарной. Церковные заповеди и предание; неприкосновенность установившегося славянского перевода Библии; недозволение читать ее всякому без руководства и чрез то впадать в опасные умствования, – все это как раз соответствовало этой системе; наиротив, перевод Библии, да еще с еврейского языка (что защищал особенно Филарет моск.), толкования ее и т. п. – признавалось ведущим к свободомыслию, протестантскому направлению и подрыву авторитета церкви и власти. Так как Филарет московский в этом пункте смотрел на дело иначе, да и раньше были наговоры о его мистицизме и протестантстве¹⁶⁷, к которым присоединялась еще молва о его подавляющем влиянии в Синоде¹⁶⁸, то Пратасов решился способствовать удалению его из синода¹⁶⁹, хотя всегда ценил ум и познания моск. митрополита и – особенно позднее (с конца 40-х годов) – постоянно обращался к его совету и мнению. Сушков в своих записках о Филарете передает о нем следующие слова гр. Пратасова: «ведь мы живем с ним дружно... все думают, что его удаляют от Синода; напротив, мы беспрестанно обращаемся к нему за советами. Мне хотелось бы, чтобы он знал, как я ценю его, как благодарен ему!..» и пр. (стр. 142). В 1849 г. и сам Филарет писал архиеп. Григорию: «я думал, что угнездясь в епархии, буду свободнее, нежели в лета многого пришельствия. Оказалось не то. Все не успеваю. Иногда из Петербурга дают дела, с которыми не легко разделаться¹⁷⁰. О множестве и разнообразии этих дел он неоднократно писал и к архимандриту Антонию¹⁷¹. Разумеется, все это не мешало Пратасову действовать независимо, где он находил нужным, и не стесняться авторитетом высших иерархов; между прочим, он практически доказывал этим, что он вовсе не защитник

католических принципов, в силу которых авторитет иерархии абсолютен и неприкосновенен. Он с энергией проводил свои планы и намерения и противодействий не допускал, причем даже не всегда был разборчив в средствах. Духовенству же, действительно, он желал добра, хотя и явился для него благодетелем односторонним, насильственным и непризнанным. История духовно-учебной реформы особенно подтверждает это. К ней теперь мы и обратимся, пользуясь особенно при этом интересными записками, относящимися к рассматриваемому времени, епископа красоярского Никодима.

Выше упоминалось (стр. 121) о том, что в 1837 г. от св. Синода дано было, по предложению об. прокурора, предписание всем ректорам семинарий – представить конспекты богословия с свободным изложением того, как они понимают эту науку и какие улучшения находят нужным внести в нее. В следующем году конспекты представлены: из них более всех понравился гр. Пратасову и правителю дел Комиссии д. уч. Карасевскому конспект вятского ректора Никодима Казанцева (магистр моск. акад. 1830 г.). Но, не полагаясь на свою компетентность, об. прокурор просил чрез Карасевского моск. митрополита прочитать конспекты и особенно сказать свое мнение о конспекте Никодима. Филарет одобрил его и поставил выше других особенно потому, что «в нем есть зерно мысли», а не простое перечисление заглавий, как у большей части других авторов. После этого, по распоряжению гр. Пратасова, с Высочайшего дозволения, но без ведома и разрешения Синода, Никодим был вызван в Петербург, «в распоряжение об. прокурора». Проездом чрез Москву, Никодим был у митрополита Филарета, которого он весьма почитал, желая услышать что либо о цели своего вызова в Петербург, но Филарет «ограничился общими речами», потому ли что сам не знал видов прокурора, или потому, «что не знал каким (вятский ректор) окажется на деле, во всяком случае искустельном и скользком, даже не перейдет ли он на сторону светских, чтобы вместе с ними работать к унижению и порче Духовных училищ... Общй тон Филарета в это время был благожелательный, даже уважительный, но без оскорбления высокой важности своего сана и положения... Прощаясь он подарил (Никодиму) четки, новые, белой кости, с голубою бисерною кисточкою».

По приезде в Петербург, около 18 июня, Никодим представился графу Пратасову. Вот как он сам об этом рассказывает:

«Вхожу в приемную залу. Граф сидит у письменного стола. В руках у него наша церковная книга – Большой требник. Граф рассеянно перелистывает его.

Граф. Здравствуйте, отец архимандрит! Давно ли?

Я. – Третьего дня, Ваше сиятельство.

Гр. Прошу садиться!

Указал на кресло против себя, и сам тотчас сел. Я опять кланяюсь и стою. Граф вскочил. Взял меня обеими руками и посадил почти насильно. – Сделайте милость, садитесь!

Я сел (на переднем крае глубоких, косых кресел), чуть держался и опасался опрокинуться. Граф забавлялся мною.

Граф: Мы вас позвали на работу. Прошу потрудиться. Ваш конспект отличный. Он доказал, что вы с талантами: нам такие люди нужны. Прошу знать меня, и еще никого. Мы вас успокоим, дадим все. Не бойтесь никого: я ваш заступник. Храните в тайне все, что будем поручать вам. Будьте искренни. Говорите со мною смело, о чем буду вас спрашивать. Я сам буду говорить так, как сам разумею. Ваш конспект подвергся пререканиям. Его ужасно разбил киевский, кажется из зависти, или по недоразумениям¹⁷². Московский, напротив, весьма хвалит. Как бы ни было, мы вас оградим и утешим. Конспект ваш будет напечатан. Вас ожидает докторство богословии. Пусть приедет московский: вы тогда с ним посоветуетесь и кое что исправите: надобно же потешить и киевского! Об этом подробно расскажет вам Карасевский: спросите его! Я только говорю, не бойтесь никого, ниже ваших архиереев: знайте меня! Мы вам даем хорошую квартиру¹⁷³. Вы тут будете покойны. Вам никто не помешает. Я велел осмотреть ее и снабдить приличною мебелью. Вам Государь приказал выдавать по 100 руб. в месяц, кроме ваших доходов, во все время, пока вы будете в Петербурге в моих распоряжениях. Прощайте, о. архимандрит! Вы ко мне будете приходить, когда я назначу. Теперь у нас каникулы. Я живу на даче. Я скажу Александру Ивановичу (Карасевскому), когда вам приходить ко мне. Прошу с ним познакомиться: мы обсудим работать вместе.

В заключение граф мне подал конспект богословии каменец-под. ректора Нафанаила (Савченко, впоследствии черниг. архиепископа) и сказал: прочтите этот конспект и скажите ваши о нем мысли. Правду сказать, говорят, да и я кажется, вижу, что тут учености немного: но он для нас интересен. —

Я вышел от графа, полный мыслей и дум крупных, небывалых, озаботивших меня, даже грозящих подавить меня. Через несколько дней я пришел к графу с конспектом Нафанаила.

Граф: Прочитали? Каков конспект?

Я. — Не бойкий, странный, фальшивый. Лишнего и ненужного много, а дельного мало. Много речей о церковностях, которые обязаны знать причетники. Они и знают их, без нашего научения, потому что о них написано в церк. уставе...

Граф улыбался и давал мне простор говорить, что хочу. Я говорил много.

Граф начал: — слышал я ваши речи, о. архимандрит. Богословии вашей я не глубокий знаток. Но вот что: вы учились не столько для себя, сколько для нас, вы наши учителя в вере. Но мы вас не поминаем. Ваша богословия очень выпрენня. Ваши проповеди высоки. Мы вас не понимаем. У вас нет народного языка. Вы чуждаетесь церковности. Практическое богослужение вам неизвестно. Вы почитаете низким для себя знать и изучить его: оттого смешите, вступая в священную должность. Не умеете ни петь, ни читать, не знаете церк. устава. Вас руководят дьячки, над вами издеваются начитанные мещане. В ваших школах нет специальности. Вы хотите быть и почитаться, универсально учеными... Это ошибка. У нас всякий кадет знает марш и ружье; моряк умеет назвать последний гвоздь корабля, знает его место и силу; инженер пересчитает всевозможные ломы, лопаты, крюки, канаты. А вы, духовные, не знаете ваших дух. вещей! Вы изобрели для себя какой-то свой язык, подобно медикам, математикам, морякам. Без толкования вас не поймешь. Это тоже не хорошо. Говорите с нами языком нам понятным, поучайте закону Божию так, чтобы вас понимал с первого раза последний мужик! — Подумайте хорошенько, (говорил граф в другой раз), и мне скажите: что нужно изменить в семинариях. Как упростить существующие науки?.. Не нужно ли ввести новые, и какие именно? Не надобно ли иные науки сократить, а другие и вовсе выгнать? Помните: семинария не академия. Из академий идут профессора, им много знать нужно. Из семинарий поступают во священники по селам. Им надобно знать сельский быт и уметь быть полезными крестьянину, даже в его делах житейских. Итак, на что такая огромная богословия сельскому священнику? К чему нужна ему философия, наука вольномыслия, вздор, эгоизма, фанфаронства? На что ему тригонометрия, дифференциалы, интегралы? Пусть лучше затвердят хорошенько катехизис, церк. устав, нотное пение. И довольно! Высокие науки пусть останутся в академиях... Прочтите хорошенько семин. устав и скажите, что вы находите в нем нужным исправить, изменить, отменить, или дополнить.

Я вышел от графа грустный. Я увидел, что меня хотят сделать орудием унижения и расстройства нашей ученой части, хотят поставить в противоречие и вражду с духовенством, со властями, хотят перестроить мои убеждения, хотят навязать мне их образ мыслей, так легкомысленный, столь нам враждебный. Подобного рода речи и декламации я выслушивал целый месяц и от самого об. прокурора и от его ассистента А. Н. Карасевского, Меня и ласкали, мне грозили, меня вызывали на диспуты. С грустью я выслушивал крайне неуважительные суждения и о великом Филарете моск., еще чаще о других святителях. Я не имел в Петербурге ни советников, ни наставников: меня чуждались мои собратия, иные из зависти, а большая часть по робости. Даже члены Синода держали меня вдали и в стороне от себя. Преосв. псковскін Нафанаил, услышав от меня, что мне запрещено сказывать; что я делаю у об. прокурора, сей час прекратил о сем любопытство, даже просил меня не напоминать ему о сем ни словом. Я оставался один, сам при себе. К чести графа скажу: говоря со мною так решительно и смело, он не препятствовал и мне говорить столько же решительно и смело.»

Пользуясь этим, Никодим защищал, как мог, прежний устав и показывал прочность и ценность семинарской науки, говоря, что предлагаемые преобразования «в сущности относятся к умалению и обессилению дух. просвещения», что новые науки, которые хотели ввести в семинарии (сельское хозяйство, медицина) может быть и полезны, «но он, поместясь между существующими науками, из коих ни одной нет бесполезной, стеснят их и сократят, отчего произойдет потеря, а не приобретение». Указывал на то, что укоризна за слишком

высокую и непонятную для других ученость только отчасти может относиться к некоторым «педантам, которые громкими фразами сыплют пышный вздор», что вообще под этой укоризной «скрывается зависть и досада на то, что духовенство равняет себя в образовании с другими привилегированными сословиями»; что для божественных истин, действительно, нужен язык не «площадной и уродливый», а «отборный и благородный». Особенно же о. Никодим оградил богословие и требовал даже расширения ее», много защищал и философию, говоря: «напрасно вы отнимаете у нас философию. Она у нас смиренна, ибо обуздывается богословием. У нас есть надзор: архиерей, ректор, инспектор, экзамены; мы не позволим профессору заговариваться. Да и кто наш профессор философии? Наш же, из нас, и учился вместе с нами. Нам нужна философия, для раскрытия и укрепления строгости и правильности мышления, для ознакомления себя с истинами естественными, умозрительными и нравственными, на коих святое Откровение зиждет свои небесные истины. Самое откровение делается сознательным и твердым после правильного разумения истин натуры. Бойтесь наших вольностей? Но дан ли повод к таким опасениям? Почти сто лет в наших семинариях преподается полная философия; наши ученики философии не запятнали себя никакою вольностью. Император Александр Павлович уничтожил в университетах философию, опасаясь, конечно, вольностей. Что же вышло? Пустые науки, науки без зерна, сделали пустыми головы студентов: и мы имеем несчастье записать в историю 14 декабря 1825 года! – На этом месте меня прервал граф, впрочем довольно терпеливый и возбужденно сказал: оставьте! не хочу слушать ваших апологий. Философию изгнать из семинарий! Объявляю волю Императора!.. Ты не знаешь: когда я напоянул Государю, что в дух. семинариях читают философию, Государь с гневом и в недоумениях воскликнул: «как? у духовных есть философия, эта нечестивая, безбожная, мятежная наука? Изгнать ее!» Государь не терпит самого имени философия. – Тут я замолчал».

Вынужденный составлять новый устав, Никодим постарался не касаться «статьи о науках». Московский митр. Филарет, по приезде в Петербург, узнал от Никодима о том, что он делал и «едва сдерживал гнев и досаду, почитая затею сочинения нового устава лично себе обидою, потому что прежние уставы написал он»¹⁷⁴, тем более что дело начато было без разрешения св. Синода. Однако же кое-что в Никодимовском уставе Филарет одобрил, «напр. совет ученый при ректоре, промоцию наставников, годовичные переводы, семь лет в семинарии и пять в училище». Устав этот не получил все-таки дальнейшего хода, так же как и конспект Никодима, хотя он и переделывал последний, по совету Филарета московского, на основании замечаний Филарета киевского. Пратасов видимо охладил к Никодиму, после того как увидел в нем «упорного защитника прежних порядков и, следовательно, себе не подручного». Между тем и «сам Синод восстал против проектов графа». В 1838 г. сначала было издано известное «постановление» комиссии дух. уч. о преподавании семин. наук (см. стр. 112), затем два Филарета, на которых митр. Серафим положился, впоследствии «вошли в соглашение для составления проекта преобразования семинарий. При этом на жалобы Никодима митр. Филарету, что «у семинарии отнимают философию и другие высокие науки, а бесполезные навязывают», он сказал: «что же делать? Надобно уступить чтонибудь и им: иначе все отнимут»¹⁷⁵. В другой раз, недовольный проектом распределения по академиям переводов св. отцев, который, по поручению об. прокурора, также составлен был Никодимом, Филарет сделал ему замечание, что он «решает такие трудные, до всего духовенства относящиеся, задачи одною своею головою»¹⁷⁶, потом, «помолчав немного, тяжело вздохнул с молитвой: утверждение на Тя надеющихся, утверди, Господи, церковь!.. Куда идут? чего хотят? Не жалеет, что сокращают и отнимают вовсе власть: видно, на то есть воля Божия – за наши грехи. Но жаль, что терпит общее благо. Все только портят, а не усовершенствуют. Между прочим о введении в семинарии медицины Филарет высказался: «поверхностное знание семинаристами медицины бесполезно, даже вредно. Вместо излечения могут увеличить болезнь... а неудачное лечение лишит (священника) доверия даже и в советах духовных».

В тоже время уже сделаны были распоряжения об исправлении внешней стороны духовно-учебных заведений, «на манер светских». Граф Пратасов «ввел разделение ученических комнат, отделив для спальной особые комнаты, в которые ученикам не дозволялось входить целый день». Когда Филарет узнал чрез Никодима о таком нововведении в петерб. академии, он удивился и сказал между прочим: «теперь студенты будут дураки. У них отняли свободу

располагать своим покоем». Но Филарет находил возможным в этом пункте делать уступки хотя и с иронией. «Если век сей, – писал он в одном из писем к ректору московской академии Филарету Гумилевскому, – за нечистый пол или стнну осуждаем заведение: не дразните его и в сей малости, тогда как печетесь о важнейшем... Приводите к точности порядок и чистоту во всем, – писал он к тому же ректору, – и единообразную правильность. На петербургскую академию теперь обращается в сем отношении внимание не без обличения: не лучше ли усовершенствовать дело по усердию, не требуя делопонудителей? Нам указывают на пример светских учебных заведений, которые личным вниманием Государя Императора доведены до удивительной точности. Недавно он изволил посетить одно военно-учебное заведение, возвращаясь с пожара ночью, и нашел все в должном положении, даже до последней кастрюли, которая не оставлена после ужина, как случилось, но тотчас вычищена и поставлена на своем месте в ряду прочих¹⁷⁷. Вообще же, большинство духовенства, не сочувствуя преобразованиям гр. Пратасова, надеялось на авторитет митр. московского и думало, что он не допустит реформы. По этому поводу митрополит писал ректору академии Филарету, в конце 1838 г. «если подлинно принадлежащие к вертоградом духовным молятся за меня, призывая к защищению оных: сие для меня и утешительно и благонадежно. Может быть, подлинно ныне более внимания обращено на их недостатки, нежели на то, что в них лучшее, и отсюда происходит желание преобразовать, как кому рассуждается, вместо истинного исправления и усовершенствования. Но удобно ли защищать, когда защищаемые иногда подкапывают сами себя? Вы боитесь, чтобы, вместо виноградных лоз, не посадили рябины? На сие, может быть, скажут: если виноградные лозы приносят рябинные ягоды, для чего не сделать опыта посадить рябину, не принесет ли она виноградных ягод?»¹⁷⁸

Не находя таким образом в духовенстве сочувствия своим намерениям относительно преобразования духовно-учебной части, предвидя и на будущее время особенную для них помеху в Комиссии дух. уч., граф Пратасов сознавал в тоже время, что он надлежащих прав на распоряжения в духовно-учебных заведениях не имеет, что если он и распоряжается в академии и некоторых семинариях как начальник, так и прочие члены Комиссии вправе также поступать, равным образом – если этим членам не предоставлено право осматривать дух. учебные заведения в качестве начальников, то и ему не следовало бы, по закону, присваивать себе это право. Поэтому гр. Пратасов постарался приобрести для себя, как об. прокурора, официальные права начальника духовно-учебных заведений и обставить себя административными и бюрократическими формами, наподобие министра. В виду этого гр. Пратасов решил уничтожить Комиссию дух. училищ, которая, по его словам, «действуя и независимо, не достигала своей цели, при множестве обременявших ее разнородных дел, особенно экономических, и при отвлечении членов ее другими, более прямыми обязанностями их звания»¹⁷⁹. Упразднение Комиссии произошло неожиданно, даже для самих членов св. Синода. Дело это не рассматривалось ни в св. Синоде, ни в Государственном совете, а совершилось по именному указу Государя, вследствие представления гр. Пратасова.

1-го марта 1839 г. последовал Высочайший указ об упразднении Комиссии духовных училищ, которым Высочайше признано «за благо сосредоточить в св. Синоде, как в едином главном духовном Правительстве Империи, высшее заведывание духовно-учебною частию, которое доселе вверено было особой Комиссии дух. училищ, а надзор за повсеместным исполнением существующих по сей части законов вверить обер-прокурору св. Синода». По упразднении Комиссии, «все предметы высшего попечения по учебной и хозяйственной части», а также и «все права Комиссии переданы по главным предметам св. Синоду», а по прочим делам – исполнительного производства – Духовно-учебному и Хозяйственному Управлениям, на основании особых «Положений» о них, Высочайше утвержденных.

Духовно-учебное Управление, по «Положению», «есть Главное исполнительное место по постановлениям и распоряжениям, относящимся к образованию духовного юношества и к предназначенным для того средствам. По сему оно а) производит все дела, относящиеся к обучению и воспитанию духовного юношества; б) непосредственно заведывает капиталами и прочими хозяйственными способами дух. учебного ведомства; в) своевременно собирает и содержит в порядке сведения о всех частях сего ведомства, дабы высшему Начальству всегда были известны настоящее их положение, успехи и недостатки; г) наблюдает за точным исполнением Высочайших постановлений и всякого рода предписаний и распоряжений

начальства во всех местах дух. учебного ведомства» (§ 1 и 2). Далее в «Положении» исчисляются в частности дела и отдельные вопросы, по учебной и хозяйственной части, подлежащие ведению Дух. учебного Управления. Помимо этого, «непосредственному распоряжению обер-прокурора предоставляются те дела духовно-учебного ведомства, которые разрешаются постановленными правилами, уставами и положениями, или относятся к наблюдению за точным исполнением оных, или же касаются службы лиц не духовного сана» (§ 5). Управление, под главным начальством обер-прокурора, состояло из Общего присутствия (директора и начальников отделений, куда постановлено было приглашать – для совещания ректоров с. петербургской академии и семинарии и других, если они были в Петербурге), двух отделений, секретарского стола, бухгалтерии, казначейства и вообще чинов по штату положенных (§ 8, 9, 13), всего до 40 человек. В Управление поступали отношения, как академических, так и семинарских правлений, но к обер-прокурору, у которого еще с 1836 г. была уже своя особая канцелярия, – отношения архиереев и представления академических правлений и конференций (§ 20). По делам же подлежащим разрешению св. Синода обер-прокурор входил в оный с предложениями (§ 22). Директор Управления, определяемый именным Высочайшим указом, получил особенно важное значение в духовно-учебном ведомстве. Бывший правитель дел в Комиссии дух. училищ, Карасевский занял должность директора и в течение долгого времени имел сильное влияние на ход всех дел означенного ведомства. Исчисленна по штатам Управления сумма 84670 руб. производилась из процентов с духовно-учебных капиталов. Духовно-учебное Управление открыто с 1 апр. 1839 г.

В тоже время Хозяйственное Управление при св. Синоде вместо хозяйств, комитета, существовавшего с 1836 г., учреждено с целью заведывания суммами и имуществами, в особом ведении св. Синода состоящими и контролем над ними, а так же и контролем по суммам духовно-учебного ведомства, который принадлежит 3-му отделению Хозяйственного управления. Кроме других сумм, исчисленных для штата Хозяйственного управления, – 65020 руб. предположены из духовно-учебных капиталов.

Таким образом с учреждением указанных двух Управлений, (не говоря еще о канцеляриях об. прокурора и синодальной), прежде всего экономия духовно-учебного ведомства должна была значительно пострадать, вследствие отделения из капиталов ее суммы на эти учреждения и их канцелярии, хотя предполагалось, что расходы эти должны вполне искупаться пользою означенных учреждений для духовно-учебной части¹⁸⁰.

«Высшее заведывание духовно-учебной частью сосредоточено в св. Синод... с возложением на него обязанности обращать полное внимание на главные предметы воспитания и хозяйства, не развлекаясь делами меньшей важности, требующими движения быстрого, которое они и получили под надзором об. прокурора... (наблюдающего) за повсеместным исполнением существующих законов (по духовно-учебной части)»¹⁸¹. Непосредственное отношение св. Синода к духовно-учебным заведениям таким образом прервано. Прежде дух. академии делали свои представления прямо в Комиссию дух. уч. и от нее так же прямо получали предписания, члены же Комиссии, как известно, большею частью были и членами Синода. Теперь между св. Синодом и академиями с семинариями явился посредник, об. прокурор, чрез которого шли дела на разрешение высшего начальства из дух. учебных заведений и решения Синода в эти заведения. Процедура производства дел значительно удлинилась, число дел и номеров бумаг увеличилось, самые же дела прежде чем достигнуть Синода, стали получать ту или другую требующуюся окраску и направление.

Впрочем на первых порах не были ясны результаты неожиданно произведенной реформы. Архим. Никодим рассказывает (гл. XXVI), что митр. Филарет, разговаривая с ним по этому поводу, сказал: «вот ты до чего здесь дожил: при тебе упразднили Комиссию», и при этом прибавляет, что это сказано было мягким тоном, с полуулыбкою, в которой смешана скорбь с радостью, частью потому, что и в Комиссии заседали светские, мешавшие духовным, частью же потому что и великий Филарет не мог сказать, что будет из сего нововведения, хорошего или нехорошего. – Действительно, в письме к архиеп. Смарагду от 16-го мая 1839 г. м. Филарет замечает: «В упразднении Комиссии д. у. есть черта хорошая – сосредоточение дух. правления и по ученым предметам в св. Синоде. Были охотники сесть в К. д. у. и распорядиться ее капиталами, которые в св. Синоде уже не сядут. Как обработают подробности нового управления, время покажет»¹⁸². Освобождение же от многих хлопот, особенно по

ежемесячному пересчитыванию денег в казначействе Комиссии, могло, естественно, примирять бывших членов Комиссии с нововведением, особенно высокопреосв. старца Серафима. Впрочем преосв. Иннокентий Борисов в 1839 г. уже предрекал в письме к архиеп. ряз. Гавриилу: «Дух. уч. управление есть новый status in statu. Это желвак на теле, который стянет в себя все соки и заставит исхудать все тело»¹⁸³.

В начале следующего 1840 года, по словам о. Никодима (гл. XXXIX), выработаны были три проекта преобразования семинарской программы: Карасевского и двух Филаретов московского и киевского; в программу внесены были – сельское хозяйство, медицина, естественная история, катехизис Петра Могилы, (который, впрочем, введен еще с 1838 г. как упомянуто выше, стр. 125). Никодиму поручено сделать размещение предметов по классам и по числу уроков и наставников. Но как его размещение найдено было неудовлетворительным, то составлен особый комитет из ректоров – академии (Николая), спб. семинарии (Афанасия), харьковской семинарии Иоанна и того же Никодима. Заседания комитета были в дух. уч. Управлении, под председательством ректора академии, в присутствии Карасевского и начальника отделения. Ректор академии, по словам Никодима, «потворствовал светским, увеличивая число уроков на медицину, сельское хозяйство и пр. », но Никодим возражал и старался прибавить уроков по главным предметам. Когда программа была окончена, реформу стали вводить с сентября 1840 г., сначала по московскому и казанскому округам¹⁸⁴. «Перемена учебной части требовала и нового определения способа преподавания соответственно с новопоставленной целию из духовных предметов особенно приспособить к обязанностям сельского священника богословие пастырское и собеседовательное и пр. »¹⁸⁵. Поэтому учрежден особый комитет для рассматривания конспектов по всем отраслям богословия, в нем впоследствии участвовал и ректор спб. семинарии Феоно́ст, но занятия комитета затянулись; по словам Никодима, комитет ничего не сделал, потому что «страсти, личности, беспечность общая с головы до ног; препоны от светских». Но впоследствии комитет усилен и ему вменено было в обязанность иметь постоянные собрания по два раза в неделю и о ходе своих занятий представлять подробные отчеты чрез каждые два месяца¹⁸⁶. Между тем Никодим был отстранен, как не оправдавший возлагавшихся на него надежд, место его занял одесский ректор Афанасий (Дроздов), признанный более способным для предположенных целей и отличавшийся, по выражению преосв. Филарета Гумилевского, сильною охотой сделать угодное людям века¹⁸⁷. Его назначили ректором петербургской академии (1841 г.) и вскоре потом епископом винницким, с оставлением в академии при одной ректорской должности и с увольнением от должности профессора. Он был и председателем в комитете для пересмотра конспектов и явился проводником мыслей гр. Пратасова в направлении учебной части к церковному преданию и практической основе.

Перемещение С. Петербургской семинарии и ее преобразование

Окончательное решение о выведении семинарии из Александроневского монастыря и построении для нее отдельного здания последовало в 1837 году. Граф Пратасов представил Государю Императору особую докладную записку, которая докладывалась была в Комиссии дух. уч., 16 авг. 1837 года и сообщена митрополиту Серафиму, с выпискою из журнала Комиссии, следующего содержания.

«С. петербургская семинария с состоящими при ней низшими училищами помещается ныне в зданиях, принадлежащих Александроневской Лавре с большим стеснением, как для училищ, так и для Лавры.

«Для отвращения сих неудобств с давнего времени предполагалось построить для семинарии новое здание в другом месте, оставив в Лавре одни низшие училища.

«Озабочиваясь приведением в исполнение сего предположения, он (обер-прокурор) по личным объяснениям с Его Высокопреосвященством, избрал под семинарию место из принадлежащих Лавре в весьма близком расстоянии от оной¹⁸⁸. Поставив долгом довести о сем до сведения Его Императорского Величества, он имел счастье представить на Высочайшее благоусмотрение общий план Александроневской Лавры, на котором место, избранное под постройку здания для семинарии, показано под лит. С. Т. П. О.

«На сей записке сделана Его Сиятельством следующая надпись: «Доложено Его Императорскому Величеству в Александрии, близ Петергофа 26 июля 1837 года. Государь Император изволил одобрить избранное место с тем, чтобы здание построено было лицом к Обводному каналу, несколько отступив от дороги».

Митрополит сообщил выписку из журнала Комиссии в канцелярию Александроневской Лавры, которая должна была покончить условия с содержателем огородов на предположенной для семинарии земле, мещанином Мих. Ивановым и землю передать в ведение семинарии, в количестве 8024 квадр. сажень. Земля принята от казначея лавры Никанора и архитектора Комарова ректором семинарии, архимандритом Макарием и инспектором, соборным иеромонахом Антонием, в декабре 1837 года.

Между тем учрежден был строительный комитет, в состав которого вошли: наместник Александроневской лавры, архимандрит Палладий, инспектор семинарии, соборный иеромонах Антоний, а с апр. 1838 г. и ректор семинарии, архимандрит Афанасий, казначей лавры иеромонах Амвросий, с поручением ему казначейской должности по комитету, и синодальный архитектор Аполлон Щедрин. Сверх того, назначены: секретарем комитета лаврский иеромонах Владимир, комиссаром или смотрителем при постройке лаврский иеромонах Иосиф и два писца¹⁸⁹. Комитету выданы были – особая инструкция и формы для счетоводства. Заседания комитета начались с сентября 1837 г. и происходили первоначально в свободных комнатах ал. невской лавры. Тогда же начались и подготовительные работы, на который исчислено архитектором 37 тыс. руб., но Комиссия д. уч. постановила испросить до 50 тыс. в счет суммы, какая будет исчислена по генеральной смете на все строение. План нового семинарского здания Высочайше утвержден 10 янв. 1838 г. По смете архитектора Щедрина, которая доложена была присутствию Комиссии дух. уч. 15 июня 1838 г., – исчислено на все работы по построению семинарии: 521534 руб. 49 к. асс.

Чрез три года новое здание было готово и, с соизволения высокопр. Серафима, принято со службами и оградой от строительного комитета в ведение семинарского правления, в августе 1841 г. с описями и чертежами. Под описью (которая будет рассмотрена в своем месте), подписались: смотритель при постройке иеромонах ал. невской лавры Иосиф, сдававший строение; члены комитета, находившиеся при сдаче: Афанасий, еп. томский и енисейский, наместник лавры, архимандрит Палладий, казначей иеромонах Амвросий, архитектор надворный советник Щедрин; далее – смотритель дома спб. семинарии, губ. секретарь Камышников, принимавший постройку, и бывшие при приеме: ректор семинарии архим. Феогност; инспектор иеромон. Иоасаф и правящий должность эконома Александр Петров. Особо сданы смотрителю пристройки и остатки материалов. На обзаведение новых

зданий мебелью и разными принадлежностями выслана особая сумма (см. отд. Экономия). Обо всем этом от лица митрополита сделано донесение обер-прокурору св. Синода, в сентябре 1841 г. По представлении всех отчетов, строительный комитет закрыт в начале 1842 года. Освидетельствование нового помещения митр. Серафим поручил произвести особой Комиссии, состоявшей из казан. протоиерея А. Окунева, спасо-сенновского – Гавр. Михайлова и свящ. Предтеч. церкви Андр. Славинского. Открытие же семинарии в новом, обширном и можно сказать великолепном, здании происходило 26 сентября, в день св. апостола и евангелиста Иоанна Богослова, во имя коего освящена в ней и церковь. Все знатнейшее духовенство, вместе с родителями и родственниками воспитывающихся в ней юношей, присутствовали на сем торжестве, которое возбудило в них глубокие чувства благодарности к Августейшему виновнику преобразования оной»¹⁹⁰. Освящение церкви совершал киевский митрополит Филарет. Высокопреосвященный Серафим приказал выдать лаврскому ризничему антиминс для семин. церкви, но сам по болезни и старческой слабости в это время уже не служил¹⁹¹. Московский же митр. Филарет находился тогда в Москве.

Вместе с перемещением семинарии, произошло и ее внутреннее обновление по всем частям. Граф Пратасов, давший решительное движение делу о постройке новой семинарии, обратил особенное внимание и на ее внутреннее благоустройство. При первом представлении к нему нового ректора, переведенного из Твери, Афанасия (в марте 1838 г.), Пратасов «премножество изъявил ему желаний сделать семинарию образцовою, и велел подать ему записку, что нужно для этого сделать, даже с профессорами»¹⁹². При втором визите Афанасия, гр. Пратасов изъявил намерение сам быть вскоре в семинарии.

В июне Пратасов с экзамена в академии зашел в семинарию, тогда как Афанасий оставался еще в академии. Но последний вскоре пришел и нашел об. -прокурора в философском классе; он слушал учеников и рассматривал философскую какую-то тетрадь. «Я, поклонившись, встал на свое место, рассказывает Афанасий, – чтобы вслушаться, в чем дело. Обер-прокурор сказал мне: здравствуйте о. ректор! Благословите меня. – Я благословил, и он продолжал мне говорить, что ученики не понимают, что читают. Я спросил: из чего это видно, ваше сиятельство? – Из того, что читают так, как написано. – Это, возразил я, еще ничего не доказывает; чтобы узнать, подлинно ли они не понимают, надобно ввести их в спор, тогда, виднее будет. – Я начал было заводить спор, но он велел мне спрашивать их из катехизиса. Впрочем скоро он и это прекратил, сказав, что я за них говорю. В богословии вопросы касались тоже катехизиса и сверх того часов, читаемых пред литургиею и т. п. В словесности спрашиваны ученики из истории. После этого экзамена г. об. -прокурор заметил мне, что ученики мало знают церковности и что это есть общий недостаток семинаристов... После того были в комнатах и столовой», которыми, как выше упомянуто (стр. 220), граф также остался недоволен¹⁹³.

С сентября 1841 года в новопомещенной семинарии введено общее преобразование учебной части и улучшения в экономической. Подробности этого будут рассмотрены ниже, в своем месте. Затем начальство семинарии определено все новое: ректор, архимандрит Феогност, инспектор магистр Мишин в светском звании и два помощника инспектора – кандидаты Дашкевич и Покоев; последний вскоре назначен и экономом. Сверх того, для лучшего надзора за нравственностью воспитанников и наблюдения за внешним устройством семинарии определен, по Высочайшему повелению, особый чиновник (из военных), в звании смотрителя дома. Ему, как и помощникам инспектора, дана особая подробная инструкция (см. ниже).

Таким образом С. -Петербургская семинария, кроме введения нового порядка учебной части, наравне с другими семинариями, но выражению гр. Пратасова, «удостоена особенной Высочайшей заботливости, как находящаяся в столице. Повелел устроить ее по примеру лучших равностепенных ей заведений других ведомств, сколько то может соответствовать духовному училищу, чтобы ей быть образцовою для прочих семинарий, Его Величество изъявил Высочайшую волю о принятии самых деятельных мер к строгому надзору за нравственностью воспитанников»¹⁹⁴. В этом отношении, без сомнения, особенная заслуга принадлежит синодальному обер-прокурору графу Николаю Александровичу Пратасову. Он и сам не раз наезжал внезапно в новую семинарию и поручил наблюдать за ней Карасевскому, который особенно на первых порах часто посещал ее.

Желание об. -прокурора, чтобы петербургская семинария была «образцовой» осуществилось, по крайней мере по отношению к внешнему благоустройству, порядку и дисциплине. Другие семинарии обращались иногда на этом основании к петербургской, напр. московская (1844 г.) спрашивала как бы указаний по некоторым пунктам относительно постройки, экономии и воспитательной части; по распоряжению митр. Филарета, инструкция помощнику инспектора была выписана из петерб. сем. для московской. Так же рижская семинария при преобразовании в 1857 г. обращалась к петербургской за расписанием классов и предметов и пр. Наконец в петерб. семинарию, как образцовую, с 1842 г. вызывались лучшие воспитанники из других семинарий, по распоряжению гр. Пратасова (см. ниже, отд. Воспитанники).

Должностные лица

Ректоры

1) Феогност Лебедев I-й (тверск. сем.), магистр спб. академии 1827 г., бакалавр моск. акад. сначала по церк. словесности, потом по нравственному богословию; пострижен в монашество в 1832 г. а в 1833 г. определен ректором вологодской сем. с настоятельством в Толгском ярославском монастыре. В июне 1841 г. перемещен в спб. семинарию. В сент. 1842 г. уволен, по прошению, от профессорства и оставлен только ректором, на полном ректорском окладе, с поручением его особому надзору богословского класса, и чтоб удобнее мог иметь «бдительный надзор за семинарией и подведомственными ей низшими училищами». Бывши членом конференции спб. академии, с янв. 1842 г. состоял членом комитета для рассмотрения конспектов преподаваемых в семинарии наук. В мае 1848 г. посвящен в епископа острогжского, викария воронежской епархии. В 1852 г. епископ вологодский, в 1856 г. тобольский. Скончался архиепископом псковским в 1869 г.

2) Христофор Эммаусский (твер. сем.), кандидат спб. акад. 1819 г., был учителем в киевской и орловской семинариях, затем приходским священником орл. епархии. Овдовев в звании протоиерея, принял монашество в 1833 г., был настоятелем Троицкого Оптина монастыря и вскоре Комиссией дух. уч. назначен в ректоры волынской сем. с настоятельством в Загаецком Иоанна Милостивого заштатном монастыре. В 1848 г. был вызван в Спб. на должность очередного архимандрита и в июне определен ректором спб. семинарии, получив в 1849 г. в управление Новоторжский Борисоглебский монастырь. В том же году ездил ревизором в новгородскую семинарию. С 1850 г. епископ ревельский, викарий спб. епархии. В 1856 г. епископ вологодский, а в 1860 г. – вятский, но в том же году, по прошению, уволен в Спасо-Суморин монастырь, с управлением им. † 1872 г.

3) Иоанникий Горский (яросл. сем.), магистр спб. акад. 1837 г., профессор нижег. сем., инспектор и профессор богословия в киевской семин., потом академии, исправлял должность ректора киевской акад. и в 1846 г. сделан ректором ярославской сем. и архимандритом второклассного монастыря. В апр. 1850 г. перемещен в спб. сем. В янв. 1855 г. викарий старорусский, в 1856 г. епископ саратовский, в 1860 г. архиепископ варшавский; скончался херсонским архиепископом в 1877 г.

4) Иоанн Соколов (моск. сем.), магистр моск. ак. 1842 г. и бакалавр в московской, потом спб. академии, в которой был и инспектором. В 1853 г. ординарный профессор и доктор богословия за соч. «Опыт курса церк. Законоведения». В янв. 1855 г. назначен ректором спб. сем., в сане архимандрита, со степенью настоятеля второклассного монастыря. Кроме исправления других посторонних должностей, которые указаны в своем месте, был членом строительного комитета по сооружению зданий Александроневского училища, а в 1855 г. ревизором тверской сем. В 1856 г. член Синодальной канцелярии. В 1857 г. перемещен ректором в казанскую академию, с оставлением за ним лично степени настоятеля первоклассного монастыря. В 1864 г. ректор спб. академии, и викарий Выборгский (1865 г.) В 1866 г. епископ смоленский. Известный проповедник, замечательный глубиной и живостью мысли, смелостью и энергией слова. † 1869 г.

5) Нектарий Надеждин (тамб. сем.), магистр киев. ак. 1843 г., ректор Приворотских дух. училищ, затем киево-софийского и потом инспектор киев. семинарии. С 1851 г. бывший ректором киев. сем. находился на чреде священнослужения в Спб. и сделан ректором новгор. сем. (1856 г.) В марте 1857 г. перемещен в спб. сем. со степенью лично настоятеля второклассного монастыря; член временного комитета при постройке двух флигелей при семинарии (1858 г.) В 1859 г. ректор спб. академии и викарий Выборгский. В 1860 г. епископ нижегородский, в 1866 г. был председателем комитета по преобразованию дух. учебных заведений; в 1867 г. – архиепископ, с 1869 – харьковский. † 1874 г.

6) Леонтий Лебединский (ворон. сем.), магистр спб. ак. 1847 г. По опред. св. Синода, в октябре назначен, в сан иеромонаха, помощником ректора по кафедре богословия. С 1849 г. был и помощником инспектора. В нач. 1851 г. перемещен в инспекторы киевской сем. В 1856 г. ректор владим. семинарии, потом новгородской, а в мае 1859 г. перемещен в с.-петербургскую. В 1860 г. – викарий, еп. ревельский, но некоторое время исправлял ректорскую

должность. В 1863 г. еп. подольский, в 1874 г. архиеп. херсонский, с 1875 г. – Холмско-варшавский.

7) Платон Троепольский (моск. сем.), магистр моск. ак. 1844 г., профессор подол. сем. В 1851 г. принял монашество и был профессором киев. сем., потом инспектором полтавской, харьковской сем.; в 1857 г. определен ректором влад. сем., откуда в марте 1860 г. перемещен в с.-петербургскую; член комитета для рассмотрения проектов о преобразовании дух. учебных заведений (1860 г.) Дана ему лично степень настоятеля 2 кл. монастыря. В 1864 г. еп. екатеринославский, в 1868 г. томский. † 1876 г.

8) Палладий Раев (нижег. сем.), магистр казан, ак. 1852 г. Профессор нижег. сем., рукоположен во свящ. в 1856 г., а в 1861 г. пострижен в монаш. и сделан инспектором в сент. 1863 г., в сане архимандрита. В дек. 1864 г. перемещен в ректоры спб. сем. В 1866 г. еп. ладожский, но временно исправлял ректорскую должность. Впоследствии еп. вологодский, тамбовский, рязанский, а ныне архиеп. казанский.

9) Павел Лебедев (твер. сем.), магистр спб. ак. 1853 г. Назначен в сан иеромонаха помощником ректора спб. сем. по профессорской должности, потом и помощником инспектора. В 1854 г. отправлял (безмездно) богослужение в семин. церкви. В 1855 г. временно преподавал нем. яз. и православное исповедание с Богослуж. книгами. С ноября 1857 г. инспектор спб. сем., с возведением в сан архимандрита в 1858 г. и член строительного комитета по постройке флигелей (1858 г.); с окт. 1859 г. инспектор спб. дух. академии. В 1861 г. ректор смол. семинарии, а с 1866 – петербургской. Член конференции и внешнего правл. спб. ак. В 1868 г. был членом комитета по пересмотру акад. устава; в том же году епископ Выборгский, но исправлял ректорскую должность до нач. 1869 г. Затем епископ ладожский, кишиневский (с 1879 г. архиепископ), а с 1882 г. экзарх Грузии.

Инспекторы

1) Александр Ив. Мишин (ворон. сем.) магистр и бакалавр спб. акад. 1841 г., с сентября того же года определен на должность инспектора сем. в светском звании и профессора философии (логики и психологии), также чтения лат. писателей, а с 1845 г. и патристики (в средн. отд.) В 1857 г. переведен на кафедру церк. законоведения ординарным профессором в спб. академию. † 1859 г.

2) Павел Лебедев (см. в списке ректоров, № 9).

3) Иосиф Баженов (ворон. сем.), старший кандидат, потом магистр спб. акад. 1853 г., определен сначала помощником ректора пск. сем.; в 1856 г. принял монашество и в ноябре следующего года перемещен в спб. семинарию преподавателем библиографии по расколу и греч. яз. в высш. отд. (1858 г.); исправлял должность помощника инспектора, а в окт. 1859 г. утвержден инспектором. С 1860 г. преподавал нравственное богосл. и гомилетику; в июне того же года возведен в сан архимандрита. В 1862 г. назначен ректором костр. сем., а в 1868 г. перемещен в вятскую). Затем был настоятелем Доброго монастыря (калуж. еп.) С 1875 по 1880 г. состоял членом спб. духовно-цензурного комитета. Ныне настоятель моск. Заиконоспасского монастыря.

4) Феодосий Макаревский (черниг. сем.), магистр киев. ак. 1849 г. Из профессоров смол. дух. сем. был ректором вязем. дух. училища, в сане протоиерея. В 1861 г. пострижен в монаш. и назначен инспектором смол. сем. откуда переведен в мае 1862 г. в спб. В сент. 1863 г. ректор ворон. сем., в 1867 г. еп. острожский, а с 1871 г. – екатеринославский.

5) Палладий Раев (см. в списке ректоров, № 8).

6) Корнилий Орликов (моск. сем.), магистр моск. ак. 1858 г. Из инспекторов костр. семинарии, в сан архимандрита, переведен в спб. в марте 1865 г., но в след. году перемещен ректором костр. сем. Затем, вследствие болезни глаз, оставил дух. учебную службу, (в 1874 г.) Ныне настоятель новгор. Антониева монастыря.

7) Игнатий Климент. Зинченко (полт. сем.), магистр киев. ак. 1857 г.; был профессором екатериносл. потом полт. сем. В ноябре 1863 г. перемещен в спб. на логику и психологию. В 1865 г. по прошению уволен был из дух. звания, для поступления в одну из гимназий царства Польского, но вследствие несостоявшегося назначения, снова, по прошению, принят в дух. звание и оставлен при прежней должности. В 1866 г. с разрешения акад. правления, приглашен в члены семин. правления, в мае того же года назначен помощником библиотекаря, а в сент. исправляющим должность инспектора. С февр. 1867 г. инспектор. В нач. 1870 г. назначен членом-ревизором Дух. учебного комитета.

Экономы

1) Павел Алексеев. Покоев (новг. сем.), из учителей новг. дух. училища поступил в спб. дух. акад., где окончил в 1841 г. старшим кандидатом и определен помощником инспектора спб. семинарии; временно исправлял должность эконома, а с янв. 1842 г. утвержден в этой должности. По увольнении проф. Галахова, с сент. 1841 г. преподавал св. Писание в средн. и высш. отд. и греч. язык. В 1844 г. рукоположен во свящ. к Симеоновской церкви, на моховой, † 1847 г.

2) Павел Андр. Троицкий (твер. сем.), кандидат спб. акад. 1837 г., из наставников тверской сем. перемещен в 1839 г. в алекс. -невское училище, сначала приходское, потом уездное (на греч. яз. арифм. географ, нотное пение). В мае 1844 г., с разрешения синод, обер-прокурора, определен правлением сем. по прошению и утвержден митр. Антонием в должности эконома семинарии и помощника инспектора. В мае 1846 г. «по вдовству и болезни» уволен из дух. звания, в чине колл. секретаря со старшинством. Временно исправлял должность смотрителя сем. дома, потом с 1848 г. по 1852 г. состоял в этой должности, хотя без окончательного утверждения в ней и на половинном окладе. За выходом наставников, не раз исправлял временно профессорские обязанности (см. III пер.)

Смотрители дома

Должность смотрителя семин. дома учреждена в 1841 г. В предложении обер-прокурора гр. Пратасова от 17 апр., по этому поводу, сказано: «Государь Император в 23 день минувшего марта Высочайше повелеть соизволил: с переводом с. -петерб. семинарии в новое здание, учредить неослабный надзор, как за исправностию служителей и за внешним устройством сего здания, так и за соблюдением в оном порядка со стороны воспитанников, независимо от надзора, который должно иметь за ними само семинарское начальство. Для сего определить в семинарию особого чиновника, в звании смотрителя семинарского здания, из отставных военных или гражданских чиновников испытанной нравственности и точного в исполнении своих обязанностей; жалованье сему чиновнику назначить из духовно-учебных капиталов, по сравнению с окладами профессора – эконома семинарии, по 629 р. 20 к. в год, сверх квартиры и отопления, которыми он должен пользоваться в самом семинарском здании. Для определения же прочих затем прав сему вновь учреждаемому месту, отнестись оное по расписанию должностей гражданской службы к VIII классу, по пенсионному уставу к VI разряду и по расписанию о мундирах к VIII разряду».

Смотрителю выдана особая инструкция, или Положение о обязанностях смотрителя семинарского здания в С. -Петербурге – рассмотренная и утвержденная св. Синодом 30 июля 1841 г. Инструкция разделяется на 4 части: А) обязанности в отношении к дому, В) в отношении к служителям, В) воспитанникам, Г) заключение. В первой предписывается: наблюдать чистоту и опрятность во всех помещениях и принадлежностях дома, порядок и исправность в отоплении и освещении, целость и прочность здания во всех частях, тишину и внешнее благочиние в здании, точность в исполнении подрядов по чищению труб, уборке нечистот и т. п., так же полицейских правил, – распоряжаться отводом квартир для чиновников, содержанием постоянного караула и о важных происшествиях доводить до сведения ректора и доносить директору дух. учебного управления. Служителей иметь в полном и непосредственном распоряжении, заведывать их видами, выдачей жалованья и амуниции, следить за поведением их, трезвостью и опрятностию, избрав одного из старших и исправнейших для помощи в надзоре за остальными и вообще для приказаний. Предписания инструкции относительно наблюдения за поведением воспитанников будут рассмотрены в своем месте. В заключении же смотрителю предоставляется право, в случае каких либо неисправностей, принимать не только меры находящиеся в его распоряжении, но и требовать содействия инспектора и эконома, сноситься с ректором, или подавать записки в семин. правление, причем сам может присутствовать в правлении и имеет право голоса и подписи равное с прочими членами. О состоянии семинарии он еженедельно обязывается доносить письменно директору Дух. учебн. управления, о случаях же особой важности – немедленно; в Управление является и за получением жалованья. Вообще, он «должен стремиться всеми средствами к достижению цели, для которой назначена Высочайшею волею». Инструкцию подписал за директора А. Войцехович; скрепил начальник отделения Розанов.

1) Александр Камышников, из военных, состоявший не у дел губернский секретарь, в исполнение (вышеизложенного) Высочайшего повеления от 23 марта 1841 г., графом Пратасовым определен 15 июля 1841 г. исправляющим должность смотрителя при спб. семинарии. Раньше он исправлял должность смотрителя и эконома в разных заведениях, напр. в институте горных инженеров. Согласно прошению, уволен от должности смотрителя, по определению обер-прокурора, от 4 апр. 1843 г. и потом поступил на службу по полиции.

2) Константин Мещанков, отставной майор ольвиопольского уланского полка, с апр. 1843 г. В 1844 г. переименован в титул. советника. В 1846 г. уволен сначала в отпуск на 3 месяца для лечения, потом и от должности; перешел в департамент государственного коннозаводства.

3) Александр Соколов (из кадет Императ. военно-сиротского дома), артиллерии подполковник – в отставке с мундиром. Был смотрителем с окт. 1846 г. по июль 1848 г., когда опять поступил в военную службу.

4) Павел Андр. Троицкий (см. выше в списке экономов.)

5) Александр Вас. Михалкевич-Дольский из дворян (пск. губ.), отставной майор гренадерского, короля Нидерландского, полка, по Высоч. приказу определен смотрителем в

февр. 1852 г. и переименован в колл. ассесоры. Уволен в 1865 г., в чине колл. советника, по закрытии должности смотрителя дома.

Профессоры и преподаватели

Из наставников, служивших в семинарии до 1841 г., следующие 5 остались и в новой семинарии, на то или другое продолжение времени. Остальные идут ниже в хронологическом порядке, применительно к времени их поступления в семинарию.

1) Андрей Хрисан. Михайлов, профессор физики и математики, с 1842 г. должен был еще преподавать естественную историю и сельское хозяйство, до вызова на эти предметы особого преподавателя. В 1844 г. по болезненному состоянию уволен в светское звание. С янв. 1845 г. библиотекарь. В сент. 1852 г. исполнилось 25 лет его службы; а в февр. 1853 г. подал в отставку по болезни, с просьбой о пенсии, которая по опред. св. Синода и назначена, с апр. 1853 г., в размерах полного профессорского оклада. Аттестован как служивший с отличным усердием и пользою и отличавшийся примерно хорошим поведением. В течение своей продолжительной службы, исполнял множество различных поручений, по рассмотрению книг, свидетельствованию физических и геодезических инструментов, экономических припасов, по ревизиям и проч. В настоящее время проживает на родине, в г. Луге.

2) Петр Ив. Боголюбов, профессор церк. ист. и греч. яз., а с 1841 г. первый начал преподавание в спб. сем. канонического права; преподавал также церковные древности и историю росс. церкви. Составил «записки для обозрения главных событий, входящих в состав общей истории христ. церкви, с подробным хронологическим указателем», также записки по каноническому праву и несколько статей для воспитанников по церк. древностям. В 1843 г. по болезненному состоянию уволен в светское звание, с чином колл. асессора со старшинством. В 1853 г. занял еще должность заведывающего домом призрения малолетних бедных человеколюбивого общества, а в 1854 г. назначен директором дома воспитания бедных детей в С. -Петербурге. По этой должности получал почетные награды. Из семинарии вышел в начале 1859 г. в чине статского советника, по расстроенному здоровью, с полной пенсией за 25-ти летнюю усердную, беспорочную и полезную службу, † 1880 г.

3) Дим. Ив. Успенский, преподаватель финского яз. с 1841 г. преподавал также катехизическое учение, богослужебные книги и лат. яз. (в низш. отд.). В февр. 1842 г. уволился в светское звание в чин титул. советника. В мае 1844 г. просил увольнения от преподавания лат. яз. и катехиз. учения, в виду скорейшего окончания составляемого им финского словаря; в окт. того же года, согласно прошению, совсем уволен от учительской должности при семинарии и поступил потом в штаб корпуса путей сообщения.

4) Петр Ив. Зыков, в 1841 г. перешел на гражд. историю и греч. яз., преподавал так же и нем. яз. (с 1842 г.). В авг. 1847 г. произведен во священника семин. церкви; в том же году представлял сочинение на магистра, но не удостоен. Преподавал еще закон Божий в михайл. школе (патриотического общества), В феврале 1849 г. перешел к Воскресенскому всех учебных заведений собору, оставаясь до конца учебного года преподавателем семинарии. † 1856 г.

5) Иван Федот. Полотебнов, (см. выше, стр. 40.)

6) Николай Адиясевич (подол. сем.), магистр спб. акад. 1841 г. переведен из профессоров тверской сем. в том же году на греч. яз. и историческое учение об отцах церкви, но в начале 1842 г. назначен инспектором казанской семинарии. В 1848 г. вышел в гражданское ведомство и был казанским исправником. † 1873 г.

7) Матвей Ив. Муретов (ряз. сем.), магистр киев. акад., 1841 г., был профессором и помощником инспектора в киевской сем. В 1842 г. перемещен в спб. на словесность (по 1-му классу) и чтение историч. книг ветхого завета и занял секретарскую должность. В мае 1843 г. вышел во священники в Исаакиевский собор, в 1857 г. возведен в сан протоиерея, в 1865 г. перемещен к Спасской парголовской церкви, а в 1870 г. к Мнтрофано-кладбищенской церкви, где состоит и доселе настоятелем...

8) Павел Ив. Савваитов (волог. сем.), магистр спб. акад. 1837 г., из профессоров вологодской сем. перемещен в 1842 г. в спб. на патристику, свящ. писание с герменевтикой и чтение отцев церкви по гречески. В октб. 1845 г. получил золотую медаль от вольного эконо. общества за перевод на зырянский язык сочин. об оспопрививании. В авг. 1846 г. уволился из духовного звания по болезненному состоянию. В 1848 г. поступил в павловский кадетский корпус учителем словесности. В 1850 г. был избран в число членов корреспондентов

археологического общества и в действительные члены географического общества, в следующем году избран соревнователем Императ. общества истории и древностей российских при моск. университете, потом сделан действительным членом этого общества так же как и общества любителей российской словесности, археологического и вольного экономического, а впоследствии и общества северных антиквариюв. С ноября 1853 г. ему поручено было сем. правлением и преподавание учения о расколе, а с 1857 г. православного исповедания. С 1856 г. состоял библиотекарем семинарии. В 1862 г. назначен был наставником-наблюдателем по классу русской литературы в павловском кадетском корпусе. Из спб. семинарии вышел в 1867 г., прослужив в ней 25 лет, с чином действ. статского советника (всего на духовно-училищной службе состоял 30 лет). В настоящее время занимает должность секретаря ученого комитета при министерстве народн. просвещения и продолжает трудиться на поприще истории и археологии.

9) Василий Петр. Полисадов (костр. сем.), магистр моск. акад. (1842 г.), определен на кафедру богословия, в помощь ректору Феогносту; кроме догм. и нравств. богословия, преподавал учение о вероисповеданиях, гомилетику и учение о должностях приходских священников. С апр. 1843 г. сделан секретарем. В марте 1845 г. по определению св. Синода, рукоположен во свящ. семинарской церкви, без жалованья. В 1847 г. назначен на свящ. вакансию к церкви при миссии нашей в Швейцарии, служил так же в Париже и Берлине. Впоследствии настоятель Петропавловского собора и ректор Петропавловск. училища, затем профессор богословия в университете и протоиерей в Исаакиевском соборе. По введении нового семин. устава, состоял членом от духовенства в семин. правлении 5 лет. Скончался в отставке в 1878 г.

10) Иван Алек. Ансеров (моск. сем.), магистр моск. акад. (1842 г.), назначен на 2-й класс словесности, но в сент. 1843 г., по прошению, перемещен в московскую семинарию. Впоследствии был в Москве священником.

11) Василий Гр. Чубинский (ворон. сем.), магистр спб. акад. (1843 г.), назначен на 1-й кл. словесности и свящ. писания. В 1847 г., по прошению, уволен из дух. звания. В феврале 1848 г. перешел в чиновники департамента военных поселений. Ныне состоит управляющим архива морского министерства, в чине тайного советника.

12) Иван Ив. Базаров (тул. сем.), магистр спб. акад. 1843 г., в ноябре поступил на 2-й класс словесности, но в апреле 1844 г. уволен, по случаю назначения во священники к вновь учрежденной правосл. церкви в Вис-Бадене. Ныне протоиерей посольской церкви в Штутгардте.

13) Фома Густ. Фриман, из финляндских уроженцев, бывший учитель чистописания в морском кадетском корпусе. По свидетельству о знании финского языка от Гельсингфорсского университета, в сент. 1844 г. определен учителем финского языка в семинарии. С янв. 1847 г. ему поручено еще преподавание вновь введенного эстского языка. С 1845 г. стал заниматься и переводом церковно-богослужебных книг на финский язык. Вышел из семинарии в 1870 г. в инспекторы училища при финской церкви.

14) Герман Фед. Шмальц, из иностранцев, преподаватель энциклопедии камеральных наук, системы кадастра и агрономии в лесном и межевом институте; член ученого комитета министерства государственных имуществ; магистр философии. По определению св. Синода, в сент. 1843 г. поступил в семинарию, на класс сельского хозяйства. Удостоен бронзовой медали от Императ. вольного экономического общества, за его картофель на выставке в Спб. 1850 г. В апреле 1852 г. по домашним обстоятельствам уволился из преподавателей семинарии.

15) Камилл Генр. Рюо, французский подданный, выдержавший экзамен при спб. университете на учителя франц. языка и преподававший его в сиротском институт спб. Воспитательного дома. По определению св. Синода в сент. 1843 г., согласно Высочайшей воле о преподавании франц. языка в спб. семинарии, поступил на класс этого языка в семинарии. В 1856 г. вышел по расстроенному здоровью.

16) Феодор Григ. Солнцев (из придворно-служит. детей), окончил курс в академии художеств 1824 г., получил звание академика; занимался при академии художеств составлением полного собрания археологических и этнографических рисунков; исполнял разные поручения правительства по живописной части и по Высоч. повелению причислен к министерству государ. имуществ по производству иконостасов для сельских церквей (1852 г.);

в апр. 1844 г. определен наставником-наблюдателем по классу иконописания в спб. семинарии, где состоял на службе до конца 1868 г.

17) Петр Заболотский, свободный художник, наставник по классу иконописания в древнем русском стиле, (в качестве помощника Солнцева), с 1844 по 1855 г.

18) Александр Март. Кедров (спб. сем.), кандидат спб. акад. 1843 г., в февр. 1844 г. опред. на немецкий язык (так как родился и получил первоначальное воспитание в Германии), затем с июня 1844 г. преподавал также катехизическое учение, учение о богослужебных книгах и латинский язык, в низш. отд. В ноябре 1844 г. произведен во священники к церкви св. царицы Александры, при Императ. лицее. Вышел из семинарии в дек. 1849 г.

19) Иван Афан. Бронницкий (спб. сем.), кандидат с правом на магистра спб. акад. 1843 г., преподавал словесность по 2-му классу, с мая 1844 г., так же и свящ. писание в низш. отд. В 1850 г. умер от чахотки.

20) Иваи Вас. Бобриков (из твер. сем.), по окончании курса в медиц. академии был врачом в кирасирском полку (с 1823 г.), в звании медико-хирурга с дек. 1837 г.; врач при Стрельнинском дворцовом ведомстве, потом старший ординатор в 1-м военно-сухопутном с.-петербургском госпитале; в чине статского советника определен штатным врачом при семинарии, в июне 1845 г., а с сентября того же года и преподавателем медицины. В дек. 1848 г. поступил и в алекс.-невское училище. Впоследствии был непременным членом военно-медицинского комитета, в чине тайного советника; занимал также должность медицинского чиновника в комитете о ранениях. Из семинарии вышел в 1869 г. с пенсией. Всего на службе состоял 60 лет. Умер в 1883 г.

21) Александр Тимоф. Никольский (спб. сем.), магистр спб. акад. 1845 г., из учителей ал.-невского училища определен на словесность и св. Писание, в марте 1848 г. За болезнь и смертью Бронницкого преподавал словесность совместно обоим классам низш. отд. В 1851 г. вышел во свящ. к Знаменской церкви. По введении в семинарии нового устава, состоял членом правления от духовенства 6 лет, до дек. 1873 г. Известен также по части устройства приходской благотворительности. † 1876 г.

22) Николай Ив. Певницкий (спб. сем.), магистр спб. ак. 1849 г., определен в дек. того же года, по представлению семин. правления, на класс немецкого языка (так как родился и получил первоначальное воспитание в Германии, в Штутгардте), также катехизического учения, учения о богослужебных книгах и лат. яз. С июля 1851 г. временно преподавал гражд. ист. и греческий язык. В начале 1855 г. по прошению, вследствие предложения синодального об. прокурора, перемещен наставником в волынскую семинарию. † конце 60-х г.

23) Александр Петр. Булгаков (курск. сем.), магистр спб. акад. 1849 г., с ноября того же года – профессор гражд. истории и греч. яз. В начале 1851 г. вышел во священники Царскосельской госпитальной церкви, потом служил в Обуховской больнице. Впоследствии протоиерей и настоятель Казанского собора, † 1883 г.

24) Александр Коротков, из государственных крестьян олон. губ. По определению св. Синода, состоял преподавателем технического искусства иконописания, с мая 1849 г. по 1852 г., когда уволен, как «недовольно опытный и мало усердный».

25) Илья Вас. Беляев (моск. сем.), магистр моск. акад. 1850 г. С марта 1851 г. профессор словесности и св. Писания по 2-му кл. низш. отд. По болезни уехал из Петербурга и перемещен в московскую сем. в ноябре 1852 г., где и умер на профессорской должности в 1867 г.

26) Герман Осецкий (яросл. сем.), иеромонах, магистр спб. ак. 1851 г., в сент. того же года назначен помощником ректора по профессорской должности, с окт. отправлял должность священника семин. церкви, за что вскоре сопричислен к соборным иеромонахам. В 1853 г. состоял помощником инспектора и в конце этого года перемещен инспектором в новгородскую семинарию. За тем был ректором семинарий – кавказской и самарской, а с 1863 г. наместником алекс. невской лавры, потом в 1866 г. сделан настоятелем новг. Юрьева монастыря. В 1867 г. еп. сумский, а с 1872 г. кавказский и екатеринодарский.

27) Платон Ив. Карашевич (волын. сем.), магистр спб. ак. 1851 г. В сентябре того же года назначен на гражд. историю и греч. яз. С 1853 г. библиотекарь; в июне того же года переведен на класс физики и математики. В конце 1855 г. определен на свящ. место в Исаакиевском соборе и в янв. 1856 г. вышел из семинарии. Ныне протоиерей в Исаакиевском соборе.

28) Михаил Ферап. Архангельский (орлов. сем.), магистр спб. ак. 1851 г., назначен на словесность и Св. пис. по 1-му классу. С янв. 1853 г. – секретарь, но в следующем году, уволившись от секретарства, поступил преподавателем русск. словесности в дом воспитания бедных детей, при Человеколюбивом обществе. В конце 1855 г. рукоположен во свящ. Петропавловского собора и вышел из семинарии. Ныне, в сане протоиерея, – настоятель Пантелеймоновской церкви и член дух. консистории.

29) Алексей Яковл. Красносельский (пск. сем.), агроном Горыгорецкого земледельческого института (1851 г.), из помощников преподавателя сельского хозяйства и математики в псковской сем. – в июне 1852 г. перемещен в спб. на класс сельского хозяйства, затем преподавал и естественную историю, а с 1856 г. и математику, потом так же физику; в 1865–67 г. преподавал и латин. язык. С дек. 1861 г. секретарь. В 1862 г. поступил преподавателем естественных наук и таксации в землемерно-таксаторских классах при 5-й гимназии. Со введением нового семин. устава оставлен преподавателем физики, математики и космографии. (См. пер. III.)

30) Михаил Влад. Шавров (твер. сем.), магистр моск. ак. 1852 г., назначен на 2-й кл. словесности и св. Писания. С мая 1854 г. секретарь. В 1856 г. преподавал и учение о богослуж. книгах, затем латинский язык, а в 1855–57 г. и французский яз.; состоял помощником редактора издававшейся при семинарии «Духовной беседы». В янв. 1863 г. уволился в светское звание и вышел из семинарии по болезни. Был потом чиновником особых поручений при обер-прокуроре св. Синода. † 1884 г.

31) Александр П. Соколов (нижег. сем.), магистр казан. акад. (1852 г.), из бакалавров спб. академии перемещен в спб. сем. на класс гражд. истории и греч. яз. в ноябре 1853 г. В следующем году определен во свящ. русской миссии в Стокгольме. Впоследствии переведен к Князе-владимирскому собору, где и умер в 1862 г.

32) Платон Петр. Травлинский (спб. сем.), магистр спб. ак. 1851 г., из профессоров псковской сем. перемещен на гражд. ист. и греч. яз. в сент. 1854 г. В июле 1856 г. определен во свящ. к вновь устроивавшейся в вилле Демидовых Сан-Донато церкви, близ Флоренции. Ныне протоиерей в Исаакиевском соборе.

33) Лев Степ. Игорев (сарат. сем.), с 1845 г. учился при спб. сем. живописи и получил от академии художеств звание художника (1850 г.), затем и академика (1854 г.). В мае 1855 г. определен преподавателем иконописания, но в следующем году, по определению св. Синода, согласно прошению, перечислен в ведомство министерства иностр. дел и поступил в число членов новой пекинской дух. миссии, под начальством бывшего смотрителя ал.-невского училища, архимандрита Гурия (Карпова). Потом возвратился в Спб.

34) Александр Вас. Гумилевский (спб. сем.), магистр спб. ак. 1855 г., назначен на словесность и св. Писание по 1-му классу. В мае 1856 г. рукоположен во свящ. Христорождественской церкви, на песках, и в ноябре вышел из семинарии. Приобрел особенную известность, как устроитель приходской благотворительности и проповедник. В 1866 г. по Высоч. повелению перемещен в нарвский Преображенский собор, но в 1867 г. снова возвращен в Петербург и определен к церкви обуховской женской больницы, где и умер в 1869 г.

35) Михаил Осип. Коялович (лит. сем.), магистр спб. ак. 1855 г., из наставников рижской сем. перемещен в спб. в янв. 1856 г. на физику и греч. яз., но в мае назначен бакалавром обличительного богословия в спб. академии. Ныне доктор богословия и ординарный профессор академии по русской гражд. истории.

36) Федор Ив. Брандт, курляндский уроженец, утвержден в звании учителя немецкого яз. с. петербургским университетом. В янв. 1856 г. определен в семинарии на немецкий язык, без предоставления прав гражданской службы. Вскоре поступил учителем и в 5-ю гимназию; из семинарии вышел в сент. 1868 г.

37) Иван Вас. Толмачев (харьк. сем.), магистр спб. ак. 1855 г., назначен на класс гражд. пет. с авг. 1856 г., но тогда же переведен на физику и греч. яз. в низш. и средн. отд., потом греч. и лат. яз. в низш. отделении. В дек. 1858 г. назначен свящ. церкви при русской миссии в Стокгольме. Ныне протоиерей при церкви Зимнего дворца. Около 15 лет состоял членом Духовно-учебного комитета.

38) Феогност Лебедев 2-й (твер. сем.), иеромонах, магистр спб. акад. 1853 г, из ректоров Кирилловского дух. училища, в авг. 1856 г. назначен профессором гражд. истории и истории раскола, с пастырскими наставлениями по части обличения раскола (в высш. отд.); преподавал также катехизическое учение и богослужебные книги; исправлял должность помощника инспектора семинарии. С ноября 1856 г. исправлял должность ректора ал. невского училища. В ноябре 1857 г. инспектора новг. семинарии. Впоследствии епископ астраханский (с 1870 г.), потом подольский, а ныне Владимирский и суздальский.

39) Алексей Дим. Малов (из тамб. сем. перемещен в спб. для изучения живописи); в 1853 г. получил от академии художеств звание некласного художника. В семинарии окончил курс в 1855 г., а в дек. 1856 г. определен преподавателем живописи и иконописания. † 1864 г.

40) Владимир Ив. Ловягин (твер. сем.), магистр спб. акад. (1851 г.) чрез 2 года училищной службы; из профессоров и помощников инспектора новг. сем. перемещен в дек. 1856 г. на словесность и св. Писание. С ноября 1859 г. помощник инспектора; дважды исправлял должность инспектора в 1862 и 63 г. С сент. 1867 г. секретарь сем. правления. При введении нового семин. устава перемещен на кафедру литургики и гомилетики. В 1877 г. по выслуге 25 лет, уволен из семинарии с пенсией. После был инспектором народных училищ в Западном крае. † 1881 г.

41) Людовик Ричард. Крестлинен (из мещан), получил звание учителя от экзаменационного комитета при спб. университете; был учителем и комнатным надзирателем в 1-й спб. гимназии. Определен в семинарию на франц. язык в 1857 г., а в 1865 г. уволен, по прошению.

42) Петр Ив. Ницинский (увол. Из киевск. дух. сем. в 1850 г.), из певчих при посольской церкви в Афинах (1851–55 г.), слушал лекции в афинском университете и получил степень лиценциата (пролита). По ходатайству настоятеля русской посольской церкви в Афинах, архим. Антонина, определен св. Синодом в сент. 1857 г. учителем греч. языка во всех отделениях, «с целью усиления греч. языка в семинарии», по заявлению митр. Григория, согласно с мнением семин. правления. В 1858 г. на прошение об удостоении его ученой степени определено Синодом – держать ему экзамен в акад. конференции, но в окт. 1859 г. он уволен по домашним обстоятельствам в Афины, откуда долго не возвращался, по болезни жены, и был уволен от службы. Из Афин потом был выслан в Одессу и, по определению св. Синода, уволен из дух. звания. Ныне состоит преподавателем в одесской гимназии.

43) Николай Григ. Георгиевский (костр. сем.), магистр спб. ак. 1855 г., из наставников рижской семинарии и помощников инсп. перемещен в спб. в ноябре 1857 г. на кафедру логики и психологии. С декабря того же года – секретарь сем. правления и затем временного комитета для постройки двух флигелей при семинарии. В июле 1860 г. произведен во свящ. к Скорбященской церкви, на воскресенском проспекте, и вышел из семинарии, оставаясь секретарем комитета. До ныне протоиерей Скорб. церкви.

44) Александр Вас. Лопов (астр. гимн., из дух. зв.), действ. студент каз. университета (1828 г.); отправлен. был в вост. Сибирь для изучения монгольского яз.; профессор унив. в Казани, а с 1855 г. в Спб. В 1858 г. приглашен в спб. сем. для преподавания монг. языка. С 1860 г. инспектор училищ зап. Сибири.

45) Михаил Яковл. Предтеченский (твер. сем.), магистр спб. ак. 1857 г., из бакалавров казан. акад. в дек. 1858 г. перемещен на физику, лат. яз. и учение о богосл. книгах. В февр. 1860 г. вышел во свящ. к Вознесенской церкви. Был впоследствии членом консистории и умер в сан протоиерея в 1883 г.

46) Николай Мих. Вирославский (кур. сем.), магистр спб. акад. 1857 г., из профессоров тамбовской семин. перемещен в спб. на церковную и библ. историю, в февр. 1859 г. В янв. 1860 г. уволен от училищной службы, для поступления во священники Владимирской церкви, где и доселе состоит в сане протоиерея.

47) Владимир Вас. Никольский (спб. сем.), магистр спб. ак. 1859 г., в окт. того же года назначен на гражд. историю. С авг. 1860 г. секретарь правления и в том же году перешел на класс патристики, учения о расколе и лат. яз., а в 1861 г. преподавал и логику; в конце этого года, по расстроенному здоровью, оставил секретарскую должность и потом перемещен на класс словесности. В 1863 г. зачислен на действительную службу в училище правоведения, вышел в светское звание и в сентябре этого года оставил семинарию. Впоследствии инспектор Александровского лицея и профессор словесности в спб. дух. академии. † 1883 г.

48) Николай Вас. Бажанов (спб. сем.), магистр спб. акад. 1859 г., с янв. 1860 г. профессор церковно-библ. истории, канонического права, всеобщ. и русской церк. истории и литургики. В конце 1863 г. вышел в светское звание и, оставив семинарию, поступил на службу по министерству внутр. дел. † 1872 г.

49) Петр Ив. Люперсольский (вят. сем.), старший кандидат спб. ак. 1859 г., из наставников вятской семинарии, в марте 1860 г. назначен в спб. на греч. яз. во всех отделениях. В 1861 г. перемещен на гражд. историю и остался преподавателем греч. яз. в высш. отд. В то же время был наблюдателем над занятиями иностранцев в семинарии. В 1865 г. уволился по прошению и определен стипендиатом спб. университета, для занятий по всеобщей ист. под руководством проф. Куторги. В 1872 г. был избран советом пет. академии на кафедру новой истории, но министерством народного просвещ. назначен в профессора варшавского университета. Ныне ординарный профессор историко-филологического института князя Безбородко, в Нежине.

50) Николай Ив. Розанов (сарат. сем.), магистр спб. ак. 1857 г., из профессоров тверской сем. перемещен, по прошению, в новгородскую, потом в марте 1860 г. в спб. на класс физики, учения о богослуж. книгах и лат. яз. в низш. отд. В дек. 1860 г. посвящен во свящ. церкви Покровской общины сестер милосердия; в дек. 1864 г. определен законоучителем Николаевского института и вышел из семинарии. В 1880 г. правлением спб. семинарии избран ректором семинарии, которым состоит и доселе.

51) Петр Иоак. Евдокимов (спб. сем.), старший кандидат спб. акад. 1843 г., из инспекторов ал. неевского училища в авг. 1860 г. перемещен в семинарию, на класс гражд. истории. По опред. св. Синода, в янв. 1860 г. возведен в степень магистра. С 1861 г. преподавал библиографию раскола и греч. язык; в марте 1867 г. сделан помощником библиотекаря. В сентябре того же года уволен от профессорской должности по расстроенному здоровью. † 1868 г.

52) Леонид Андр. Павловский (спб. сем.), магистр спб. ак. 1861 г., с февр. 1863 г. профессор словесности, потом перемещен на класс логики с патрострогией и лат. яз. в средн. отд., но в ноябре переведен в спб. академию бакалавром патристики. Ныне протоиерей Владимирской церкви.

53) Николай Ив. Барсов (спб. сем.), магистр спб. акад. 1883 г. В ноябре этого года назначен на класс словесности, с 1865 г. преподавал и франц. язык, а с введением нового устава – историю литературы и логику. В 1869 г. перемещен в спб. академию на кафедру церк. красноречия, которую занимает и доселе.

54) Иван Як. Образцов (твер. сем.), магистр спб. акад. 1863 г. Из наставников рижской сем. в начале 1864 г. перемещен на класс физики, учения о богослуж. книгах и лат. яз., но чрез год, по прошению, перемещен на гражд. историю. В мае 1865 г. поступил во свящ. к Спасосенновской церкви и должен был выйти из семинарии. До ныне состоит при Спасосенновской церкви, в сане протоиерея; в 1882 г. назначен членом Дух. учебного комитета.

55) Павел Федор. Иовлев (спб. сем.), кандидат спб. акад. 1863 г. С февр. 1864 г., преподавал литургику, канонику, церковную и библейскую историю, в 1865 г. между прочим и учение о богослужебных книгах. В 1868 г. поступил во свящ. к церкви таврического дворца и вышел из семинарии. Ныне священник церкви конюшенного ведомства.

56) Александр Ник. Виноградов (спб. сем.), из тверской епархии. Еще учеником высш. отд., по рекомендации академика Солнцева, определен ему в помощники по преподаванию живописи (1864 г.). В августе 1865 г. утвержден в должности учителя. С 1868 г. был преподавателем живописи в яросл. семинарии; получил степень кандидата прав в Демид. лице. В 1881 г. поступил в монашество под именем Алексия и уехал миссионером в Китай, в сане иеромонаха.

57) Алексей Ив. Шелкунов (спб. сем.), из старших кандидатов магистр спб. акад. (1849 г.), был учителем, потом инспектором ал. -неевского училища. В начале 1864 г. от должности инспектора уволен по прошению. В 1865 г. по представлению семин. правления, перемещен в семинарию на лат. язык. С 1866 г. преподавал педагогику. По введении нового устава, оставлен преподавателем лат. языка. По выслуге 25 лет, избран был правлением еще на пятилетие, но по болезни вышел из семинарии в 1876 г. с пенсией. † 1882 г.

58) Иван Ал. Стратилатов (спб. сем.), магистр спб. акад. 1861 г., из учителей ал. -невского училища перемещен в окт. 1865 г. на класс гражд. истории, преподавал и лат. язык (1865–1867 г.). В 1869 г. вышел из семинарии во священники к церкви обуховской больницы, † 1875 г.

59) Григорий Вас. Гурнов (ряз. сем.), магистр спб. акад. 1865 г., определен на класс логики с психологией, но в дек. 1866 г. вышел во священники к церкви при доме градских богаделен, где остается доселе.

60) Лаврентий Вас. Гурнов (орл. сем.), магистр из старших кандидатов спб. акад. 1855 г., из псковской семинарии перемещен на класс катехизического учения во 2-м низш. отд. в окт. 1865 г., также учения о расколе и свящ. писания с герменевтикой (во 2-м средн. отд.); проходил и должность помощника инспектора (1867–68 г.). По введении нового устава, был преподавателем свящ. писания и священником семинарской церкви (с июля 1869 г.). В 1875 г. вышел из семинарии к церкви Покрова, в коломне, где остается и доселе, в сане протоиерея.

61) Александр Ив. Поповицкий (астр. сем.), кандидат спб. акад. 1849 г. По возвращении из заграницы в 1863 г., определен преподавателем франц. языка в спб. дух. академии, а в ноябре 1865 г. приглашен и в семинарию на тот же класс. Был учителем франц. яз. и в гимназиях. В 1870 г. оставил службу при семинарии, а в 1882 г. при академии. Редактор-издатель «Церк. общ. Вестника».

62) Иван Матв. Петров (спб. сем. 1845 г.), священник, учитель ал. -невского учил., приглашен был для занятий в воскресной школе при семинарии (1866–68 г.), как преподаватель закона Божия и русск. языка в учительской семинарии. Впоследствии свящ. новодевичьего монастыря, ныне при соборе в Шлиссельбурге.

63) Антон Игн. Хойнацкий (волын. сем.), старший канд. спб. акад. 1865 г., перемещен из псковской семинарии на должность помощника ректора по богословским предметам в апр. 1867 г. и вскоре посвящен во священники к церкви Боголюбские Божия матери, при алек. -невском дом призрения бедных духовного звания. По введении нового устава, преподавать греч. яз. до 1872 г., когда перешел к собору св. князя Владимира. Ныне настоятель церкви строительного училища.

64) Александр Емел. Светилин (ряз. сем.), магистр спб. акад. 1865 г., из наставников смоленской семинарии перемещен в июле 1867 г. на кафедру логики и психологии, но в июне следующего года избран профессором психологии в петербургскую академию.

65) Василий Гавр. Рождественский (новг. сем.), магистр спб. акад. 1865 г., из бакалавров каз. акад. в сентябре 1867 г. избран помощником ректора по проф. должности; с июля 1868 г. преподавал догм. и нравств. богословие. В 1869 г. перемещен в спб. акад. на свящ. писание. Ныне, сверх того, профессор богословия в спб. университете и протоиерей унив. церкви.

66) Николай Петр. Вышняков (твер. сем.), магистр спб. акад. 1867 г., избран правлением в сент. 1867 г. на класс свящ. писания. В июле 1868 г. рукоположен во свящ. Волково-кладбищенской церкви, оставшись в семинарии преподавателем евр. языка.

Помощники инспектора и проч.

С преобразованием семинарии, должность помощника инспектора сделана штатною, с окладом равным профессорскому, если на ней будут состоять лица с академическим образованием. Помощников инспектора положено два и первоначально должность их не соединялась ни с какою другою должностью, потом стали допускать соединение помощнической должности с экономскою, секретарскою, и наконец преподавательскою.

1) Павел Ал. Покоев (см. выше, в числе экономов).

2) Павел Вас. Дашкевич (мин. сем.), кандидата спб. акад. 1841 г., по окончании курса определен помощником инспектора, а в начале 1842 г. сделан и библиотекарем. По выходе Галахова, преподавал некоторое время греч. язык, патристику и свящ. писание. В янв. 1844 г. вышел в светское звание по болезненному состоянию. В янв. 1845 г. уволился от библиотекарства и сделан секретарем сем. правления. В 1847 г. по выходе Полисадова, исправлял должность преподавателя богословия. В конце 1848 г. вышел из семинарии на гражданскую службу, в инспекторский департамент военного министерства.

3) Павел Андр. Троицкий (см. выше, в числе экономов).

4) Леонтий (Лебединский) иеромонах (см. выше, в числе ректоров).

5) Никандр Ив. Брянцев (спб. сем.), старший кандидат спб. акад. 1849 г., потом магистр (1852 г.); был учителем ал. неевского училища и с окт. 1850 г. сделан секретарем семин. правления; в июле 1851 г. перемещен из училища и на должность помощника инспектора. В нач. 1853 г. вышел во свящ. к придворной церкви. Впоследствии протоиерей церкви Аничковского дворца, в 1884 г. вышедший в отставку с пенсией.

Затем в должности помощника инспектора состояли наставники: иеромонах Герман (Осецкий), иеромонах Павел (Лебедев); иером. Феогност (Лебедев 2-й), иером. Иосиф (Баженов), Ловягин.

Должности секретаря и библиотекаря не были отдельными, а соединялись или с преподавательскою, или с должностью помощника инспектора. В должности секретаря были следующие лица: Муретов, Полисадов, Брянцев, Архангельский, Шавров, Георгиевский, Красносельский, Ловягин. Но с конца 1848 г. по выходе Полисадова, до 1850 г. должность секретаря исправлял учитель ал. -неевского училища, бывший письмоводитель в сем. правлении, Стеф. Преображенский, который в окт. 1850 г. вышел во свящ. в Городецкий монастырь, лугского уезда. В должности библиотекаря были: Дашкевич, Михайлов, Карашевич, Савваитов, И. Нечаев – с сент. 1867 г. (см. пер. III), и в должности помощника библиотекаря, существовавшей в 1866–67 гг. Зинченко, Евдокимов. Письмоводительская должность, по прежнему, занималась большею частию учениками семинарии, но иногда состояли на ней и окончившие курс, как упомянутый Ст. Преображенский, или в 1847 г. Ив. Аландский, вышедший потом во свящ. в ямб. уезде, Сергей Ефимов, из воспит. новг. семинарии, Евфимий Петропавловский, окончивший курс в спб. сем. в 1849 г. В должности врача до 1845 г. оставался Зиновий Паковский, который, согласно его желанию, в 1843 г. по ходатайству сем. правления, уволен был из штата спб. полиции, с утверждения министра внутренних дел; изъявил желание преподавать в семинарии начальные основания медицины, но в июне 1845 г. по болезни уволен от службы при семинарии. Его место занял Бобриков (см. выше в числе преподавателей), который и оставался на нем в течение всего рассматриваемого периода. В помощь ему определен был в 1857 г. Мих. Фалеев (из мещан, учился в Медиц. академии и признан в звании лекаря), младший ординатор тавастгустского военного госпиталя; затем его сменил Ник. Антонович, из отставных фельдшеров оршанской окружной лечебницы, но как тот, так и другой при семинарии состояли очень недолго.

Священнослужители

Должность священника семинарской церкви первоначально (до 1859 г.) не была штатной. Богослужение совершали, кроме ректора – в большие праздники, наемные лица, или кто либо из профессоров-священников и монахов, иногда же приглашались служить родители, или родственники воспитанников. Укажем лиц, более или менее продолжительное время исправлявших священнослужение в семинарии.

1) Константин Семенов, – бывший Великолуцкого егерского полка младший священник, изъявил согласие безмездно служить и исправлял должность священника с окт. 1841 г. до марта 1842 г., испросив потом себе незначительное денежное вознаграждение. Впоследствии был священником в селе Ильешах, ямб. уезда.

2) Дорофей, иеромонах александроневской лавры, приглашен был временно служить, до разрешения возникшего тогда вопроса о назначении особого священника при семинарии. Служил безмездно с 1842 по 1845 год.

3) Василий Петр. Полисадов (см. в списке профессоров, № 9) 1845–46 г.

4) Петр Ив. Зыков (см. в списке профессоров, № 4). Еще в 1842 г. на запрос семин. правления, не пожелает ли кто из наставников занять священническое место при семинарской церкви, – изъявил желание под условием, если будет обеспечен квартирою и таким жалованьем, каким пользуются священники при светских заведениях. Вследствие этого было сделано представление обер-прокурору о назначении оклада священнику, но не принято в уважение. Уже в 1847 г. Зыков снова изъявил желание поступить во священники и был произведен к семин. церкви (безмездно), в которой и служил до 1849 г.

5) Илья Сам. Денисов (ворон. сем.), магистр спб. акад. 1843 г., из проф. Астрах. семинарии перешел на должность учителя алек. -невского уч. и в марте 1849 г. поступил во свящ. В февр. 1850 г. перемещен к Екатерининской церкви, при Императ. академии художеств.

6) Константин Петр. Стефанович (полоц. сем.), кандидат спб. акад. 1849 г., из учителей алек. -невского училища, священник сем. церкви с июля 1850 г. – безмездно, В 1852 г. перемещен к церкви Импер. александровского лицея. Ныне протоиерей в Казанском соборе.

Затем, должность священника безмездно отправляли (1852–1858 г.) профессоры иеромонахи – Герман (Осецкий), Павел (Лебедев), Иосиф. (Баженов). – В окт. 1858 г. семин. правление чрез митр. Григория ходатайствовало об определении постоянного священника к семин. церкви, «который бы с одной стороны, будучи духовным отцем воспитанников, мог удобнее вникать в нравственное настроение духовных питомцев и помогать начальству в развитии и укоренении благочестия в них, а с другой, мог отправлять богослужение в семин. церкви и в некоторые, по усмотрению начальства, учебные дни, до начала классов»; предполагалось определять во свящ. наставников семинарии, или алек. -невского училища. Состоявшееся по этому поводу, определение св. Синода Высочайше утверждено в янв. 1859 г.

7) Иоанн Ирод. Рахинский (новг. сем.), из учителей старорус. дух. училища, священник новгор. епархии, по воле митр. Григория проживал в алек. -невской лавре для изучения миссионерских предметов по расколу и поступил в спб. дух. академию. В 1859 г. определен на должность семинарского священника, которая сделана штатною, в силу вышеозначенного определения св. Синода, с жалованьем (400 р.). По окончании курса в академии (1863 г.), о. Рахинский представлен был сем. правлением на должность учителя алек. -невского училища, с оставлением при семинарии священником, причем правление указывало и на добрую рекомендацию его ревизором, как примерного духовного отца. Но митрополит отказал, так как «свящ. Рахинский был назначен к миссионерской должности». Отправился в китайскую миссию. Ныне свящ. в новгор. епархии.

8) Николай Петр. Мансветов (спб. сем.), кандидат спб. акад. 1859 г., из учителей алек. -невского училища назначен священником в сект. 1863 г. В янв. 1864 г., по рекомендации ревизора Карпова, назначен инспектором училища, оставаясь свящ. при семин. церкви до 1869 г. Ныне протоиерей церкви военной прогимназии и законоучитель.

9) Николай Григ. Смирягин (спб. сем.), кандидат спб. акад. 1863 г., из учителей ал. -невского училища, с апр. 1866 г. священник при семинарии, сверх штата. В 1868 г. определен в законоучители спб. консерватории. Ныне в Смольном соборе.

Постоянная должность диакона сем. церкви открыта в июне 1857 г., по представлении ректора Нектария, который писал митрополиту, что «для благолепия богослужений, к которому особенно необходимо приучать духовных воспитанников, было бы очень полезно, если бы находился при семинарской церкви диакон». Согласно с представлением, на должность диакона назначен отец ректора Нектария.

1) Самуил Ив. Надеждин (увол. из тамб. дух. учил. в 1809 г.), из числа братии Киево-Николаевского монастыря. Первоначально служил без жалованья и не имел особой квартиры. С 1859 г. занял штатное место, с жалованьем 300 р.¹⁹⁵ В 1860 г. уволен, с отъездом преосв. Нектария на нижегородскую епархию.

2) Иоанн Вас. Троянский (чебокс. дух. уч.), из певчих казанского архиерейского хора, был дьяконом кафедрального собора в Казани, потом в Петрозаводске. В окт. 1860 г. определен к сем. церкви, откуда перешел в 1865 г. к Устьижорской ал. -невской церкви.

3) Михаил Ник. Почезерский (олон. сем.), из псаломщиков придворной ораниенбаумской церкви, в июле 1865 г. посвящен в диаконы сем. церкви, † 1870 г.

Староста и почетный блюститель

В январе 1859 г. определен был к семинарской церкви староста, 1-й гильдии купец Осип Иванов, но в мае вышел по болезни. Нового старосту не искали, так как должность эта отчасти заменилась должностию почетного блюстителя семинарии по хозяйственной части, учрежденной на основании определения св. Синода Высоч. утвержд. 15 апр. 1859 года¹⁹⁶. В указе об этом (от 19 мая 1859 г.) сказано, что блюстители определяются св. Синодом, но избираются архиереем, из дворян или (и даже преимущественно) из купцов 1 и 2 гильдии, по сношению с гражданским начальством и с городским обществом; «главная обязанность их – содействовать училищному начальству к устройству хозяйственной части, способствуя сему единовременными и постоянными денежными и др. приношениями, – что будет вменяемо им в особую заслугу»; им предоставлено: надзирать за экономией, даже присутствовать, по приглашению, в правлении; носить мундир VIII кл. В дек. 1860 г. Высочайше утверждены права по службе для дворян, находящихся в должности почетных блюстителей, с отнесением ее к VII классу.

На означенную должность в спб. семинарии избран был в 1860 г. 2-й гильдии купец Александр Маркел Эзелев, но Дума не согласилась на его избрание, так как он освобождался чрез это от служебной городской повинности по выборам. Митрополит ходатайствовал за него пред генерал-губернатором Игнатьевым, но тот не нашел возможным удовлетворить ходатайству. После этого Эзелев из петербургских купцов перешел в царскосельские; царскосельская же ратуша не нашла препятствий к поступлению его на должность почетного блюстителя семинарии. В течении 15-ти лет купец Эзелев сделал пожертвований в семин. церковь на несколько тысяч и на хозяйственные нужды ежегодно делал взносы по 500 руб. (см. в отд. Экономия). После снова стал с. -петербургским купцом I-й гильдии. См. период Ш.

Учебная часть

В сентябре 1840 г. получено было от обер-прокурора тр. Пратасова отношение на имя митрополита Серафима о преобразовании учебной части в семинариях, на основании Высочайше одобренных правил. В янв. 1841 г., в виду предположенного преобразования и в петербургской семинарии, предписано было чрез академическое правление семинарскому – представить сведения относительно распределения учебных предметов между наставниками и других распоряжений по преобразованию. В апреле этого же года расписание предметов и учебных часов представлено, а с сентября «постановления Святейшего Синода о преобразовании учебной части в семинариях – приведены в действие в Санкт-Петербургской семинарии», о чем от имени митрополита сделано отношение к синодальному обер-прокурору.

В «Положениях» о преобразовании прежде всего указано на то, что «Государь Император, обратив особенное внимание на необходимость воспитания сельского юношества в правилах благочестия», повелел «войти в соображение о мерах, какие могут быть приняты для направления к тому образования самого духовенства». Ввиду того, «что сельские приходы в пять раз многочисленнее городских, а потому и требуют, для занятия в них священнических мест, несравненно большего числа достаточно и преимущественно для сей цели образованных воспитанников семинарий» – найдено «нужным приспособить к упомянутой цели семинарское учение таким образом, чтобы воспитанники, при основательном изучении богословских наук, умели нисходить к понятиям простого народа и беседовать с ним о спасительных истинах веры и христианских обязанностях языком простым и вразумительным, а между тем и по части вспомогательных наук получали такие познания, которые могли бы с пользою для себя и для будущих своих прихожан прилагать к их сельскому быту, и содействуя их благосостоянию приобретали бы тем более средств к влиянию нравственному на сей важнейший, по многочисленности, класс народонаселения». Преобразование направлялось к тому, чтобы «более прежнего имело характер общенародности и в тоже время не теряло бы существенного достоинства учения классического, приготовляя отличнейших учеников и к высшему духовному образованию». Но при этом «ограничен круг некоторых менее нужных предметов»¹⁹⁷. «Две цели достигаются нынешним курсом семинарий, – писалось неоднократно в отчетах синод. об. -прокурора гр. Пратасова, – главная существенная – давать будущим пастырям душ отчетливое богословское образование с практическим применением к духовным потребностям паствы, другая частная, подчиненная первой – снабжать их запасом и тех сведений, которыми они могут улучшать свой домашний быт, и с тем вместе добрыми хозяйственными и врачебными советами усиливать свое нравственное влияние на сельских прихожан»¹⁹⁸.

Для этого было постановлено: «1) из главных, собственно духовных, предметов семинарского учения в особенности приспособить к обязанностям сельского священника богословие пастырское и собеседовательное. 2) Из вспомогательных предметов преподавать всем вообще ученикам; начала философии (логику и психологию), российскую словесность, историю, физику и геометрию и языки греческий и латинский. 3) Вместе с тем ввести новые предметы, особенно полезные в общежитии и житейском быту священника, как то: естественные науки, начала медицины и сельское хозяйство, дабы готовящиеся преимущественно в сельские священники, чрез приобретение нужных сведений в сих науках, могли иметь благотворное влияние на благосостояние народное»¹⁹⁹. 4) Учредить в семинариях приготовительный класс для кандидатов священства, с тою именно целию, чтобы окончившим курс воспитанникам дать способ сколь возможно ближе ознакомиться с существенными обязанностями приходского священника, под руководством просвещенного и опытного наставника и под ближайшим надзором епархиального архиерея». Впрочем, относительно образования приготовительного класса обер-прокурором предположено было сделать особое распоряжение. Потом этот вопрос предоставлен был «ближайшему соображению митрополитов новгородского, киевского и московского»²⁰⁰.

На этих основаниях определением св. Синода от 9/12 авг. 1840 г. постановлено было: существующий в семинариях 6-ти летний курс, с разделением его на 3 отделения, оставить по прежнему; учебные предметы расположить вновь (см. ниже) и все преподавать на русском языке, «с приспособлением их в пространстве и в образе изложения к главному назначению

семинарий» (§ 2); число штатных преподавателей увеличить до 8; до составления новых конспектов²⁰¹ руководствоваться прежними, применяясь к новому положению (§ 16); до издания учебников по сельскому хозяйству и медицине, также конспекта по естественным наукам, часы назначенные для этих предметов распределить по усмотрению между другими наставниками (§ 15); разрешить семинарским правлениям представлять высшему начальству свои соображения относительно изменения или дополнения правил, на основании опыта (§ 22). Некоторые правила касательно преподавания, так же как и объем преподаваемого в каждом классе, будут указаны ниже. Расписание же предметов было утверждено св. Синодом в 1840 г. следующее.

В 1-й год		Во 2-й год	
Высшее отделение		Низшее отделение	
Катехизическое учение	1 ур.	Св. Писание (истор. Книги)	1 ур.
Риторика	5 –	О богослужебных книгах	1 –
Всеобщ. ист. древняя	2 –	Риторика и поэзия	5 –
Алгебра и геометрия	2 –	Всеобщая история	3 –
Греческий язык	3 –	Геометрия и пасхалия	2 –
Латинский язык	3 –	Греческий язык	2 –
		Латинский язык	2 –
Среднее отделение		Среднее отделение	
Св. Писание (учит. Книги)	1 –	Св. Писание (пророки)	3 –
Библейская история	2 –	Герменевтика	2 –
Логика	4 –	Библейская история	2 –
Русская гражд. история	2 –	Естеств. ист. и сельское хоз.	3 –
Физика и естеств. ист.	3 –	Логика и психология	4 –
Чтение греч. писателей	2 –	Греческий язык	2 –
Чтение лат. писателей	2 –	Латинский	2 –
Высшее отделение		Высшее отделение	
Новый Завет	2 –	Толкование Св. Писания	2 –
Догматика		Богословие нравственное	
Учение о вероисповеданиях	6 –	О должностях пресвитеров	6 –
Гомилетика		Гомилетика	
Церковная история	2 –	Основание церк. законов и канонического права	2 –
Церк. древности и обряды	2 –	История росс. церкви	2 –
Патристика	2 –	Чтение св. отц. греч.	2 –
Чтение отцев греч. и лат.		Медицина	2 –
Медицина	1 –		
Сельское хозяйство	1 –		

В неделю всех уроков полагалось 16; в день – 3, по 2 часа каждый: до обеда два, от 8 часов до 12 и один после обеда, от 2 до 4-х. Уроки по языкам: еврейскому, финскому, (французскому и немецкому, для желающих, положены были по окончании ординарных уроков и не входили в расписание.

В октябре 1844 г. семин. правление сделало представление митр. Антонию²⁰² о необходимости «сократить число классических часов», т. е. продолжение каждого урока. Ученики семинарии кроме изучения уроков, задаваемых наставниками, постоянно должны бывают заниматься упражнениями в сочинениях и сверх того почти по всем предметам писать лекции за недостатком учебников, почему и требуется для домашних занятий их весьма не мало времени». Также введенное около этого времени иконописание, иностранные языки в увеличенном числе уроков, отнимали достаточно времени. В виду этого и постановлено было ходатайствовать пред высшим начальством: «не сокращая числа классов, сократить число классических часов, назначив для каждого класса не 2, а 1 часа». До обеда предполагено назначить вместо 2-х 3 урока: от 8 час. до 1 часу, и после обеда один – с 3-х час. до 5-го. Митрополит написал на представлении: «согласен». Св. Синод разрешил сделать, как представлено.

Продолжение каждого урока таким образом на полчаса сократилось, но число уроков в неделю было увеличено с 16 на 18, не считая положенных на языки и рисование. В низш. отд.

в 1-й год на словесность прибавлено 2 урока, а во 2-й на св. Писание – 1 и геометрию с пасхалией – 1. В средн. отд. на сельское хозяйство 2 урока – в оба года. В высш. отд. – на богословские науки и церк. историю по 1 уроку – в 1-й год, а во 2-й год – на богословие 1 урок и сельское хозяйство – 1. После обеда положены уроки на иконописание и новые языки (еврейского уже не было с сент. 1844 г.).

Впоследствии опять делались перемены в расписании, по мере надобности, который будут указаны в своем месте.

Обучение, как и прежде, происходило большею частию по запискам наставников, с дополнением их классных чтений. Некоторые из них довольствовались записками предшественников, другие выдавали свои, причем иногда прямо списывали их с известных книжек, иногда составляли сами, при пособии тех или других источников, академических лекций, или известных сочинений по тому или другому предмету. По немногим только предметам введены были печатные руководства, о которых ниже будет сказано. Так как дело составления нормальных конспектов не было приведено к успешному окончанию, то наставники по прежнему пред экзаменами представляли чрез ректора правлению собственные конспекты пройденного, написанные применительно к печатным руководствам, или запискам. В конспектах не обозначаются руководства и пособия, по каким они составлены, но по сличении их с известными книгами можно определить, на основании ли прямо печатных книг составлены они, а следовательно и записки наставника, или имеют более или менее самостоятельный характер. Указание на пособия есть, впрочем, в преподавательских отчетах правлению по некоторым предметам, о которых требовалось особенно доносить высшему начальству. О пособиях для наставников можно судить и по сохранившимся их библиотечным записям. Мы будем указывать только важнейшие из них.

Богословские науки

Еще с конца 30-х годов предприняты были меры к улучшению богословского преподавания и заявлены заботы «об усовершенствовании курса богословских наук в академиях и семинариях и с тем вместе о ближайшем приспособлении их не только к догматам, но и к преданиям и чиноположениям католической восточной церкви», с каковою целью были учреждены особые комитеты для рассмотрения книг богословского курса, конспектов богословских наук и самого способа преподавания их²⁰³. «Соответственно главной цели семинарий – образованию достойных служителей Алтаря и проповедников слова Господня в народ»,²⁰⁴ – предметы богословского курса проведены были чрез все классы семинарии, хотя по преимуществу сосредоточены в высшем отделении.

Общий характер богословского образования и направление преподавания духовных предметов в семинарии уясняются в следующих соображениях, последовательно проведенных чрез все отчеты гр. Пратасова по духовному ведомству.

Неизменное наблюдение вселенских уставов церкви и отеческих преданий в первоначальной их чистоте и неприкосновенности составляет главную цель дух. учебного строя, древнее апостольское и соборное учение полагается во главу и должно проникать все части многосложного акад. и семинарского курса. Главная и священная забота св. Синода, в которой он «находил исполнение первого и прямого долга своего» – в том, «чтобы вертограды духовных знаний постоянно озарялись благодатным светом апостольского и соборного учения, предохранившего православный восток и с ним отечество наше от всех гибельных заблуждений запада». При всех распоряжениях по части духовного образования главным правилом вменялось, чтобы они были совершаемы на единых непреложных началах единого для всех времен учения, завещанного нам апостолами, соборами и отцами вселенскими чрез целый ряд веков, которое не только есть залог единства всей восточной церкви, но и служат самым действительным оружием против расколов, источником духовной силы отечества и верною защитой его от гибельных идей западного вольнодумства». Нужны такие «духовные пастыри, которые бы несмотря на всю скромность своего положения, понимали высокое свое призвание – наставлять прихожан словом и примером и с кротостию приводить в послушание церкви заблудших от нее. Еще сильнее представляется необходимость в просвещенных наставниках веры среди юношества образованных классов, к ограждению его от влияния многообразных иноземных мудрований, которые, обольщая неопытные умы призраками блага, или действуют явно против веры, или поделичною веры, но вопреки древней вселенской церкви, стараются Божественное учение превратить в учение суетного человеческого разума... В духовных рассадниках готовятся новые ревностные. служители и поборники Истины Христовой с тем неизменным направлением к древнему ее учению, от коего зависит твердость самой веры, – сей источник чистой христианской нравственности будущих поколений в коем таится дивная причина единодушия русского правосл. народа в его беспредельной приверженности к освященному верою престолу... Едва ли когда либо предстояло столько подвига; пастырям нашим, сколько предстоит ныне при тлетворном дыхании гибельных лжеучений, наносимых извне, между тем как надлежит еще всеусильно защищать паству и от тайных ухищрений раскола. Но против обоего зла несокрушимое оружие – в соборном учении древней церкви Христовой». Вместе с точным соблюдением этого учения и предания апостольского и отеческого, обеспечивающих и «основы государственного нашего благоденствия», – признается необходимым строго ограждать «священный завет предков – местные предания, обряды, пение»²⁰⁵.

Такие начала должны были отражаться на постановке каждого из богословских предметов.

Священное Писание, как первооснова веры и главный источник богословия, проведено было чрез все классы, но изучение его прежде всего получило особый, односторонний характер, ввиду указанных начал, преимущественно же по поводу возникшего, в связи с этим, в начале 40-х годов, большого дела о переводе библии на русский язык. Указываем некоторые подробности этого дела, имевшего значительное влияние на характер богословского образования и в частности на преподавание науки о свящ. Писании.

Потребность перевода библии на русский язык, в своем развитии далеко уже разошедшийся с славянским, вызывалась как интересами общенародными, так с другой стороны оправдывалась учебными и учено-богословскими целями, для которых пользование библией в славянском переводе далеко не достаточно²⁰⁶.

Учрежденное в конце 1812 года в С. -Петербурге, Библейское общество, помимо распространения библии в народе и издания ее на разных языках, предприняло, согласно Высочайшей воле, с разрешения св. Синода, издание русского перевода библии, первоначально четвероевангелия²⁰⁷ и вообще Нового завета. Перевод этот (1819 г.), при пробужденной тогда повсюду охоте к чтению Слова Божия и религиозному знанию, встречен был всеобщей радостью и одобрен со стороны многих тогдашних иерархов. Вскоре потом издана Псалтырь на русском языке (с еврейского), переведено было и пятикнижие Моисеево. Но с закрытием Библейского общества в начале 1826 г., заподозренного в мистицизме и неправославии, дело перевода Библии на русский язык официально остановлено и оглашено как вредное; русские экземпляры пятикнижия даже сожигались на кирпичном заводе²⁰⁸.

Несмотря на то, дело перевода свящ. Писания нашло своего великого защитника в моск. митрополите Филарете, авторитета которого заслонял пока духовное просвещение от посягательств получившей тогда господство, крайне консервативной партии. Он заявлял (в разговоре с м. Серафимом, при случае коронации Николая I), что «перевод был бы полезен для церкви, потому что наши духовные не столько еще образованы, чтобы могли в нужных случаях обращаться к самым подлинникам, но должны обращаться или к латинским, или протестантским переводам, составленным под влиянием своих догматических мнений.²⁰⁹ Потом ту же мысль изложил и письменно; ее признал «справедливою» и сам Император. Но м. Филарет не находил поддержки в Синоде, хотя некоторые духовные лица не только сочувствовали ему, (напр. архиеп. тверской Григорий), но и сами изъявляли готовность послужить делу (архим. Макарий Глухарев). Между тем со второй половины 30-х годов, как уже сказано, в нашем духовном ведомстве, стало развиваться особое направление, в борьбе с которым пострадал и сам Филарет, направление, совершенно неблагоприятствовавшее изучению слова Божия: в его переложении на русский язык и притом не с греческого текста исключительно, а по сличению его с еврейским. Церковное предание и обрядность выдвинуты были на первый план и заслонили собой Библию. Возникла даже мысль, находившая подтверждение и в изданных тогда Патриарших грамотах, будто православная церковь не дозволяет чтение слова Божия всякому желающему²¹⁰. Наконец гр. Протасов, опираясь между прочим на сочувствие таких лиц, как ректор академии Афанасий, внес в Синод предложение объявить славянский перевод Библии самодостоверным и канонизировать его, подобно латинской Вульгате. Хотя это было отклонено тогда св. Синодом, но потом все таки утверждена неприкосновенность текста 70-ти и сделанного с него славянского перевода²¹¹. Нашлись затем некоторые защитники преувеличенного значения славянского и греческого текстов (архим. Поликарп Радкевич, впоследствии еп. орловский), предлагавшие предпринять труд нового славянского перевода 70-ти, который имел бы исключительное употребление в русской церкви, сделав русский перевод совершенно излишним²¹². Впоследствии же, если и соглашались на русское издание напр. Псалтири, то не иначе, как с греческого текста, опасаясь, что еврейский ослабит силу церковного предания, опирающегося во многом на тексте 70-ти, так же умалит и авторитет св. отцев, обыкновенно пользовавшихся греческим переводом, который и считали поэтому «чуть не богодухновенным»²¹³.

Ректор спб. академии, Афанасий (Дроздов), действуя особенно ревностно в этом духе, составил «сокращенную герменевтику» (1842 г.), для руководства в семинариях, в которой высказал порицание еврейскому тексту библии, требовал канонизации перевода 70-ти²¹⁴ и особенно усиливался показать важность предания, апостольских и соборных правил и богослужебных книг – пред свящ. Писанием, как недостаточным для веры²¹⁵. Митроп. Филарет, по поручению св. Синода, разбирал эту герменевтику и, указав в ней много неопределенностей и противоречий, неполноты и даже несправедливых мнений, писал по поводу ее к архиеписк. рязанскому Гавриилу: «споспешествуйте охранению учения от уклонений, благонамеренных по цели охранить предание, но не безопасных по мыслям, унижающим достоинство Священного Писания»²¹⁶.

И вот, среди такого направления, вдруг к членам Синода поступает безымянный донос (приписываемый бывшему тогда бакалавру моск. акад. иером. Агафангелу Соловьеву, впоследствии архиеписк. волынск.) о распространении в академиях литографированного русского перевода ветхого завета (проф. Павского), в котором усмотрено неверие в мессианский характер пророчеств, неблагопристойные выражения, отрицание подлинности некоторых отделов в свящ. книгах и вообще «богохульство, какое едва ли когда являлось на русском языке»²¹⁷. Об этом доведено до сведения обер-прокурора. Начались дознания, следствия; посланы предписания по академиям об отобрании перевода и о привлечении виновных к ответственности; назначены по делу особые комитеты. В Синоде делались постановления по поводу случившегося, но и вышли пререкания, вследствие которых, как сказано выше (стр. 293–295), митрополиты московский и киевский уехали в свои епархии и более в Синод не возвращались. «Худой перевод, писал митроп. Филарет к архим. Антонию, – сделал еще более страшную мысль и о хорошем переводе которого некоторые и прежде боялись. Даже мысль издать словенский перевод с объяснительными примечаниями встречают недоумением и опасением. Некоторые не только всякое и на св. отцах основанное толкование свящ. кнпг, но и оглавление находят опасным»²¹⁸. Паника между нашими богословами и духовными наставниками распространилась всеобщая.

В определении св. Синода от февр. 1842 г. между прочим было сказано: «обратить (преосвященным) особенное внимание на понятие, какое имеют об означенных переводах воспитанники семинарий и училищ, и ежели обнаружится, что мнение их направлено в пользу сего нечестивого творения, вредного православию, стараться благоразумными мерами искоренять это пагубное мнение и доносить св. Синоду о последствиях, по истечении каждой трети года, а между тем всемерно охранять неприкосновенность свящ. Писания от самонаименованных нововведений и все действия свои содержать в строжайшей тайне, не оглашая даже в консисториях и правлениях семинарий ни настоящего поручения, ни донесений, какие в исполнение оного будут посылаемы». Не бывший при составлении этого определения в Синоде, митроп. Серафим в особом письме к обер-прокурору писал между прочим: «при известии об упомянутом переложении, я исполнился душевного прискорбия, как потому, что такое злоупотребление святыней, очевидно, угрожает той чистоте, в которой учение веры преподавалось в отечестве нашем... так и потому, что такое злокачественное посягательство явилось от имени и посреди духовного юношества, от которого мы ожидаем верных и усердных пастырей и служителей церкви, воспитывающей их своими трудами и пожертвованиями... По учению православной церкви, свящ. Писание предано Богом не народу, а сословию пастырей и учителей, и уже чрез них народу». Далее митрополит предлагал, между прочим, «усилить меры, который уже приняты обер-прокурором и на которые он (митрополит) всегда взирал с истинною признательностью, призывая на них благословение Божие, чтобы на будущее время все воспитание духовного юношества направлено было к сохранению во всей неприкосновенности прямого православного учения веры и ограждено от всякого колебания мыслями иноверных и чтобы никто ни под каким видом и предлогом не отваживался посягать на переложение свящ. Писания, долженствующего оставаться в том виде, в каком оно принято нами от наших благочестивых предков и до ныне служило залогом нашего благоденствия». По поводу же записки моск. Филарета, в которой предлагалось сделать новый, правильный перевод и краткие толкования свящ. Писания²¹⁹, Серафим снова в своем отношении к гр. Протасову²²⁰, признав предположения Филарета излишними и опасными, предлагал: «оставив свящ. текст библии в том точно виде, в каком он теперь, обратить все внимание на предметы учения в семинариях, строжайше воспретить наставникам в учении богословском выходить за пределы православной нашей церковью положенные, а равно и самую организацию учебной части в духовных заведениях подвергнуть строгому рассмотрению». Мнение первенствующего члена доложено императору и одобрено им, с повелением, «чтобы св. Синод, согласно с мнением митроп. Серафима, и по прямому долгу своему усилил меры к охранению книг свящ. Писания в настоящем их виде неприкосновенно и к утверждению всего воспитания духовного юношества на истинных началах нашего древнего православия, посредством скорейшего преподавания правильных к тому руководств».

Петербургский комитет по делу Павского, под председательством варшавск. архиеписк. Никанора, представил между прочим св. Синоду мнение, «что всякий перевод свящ. Писания,

кроме существующего славянского, почитается противозаконным», чтобы «инспекторам академии и семинарий иметь неослабное наблюдение за внешними и домашними упражнениями воспитанников; при этом внушить первым, что если от недосмотра их окажутся у последних какие либо неодобренные правительством книги, или списки с оных, то они будут подвергаемы за сие строгой ответственности по законам». При этом один из членов, еписк. чигиринский Варлаам Успенский (впоследствии архиеп. тобольский) подал отдельное мнение, в котором между прочим показания привлеченных к следствию лиц признавал возмутительными²²¹ и предлагал судить их, особенно главного виновника (Павского) – «судом церкви». Но св. Синод (определением от 7/10 марта 1844 г.) поручил еписк. Гедееву (полтавскому) келейно испытать искренность раскаяния Павского, со взятием с него подписки «о неуклонном исполнении обязанностей звания своего до конца жизни», за воспитанниками академии предписал строго наблюдать, а на наставников духовно-учебных заведений, прикосновенных к делу, обратить особенное внимание местных епархиальных архиереев «с тем, что если усмотрят они что-либо неправильное в их преподавании, или образе мыслей, то донесли бы о сем св. Синоду»²²². Далее по вопросу «о способах к предупреждению всяких подобных посягательств», св. Синод «заключил, что, кроме общих и необходимых мер к соблюдению во всей неприкосновенности принятого православною церковью свящ. текста 70-ти толковников и существующего в России славянского перевода, надлежит располагать в разуме оного все воспитание Духовного юношества так, чтобы воспитанники, будущие служители алтаря Господня на различных степенях иерархии, одушевлялись еще в школах усердием к соблюдению правил и учения православной церкви в святой ее чистоте, и отсюда исходили со всеми способами к обличению суемудрий и превратных толкований, имеющих нередко самую оболыстительную внешность». Поэтому, и чтобы вообще будущие меры соответствовали действительным потребностям, поручено преосвященным митрополитам с.-петербургскому, московскому и киевскому и архиепископу казанскому, как начальствующим над духовными академиями, «предварительно войти в соображения о средствах к приведению сего в точное исполнение и заключения свои представить св. Синоду, который затем приступит к окончательному устройству сего важного дела». 12 марта 1844 г. последовало Высочайшее повеление о приведении определения св. Синода в исполнение²²³.

Однако же московский митрополит продолжал отстаивать равночестное достоинство еврейского и греческого текстов и составил в 1845 г. обширную записку «о догматическом достоинстве и охранительном употреблении греческого 70-ти толковников и славянского переводов свящ. Писания, которую посылал на рассмотрение преосвященным – Григорию (Постникову), Филарету (Амфитеатрову), Гавриилу (Городкову) и в московскую академию и получил общее одобрение. В противоположность людям, «служащим мысли, которая в моде и покровительствуется сильными», м. Филарет, разобрав многие места из библии и ссылаясь на св. отцев, прибегавших иногда и к еврейскому тексту, признал текст 70-ти в некоторых местах неточным, потому и славянский с него перевод недостаточным и даже с самим собою разноречащим и преподавал «охранительные правила» (имеющие ближайшее приложение к духовной школе), при употреблении еврейского текста в пособие греческому и славянскому, могущие предохранять от односторонностей как рационализма, так и папизма. В заключение же, на основании свидетельства соборного и отеческого и даже примера римской церкви, одобрявшей новый немецкий перевод библии с толкованиями (Аллиоли), – показал необходимость издания библии понятной для народа. Но записка его не имела пока действия и только чрез 13-ть лет была напечатана²²⁴.

С восшествием на престол Императора Александра II, обстоятельства изменяются. По смерти гр. Протасова и около полутора года исправлявшего должность об. -прокурора тайн. сов. Карасевского, назначен синодальным обер-прокурором генерал-лейтенант, граф А. И. Толстой²²⁵. Он, получив изложенный моск. митр. Филаретом проект синодского определения, состоявшегося в Москве, в 1856 г. во время коронации, о возобновлении перевода свящ. Писания на русский язык послал его к Филарету м. киевскому, который и раньше возражал против перевода и теперь не одобрил проекта, но предлагал позаботиться об усилении преподавания славянского языка в школах, чтобы славянская библия была всеми лучше понимаема. Возражения против русского перевода делались и некоторыми другими лицами, и это снова задержало предприятие года на два. Но по настоянию опять моск. Филарета,

представившего и опровержение означенных возражений, в 1858 г., согласно Высочайшему повелению, с благословения св. Синода, приступили к переводу свящ. Писания, сначала нового, потом и ветхого завета, для чего составлены были комитеты при академиях, обязанные представлять свои труды на рассмотрение св. Синода, а с 1860 г. русский перевод начал выходить в свет по частям. В нем принимал некоторое участие и проф. спб. семинарии Савваитов. Тогда же были напечатаны и прежние переводы – Макария Глухарева (в Прав. Обозрении), проф. Павского (в Духе христианина) и др. В семинариях уже свободно стали руководствоваться русскими переводами св. Писания.

Все вышеизложенное следует иметь в виду, при рассмотрении и уяснении характера вообще семинарского преподавания, в частности же предметов богословских, а в особенности науки о первоисточнике откровенной религии и первооснове богословия – Свящ. Писании.

Строго ограниченное пределами перевода LXX и славянской библии, с толкованиями ее приносившимися лишь к этому переводу, преподавание не могло быть полно и основательно, по крайней мере до 60-х годов. Академии не представляли ни ученых исследований о тексте библии, ни ученых толкований, а без этого и семинарии не имели достаточных пособий. Вопросы, встречающиеся в конспектах до 40-х годов, напр. о важности еврейских книг для христиан, о первоначальном языке св. книг, об истории св. текста и т. п. (см. выше стр. 88), уже не затрагивались в рассматриваемую эпоху, до конца 50-х годов. Еврейский язык даже совсем исключен был из учебного курса в спб. семинарии²²⁶ и при объяснении свящ. Писания, обращаться к еврейскому тексту, было даже не безопасно²²⁷.

В низшем отделении, где преподавание св. Писания до конца 50-х г. возложено было на профессоров словесности, обыкновенно начинали с кн. Бытия, (при пособии «Записок» м. Филарета,) большею частью без введения в науку и без общих сведений о библии. Объяснялись – название той или другой книги (канонической), время и цель написания, сообщались некоторые сведения о писателе и краткое содержание, затем указывались прообразы и пророчества о Мессии, встречающиеся в книге, с толкованием только этих мест; иногда же (напр. у Муретова в 1841–43 г.) обращалось внимание «на замечательные предметы и нравственные уроки (напр. важность и достоинство кн. Бытия для религии). Но последовательного чтения глав с объяснением не полагалось. Неканонические книги обыкновенно опускались²²⁸. В среднем отделении (по консп. Савваитова) сообщалось общее понятие о ветхом завете, его важности и т. п., но ни о каноне, ни о тексте – нет, не заметно также указаний и на еврейский подлинник, напр. при рассмотрении псалтири. В высш. отд. после общего понятия о новом завете и новозав. книгах, приступали к изложению также кратких данных о писателе, времени написания, цели. разделения известной книги, с изъяснением избранных мест, не касаясь вопроса о подлинности той или другой книги. Творения св. отцев должны были служить «истинным руководством к разумению свящ. Писания»²²⁹. Число изучавшихся книг нового завета с течением времени увеличилось. В 40-х годах по конспектам отмечены только Евангелия, Деяния и посл. к Римлянам; затем читались и соборные послания. В 1849 г. уже прибавлены к этому – посл. к Коринф. Галат. и Ефесеям, но остальные книги не все означены и в последующих конспектах. Пред началом урока читалась глава из Библии.

С самого конца 50-х годов, особенно же в половине 60-х, программа уроков по св. Писанию расширяется в отделе исагогическом и критическом, ставятся вопросы об образовании ветхозав. канона и его разделении у иудеев, так же и о новозаветном, о переводах греческом и славянском, о языке и подлинности книг (Савваитов), далее о происхождении книг неканонических, о значении библиологии, об исторической достоверности книг (Гурнов 1867 г.); более избирается мест и целых глав для объяснения. Свободнее пользуются и иностранными пособиями, кроме старых на лат. языке (в роде Calmet Comment. и Cornel. a Lapide), более новыми – (Rosenmüller, Scholia; Migne, Script, sacrae cursus compl.), а также немецкими (Delitzsch), не говоря о русских вновь выходящих, в роде соч. Агафангела, Кухарева. После св. Писания, предмета общего для всех трех отделений, первой, по времени изучения, богословской наукой было Катехизическое учение, проходившееся на 1-й год в низш. отделении по руководству Петра Могилы: «Православное исповедание», об особенностях которого сказано было выше (см. стр. 125). О способе преподавания наставник Кедров писал в 1844 г., что он «объяснял смысл текстов, чтобы облегчить заучивание их и делал

приспособление к понятиям учеников учения богословского». Первоначально на этот предмет назначался 1 урок в неделю, но потом это найдено недостаточным, в виду того, что катехизис Петра Могилы должен был служить «повторением пространного катехизиса, проходимого в уездных училищах, и в тоже время как бы введением в круг высших духовных наук и поверкою для оных»²³⁰. По опред. св. Синода от 22/31 марта 1845 г. велено от греч. языка отделить один еще урок для катехиз. учения «по важности сего предмета» и предписано наставнику: «с удовлетворительною подробностью и точностью изъяснить и внушить воспитанникам все заключающиеся в Православном исповедании истины... соображая свои изъяснения, кроме пространного катехизиса, с Посланием восточных патриархов о православной вере, и, по мере возможности, с богослужебными книгами... и каждый класс непременно требовать от учеников строгого отчета в том, что преподано в предыдущей класс»²³¹. В августе того же года предписано, кроме изучения катех. П. Могилы в 1-й год в низш. отд., «по переходе учеников в высшее, пред самым началом богословских курсов, повторить вновь означенную книгу, возложив сей труд на преподавателя богословия». Это и было заведено, как видно из конспектов Полисадова (1845 г.) и Феогноста (1847–48 г.), но вскоре вывелось.

По расписанию предметов, утвержденному св. Синодом в 1840 г., Православное исповедание, вместе с учением о богослуж. книгах, соединялось в одних руках с преподаванием всеобщей истории и греч. языка. Но в петерб. семинарии от этого было отступлено в самом начале. Первоначально эти предметы, с присоединением еще латинского языка, преподавал Д. Успенский, учитель финского языка; потом, согласно с опред. св. Синода в 1844 г., они переданы учителю немецкого языка – из воспит. дух. академии (Кедров, затем Певницкий). С половины 50-х годов Православное исповедание утверждается за профессором св. Писания Савваитовым, что, конечно, было гораздо естественнее, чем соединение этого предмета с финским, немецким, или латинским языками.

Конспекты по Катехизическому учению представляют или копию с оглавления Православного исповедания И. Могилы, или выписку из книги самых вопросов, иногда с опущением некоторых, или с соединением двух и более в один. Сколько можно заключать по конспектам, учебник не всегда проходилась весь сполна, напр. консп. 1861–63 г. закончен только 9-м членом символа веры.

Во 2-й год в низшем отделении преподавалось «руководство к познанию и употреблению церковно-служебных книг». Высшее начальство обязывало тщательно ознакомить воспитанников с достоинством наших богослужебных книг, заключающих в себе обильный источник древнего учения церкви»²³². Сначала наука о богослужебных книгах соединена была с Правосл. исповеданием в руках одного преподавателя, но с половины 50-х годов она присоединялась то к тому, то к другому предмету, и переходила из рук в руки. Конспекты разных наставников большею частию сходны, только одни начинают прямо с рассмотрения самых книг, другие дают сначала общее понятие об этих книгах и касаются общей истории их; говорят о составителях, переводах, исправлении книг. В частности, разбираются по содержанию, происхождению, дополнениям, исправлениям и проч. Следующие книги: типик или устав, служебник простой и архиерейский, часослов великий и малый, псалтырь простая и следованная, октоих, триодь постная и цветная, минея месячная и общая, анфологион, ирмологий, требник, акафистник, книга молебных пений и каноник; далее – (хотя не во всех конспектах) апостол, евангелие и чины – православия, коронации, поминовения воинов и т. п. Главным пособием было «Историческое обозрение богосл. Книг греко-российской церкви» (Киев. 1836 г.), приписываемое Иннокентию (Борисову), а потом и «Краткое обозрение богосл. книг» К. Никольского. Но не видно, чтобы самые книги давались в руки ученикам, или показывались в классе, с целью практического ознакомления с ними. Только в 1859 г. (от 4 февр.) последовало особое предписание, чтобы учение о богослужебных книгах соединять с церковным уставом и заставлять учеников читать и петь в церкви при богослужении, а за каникулярное время представлять о том даже особые свидетельства от местных причтов. Предписание это имело отношение и к преподаванию науки о расколе, как увидим ниже. Еще раньше обращено внимание на то, что духовные воспитанники не имеют практического надлежащего ознакомления с богослужением литургии преждеосвященных даров, совершаемой великим постом по средам и пятницам. В виду этого от 8 марта, 1855 г. последовал указ св. Синода о посещении всеми учениками означенного богослужения и о

сокращении с этою целью времени утренних уроков в дни, когда положена преждеосвященная обедня.

В среднем отделении, после св. Писания, были три науки, относящиеся к богословскому курсу: толковательное богословие, иначе священная или библейская герменевтика, библейская история и патристика.

Почти с самого начала рассматриваемого периода определен на герменевтику проф. Савваитов и преподавал ее до конца периода, в течение 25 лет. Еще на первых порах им составлены были записки по этому предмету и вскоре обработаны для печати, хотя вышли в свет спустя уже долгое время. Изданию этому пришлось испытать не мало переделок и затруднений, более или менее обычных по тому времени, прежде чем оно могло явиться в свет.

Ректор спб. академии, епископ Афанасий (Дроздов), бывши в семинарии ревизором в 1843 году, производил между прочим экзамен по св. Писанию и герменевтике, остался доволен и тут же выразил свое одобрение наставнику Савваитову, в особенности за его записки по герменевтике, которые и просил доставить ему для прочтения, так как он сам этим предметом занимался (см. выше, стр. 347). Рукопись была доставлена и находилась у еп. Афанасия в течение летних каникул. Пред началом уроков автор просил возвратить ее и, так как получил новое одобрение, то решился отпечатать свои записки для употребления в семинариях. Цензор протоиерей Окунев разрешил рукопись к напечатанию, особенно после того как узнал об одобрении ее ректором академии. В 1844 г. напечатана была свящ. герменевтика (в 600 экз.). Когда автор стал раздавать экземпляры прежде всего лицам высокопоставленным, ректор академии, призвав его, просил остановить распространение книги, так как в ней, по его мнению, многое следовало исправить. С этою целью он дал автору оттиск из своей статьи в Христ. чтении (1843. IV), под заглавием: «несколько правил, руководствующих к чтению книг и мест содержания пророческого». Автор, прочитав эту статью, нашел, что она совсем не подходит к его системе, о чем и доложил еп. Афанасию, но последний объявил, что, помимо частных, в герменевтике следует переделать в особенности главу о руководительном начале толкования св. Писания и указать в этом отношении на первостепенное значение свящ. предания и православной церкви. Относительно же напечатанного издания он высказал семинарскому ректору, что «лучше сжечь его».

Автор должен был переделывать сочинение в указанном ему смысле. Он изменил и самое название книги, заменив иностранное слово герменевтика²³³ заглавием: «Православное учение о способе толкования св. Писания». Главное же руководительное начало толкования св. Писания указал не в самом Писании, а «в учении православной кафолической церкви»²³⁴. Сочинение читал и одобрил еп. Иоанникий (Горский), в то время викарий старорусский, так же и духовный цензор ректор семинарии, архим. Иоанн (Соколов). Афанасий же Дроздов в то время (в пол. 50-х годов) давно уже был на епархии (еп. Саратовский). Издание разрешено было к напечатанию для употребления в семинариях, по определению св. Синода, и в 1857 г. напечатано в количестве 5000 экземпляров. Но здесь случилось обстоятельство, снова послужившее поводом к приостановке издания и даже его уничтожению. Вследствие некоторого, совершенно стороннего, личного неудовольствия против Савваитова со стороны тогдашнего директора канцелярии синод. об. -прокурора Гаевского, представлено было об. -прокурору о необходимости, согласно установившемуся обычаю, послать книгу Савваитова на просмотр моск. митрополиту, прежде чем приобрести ее в Дух. учеб. Управление для рассылки по семинариям. Расчет Гаевского оказался верным. Митр. Филарет сделал несколько замечаний на книгу Савваитова и прежде всего указал на то, что не было нужды изменять установившееся заглавие книги, тем более что сам автор в первых же строках ее признает название герменевтика общеупотребительным. Особенно же глава о руководительном начале найдена неосновательной и находящейся отчасти в противоречии с некоторыми другими местами сочинения.

Несмотря на определение св. Синода, издание снова было остановлено, и автору велено предать его уничтожению, (в вознаграждение убытков ему, впрочем, выдано 400 руб.). Чрез несколько времени, постивши митр. Филарета в Москве, проф. Савваитов, при разговоре о герменевтике, сослался на требование еп. Афанасия относительно статьи о руководительном начале. Филарет при этом имени обнаружил особое внимание и объявил это требование

неосновательным, а взгляд, на котором оно основано, неправильным, так как само св. Писание есть прежде всего руководительное начало для его толкования. Далее он заметил, что, если эту главу изменить и сделать еще некоторые незначительные исправления, то книга выйдет весьма хорошая для руководства в семинариях. Автор снова переделал книгу, согласно с замечаниями моск. митрополита, и уже в 1859 году она вышла беспрепятственно, под заглавием «Библейская герменевтика» и сделалась общеобязательным учебником в семинариях²³⁵.

Библейская история преподавалась по известному руководству москов. митроп. Филарета, с требованием по возможности точного ее заучивания. Ученая и единственная в своем роде книга митроп. Филарета, составленная при пособии немецкого богослова Буддея (*Historia ecclesiastica Vet. Test.* 1718 г.), по краткости ее и своеобразности языка, бывшей даже иногда предметом семинарского остроумия, требовала дополнений из библии и пояснений наставника. Сам Филарет говорил о необходимости дополнений к ней профессора и выражал желание, чтобы испытываемые отвечали из ума и познания, не корчемствуя учебными книгами и записками²³⁶. Но официально заявлять об этих дополнениях считалось небезопасным, как и выше об этом замечено (см. стр. 74, примеч.) По крайней мере в конспектах 40-х и 50-х годов (Боголюбова) нет никаких добавлений к учебнику, тем более отступлений от него. Впрочем в одном из репортов Боголюбова сем. правлению (окт. 1844 г.) говорится, что он «в изложении событий держался повествования свящ. Писания, соединяя с чтением оного соображения и замечания, изложенные в Начертании церк. библ. ист. Филарета, а по местам объяснения и замечания других известнейших толкователей свящ. Писания; на карте показывал местности и сообщал географические сведения о Палестине».

С 60-х годов книгу Филарета начинают уже оставлять. Конспекты Бажанова, Стратилатова и Иовлева (1865 г.) представляют копию с оглавления «Священной истории» прот. М. Богословского, причем и ветхозаветная история не всегда доводилась до конца, а новозаветная иногда оставалась совсем непройденною, судя по конспекту напр. 1861–1863 г. Конспект же 1865–1867 г. очень полный и обнимает ветхий и новый завет, составлен не по Богословскому только, но и с дополнениями из Филарета, напр. «о состоянии иудеев пред рождением Христовым, гражданском, церковном» и т. п. и Скворцева: «Краткое начертание ист. церкви ветхо-зав. и ново-заветной», в 2-х книгах, (киев. изд.) Но, с устранением книги Филарета, библейская история утрачивает прежний учено-систематический характер и делается собранием простых рассказов по священной истории.

Патристика, или учение об отцах церкви, признана была «одною из самых нужных наук для каждого священнослужителя... Главное же пособие сей важной науки (указано) в самых творениях отцев». Так как из отеческих творений переведены были еще очень немногие, то и составлен был «общий план для издания всех св. отцев в последовательном порядке»²³⁷. Труды эти возложены были на духовные академии; в виду этого при московской академии (1843 г.) основан даже специальный журнал: «Творения св. отцев», где (в прибавлениях) помещались и жизнеописания их.

По расписанию 1840 г. патристика полагалась в высшем отделении и в петерб. семинарии была поручена Савваитову. По конспекту 1845 г. она окончена только Иринею Лионским (нач. III века), но сопровождалась чтением св. отцев по гречески, и преимущественно из IV в. и даже V-го (Златоуст). Образцем чтений Савваитова по патристике может служить изданный им «патрологический опыт», под заглавием: «Св. Климент, епископ римский» (1852 г.), где он излагает жизнь Климента, потом разбирает его сочинения – подлинные и подложные – со стороны их содержания, происхождения, цели и проч. затем, на основании сочинений, передает его учение догматическое и нравственное. По определению св. Синода от 10/12 сент. 1845 г. патристика перенесена из высшего отделения, где оказалось слишком много предметов, в среднее, с обязательством проходить ее во 2-й год, вместо уроков логики и психологии преподавателю которых она и поручена. Инсп. Мишин по патристике выдавал ученикам записки, очень хорошо составленные, при пособии Перманедера (*Bibliotheca patristica* 1841–43) и, как говорят, лекций даровитого бакалавра спб. академии и близкого товарища Мишина, Лобовикова. В конспектах обозначены следующие св. отцы, жизнь и учение которых излагались: еписк. Варнава, Климент Римский, Игнатий Богоносец, Ерм., Дионисий, Ареопagit, Поликарп Смирнский, Иустин Философ, Иринею Лионский, муч. Ипполит, Киприан

Карфагенский, Григорий Неокесарийский, Афанасий Великий, Василий Великий, Григорий Богослов и Иоанн Златоуст.

Только с половины 60-х годов означенная программа изменяется и расширяется. В 1859 г. вышла в свет книга Филарета архиеписк. черниговск. «Историческое учение об отцах церкви»²³⁸,) и дело преподавателей патристики значительно облегчилось. С 60-х годов переводы святоотеческих творений (с 1-го века), с предварительными сведениями об их авторах и изданиях стали помещаться в журнал «Православное обозрение», а западные отцы – в «Трудах киевск. Академии». Из своей книги в 3-х частях Филарет после (1864 г.) сделал сокращение. Но и это последнее издание для семинарий представлялось обширным, по крайней мере по количеству заключающихся в нем св. отцев. Конспект 1865–1867 г. (Зинченко) составлен по этой книге, с опущением некоторых св. отцев, менее знаменитых, но к прежним прибавлены: свв. Лукиан пресвитер, Антоний Великий. Кирилл Иерусалимский, Ефрем Сирин, Григорий Нисский, Кирилл Александрийский, Григорий Двоеслов, Максим Исповедник, Иоанн Дамаскин; но Дионисий Ареопагит исключен из программы, как и у Филарета.

В высшем отделении к прежним богословским наукам (богословие догматическое, нравственное, пастырское, церковная археология и церковная история) прибавлены новые: богословие собеседовательное или гомилетика, учение о вероисповеданиях или богословие сравнительное (называлось так же обличительным и полемическим), каноническое право и основание церковных законов, впоследствии еще – наука о расколе с опровержением его.

Составленные в вышеупомянутом комитете (стр. 307), в начале 40-х годов, конспекты для богословия догматического, нравственного и пастырского (также и введения в православное богословие), были препровождены к митроп. Филарету на рассмотрение, при отношении гр. Пратасова от 12 мая 1844 года. Сделав свои замечания на эти конспекты, митрополит писал обер-прокурору: «из сих замечаний изволите усмотреть, что некоторые части (конспектов) не имеют такой полноты и ясности, чтобы можно было определительно судить о их достоинстве и чтобы он послужили несомненным руководством для преподавателей, некоторые приметным образом требуют исправления, а некоторые части подлежат по крайней мере дальнейшему соображению относительно их вида и размещения в главном плане. Таким образом конспекты сии, по моему мнению, требуют дальнейшего пересмотра, соображения и усовершенания»²³⁹. В конспектах опять выставляются на первый план мысли – о церкви-учительнице, как учении первейшей важности, об особенной важности преданий и символов, особенно апостольского, проводится мнение об излишестве учения о Боге по началам разума²⁴⁰ и сомнительной нужде ветхозаветного откровения при доказательстве божественного происхождения христианской веры. Помимо этого, в конспекте по догматическому богословию осуждаются прежние учебники по богословию – Ф. Прокоповича, И. Фальковского, Иакинфа Карпинского, Феофилакта Горского, митроп. Платона, «по близости и к системам иностранным, которые все проникнуты духом своего вероисповедания, а некоторые и так называемым рационализмом». Очевидно, в связи с этим, ни одно из указанных сочинения не рекомендовалось высшим начальством для семинарий, а указывались, после катехизиса И. Могилы, в пособие: Богословие св. Иоанна Дамаскина, «Камень веры» – Стефана Яворского, по нравственной части – соч. св. Тихона Задонского, по богословию пастырскому – «О священстве» Иоанна Златоустого; также для чтения – беседы Златоуста на ев. Мф. и послания, «Огласительные поучения» Кирилла Иерусалимского, творения св. Димитрия Ростовского и Тихона Воронежского²⁴¹. Воспитанникам же для бесплатной раздачи высылались: Грамота царская и грамоты вселенских патриархов о учреждении св. Синода, с изложением православного исповедания восточные католические церкви²⁴².

Митроп. Филарет, вступившись за книги, подвергшиеся несправедливому нападению, защищал их и авторитетом св. Синода и великих русских иерархов, в свое время одобрявших эти книги, а так же и со стороны их внутреннего содержания, «от православия неуклоняющегося»: в них, правда, не слишком выставляется предание, но и ему отводится приличное, хотя и второстепенное место. Между прочим Филарет обличает бестактность составителей конспектов, заявленную, при видимом уважении к достоинству церкви и ее непогрешительности, в «провозглашении во всех духовных училищах, будто доньше иерархия и церковь учила и училась догматам по книгам, которые проникнуты духом чуждых вероисповеданий и даже рационализмом, и будто православное учение теперь только

начинается»²⁴³. Разрешая, же потом вопрос: «надобно-ли учение о церкви предлагать прежде учения о Боге и о Христе», он обращает обвинение в рационализме против желающих «преподавать учение о церкви не в том порядке в каком назначил вселенский символ веры, а в другом, вновь выдуманном... Не тем ли начался рационализм, что разум присвоил себе право построить системы богословия, как ему заблагорассудится? Надобно ли раболепно подчиняться сему опасному началу, хотя оно на первый раз представляет благовидный плод»?²⁴⁴

Так же и конспект пастырского богословия (на основании книги Гивтшица) Филарет признал не вполне православным и рекомендовал пользоваться пока прежней книгой: «О должностях пресвитеров»; если же составлять новое руководство, то «без раболепства иностранной системе».

Заявив и о конспекте нравственного богословия, что он «требует в некоторых частях пересмотра и усовершенания», Филарет считает долгом защитить некоторые из прежних сочинений по нравственному богословию, которые, по видимому, осуждает конспект, как «близкие к системам иностранным», напр. Феофилакта Deagendis, прот. Кочетова, Черты деятельного учения, прот. Бажанова, Об обязанностях христианских. «Сии книги, пишет он, заслуживали бы, чтобы их оправдать от всеобщего нареkania или подозрения в неправославии, бросаемого конспектом на все учебные книги по нравственному богословию, без изъятия»²⁴⁵.

Вследствие таких отзывов, дело составления новых, общеобязательных богословских конспектов, по видимому, приостановилось. Но с конца 40-х годов начинают появляться печатные руководства по богословским предметам.

Моск. митроп. Филарет в одном из писем (1842 г.) к архиеп. Григорию говорит, что от него (Филарета) «требовали даже именем Государя» составления Догматического богословия и при этом прибавляет: «в Петербурге, говорят, студенты академии выписали из сочинений святителя Димитрия отрывки, расположили их по предметам, и начальство назвало сие Догматическим богословием и назначает в классическую книгу для семинарий»²⁴⁶. Сам Филарет не взялся за составление учебника по слабости здоровья, как замечает в том же письме. Но и означенные отрывки, составлявшиеся, вероятно, под руководством тогдашнего бакалавра догматики, иером. Макария (Булгакова), как можно думать, по инициативе ректора Афанасия²⁴⁷, хотя и были напечатаны в «Христианск. чтении» (1842 IV), но распространения, по видимому, не имели; по крайней мере в богословских конспектах профессоров спб. семинарии Полисадова и Феогноста не заметно их влияния.

По словам преосвящ. Филарета Гумилевского, гр. Пратасов в начале 40-х годов «непременно желал, чтобы он занялся приготовлением догматики», о чем ему «были предложения, лишь только попал он в Петербург». Но Филарет нашел, «что эти предложения льстивы для самолюбия, но не льстивы для благоразумия, внимательного к положению дел»²⁴⁸ и только в 1864 году издал свое «Догматическое богословие», которое, впрочем мало имело распространения в семинариях. Это собственно его академические лекции²⁴⁹, составленные, по словам автора, «не без внимания к мнениям германского рационализма»²⁵⁰. Между тем с конца 1848 г., по определению св. Синода, «впредь до появления еще более совершенного руководства», введено в классическое употребление в семинариях Догматическое богословие Антония (Амфитеатрова), ректора киевской семинарии (впоследствии архиеп. казанского), «составленное под непосредственным руководством преосв. митроп. киевского»²⁵¹ (Филарета Амфитеатрова), одобренное конференциями академий с. -петербургской и киевской, с возведением автора в докторы богословия. Книга его признается особенно удовлетворительной, как представляющая всю полноту символа православной католической восточной церкви в сжатом, но твердом и строго-систематическом, ясном и отчетливом виде. Впрочем Филарет моск. назвал ее «не довольно сильной»²⁵².

Профессорские конспекты догматического богословия с этих пор представляют почти точную копию с оглавления, находящегося в догматике Антония, с незначительными иногда выпусками. Но для своих лекций наставники имели под руками разные пособия, кроме прежних, и иностранный, напр. Libermann (Institut. theologiae), Perrone (Praelect. theol.), Migne (Theol. curs. compl.)

С конца 40-х годов весьма важным пособием, собственно для классных лекций наставника, является очень обширный и единственный в своем роде труд ученийшего из наших иерархов, впоследствии москов. митроп. Макария (Булгакова), «Православно-догматическое богословие» (в 5 томах), с особым «Введением» к нему. Труд этот особенно расхвален архиеп. Иннокентием (Борисовым), разбиравшим его по поручению академии наук, и представлен как «редкое и самое отрадное явление в нашей богословской литературе», так что и «иностранные богословские литературы не представляют творения с такими достоинствами»²⁵³.

Ректор Феогност первоначально хотя и был освобожден от профессорской обязанности (стр. 313), но потом (с 1847 г.) стал преподавать догматическое богословие, которое с этого времени обыкновенно преподавал ректор. В 1854 г. было предписано, чтобы даже и в параллельном класс высш. отд., если таковой есть, догм. богословие преподавалось ректором, в виду того «что сия важнейшая в кругу духовного образования наука усвоится лучше и единообразнее учениками всех классов, когда ее будет сообщать им один и притом опытный наставник»²⁵⁴.

По Нравственному богословию печатного учебника не было. Конспект Полисадова (1843–1845 г.) по этому предмету представляет следующие главные пункты. Введение. Часть 1-я. Отд. 1-е, о законе в нем самом рассматриваемом: 1) о законе нравственном естественном, 2) о законе откровенном, 3) законе любви, как начало нравственной христианской деятельности, 4) о законах человеческих. Отд. 2-е, о законе по отношению к нашим действиям, а) о добродетели, б) о грехе и пороке. Часть 2-я. Об обязанностях христианских: 1) и Богу, 2) к себе самому, 3) к ближним, 4) к умершим. Частные обязанности христианина: в состоянии домашнем, гражданском, церковном. Часть 3-я. О средствах к преуспеянию в добродетели. Те же вопросы видим и в последующих конспектах, с некоторыми только изменениями, напр. с опущением части 3-й, (т. е. аскетики), или перенесением ее в главу о добродетели, с перестановкою обязанностей к себе самому со второго места на третье и т. п. Соч. Штафа (Theologia moralis, в 4-х т. 1836) было главным пособием по этому предмету

В 1854 г. была выслана программа нравственного богословия, составленная в моск. дух. академии, с поручением заявить, на основании опыта, если нужно сделать в ней те или другие изменения. Программу рассматривал ректор семинарии Иоанникий, указал в ней некоторые пробелы и пропуски нужных сведений, но признал полезной семинариям «для соображений и пособия». В сущности, программа эта не представляла значительных особенностей сравнительно с вышеизложенной, так же как и программа – только более обстоятельная и широкая, по которой составлены впоследствии печатные руководства, напр. ректора Владимир. семинарии (впоследствии архиеп. костромского) Платона (Фивейского), в 1854 г., или профессора богословия в спб. университет, прот. Солярского: «Записки по нравственному богословию» в 3-х частях (1860–1864 г.), которые и сделались главным пособием для преподавателя²⁵⁵.

Пастырское богословие, вместе с собеседовательным, на основании правил 1840 г. (§ 1), требовалось «в особенности приспособить к обязанностям сельского священника. » С этого времени, как известно, «приготовление пастырей к практическому наставлению паствы составляло предмет особенной заботливости св. Синода»²⁵⁶. С 40-х годов заведены были в церквях так называемые катехизические беседы, или объяснение катехизиса народу, применительно к его простым понятиям; предписано делать наставление неграмотных в главнейших молитвах и заповедях, посредством громкого чтения их в церквях после литургии; поощрялось открытие духовенством первоначальной школе для детей поселян²⁵⁷. Все это нужно было иметь в виду, в особенности при преподавании означенных наук.

Кроме основной книги «О должностях пресвитеров», в 40-х годах пособием для наставника была книга Стурдзы, напечатанная по предписанию св. Синода: «Письма о должностях священного сана»; затем в 1851 г. вышло «Пастырское богословие» Антония (Амфитеатрова), а в 1853 г. «Пастырское богословие» архиеп. Кирилла (Наумова), профессора спб. академии, за которое он удостоен степени доктора богословия. Существенное содержание всех конспектов, это – указание обязанностей священника, как учителя, священнослужителя и пастыря душ; но в разные конспекты вносятся и некоторые другие вопросы, напр. о

происхождении и истории священства, как в соч. Кирилла, о качествах кандидата священства и личных качествах священника, как гражданина, подчиненного и т. п. (по Антонию).

Богословие собеседовательное или гомилетика, в сущности заключающая в себе вопросы: 1) об изобретении и избрании материй церковн. поучений, 2) о расположении материй церк. поучений, 3) об изложении и составе поучений, 4) о слоге, 5) о сообщении поучений слушателям (конспект Полисадова 1845 г.), – получает более или менее широкую постановку, особенно с появления в печати известной книги проф. киевской духовной академии Я. Амфитеатрова: «Чтения о церковной словесности, или гомилетика», в двух частях (1846 г.) Конференция спб. академии, признав книгу отличающуюся «полнотою материалов, порядком, живостию и обилием в изложении их», хотя в ней «весьма много более тонких, нежели удобных к исполнению замечаний» (в 3-м отд. о произношении) – одобрила ее для употребления в высших и средних учебных заведениях в виде пособия²⁵⁸. Конспекты представляют сокращенное извлечение из содержания этой книги, хотя расположение материала различно, по усмотрению того или другого профессора, но есть и статьи недостающие у Амфитеатрова, напр. в консп. иером. Павла (1855 г.) о различии церк. поучений по форме: слова, беседы, катехизич. поучения, краткие поучения; также об изложении проповедей – логическом и ораторском, (ср. конспект 1851–53 г. менее, впрочем обстоятельный). С конца 50-х годов стали пользоваться и «руководством к церковному собеседованию» киевского же профессора, протоиерея Фаворова, книга которого также имеет в основе свое сочинение Амфитеатрова, хотя в главе о форме церковной проповеди представляет вышеозначенные рубрики, неимеющиеся у Амфитеатрова. Преимущественное внимание при преподавании гомилетики обращалось на составление проповеди, или поучения, их содержание и форму, затем в большинстве конспектов указываются требования хорошего произношения проповеди, но относительно импровизации нет указаний. Вопрос об ней поставлен, сравнительно, недавно, и в руководстве Фаворова вводится лишь в позднейших изданиях. Но вообще практика по части произнесения проповедей поддерживалась, как в церкви, так и в классе. Даже на публичном экзамене по гомилетике (1849 г.) ученики высш. отделения должны были «произнести опыты кратких поучений к простому народу своего сочинения», напр. от вновь определенного священника к прихожанам (А. Преображенский), по случаю новоустроенной богадельни (И. Флеров), на заложение и основание нового храма (И. Цветков) и т. д.

Что касается истории церковного красноречия, хотя краткой, и подбора замечательных образцов церковного проповедничества, – конспекты не представляют указаний на это.

Учение о богослужении и обрядах православной церкви, прежде известное под именем Церковных древностей, а потом названное литургикой, представляет два основных отдела:

1) о христианских храмах и их принадлежностях, (иконы, утварь, одежды, книги).

2) О священ. действиях богослужения:

а) таинствах,

б) о прочих священнодействиях (освящение мира, храма, воды, ежедневные службы, чин погребения, молебны).

«Новая скрижаль» Вениамина и акад. записки (профессора Долоцкого) по заявлению Боголюбова (1844 г.), служили пособием при составлении им записок по этому предмету. Но в его конспекте нет введения в науку и статей – о песнопении, постах и праздниках. Позднее внесена в программу большая глава о праздниках (напр. у Бажанова и Иовлева в 60-х годах), составленная между прочим и при пособии книги прот. Дебольского: «Дни богослужения», (изданной в I-й раз еще в 40-х годах). С 60-х годов стали пользоваться и печатным руководством проф. Киевской семинарии, протоиерея Смолодовича: Литургика, или наука о богослужении.

Учение о вероисповеданиях, иначе называемое богословием сравнительным или обличительным первоначально было, можно сказать, даже шире своего названия. Конспект Полисадова (1844 г.) представляет следующие основные главы: I Язычество. Иудейство. Магометанство. Критика их²⁵⁹. II. Католичество. Лютеранство. Реформатство. Вероисповедание социанское. Анабаптисты или меннониты. Квакеры. Гернгутеры. Новоиерусалимляне. III. Раскол; рассмотрение отдельных пунктов расколуечения: богослужебные книги, осмиконечный крест, иконы, просфоры, перстосложение для крестного

знамения, церковное пение, имя Иисус, аллилуиа, некоторые слова в символ веры. В 1845 г. к этому прибавлена часть 2-я о поповщине и беспоповщине. Для учения о расколе выписывались некоторые специальные сочинения, напр. в 1848 г. иером. Леонтий выписал: Истина Соловецкой обители, Игнатия воронежского; Беседы о мнимом старообрядстве; О старообрядстве в поповщине. В 1853 г. в конспекте иером. Германа находим и главу «о расколе армянском». Затем программа обличительного богословия с конца 50-х гг. ограничивается только вероисповеданиями – армянским, католическим, протестантским и англиканским, но с более подробным разбором их вероучения, для чего солидным пособием явилось «Богословие обличительное» ректора казанской семинарии, потом академии, архим. Иннокентия (Новгородова), в 4-х томах (1859–64 г.), представляющее много эрудиции и подробностей по части опровержения неправославных учений, хотя, сообразно с тогдашними приемами, опровержение это основано не на сущности или общей системе того или другого вероучения, не на внутренней характеристике противника, но на внешней полемике и состязании на частных, разрозненных пунктах. Для разбора протестантских сект, к которым впоследствии прибавлены методисты, шведенборгиане и проч. пользовались академическими лекциями, напр. проф. Бенескриптова, который потом издал даже отдельное сочинение, под заглавием: «О западных вероисповеданиях и протест. сектах» (1861 г.). Раскол с начала 50-х годов становится предметом отдельных кафедр.

В 1853 г. от 28 сент. последовал указ св. Синода об открытии миссионерских отделений, с целью «особого приготовления некоторых воспитанников при академиях и семинариях на дело с раскольниками». Высланы были для этого особые правила, где сказано между прочим, что курс для воспитанников миссионер. отделения должен быть двоякий: общий с прочими воспитанниками высш. отделения и частный – миссионерский, в который входят: 1) история русского раскола, 2) современная статистика раскола во всех его видах, 3) обзор сочинений раскольнических и против раскольнических, 4) положительное опровержение раскола, 5) практические наставления миссионерам. При этом предписано: принимать на миссионерское отделение воспитанников, в особенности отличающихся доброю нравственностью, освобождая их от других некоторых уроков, напр. греч. языка; преподавание поручать двум или трем наставникам из наличных; дважды в год доносить академическому правлению об успехах занятий²⁶⁰.

Семинарское правление, с утверждения митрополита Никанора, постановило сделать этот предмет общеобязательным для воспитанников высш. отделения, как очень важный и для всех могущий быть полезным. С 1-го декабря 1853 г. начались уроки «по предметам относящимся до старообрядства». Положено было на 1-й год сделать один урок в неделю, а на 2-й два; преподавание же на 1-й год поручено Боголюбову (история раскола) и Савваитову (статистика и обзор сочинений): первому вместо одного урока по церк. истории, второму – вместо одного урока по гречески, причем они должны были чередоваться по-недельно. На 2-й год преподавание раскола предположено разделить между ректором и его помощником. На первый раз семин. правление выписало до 8 сочинений по расколу и просило митр. Никанора: «оказать свое благоросвещенное содействие доставлением правлению положительных сведений о состоянии и видах раскола в здешней епархии, а равно указанием и других пособий и руководства, необходимых для успешного преподавания миссионерских предметов». После этого у царскосельского купца Ив. Москалева куплено старообрядческих книг и рукописей на 117 руб. (Меч духовный, Поморские ответы и пр. 10 названий). В 1854 г. купец Пивоваров пожертвовал еще 14 книг и 6 рукописей. В следующем году выслано для миссионерского отделения спб. семинарии несколько старопечатных книг и рукописей, выбранных из синодальной библиотеки. В 1863 г. чрез консисторию поступили для миссионерского класса раскольнические книги (5 экз.), отобранные у купчихи Грузиновой. – Программы и записки наставников по расколу предписано было (1854 г.) представлять на рассмотрение академ. правления.

Боголюбов преподавал историю раскола, как видно из его отчета 1855 г. по статьям «Христ. чтения» за 1853 и 54 годы; пособиями служили также книги – Игнатия ворон., Муравьева, Платона митр. и Филарета харьковского (русск. церк. история), Беседы к глаголемому старообрядцу, Филарета московского, соч. Руднева – о расколах в русск. церкви до Иоанна IV. В 1856 г. вышла в свет история русского раскола преосв. Макария (Булгакова)²⁶¹

и стала главным пособием для наставников. Но Боголюбов в этом году отказался от преподавания истории раскола. Савваитов по статистике русского раскола (1855 г.) сообщал о его происхождении, распространении, разделении и современном состоянии; по библиографии же, или обозрению сочинений раскольнических и противораскольнических, рассматривал раскольнические произведения, (напр. челобитные Никиты, Лазаря, Соловецкого монастыря Поморские ответы) и до 10 соч. против раскола: Увет духовный, Обличение неправды раскольнические, Розыск о раск. Брынской вере, Пращица духовная, Ответы Никифора и т. п.) Библиография раскола, по отчету иером. Иосифа (1859), преподавалась по литографированным запискам бакалавра спб. академии, архим. Никанора (Бровковича). По истории раскола (1857–58) им пройдены: а) безпоповщинские толки – Даниловщина, Федосеевщина, Филипповщина и друг. согласия, б) поповщинские – Аввакумовщина, Ветское согласие. По библиографии, кроме челобитных Никиты и Лазаря, разбирал сочин. прот. Аввакума, Саввы Романова. С половины 50-х годов введена еще так называемая пастырская педагогика, или «практические наставления священнику, имеющему в своем приходе раскольников», и вообще опровержение раскола. Преподавание первоначально поручено иером. Павлу. Пособиями были издания: «Наставление священнику относительно заблуждающих», «Истинно-древняя и истинно-православная церковь» (Спб. 1855 г.), Григория архиеп. казанского²⁶². По этому предмету сообщалось: о средствах располагать раскольников к православию – «через лица его держащая» (о достоинствах прав. священника и прихода и об отношении того и другого к раскольникам) и «через места богослужения и священнодействий». Далее, о борьбе с расколом: 1) меры предохранения от него православных, рассмотрение кажущейся благовидности раскола и внешнего благочестия расколо-учителей; разбор способов совращения в раскол, противодействие совращениям чрез увещание расколо-учителей и самым делом. (?) Наблюдение за некоторыми православными и церковно-служителями, составляющими причину распространения раскола, 2) Обращение раскольников в православие (когда, с кого, как обращать); предмета, характер, тон состязаний с расколом; правила при конце обращения (относительно новообращенных, себя самого, православных и раскольников). Из консп. иером. Феогноста 1855–57 г.

В 1858 г. от 7 февр. предписано было держаться преимущественно практического преподавания «предметов миссионерских вместе с другими духовно-нравственными науками» и давать чаще сочинения по миссионерским предметам. При этом предписывалось обращать особенное внимание и на поведение воспитанников, чтобы не переводить в богословский класс замеченных в предосудительных поступках. Чрез год снова, по опред. св. Синода, последовало предписание о том, чтобы, ввиду успешного преподавания учения о расколе, еще практически приучать учеников «к правильному богослужению по уставу церкви и к исполнению христианских обязанностей, согласно с древними обычаями, внушая им, как все это важно и необходимо в деле назидания паствы». Вместе с тем предписано воспитанникам постоянно посещать богослужение, читать и петь при нем и за каникулярное время представлять об этом свидетельства причтов²⁶³, соблюдать самым строгим образом все обряды и уставы церкви и заботиться о развитии нравственных качеств пастыря, по учению апостола.

Практические наставления по расколу соединены были в 60-х годах, вместе с историей и библиографией раскола, в руках одного преподавателя. Конспект Гурнова 1865–67 г. по истории раскола составлен, с некоторыми сокращениями, по Макарию; практические наставления ограничиваются немногими «Замечаниями»; литература же раскольническая и противораскольническая излагается подробно.

Наука Канонического права, с ее введения в семинарский курс и до конца 50-х годов, преподавалась Боголюбовым, который составил и записки по этому предмету. «Книга правил» составляла основной источник для этой науки. В конспекте Боголюбова (1847 г.), после введения, значительное место отведено историческому обозрению образования церковных законов, их сборников и изъяснений, начиная с первых веков христианской церкви, далее, византийских и до наших отечественных изданий. Для этой части значительным пособием с начала 50-х годов является «Опыт церк. законоведения» в 2-х частях, архим. Иоанна (Соколова). Дальше конспект обозначает основные права церкви православной вообще (права – учения, священнодействия, управления и суда иерархии) и в частности греко-российской: 1)

о внешнем составе церкви (о церковном правительстве и епархиальном управлении, о духовенстве и мирянах), 2) о ее внутреннем благоустройстве: а) правила касательно церковного учения (духовные училища, дух. литература), б) богослужения (разные священнодействия и правила о свящ. местах и временах). В 1848 г. вышли в свет «Записки по церковному законоведению» киевского профессора, протоиерея Сковорцова, которые ему поручено было св. Синодом приспособить, сколько возможно это, ближе к семинарскому курсу²⁶⁴. Книжка его и сделалась учебным руководством по церковному законоведению, как потом стали называть науку канонического права. Конспекты 60-х годов напр. представляют почти копию с оглавления «Записок» Сковорцова, с некоторыми разве сокращениями и пропусками, так в конспект 1865–67 г. опущена статья о церк. суде и дисциплине.

Церковная. история в виду того, что от нее отделены были науки сродные, в роде патристики, каноники и т. п., ограничена была только двумя уроками, как и в конце 30-х годов, хотя в то еще время указывалось на недостаточное знание ее в семинариях²⁶⁵. До конца 50-х годов церк. история в спб. сем. преподавалась Боголюбовым по запискам, которые, по его словам (1844 г.), были «извлечены из Иннокентия, но отчасти имелись в виду и другие руководства (между прочим Церк. ист. абб. Флери); для удобства (история излагалась) не по векам (как у Иннокентия), а по периодам; главные статьи каждого периода. (напр. внешнее состояние церкви, распространение ее, состояние учения, богослужения, иерархии и пр.) сличаемы были со статьями предшествующего периода»; при преподавании употреблялись и географические карты. По конспекту 1847 г. история восточной церкви доведена до освобождения Греции, западной – закончена реформацией и учреждением иезуитского ордена; история же русской церкви закончена последним патриархом и статьей о расколе и унии. Введенный в 30-х годах учебник по русской церк. истории Муравьева, по видимому, не был обязателен; конспект Боголюбова (1847 г.) составлен от него независимо.

С конца 1840-х годов стала выходить «История русской церкви» архиеп. Филарета Гумилевского, составившая три тома²⁶⁶, из которой впоследствии сделано им извлечение в качестве учебного руководства (1860 г). Этот учебник по истории русской церкви доведен до конца XVII столетия. Конспекты с 60-х годов составлялись по нему, хотя иногда с дополнениями из пространной «Истории русск. церкви». Между прочим с целью разработки русской церковно-исторической науки, в начале 50-х г. предписано учредить епархиальные комитеты для составления историко-статистического описания церквей²⁶⁷.

С 1857 г. стала выходить «История русской церкви» преосв. Макария (Булгакова), которая могла быть пособием не только при преподавании русской церк. истории, но и церковного законоведения и учения о богослужении.

По общей церковной истории, после Иннокентия, пользовались книгами – прот. Рудакова (1858 г.), проф. Чельцова и пр., причем напр. в 1863 г. история доведена только до разделения церквей, но в 1867 г. (по консп. Иовлева) закончена сектами XVIII века: гернгутеров и методистов. Конспект обширный и обнаруживающий пособие академических лекций.

Для богословских предметов, кроме исчисленных выше источников и руководств, всегдашним пособием служили духовные журналы, затем являвшиеся хотя изредка академические диссертации, а также и изданные академиями упражненья студентов первых курсов. Но до 60-х годов вообще учебная духовная литература не отличалась богатством, встречая для своего развития постоянные затруднения, вследствие указанного выше господствовавшего направления. «С развитием самостоятельной духовной словесности, – читаем в одном из последних отчетов гр. Пратасова, ослаблено бывшее доселе подражание иноземным писателям; учреждением же особого высшего при св. Синоде надзора за всеми издаваемыми в свет произведениями оной обеспечивается строгое православное их направление»²⁶⁸.

Словесность, философия, гражданская история

Словесность, как и до преобразования 1841 года, была главным предметом в низшем отделении, на который и уроков назначено было более всего, – от 5 до 7.

В 40-х годах, кроме теории словесности (риторики и пиитики) в спб. семинарии преподавалась и краткая история литературы, хотя по новому положению она не требовалась. У Ансерева (1841–43 г.) история русской литературы доведена до Петра I, но есть замечания, касающиеся и общей литературы древней, восточной, греческой и римской. По конспектам Чубинского (1843–47), история литературы излагается от изобретения славянских письмен до новейшего времени, причем разбираются писатели духовные и светские, оканчивая позднейшими, как Грибоедов, Батюшков, Мерзляков, Пушкин, и историки – Погодин, Полевой, Мих. – Данилевский (консп. 1845 г.). Но в конспект Бронницкого (по 2 отд. 1844–47 г.) история русской литературы доведена только до конца XVIII века. Затем с 50-х годов история литературы уже не обозначается в конспектах, теория же словесности расширяется и постепенно становится свободнее от устарелых правил Бургиевой риторики и учебника Греча 20-х годов («Учебная книга российской словесности», в 4-х част.). Уже в конспекте Чубинского (1845–47 г.), а затем и А. Никольского старые рубрики: риторика и пиитика заменены просто названиями – проза и поэзия, с опущением разных риторических подробностей об изобретении, расположении, хриях, и отделе прозы прямо начинается главой об исторических сочинениях. В конспектах Архангельского, а затем и Шаврова, введена новая статья о чтении книг и о разных практических приемах для составления сочинений учениками и пр.

Вот главные рубрики этих конспектов (начала 50 годов).

Введение: определение науки, предмет ее, характер, польза, разделение. Общая словесность: разделение, 1) условия для успеха в сочинении: чтение книг, собственное упражнение в сочинении и его разные приемы – частные и общие. 2) Общие правила для всякого сочинения – прозаического и поэтического; главная мысль и ее развитие; язык и слог и их достоинства; части сочинения. Частная словесность. 1) Проза: красноречие – письменное, разговорное, историческое; описания, повествования, рассказ, биография, некролог. Красноречие философское – рассуждение, размышление и чувствования, наука или система, рецензия или критика и антикритика. Красноречие ораторское – речь и правила касательно ее; церковное красноречие, слово или проповедь; красноречие светское – совещательное, военное (воззвание и речи), академическое, политическое или государственное; красноречие изобразительное (речи приветственные). 2) Поэзия: введение; стихосложение (литературное и народное-русское) и его роды; тоническое стихосложение; роды и виды поэтических произведений, эпическая поэзия, описательная, идиллия; дидактическая, басня; эпическая повествовательная – эпопея, романтическая поэма, роман и повесть, баллада, сказка. Лирическая поэзия, лирика религиозная, торжественная, элегическая, песенная, сатирическая. Драматическая поэзия, трагедия, комедия, (водевиль, опера).

Указывались в отрывках и некоторые примеры того или другого рода словесных произведений; стало более вводиться чтение и изучение в класс образцовых сочинений. К этому времени (1851–52 г.) относится отзыв бывшего воспитанника спб. семин. Н. Благовещенского (автора биографии писателя Н. Помяловского) о преподавании словесности в спб. семинарии: «словесность молодой учитель сумел сделать интересной и мало помалу завлекать учащихся. Он читал вам даже некоторые образчики изящной литературы, старательно, конечно, опуская все, что могло подействовать плохо на нравственность бурсаков... Постоянное упражнение в сочинениях тоже давало толчок мысли и заставляло ломать голову над заменой одних оборотов речи другими, над разъяснением какогонибудь нравоучительного текста». Писались и стихи, прибавляет он далее²⁶⁹, Архангельский потом дополнил свою программу словесности некоторыми статьями, напр. в части общей – о грамматическом и логическом строении мыслей, о речи отрывистой и периодической, в отделе частной словесности – об истории, характеристиках, судебном красноречии (что есть и в конспектах Шаврова) и свои записки, впрочем, без отдела поэзии напечатал в 1857 г. под заглавием: «Руководство к изучению словесности», заметив в предисловии, что преподавал словесность практически, методом аналитическим брал примеры и уже из литературного

анализа их выводил правила или законы сочинений, хотя записки изложил синтетически, подтверждая законы сочинений примерами и, где требовалось, разбором примеров. Роды и виды сочинений, имеющие историческое развитие, излагал исторически²⁷⁰. При этом, впрочем, нужно было отдать и дань требованиям времени, т. е. изложить учение о хриях и пр. Автор передавал нам, что без этого отдела ректор Иоанникий, как человек очень мнительный, находил неудобным пропустить записки. Последующие конспекты преподавателей словесности отвечают программе и руководству Архангельского; в иных же семинариях книга его была даже учебником. Но с 60-х годов замечается уже отступление от означенной программы, напр. у Ловягина иное выпущено, а другое дополнено (по руков. Минина). Особенно с 1863 по 1867 г. видим значительное дополнение по части разбора образцовых произведений. Так напр. рассматриваются, хотя и вкратце: эпопея классическая – Илиада, Одиссея и Энеида, подражательная – Иузиада, Генриада, Россиада, Владимир; самостоятельная эпопея – Божественная комедия, Потерянный рай, Мессиада; народные сказания – Магабгарата, Шах-наме, Эдда, Песнь о Нибелунгах, Любушин суд и др.; трагедии – Эсхила, Софокла и Эврипида и проч. Сверх того, вводятся краткие очерки русской словесности и литературы: песни и былины, сказки, пословицы (образцы); древние сочинения, относящиеся к литературе поучительной и повествовательной. У Барсова, – сверх того, введены образцы из Пушкина, Шекспира и Шиллера, – в очерке же исторического искусства у разных народов, кроме древних историков, указаны – Гердер, Гизо, Нибур; по истории литературы, кроме древней, «преподаны главные пункты и из истории новой литературы – после Петра I до Пушкина включительно, но не изложены в записках, а служили материалом для письменных работ учеников». (Консп. Барс. 1865–67 г.).

Записки по словесности, выдаваемые наставниками воспитанникам, составлялись при пособии лекций профессоров Давыдова, Шевырева, так же академических записок, между прочим и руководств, – после Кошанского и Греча, – в роде Глаголева, Готеса, Данского, Плаксина, Зеленецкого, Милюкова, Минина, наконец, Галахова, который и рассматривать критически нередко поручалось начальством профессорам петербургской семинарии. (См. ниже).

Философия, весьма широко преподававшаяся до преобразования (стр. 65), ограничена только логикой и психологией, «в том предположении, – как сказано в правилах 1840 г.» (§ 3), – что систематическое представление главных понятий о Боге, о мире, о духовности и бессмертии души человеческой с удобностью может быть изложено (вместо метафизики) при преподавании богословия догматического и нравственного»²⁷¹. Но и логику с психологией в 1845 году предписано преподавать только в течение 1-го года в среднем отделении (см. выше стр. 361).

Конспект Мишина (1845 г.) представляет следующие основные пункты. Логика. Предварительные сведения; Элементарная логика: законы мышления; формы мышления. Прикладная логика: способы познания; систематическое знание. Психология. Предварительные сведения. Общая психология; различие между бытием духовным и телесным, субстанциональность души, соединение ее с телом, ее местопребывание; способности душевные вообще.²⁷² Частная психология. Физическая жизнь: чувство самосохранения, ощущение, инстинкт, внешние чувства, память. Духовная природа человека. Низшие способности: сознание; рассудок; воспоминание; воображение; воля и характер; чувство (о страстях и темпераментах). Высшие способности: разум, свобода, фантазия.

Записки Мишина по логике и психологии оставались в употреблении долго и после него, как видно и из конспектов. Бывшие воспитанники вспоминают о нем, как о хорошем профессоре, который говорил ясно и вразумительно, сравнения и примеры часто брал из быта воспитанников. По словам даже Благовещенского, отрицательно относящегося вообще к семинарии и в частности к Мишину, «лекции Мишина по логике и психологии заинтересовали Помяловского... дали особенный толчок мыслям его, и разработка вопросов о законах мышления и свойствах души заняла его с этих пор надолго»; философские вопросы разрешал Помяловский и в статьях, помещавшихся в тогдашнем семинарском журнале, под заглавием: «семинарский листок»²⁷³.

В 1854 г. высланы были программы логики и психологии, составленные в моск. академии, и дано поручение сделать об них отзыв. Мишин признал их удовлетворительными, так как

«предметы изложены полно и в порядке, все основные мысли верны, вопросы отвлеченные исключены», поэтому предлагал сообщить программы всем семинарским наставникам философии, но предварительно сократить их, особенно по психологии. Действительно, программы отличаются обширностью и как бы имеют в виду несколько вознаградить семинарии за изгнание из них философии в прежнем объеме: логика напр. по означенной программе отчасти соединяется с метафизикой и вообще философией и едва ли могла соответствовать вполне пониманию воспитанников²⁷⁴. Но не заметно, чтобы эти программы имели влияние на изменение конспектов рассматриваемых наук в спб. семинарии.

В 1864 г. профессор Зинченко заявлял правлению, что он составляет новые записки по психологии. По его конспектам, после введения, заключающего определение опытной психологии и отличие ее от умозрительной, также и некоторые вопросы прежней общей психологии – об отношении души к телу и их отличии – излагаются три части науки по основным способностям души (как у Новицкого разделена частная психология); часть 1-я трактует о познавательной способности: ощущения с физиологической и психической стороны, внешние чувства, представления, память, ассоциация представлений, с ее законами и видами; рассудок, разум. – Часть 2-я. О способности чувствований. Об условиях происхождения удовольствия и неудовольствия. Об условиях усиления и ослабления чувствований. О видах сердечных движений. Часть 3-я. О воле, об элементах входящих в состав ее, о характере. – Развитие у нас, особенно с начала 60-х годов, психологической, физиологической и вообще философской литературы, как видно, не осталось без влияния на характер и постановку психологии в спб. семинарии. Лекции профес. Зинченко, хотя, как говорят, и не особенно легкие для усвоения, настолько, однако же, интересовали воспитанников, что к нему на класс стремились и из другого философского отделения.

Логика оставалась по прежней программе: элементарная – законы и формы мышления – и прикладная (методология) – о способах познания и о систематическом знании. Изменения делались незначительные, напр. в конспекте 1867 г. в законах мышления опущен закон противоречия и оставлены только два – тождества и достаточного основания. Пособий для наставника, после Бахмана и Новицкого, – постепенно прибавлялось, с изданием логик проф. Карпова, Смирнова, Коропцева, Милля.

Гражданская история преподавалась в низшем и среднем отделениях. В низшем положена была в 1-й год древняя всеобщая история, во 2-й средняя и новая. Русскую историю назначено было пройти в среднем отделении, в течение 1-го года.

Руководством по всеобщей истории в 1844 г. одобрена академической конференцией книга Смагардова (впосл. профессора Александровского лицея), вместо истории Шрека, считавшейся до того времени классическим руководством. Но ввести учебником историю Смагардова предписано только в 1858 г. с тем, чтобы обращалось внимание собственно «на изучение важнейших исторических событий». Между тем у Смагардова много мелких подробностей, хотя ничего нет о славянских народах (кроме поляков). Тоже содержание видим и по конспекту Зыкова (1849 г.), законченному Людовиком XIV. Самая книга Смагардова обыкновенно не была в обращении у учеников, а выдавались составленные по ней записки – с сокращениями. В конспекте Евдокимова (1859–61 г.), даже опущены целые периоды, напр. история пунических войн и римской империи, история Франции, Англии и Германии XII–XV века и доведено только до вестфальского мира. Гораздо обстоятельнее, но без излишних подробностей, конспект Люперсольского (1861–63 г.), законченный первой французской революцией, причем отдел новой истории вообще сокращеннее других. Этот профессор свободно владел предметом; для своих лекций, кроме сочин. Шлоссера, Лоренца, Вебера, пользовался и отдельными историческими монографиями, не вдаваясь без нужды в фактические подробности, а стараясь уяснить более смысл событий, или учреждений; а воспитанникам рекомендовал в руководство толково составленную книгу В. Шульгина. Дело совершенно изменяется после него, когда стали пользоваться лишь «краткой всеобщей историей» Берте: конспект Стратилатова (1865–67 г.) составлен по этому руководству, и то с выпусками некоторых глав (напр. из древней истории – об упадке Греции, о греческой литературе, философии и т. п.), и закончен Наполеоном I.

Исторические карты и атласы (Зуева, Крузе, Бараковского, Твелькемейера) хотя были в употреблении у наставников, но по видимому, не считались необходимыми пособиями для

учеников, не говоря уже об исторических картинах.

Русская история проходила по Устрялову, хотя и с ощущением иногда некоторых глав, напр. в конспекте 1857 г. опущено о соединении Польши с Литвой, об унии; только в 60-х годах введен был учебник Иловайского: «краткие очерки русской истории (1860 г.) До позднейшего времени русская история большею частью не доводилась. Конспекты обыкновенно заканчиваются временем Екатерины II, или Петра Ш, иногда Петра 1 (1849 г.); в 1865 г. история закончена даже только между царством (конспекта. Евдокимова), но в 1843 г. царствованием Александра 1 и в 1867 г. внутренней деятельностью Императора Александра I. В классе иногда читали прямо по Карамзину, Соловьеву, или Устрялову (Рус. ист. в 5 ч.), говорили и свои лекции, входившие у некоторых наставников (напр. Иером. Феогноста, Вл. Никольского) интересными для слушателей.

Науки физико-математические и естественные

Математика (алгебра и геометрия с пасхалией), по «правилам» 1840 г. была перенесена из среднего отделения в низшее. Физика же преподавалась в среднем отделении.

Алгебра проходила по руководству Себржинского, а геометрия по учебнику Райковского. В 1844 г. оба эти руководства, по поручении академической конференции, рассматривались профессором академии Ростиславовым и найдены хотя не вполне удовлетворительными, но пригодными, до издания новых руководств²⁷⁵. Новые руководства поручено было составить тому же Ростиславову, но он составил только алгебру, которая издана была уже гораздо позднее (1868 г.), хотя классическим руководством в семинарии не сделана. Но и руководство Себржинского преподавателями сокращалось, как видно напр. из конспекта Карашевича (1853 г.) и последующих, где опущены: количества геометрически пропорциональные, логарифмы – и окончено решением уравнений 2-й. ст. по Себржинск. гл. IV, остальные же главы V–VIII опущены²⁷⁶. Впрочем конспекты вообще не строго отвечают учебнику. Позднее стали обращаться к учебникам Сомова и Вуссе. – В «положении» 1840 г. о геометрии сказано (§ 6): «поставить в обязанность наставнику занимать учеников практическими измерениями, применяясь преимущественно к нуждам сельского быта». В виду этого, в 1845 г. был запрос, имеются ли геометрические инструменты в семинарии. Когда таковых не оказалось, то разрешено было, согласно с реестром проф. Михайлова, приобрести 6 названий инструментов (астролябию, мерную цепь, геометрический столик и проч.) В его конспекте по геометрии (1845–47 г.) последняя глава: «приложение геометрии к схеме планов». Здесь – понятие о плане и действия при съемке, определение расстояний (эккер, мерная цепь); измерение углов (астролябия, нониус, буссоль, масштабы, транспортир); производство съемки. Книжка Жукова: «руководство к землемерии» (1848 г.) служила обыкновенным пособием по этой части.

В феврале 1850 г. последовало предписание об усилении преподавания землемерия и вообще практической геометрии²⁷⁷. Проф. Михайлову поручено было от академического правления пересмотреть свои записки по этому предмету и представить в качестве руководства. Тогда же высланы для учеников инструменты геометрические и геодезические – мерные цепи, астролябии, мензулы, готовальни и материалы для планов. О ходе преподавания наставник обязывался делать особые донесения, для сообщения в Дух. уч. управление. Так в 1850–51 г. Михайлов доносил, что в землемерии и практической геометрии ученики упражняются 5 раз в неделю летом, по вечерам, от 2-х до 3-х часов; ими сделана съемка места между обводным каналом, Черной речкой и Невую, с обозначением строений ал.-невской лавры, академии и семинарии. Составленные планы представлены в июле к испытанию и признаны удовлетворительными. Три плана отосланы в Духовн. учебн. управление: 1) местность ал.-невской лавры, 2) самая лавра, 3) план спб. семинарии. В 1852 г. по запросу из Духовн. учебн. управления, Михайлов представил список 22 учеников наиболее способных чертить планы.

Не довольствуясь этим, Дух. уч. управление еще в дек. 1847 г. признало полезным ввести в семинарский курс преподавание сельской архитектуры, на основании «Высочайше одобренных в 1840 г. положений о приспособлении образования дух. юношества в семинариях к назначению сельских священников и к потребностям сельского их быта», чтобы могли составлять планы и сметы сельских зданий (жилых помещений для причта, риг, плотин, скотных дворов и даже церквей небольшого размера). Спрашивали об этом мнения правления спб. семинарии и выслали для рассмотрения программу, составленную покойным архитектором Щедриным. Семинарское правление признало этот предмет полезным и предположило для него 3 года (2-й год в средн. отделении и два в высшем.)

Но прежде, чем осуществилось предположение о введении сельской архитектуры, из Дух. учебн. управления чрез академию прислано было (в 1851 г.) в семин. правление мнение Гавриила (Розанова), архиеп. тверского, бывшего ревизором в тверской семинарии, – об ограничении курса математических наук одною практическою геометрией с архитектурой, (так как священнику нужно бывает строить церковь, или поправить ее). Мнение это поручено рассмотреть А. Михайлову. Сущность его ответа в следующем: 1) при такой постановке дела опускается одна из важнейших целей преподавания математики, именно: развитие умственных

способностей; 2) практическая геометрия тесно связана с элементарной, а последняя требует и знания алгебры; 3) так же и физика связана с алгеброй и элементарной геометрией; 4) из алгебры же пополняется и знание арифметики, отсюда она и в общежитии полезна (теория уравнений); 5) геодезия и архитектура в виде отдельных наук в семинарии невозможны по ограниченности времени для уроков математики. В заключении предлагалось оставить дело в прежнем виде. Отзыв Михайлова семин. правление признало основательным и представило академии. Сельская архитектура осталась только в предположении²⁷⁸.

За болезнью и затем выходом Михайлова (1853 г.), преподавание практической геометрии на некоторое время остановилось, но, как видно из донесения сем. правления Дух. уч. управлению от 31 дек. 1853 г., ученики низш. отд., не упражнявшиеся в землемерии, должны были заниматься этим в среднем отделении, под руководством препод. Красносельского, по планометрии же изготовляли копии с зданий принадлежащих академии и семинарии. Вообще с половины 50-х годов означенная наука преподавалась уже под именем геодезии в средн. отделении агрономом Красносельским. По его конспекту (1855–57 г.) значится, после введения: I. Съёмка планов местности, а) определение расстояний, б) определение углов, в) построение линий и углов на бумаге. Производство съёмки. II. Межевание. – Преподавание же теоретической геометрии продолжал в низшем отделении наст. Карашевич. С 1856 г. математика соединена была в одних руках с преподаванием естественной истории и сельского хозяйства.

По Высочайшему повелению 1858 г., преподавание геодезии с 1859 г. в семинарии отменено, а инструменты в 1860 г. предписано св. Синодом продавать с публичного торга. Так как механик Гезехус оценил инструменты спб. семинарии дешево (22 р. 30 к.), то правление исходатайствовало разрешение оставить их для пособия в занятиях сельским хозяйством. – Пасхалия, по прежнему, проходила по руководству Тяжелова, исправленному еще в 1819 г. в отношении языка проф. академии Себржинским²⁷⁹.

Для преподавания физики в июле 1844 года, по определению св. Синода, были посланы физические инструменты на 1014 р. 28 к. для разных отделов науки, числом 55, по реестру составленному в Д. у. Управлении, и освидетельствованы преп. Михайловым, вместе с проф. академии Ростиславовым. В 1846 г. из библиотечных сумм выдано 18 р. 88 к. на приобретение разных материалов для производства физических опытов. В 1846 г. по представлению Михайлова, приобретено еще 19 инструментов на сумму 182 р. 56 к. По его же представлению в 1845 г. приобретены и некоторые химические приборы (пневматическая ванна, шесть реторт, химический термометр и пр.), на что послано 273 р. 15 к. Физические инструменты приобретались и впоследствии, напр. по заявлению преподав. Образцева в 1865 г. (на 110 руб.).

Пособием по физике некоторое время служила книга проф. Щеглова («Начальные основания физики»), изданная еще в 30-х годах. Но в 1840 году последовало распоряжение от св. Синода «до составления руководства к физике, особо примененного к требованиям семинарского преподавания, – ввести в преподавание физику Ленца, как имеющую особенное пред другими достоинство»²⁸⁰. Однако же этого руководства не держались строго, как видно напр. из конспектов Михайлова (1845–49 г.), представляющих следующие основные рубрики: А. Физика. Введение; общие свойства тел; сила притягательная; свет; теплород; магнетизм; электричество. В. Физическая механика. Статика; динамика; гидростатика и гидродинамика, аэростатика и аэродинамика; акустика.

В 50-х же годах конспекты составлялись преимущественно по Ленцу, руководство которого, написанное по поручению минист. нар. просвещения, в последующих изданиях было несколько переделано, – причем допускались некоторые сокращения и обыкновенно выпускались математические вычисления. В таком роде издан был даже особый краткий учебник преподавателем пермской семинарии Шапковым, не имевший большого распространения, но бывший в пользовании у преподавателей физики спб. семинарии 60-х годов, вместе с руководствами Краевича, Писаревского и др. По некоторым отделам физики составлялись иногда записки, при пособии особых сочинений, (в роде Кемпца метеорологии, или Циммермана об электричестве). Так Образцев (1865) выдавал свои записки (напр. о теплороде), который были отлитографированы.

С половины 60-х годов руководствовались книгой Гано: «Практически курс физики для средних учебных заведений», применительно к которой составлялись и конспекты.

Естественная история, внесенная в семин. программу по новому положению 1840 г., не вводилась в спб. семинарии до начала 50-х годов. На запрос об ней высшего начальства в 1850 г. отвечено, что «доселе она не преподавалась; коллекции насекомых, минералов, гербарии и образцы местных почв не были собираемы для здешней семинарии». Назначенный в 1852 г. на класс естественной истории, агроном Красносельский сделал в следующем году представление семин. правлению о необходимости приобрести коллекцию металлов и минералов, которая и приобретена от содержателя книжного магазина Тамма, в количестве 250 экземпляров (за 36 р. с). Затем в 1856 г. преподаватель немецкого языка Брандт пожертвовал в семинарию 155 экз. минералов для минералогического кабинета, а в 1863 г. еще 130 экз. В декабре 1854 г. в первый раз донесено было Дух. уч. управлению, что естественная история в 1853–54 г. пройдена сполна.

Конспект (высш. и средн. отдел.)²⁸¹ 1852–53 г. состоит из следующих основных рубрик: Введение. Часть I. Минералогия; общая ориктогнозия: стереометрические признаки минералов, физические признаки, химические; частная ориктогнозия: кремнистые твердые минералы, глинистые (полевошпатные, слюдяные, кремневокислый глинозем), известковые (углекислая известь, сернокислая), тальковые; соли; горючие ископаемые; тяжелые металлы, горные породы. Часть 2. Ботаника. Органография: начальные органы, (химический состав растений); органы питания, размножения. Физиология растений: внешние и внутренние условия жизни растений; питание, растительный процесс, цветение, созревание. Методология или систематика. Прикладная ботаника: явнотрава (23 класса.); растения тайнотрава (класс XXIV)²⁸². Часть 3. Зоология (высш. отдел.). Млекопитающие животные, птицы, пресмыкающиеся, рыбы, ракообразные, насекомые, пауковидные, кольчатые, мягкотелые, лучистые, глисты, акарифы или жгутики, полипы, наливочные (всего 14 классов). Главным пособием служило «руководство к естественной истории», в 2-х частях, дерптского профессора Шуберта (1841 г.) Гербариев и ботанических экскурсий, которые, как видно из отчетов обер-прокурора, существовали в некоторых семинариях, в петербургской семинарии не было. С течением времени естественная история утрачивала свое первоначальное значение. В начале 1859 г. получено предписание, вследствие Высочайшего повеления (1858 г.), с отменой геодезии, ограничить и преподавание естественных наук одними общими сведениями. Вследствие этого на естественную историю назначено по 1 часу в неделю в среднем к высшему отделению; экзамены по ней иногда не производились и отметки делались в общей графе с сельским хозяйством.

Сельское хозяйство, введенное новым положением 1840 г. в семинарский курс, не преподавалось в спб. семинарии до конца 1843 г., за неимением учебного руководства и наставника. Первоначально из Дух. уч. управления была выслана бумага от 15 июля 1843 г. следующего содержания: «по случаю введения в круг учебных предметов, преподаваемых в семинариях, науки о сельском хозяйстве, св. Синод, согласно с мнением Дух. учебн. управления, обратив внимание на то, что для успешного и вполне удовлетворительного преподавания сей науки, недостаточно в наставнике одних теоретических в оной сведений, но что притом нужно к опытное знание в производстве сельских работ и в употреблении вновь введенных усовершенствованных земледельческих орудий, признал необходимым приготовить для сей кафедры наставников посредством систематического образования их в специальном земледельческом учебном заведении, дабы они, по выслушании в оном полного курса наук по части сельского хозяйства, заняли должности преподавателей в семинариях и впоследствии, поступая во священники к сельским перворазрядным приходам, распространяли приобретенные ими полезные сведения между духовенством и сельскими жителями». Постановление это Высочайше утверждено и из семинарий предположено вызвать 58 воспитанников для отправления в Горыгорецкую земледельческую школу, впоследствии (1848 г.) института (могил. губ.), с условием, по окончании там курса, служить в семинарии 6 лет, а если пожелают выйти в светское звание, то 10 лет. В числе вызванных один был и из спб. семинарии²⁸³. (См. ниже, в отд. Воспитанники.)

Затем, по определению св. Синода, сообщенному в особом предписании академического правления от 4 окт. 1843 г., сельское хозяйство открыто сначала в высшем отделении (2 урока

в неделю), а с следующего года и в среднем (на 2-й год). Для обучения этому предмету назначен преподаватель лесного и межевого корпуса Шмальц. Уроки начались с 28 октября. Как немец, хотя и очень ученый, Шмальц плохо говорил по русски, и ученики его с трудом понимали. На первый раз он представил краткую программу: I. обработка почвы, II. посев, III. попечение при росте растений, IV. жатва, уборка и сохранение плодов. В 1844 г. преподаватель сделал представление о необходимости приобретения моделей земледельческих орудий, на что выслано из Д. у. Упр. 54 р., и куплено 14 моделей. С 1846 г. преподавалось и скотоводство. В 1847 г. для практических занятий устроен особый огород. В 1847–49 г. в среднем отделении преподано кроме общего растениеводства и земледелия, в частности: о возделывании хлебных растений, стручковых и широколиственных, кормовых, торговых, корнеплодных; в высшем – скотоводство, луговое хозяйство, организация хозяйства, разведение фруктовых деревьев, свиноводство. По поводу требования из Д. у. Упр. подробного описания практических занятий по сельскому хозяйству для руководства в других семинариях, в 1850 г. отвечено, что земли для практических занятий обработано свыше 340 кв. саж. частью нанятыми рабочими, частью самими учениками. Посевы хлебные были: рожь разных сортов, пшеница, ячмень, овес, просо, гречиха, кукуруза – разных сортов; стручковые – горох разный, вика, наут; корнеплодные – картофель и свекловица; кормовые – клевер и др. травы 7 сортов; пряильные – лен и конопля разных сортов; масляные – мак, подсолнечники; красильных – три сорта; из пряных – горчица; из огородных – капуста, укроп, огурцы, лук, петрушка и салат; всего разных растений до 40 видов. Далее делается описание ухода и перечисление различных орудий. Каждая грядка поручалась одному, или двум воспитанникам; они пололи и поливали в свободное время, особенно после обеда и ужина. Начальство наблюдало за точным исполнением работ. Практические занятия служили пособием наставнику при объяснении уроков по разным вопросам – о посеве, всходе, урожае, болезнях растений и пр. Лекции иногда читались на грядах. Снятый посев шел в экономию семинарии. – Покупка семян разрешена была особым циркуляром (1849 г.) из остаточных сумм на 10 руб. в год, а свыше – по особому разрешению высшего начальства²⁸⁴. Вследствие, ходатайства Вольного экономического общества, семин. наставникам «разрешено доставлять Обществу сведения о состоянии местного сельского хозяйства, которые могли бы служить драгоценными материалами для издаваемых Обществом трудов и для познания отечественного сельского хозяйства», а также «содействовать к развитию в них ученой деятельности и соревнования»²⁸⁵.

В 1849 г. выслана программа для преподавания сельского хозяйства, составленная, вследствие сношения дух. начальства с министерствами народн. просв. и внутр. дел, профессором Горыгорецкого института, в виду издания общего руководства, Целлинским. Семинарские наставники снабжены тетрадями прочитанных им лекций в институте. Заглавие программы следующее: «программа, по коей в Горыгор. землед. школе воспитанникам дух. ведомства, ныне преподавателям сельского хозяйства в семинариях, читана агрономия, земледелие, общее и частное растениеводство».

В 1852 г. последовал циркуляр о доставлении пояснительных записок наставниками к программам по сельскому хозяйству. Здесь между прочим сказано, что некоторые преподаватели вдаются в ученые решения вопросов, тогда как нужно заботиться, чтобы ученики «узнали положительно, чем и как должен заниматься сельский хозяин (при средствах какие имеет священник), чтобы получить от своего хозяйства надлежащую выгоду», на основании нормальной программы, составленной в Горыгорецком институте, с которой целью сообразоваться и при составлении частных программ, необходимых в виду местных условий. К началу 60-х годов выслано и «руководство для преподавания земледелия в дух. семинариях проф. Целинского, составлявшееся по частям. Место Шмальца с 1852 г. занял агроном Красносельский, из числа семинарских воспитанников, отправленных в Горыгорецкий институт на основании вышеизложенного постановления 1843 г. По назначении начальства, он составил пояснительную записку и программу по сельскому хозяйству (1854 г.). В нее между прочим введены вопросы о климате с.-петербургской губернии и почве по разным ее сторонам». Но в 50-х годах предмет ограничен был, как видно из конспектов, только полеводством общим и частным (кроме общих сведений о земледелии); в 60-х же годах указывается и луговое хозяйство, огородничество с садоводством, а также и скотоводство (рогатый скот, лошади, свиньи).

Пособиями особенно для этого отдела, были соч. Рего, Цигры, Крейсига и др. Порядки, заведенные Шмальцем поддерживались и после него, но прежнее значение сельского хозяйства в семинарии постепенно утрачивалось, мода на него, так сказать, прошла, и донесения на запросы высшего начальства об успехах преподавания с течением времени обратились в одну формальность. К тому же и деятельность преподавателя раздробилась, так как ему еще поручены были: естественная история, геодезия, затем математика и наконец физика. В обер-прокурорских отчетах петербургская семинария не указывается в числе семинарий, выдававшихся наилучшим преподаванием сельского хозяйства.

Сельское хозяйство, вместе с естествознанием и медициной, отменено в 1866 г., согласно постановлению Высочайше учрежденного присутствия по делам православного духовенства. Кафедра медицины так же не сразу была открыта, по неимению руководства и наставника. Хотя в 1841 г. семинарский врач Паковский изъявил желание преподавать «начальный основания медицины и общенародный лечебник», но в должность не вступал. После его выхода, со 2-й половины 1845 г., доктор Бобриков начал преподавать медицину ученикам высш. отделения и сообщил им – общие понятия о врачебно-народном наставлении, по изданному тогда особому руководству²⁸⁶, где особенно рассматривались вредные для здоровья последствия от народных предрассудков и суеверий; также – общие сведения из анатомии, патологии: и терапии; изложил более встречающиеся роды болезней, каковы: воспаление, лихорадка, тифозная горячка, водобоязнь, оспа – и способ прививания ее. В 1847 г. к ним прибавлены: детские болезни, замерзшие, утопшие, отравившиеся, переломы и вывихи; в программу введены потом данные из физиологии, диететики, фармакологии. Для преподавания анатомии приобретены пособия: анатомические таблицы Вебера, карманная хирургическая анатомия д-ра Розера. В 1847 г. дейст. ст. советник Энохин, посетивший семинарию, пожертвовал анатомический атлас и 11 больших анатомических таблиц – «для успеха в медицине». С половины 50-х годов по медицине стали выдаваться литографированный записки²⁸⁷, некоторые же роды болезней и способы лечения показываемы были в семинарской больнице, при кроватях больных воспитанников. В 1855 году снова был указ св. Синода об обучении оспопрививанию не только в теоретическом, (что уже было), но и в практическом отношении. В 1866 г. кафедра медицины закрыта.

Для древних языков (лат. и греч.) первоначально было назначено по 2 урока в неделю в среднем отделении и на 2-й год в низшем, в 1-й же год в низш. отд. даже три урока; но в 1845 г. от греч. языка в низш. отд. на 1-й год один урок сбавлен в пользу Катих. учения, а от латинского 2 ур. в пользу словесности. Еврейский язык с 1844–45 г. не преподавался. Новые языки – французский, немецкий, финский, с 1847 г. и эстский – преподавались во внеурочное время (сначала по 2, а потом по 3 урока в неделю.)

По правилам 1840 г. (§ 17) постановлено было: с целью изучения древних языков «в порядке, более однообразном и методическом, (которое бы) сопровождалось и надлежащею отчетностью, поручить акад. конференциям составить подробные для преподавания опыт наставления, определив в них последовательный порядок занятий чрез все продолжение семинарского курса, с указанием рода самых занятий в образцовых сочинениях для переводов». Но не видно, чтобы означенные наставления были составлены и поступили к руководству. Тогда как в низшем отделении полагалось по расписанию 1840 г. собственно изучение языка (латинского и греческого), в среднем требовалось уже чтение латинских и греческих писателей, а в высшем – св. отцев. Но обыкновенно занятие языками во всех классах состояло в грамматическом разборе и перевод известных глав или статей.

В низшем отделении переводили Юлия Цезаря и Саллюстия, из разных сочинений их, глав по 30–40 в год, и менее. При этом количество переведенного постепенно уменьшается к половине 60-х годов; так за 1849–51 г. (у Певницкого) переведены: 5-я книга из галльской войны К. Цезаря (58 небольших глав) и несколько глав из югуртинской войны Саллюстия; в 1853–55 г. (консп. Троицкого) – 40 глав из александрийской войны Ю. Цезаря и 30 – из югуртинской; в 1857–59 г. (у Предтеченского) 20 глав из галльской войны, 19 из гражданской и 30 из Саллюстия («о заговоре Катилины»); в 1861–63 г. (у Розанова) из Ю. Цезаря 11 глав и Саллюстия – 6 глав, (хотя при этом указаны еще занятия письменными упражнениями, о чем будет сказано ниже); в 1865–66 г. (у Щелкунова) в течение полугодия переведены только две главы из соч. «De viris illustribus urbis Romae», а за два года 1865–67 (по консп. Красносельского) всего 18 глав.

В среднем отд. у проф. Мишина читали, например в 1843–44 г., Цицерона (De officiis, lib. 1), Сенеку (a., de tranquillitate animi, b) de beneficiis, c) de providentia, d) Naturalium quaestionum cap. X), Виргилия (Georgicorum – lib. 1; Aeneidos, lib. 1). Иногда переводили еще и Лактанция. Те же авторы, но без Лактанция, – переводились и в 50-х годах, хотя менее по количеству глав. Затем Виргиния оставляют.

В 1861–63 переведено из Сенеки: de beneficiis, lib. I и de brevitate vitae; за ноябрьскую треть 1863 г. переведены только три главы из De officiis Цицерона, а в течение 1865–67 г. (Стратилатов) из 1-й кн. de officiis 8 глав и из 2-й – 6.

В высш. отделении хотя по расписанию полагалось чтение кроме греческих отцев, и латинских – на 1-й год, но последние по конспектам не значатся. В табели высш. отд. иногда – лат. язык вносился, но отметок по нему ни экзаменических, ни учительских не видно. Только за дек. треть 1865 г. есть конспект Щелкунова, где значится, что по лат. языку в высш. отд. занимались переводом предисловия из книги De credendis. Может быть, это – вследствие ревизии Карлова, нашедшего упадок латинского и греч. языков в семинарии. Греческие же отцы в первое время читались вместе с патристикой, пока она преподавалась в богословском классе. В 1843–45 г. (у Савваитова) прочитано по греческой учебной книге или хрестоматии: св. Климента посл. к римлянам, Иринея – единство веры, гл. X, кн. 1, Григория чудотворца – изложение веры, Афанасия Вел. – о воплощении, Григория Нисского – о христианском совершенстве, Макария Египетского – три беседы, Василия Вел. – слово на тексты: внимли себе. В 1849 г. к этому прибавлены еще отрывки из соч. Кирилла Иерусалимского (огласит. поучение) и Иоанна Златоуста; в 1851–53 г. читались отрывки из 7 отцев, в том числе, кроме вышеозначенных, указан Григорий Богослов (Обличительное слово на Юлиана).

В 1857 г. «с целью усиления греческого языка в семинарии» определен особый преподаватель во всех трех отделениях, из служителей афинского университета, Кишинский, (по ходатайству настоятеля русской посольской церкви в Афинах), но он не пробыв в

семинарии и одного полного двухлетия (см. выше, стр. 328). В его конспектах, кроме переводов с греческого по принятым хрестоматиям, указываются и переводы с русского на греческий, напр. в 1857–58 г. в высш. отд. из догматики Антония «о единстве Божиим», в средн. отд. из русской истории Устрялова – «покорение Руси Монголами», или – из библейской истории – «священные лица евреев» (в сент. треть 1858 г.). Хотя Нищинский говорил по гречески, но языка ученым образом не знал, системы никакой не держался, более же останавливался на переводе с русского на греч. простых фраз. В 1865–67 г. (у Евдокимова) перевели 4 катехизиса Кирилла Иерус. 11 глав; 1-е слово о богословии Григория Бог. и 1-й отрывок из Оригеновых книг против Цельса. Иногда переводили еще богородичны-догматики (1864 г.).

В среднем отделении переводят по греч. хрестоматии (Греч. энциклопедия, 2-я часть) избранные места из соч. Ксенофонта, Фукидида и Геродота; в 1849 г. за один год из Фукидида обозначено по хрестоматии 9 листов (Зыков); в 1849–51 гг. (у Певницкого) «избранные места» из 5, 6 и 7-й кн. Геродота, в следующее двухлетие (у Т-го) показано: 2-я книга ист. Ксенофонта (стр. 1–35), 1-я книга Фукидида (стр. 61–158), 5, 6 и 7-я (до 139 ст.) ист. Геродота; тоже у Т-ва в 1855–57 г. Фукидид, впрочем, не всегда переводился, напр. в консп. 1853–55 г. он не указывается. Действительно, писатель этот считается одним из труднейших, так что возникает вопрос: насколько обстоятельно могло быть чтение его в семинарии? Если же принять во внимание отзыв бывших воспитанников, что на класс древних языков (особенно по гречески) иногда разбирали и переводили около 5 строчек, то показанное в конспектах нельзя признать соответствующим действительности, по крайней мере у некоторых преподавателей. На экзамен же обыкновенно спрашивали по языкам весьма немного. В 1861–63 г. Евдокимов указывает тоже, что и у И-го в 1851–53 г., только вместо 7-й кн. Геродота – речь Демосфена против Лептина. Потом и в среднем отделении светских писателей оставляют и переводят св. отцев по известной учебной книге, напр. в 1865–67 г. (у Евдокимова) перевели слово Златоуста «против ушедших вместо церкви на зрелища» и Василия Вел. слово о посте.

В низшем отделении обыкновенно занимались переводом св. отцев (по хрестоматии), напр. в 1845 г. (у Зыкова) – 1-е обличительное слово Григория Бог. на Юлиана; в 1849 г. 4 слова Златоуста, впоследствии и из соч. Макария Египетского и Василия Великого, так в 1861–63 г. (у Евдокимова) слово Златоуста на страдания Иова и Василия Великого – о посте, а в 1865–67 г. кроме означенного слова Златоуста отрывки из 4-х различных бесед Макария Егип.

Кроме старого лексикона Шревеллия, пользовались грекороссийским словарем Ивашковского, а с 50-х годов и Синайского (бывшего профессора сарат. семинарии). По латыне словари оставались прежние. Изучения грамматики, более или менее серьезного, не было.

Французский язык получил новую постановку. Во исполнение Высочайшей воли (1840 г.) «о возведении знания французского языка в спб. семинарии до такой степени, чтобы воспитанники при выходе из оной, по окончании своего образования могли свободно, чисто и правильно объясняться на том языке, а также вести на нем, в случае нужды, переписку, с поручением преподавания франц. языка наставнику из природных иностранцев», св. Синод от 15/25 сент. 1843 г., назначив в наставники француза Рюо, модного в то время преподавателя в Петербурге, предписал: «стараться всеми мерами довести учеников в знании языка до такой степени, чтобы свободно и чисто могли объясняться и сочинять». При этом к двум урокам в неделю положено прибавить 3-й, каждый по 2 часа. Правление кроме четверга и субботы (от 2-х до 4-х часов) назначило для франц. класса еще вторник от 5 до 7 часов, а когда уроки были сделаны полуторачасовые, то прибавлен еще 4-й урок по французски. На уроки этого языка на 1-й раз учеников записалось 69 из разных отделений, но обыкновенно большинство занимавшихся по французски, так же как и по немецки, было из низш. отделения.

Вышеизложенное постановление отчасти относилось также и к немецкому языку. Учителем немецкого языка в нач. 1844 г. назначен был хотя и русский – из дух. академии (Кедров), но родившийся в Германии; учеников к нему записалось на 1-й раз 40. Вскоре ему поручено еще преподавание Православного исповедания с Богослуж. книгами, что продолжалось и при его преемнике Певницком, так же из родившихся в Германии.

Француз Рюо выписал для учеников новую грамматику в 1846 г. Нозля и Шапсаля, а в 1848 г., с одобрения акад. конференции, введена и учебная книга, им самим составленная, под

заглавием: Cours de langue française et de composition. В классе занимались обыкновенно переводами с французского на русский и обратно, причем сообщались и теоретические правила из франц. грамматики, как заявлял об этом учитель в своих коротеньких конспектах на франц. языке. Для усовершенствования произношения требовалось громкое раздельное чтение, иногда всем классом – за учителем, а для орфографии – писанье под диктовку. Рюо не говорил по русски и в классе объяснялся на французском что, при его французской живой и веселой манере и некоторой своеобразности, казалось семинаристам странным и смешным и, естественно, мешало учебному делу. Ревизор Макарий в 1849 г., признав успехи по новым языками хорошими, прибавил в отчете, что «ни по французски, ни по немецки ученики не могут объясняться и могут переводить большею частию переведенное прежде».

В следующем году был запрос из Дух. учебн. управления о числе занимающихся по французски (оказалось 40 чел.), также о руководствах, и требование лучшей постановки учебных занятий, чтобы напр. не соединять в одном классе учеников с разными познаниями. Из руководств, кроме упомянутых выше, а так же и прежних – грам. Перелогова, франц. хрестоматии неизвестного автора, руководства к переводам с русского на франц. и словаря Татищева, признаны необходимыми: Рейфа словарь и Goudreau собрание рассказов. Помимо этого, Рюо представил обер-прокурору (1852 г.) о своем намерении издать для учеников семинарии специально франц. хрестоматию: «собрание лучших слов и отрывков церковного красноречия из знаменитейших франц. проповедников XVII – XIX веков». Правление, признавая такую книгу полезною в качестве пособия, находило нужным еще одобрение со стороны духовной цензуры, но – как руководство – признало ее недостаточной, сравнительно с бывшей в употреблении хрестоматией, заключающей в себе разные прозаические и поэтические статьи, поэтому предложила новый план. По требованию академии, новгородское семинарское правление прислало мнение против хрестоматии из проповедников, так как нечего учиться проповеданию или богословию у французов, а нужно изучать язык. Рюо отвечал, что для изучения языка уже есть его руководство, а предлагаемая хрестоматия полезна для высших классов, – как принаровленная по содержанию к специальности воспитанников, а не составленная из кое-каких статей. Дело не получило, однако же, дальнейшего движения.

Между тем к половине 50-х годов число записанных на франц. язык понизилось до 20–25 человек. В 1856 г. Рюо вышел по расстроенному здоровью, но когда, в начале 60-х годов, изъявил желание поступить преподавателем в академию, указывая на то, что в семинарии его ученики могут даже объясняться по французски²⁸⁸, – из академии последовал запрос семин. правлению об успехах во француз. языке при Рюо. Шавров, которому поручено было преподавание франц. языка, отвечал на вопрос правления, что ученики знали по французски довольно порядочно, но объясняться мог один только В. Попов – из заграницы. Вывели на справку и отметки учеников по французски в списках, оказавшиеся не особенно хорошими, и число опущенных уроков учителем Рюо, в первые годы довольно незначительное, а в последующие от 25 до 56 раз, причем ректор Христофор или сам назначал ученикам переводы, или поручал заниматься с ними воспитаннику высш. отделения Ярославскому; да и сами ученики не исправно посещали уроки французского языка. Все это прописано было в ответе на запрос академ. правления.

С 1857 г. французский язык опять преподавал француз – Крестлингк, у которого ученики разделялись на старший и младший классы: в первом переводили из хрестоматии Рюо, а, во втором занимались по руководству Margot. По грамматике было руководство самого Крестлингка (1862 г.). С русского на франц. переводили из «собрания рассказов и анекдотов, для упражнения в переводах с русского на франц. и нем.» – в 1858 – 9 г. письма русского путешественника, вечер у Кантемира и т. п. Употреблялась и хрестоматия Нувеля, а так же и книга для переводов с русского на франц. Крестлингка и Кускова (с 1865 г.). Но ревизор Карпов в 1863 г. дал неодобрительный отзыв о преподавателе за «невнимательность и неисправность. Несмотря на внушение по этому поводу акад. правления, преподаватель опустил до 70 уроков в 1865 г. и был уволен. Уроки занял профессор Барсов, а потом и преподаватель франц. языка в академии Поповицкий, который занимался с учениками высш. и средн. отделений грамматикой и переводом с франц. на русский и обратно по руководствам

Рюо и Крестлингга, потом и Марго, а Барсов в низш. отделении – этимологией и переводом более легких статей по хрестоматии Рюо.

По немецки в начале 40-х годов у Кедрова переводили «отрывки из прозаич. сочинений лучших российских писателей, сост. Бераром и Журданом, кроме грамматики «упражняемы были в составлении по немецки простых речей и в чистописании» Чаше употреблялась хрестоматия, изд. Шебелевым под заглавием *Auswahl von mustern deutscher prosaiker und dichter*; переводили с нем. с грамматическим разбором, причем у Певницкого, в начале 50-х годов, «каждая статья перефразировалась применительно к правилам немецк. синтаксиса и переводилась с русского на немецкий; так же придумывались самими учениками предложения применительно к встречающимся правилам». В высш. и средн. отделении переводили иногда с русского на немецкий всеобщую историю Шрекка. У Брандта (с конца 50-х годов), сверх того, грамматика отдельно проходила, особенно глагол подробно. Он ввел руководства к изучению немец. языка – Маака, Лонгардта, Христом. Luben u. Nacke, Массона, сборник статей, так же немец. хрестоматию, изд. для немец. школы св. Петра и грамматику Фреймана (с 1865 г.); занимал переводами (словесным и письменным) с русского на немецкий «писем русского путешественника» Карамзина и др., причем лучшие опыты иногда прилагались к конспектам, а с немец. на русский переводились соч. Шиллера «Вильгельм Телль» и «30 летняя война» (до 80 страниц в год, напр. в 1867 г. из разных мест); объяснял стихотворения Шиллера воспитанникам, говорящим по немецки, и сообщал сведения из истории немец. литературы (консп. 1863 г.). У этого учителя заметно серьезное отношение к делу и умение приохотить воспитанников. Но вообще о постановке новых языков можно заметить, что она была весьма неудовлетворительна. Занятия были не обязательны, уроки – после обеда, начальство за ними почти не надзидало, отсюда небрежность и учеников и часто учителей. Если же и находились учителя аккуратные и увлекающиеся своим делом, вроде немца Брандета, то и они, при существующих условиях, могли приносить пользу разве только единицам.

На Финский язык семинарское правление нашло преподавателя из природных финнов, Фримана, который и был утвержден в должности, по определению св. Синода от 11/13 сент. 1844 г. Бывший учитель Д. Успенский, который преподавал также греческий язык, а с 1841 г. и катехизическое учение с богослужебными книгами, изъявлял было намерение остаться преподавателем только финского языка, но правление не нашло удобным его оставить, особенно в виду имевшегося уже кандидата. По определении Фримана, Успенский подавал прошение митрополиту об оставлении его преподавателем финского языка, с целью докончить труды по переводу богослужебных книг и составлению финского словаря, но потом отказался. В прошении он писал между прочим: «Фриману, человеку не имеющему ученого образования и притом не знающему ни славянского, ни греческого языка, еще много нужно будет учиться самому, чтобы быть в состоянии переводить богослужебные книги на финский язык. Между тем финны нетерпеливо алчут духовной пищи... Не понимая славянской службы, они даже в великий пост не ходят в православную церковь, а ходят в кирки к лютеранским пасторам, слушать их лютеранские проповеди». Фриман также был лютеранского вероисповедания.

На первый раз у Фримана ученики переводили с финского на русский Новый Завет (Ев. от Мф.), а с русского на финский утренние молитвы, некоторые – и рассказы из свящ. истории; назначалось также изучение финских разговоров. Занимающихся было 11 человек (в 1845 г.), из которых только три были отмечены учителем в 1-м разряде. Впоследствии (напр. в 1849 г.) прибавлены к переводам с русского – разные богословские статьи и проповеди, так же литургия Златоуста. Грамматика изучалась своим чередом (по Окулову). Но учащихся в означенном году было только 5 из низш. и средн. отд., а в 50-х гг. иногда от 2-х до 4. В 1853 г. Фриман писал: «православные финны, обитающие в восточной Финляндии, хотя уже в 1227 г. обращены в христианство, но, отчуждаемые от правосл. церкви незнанием русского языка, до сих пор коснеют в своих прежних языческих обрядах и предрассудках, или уклоняются в раскол». В виду этого, с дозволения начальства, ученики высшего отделения Ил. Зотиков и Фед. Львов, под надзором учителя, перевели с славянского на финский литургию Златоуста; а сам Фриман перевел вечерню и утреню. Переводы, представленные в Д. у. Управление были возвращены для исправления, с тем, чтобы потом ввести их в Иломанцком приходе, куп. губ. Львов, будучи уже священником, представлял снова перевод под заглавием:

«последование церк. песнопений Божеств. литургии», но его опять возвратили для исправления.

В конце 50-х годов Фриман писал в своем отчете, что ученики (12 чел.) могут переводить с фин. на русский и обратно, писать сочинения по фински, преимущественно духовного содержания, объясняться изустно и выговор имеют удовлетворительный; пользуются словарями – финско-русским Воллина (1848 г.) и русско-финским, составл. по Высоч. повелению в 1851 г. Но из переводов учеников указывал опять тоже: литургию Злат., вечерню и утреню; после прибавлены – часослов и чин приобщения больных. Лица, просматривавшие переводы, из финл. священников, указывали неисправности. По ревизии Карпова 1863 г., учителю сделано внушение за невнимание к своим обязанностям. В этом году в его конспекте значится, что, кроме грамматики и выучивания разговорных фраз, занимались переводом Нового Завета – (из евангелие 18 глав с финского и 7 гл. из св. Луки на финский) и разных статей дух. содержания (?). Сверх того, перевели 1 главу из истории Финляндии (?). В 1865–67 г. указано всего из Нов. Завета 12 глав, но еще 5 статей из хрестоматии Лилиуса, затем опять неопределенно – «несколько духовных поучений», напр. из Ир. Путятин. Но занимающихся по фински в 60-х годах стало вообще более, со времени закрытия класса эстского языка.

Эстский язык введен был с янв. 1847 года, по Высочайшему повелению от 11 февр. 1846 г. для воспитанников, желающих изучать его, даже с увольнением их от изучения греческого языка и «других менее необходимых предметов семинарского учения». Преподавание поручено тому же Фриману. Учеников записалось сначала 20 человек, потом (1849 г.) занимавшихся по эстски было 13 и менее, – до 2 (1863 г.). Занятия состояли в изучении грамматики и эстских разговоров, в переводах на эстский из Нового Завета, или из богослуж. книг, напр. из пасхальной службы, в 1856 г. Иногда Фриман в отчетах упоминает о переводах на эстски «духовных слов», напр. в 1849 г. один ученик (И. Николаевский) перевел брошюрку в 67 стр. «указание пути в царство небесное», Иннокентия еп. камч., или напр. переведена была (1857–58 г.) беседа сельского священника пред Петровым постом; большею же частию учитель не обозначает, какие статьи и в каком количестве переводились на эстский; равным образом, упоминая о том, что ученики могут составлять сочинения по эстски, – ни тем, ни сочинений не называет. С эстского на русский переводили по хрестоматии (напр. в 1849 г. 10 глав), а также и Новый Завет. В числе пособий указываются немецко-эстский словарь Гупеля 1818 г. и его же эстская грамматика. Еще в 1861 г. правление для облегчения Фримана, просившего увеличения содержания за труды, предположило закрыть кафедру эстского языка и перенести ее в Ригу, но решение о закрытии последовало только в 1865 г.

В конце 50-х годов преподавался в спб. семинарии и монгольский язык. По определению св. Синода от 8 марта 1858., «для преуспевания проповеди слова Божия между язычествующими бурятами (иркутской епархии) – признано необходимым вызвать в С.-Петербург из Иркутска 7 или 8 молодых людей из местного духовенства, для преподавания им полного миссионерского образования, с обучением их в здешнем университете и монгольскому языку». Профессор университета, действ. статский советник Попов изъявил согласие преподавать в семинарии монг. язык за приличное вознаграждение (см. в отд. Экономия), с зачислением на службу по духовному ведомству. Первоначально предположено было назначить 1 урок для монг. языка, но митр. Григорий предложил назначить 3 урока, «дабы дело пошло успешнее». Из своих воспитанников не нашлось охотников заниматься по монгольски. Из 7 же, приехавших иркутских воспитанников, 4 уже окончили курс к сент. 1858 г. Митрополит предлагал оставить их еще на год в семинарии, но, по определению св. Синода, они помещены были вольнослушателями в духовную академию и должны были ходить на уроки монгольского языка, вместе с тремя остальными, обучавшимися в семинарии. (См. в отд. Воспитанники).

Попов представил программу уроков на 4 года, по 2 урока в неделю. 1) Чтение и письмо, грамматика, перевод кратких изречений. 2) Перевод с монгольского избранных буддийских сочинений и ознакомление с буддизмом. 3) Догматические сочинения буддизма и перевод с русского или славянского на монгольский кратких изречений и молитв. 4) Продолжение того же; перевод на монгольский Евангелия и богослуж. книг и разговоры. Выписаны были следующие учебные руководства: монгольская грамматика Бобровникова, монг. хрестоматия Попова, монг. хрест. Ковалевского, монгольско-русско-немецкий словарь Шмидта, монг.

русск. франц. словарь Ковалевского, *Geschichte der Ost-Mongolen*, von Schmidt, и до 10 изданий разных монгольских книг – выписаны чрез Иркутское духовное начальство. Из Хозяйственного упр. безмездно высланы: служебник, требник и начатки христ. учения – на монгольском. Архиеп. яросл. Нил присылал (в 1858–59 гг.) для воспитанников из иркутской сем., изучавших монг. язык, по несколько экз. своих переводов на монг. яз. служебника, требника и начатков христ. учения, а так же своего соч. о буддизме. По отчету Попова за 1858–59 г., он «вполне преподавал грамматику т. е. этимологию. и синтаксис по собственному руководству; причем объяснения каждого правила сопровождалось примерами, извлеченными из лучших монгольских сочинений и живой народной речи». Из хрестоматии Ковалевского переведены 4 статьи, причем особенное внимание обращено было на объяснения филологические, исторические и религиозные (так как по содержанию статьи относятся преимущественно к верованиям и истории буддизма). Поддерживались, сверх того, постоянные упражнения в чтении и письме. – С отъездом проф. Попова из С. -Петербурга в 1860 г., прекратились уроки монг. языка, затем класс этот закрыт формально, а книги отосланы в монголо-бурятскую миссию (1863 г.).

Иконописание

Иконописание введено на основании Высочайше одобренного в 14-й день ноября 1843 г. доклада синодального обер-прокурора, – согласно определению св. Синода²⁸⁹. В предписании акад. правления от 7 апр. 1844 г. значилось: по Высочайшему повелению «открыть в с.-петербургской семинарии в виде опыта, класс рисовального искусства, с особым направлением оного к иконописанию, преимущественно в древнем русском стиле, и с назначением на сей класс тех только воспитанников, в которых замечена будет особенная охота и способность к живописи. Для занятия должности наставника по сему классу Высочайше разрешено пригласить академика Солнцева, как известного в иконописании и изучившего стиль древней русской иконописи», – с предоставлением ему пригласить другого художника для занятий с учениками, «под ближайшим его руководством». Приглашен художник Заболотский, который получил три урока (6 часов) в неделю, после обеда, а Солнцеву предоставлено лишь наблюдение – 2 или 1 раз в неделю. Уроки начались с 13 апр. 1844 года. В течение этого года, как значится в конспекте Заболотского, «в классе производились лекции и объяснения до части рисования на доске мелом, с которых очерков воспитанники копировали в свои тетради», (потом и с гипсовых фигур рисовали). Пройдено: о линиях, о голове, о перспективе, о корпусе человеческого тела, об одежде, о свете. В консп. 1847 г. уже обозначается – рисование, иконописание и живопись. В 1845 г. иконописанием занимались 101 воспитанник из всех отделений; опыты в живописи представлялись и на публичный экзамен. На запрос Дух. уч. Управления в 1848 г., сколько человек и как занимаются живописью? – правление отвечало: занимаются 95 и не ниже «порядочно». В этом году 12 воспитанников высш. отделения написали уже образа, (Св. Троица, Вознесение, бегство в Египет, нерукотворенный Спас, исцеление слепорожденного и пр.). С конца 40-х годов число учащихся уменьшается (48 чел. из всех отд. в 1849 г., в 1853 г. 47–55, 1861–38, 1867–13)²⁹⁰, но некоторые и из окончивших курс продолжали заниматься, напр. в 1849 г. таких было трое, из них каждый написал до 11 эскизов, орнаментов и образов масляными и друг. красками, «по правилам древнего византийского художества и сходно с так называемыми в деле иконописного искусства нашей православной церкви подлинниками»²⁹¹. Между тем ученики высш. отделения писали карандашом и красками акварельными и яичными изображения с древних святцев; в средн. отделении копировали с оригиналов карандашом и представили некоторые опыты красками; в низшем занимались копированием частей человеческой фигуры. Всего по списку значится свыше 100 опытов. Между прочим занимались рисованием облачений и церк. утвари. В 1849 году введено было еще и так называемое техническое учение, хотя и раньше (1846 г.) сообщались сведения о грунтовании, о клее для красок, о золочении и т. п. От 15/19 апр. 1849 г. св. Синод определил: «ввести в виде опыта техническое преподавание иконописи, с изучением разных производств образного и стенного писания». С этою целью назначен особый техник, крестьянин Коротков, которому дана особая программа, и на приобретение разных материалов отпущено 300 руб. Но в 1852 г. Коротков был уволен, как малоопытный и неусердный; определено было приглашать разных иконописцев, позолотчиков и столяров, вместо одного постоянного, – под наблюдением Солнцева и по его представлению, причем на издержки назначено от 100 до 150 р. После того приглашались разные техники, – напр. Богданов, Токарев, Любавин, Васильев. Воспитанников, занимавшихся техническим учением было обыкновенно от 10 до 15. Им преподавалось: левкасное дело, золочение, о красках, мурование и стенописание, восстановление икон, олифование их; составление полимента и позолота по нему, цирование по золоту и пр. Об успехах по части живописи и технического рисования правление, на основании отчета Солнцева, должно было ежегодно доносить высшему начальству. Митр. Антоний, по словам Солнцева, «оказывал особенное покровительство живописи и иконописанию... Он говорил, что на священнике, как на хозяине церкви, лежит прямая обязанность починять ее, а следовательно и понимать иконописание; вследствие этого и заставлял воспитанников заниматься живописью»²⁹². В 1847 г. «для большего усовершенствования тех (из воспитанников), кои особенно успели, дозволено им, по собственному их желанию, посещать в свободное от занятий время Импер. академию художеств, под ближайшим надзором акад. Солнцева»²⁹³.

С целью снятия замечательных икон, некоторые из воспитанников назначались в командировки, по рекомендации Солнцева, напр. в 1852 г. в Новгородский Софийский собор, для скопирования образов Софии премудрости Божией и апостолов Петра и Павла. В 1853 г. двое назначены были на Афон, для изучения образцов древней византийской живописи, впрочем, по изменившимся обстоятельствам на восток, не отправлены. Но в 1857 г. одного из окончивших курс воспитанников, занимавшихся живописью, с его согласия, прикомандировали к отправлявшемуся на восток с «набожною и ученою целию», бывшему настоятелю нашей мнссии в Иерусалиме, архим. Порфирию, – «с зачислением ему таковой командировки в дух. училищную службу» и с выдачею на путевые издержки 750 р. с. из дух. училищных капиталов.

Так же и в семинарию иконы присылались из разных мест, как для образцов, так и с целью их рассмотрения и определения в отношении пригодности. В начале 50-х годов, когда Солнцеву разрешено было составить для спб. семинарии образцовые изображения праздников и святых, – из Тихвинского монастыря было выслано 5 икон (дванадцатые праздники) для скопирования; из ризницы ал. -невской лавры брали 11 икон – с тою же целью. В 1857 г. в семинарию присланы раскольнические иконы, признанные св. Синодом неправильными, числом 11, «чтобы хотя дски оных могли быть употреблены с пользою учащимися иконописанию». В следующем году выслано, по опред. св. Синода, 76 икон, взятых из молельни крестьянина Ушакова, также из раскольнической молельни бердичевского мещанина Чесненка. В 1860 г. присланы для руководства 31 икона и 2 креста после умершей жены чиновника, Жуковской. Солнцев рассматривал иконы и 22 из них обратил в доски. По предложению генерала Хрулева (1860 г.), признано полезным приобрести хромофотографированные оттиски с древних икон. Другие семинарии обращались к петербургской за советами и пособиями по части иконописания, хотя и не всегда могли быть удовлетворяемы. Так в 1861 г. вследствие запроса из архангельской семинарии образцов греческого письма, предписано было немедленно снять с таких икон точные копии и выслать в архангел. семинарию. Но Солнцев заявил, что хотя ученики высш. отд. и могли бы снять копии, но им нет времени, так как заняты приготовлением работ для выпускного экзамена, а воспитанники других классов рисуют только карандашом. Учителя иконописания по разным семинариям выходили большею частию из с. -петербургской. Воспитанники же других семинарий, оказавшие в иконописании особые успехи, принимались в петербургскую для дальнейшего усовершенствования. В виду таких очевидных успехов по классу иконописания, со введением нового устава 1867 г., когда закрылся этот класс, семинарское правление нашло нужным ходатайствовать снова об открытии его. (См. ниже, пер. III).

Педагогика

По закрытии классов медицины и сельского хозяйства, как бы в замену их, с августа 1866 г., также в народных интересах, введена в семинарский курс педагогика, по распоряжению Д. у. управления, согласно представлению семинарского правления. Еще с конца 30-х годов духовное начальство обращало внимание на «первоначальные поселянские школы при церквях... устрояемые иждивением духовенства», которое «снабжало беднейших учеников книгами и письменными принадлежностями и, по неимению в некоторых приходах особого помещения для училищ, уступало для них свои комнаты»²⁹⁴. Но каких либо мер к ознакомлению будущих пастырей церкви с приемами и методами преподавания не принималось до 60-х годов, хотя пособия по этой части уже существовали, напр. Ободовского – педагогика и дидактика, изд. еще в конце 30-х годов, Евсевия (Орлинского), тогдашнего ректора моск. акад. – «О воспитании детей в духе христианского благочестия» (М. 1844 г.). Епископ же камчатский Иннокентий Вениаминов (впосл. моск. митрополит) в особом письме к гр. Протасову (1845 г.) изложил свой проект относительно обучения детей простонародья духовенством, (преимущественно посредством живого собеседования)²⁹⁵. В 1863 г. проф. семинарии Вл. В. Никольский, по возвращении из заграницы, представлял обер-прокурору отчет о заграничных педагогических заведениях, с мнением о введении курса педагогики в наших духовно-учебных заведениях. Цель введения педагогики в 1866 г. была преимущественно народная, так как признано было, «что правильный ход просвещения народных масс возможен только при содействии духовенства»²⁹⁶. В письме об. -прокурора гр. Д. А. Толстого и председателям земских управ от 5 марта 1866 г. сказано, что «духовное начальство вводит в семинарский курс преподавание педагогики, как предмета необходимого для будущего учителя, и учреждает воскресные школы при семинариях, где воспитанники, под руководством преподавателя педагогики и под наблюдением ректора, будут заниматься обучением приходящих детей, и таким образом приготавливаться к учительству в церковно-приходских школах (о поддержании которых земствами и просит гр. Толстой в этом письме). При сообщении об этом семин. правлению, для библиотеки семинарии выслана книга, не предназначавшаяся к обращению в публице: «Начальные народные училища и участие в них православного духовенства». Затем прислана утвержденная св. Синодом программа по педагогике, «заключающая в себе как общие правила для воспитания юношества, так и подробные наставления об употреблении более легких и более рациональных методов обучения», и указан учебник Шафранова, не соответствовавший, впрочем, программе. Книга же Шварца (Руководство к воспитанию и обучению), которую рассматривал, по поручению начальства, преподаватель семинарии Щелкунов и не одобрил в качестве руководства, как не имеющую собственно отношения к духовным воспитанникам, – рекомендована в пособие.

Уроки педагогики: положены были со 2-го года в средн. отделении и должны были продолжаться в высшем (собственно дидактика). Назначенный на этот предмет наставник Щелкунов выдавал свои краткие записки, составленные преимущественно по Шварцу, хотя в пользовании преподавателя были и другие педагогические сочинения и статьи (Гугеля, Анопкина, Юркевича, Пирогова, журн. Педаг. сборник). В его конспекте в отделе педагогики, после введения и общих понятий о воспитании, его задачи, трудности, характер и пр., следует глава 1-я о воспитании религиозном, и этим закончено преподаваемое по педагогике в сред. отделении. Дидактика же составлена частью по Шафранову с дополнениями из Шварца, частью же и на основании др. руководств напр. глава о способах обучения грамоте, причем указываются способы педагогов – Базедова, Песталоцци, Нельмана, Стефани, Круга, Гинча, Шульце, Лермантова, Золотова, Главинского и др. с «общим заключением о сих способах».

Воскресная школа открыта была в том же 1866 г. На нее выслано 100 руб. От министра народ. просвещения. Учение положено было два раза в неделю: в субботу и воскресенье от 2-го до 4 часа; учащиеся (от 30 до 40 чел.) разделены на две группы; им преподавалось: чтение, чистописание, арифметика, закон Божий, отчасти и церковное пение, правила приличия и нравственности. С мальчиками занимались воспитанники высш. отделения, под руководством преподавателя учительской семинарии и ал. невского училища, свящ. Петрова.

Письменные упражнения

В обучении воспитанников искусству писать, начинавшемся с первых же уроков словесности в низшем отделении, хотя поддерживались старые способы – упражнять в составлении периодов, хрий, описаний, рассуждений, но прилагались и иные приемы, смотря по способности и находчивости преподавателя. Еще в 40-х годах бывали преподаватели, не ограничивавшиеся только указанными способами, напр. М-ов нередко читал в классе ту или другую статью, доступную воспитанникам (большею частью из журн. «Воскресное чтение») и предлагал потом изложить слышанное на бумаге, преемник же его Ч-ский вообще не был сторонником риторических формул. В 50-х годах дело первоначального обучения писательству, как отчасти в выше замечено (стр. 378), было поставлено основательно. Воспитанников первоначально практиковали в письменном изложении на русском языке более простой главы из славянской библии (из кн. исторических), или какогонибудь отрывка из латинского автора, далее – в изложении прочитанного учителем в классе отрывка из какогонибудь сочинения, в замене одних оборотов речи другими, в переложении стихов в прозу, в кратком изложении содержания данной для прочтения статьи, напр. проповеди Иннокентия, или в передаче ее главных мыслей.

Между прочим, с целью развития большей чистоты русского языка, отменены были латинские сочинения – в первые три года семинарского курса.

В правилах 1840 г. сказано (§ 18): «собственные сочинения учеников, как вернейшее средство к развитию и укреплению их умственных способностей, должны быть писаны попеременно на языках русском и латинском и рассматриваемы наставниками с подлежащею отчетливостию²⁹⁷. Таковых сочинений для каждого воспитанника полагается на каждый учебный месяц в низшем отделении по 4, в среднем по 3, а в высшем по 2; в последнем сверх того по одной проповеди для каждого воспитанника в течение каждой трети года. Проповеди должны быть писаны сколь возможно вразумительнее и ближе к понятиям прихожан простолудин». В 1849 г. о сочинениях в высш. отделении ректор Христофор писал в конце своего конспекта: ученики занимаемы были сочинением церковных слов, поучительных бесед и кратких поучений и особо – ежемесячно назначаемых на данный предложения рассуждений на латинском и русском языке – с критическим разбором оных в классе.

Но уже к концу предыдущего периода прежнее значение латинского языка, для того, чтобы более или менее свободно выражаться на нем устно и письменно, в семинариях значительно ослабело²⁹⁸; с реформой же 1840–41 г. уничтожившей преподавание на латинском языке, ученики стали сильно затрудняться излагать свои мысли по латыни и старались переводить их с русского. В виду этого в 1844 г. могилевская семинария возбудила вопрос об отмене латинских сочинений как бесполезных «для усовершенствования знания сего языка», по крайней мере в низшем отделении. По запросу спб. академии, и правление петербургской семинарии согласилось с этим, находя достаточным занимать учеников низш. отделения «переводами с латинского на русский и свободным переложением готовых русских сочинений на латинский язык». Но сношении с высшим начальством, академическое правление предписало от 3-го июня 1845 года: «1) В низшем отделении и первый год в среднем занимать учеников сочинениями на одном русском языке, дабы они приобрели навык свободно и правильно излагать на оном свои мысли, нисколько не заимствуя оборотов от языков иностранных. 2) Для упражнения в латинском языке, сверх переводов с оного на русский, ввести в употребление в течение тех же трех лет, переводы готовых статей с русского языка на латинский, назначая по одной задаче в месяц, причем наставники должны знакомить учеников с особенными формами и оборотами языка латинского и показывать им существенное различие в конструкции сего языка с русским. Затем со 2-го года в среднем отделении можно уже будет заставлять учеников делать опыты в собственном сочинении на латинском языке, назначая так же по одному сочинению в месяц, как в среднем так и в высшем отделении, начинать впрочем с самых кратких и переходить постепенно к более обширным, 3) Мера сию ввести в действие в виде опыта на два года в семинариях, подведомственных только с. -петербургской академии, с тем, чтобы по прошествии двух лет донесли, в какой степени мера эта будет полезна». В 1847 г. семинарское правление доносило академическому, что

означенная мера оказывается полезной. Поэтому в следующем 1848 г. она была утверждена св. Синодом, причем постановлено распространить ее повсюду и возложить составление особой латинской хрестоматии на ректора киевской семинарии, архимандрита Антония. Но такой хрестоматии к употреблению в семинарии не поступало.

В 1849 г., бывший в спб. семинарии ревизором, инспектор академии Макарии (Булгаков), желая испытать способность воспитанников писать по латыни, назначал им следующие темы: в низш. отд. *quo sensu vera est positio: non potest esse orator nisi vir bonus?* в средн. отд. *quamnam relationem habere possunt cognitiones psychologiae ad theologiam dogmaticam?* в высш. отд. *quaenam est relatio inter fidem et bona opera?* Но в отчете своем ревизор заметил что «сочинять по латыни ученики не в состоянии». Тем более это можно сказать о последующем времени. Упражнение в переводах с русского на латинский еще поддерживалось (в низш. отд.), как видно из некоторых конспектов, но сочинения латинские с половины 50-х годов совсем выходят из употребления.

Темы для русских сочинений, назначенный тем же ревизором, были следующие: в низш. отделении – «о пользе молитвы», в среднем – «возможны ли для человека познания о Боге?» в высшем – «как понимать учение православной церкви о мытарствах?» Темы, назначавшиеся наставниками, по документам семин. архива нигде не значатся, хотя некоторые ректора и требовали представления вместе с конспектами данных в течение года тем. Но некоторые из них можем передать со слов бывших воспитанников, другие – по сохранившимся сочинениям их. В низш. отд. по словесности, – после первоначальных упражнений в изложении читанного в классе, в составлении периодов, хрий, описаний (напр. весны, деревни, проведения каникул, или святок), в изложении мыслей и чувствований (напр. при поступлении в семинарию, пред принятием св. таин и т. п.), для так называемых рассуждений давались какие нибудь изречения из Св. писания, напр. «благочестие на все полезно есть», «любите враги ваша», «смерть грешников люта», особенно из книги Притчей, или Иисуса Сирахова, также пословицы, в род – «ученье свет, неученье тьма», «бедность не порок», «век живи – век учись»; затем назначали (особенно в позднейшее время) разборы того или другого поэтического произведения, стихотворения и проч., поощрялось и собственное писание стихов желающими («вечер в деревне», «река Нева», переложение псалмов), но иногда темы для стихотворений избирались учениками довольно неудачные, в род – «убитый воин», «воевода», что не оставлялось, впрочем, без внимания преподавателями; сочинения в низш. отд. назначались и по другим предметам, о чем было даже особое постановление семинарского правления в 1858 г., по гражд. истории – большей частью биографии или характеристики (Алкивиад, Эпаминонд, характер Августа), по свящ. писанию – объяснение тех или других мест из читанных св. книг (напр. «объяснение заповеди: Богов да не злословиши, и князю людей твоих да не речеши зла» (Исх. XIII. 28), или «преобразовательный смысл перехода Евреев чрез Чермное море»). В средн. отд. давались подобные же сочинения по свящ. писанию и истории, но на первом плане стояли сочинения по предмету философии; таковы напр. темы Мишина: «о бессмертии душ», «познай самого себя», «нужно ли философу красноречие?», «велика вещь – человек», «истинная свобода состоит в постоянном стремлении к нравственному добру», «что такое совесть? есть-ли она какая либо особенная способность в душе нашей, или только действие известных способностей души и откуда и как происходит то, что совесть одобряет нас и увеселяет, осуждает и угрызает?». Мишин давал, впрочем, темы и не философского только содержания, напр. «об изящном», или «в каком отношении полезно духовным воспитанникам чтение латинских и греческих классиков?» Тематами для рассуждений в высшем отделении служили большей частью разные богословские вопросы, напр. «известно ли было учение о св. Троице чадам ветхозаветной церкви?» «почему Спаситель мира должен был быть истинным Богом и истинным человеком», «главный характер православного богословия», «единство церкви», «отношение естественной или философской добродетели к христианской», «почему для Боговедения нужно смирение?» или, по свящ. писанию – «различие между крещением Христовым и Иоанновым» и проч. О темах, особенно по словесности и философии, можно заметить, что к концу рассматриваемого периода они имеют менее отвлеченный и более живой характер. Соответственно этому и в самых сочинениях замечается более живости, даже в сочинении на богословскую тему приводились напр. отрывки из Шекспира и т. п.

Писательство на столько было развито, настолько интересовало воспитанников, что они относились к нему с особым старанием, добывали и прочитывали книги на данную тему, даже на иностранных языках, писали большею частью правильно грамматически и логически, с особенным нетерпением ожидали, когда наставник принесет в класс сочинения для сдачи, или для прочтения некоторых с критическим разбором, а иной – с юмором и метким остротой. Мало того; не удовлетворяясь казенными задачками, воспитанники по собственной охоте упражнялись в разного рода произведениях. Некоторые вели дневник, куда записывали не только случаи и впечатления, но и целые рассуждения – философские и богословские, и стихотворения; другие заявляли наклонность к стихотворству нередко сатирического характера, на счет семинарии – в особенности, такова напр. «Новая семинариада», составленная в 50-х годах и отзывающаяся, впрочем, даже характером пасквили на тогдашних наставников; наконец, иные с особенным увлечением занимались изданием журналов и составлением для них разного рода статей; так в 50-х же годах издавался сначала «семинарский листок», потом «семинарист». Первый выходил еженедельно от 3-х до 5 листов мелкого письма и имел несколько редакторов, в числе которых был и известный впоследствии писатель Помяловский, помещавший в журнале и свои статьи, напр. в № 1 под псевдонимом Тамбовский семинарист – помещено его рассуждение: «попытки решить нерешенные и притом философские вопросы, имеют ли животные душу?» Отрывки из этого рассуждения приведены в биографии автора, приложенной к его сочинениям. Издание «листка» прекратилось на 7-м выпуске. Позднее издавался «семинарист», в котором преимущественно шла полемика между воспитанниками петербургскими и провинциалами, как называли бывших в петербургской семинарии иноепархиальных воспитанников (особенно из западной России). В № 1 этого издания помещен напр. разбор комедии «Горе от ума», несколько стихотворений и проч. Издание этих журналов происходило без ведома начальства и содержалось от него в секрете, хотя в них и не замечается чего либо предосудительного. – С целью дать понятие читателю о том, как писали петербургские семинаристы разных классов и курсов помещаем в «приложениях» несколько экземпляров их различных литературных произведений.

Библиотека

Приращение семинарской библиотеки продолжалось посредством выписки книг правлением, по предписанию начальства, или по представлению ректора, а также вследствие заявлений и рекомендации наставников, посредством высылки книг из разных мест, а затем и пожертвований.

Выписывались разные вновь выходящие руководства, пособия и книги, более или менее имеющие отношение к тому или другому предмету, русские и иностранные. Некоторые из таких книг указаны уже выше, при рассмотрении предметов семин. курса, некоторые же будут упомянуты ниже (в гл. Экстраординарные занятия наставников). Для образца, какие приобретались сочинения в библиотеку и на какую сумму, возьмем реестр книг из экономического отчета за 1849 г.

- 1) Жемчужина, физиология человека и животных.
- 2) Собрания сочинений – Ломоносова, Державина, Озерова, Кантемира и Хемницера.
- 3) Ручной латино-русский словарь.
- 4) И. Христос на Голгофе, или семь слов на кресте.
- 5) Гомилетика Амфитеатрова.
- 6) Начальные основания физиологии человеческого тела, Валентина.
- 7) Издания Сахарова: а) исследование о русском иконописании, б) обозрение славяно-русской библиографии, в). сказания русского народа, г) летопись русской нумизматики.
- 8) Импер. Александр и его сподвижники (52 тетради).
- 9) Manuel d'iconographie chrétienne grecque et latine.
- 10) Новый завет на эстском языке (10 экз.)
- 11) Письма русских государей и других особ царского семейства.
- 12) Французские разговоры (изд. по образцу Мейдингера).

Из журналов и газет: Журн. мин. народн. просвещения, Христ. чтение, Творения св. отцев, Воскресное чтение; С. -петерб. ведомости и Ведомости спб. городской полиции. Всего на 126 р. 64 к. В следующем 1850 г. по определению св. Синода, выписаны еще: Журнал моск. общества сельского хозяйства и овцеводства – с 1837 г., Земледельческая газета и Журнал министерства госуд. имуществ.

В 1849–50 г. особым циркуляром Дух. учебн. управления рекомендовано к приобретению в библиотеку очень много руководств и пособий, преимущественно по наукам естественным, математике, медицине и сельскому хозяйству, отчасти и по другим предметам. В 1853 г. приобретено: разных книг до 70 названий, в том числе издания археографической комиссии, академии наук и проч. и книги для миссионерского класса. Еще более книг стали выписывать с начала 60-х годов. В 1860 г. от 8/25 июля последовало определение св. Синода, которым отменялось посредство Дух. учебн. управления в приобретении книг для семинарий на библиотечные суммы и самим семинариям предоставлялось право выписывать нужные книги, по их непосредственному усмотрению. В июне 1861 г. ректор архим. Платон представил в семин. правление записку о необходимости, согласно с мнением наставников, приобрести несколько новых книг для библиотеки. По справке оказалось, что «семинарская библиотека, как показывает каталог содержащихся в оной книг, почти вовсе не имеет новейших пособий по всем отраслям наук». Вследствие этого выписано до 75 названий книг, главным образом по богословским предметам, отчасти же и по философии, истории и словесности (соч. русских писателей, оканчивая Жуковским). Кроме прежних журналов и с 1857 г. еще Правосл. собеседника, Русского педагогического вестника и Журнала воспитания, выписаны были: Труды киевск. академии. Руководство для сельских пастырей, Прав. обозрение, Странник, Душеполезное чтение, потом – Духовный вестник, Дух христианина и Херсонские епарх. ведомости. В следующие годы выписка книг продолжалась также в значительном количестве (напр. в 1865 г. латин. и греч. классиков до 35 название и до 50 по разным предметам) и к журналам прибавлялись вновь выходящие, в роде: Радуги, Вестника юго-западной России, Учителя, Филологических записок и т. п.

Высылались книги из разных мест, напр. в 1843 г. из академии наук, также из редакции Христиан. чтения – отдельные брошюры, из синодальной библиотеки чрез академию (в 1855 г.)

несколько старопечатных книг, из Оптиной пустыни – издания этой пустыни, в числе 21 экз. В 1864 г. выслано 18 названий книг по истории из комиссии печатания государственных грамот (при архив мин. иностр. дел); особенно же из Духовно-учебного управления высылались книги и преимущественно по предметам вновь введенным сельскому хозяйству, естественной истории и проч. (напр. в 1848 г.) Иногда и частные лица – авторы присылали свои издания.

Пожертвования – более или менее значительные – сделаны следующими лицами. Митр. Никанор в 1854 г. пожертвовал 54 ном. разных книг и два издания Миня: *Scripturae sacrae cursus completus* в 28 томах и *Theologiae cursus completus* в 28 томах. На 1-м томе первого из этих изданий он сделал надпись: «полный курс Свящ. писания в XXVШ томах жертвую в библиотеку с. -петербургской духовной семинарии в пособие преподавателям, с наставлением св. апостола Павла: да испытывают все, доброго, здорового учения да держатся»; На 1-м томе второго издания написано: «полный курс богословия в XXVIII т. жертвую в библиотеку спб. дух. семинарии, в пособие наставникам: да извлекают из него, что согласно с словом Божиим и рвением, еже по благоверию». Преосвящ. Христофор (бывший ректор спб. сем.) в 1865 г. пожертвовал 6 латинских фолиантов по части объяснения Свящ. писания. – Протоиерей Павский половину библиотеки своей завещал (1863 г.) в пользу спб. семинарии, «где сам никогда был воспитанником». В 1864 г. несколько книг поступило в библиотеку по завещанию прот. И. Певницкого. Тогда же пожертвовал несколько книг прот. церкви департамента уделов Вас. Помяловский, который потом (1866 г.) завещал всю свою библиотеку семинарии, в количестве 3700 томов и брошюр; часть их сдана в ученическую библиотеку и в ал. -невское училище. В 1867 г. из библиотеки митрополита Григория, по его завещанию, поступили в семинарию различные русские книги преимущественно богословского содержания. Из других жертвователей можно указать Энохина и Брандта, о которых упомянуто выше (стр. 389 и 394), также проф. Вл. Никольского, в 1864 г. пожертвовавшего 101 медаль из олова с оттисками событий из русской истории первых четырех княжений. Много пожертвованных разными лицами книг поступило в библиотеку в 1860 г. Дублеты, имевшиеся в фундаментальной библиотеке, отсылались иногда, по распоряжению начальства, в другие места, напр. в 1843 г. 72 названия отправлены в библиотеку вновь открытой казанской духовной академии. В 1851 г. был запрос, нельзя ли для рижской семинарии отделить часть книг из библиотеки спб. семинарии? Ответчено отрицательно, «по скудости здешней библиотеки». – Книги, признанные высшим начальством вредными вытребовались из библиотеки. Так в 1846 г. последовал указ св. Синода о высылке в Синод книг мистического содержания (согласно с указ. 1825 г. см. стр. 100), каковы – толкования на некоторые книги свящ. писания и проч., а так же и напечатанных в вольных типографиях (18 экз.).

Каталог книг вновь составлен был в 1843 г. библиотекарем Дашкевичем. Всех книг в этом году было (не считая учебников) 2695 экз. По перемещении библиотеки в новое здание (см. в отд. Экономия) в 1862 г., постановлено было составить новый каталог, к чему и приступил библиотекарь Савваитов и к 1865 году составил каталог книг по древним и частью новым языкам. Затем особый каталог составлен был в 1867 г. библиотекарем Нечаяевым для книг, пожертвованных прот. Помяловским.

Об освидетельствовании библиотеки ежегодно доносили академическому правлению, с разрешения которого, по прежнему, в замену утраченных книг принимались другие, неимевшиеся в библиотеке. Таковые внесены были напр. Галаховым и Крыловым в 1843 г., Михайловым в 1853 г. и др., но с некоторых наставников книги оставались невзысканными до следующего периода.

К концу рассматриваемого периода всех книг фундаментальной библиотеки было до 7000 названий. Библиотекарю в 1866 году назначен был помощник (Зинченко), по представлению ректора семин. Архим. Палладия, согласно указанию обер-прокурора гр. Д. А. Толстого, посетившего семинарию 20-го мая 1866 г. Ученые руководства высылались чрез Хозяйственное управление, по прежнему, для безмездной раздачи казеннокоштным ученикам, а так же и для продажи своекоштным. Учебники обыкновенно высылались чрез известные сроки следующие: греческая учебная книга в 2-х частях, немецкая хрестоматия, немецкая грамматика Гаке, руководство к чтению книг ветх. и нов. завета, французская хрестоматия Рюо, франц. грамматика Перелогова, философия Баумейстера, греческая энциклопедия часть 2-я, догматическое богословие Антония, церковн. история Иннокентия, катехизис Петра

Могила, алгебра Себржинского, французская грамматика Ноэля и Шапсаля, библейская история Филарета, финская библия и новый завет, эстский новый завет, финская грамматика Окулова, русско-финско-шведский словарь, начатки христиан. учения на финском языке, латинский лексикон Розанова, греческий Шревеллия, географические карты всех частей света, руководство к переводам с русского на французский, греко-русский словарь Ивашковского, атлас Варановского, латинский словарь Кронеберга, врачебно-народное наставление, грамоты – царская и патриаршие, славянская библия, геометрия Райковского, немецкий лексикон Аделунга, французский Татищева, Новая скрижаль Вениамина. Позднее к ним прибавились: герменевтика Савваитова, русская церковная история Филарета, немецкий учебник Лонгардта, словари Рейфа, Истинно древняя православ. церковь, м. Григория.

Расписки воспитанников в получении учебных книг представлялись семинарскому правлению, для доставления академическому (на основании правила Комм. духовн. училищ от 21 августа 1825 г.), но в 1861 году правило это было отменено. На запрос академ. правления в 1851 г. о количествах выписываемых библий с 1840 года – заявлено, что экземпляры библий выписывались по мере надобности и служили более 5 лет. На вопрос же, как сократить число выписываемых экземпляров библий, отвечено, что, помимо более частой отдачи в переплет, хорошо бы издавать библию по частям, а не в полном составе (для разных классов). Отдельные части (три) предположено раздавать по одной на трех учеников, а полных экземпляров – по одному на 10 человек в класс. В 1853 г. (от 9 марта) последовал циркуляр – не выдавать ученикам библий в собственность, а только на время пребывания их в семинариях. Учебные книги ветхие и выслужившие срок (5 лет) уничтожались с разрешения правления, напр. по представлению библи. Михайлова в 1847 г. таких книг исключено до 280 экзempl. (с 1830 г.), в 1866 г. до 380 экзempl. (с 1849 г.) и т. д. Своестошные воспитанники покупали учебники, высылавшиеся из Хозяйственного управления – по удешевленной цене.

Книгами фундаментальной библиотеки воспитанники пользовались мало. Чаще других брали: о должностях пресвитеров, беседы сельского священника к прихожанам, некоторые проповеди, Христианское чтение. В 1852 г. из академ. правления последовал запрос, по требованию высшего начальства: «не нужны ли особые меры к удобнейшему получению учениками книг из библиотеки и к сообразнейшему с целию пользованию оными»? Отвечено, что – не нужно. Но в 1854 году предписано: два или три раза в неделю выдавать ученикам из семинарской библиотеки книги для чтения и потом в класс требовать отчета в прочитанном. Наставники рекомендовали иногда книги и даже давали из бывших у них книг ученикам для чтения (напр. В. Никольский). Некоторые ректора (Иоанн, Платон) особенно поощряли чтение.

Между тем в 60-х годах является отдельная ученическая библиотека, составившаяся частью из пожертвований бывших семинарских воспитанников, или их родственников, частью же приобретенная на деньги, собранные с воспитанников. Число книг ученической библиотеки в 1867 г. возросло до 1429 томов, но она пока не имела официального утверждения и отдельного помещения, а находилась при общей, фундаментальной библиотеке. В означенном году, вследствие предложения митрополита Исидора о заведении ученической библиотеки, ей документально усвоено название ученической и приняты меры к ее приращению чрез новые сборы денег с воспитанников и приглашение духовенства к пожертвованиям. Тогда же изданы были и «правила касательно хранения, пользования, ревизии и содержания в приличном виде ученической библиотеки». Правила эти были составлены инспектором Зинченко с помощником библиотекаря Евдокимовым, при участии избранных воспитанников.

Экзамены, ревизии, успехи и меры к их возвышению

Начало летних экзаменов, с течением времени, становилось все ранее. В 40-х годах экзамены большею частью начинались с конца июня, но бывало и раньше, напр. в 1849 г. с 14-го июня. Затем начало экзаменов устанавливается около 20-го июня, а в 1867 году они начались даже 7-го июня. Продолжались же летние экзамены от 10 дней до трех недель (1867 г.). Зимние или декабрьские экзамены производились в течение недели; последний раз эти экзамены были в 1867 г., по решению педагогического собрания, в виду того, что преподавание до этого времени было по прежнему порядку. Экзамены производились обыкновенно по билетам в утренние заседания (от 8 или 9 до 2-х или 3-х часов) иногда двумя только лицами, т. е. одним из трех членов правления и учителем предмета, чаще – тремя, т. е. назначался еще ассистент из наставников, но бывало и так, что по главным предметам (богословским наукам, философии и словесности) экзамены производились в присутствии всех членов правления (напр. в 1861 г.) Публичные экзамены существовали до начала 60-х годов и производились при прежней торжественной обстановке, в присутствии приглашенных гостей, духовных и светских, принадлежащих к духовному ведомству, с назначением определенных статей по каждому предмету (см. выше, стр. 105, 106.) Но в рассматриваемый период публичные испытания ограничены были одним днем, 9-го или 10-го июля, редко позднее, а в некоторые годы и раньше, напр. в 1849, 1853, 1855 гг. публичный экзамен происходил 2-го июля. Спрашивали обыкновенно только лучших учеников, хотя в начале периода были случаи вызова на публичном экзамене и второразрядных, так в 1843 г. спрашивали и из второго разряда: два ученика из митрополичьих певчих М–ч и М–ий, не ожидая этого, опоздали на экзамен, пришли после того, как их вызывали, и за это из 2-го разряда снесены были в 3-й; подали было прошение митр. Антонию о возвращении им 2-го разряда, но он отказал, за состоявшимся уже утверждением списков. С начала 60-х годов публичные экзамены прекращаются, очевидно, как неимевшие целесообразного значения и пользы, а представлявшие лишь помпу и бесполезную в педагогическом отношении выставку, сверх того, иногда еще с некоторой фальшью, так как не только спрашивали из каждого предмета заранее определенную статью, но, случалось, что вызывали ранее назначенных учеников; бывало, говорят, и то, что вместо одного вызванного выходил отвечать другой ученик.

На частных экзаменах всех учеников по всем предметам обыкновенно не спрашивали, как на курсовых, так, тем более, на третних и годовых. Но из курсовых экзаменов представляют некоторое исключение экзамены 1867 года, когда, вероятно под влиянием изданного уже нового устава, по всем предметам во всех классах опрошены были все воспитанники, кроме неявившихся – больных и некоторых из певчих; так же – экзамены 1863 г. во время ревизии, отчасти и 1865 года, когда в низш. и средн. отделениях спрашивали всех по каждому предмету, а в высшем не все воспитанники были опрошены только по двум или по трем предметам – из 13. В другие годы число предметов, из которых спрашивали наличных учеников на экзамене, большею частью было менее половины. Так, в 1849 г. при ревизоре, как видно из табелей, в высшем отделении воспитанников экзаменовали по 5 – 2 предметам – из 15 (не считая инородн. языков и иконописания), а в среднем по 3 – 1 предм. из 11, в низшем большею частью по одному, но есть и опрошенные по двум предметам – из 9. В 1853 г. в высш. отделении большая часть воспитанников имеет экзам. отметки по 4 предметам, некоторые по 5 и один из 6 предметов; в средн. отделении некоторые по 7 и 6, большая часть по 4 и 5, и не менее 3-х; в низш. отделении большая часть имеет отметки по 2 предметам, есть и по 3-м и очень не многие по 4-м. В 1855 г. в том же роде, но количество предметов, по которым значатся в табелях экзаменнические отметки, еще менее. В 1859 г. в высш. отделении большая часть воспитанников имеет экзамен, балл по трем предметам, некоторые по двум, а есть и по одному, но по догматич. богословию, как главному предмету, опрошено 57 человек из 65; в средн. отделении большая часть опрошена по одному предмету, есть и по двум, один воспитанник совсем не был опрошен; в низш. отделении в том же роде, но совсем не опрошенных – 6 в 1-м классе и 5 во 2-м. В 1861 г. в высш. отделении большая часть опрошена по двум, есть и по одному, в среднем почти тоже, но есть и по трем, в низшем большая часть по четырем, но есть и по трем; почти все опрошены по древним языкам и словесности.

Отметки ученических успехов в табели, как наставнические, так и экзаменческие, в разное время делались различным образом. В первое время 1 считалась лучшим баллом, но иногда делались отметки словами, ревизор же 1849 г. держался десятибалльной системы, практиковавшейся в академии. В начале и конце 50-х годов ставились баллы от 6 (лучший балл) до 1 (худший), а в середине 50-х годов, вследствие распоряжения ректора, (архим. Иоанна 1855 г.), баллы ставились от 8 (оч. хорошо) до 3 (худо), как в табелях, так и в частных списках наставников, представлявшихся пред экзаменами; обыкновенно же в своих частных списках наставники отмечали словами – отдельно, а иногда и вместе – «способности, прилежание и успехи воспитанников». Но с 60-х годов вообще устанавливается обычная пятибалльная система. На экзаменах курсовых, в 60-х годах, особенно по богословским наукам, присутствовал иногда митрополит, не говоря уже о викариях.

Ревизорские экзамены в течение рассматриваемых 25 лет были четыре раза: в 1843, 1849, 1851 и 1863 годах. В 1843 г. ревизором был ректор спб. академии, епископ винницкий Афанасий, который семинарией остался доволен, и особых распоряжений вследствие его ревизии не было, тем более что семинария только что была преобразована и находилась под строгим надзором, как своего ближайшего начальства, так и высшего. Чрез шесть лет ревизором назначен был инспектор спб. академии, архим. Макарий (Булгаков), в то время, как семинарский ректор архим. Христофор должен был отправиться ревизором в новгородскую семинарию, и за него ректорскую должность исправлял инспектор Мишин, а инспекторскую – помощник инспектора, иеромон. Леонтий. Отзыв ревизора был следующий. – «Учебная часть вообще в состоянии очень удовлетворительном, за немногими исключениями. По богословию догматическому ученики отвечали очень хорошо; не только изучили руководство недавно введенное, ко умели воспользоваться и многими мудрыми изъяснениями своего опытного наставника (Христофора), так же и по богословию нравственному, пастырскому, сравнительному и гомилетике: записки (наставника иером. Леонтия), составленный довольно разумно и применительно к понятиям слушателей, свидетельствуют о его ревности к своим обязанностям и подают о нем приятную надежду. По патристике и логике с психологией весьма хорошо и даже превосходно. Наставник (Мишин), при здравом уме, отлично знает свое дело, владеет искусством передавать ученикам свои познания и имеет на них сильное нравственное влияние. По церковной библейской истории, литургике и каноническому праву – хорошо, наставник (Боголюбов) с основательными познаниями, но записки его несколько обширны и потому обременительны для воспитанников. До словесности – довольно хорошо. Желательно, чтобы были правила по риторике и поэзии составлены с большею точностью и ясностью и обогащены лучшими примерами, особенно в 1-м классе; в наставнике (А. Никольском) чтоб менее было холодности и более усердия. По математике весьма хорошо и превосходно. Почти с равным успехом занимаются по матем. все ученики от первого до последнего, так как наставник (Михайлов) изучил свой предмет в совершенстве и приобрел опытность приспособляться к понятиям воспитанников и возбуждать в них любовь к своей науке. По свящ. Писанию хорошо, но в занятиях кое-где недостает надлежащей точности и отчетливости. По гражданской истории довольно хорошо. По богослужебным книгам и православному исповеданию неудовлетворительно, наставника (свящ. Кедрова) желательно заменить другим, более способным и усердным. По медицине и сельскому хозяйству хорошо. (Ревизор между прочим делал осмотр посевов на огороде). По древним языкам довольно хорошо, но сочинять на латыне ученики не в состоянии. По новым языкам и инородческим хорошо, но ни по французски, ни по немецки ученики не могут объясняться и могут переводить большую часть переведенное прежде. По иконописи хорошо и очень хорошо. Сочинения пишут довольно хорошо, хорошо и очень хорошо. Направление мыслей правильное, доброе и благочестивое. Довольно удачные опыты кратких поучений к сельским прихожанам. – Рекомендованы вниманию начальства: ректор, инспектор, проф. иером. Леонтий, проф. и библиотекарь Михайлов и помощник инсп. и эконома Троицкий. Академическое правление, по рассмотрению ревизорского отчета, постановило: ректора Христофора представить к милостивому вниманию высшего начальства, инспектора Мишина и эконома к награждению годовым окладом жалованья, Леонтия – саном соборного иеромонаха, Михайлова «за отлично усердную и полезную долговременную службу, ревизором засвидетельствованную», – орденом Анны 2-й ст. (но в его формуляре кроме знаков беспорочной службы ничего более не значится).

Наставникам словесности сделать внушение. За представлением уже к увольнению свящ. Кедрова, впредь наблюдать семин. правлению за более тщательным преподаванием православ. исповедания и учения о богослуж. книгах. Резолюция митрополита последовала: «исполнить».

В 1851 г. ревизором назначен был бывший ректор семинарии, в то время уже епископ ревельский Христофор, который, за три года перед этим, вступая в должность ректора, (в мае 1848 г.), по предписанию высшего начальства, должен был сделать осмотр семинарии и представить отзыв семинарскому правлению, для донесения академическому. Он писал тогда: «вникая в образ и способы присмотра местного начальства за нравственным поведением и образованием умственных способностей воспитанников здешней семинарии, не мог не заметить, что сие духовно-учебное заведение, пользуясь по милости правительства, преимущественно пред прочими таковыми, в отечестве нашем существующими, достаточными средствами к содержанию, при опытном руководстве и при ближайшем внимательном надзоре высшего начальства, состоит по всем частям в должном порядке и в надлежащей исправности и на будущее время при ревностном содействии местного начальства к поддержанию устройства подает отрадные надежды для церкви и отечества». В 1851 г. епископ Христофор, недавно перед этим вышедший из ректоров семинарии, никаких особенных замечаний не сделал, и распоряжений вследствие его ревизии не было.

Следующая ревизия назначена была спустя 12 лет и поручена профессору академии Карпову. Он сделал такой отзыв об учебной части: «науки, входящие в круг семинарского образования, идут неравномерно: одни, судя по успехам учеников, выступают вперед, другие отстали и едва тянутся позади, а иные в курс преподаваемых предметов почти вовсе не движутся и существуют едва ли не в одних программах; более заметны успехи воспитанников по классам догматического и нравственного богословия; довольно успешны так же идет словесность в 1 низшем отделении, по прочим же учебным предметам успехи вообще оказались очень посредственными, особенно недостаточны были ответы учеников по библейской и церковной истории, по археологии, литургики и каноническому праву; что же касается древних языков – греческого и латинского, то незнание их в семинарии почти всеобщее и успехов по этим классам не видно никаких». Действительно, в высш. отделении по гречески из 75 воспит. 48 получили неудовлетворительные баллы на экзамене; в средн. отделении 27 из 97, кроме неявившихся на испытание, по латыне значительно менее, но и лучшие ученики получили отметку 1; в низшем отделении 1-м из 67 уч. 40 получили по латыне неудовлетворительный отметки, большею частью 1, и 0, даже многие из лучших учеников; во 2-м так же; по гречески – несколько лучше. Экзамены, помимо производившихся членами семин. правления и наставниками, ревизор производил один в каждом классе по всем предметам сразу, и сверх того по некоторым предметам экзаменовал сам, особо, напр. в высшем отделении по богословию обличительному, пастырскому и гомилетике, потом по богослов. догматическому и нравственному, в средн. отделении по логике, психологии и патристике, в среднем и низшем – по языкам; всех экзаменов было 30; затем, при соучастии членов правления и всех наставников, составлял списки в течение целого дня (6-го июля), от 10 часов утра до 8 вечера. Некоторые из воспитанников в списках были понижены на основании экзаменических ответов, сочинений и поведения, не бывшим по чему либо на экзамене, или уклонившимся напр. от испытания по древним языкам, назначены переекзаменовки после вакации, некоторые уволены с казенного содержания, других (поставленных в 3-й разряд) решено выслать из семинарского корпуса, относительно же частных и вообще приходящих постановлены особые правила: 1) чтобы аккуратно посещали все классы, под опасением увольнения после трехкратного замечания, 2) чтобы в классе занимали постоянно одни и те же места, указанные начальством, 3) являясь в классы с билетом, выданным от семин. правления, каждый предъявляет билет швейцару, для доставления инспектору, который после уроков возвращает билеты чрез швейцара, 4) чрез каждое полугодие обязаны сдавать особые экзамены по всем предметам, отдельно от прочих учеников, 5) в случае недостаточных успехов на одном из таких экзаменов, privately-обучающиеся окончательно исключаются. Особые меры приняты и к возвышению успехов архиерейских певчих, так как назначение им особого учителя в 1857 г., вследствие предложения эконома архиерейского дома иером. Иоанникия, оказалось недостаточным.

Поручено было наставникам особо следить за успехами певчих, сажать их отдельно от прочих, за непосещение уроков каждый раз записывать, чтобы потом, по справке о причинах непосещения, доносить митрополиту. В казанский же хор определено – предоставить настоятелю собора озаботиться приисканием певчих из всякого звания. Кроме того, вследствие ревизии Карпова, возникли предположения: об увеличении окладов наставникам, о составлении учебных руководств, о сокращении семинарской программы и усилении преподавания древних языков: все это, по определению академ. конференции и потом св. Синода, решено было иметь в виду при начавшейся уже в то время разработке проекта преобразования дух. семинарий. По причине значительного количества воспитанников в высшем и среднем отделениях, предположено открыть параллельные классы по богословским предметам и философии с патристикой. Помощник инспектора, бывший и экономом, освобожден от хождения в класс за отсутствующих преподавателей, а обязанность эта возложена на наставников древних языков. Учителям Фриману и Крестлингу сделано внушение за невнимание к своим обязанностям.

С целью возвышения успехов воспитанников, кроме ревизий и связанных с ними распоряжений начальства, от времени до времени предпринимались те или другие меры, по усмотрению высшего начальства, а так же и самого семинарского правления. В 1842 г. было предписано представлять в академическое правление ежегодно вместе с ведомостями об учениках конспекты учителей и что по каждому предмету сделано. Затем и в Дух. учебное Управление нужно было ежегодно доносить о ходе учебных занятий, особенно по некоторым вновь введенным предметам, естественной истории, сельскому хозяйству, медицине, иконописанию, инородческим языкам и потом по расколу.

С увеличением числа предметов, а так же и уроков, от части и числа учащихся, естественно, увеличивались и педагогические силы. Число всех преподавателей постепенно возрастало – с 10 человек (1841 г.) до 17 и иногда до 18, причем богословие напр. преподавалось большею частию ректором к его помощником, для новых языков приглашались особые преподаватели, некоторое время и на греческом языке были особые преподаватели, напр. в 1857–59 г. (Нищинский) и в 1865–67 г. (Евдокимов). Расписание классов изменялось правлением со введением новых предметов, или с поступлением особых преподавателей, – с целью уравнивать по возможности количество уроков и труда всех наставников. Так, с приглашением на немецкий язык в 1856 г. совершенно отдельного преподавателя (Брандта), предметы, соединенные с ним раньше, распределены между другими наставниками, а вследствие этого и все расписание изменилось. Также с определением отдельного преподавателя на греческий язык во всех классах (Нищинского), у профессоров Савваитова и Толмачева убавилось уроков, а другие имели до 7. Между тем по расписанию 1840 г. полагалось каждому наставнику не менее 6 уроков, не считая, конечно, медицины, иконописания и новых языков. Вследствие этого (с 1858 г.) преподаватели словесности освобождены были от уроков по свящ. Писанию в низшем отделении, и предмет этот поручен Савваитову во всех классах, с присовокуплением и катехизического учения, но с освобождением его от библиографии раскола, которая возложена на иером. Иосифа, вместе с историей раскола и гражданской историей. Толмачеву же назначено 3 урока по физике и 3 урока по латин. языку (в низш. отд.). Вместе с тем постановлено, согласно § 19 расписания предметов семинарского учения, назначать темы и читать сочинения всем наставникам как главных предметов, так и второстепенных. Впрочем, расписание уроков и распределение предметов между наставниками не всегда сообразовалось с педагогическими целями и потребностями, о чем будет замечено ниже. В 1859 г. ректор Леонтий входил в правление семинарии предложением, а правление представило митрополиту, о том, что в обоих классах низшего отделения очень много воспитанников (свыше 120 человек), разделены же они только по словесности, почему еще нужно назначить двух параллельных наставников. Иначе, наставники «едва ли могут точно и основательно узнать способности, успехи и прилежание воспитанников по их многочисленности». Но ходатайство правления о назначении еще двух параллельных преподавателей осталось без удовлетворения, и в высшем отделении два класса оставались лишь до словесности. Только в половине 60-х годов еще назначен второй наставник по свящ. Писанию. Тогда же и среднее отделение разделено на два класса – по психологии и логике с патристикой и по свящ. Писанию с герменевтикой.

В 1851 г. Дух. учебное Управление спрашивало мнения семинарского правления относительно того, не будет ли полезно для возвышения успехов в конце двухгодичного курса повторять все пройденное в известном классе и затем на экзаменах спрашивать из предметов все – за оба года. Правление сделало об этом запрос наставникам, которые и дали отзыв, что повторения за два года не только полезны, но и необходимы; помощник же ректора Леонтий признал полезным общее повторение в конце курса всех богословских наук, с некоторыми разве сокращениями. Чрез несколько времени, действительно, последовало распоряжение св. Синода, «в виде временной меры, чтобы в круге двухгодичного за целый курс испытания входили предметы обоих годов в тех семинариях, где окажется удобным занимать учеников во втором году повторением предметов первого года, относительно же догматического богословия входили бы в испытание предметы обоих годов во всех семинариях безусловно»²⁹⁹. По синодскому же определению от 1 марта 1857 г., согласно с мнением казанской академии и друг., вообще предписано (переводные) экзамены в семинарии производить за весь двухгодичный курс, а пред экзаменами повторять пройденное и в течение первого года. В марте того же года возобновлено было предписание – исключать малоуспешных и после декабрьских экзаменов, «но только после всех принятых к исправлению (учеников) мер». Переводили в следующий класс – иных до усмотрения (1863 г.) и под условием возвращения назад, если не окажут надлежащих успехов на следующем экзамене, или совершенного исключения из семинарии (1857 г.) Третьеразрядных оставляли на повторительный курс, или исключали, но и второразрядных иногда оставляли на повторительный курс (1851 г.). Иногда предоставлялось право перехода в следующий класс в другой семинарии, если же в петербургской, то в качестве приходящих (1861 г.). С 1863 г. дозволялись переэкзаменовки в сентябре или августе. Относительно же принятия обратно исключенных еще в 1843 г. было определение св. Синода, сообщенное из Дух. учебн. управления от 23 марта 1844 г. «воспретить на будущее время всем семинарским правлениям принимать обратно в семинарии учеников, исключенных из оных по безуспешности, происходящей от малоспособности и лени, или по неодобрительному поведению». На этом основании была отказано тогда в приеме напр. одному певчому митрополита, исключенному из вологодской семинарии. Принятие в числа частных так же было вообще ограничено. В конце 1841 г. семин. правление отказывало в приеме частных, так как «с новым порядком семинарским уже не совместно иметь в семинарии частных учеников» (резолуция на прошение Сем. Флоринского). Но с течением времени взгляд этот изменился и к принятию частных стали относиться снисходительнее. В 1861 г. семинарское правление после экзаменов за сентябрьскую треть постановило: «для побуждения к занятиям малоуспешных и для поощрения оказавших хорошие успехи – казеннокоштных учеников, постановленных за недостаточные успехи в 3-й разряд, лишить казенного содержания и выслать из корпуса для жительства на квартиры родственников, а равно и своекоштных учеников, не оказавших достаточных успехов; а вакансии их в семин. корпус заместить учениками вольноприходящими, оказавшими хорошие успехи, с принятием беднейших из них на казенное содержание». При этом из частных 5 приняты в число действительных, 1 исключен и 1 оставлен частным еще на полгода, до следующих экзаменов. Всех исключено 28 и 2 оставлены для занятий иконописанием. В этом же году, для лучших успехов воспитанников из иностранцев, недостаточно знакомых с русским языком, согласно их желанию, назначен особый преподаватель для домашних занятий с ними знающий по новогречески (Люперсольский). Тогда же о воспитанниках высшего отделения инспектор Иосиф представлял семин. правлению, что они желают иметь литографированные записки вместо писанных, что, по его мнению, будет полезно, так как «литографирование может значительно облегчить труды воспитанников». Правление сделало об этом представление митрополиту, который написал: «согласен, с тем, чтобы на каждой рукописи были дозволительные надписи и печать». Воспитанники собрали на литографию 112 руб.

Наградные книги, выдававшиеся (хотя не всегда) лучшим воспитанникам после экзаменов, для поощрения в успехах, по прежнему, большею частью не отличались интересным содержанием и литературными достоинствами, таковы – высланные из Духовн. учебн. управления с означенною целью в 1862 г. логика Вахмана, физика Щеглова, арифметика Куминского, богословие Фальковского, история Шлецера, стихотворения графа Хвостова,

Книги большему чертежу или древняя карта Российского государства (150 экз.) и т. п. Высшее начальство при случае с своей стороны не оставляло без внимания хороших успехов воспитанников. Так в 1859 г. из петерб. академии прислана была благодарность семин. правлению «за хорошее приготовление воспитанников, присланных в академию» (5 казенных, 8 волонтеров и 3 из иркутских, (см. стр. 404 и в гл. Воспитанники). Суждение об успехах воспитанников можно иметь на основании нижеследующей таблицы, хотя, конечно, в оценке этих успехов не могло быть постоянной равномерности, различное начальство и относилось к ним различно. Таблица составлена на основании разрядных списков, причем 8 годов взято курсовых с переводными экзаменами и 4 с экзаменами непереводными, – два с годовыми и два с третными.

1843 г.				1847 г.			
Всех: разряды				Всех: разряды			
	I.	II.	III.		I.	II.	III.
В. отд.	(53)	26	22	5	(78)	33	45
Ср. отд.	(68)	27	35	6	(62)	22	34 (4 искл.)
Н. отд.	(101)	50	35	16	(90)	33	48 (5 искл.)
1849 г.				1851 г.			
Всех: разряды				Всех: разряды			
	I.	II.	III.		I.	II.	III.
В. отд.	(46)	15	31		(69)	25	7 (8 ост. вне разр. 3 искл.)
Ср. отд.	(76)	26	45	5 (искл.)	(4)(87)	30 ⁴⁶ (ост.)	(6) ¹¹ искл.
Н. отд.	(115)	37	66	12 (искл.)	(11)(80)	29 ³⁸ (ост.)	(8) ¹² искл.
1857 г.				1861 г.			
Всех: разряды				Всех: разряды			
	I.	II.	III.		I.	II.	III.
В. отд.	(50)	17	43		(68)	25	43
Ср. отд.	(64)	26	38		(84)	28	56
Н. отд.							43 (ост.)
							2 (ост.)
							72 (5 ост. 8 искл.)
1863 г.				1863 г.			
Всех: разряды				Всех: разряды			
	I.	II.	III.		I.	II.	III.
В. отд.	(75)	27	43	5	(72)	26	46
Ср. отд.	(93)	26	61	6 (ост. к 1 переэкз.)	(78)	21	47 (1 ост. 1610 (искл.)
Н. отд.	(120)	37	53	25 (4 переэкз. 5 искл.)	(121)	29	76 (13 ост. 3016 (искл.)
1844 г.				1856 г.			
Всех: разряды				Всех: разряды			
	I.	II.	III.		I.	II.	III.
В. отд.	(59)	21	38		(56)	19	26 (4 искл.)

Ср. отд.	(84)	28	56		(76)	2139	16	(9
Н. отд.	(99)	34	60	4 (1 ост. 3 искл.)	(92)	3040	22	(10
1848 г.					1865 г.			
Всех:					Всех:			
разряды I.				III.	разряды I.		III.	
В. отд.	(49)	15	28	6	(75)	1849	8 (1 искл. 1 ост. до усмотр.)	
Ср. отд.	(84)	28	55	1 искл.	(96)	2063	13 (4 до усмотр.)	
Н. отд.	(119)	41	60	18	(134)	2387	24 (1 искл. 8 до усмотр. 5 высл. Из корпуса) ³⁰⁰	

Экстраординарные учебные и учено-литературные занятия наставников

О некоторых ученых или учебных поручениях высшего начальства наставникам и их трудах по этой части, имеющих непосредственное отношение к урокам, упоминалось выше. Здесь же будут указаны занятия и поручения начальства посторонние, которые необходимой связи с уроками не имели, хотя по большей части относились к той или другой специальности, – т. е. ученые статьи и сочинения, рассмотрение вновь выходящих руководств и пособий, исправление печатаемых духовно-учебным начальством книг и проч.

Составление и произнесение проповедей, по прежнему, вменялось в обязанность наставникам, не вышедших из духовного звания. Проповеди предписано было (1848 г.) представлять на рецензию ректору семинарии, а затем митрополиту; произносились же он в Александро-Невской лавре, в Исаакиевском и Казанском соборах за непредставление проповедей к сроку без уважительной причины, по предложению ректора академии Афанасия (1843 г.), был положен штраф в 7 руб. сер. Катехизические беседы в семинарии, установленные в 1838 г. (см. стр. 124, 127) поддерживались только в самом начале рассматриваемого периода. Так в 1841–42 г. он назначены были помощнику инспектора Покоеву.

От времени до времени, с ученою целью, учреждались разные комитеты и комиссии, к участию в которых приглашались или назначались семинарские наставники. По определению св. Синода в 1850 г., с целью развития русской церковно-исторической науки, предписано составлять епархиальные историко-статистические комитеты для разработки местных церковно-исторических и статистических материалов и составления описаний епархий, с сведениями о начале и распространении в них христианства, о всех бывших иерархах и св. угодниках, о монастырях, соборах и церквах, об актах и рукописях, о благочестивых местных обычаях, религиозных установлениях и вообще замечательных церковных событиях³⁰¹. В 1851 г. последовало распоряжение об учреждении историко-статистического комитета в петербургской епархии, с возложением трудов по описанию церквей и на преподавателей академии и семинарии. Программа для занятий составлена была прот. Окуновым и Кочетовым. Комитет, под председательством прот. Окунева, с 1854 г. начал свои действия. В числе членов комитета, или принимавших участие в занятиях его, а также впоследствии к нему примкнувших, были – из наставников: Савваитов, Соколов, Травлинский, Архангельский, Гумилевский, архим. Иосиф, Георгиевский, Барсов. Ректор семинарии (Нектарий), после прот. Окунева, назначен был старшим членом комитета: к нему предписано было доставлять статьи. Дополнительную программу предложено было составить свящ. Гумилевскому, назначенному в 1859 г. и секретарем комитета. Членам комитета предоставлена была возможность пользоваться разными архивами, но издавать труды, как значится в предписании консистории от 14 мая 1860 г., не дозволено без особого разрешения св. Синода, на благоусмотрение которого нужно было представлять изготовленные статьи. В 1863 г. ректор сем. Платон, видя медленность в действиях комитета, который не имел «влиятельного положения по отношению к здешнему епарх. духовенству» и все свои сношения с церквами должен был производить чрез консисторию, предложил устроить для комитета особую печать, разрешить ему непосредственно сноситься с разными местами и лицами, а председателем быть викарию спб. митрополии (первоначально Леонтию)³⁰². Первый выпуск издания комитета вышел только в 1869 году. В нем, как и в последующих, труды по описанию церквей принадлежат собственно петербургским священникам, хотя некоторые из них раньше и состояли профессорами в спб. семинарии; для семинарских же наставников это дело оказалось не совсем удобным.

В 1853 г. граф Пратасов, по поручению императора, ездил в Москву проверить, ведутся ли описи в монастырях и удовлетворительно ли хранятся разные исторические памятники. Св. Синод, вследствие записки моск. митроп. Филарета, учредил комитет для рассмотрения присылаемых из епархий церковных описей, – под председательством Григория архиеписк. казанского, с назначением в него и ректора спб. семинарии (Иоанникия). В тоже время командированы были некоторые лица, для осмотра известнейших епархиальных книгохранилищ и ризниц, и в числе их проф. Савваитов³⁰³.

В 1856 г. по Высочайшему повелению, составлен был комитет для издания духовно-нравственных книг для народа, «в коих предлагалось бы простолюдинам чтение, утверждающее сердца в вере, в преданности престолу и в благих нравах». К участию в этом комитете, по определению св. Синода, приглашены были и наставники спб. семинарии.

Вследствие предложения митрополита Григория, по определению св. Синода от 6 ноября 1857 г., при семинарии разрешено было издание журнала Духовная беседа, с целью, по мысли высокопр. Григория, «доставить православным христианам всех званий и состояний чтение назидательное, соответствующее современным духовным их потребностям»³⁰⁴. В программу издания входили: 1) духовно-назидательные поучения, катехизические беседы и христианские размышления, 2) краткие сведения о жизни святых и о предметах праздников, также изложение особенно назидательных событий из библейской, церковной и отечественной гражданской историй, 3) изложение главнейших христианских обязанностей, с указанием способов утверждаться в добродетели; 4) изречения св. отцев, относящиеся к деятельной христианской жизни и целые поучения их, еще не переведенные на русский язык; 5) краткие наставления в современных духовных потребностях общества, направленные к искоренению вредных для спасения души современных мнений, обычаев, предрассудков и заблуждений, 6) краткие сведения о вновь издаваемых духовно-нравственных книгах и о книгах особенно вредных, 7) разные назидательные сведения, не входящие в означенные статьи, и известия о важнейших переменах в иерархии и о начальственнo-духовных распоряжениях, особенно важных для церкви. «Духовной беседе» положено выходить в свет еженедельно. На издание испрошено было некоторое вспомоществование³⁰⁵. Первый № вышел 1 янв. 1858 г. Сам митроп. Григорий принял живое участие в издании и в каждом № помещал свою проповедь³⁰⁶. Редактором был ректор семинарии (Нектарий, потом Леонтий и Платон), а помощником его избран профес. Шавров. По особому указу св. Синода от 19 ноября 1859 г. в «Духовной беседе» стали печататься «законодательные меры и правительственные распоряжения, постановляемые по духовному ведомству». Издание таким образом получало уже официальный характер. Значительную и отдельную часть его стала составлять «церковная летопись». Но с половины 1862 г. издание перешло в частные руки, хотя наставники продолжали принимать в нем некоторое участие своими статьями³⁰⁷. О характере статей, помещавшихся в «Духовн. беседе» наставниками, можно судить по сведениям об ученых трудах их, которые в 1860 г. предписано представлять ежегодно в академическое правление, для внесения в отчет обер-прокурора. Так в 1860 г. доносили, что инспект. Иосиф поместил несколько статей в Дух. беседе по нравственному богословию и расколу, так же о переводах свящ. писания; Савваитов по русской церковной истории и археологии, Шавров несколько статей критических и религиозно-нравственных; Барсов в 1862–63 г. «о протестантизме в Испании»; в 1865 г. – Ловягин поместил несколько статей библиографических, Образцов – «об архим. Гаврииле Домецком», «киевские ученые в Великороссии» и т. д. – Другие ученые труды семинарских наставников, независимо от «Духовной беседы», указываются ниже, вместе с перечислением разных занятий их по поручению начальства.

Начальственные поручения давались иногда самому правлению, иногда отдельным лицам. Правление же или само исполняло поручение и представляло от себя ответ, или, и даже чаще, возлагало дело на кого либо из наставников и представляло их отзывы в конференцию академии. Так, по предписанию Духовно-учебн. управления чрез академию, в семин. правление поступали разные книги семинарского или училищного курса, о которых, по рассмотрении, представлялся отзыв, с целью рекомендовать их к выписке, или оставить без внимания. Напр. в 1848 г. предписано было рассмотреть «Свод российско-латин. французского словаря» Федорова: правление не одобрило этот «Свод», как не имеющий многих русских слов и заключающий с другой стороны «слова провинциальные, неупотребительные, сочиненные». В 1851 г. прислано для рассмотрения несколько книг, напр. Охотина по русской грамматике и словесности, Трусова – сельские беседы и проч. В 1853 г. поручено было рассмотреть правила об усилении латинского языка в училищах (см. ниже в отд. Об училищах.)

Поручения, делавшиеся наставникам от высшего начальства, или по распоряжению семинарского правления, большею частию, конечно, могли приносить им и известную пользу, представляя практику по учебному делу, давая возможность знакомиться с литературой

предмета и иметь новые пособия, нередко доставляя и материальное вознаграждение (см. в отд. Экономия).

Ректоры семинарии, и сами по себе, иногда и по званию членов акад. конференции, имели особые поручения, кроме ревизий, или участия в комитетах, – и по рассмотрению книг. Феогност в 1843 г. рассматривал две карты европейской России большую и малую, сост. подполк. Медниковым; Иоанникий в 1852 г. исправлял книгу прот. Дебольского «о христианском православном богослужении», за что ему объявлена признательность св. Синода; Иоанн был членом Комиссии для пересмотра богослуж. книг, переведенных на татарский язык; также – Комиссии для пересмотра программ философских и богословских наук при министерств нар. просвещения, состоя (как Иоанникий и др.) помощником главного наблюдателя за преподаванием закона Божия, логики и психологии – в университете, педагогическом институте, лицее и училище правоведения. Он же в 1855 г., по поручению св. Синода, должен был, вместе с Григорием архиеп. казанским, избрать книги для народного чтения, «могущие утвердить его (народ) в добрых нравах и в любви к православию, государю и порядку». Нектарий был членом комитета (под председательством члена Синода Афанасия казанского) по переводу богослужебных книг на татарский язык.

Из наставников – Михайлов в 1848 г. рассматривал (с проф. Карповым) физику проф. Ростиславова; в 1849 г. руководства проф. Больцмана по алгебре и геометрии, одобрил их, хотя для семинарии признал не подходящими, но для гимназий; свидетельствовал физические инструменты для семинарий архангельской, вятской, оренбургской, кишиневской, для казанской академии, в 1851 г. назначен наблюдателем за укупоркой в магазине геодезических инструментов для семинарий, должен был так же и свидетельствовать их. В том же году разбирал проект преосв. Гавриила тв. об ограничении курса матем. наук практической геометрией с архитектурой (см. выше, стр. 386). По предписанию акад. правления в 1852 г. корректировал вновь изданные – алгебру Себржинского и геометрию Райковского; рассматривал пасхалию Н. Ф. с отзывом о ней тверской семинарии. Но на предложение начальства (1852 г.) составить арифметику для дух. училищ дал отказ, но «многосложности обязанностей» и в том же году был командирован, по вызову Дух. уч. управления, для рассмотрения планов (по практической геометрии), присланных из разных семинарий, (вместе с Красносельским). – Успенский, с разрешения высшего. начальства, ездил в 1842 г. в Финляндию, с обязательством представить «о последствиях сделанных им наблюдений относительно преподаваемого им финского языка», а также и сделанные им переводы на финский. Представил, что для воспитанников семинарии более нужно знание наречия финско-корельского, нежели тавастляндского, так как православные финны говорят этим наречием, кроме немногих исключений. Такое заявление, по определению акад. правления, нуждалось в засвидетельствовании ученых Гельсингфорсского университета. Тогда же Успенский заявлял и относительно предпринятого им, по поручению начальства, издания финско-корельского словаря, что входил в сношения с финскими учеными, особенно Готтлюндом, обещавшим ему содействие, – но ждет выхода в свет словаря Ленрота. По справке чрез академию наук оказалось, что Ленроту еще нужно по крайней мере пять лет, чтобы довести свой труд до окончания. Обещанных переводов – литургии, требника и катехизиса Филарета Успенский также не представил, но в 1844 г. представил последование вечерни, утрени и изобразительных; на просмотре переводы предполагалось послать или члену академии наук Шегрену, или старшему цензору иностр. цензуры Лагервалю. Но вскоре Успенский был уволен от службы. – Савваитов, как знающий зырянский язык, рассматривал некоторые переводы на этот язык в 1847 г., и издал зырянскую грамматику и зырянско-русский и русско-зырянский словарь (1850 г.) В 1852 г. рассматривал катехизис, переведенный на зырянский язык Поповым (учит. волог. сем.), с отзывом о нем академика Шегрена, и одобрил к употреблению, но изданную тем же автором (в 1857 г.) зырянскую азбуку не одобрил. В 1853 г. перевел с греческого для Дух. уч. управления подробное объявление об издании канонического права, предпринятом в Афинах: «собрание правил св. апостолов, св. соборов и св. отец, со многими другими постановлениями касательно церк. устройства, с древними толкователями и разными чтениями, изд. Ралля и Потля». В объявлении излагается и история подобных изданий с патриарха Фотия. Св. Синод определил приобрести означенное издание для всех академий и семинарий. В том же году рассматривал «Опыт областного великорусского словаря», изданный

2-м отд. Импер. Акад. наук, и нашел весьма полезным для приобретения в библиотеки всех духовно-учебных заведений. В 1857 г. был временным членом Дух. цензурного комитета для рассмотрения перевода евангелия от Мф. и др. на зырянский язык. С 60-х годов принимал участие в переводах на русский язык проф. Хвольсоном св. книг – Притчей Соломона, Екклесиаста и части кн. Иова, помещенных в Христ. чтении. В 1860 г. напечатал соч. «Описание вологодского Спасо-каменного монастыря». В 1865 г. трудился по изданию Нового завета на греческом и славянском языках, по редакции новгородских писцовых книг и издал археологическое исследование о царских утварях одеждах и вооружениях. –Фриман, вследствие отношений дух. консистории, неоднократно производил испытания в знании финского и корельского языков лицам, просившимся в финляндские приходы. С 1845 г. приступил к переводам на финский язык свящ. и богослужебных книг; тогда же ему поручено и составление финского словаря, которое начато было Успенским. В 1847 г. испросил у семинарского правления разрешение ходить в спб. университет для слушания юридических лекций. В 1849 г. рассматривал перевод на финский язык молитв свящ. Волотинского и не одобрил. В 1850 г. составил учебную книгу для первоначального обучения грамот православных финнов, которая была рассмотрена тремя священниками в Финляндии и с замечаниями их препровождена в 1852 г. в консисторию для окончательного отзыва. В 1852 г. был временным членом комитета для рассмотрения издаваемого при рижской семинарии «Училища благочестия» – в оригинале и переводе на латышский и эстский языки. В 1854 г. поступили в продажу в синодальной лавке, переведенные им на финский, книги: пространный катехизис, царская и патриаршие грамоты, чин исповедания отроков. В 1856 г. рассматривал и исправлял эстские переводы канонов, присланные из Риги, а с 1857 г. был временным членом цензурного комитета для рассмотрения переводов на эстский часослова, каноника и др. В 1858–60 гг. ездил для перевода богослуж. книг на эстский и латышский языки в Ригу, где был комитет с этою целью, (членом которого Фриман сделан вместо Мюльберга); рассматривал и исправлял тексты, избранные из библии и изданные на латышском языке, так же латышскую грамматику. В 1860 г. рассматривал перевод на шведский язык литургии Златоуста священника Судакова; сделал отзыв, по запросу консистории, о часослове, переведенном на финский язык священником иломанской Ильинской церкви, заметив, что это классное упражнение ученика семинарии В. Дьяконова, которое по неудовлетворительности не может быть отпечатано без исправления. Перевод с отзывом препровожден был на рассмотрение комитета по переводу богослужебных книг, так же как «Молитвослов» в переводе того же автора (Дьяконова) и «чин приобщения больных», – последний труд Фриман одобрил к церковному употреблению. Рассматривал поучения на эстском языке св. Знаменского (в Ревеле), но, не поняв многого, препроводил в комитет рижской епархии, который также не мог понять всего, за неправильностию в правописании, и вследствие этого положил держаться, при изданиях на эстском языке, нового правописания. В 1862 и 1864 г. ездил в Сердоболь проверять, переведенный им на финский, требник, – с тамошним священником Львовым. Около того же времени ему поручено просматривать С. -петербургский народный финский листок, вследствие сношения министра нар. просв. с синодальным об. прокурором. В 1863 г. по затребованию, представил переведенные им на эстский: часослов, акафист Иисусу, молебный канон Богородице, последование к св. причащению, стихиры и канон кресту, молебное пение на новый год, великий канон Андрея Критского. Служебник им переведенный отпечатан по Высоч. повелению в 1864 г. В следующем году перевел на финский службу Богородице; в июле же 1865 г. уволен от обязанности переводить на эстский язык, хотя некоторые эстские рукописи рассматривал и в 1866 г. В 1865–67 г. наблюдал за печатанием, переведенных им на финский, требника, октоиха (1 ч.), службы рождеству Богородицы, литургии, воскресного всенощного бдения, апостола и евангелия (чтений на весь год). В 1867 г. перевел: службы – пасхальную, на рождество Христово, октоих (2 ч.), последование полунощницы и великого повечерия, молитвослов, последование общего молебна, воскресные и субботние тропари, а в следующем году ездил опять в Сердоболь для проверки переводов, числом до 20 номеров. – Солнцев в 1847 г. рассматривал соч. Гиппиуса «очерки теории рисования», но для класса иконописания в семинарии признал его излишним. В 1849 г. рассматривал книгу из новгородского софийского собора, под заглавием: «Книга лицевая раскольническая: разных изображений древле письменная», но признал ее (как подтвердило и семин. правление) «не

близкою к духу иконописания православной церкви» и неудобною для руководства воспитанников семинарии в иконописании, почему она и отправлена назад. Напротив, «святцы», присланные из Кириллобелозерского монастыря, признал довольно древними (XVII в. времени Мих. Феод.) и полезными для воспитанников, с целью ознакомления с древними образцами иконописного искусства, также одобрил и святцы (4 месяца) из Тихвинского монастыря, которые отнес к XVI веку (при Иоанне IV). В 1855 г. по заказу Дух. уч. управления, должен был составить лицевые святцы за февраль месяц. В 1857 г. составлял реестр рисунков, нужных к приобретению в тобольскую семинарию, где был открыт класс иконописания, а в 1859 г. рекомендовал пособия по иконописанию для киевской семинарии. – Бобриков в 1847 г. рассматривал и одобрил для класса медицины в семинарии «Анатомию и физиологию человека и животных». В 1851 г. по поручению высшего начальства (как это было и по другим семинариям) составлял программы для семинарий по физиологии и диетике, но в Медицинском совете, куда их отправили на рассмотрение, он найдены не вполне удовлетворительными и в 1853 г. возвращены автору для пересмотра и исправления. В 1856 г. рассматривал «Описание минеральных вод» Грумма и признал необходимым для приобретения в семин. библиотеку. – Щмальц в 1852 г. рассматривал книгу Матвеевского «Описание выставки сельских произведений в С. Петербурге» и признал полезною к приобретению в семин. библиотеку для класса сельского хозяйства. – Рюо в 1846 г. рассматривал книгу Сен-Жюльена – Методический курс франц. языка и признал для начинающих непригодною, хотя для обучившихся излишнею. В 1852 г. разбирал план учителя новгородской семинарии, Ловцева, для преподавания франц. языка и издания новой хрестоматии и признал его бесполезным. – Певницкий в 1852 г. рассматривал составленный учителем одесской гимназии Топоровым «Гимназический курс постепенных грамматических и синтаксических упражнений в немецком языке» и признал не бесполезным ввести в виде пособия, или дополнения к немецкой хрестоматии, употреблявшейся в семинарии. Правление согласилось, – Герман иером. изготовил к напечатанию свое сочинение: «Преп. Иоанн Лествичник и его Лествица постепенного усовершенствования» (1854 г.). – Карашевич в 1852 г. сверял 4-е издание догматического богословия Антония с 3-м и указал опечатки. В 1853 г. был в числе членов Комиссии для составления описи библиотеки Ал. невской лавры; в 1855 г. напечатал соч. «Очерк истории правосл. церкви на Волыни». – Архангельский в 1854 г. рассматривал русскую грамматику в вопросах и ответах свящ. Ф. Флоровского, (за смертью прот. Кочетова, которому первоначально поручено было рассмотрение), и сделал неодобрительный отзыв. Тогда же рассматривал книгу Готтеса «основание всеобщей словесности и происхождение русского языка» и рекомендовал приобрести ее в библиотеку. – Красносельский в 1854 г. рассматривал зоологию Симашко и «материалы для минералогии России» Кокшарова и одобрил обе книги для приобретения в библиотеку; в 1856–57 г. – соч. Жуковского «сельско-хозяйственная архитектура», Куторги «Геогностическую карту спб. губернии», Гроссмана «Механик земледелец» и арифметику Беликова: из них в первом сочинении нашел много неясного, так как еще одна часть только была издана; в 60-х годах – арифметики Бордоноса и Воленса, последнюю одобрил, как хорошее пособие; свидетельствовал физические инструменты для разных семинарий. – Шавров в 1854 г. – книгу Данского «Правила русской словесности» и Охотина «учебник русской словесности» и рекомендовал к приобретению в библиотеку; в 1860 г. издал брошюру о митр. Григории, в 1861 г. соч. «О 3-й книге Ездры. Опыт исследования о книгах апокрифических». – Павел архим. в 1857 г. напечатал свое сочинение: «О должностях и учреждениях по церковному управлению в древней восточной церкви». – Травлинский рассматривал руководство ко всеобщей истории Шульгина в 1856 г., но не представил отзыва, который сделал в следующем году иером. Феогност, признав книгу «важным пособием для наставника, но не для классического употребления». Феогност так же рассматривал и одобрил в 1856 г. Рудакова священную историю и историю христианской правосл. церкви. – Брандт в 1860 г. рассм. две немецкие грамматики – Эльснера и Кизеветтера. – Толмачев в 1858 г. держал корректуру вновь изданных книг – Правосл. исповедания, греческой грамматики и врачебного наставления. – Ловягин в 1860 г. издал свое сочинение «жизнь и служение св. Иоанна крестителя»; тогда же рассматривал «синтаксический курс русского языка» Новаковского и дал неодобрительный отзыв; в 1861 г. корректировал вновь изданную Д. уч. управлением догматику Антония, а в

1863 г. лат. грамматику; в 1865 г. перевел сочинения Афинагора для «Православного обозрения», у которого состоял корреспондентом; в 1866 г. рассматривал свящ. историю – Попова и прот. Богородицкого. – Иосиф архим. в 1860 г. напечатал статьи о псковских святынях и церк. древностях. – Нищинский в 1858 г. рассм. греческо-русский словарь Грацинского и дал неодобрительный отзыв. – Попов в 1859 г. рассматривал «часослов», переведенный на монгольский язык Нилом архиеп. ярославским и дал весьма одобрительный отзыв, хотя и сделал некоторые исправления. – Предтеченский в 1859 г. корректировал латинскую хрестоматию, но, по замечанию Дух. уч. управления, допустил много опечаток. – Вл. Никольский в 1860 г. окончательно корректировал сокращенную историю русской церкви Филарета, архиеп. черн., а в 1861 г. латинскую грамматику. – Люперсольский в 1860 г. сверял русский перевод толкований блаж. Феофилакта на еванг. Луки с греческим подлинником, (вместе с членом акад. конференции прот. Колоколовым); с 1861 г. как знающий по новогречески, приватно занимался с воспитанниками семинарии иностранцами, с утверждения семин. правления; в 1863 г. корректировал новое издание латинской грамматики для дух. училищ. – Розанов в 1864 г. просматривал 25-е изд. лат. грамматики и значительных неисправностей не нашел. – Образцев в 1865 г. просматривал латинскую грамматику Смирнова и проверял ее с прежними грамматиками, причем указал разные недостатки употреблявшейся прежде латинской грамматики и рекомендовал руководство Кюнера, которое не одобрили в московской академии, но он отзыв академии нашел поверхностным и, вследствие нового запроса; опять указывал на Кюнера, изъявляя намерение переделать его для духовных заведений, но вскоре вышел из семинарии. – Иовлев разбирал в 1866 г. «объяснение прав. Богослужения» В. Михайловского, также «объяснение литургии» Виноградова. – Зинченко в 1865 г. корректировал всеобщую историю Казанского; в 1866 г. рассматривал «Описание губерний российской империи» (таблицы), А. Невского. – Щелкунов в 1866 г. – руководство Смирнова к переводам с русского на латинский и латинскую хрестоматию для дух. училищ, Кирьякова. – Стратилатов в 1865 г. напечатал соч. «Древность и важность апостольских правил».

Общий взгляд на состояние учебной части

Семинарская программа, переделанная в 1840 г., как мы видели, была весьма обширна и разнообразна и имела характер по преимуществу практический и утилитарный, в отличие от прежнего направления семинарского образования, более теоретического, отвлеченно-философского. Богословское образование значительно расширено, как чрез введение разных духовных наук во все классы, так и чрез разветвление науки богословия по отдельным кафедрам, преимущественно в практическом направлении, таковы: богословие пастырское и собеседовательное, литургия и каноника, учение о вероисповеданиях и о русском расколе. С этой стороны программа, с отменой притом латинского языка в преподавании, вполне отвечала основной цели семинарского образования, приготавливающего деятелей для русского православного народа, пастырей православной церкви. Но уже на первых порах делались не без основания некоторые возражения, напр. на счет духовных наук в низшем и среднем отделениях, в роде Православного исповедания с Богослужебными книгами, так же Библейской истории и патристики, представлявшихся излишними, в виду повторения их в иной только форме в высшем отделении и изучения в училище (катехизис, церковный устав и свящ. история). Библейская история, сверх того, входила в науку о свящ. писании. Действительно, подобные науки, помещенные среди предметов общего образования, поглащавших больше внимания учащихся, не пользовались сочувствием со стороны их, не разрабатывались с особым тщанием и преподавателями и в учебном курсе являлись некоторым балластом, отчасти мешавшим вообще успешному ходу учебных занятий, как это признано было потом и духовно-учебной реформой 60-х годов (см. ниже). Что касается постановки главных богословских наук в высшем отделении (т. е. богословия догматического и нравственного, пастырского и собеседовательного) и в частности в петербургской семинарии, то ее нельзя не признать вообще удовлетворительною. И по отзывам ревизоров и по воспоминаниям бывших воспитанников, богословские науки преподавались большею частью отчетливо и основательно, такими напр. профессорами, как ректоры Феогност, Иоанникий, Иоанн, Платон, или помощники ректора, впоследствии бывшие и ректорами, – Леонтий, Павел. О профессорской деятельности их отчасти уже упоминалось выше, о лекциях же иных (напр. Павла) бывшие воспитанники передают, что они нисколько не уступали академическим.

Предметы общего образования – словесность, философия (логика с психологией), гражданская история и математика с физикой – новой программой не выдвигались особенно, но как предметы общего образования, более или менее интересные, особенно первые три, держались своим собственным значением. Впрочем, шли они не одинаково – иные и иногда очень удовлетворительно, другие – недостаточно, смотря по профессору, которого, однако же, не всегда можно винить, так как назначение на профессорские должности в рассматриваемый период находилось в весьма неблагоприятных для успеха преподавания условиях, о чем будет замечено ниже³⁰⁸.

Словесность большею частью преподавалась удовлетворительно, и ближайшая цель ее – умение письменно излагать свои мысли правильно – достигалась; о достоинствах постановки логики с психологией при Мишине и в половине 60-х годов сказано выше (стр. 380–382), также – о гражданской истории, на которой иногда были весьма способные наставники, а иногда и очень посредственные; по физике очень часто сменялись преподаватели и попадали на этот предмет, иногда случайно, лица, вовсе к тому не подготовленные; математика в семинариях вообще в рассматриваемый период не пользовалась ни сочувствием, ни вниманием, как со стороны учащихся, так даже и самого начальства, хотя о таком напр. профессоре, как Михайлов, остаются добрые воспоминания. Общий же существенный недостаток в семинарском преподавании предметов богословских и общеобразовательных был тот, что по ним не существовало особых, общеобязательных или нормальных программ, содержание и объем преподаваемого зависел от усмотрения наставника, иногда и личного, случайного взгляда семинарского начальства³⁰⁹. Ревизии же, сравнительно с предыдущей эпохой, были довольно редки. При этом недоставало большею частью и учебных руководств и пособий по разным наукам, ученикам приходилось пользоваться записками, бесплодно тратить время на их списывание и испытывать все неудобства приготовления уроков по тетрадке, часто

написанной неразборчиво, с значительными описками и неправильностями, который не могли не отражаться на основательности изучения предмета.

Весьма выдающейся особенностью семинарской программы 1840 года является введение в нее таких предметов, как естественная история, медицина, сельское хозяйство и геодезия, которые собственно были направлены к пользе народной. Эта сторона программы из всех нововведений гр. Пратасова всего больше подвергалась впоследствии злой критике, которую, однако же, нельзя признать вполне резонной и беспристрастной. Что касается естественной истории в ее основном и элементарном курсе, который и рекомендовался духовным начальством в 1859 г. (стр. 389), то она составляет собственно предмет общего образования, необходимый для всякого просвещенного человека и в частности священника, но постановка его в семинариях вообще не была рациональна, введение же его в семинарский курс представлялось как бы прихотью, к которой семинарское начальство отнеслось без сочувствия и энергии: более 10 лет в петербургской семинарии не могли найти преподавателя на естественную историю, надлежащих пособий не заводилось, был, правда, минералогический кабинет, но, говорят, и к нему ученики не имели особенно близкого и свободного доступа, ботаника же изучалась без гербариев, да еще как бы для курьеза, большею частию зимой, экзамены по естествознанию не всегда производились и влияния на ученический список не оказывали, отсюда и заниматься предметом ни ученики, ни учитель обычных побуждений не имели. Медицина в некотором отношении тоже может быть признана предметом весьма важным для духовного воспитанника; общие сведения из анатомии и практическая диагностика обыкновенных болезней, с простыми медицинскими средствами, – вообще полезны для каждого, в частности – для сельского священника, который, особенно в прежнее время, был единственным интеллигентным лицом среди крестьян, эксплуатируемых разными знахарями и ворожеями. Но опять надлежащей постановки этот предмет в семинариях не получил, толковой программы не было, каждый доктор действовал по своему усмотрению, один вдавался в ученость, другой хотел занять какой нибудь блестящей, но в сущности бесполезной вещью, уроками обыкновенно манкировали, петербургский же преподаватель, Бобриков, если и сумел составить удовлетворительные лекции (стр. 394), за то, как педагог не отличался, говорят, достоинствами и способностями, и польза от преподавания оказывалась таким образом весьма сомнительной. Что касается сельского хозяйства, то предмет этот на первых порах был модным и казался интересным для воспитанников, тем более что занятия происходили на открытом воздухе, на грядках, но при этом научная сторона дела нередко оставалась на заднем плане, семинарское начальство относилось к предмету большею частию пренебрежительно и несмотря на то, что об нем требовалось делать особые донесения высшему начальству, он все таки вскоре занял третье степенное место в семинарском курсе, как и геодезия; невольно поддерживалось общее убеждение, что введение подобных предметов было пустой затеей, что священнику достаточно совершенно быть только добрым пастырем душ, а не врачом телесным, не сельским хозяином и ученым агрономом, не землемером и архитектором. Некоторые из противников реформы гр. Пратасова шли дальше и говорили, что подобный науки могут вредить благочестию и духовным стремлениям священника, увлекая его на почву материалистических взглядов и реально-практического направления в жизни. К таким последствиям рассматриваемые науки, может быть, и не приводили, но в семинарском курсе во всяком случае являлись делом посторонним и помехой, отнимали время и вообще раздвоили задачу семинарского образования, лишая его надлежащей цельности и основательности. Между тем на более близкую и прямую задачу семинарского образования – народное учительство до самого конца рассматриваемого периода не обращали внимания, хотя нельзя сказать, чтобы не сознавали этой задачи. О преподавании языков замечено уже выше, что древние постепенно упали до минимума, а новые, несмотря на предписания высшей власти, надлежащей постановки никогда не имели, притом и общеобязательными не были. Многопредметность семинарской программы вела к упадку занятий не только языками, но и вообще к неудовлетворительности учебного дела, к разделению предметов на главные и второстепенные, причем последние хотя бывали в пренебрежении, но не могли не мешать успеху первых.

Помимо затруднительной и излишней многопредметности семинарской программы, при отсутствии точных и толковых частных программ по каждому предмету, другим выдающимся

недостатком учебного строя рассматриваемого периода было отсутствие надлежащих мер к усиленному и целесообразному преподаванию, невыработанность дисциплинарных и педагогических условий обучения. Сюда относятся: переполнение классов учениками, так что не представлялось возможности следить за успехами каждого, более или менее часто спрашивать, заставлять работать весь класс, держать его в постоянном напряжении и строго следить за порядком; производство экзаменов весьма неудовлетворительное, так что ученики оставались неспрошенными по многим предметам, а некоторые и ни по одному; безнаказанное почти манкирование уроками, как со стороны учеников, особенно частных, певчих, письмоводителей и т. п. так, особенно в последнее десятилетие, и со стороны наставников, из которых одни постоянно опускали уроки, другие приходили в класс на несколько минут, третьи часто и подолгу хворали; неподготовленность педагогическая самих наставников, так как педагогика и в академии не преподавалась, хотя на это еще в конце 30-х годов обращал внимание моск. митрополит Филарет; а отсюда напр. такие односторонности в преподавании, как система монологического чтения лекций, который далеко не всеми учениками слушались, за усвоением же читаемого мало следили и воспитанников при этих чтениях большею частью не тревожили, вследствие чего, особенно у наставников более слабых и робких, одни преспокойно дремали, другие беседовали между собой, третьи читали принесенный из города роман, или занимались посторонней перепиской, иные же, – особенно в 60-х годах, как рассказывают бывшие воспитанники, – скрываясь за последними партами, которые стояли значительно выше передних, играли в карты, или шашки, даже курили папиросы, при случайном же вызове наставника, объявлялись отсутствующими, а которые если и выходили отвечать, то без всякого знания, единственно рассчитывая на систематически организованное подсказывание. Конечно, подобные явления более или менее случайны и не имеют необходимой связи с тогдашней учебной системой, но они ею и не предупреждались; некоторые же из предположенных мер нередко оставались без осуществления. Отдельные лица из семинарских педагогов иногда и боролись, может быть, не без успеха против означенных беспорядков, но тем еще недостаточно способствовали общему улучшению учебного строя. Обращаясь к условиям быта и положения наставников по преобразованию в 1841 году, видим, что они к лучшему не изменились сравнительно с предыдущим периодом. О материальном состоянии наставников будет сказано в своем месте (в отд. Экономия), здесь же обратим внимание на служебное их положение. Ректор в первое время был освобожден от уроков и ему дан помощник, между тем других посторонних занятий, отвлекавших его даже из семинарии, было весьма много. Освобождение его с 50-х годов от управления монастырем, «чтобы дать более возможности к надлежащему выполнению прямых его обязанностей»³¹⁰, было еще далеко недостаточно. Назначение на преподавательские должности зависело или от академии, или большею частью от Дух. уч. управления, которое перемещало на ту или другую кафедру наставников, часто не справляясь с их желаниями и познаниями; при этом для с.-петербургской семинарии важную роль стали играть протекции³¹¹, что в прежнее время, при Комиссии дух. училищ, было не так удобно. Ходатайство или представление семинар. правления, с утверждением митрополита, нередко оставлялось без удовлетворения, как со стороны академии, так и Дух. уч. управления. В 1849 г. семинарское правление представляло на кафедру гражд. истории учителя дух. училища, старшего кандидата И. Никольского, но академия назначила А. Булгакова; в 1852 г. представленный правлением на словесность учитель училища, магистр В. Серафимов не был утвержден высшим начальством. Вообще в деле назначения наставников было много запутанности и переходов по инстанциям. Иногда желавшие перейти в семинарию подавали просьбу прямо митрополиту³¹², который сдавал ее в семинарское правление, а это – в академическое, академическое же представляло в Дух. учебное управление, отсюда дело шло иногда на решение об. прокурора, а им, по усмотрению, докладывалось и св. Синоду. Иногда от прокурора предлагалось академическому правлению – сделать то или другое назначение, или перемещение³¹³. Вакантные кафедры временно занимались кем либо из наличных наставников, если представлялась к тому возможность, чаще же помощником инспектора, который, естественно, не имел ни охоты, ни надлежащей возможности преподавать всякий предмет, как следует. (Но по крайней мере лекторы из воспитанников в спб. семинарии были уже устранены). Между тем перемена наставников происходила весьма часто, некоторые служили в семинарии менее полугода и, не имея

побуждений и какой либо приманки оставаться на семинарской службе, не получая большею частью обыкновенных поощрений³¹⁴, пользовались всяким удобным случаем к выходу; кафедры при этом пустовали по два, по три месяца, и более. Еще ректор Афанасий (Соколов), недовольный тем, что в с.-петербургской семинарии часто сменяют профессоров, и иногда назначают туда таких людей, которые недостойны и неблагонадежны, а между тем умеют забежать или к г. обер-прокурору, или к кому нибудь из влиятельных лиц», писал в 1839 г. в Тверь: «петербургская семинария и училища похожи на садок, в который сажают рыбу только до первого стола. Ну, право, скучно, то и дело что встречай и провожай профессоров и учителей. С этими новичками, пришлецами и переселенцами будьте осторожны. Они часто бывают большие болтушки, обо всем обыкновенно судят и рядят, и обыкновенно часто без толку»³¹⁵. Сравнение, спб. семинарии с садком, сделанное в конце 30-х годов, еще более относится к ней в рассматриваемый период. В 60-х годах начальство даже не позволяло оставаться в семинарии тем из наставников, которые, приняв священный сан, желали бы потрудиться и на духовно-учебном поприще, а стараюсь замещать их места новыми лицами, руководясь при этом в сущности не какими нибудь педагогическими соображениями, в роде того, что приходскому священнику не совсем удобно быть точным и аккуратным в исполнении учительских обязанностей, (хотя формально и указываюсь иногда это основание, вопреки, впрочем, семин. уставу § 197), – а просто тем, что имелось на лицо много кандидатов в наставники и просителей, которым нужно было дать назначение. Между тем профессор священник мог быть и способным, и аккуратным, и иметь полное желание оставаться при семинарии. Так в 1865 г. профессор О., поступив во священники, просил оставить его при семинарии, указывая на свою исправность и вместе с тем на «нерезонность обычая увольнять священников от занятий в семинарии», тем более что петербургская семинария и без того «чрезвычайно страдает от частоймены наставников», предлагал, если останется при семинарии, заняться составлением новой латинской грамматики, о чем в то время хлопотали. Но все оказалось напрасным: священника не оставили в семинарии. Тогда как раньше проводился даже такой взгляд, что наставники-священники «получают в глазах питомцев более духовное значение»³¹⁶.

Назначение на тот или другой предмет наставника, помимо его желания и сочувствия известному предмету и даже надлежащего знания, вело к холодности и бесплодности в его классных занятиях, состоявших иногда в простом чтении той или другой книжки, или к уклонению в сторону и стремлению иногда завоевывать симпатии учеников на посторонней почве. При представившейся возможности, наставник иногда переспрашивался на другой предмет: так, перемещенный из Риги на физику, наставник О. в 1865 г. писал в прошении семин. правлению, что на физику он назначен «вопреки желанию» и просил перемещения на историю. Но подобные просьбы далеко не всегда были удовлетворяемы, и наставник по крайней мере утешался тем, что скоро выйдет на какое нибудь священническое место; страдало же только дело преподавания, которое он вел кое-как. При этом не нужно забывать, что один и тот же наставник нередко перемещался с одной кафедры на другую, не имевшую ничего общего с первой, и одновременно преподавая несколько предметов, иногда самых разнородных (напр. физику, латинский язык и богослужебные книги; словесность и священное писание; логику с психологией, латинский язык и патристику; немецкий язык, латинский и православное исповедание с богослужебн. книгами), вследствие чего деятельность его вообще рассеивалась и клонилась в особенности к невыгоде тех предметов, которым менее симпатизировал наставник. Такое разнородное сочетание предметов не только узаконено было синодским расписанием 1840 г., но потом постоянно практиковалось и самим семинарским правлением, которое, изменяя расписание по тому или другому поводу, и назначая наставнику то тот, то другой предмет, имело в виду главным образом уравнивание числа уроков между наставниками (так как вознаграждение было не поурочное) и мало соображалось с степенью знания предмета и сочувствия ему. Так в 1844 г., когда было обращено особенное внимание на изучение новых языков в спб. семинарии, на немецкий язык назначен был кандидат спб. академии К. (германский уроженец) и затем ему еще даны: латинский язык, православное исповедание и богослужебн. книги, предполагалось, что и эти предметы он должен был знать так же, как и немецкий язык, хотя он окончил академический курс в числе последних кандидатов, подобно своему предшественнику по этим предметам У., определенному

первоначально только на финский яз. При первой же после того ревизии оказалось, что православное исповедание и богослужебн. книги преподавались «неудовлетворительно», и наставника предложено было уволить (см. стр. 425), между тем он 5 лет состоял на означенных предметах. Наставник З. несколько раз перемещался с предмета на предмет, он преподавал и библейскую историю с Свящ. писанием, и церковный древности, и философию; наконец его определили на гражд. историю, кроме еще греч. языка. Между тем для истории-то он, кажется, по преимуществу, был неудобен, обладая физическим недостатком заикания и постоянного кашля, что во время его рассказов по истории служило лишь забавой для воспитанников и помехой их должному вниманию.

В 1856 г. на немецкий язык определен был немец Брандт, и правление должно было соединенные с немецким языком предметы распределить между другими наставниками, причем вышли сочетания тоже весьма неестественные: преподавателю гражданской истории дано православное исповедание, профессору словесности – богослужебные книги, к физике с латинским языком присоединена история раскола, математику же отделили от физики и соединили с сельским хозяйством. Может быть, тут и были приняты во внимание заявления по крайней мере некоторых наставников, но во всяком случае перетасовка предметов довольно странная.

Таким образом реформа тр. Пратасова не предусмотрела многих весьма важных обстоятельств для успеха учебного дела в семинариях. Еще пока жив был гр. Пратасов, духовные семинарии пользовались особым вниманием высшего начальства, особенно петербургская семинария, как «образцовая», с его же смертью, в некотором отношении в семинариях, может быть, и стало легче и свободнее, за то они на довольно долгое время остались в небрежении и все более приходили в расстройство.

Нравственная часть

Инспекция

С целью усиления нравственного надзора за воспитанниками, по определению св. Синода в 1841 году, как выше сказано (см. стр. 184 и 332), инспектору назначены были два помощника, которым дана особая инструкция, призывавшая их к постоянному и неослабному, хотя с допущением очереди, наблюдению за поведением воспитанников; при этом если дозволялось избирать помощников инспектора из наличных наставников) то из таких «которые удобно могут совместить труд по сей должности с обязанностями наставника», о совмещении же других должностей (библиотекаря, секретаря, эконома) с должностью помощника инспектора в синодском определении не было сказано, но уже с 1842 года такое соединение постоянно допускалось, что, конечно, не обходилось без некоторых затруднений в деле инспекции, так же как и хождение помощника в класс за отсутствующих наставников, которое практиковалось на основании означенного определения. Помощникам предоставлено было делать доклады не только инспектору, но «если он не уважит замечаний их по делу не маловажному», то самому ректору; равным образом, в случае несогласия с инспектором на счет списков по поведению, – «представлять свое мнение письменно» в правление. Но из дел не видно, чтобы помощники пользовались предоставленным им правом. Помимо двух помощников инспектора, и смотритель дома, определенный с 1841 года (см. стр. 317), обязывался между прочим наблюдать за воспитанниками, «чтобы в часы назначенные для уроков все они были в классах, в столовую сходились бы в одно время и в оной вели себя с должным приличием и скромностию, отходили ко сну и вставали в назначенное время и кроме того никогда не оставались в спальнях без особенной надобности; так же чтобы никогда не отлучались без особенного письменного дозволения; чтобы всегда имели на себе одинаковую предписанную формою одежду и сохраняли оную в возможной чистоте и опрятности; одним словом, чтобы как в часы занятий, так и во время самого отдыха и прогулок, вели себя в должном порядке и не позволяли себе никакой неблагодарности» (Инстр. смотр. § 11). Далее в инструкции значилось: «воспитанники семинарии состоят по всем вышеизложенным предметам в полном повиновении смотрителя, которому предоставляется право неисправных учеников штрафовать голодным столом, стоянием на коленях, или воспрещением в праздничные дни выходить из семинарии к родственникам; о более важных проступках обязан он доводить до сведения ректора, а о важнейших доносить директору Дух. уч. управления. Независимо от сего, каждую субботу смотритель подает правлению семинарии записку о поведении воспитанников с кратким показанием, кто из них был штрафован и за что именно. В случае увольнения инспектором кого либо из учеников из семинарии для свидания с родственниками, или для другой какой либо надобности, обязан он давать о том знать смотрителю, который снабжает отпущенного билетом (печатным) с означением в оном срока назначенного инспектором, и строго наблюдает за своевременным возвращением его в семинарию. Когда же кто либо из посторонних пожелает иметь свидание с учениками, то может не иначе быть допущен к ним, как с ведома смотрителя, которому должен объяснить и причину свидания и который позволяет таковое свидание в приемном зале. Свидания с учениками, находящимися в больнице, допускаются также с ведома смотрителя». (§§ 12–15).

Таким образом весь внешний порядок и дисциплина в поведении воспитанников лежали на прямой обязанности смотрителя дома. В виду этого в смотрители и назначались лица военного звания и, когда на эту должность, за неимением кандидата в 1848 г., семинарское правление представляло эконома и помощника инспектора, кандидата дух. академии Троицкого, уже исправлявшего раньше должность смотрителя, высшее начальство его не утвердило и допустило только к временному исправлению смотрительской должности и на половинном окладе. Предполагалось, что кандидат академии для этой должности не годится, и потом, действительно, назначен был в 1852 г. опять из военных Михалкевич-Дольский, отставной майор. Должность смотрителя отчасти смешивалась с инспекторской и с экономкой и как бы соперничала в тоже время с ректорской, так как была поставлена в непосредственные отношения к директору Дух. уч. управления, а следовательно и к самому обер-прокурору, который в смотрителе имел как бы своего в семинарии агента. Дух. уч. управление с своей стороны строго следило за исправностию смотрительских донесений, так

что когда в 1850 г. с 15 июля не было рапорта о состоянии семинарии, Дух. учебн. Управление от 27 июля предписало представлять рапорты своевременно, согласно «Положению об обязанности смотрителя». Очень вероятно, что смотрители способствовали внешнему благоустройству и дисциплине, особенно же военной выправке воспитанников³¹⁷, и в семинарском начальстве могли поддерживать постоянную энергию, но самый принцип разделения власти едва ли состоятелен, даже и при условии, если представители ее светской стороны были люди всегда обладавшие надлежащим тактом и педагогическими способностями. Между тем на деле этого далеко не было. Отставные майоры и подполковники действовали слишком по военному и полицейски, большею частию не входя в какие либо нравственные и педагогические соображения, при этом не ограничивались предоставленною им областью и иногда превышали свою власть, возбуждая против себя воспитанников и затрудняя тем семинарское начальство. Так смотритель Камышников уже в самом начале своей деятельности получив от семин. правления внушение «сообразоваться в роде наказаний с данною ему инструкцією», после того как посадил в карцер одного воспитанника за драку. Но и после, как видно из его еженедельных донесений правлению о поведении учеников, он продолжал наказывать воспитанников карцером. Тот же смотритель однажды вбежал в класс во время экзамена и грубо закричал ректору, что ученики слишком распушены, что они сломали калитку в саду и ушли из семинарии. Ректор Феогност, человек серьезный, всеми уважаемый, спокойно заметил ему, что неудобно таким образом нарушать порядок экзамена и просил расследовать дело вместе с инспектором. Оказалось, что человека три пошли купаться чрез дверь, ведущую из сада к Черной речке, дверь же была заперта плохой, проржавевшей задвижкой. Виновные, конечно, подверглись наказанию – карцером. В февр. 1843 г. был еще такой случай. Один ученик задержанный родственником, на несколько минут опоздал в столовую, и, когда входил в нее, был остановлен смотрителем, который велел ему идти «обедать туда, где был»; ученик сначала ничего не отвечал, но по второму приказанию смотрителя, начал оправдываться, тогда тот схватил его за руку и стал выводить за дверь: все ученики произвели шум и смех. О случае доведено было до сведения Дух. уч. управления; виновный посажен в карцер на 4 дня, лишен отпуска на 2 месяца и поручен строжайшему надзору инспекции; всем ученикам сделан строжайший выговор и определено лишение отпуска на праздник. Вскоре после того и сам смотритель Камышников вышел из семинарии, (отчасти, может быть, под влиянием подобных случаев). Его преемники так же не долго оставались на службе, кроме последнего. С течением времени, деятельность смотрителей по отношению к воспитанникам стала, по видимому, менее ретива, хотя столкновения выходили и после. Ревизор Карпов в 1863 г. нашел должность смотрителя семинарского дома излишнею и представил о ее закрытии, которое и последовало, с Высочайшего соизволения, в 1865 году; обязанности по смотрению за домом соединены с экономскою должностью, с освобождением эконома, бывшего и помощником инспектора, от хождения в класс за отсутствующих наставников.

С усилением инспекции новыми начальственными лицами, деятельность старших из воспитанников стала менее прежнего ответственна и многосложна, новых особых инструкций для них не видим, но эта низшая форма надзора не была отменена: для наблюдения за воспитанниками в класс назначались цензора из лучших учеников, а вне класса старшие и подстаршие, преимущественно из учеников высшего отделения, исправных по поведению и вполне способных наблюдать за другими, так что, заметив напр. близорукость в старшем (1842 г.), инспектор предлагал правлению заменить его другим.

Что касается собственно должности инспектора, то в ней, по мысли гр. Протасова, с начала 40-х годов произведена была довольно важная перемена, с уничтожением прежнего обычая – соединять непременно с этой должностью монашеский сан. Хотя это шло в разрез с установившимся взглядом не только духовных лиц, но и светских³¹⁸, по которому монашеская ряса лишь считалась способною возбудить нужное уважение к начальству и поддерживать повиновение и порядок, но гр. Протасов прежде всего опирался на слишком свежем и выдающемся опыте той же петербургской семинарии, о которой сам св. Синод определил в 1841 г., что «управление по части поведения воспитанников не сопровождалось до ныне тем внимательным, попечительным и строгим надзором, который составляет необходимое условие при воспитании юношества, а еще более в семинарии, окончательно приготавливающей

духовное юношество к важному поприщу пастырей и служителей церкви, которых нравственность должна быть примером чистоты», далее, что «образ действия семина. начальства по управлению нравственною частию и способы нравственного надзора, кои доселе оным употреблялись, не всегда были сообразны с целию и важностию власти, которою на сей предмет облечено семинарское начальство наконец, что в частности инспектору иеромонаху Иоасафу, помимо распорядительности и аккуратности, доставало «внимания чадолюбивого отца, постоянного наблюдения и всех тех действий, которые могут внушать добрую нравственность и воспитывать детей в духе любви, порядка и подчинения властям» (см. выше, стр. 183, 186, 187). На этом прежде всего основании, – кроме того, сам держась мнения, что «монах не ищет ничего, как только душевного спасения»³¹⁹, если смотреть с идеальной стороны, а с практической – полагая, что монах вообще не прочен на должности в семинары, что и начальство обыкновенно видит в нем кандидата на высшие иерархические степени и сам он всегда смотрит выше и дальше, а потому не может иметь охоты и побуждений серьезно и всей душой предаться делу воспитания со «вниманием чадолюбивого отца», но, чтобы не скомпрометировать себя, относится к делу лишь формально, с соблюдением «одной отчетности на бумаге»; наконец хорошо понимая, при указаниях того же опыта петербургской семинарии, что ряса сама по себе не ручается еще за педагогические и административные способности, между тем доселе заграждала путь этим способностям, необлеченным в рясу, да и внушать истинное уважение к начальству она не всегда может, между тем является для инспектора по своей важности в некоторых случаях даже помехой к точному и непрерывному отправлению инспекторских обязанностей, отвлекая монаха к сторонним обязанностям сана, препятствуя его надлежащему сближению с воспитанниками и удобному вхождению всюду в их среду, даже служа иногда поводом к развитию лицемерия в воспитанниках и скрытности: в силу всего этого гр. Пратасов нарушил установившийся обычай и назначил на должность инспектора первого магистра спб. академии 1841 г. А. Мишина в светском звании, дав ему чрез Карасевского приличные наставления. Мишин хорошо понял свою задачу и, можно сказать, блестящим образом оправдал намерения обер-прокурора, 16 лет оставаясь на должности инспектора и всей душой отдавшись своему делу. Мишин и сам по себе представляет личность весьма выдающуюся, и в истории семинарии занимает очень видное место, оставшись глубоко в памяти многих воспитанных им поколений: в виду этого следует остановить особенное внимание на этой личности.

Взгляд на Мишина его воспитанников – не одинаков. Незначительное меньшинство, находясь под влиянием отрицательного и легкомысленно-либерального направления конца 50-х и начала 60-х годов, вроде упоминавшегося выше Благовещенского – биографа Помяловского, или, вторящего ему, автора брошюры «Приходский священник А. В. Гумилевский», – относится к Мишину весьма несочувственно, называя его «деспотом, каких мало, безжалостно давившим и гнавшим все светлое и самостоятельное», «фомалистом до мелочей и двоедушным педагогом» и т. п., нисколько не подтверждая, впрочем, своих слов достаточными фактами, а иные факты искажая и перетолковывая по своему³²⁰. Большинство же бывших воспитанников Мишина разных курсов отзываясь о нем с глубоким уважением и вспоминает с особенным чувством, как о человек с большими достоинствами и о великом педагоге, с готовностью простить ему некоторые недостатки, зависевшие частию и от него самого, особенно же от обстоятельств и духа времени. «Боже мой! Какое прелестное здание эта семинария! – пишет в своих воспоминаниях один из даровитейших воспитанников петербургской семинарии, занимающий ныне весьма видный иерархический пост. – Какие были при нас тогда почтенные, даровитые, высокодаровитые, трудолюбивые и влиятельные наставники, в роде А. И. Мишина, который не любил Помяловского, предчувствуя в нем зло, и которого Помяловский изображаете чуть ли не в виде злодея, по меньшей мере в виде медведя»³²¹. Сопоставляя этот отзыв с другими, какие неоднократно нам приходилось слышать от бывших воспитанников о Мишине, можем сделать его следующую характеристику.

Малоросс по происхождению, высокий ростом, с лицом серьезным и видом внушительным, говоривший отчетливо густым басом, с малороссийским акцентом, человек недюжинного ума, с огромной силой воли и самообладанием, необыкновенно точный, исполнительный и строго-исправный в должности, хорошо понимавший и требования времени, Мишин в отношениях был всегда прям, но тактичен, нередко груб и резок, но сердечен и в

душе гуманен, в тоже время обладал необыкновенным искусством сообразоваться с условиями места, времени и лиц, а отсюда казался даже как бы двуликим Янусом. Не тем он являлся как инспектор, чем был в классе как профессор, или – вне занятий. Как инспектор, при некоторой естественной суровости, он еще напускал на себя грозного вида, для устрашения учеников, которых опасно было не держать в руках, требовалось строго охранять порядок и дисциплину в их поведении, недавно еще столь нетерпимом и при малейшем послаблении могущем снова подпасть не отжившим пока традициям старой непреобразованной семинарии. Впоследствии, по некоторым рассказам, Мишин был бранчив, иногда не чуждался будто бы и своеручной расправы, но в первые годы был обыкновенно вежлив и деликатен с воспитанниками, в занятое время всегда серьезен и строг, иногда до неумолимости, но вне занятий даже шутилив и игрив с воспитанниками, нередко отечески к ним внимателен и ласков. В наказаниях иногда жесток, согласно вообще с введенной в то время системой, но разборчив и рассудителен, не прибегая только к внешним, механическим карам, но стараясь действовать и нравственными средствами, внушениями, предостережениями, посрамлением. Следующий случай, относящийся к 40-м годам, характеризует педагогические приемы Мишина. Один ученик достал где-то кондукторскую трубу и вечером, когда погасили уже огни, затрубил на одном конце коридора, где жил инспектор: вышел Мишин из своей квартиры, чтобы остановить шалуна, но тот успел по боковой лестнице подняться на верхний коридор, пробежать чрез него, пока инспектор шел по среднему коридору с одного конца на другой, с которого послышался звук трубы, – и, спустившись с другой стороны коридора, снова затрубил. Мишин пошел назад, а тем временем шалун снова успел взбежать по лестнице и спуститься с противоположного конца коридора и опять начал трубить. Мишин рассердился и пошел уже по спальням, чтобы посмотреть, кого нет на кровати. Догадавшись, кому должна принадлежать проделка, он до времени оставлял ее безнаказанной. Спустя несколько дней, на класс латинского языка, он вызвал заподозренного в шалости ученика переводить из Энеиды и велел читать с самого начала, а не то, что следовало по порядку. Место это заключало в себе слова: «я тот, который и когда играл на нежной свирели». Едва только ученик произнес эту фразу, как Мишин остановил его: «довольно, довольно, – сказал он, мы слышали и знаем, что это ты играл»... Ученик сконфузился, покраснел, ничего не сказав; весь класс над ним засмеялся. Этим и ограничилось наказание шалуна.

В отношениях с начальством Мишин так же всегда был прям, находчив, тактичен без унижения своего достоинства, исполнителен и покорен, но без всякого стремления служить больше личной прихоти, чем делу и закону. Ректор Христофор, которого вообще не одобряют за мелочность и несерьезность, на 1-й год своего поступления в семинарию хотел сделать уроки 23 ноября в день Александра Невского, вопреки издавна установившемуся обычаю – не учиться в этот день местнотимого святого, и сам назначил урок по догматике ученикам высш. отделения. Инспектор заявлял ректору о неудобстве нарушать без нужды установившийся обычай и тем возбуждать учеников, но ректор не принимал никаких резонов и пошел на свой урок (приходившийся в первые часы). В коридоре он застал учеников, которые не шли в класс, и начал гнать их; наставников не было, Мишин же, который в этот день был именинником, сначала не выходил из квартиры, запершись в ней, потом в 10 часов ушел в Лавру к обедне, предоставив ректору самому приводить в исполнение свой каприза, но тот отсидел только свой урок и потом уехал из семинарии – на служение³²². Было у Мишина столкновение и с рект. Иоанном, который, вскоре после поступления, дав почувствовать свою власть всем наставникам в классе, не хотел оставить и заслуженного инспектора без приличного внушения и воспользовался для этого случаем, когда, в воскресенье после обедни, выходил из церкви чрез боковую алтарную дверь, а семинаристы, выходя главными церковными дверями, толпились в коридоре и попадались ему на встречу, чего Иоанн очень не любил. Он вызвал инспектора на коридор и начал ему выговаривать, что семинаристы у него распушены, что они вести себя не умеют и т. д. Мишин все слушал, склонив, по обычаю, голову на бок и держа шляпу в руках, с которой постоянно ходил. Наконец ректор после долгих разглагольствий остановился. Тогда Мишин начал с расстановкой: «кончил? так теперь я буду говорить. Мне стыдно за вас пред учениками, о. ректор! Во время церковного богослужения, в виду всех воспитанников, когда царские двери отворены и из церкви все видно, ректор в алтаре идет

мимо престола в шубе, в калошах, производит стук и нарушает общее благоговение. Какой пример воспитанникам!... После того Иоанн уже не затрагивал Мишина.

В дополнение и как бы подтверждение сказанного, приводим отрывок из надгробного слова, произнесенного при погребении Мишина 5-го мая 1859 г. в академической церкви, в котором верно и метко характеризуется его личность, на поучение педагогам.

«Первоначальный недостаток опытности чем может быть заменен, если не особенною проницательностью и дальновидностью ума, которые бы не позволили запутаться в смешных и опасных противоречиях, – если не терпеливым изучением различных оттенков дурного и хорошего в многочисленном кругу воспитываемых, – если не добросовестностью чувства, которое бы не позволило с упорством следовать заблуждению, всегда, а особенно на первых порах, возможному в трудном деле воспитания? А за приходом опытности всегда ли достает твердости воли, ровности характера – выдерживать обдуманый образ действий, не колеблясь от всегда возможных неприятных столкновений с юностию, – терпения продолжать изучение ее во всех возможных неделимых для истинного блага последних, – постоянного личного уважения к закону для большей обязательности его в глазах руководимых? А успех воспитания духовного юношества не зависит ли, кроме всего этого, от глубокого понимания высоты и ответственности его будущего служения и сердечного сочувствия к нему? Между тем, кому не известно раннее соединение этих качеств в почившем, тогда же замеченное окружающими его, – внушавшее постоянно доверчивую любовь и благородный страх воспитывавшимся и ими принесенное в жизнь в признательных воспоминаниях о нем?...

Покорное, но не унижающееся до пошлой угодливости и самолюбивого расчета, исполнение воли начальства, – готовность, но чуждая гордости и навязчивости, а тем более вторжения в права власти высшей, служить ей полным ума и опытности советом, – умение быть разумно полезным разнообразным видам начальства, – неспособность ни к какому коварному соучастию из видов честолюбия против высших себя, – вот черты, которые с пользою можно брать в пример для себя с него, как с подчиненного, которые в свою очередь уважало в нем и начальство! Обращение, не дающее замечать своего превосходства перед другими и еще тем более внушающее к себе уважения и доверия, – умение, но самым благородным образом, без оскорбления самолюбия, приносить пользу неопытности, – должная честь дельной мысли, благонамеренному лицу, кому бы ни принадлежала первая и кто бы ни был последний, – отсутствие злобного суесловия и двоедушие, какого-либо предрассудочного предпочтения одних другим, – вот что сделает незабвенною память почившего в глазах его сослуживцев!

Виден ли в почившем человек вне отношений службы и долга? Да, вид и человек, с которым возможны были такие связи нравственные, что для них скорее были приличны названия кровного родства»³²³.

Весьма замечательно, что Мишин всего себя принес в жертву петербургской семинарии. Самое поступление его в семинарию, когда ему, как наилучшему из магистров своего курса, предстояла более блестящая карьера академического профессора, потом 16-ти летняя служба в должности инспектора, без попыток ее оставить, без развлечения какими либо посторонними обязанностями и занятиями: все это составляет почти беспримерное явление в истории спб. семинарии, которая для других инспекторов, как и для большинства служивших в ней, была лишь переходным местом к дальнейшим назначениям, так что не они, собственно говоря, были для семинарии, а семинария для них, составляя необходимую ступень в их карьере. Исполнив с честью возложенное на него назначение высшего начальства, Мишин, вскоре после смерти гр. Пратасова, перешел на кафедру канонического права в спб. академии; оставаться долее в семинарии, когда начались новые веяния в жизни и иное направление в духовном ведомстве, значило стать в противоречие со всем прошлым, выработанным, определенным, и применяться к иному, еще неясным несформировавшимся началам: это было тяжело и, может быть, нецелесообразно, лучше было перейти на другое поприще, не менее сродное и важное, да и было пора уму серьезному отдохнуть от весьма беспокойных и часто мелочных обязанностей. Сделавшись профессором академии, Мишин с первого раза, говорят, своими лекциями приобрел симпатии студентов.

Поведение воспитанников и меры к его усовершенствованию

С переводом семинарии в новое здание и усилением инспекторского надзора, в частности – вследствие особенного внимания по отношению к семинарии высшего начальства и строгости мер взыскания за проступки, поведение учеников семинарии радикально изменяется, сравнительно с предыдущим периодом и почти до самого конца 50-х годов в общем не представляет каких либо выдающихся уклонений от требований порядка и дисциплины, хотя отдельные случаи таких уклонений встречаются и тем лучше могут свидетельствовать о строгости надзора и взыскательности начальства. Выше мы видели одобрительный отзыв между прочим об «образе и способах присмотра местного начальства за нравственным поведением воспитанников», сделанный архимандритом Христофором, при вступлении его в должность ректора спб. семинарии в начале 1848 г. (стр. 426). Также инспектор академии, архим. Макарий, ревизовавший семинарию в 1849 г. сделал добрый отзыв о нравственной части в семинарии: «нравственная часть в очень хорошем состоянии, – писал он в отчете, – за весьма немногими исключениями. Дух повиновения, скромности, взаимной любви и благородства составляет главный характер питомцев». Особые донесения инспекции о неблаговедении воспитанников, сравнительно, были редки, хотя донесения эти могли делать не только инспектор и смотритель дома, но отчасти и субинспекторы. Напр. в 1845 г. не видим ни одной жалобы на неблагонаравие, в 1843 г. таких жалоб не было полгода, и в списках инспектора о поведении – отметки все хорошие, даже ученики состояние под особым надзором с 1841 г. рекомендуются академическому правлению «довольно скромными». Нельзя думать, чтобы инспекция намеренно скрывала проступки, как это отчасти замечается позднее, в 60-х годах; напротив, проступки и не особенно важные с иной точки зрения, не оставлялись без обнаружения и строгого взыскания.

Наиболее обыкновенные из проступков прежнего времени: своевольные отлучки из семинарии или несвоевременное возвращение из отпуска и нетрезвость воспитанников – составляли в 40-х и 50-х годах предмет особенного внимания начальства семинарского, ближайшего и высшего.

По вышеупомянутому определению св. Синода (стр. 183), 1841 г. «в предотвращение самовольных отлучек полагается следующая мера: а) для учеников, отлучающихся из семинарии, содержатся две книги: в одной из них, хранящейся у инспектора, записываются ученики, просящие у него позволения на отлучку, с означением притом, куда отлучаются и надолго ли. Другая книга должна быть у смотрителя дома, который по сему предмету имеет непосредственное сношение с инспектором; б) каждый ученик, которому позволено отлучиться, получает от смотрителя дома билет и расписывается в получении одного по его книге; в) книга находящаяся у смотрителя должна быть поверяема инспектором, или его помощником, с тою книгою, по которой выдаются дозволения на отлучку; г) в самых билетах, выдаваемых на отлучку, сверх означения срока отпуска и лица, к которому увольняется ученик, требовать собственноручной подписи сего лица в том: действительно ли у него был уволенный, и в какое время именно он пришел к нему и отправился от него обратно в семинарию; д) увольнения должны быть редки, и то к родителям и близким родственникам, и притом только благонаравнейших по поведению и исправнейших по учению воспитанников, дабы увольнение составляло одну из поощрительных наград за благонаравие и прилежное учение».

Семинарское правление на основании этого предписания составило более подробные правила об увольнении на праздники. «Согласно с постановлением св. Синода, изображенным в предписании внешнего правления спб. д. академии от 28 авг. 1841 г. и вследствие приказаний г. директора Дух. уч. управления при св. Синоде, отпуск учеников из семинарии в праздничные дни делается по следующим правилам: 1) увольняются только исправные по учению и благонадежнейшие по поведению, 2) увольняются только к родителям и еще к тем из близких родственников, которые лично или письменно просили инспектора об увольнении к ним учеников и изъявили ему желание всегда принимать их к себе, 3) увольняются всегда до 8 часов вечера, и только по особенной просьбе родственников и по уважительным причинам часом, и не более как двумя, позже; на ночь же согласно с 76 § Проекта уст. сем. не

увольняются. 4) Выходят из семинарии ученики с получаемыми от смотрителя дома билетами, в которых означается время выхода учеников и срок, до которого они уволены инспектором из семинарии и 5) увольняемым ученикам вменяется в обязанность на обороте билетов брать свидетельства от родственников, к которым они уволены были, в том, что они действительно провели время у них, и в какое время вышли от них. Ближайший надзор за своевременным возвращением учеников и за исправности приносимых ими свидетельств принадлежит смотрителю дома; к нему и являться обязаны ученики с билетами своими по возвращении в семинарию». Положено было завести шнуровую книгу, «в которой родители и заслуживающие доверия родственники, желающие принимать к себе учеников в праздничные дни, должны дать правлению семинарии расписку в том, что они и желают принимать к себе известных учеников и обязуются под строгою ответственностию наблюдать во время отпусков как за поведением, так и за здоровьем оных; и во 2-х вменить в обязанность инспектору увольнять учеников с соблюдением всех вышеизложенных правил только к тем родителям и родственникам, которые дадут такие расписки; к прочим же не увольнять, а только позволять им иметь свидание с учениками в приемной комнате семинарии, и при том не иначе, как с ведома смотрителя дома. Правление академии, просмотрев эти правила в 1844 г., одобрило их и с своей стороны сделало некоторые дополнения, напр. между прочим то, что «принимающие к себе воспитанников обязуются о всех приключившихся в бытность у них с воспитанниками особенных случаях, которые препятствуют им явиться к сроку в семинарию (напр. болезнь и т. п.), немедленно извещать инспектора, который по сему извещению, с ведома ректора, распоряжается или об оставлении воспитанника до известного времени на попечении родственника, или о способах к немедленному доставлению его в семинарию. К лицам, который окажутся нарушившими требование предыдущего пункта, или к которым, быв отпущен, воспитанник возвратится в семинарию неисправным в каком бы то ни было отношении, отпуск воспитанников прекращается до известного времени, или на весь год, по усмотрению инспектора, с ведома ректора семинарии». Дух. уч. управление сообщило чрез академию, что все эти правила утверждены об. -прокурором, «с таким только дополнением, чтобы усмотрение в рассуждении благонадежности желающих принимать к себе воспитанников относилось преимущественно к обязанности инспектора, под главным, однако же, наблюдением ректора, с полною его в том ответственностию».

Эти правила находятся отчасти в связи с случаем, бывшим в 1843 г. с воспитанником Афанасьевым, который, быв уволен из семинарии, ехал на извозчике и упал, а на ехавшим сзади извозчиком у него была сломана рука; в том месте, куда он ехал и был привезен с сломанной рукою, его в течение 10 дней держали и только мазали руку муравьиным спиртом. Вследствие этого и последовало предписание о составлении новых правил относительно отпусков и лиц, к которым увольняются воспитанники.

В 1844 г. после каникул некоторые из воспитанников не являлись в течение недели, о чем донесено было инспектором правлению; сделан был чрез консисторию запрос к родственникам, от которых чрез духовные правления последовали ответы в семинарию, со свидетельствами о болезни неявившихся в срок учеников. Иногда помощников инспектора посылали проверять, правда-ли что болен ученик, о котором представляли свидетельство (1843 г.)

В феврале 1846 г. по поводу донесения инсп. Мишина о том, что ученик высш. отделения Н. П—ов вопреки его приказанию ушел из семинарии к родственнику-священнику до 9 часов вечера, постановлено: «так как проступка такого еще и не бывало в семинарии и потому виновный заслуживает примерного наказания: но полагая, что он почувствует всю важность вины своей и исправится, объявить ему, чтобы он в течение 2-х месяцев не просился из семинарии никуда между тем иметь за ним строжайший надзор и после каждого праздника доносить о его поведении особо, причем объявить ему и то, что ежели он учинит что либо подобное, то будет исключен из семинарии». Окончил курс в числе самых последних.

Гораздо чаще встречаются случаи нетрезвости воспитанников, несмотря на всю энергичность борьбы начальства с этим пороком, с которым связывались и другие проступки, напр. невозвращение в срок в семинарию, ложь и т. п. Порок этот в рассматриваемую эпоху не составлял, конечно, такого открытого и постоянного явления, как до 40-х годов. Обыкновенно из города возвращались некоторые в нетрезвом виде, в стенах же семинарии выпивать было

весьма затруднительно, хотя, по словам бывших воспитанников, иные ухитрялись и в самой семинарии выпивать, добывая вино тайными путями, тогда как даже булку нельзя было купить безнаказанно. За нетрезвость, даже в смысле единичного случая, обыкновенно исключали без пощады, или переводили в другую семинарию. В янв. 1842 г. воспитанник низш. отд. И. Б. замеченный в нетрезвости и разных шалостях представлен семин. правлением к переводу в другую семинарию. Предписано перевести его в вифанскую, «так как сия семинария по уединенному своему положению более других представляет возможности к сохранению доброй нравственности воспитанников». Смотрителю Камышникову поручено было приискать в одном из дилижансов в Москву место для воспитанника, закупить теплую одежду и проводить его в дорогу. Впоследствии ученик этот, говорят, пропал без вести. В дек. 1842 г. воспитанник Д. Ф. замечен был в нетрезвости и при допросе заявил, что выпил 3 рюмки сладкого вина у дьякона Троицкой церкви в Галерной гавани. Назначен был к переводу в псковскую семинарию, но отправлен в новгородскую, по просьбе матери; поступок же диакона, по приказанию об. -прокурора, представлен был на рассмотрение викария, еп. ревельского Иустина. Тогда же исключен вовсе из семинарии ученик средн. отд. С. замеченный инспектором в нетрезвости, хотя прежде вел себя хорошо, но успехов был недостаточных. Об. -прокурор утвердил постановление. В том же году еще двое попались в нетрезвости: из них одного исключили, другого, от которого только пахло вином, по наказании карцером, поручили строгому надзору инспекции и лишили отпуска с мая до вакации. Исключенный поступил в хор митрополита и просил у него дозволения приватно ходить в семинарию на уроки; митр. Серафим передал дело на рассмотрение семин. правления, которое ответило, что без разрешения высшего духовно-учебного начальства не может принять исключенного; митрополит написал: «просить о сем разрешения у высшего училищного начальства». Но Дух. уч. управление сообщало семинарии, что, по распоряжению об. -прокурора, певчий, о котором просили, не может быть допущен приватным в семинарию, «потому что исключен не по малоуспешности или каким-либо другим недостаткам, а за нетрезвость, порок нетерпимый в дух. -учебном заведении. В следующем году ученик Р. уволенный за то, что, по донесению инспектора, возвратился в семинарию «несколько в нетрезвом виде», также снова просил о принятии его, но правление отказало, а митр. Антоний написал: «правление семинарии объявит просителю, с надлежащим вразумлением; что он потому именно и исключен из спб. семинарии, что в ней, как в образцовой, после дурного поступка своего, терпим быть не может и не должен. 2 окт. 1843 г.». Тогда же ученик А. Т., по донесению инспектора, возвратился в нетрезвом виде и был допрашиваем в правлении, но заявил, что ничего хмельного не пил. Об нем донесено было Дух. уч. управлению, с мнением об исключении; об. -прокурор утвердил это мнение. В 1844 г. ученик средн. отд. А. В. замечен был помощником инспектора в нетрезвости, а «пил вечером в умывальной комнате, в которой запер его на это время служитель Иванов, купивший вина». Исключен, с прописанием в свидетельстве: «был замечен 30 дек. 1844 г. нетрезвым». После этого до 1847 г. не встречаем донесений инспекции о нетрезвости. В означенном же году ученик средн. отд. Л. уволенный к родственнику проф. Боголюбову, опоздал к ужину и пришел после ужина прямо в спальню нетрезвый, по донесению старших. Оказалось, что у профессора вовсе не был и подпись на билет сделал сам. Вероятно, только вследствие ходатайства родственника профессора, он исключен не был, но, по желанию отца, наказан розгами, на 4 дня посажен на хлеб и воду и лишен отпуска на продолжительный срок. Но вскоре после того ученик С. И. уволенный к дяде дьячку и возвратившийся нетрезвым, сознавшись, что был у одного певчего Петроп. собора, а не у дяди, исключен был с прописанием в аттестате о причине увольнения. В 1848 г. было донесение инспекции о нетрезвости ученика И. И. который, быв уволен по просьбе матери до 9 часов вечера, «возвратился несколько нетрезвым», был же у дяди для поздравления с чином. Постановлено: «так как нетрезвость есть порок нетерпимый в дух. воспитанниках, и правление семинарии уже не раз наказывало за оный исключением из семинарии, и, несмотря на это, ученик И. И. дерзнул быть и явиться в семинарию не в своем виде; то, с одной стороны, в должное наказание ему, а с другой дабы не ослабить ко вреду прочих учеников мер строгости, принять правлением относительно сего порока, немедленно исключить его Л. из семинарии и уведомить о сем об. -священника Кутневича (к ведомству которого он принадлежал). Вскоре потом исключен еще ученик А. Г. за «некоторую нетрезвость», обнаруженную при посещении

комнат ректором Христофором, а так же и за самовольную отлучку. В виду того, что около этого времени были три случая увольнения из семинарии за нетрезвость, на которые обратил внимание в своем отчете и ревизор архим. Макарий, последовало чрез академию предписание от обер-прокурора: «иметь строжайший надзор за образом жизни и поведения учеников, употребляя все зависящие меры к искоренению в них наклонности к пороку». После этого не делалось пощады и родственникам наставников. Так В. И. перемещенный из костромской семинарии, по желанию брата, профессора спб. семинарии, замечен был в нетрезвости и неприличном объяснении с помощником инспектора, и за это обратно выслан в костромскую семинарию, где принят под особый надзор. До конца 50-х годов встречаем и еще несколько случаев увольнения за нетрезвость, и увольнения немедленного, хотя напр. иногда оставалось до экзамена две недели, и даже до окончания курса. Некоторым, учившимся исправно, предоставлялось право поступления в другую семинарию, по усмотрению местного начальства.

Из других проступков в донесениях инспекции указываются иногда – непослушание, дерзость и сопротивление воле начальства, которые наказывались так же весьма строго – переводом в другую семинарию, или исключением, но случаев подобных проступков не много. В 1844 г. два воспитанника, просившие прибавки кушанья за столом, бросили ложки на стол и громко засмеялись, когда помощник инспектора приказал подать им новое блюдо того же кушанья; как неотличавшиеся и прежде добрым поведением, были исключены из семинарии за «поступок нетерпимый в дух. воспитанниках и вредный по своему влиянию для других». Около того же времени ученик Т. за неуважительное обращение с смотрителем Мещанковым лишен был должности старшего и посажен в карцер на сутки, с донесением Дух. учебн. управлению. В 1848 г. ученик высш. отд. С. оказал грубость и неповиновение смотрителю дома Соколову, который и донес об этом Дух. учебн. управлению; на запрос оттуда отвечено, что хотели исключить ученика, но сам смотритель Соколов не пожелал губить его, кроме того за ученика просили – родственник обер-прокурора сената и учитель семин. Зыков, поэтому он наказан розгами, «что для ученика высш. отделения до последней степени чувствительно и унижительно», сверх того, поручен особому надзору инспекции, с угрозой об удалении из семинарии. – В мае 1850 г. ученик высш. отделения Н. В., занимавший первое место в списке успехов, «в столовой в присутствии помощника инспектора показал своеволие и дерзость, бросил порцию говядины на пол, признав ее неудовлетворительною», и за это лишен был должности старшего, 1-го разряда в списке и заключен на 3 суток в карцер, с условием, если не будет потом замечен в каких либо неисправностях по поведению, возратить ему надлежащее место в списке. Год вел себя скромно и включен в 1-й разряда – В декабре того же года, по донесению инспектора, ученики средн. отд. просили новые одеяла и, когда не получили, по распоряжению начальства, то порвали до 30 старых одеял и сложили в кучу. Вследствие внушений инспектора, четверо повинились, еще пятеро обвиняемых не сознавались, но 4 из них обличены другими учениками. Четверых более виновных определено исключить, а менее виновных пятерых перевести в новгородскую семинарию. Один из исключенных подавал прошение митроп. Никанору о перемещении его в псковскую семинарию, но митрополит написал: «эту просьбу оставить без удовлетворения». Обер-прокурор утвердил решение сем. правления. – В 1852 г. воспитанник высш. отд. Р. в нетрезвом виде вооружал товарищей против старшего и бранил его за донесения инспектору, и за это был исключен, тем более что прежде не отличался добрым поведением. По этому поводу пятеро товарищей исключенного так же восстали на старшего и бранили его (в 11 часов ночи, в спальне). Инспектор сделал об этом донесение правлению, как о дерзости, своеволии и желании укрывать проступки. Правление хотело исключить этих учеников, но, принимая во внимание прежнее одобрительное поведение их, оставило на месячное испытание, назначив стоять на коленях в столовой и лишение отпусков до усмотрения, с объявлением всем ученикам, «что правление семинарии примет строжайшие меры против грубых и вредных порывов запирательства виновных и особенно против оскорблений каким бы то ни было образом тех воспитанников, преимущественно старших, которые доведут до сведения начальства о каких либо проступках учеников». Около того же времени воспитанник А. В. не хотел остричься, по приказанию смотрителя, и стал на колена не среди столовой по назначению инспектора и требованию его помощника, – а у стены. Возник вопрос об его

исключении, «но в той мысли, что означенный поступок мог произойти более от рассеянности и неблагоразумия нежели от укоренившейся склонности к непослушанию, и в надежде исправления, (решено) оставить его», наказав трехдневным стоянием в столовой за обедом и ужином на коленях и лишением отпусков до усмотрения. При этом определено внушить всем ученикам, согласно 10 § введения к уст. сем. «чтобы всегда все приказания начальства и наставников принимали со всею почтительностью, выполняли со всею точностью, и ни под каким видом не доводили до вторичного приказанья». Случаев столкновения с наставниками в классе почти не видим в особых донесениях до конца 50-х годов. Только в самом начале 1841 г. было инспекторское донесение о девяти учениках высш. отд. произведших беспорядок в классе у помощника инспектора Дашкевича (занимались посторонним делом), из них зачинщик И. переведен был в псковскую семинарию, а остальные наказаны стоянием на коленях и лишением отпусков «впредь до особого разрешения». Через 4 месяца инспектор доносил о их добром поведении, и семин. правление ходатайствовало пред Дух. учебн. управлением о снятии с них наказания. Но двое раньше разрешения ушли самовольно в город и возвратились в нетрезвом виде. Приговорены к исключению, о чем представлено Дух. учебн. управлению, и обер-прокурор сделал подтверждение о немедленном увольнении.

Затем в Мишинскую эпоху случая три видим исключения из семинарии по подозрению в краже. О табакокурении особых донесений почти нет; вероятно, оно не было довольно открыто и преследовалось собственными мерами инспекции. Но в 1854 г. поступило донесение о курении ученика средн. отд. И. А. в коридоре, как о проступке «нетерпимом в воспитанниках всех учебных заведений, а тем более духовных заведений, и склонности к непослушанию» (так как этот ученик раньше был уже штрафован инспектором за курение). Правление постановило: хотя и следовало бы исключить И. А., но оказать ему снисхождение, заключить на 3 суток в карцер на хлеб и воду, два месяца не увольнять в город и иметь под особым надзором, при этом объявить всем о крайнем неприличии для духовных воспитанников курения, с угрозой строгого взыскания за такого рода проступки. Попытка купаться в Черной речке в 1844 г. была замечена и наказана 2-х дневным карцером и обращено внимание смотрителя на привратников. Особые донесения инспекции до конца 50-х годов почти исчерпываются вышеприведенными случаями. Но помимо них, были особые аттестации учеников в инспекторских списках по поведению, представлявшихся ежемесячно семин. правлению, а на основании их составлялись годичный ведомости о поведении для академического правления. В еженедельных донесениях смотрителя дома обозначались так же те или другие, менее важные проступки и наказания за них, налагавшиеся самим смотрителем, напр. за ссору с товарищем – карцер на сутки (1842 г.), за ссору соединенную с грубостью при допросе – карцер на 4 суток, за игру в карты – стояние на коленях в столовой, за лежание на сене на чердаке – стояние в столовой без обеда; за дерзость с служителями и драку – карцер 5 дней (1844 г.), за табакокурение – лишение отпуска на несколько дней. С конца 50-х годов замечается уже иное состояние и направление нравственной части; сообразно духу времени, воспитанникам оказывается более снисхождения и льгот, наказания становятся значительно легче, со стороны высшего начальства делаются попытки усиления собственно нравственного влияния и разных моральных мер, но в тоже время надзор инспекции постепенно значительно ослабевает, инспекторы часто меняются и со стороны их замечается отчасти стремление как бы скрывать проступки и заявлять правлению только о самых нетерпимых случаях неблагонавия. Ревизор Карпов в 1863 г. писал в своем отчете: «в семинарии не велось книг поведения учеников, в которую записывались бы особенно замечательные нравственные поступки, чтобы потом составить правильную характеристику нравственной жизни каждого из них, и то, что инспектор знал о поведении воспитанников, оставалось достоянием субъективных его воззрений и убеждений; между тем когда составляем был разрядный список учеников, окончивших курс семинарии, некоторые из наставников заявили, что известные ученики оскорбляли их грубостями и дерзостями, о чем они в свое время доносили начальству, но официальных документов, которыми подтверждались бы эти заявления, никаких не представлялось».

Но и из тех донесений инспектора, которые делались, можем заключать, как поведение воспитанников, сравнительно, ухудшилось, меры же взыскания стали более снисходительными. В конце 1857 г. инспектор (преемник Мишина, старавшийся, впрочем,

поддерживать прежнюю дисциплину) доносил, что несколько учеников пили чай в кучерской комнате; помощник инспектора велел взять у них чайники, отнести в кухню и отдать повару для хранения, но человек 20 воспитанников высш. отд. пришли и отняли чайники, впереди прочих были двое, которые названы были служителями; приговорены правлением к трехдневному карцеру, с поручением особому надзору инспекции. В следующем году было донесение о несвоевременном возвращении двух учеников низш. отд. в нетрезвом виде, (около 12 часов ночи) «под руководством и по ободрению воспитанника высш. отд. А». Первые два наказаны уединенным заключением на 4 суток, а последний на одни сутки – на хлебе и воде, с поручением особому надзору. – Прежние строгие правила об отпусках изменяются, инспектор Иосиф представлял правлению о дозволении увольнять воспитанников на ночь в праздники, до утра следующего учебного дня, по просьбе их родителей и родственников. Правление дозволило, но «с тем, чтобы воспитанники, не возвратившиеся к началу классов, впредь уже были лишаемы подобных отпусков, на праздники же продолжительные увольнять на все праздничное время (Рождество, или Пасху), но к благонадежным лицам». В донесениях того же инспектора указываются проступки, прежде не встречавшиеся, или случавшиеся довольно редко: опаздывание в класс, хождение по коридорам во время уроков, грубость по отношению к старшим, курение без разбора места и проч. В низш. отд. «мальчишеские шалости и неряшество», по словам инспектора, «были не столько наказываемы, сколько вразумляемы, чтобы сами стыдились подобных шалостей». На воспитанника же М. Н. инспектор несколько раз доносил, как отличавшегося дерзким характером и духом непокорности, явным невниманием к правилам семин. инструкции и нарушением их. Сначала этот ученик уволен был из семинарского общежития, но, по донесению инспектора, стал манкировать уроками и ходить «в светском наряде, с манжетами, в шарфе с брошкой». Получив за это от инспектора выговор в классе, пришел к нему на квартиру для объяснений, и, когда инспектор не хотел вступать с ним в объяснения, Н. прислал к нему дерзкое письмо, «обличающее дух противления всякой власти». После того был наконец уволен из семинарии. Так же воспитанник высш. отд. В. М., по донесению инспектора, не раз отличался грубым обращением с помощниками инспектора и дерзко заявлял помощнику свое неудовольствие на пищу в столовой; был приговорен правлением к лишению казенного содержания, но так как не имел чем содержаться, то был назначен к перемещению в псковскую семинарию, но, с разрешения митрополита, поступил в новгородскую.

Высшее начальство от времени до времени обращало внимание на улучшение нравственности духовных воспитанников. Так в 1858 г. от 29 января было предписано академическим правлением, согласно определению св. Синода, «не переводить в богословский класс воспитанников семинарии, замеченных в каких либо предосудительных проступках». В виду этого в 1860 г. не был допущен даже приватно в семинарию исключенный из средн. отделения К. Но об отметках по поведению в аттестатах и свидетельствах предписано, согласно определению св. Синода от 4 марта 1858 г., чтобы он «был делаемы с особенною осторожностью, ибо указания на недостатки поведения более всего вредно для воспитанников, заграждая или затрудняя им путь ко вступлению в гражданскую службу, тогда как в юности или детстве недостатки поведения большею частью происходят от детского неразумения, а не от закоренелого упорства». Предписывалось отмечать поведение не ниже дов. хорошо; только за важные пороки, которые требуют исключения из духовного ведомства, дозволено отмечать: поведения неодобрительного. В следующем году, как упоминалось выше (стр. 335), определен был штатный священник к церкви спб. семинарии, с предписанием, «чтобы он был духовником воспитанников и таким образом мог удобнее вникать в их нравственное настроение и помогать начальству в развитии и укоренении в них благочестия»³²⁴. На основании так же указа св. Синода от 22 мая 1861 г. вследствие нередко возникающих «дел о проступках духовных лиц против должностей и благоповедения», предписано начальствам духовно-учебных заведений «строго наблюдать за развитием нравственных наклонностей духовн. воспитанников и при поступлении их из училищного в епархиальное ведомство, представлять епархиальному преосвященному возможно верные и полные об их характерах и склонностях сведения», чтобы, если начальство, или благочинные, под надзором которых состоят кончившие курс, или сам архиереи – заметят в них «склонности несоответствующие нравственным качествам, какие по заповеди св. апостола Павла, должны

иметь священнослужители, – епархиальные начальства ни по каким уважениям не допускали их до восприятия священного сана».

Не видно, однако же, чтобы подобный предписания сопровождалась успешными результатами. Напротив, поведение воспитанников к концу рассматриваемого периода все более ухудшалось, сколько можно судить по инспекторским донесениям по фактам обнаруженным ревизией 1863 г. и частью по рассказам бывших воспитанников. Кроме заявления инспектора о неявке из города отлучившихся, о курении в занятых, о грубости с начальством и проч. в донесениях встречаем факты в роде следующего: одного из воспитанников, купавшегося вопреки семинарским и полицейским правилам в Черной речке, булочники поймали и вели, но несколько других воспитанников напали на них, отняли товарища, сорвали у одного из булочников несколько пуговиц и полицейский знак. Ревизор Карпов особенно обратил внимание на неуважительное и дерзкое обращение воспитанников с наставниками и за это многие были понижены им в разрядном списке. Академическое же правление поставило на вид семинарскому неодобрительный отзыв ревизора о поведении воспитанников и предписало «употребить особое внимание по нравственной части». После этого инсп. Палладий составил новые инструкции для воспитанников и помощника инспектора, «соответственно тогдашнему положению воспитанников»; просили третьего помощника инспектора, но акад. правление отказало. Между тем ученики не подчинялись требованиям дисциплины, некоторые самовольно отлучались из семинарии на более или менее продолжительный срок, уезжали напр. на страстную и Пасху без разрешения, другие в классах заявляли себя крайне распущенным поведением, иные по ночам уходили в город через забор в саду, прикрываясь вместо верхней одежды, которую не всегда можно было достать, одеялами как бы пледами, посещали театры и целой компанией собирались в одной из пирожных лавок – пить пиво, причем давали свои семинарские концерты, входили в знакомство с посторонними посетителями обоих полов, иногда же затевали с ними и крупные ссоры и возвращались в семинарию иные в весьма нетрезвом виде. Семинарскому же начальству, по видимому, это оставалось неизвестным; оно редко вообще посещало учеников, а старшие часто бывали за одно с ними и обманывали начальство, и тем больше, чем оно было доверчивее и наивнее, в роде инспектора Феодосия. Остававшиеся дома воспитанники также не стеснялись в своем времяпровождении, играли в карты, собирались в бане для музыки, или водокачальне – для выпивки, а летом – преимущественно в саду, – читали светские книги запрещенные, устраивали домашние театры, которые также преследовались начальством, но против инспекции предпринимались разные хитрости и уловки, иногда весьма не нравственного свойства, против же таких лиц, как помощник инспектора Л–н, отличавшийся особенной охотой накрыть и изловить, предпринимались иногда даже весьма дерзкие меры³²⁵. Если же можно указать и некоторые добрые проявления в поведении воспитанников, то они едва-ли зависели от тогдашних собственно официальных педагогических мер и действий инспекции, а объясняются частью личным влиянием некоторых наставников, и отзывчивостью семинариста на доброе, душевное слово и внимание к себе, частью и влиянием общественного товарищеского мнения, развивавшегося вследствие чтения и духа времени.

Так, для училищных воспитанников семинария представлялась как бы некоторым идеалом и допускать в ней разные училищные выходки, грубости и невежество считалось неприличным. Напр. училищные драчуны, привыкшие к кулачной расправе с товарищами, по переходе в семинарию, должны были оставлять свою привычку, под влиянием общего голоса товарищей, что «здесь не училище, драться нельзя». Училищные прозвища в семинарии заменялись уже фамилиями, иногда и полными именами, или уменьшительными, но товарищески-дружелюбными. В пример нравственного влияния некоторых наставников можно указать из воспоминаний одного бывшего воспитанника сочувственный отзыв о проф. Вл. Никольском, который «на первой же лекции покори́л учеников своею сердечною речью»... Заботясь об их умственном и нравственном развитии, желая пробудить в них здравую мысль, укрепить в их молодых умах начатки истины и добрый дать толчок на будущее развитие, он заслужил особенную признательность от них, так что они гордились именем «учеников Никольского» и, по оставлении семинарии, сохранили любовь и привязанность к своему учителю³²⁶. Бывшие воспитанники вспоминают и о других наставниках, отличавшихся вежливым и гуманным обращением и пользовавшихся уважением и влиянием в среде воспитанников. Подобное

можно сказать и о некоторых начальниках, в роде напр. Платона, которого особенно уважали за серьезность и гуманность в отношении воспитанников; он выражал заботливость о них, предпринимал и некоторые современно-педагогические меры, выписывая для них книги, разрешая прогулки на двор и в саду – зимою, с выдачей верхней одежды и т. п. В иных из начальников воспитанники ценили добродушие, простоту и снисходительность и преклонялись пред ними, по крайней мере на глазах. Но вообще начальство рассматриваемого времени стояло очень далеко от воспитанников, и они, более или менее исправные официально, за глазами начальства делали, что хотели, и не только никаких дисциплинарных правил и инструкций по поведению не признавали, но иногда нарушали и общие правила благоприличия и нравственности. Так что, когда издан был новый семинарский устав, нужно было применять и к петербургской семинарии строгие требования реформы, начальству пришлось вступить в борьбу с воспитанниками. Благодаря энергии тогдашних ректора и инспектора – второго после Мишина в светском звании, – распущенность учеников постепенно искоренялась, несмотря на их сопротивление и дерзкие протесты, в роде напр. разбития стекол в квартире инспектора брошенным снаружи большим камнем, который влетел даже в комнату. Впрочем, явления нравственной распущенности, своеволия и непокорности воспитанников были более или менее общими в семинариях начала 60-х годов, (как и в светских заведениях). О петербургской же семинарии можно даже заметить, что здесь подобные явления не достигали еще таких крайних пределов как в некоторых других семинариях³²⁷.

Экономическая часть

Помещение, обзаведение новых зданий и содержание дома и хозяйства

Новое помещение с. петербургской семинарии, по описи 1841 г. (см. стр. 309) представляется в следующем виде. «Главный корпус построен на пространстве 40 пог. саж. длины и 11 п. с. ширины без выступа, а с выступом 13 п. с. (вышиною в 4 этажа, стены нижнего этажа снаружи обложены цоколем, а остальной фасад не оштукатурен; покрыт листовым двухаршинным железом с 18 водосточными трубами; на крыше коего 31 дымовых труб; кругом всего строения сделан тротуар в два ряда аршинной плитой, с отмосткою булыжным камнем; окружен каменным забором, длиною на 270 пог. саж. с 4 воротами и 3 калитками, (из них одна после заделана), в коем на лицевой стороне сделана железная решетка на пространстве 40 п. с. На заднем дворе флигель одно-этажный длиною 15, а шириною 6 пог. саж., не оштукатурен, покрыт листовым железом; и при одних воротах, с Обводного канала, каменная сторожка, покрытая листовым железом». (После – здания оштукатурены, когда совсем просохли).

Далее идет описание внутреннего помещения, с подробным исчислением разных принадлежностей, задвижек, петель, крючков, стекол и пр. По подвальному этажу: боковой вход в главный корпус с восточной стороны; отсюда идут помещения: для качания воды (проведенной из обводного канала), для пекарни и квасоварни, для подымания кушанья, для сторожей; главная кухня с двумя очагами, далее – гардеробных 2, кладовых 3, комната для швейцара, 2 комнаты для смотрителя, 2 комнаты для служителей; кухни – ректора, инспектора, для лазарета, комната (остававшаяся вначале без назначения); коридор. По 1-му этажу: с боковой лестницы с западной стороны здания – комната для ванной, лазарет о 4-х комнатах; квартира ректора при входе с парадной лестницы (на лево) о 6 комнатах в 8 окон; 2 комнаты запасных; приемная; правление, в котором, кроме первой комнаты, комната присутствия и комната для секретаря; комната эконома; столовое зало о 9 окнах, буфет, комната отхожая с ватерклозетом; коридор. По бель-этажу: от входа в коридоре по черной лестнице – комната для физического кабинета; комната для занятий № 4; библиотека о 5 окнах; церковь и зал собраний о 7-ми окнах: для разделения алтаря от залы собрания сделана филленчатая складная перегородка, в виде ширм; комнаты для занятий № 1, 2 и 3-й; класс высшего отделения о 3-х окнах, среднего о 4-х, низшего отделения 1-й и 2-й классы, каждый в 3 окна; квартира инспектора в 3 комнаты, о 4-х окнах, с особым ватер-клозетом;³²⁸ малая комната; коридор. По 3-му этажу: отхожая комната, умывальная с медным рукомойником на 11 мест; спальня № 3-го; комната для занятий № 6; спальня № 2-го; отхожая комната; умывальная; спальня № 1-го; комната для хранилища; спальня № 4-го, спальня № 5-го; комнаты для служителей – 2. Всех окон ведом 195. Флигель на двор, позади главного дома: баня из 3-х отделений – раздевальни, мыльни и самой бани; кучерская; сараев 2, конюшня; ледник; чердак с каменной лестницей. Немного спустя, здесь же построены: отхожее место с помойной ямой и деревянный забор.

Под строением, двором, плацом и садом заключается земли 7200 квадр. саж. Двор вымощен булыжным камнем; перед фасадом устроены куртины, который обнесены деревянными надолбами.

На построение зданий и устройство тротуаров, мостовой, каменного забора и подземельной трубы по смете ассигновано 185556 р. 43 к. с, а израсходовано 145905 р. 81 к. с., таким образом против сметы сбережено 39650 р. 62 к. На вышеозначенные же пристройки, произведенные после и невошедшие в общую смету, употреблено еще 693 р. 13 к. с. Всего издержано на постройку семинарии 146598 р. 94 к. с.

На обзаведение нового помещения семинарии мебелью, столовыми, спальными, кухонными и др. приборами, так же церкви – ризницею, книгами и др. церковными вещами, в марте 1841 г. выслано из Дух. уч. управления 15520 р. с., с предписанием вести отчетность по трем статьям отдельно: столовые и спальные принадлежности, мебель, церковь. Издержано: на посуду с столовым бельем и спальные принадлежности 6020 р. 58 к. у на мебель 5675 р. 73 к., на ризницу, церковные принадлежности и книги 3622 р. 59 к.³²⁹ Но вскоре потребовались еще расходы – на освящение церкви, иконы для классов³³⁰, койки, половики, щетки и разные починки до 1500 р. Для больницы, по представлению врача Даковского, куплено медико-хирургических инструментов более, чем на 100 р. При этом, некоторые вещи перенесены были

из старой семинарии в новую, другие оставлены в пользование училища. Новое помещение по своей чистоте и удобствам, особенно на первых порах, приводило в удивление воспитанников, поступавших в семинарию из училищ. Некоторыми порядками приказано было заимствоваться в светских учебных заведениях, отличавшихся чистотою и внешним благоустройством³³¹.

Два раза (1841 г. и 1842) составлялась смета на разведение сада, на пустом месте сзади здания в 2715 квадр. саж., также палисадов и устройство забора, но та и другая смета (в 6900 р. и 4861 р.) найдены св. Синодом слишком значительными, и дело оставлено до другого времени. Тогда семин. правление, в виду болотистого места и вредных испарений и необходимости сада для прогулок воспитанников, – разведение сада сделало «предметом ежегодных практических занятий учеников по классу сельского хозяйства, под руководством наставника». В 1846 г. куплено 7 кустов калины и 300 березок; в 1849 г. вместо посохших приобретено 200 новых березок для посадки с лицевой и задней стороны здания. Также в 1854 г. прикуплено 250 березок и 10 разных кустов. В 1849 г. требовалось между прочим в саду вырывать канавы, ров, очистить пруд, уравнивать землю, исправить заново 4 дорожки, устроенные домашним образом, а сделать 2 новых; насадить дерев – липы, ясени, клена; исправить подземную водосточную трубу: за все это подрядчик назначил 625 р. с. Правление 200 р. определило заимствовать из остаточных сумм, а 425 испросить у высшего начальства, которое и выслало просимую сумму.

Вследствие того, что в 1843 г. загорелась балка в семинарском доме, Дух. уч. управление постановило назначить особую комиссию для осмотра всех балок и дымовых труб, с каковою целию во всех этажах поднимались полы, затем архитектору Щедрину (1844 г.) поручено было, при депутате от минист. путей сообщения и публ. зданий, инженер Лидерсе, сломать печи, для осмотра балок. Постройка оказалась удовлетворительной. Но от высшего начальства последовало внушение правлению о наблюдении осторожности и частых освидетельствованиях. Переписка по делу закончилась только в 1847 г. В 1844–45 г. по распоряжению высшего начальства, к 62 существовавшим топкам прибавлены вновь 23, – камины в ученических спальнях, занятых комнатах, классах, больницах и ватерклозетах. Вскоре (1851 г.) Дух. уч. управление назначило своего эзекутора для осмотра семинарии, с целию определить, какие и сколько пожарных инструментов нужно для семинарии и училища. Он разделил инструменты на 3 разряда, указал место, где их поставить, предложил назначить особого служителя для надзора за ними, а других служителей приучать действовать пожарными трубами и насосами. На запрос акад. правления, семинарское отвечало, что соображения эзекутора основательны, но сумм никаких не имеется на приобретение, постановку и ремонтровку инструментов. Еще в 1842 г. смотритель Камышников приторговал пожарных труб на 76 руб., но разрешения на приобретение их не последовало. – Обращаюсь внимание и на другие условия в отношении помещения. В 1850 г. архитектор доносил, что дурной запах в семинарии можно устранить посредством устройства вентиляторов и соблюдения учениками порядка в ватерклозетах. Устроено было 8 вентиляторов в треть ватерклозетах на 44 р. В 1858 г. прозектор Импер. медико-хирургической академии, доктор Нордстрем осматривал семинарию и нашел некоторые недостатки, сырость, в больнице неудобства, отсутствие вентиляции, неимение гимнастики. Правление соглашалось с его заявлением и спрашивало, как и что устроить, но дело не получило дальнейшего хода. Но в том же 1858 г. семинарское правление сделало представление на имя митрополита о необходимости построения двух новых каменных флигелей при семинарии, так как помещение, первоначально рассчитанное на 250 воспитанников, стало, с увеличением числа их, стеснительно и неудобно: в классе происходят и домашние занятия воспитанников, в одной и той же зале помещаются: библиотека, физический кабинет и комната для хранения икон по классу живописи; церковь служит и залом собрания³³²; воспитанники из южных славян, поступающие согласно Высочайшему соизволению, имеют нужду в особом помещении (на 25 человек); наконец предполагалось дать и квартиры нескольким наставникам с прислугою. Архитектор Сычев составил планы флигелей, исчислив примерно сумму на постройку их в 75000 р. с. Учрежден был временный строительный комитет из ректора семинарии Нектария (потом Леонтия), инспектора Павла (потом Иосифа); эконома Троицкого, смотрителя зданий Дольского-Михалкевича и секретаря правления Георгиевского. С конца 1858 г. начаты были работы подрядчиком, купцом Платоном Ивановым. В 1862 г. флигеля были готовы; на

постройку их издержано 77067 р. 43 к. с. Ворота с улицы оставлены были только средние, а боковые уничтожены. В один из флигелей (на право от ворот) переведены были: больница и библиотека³³³, занявшие верхний этаж, и баня, помещенная в подвальном эта же; нижний этаж, так же как и левый флигель, отдан под квартиры наставников.

На содержание семинарского дома и хозяйство, по определению св. Синода от 4 – 28 июня 1841 г., принявшего «во внимание с одной стороны недостаток (прежнего) штатного положения на содержание дома спб. семинарии (6000 р. асс.), а с другой, необходимость в преподавании способов к сохранению на будущее время должного порядка и чистоты в новопостроенных зданиях», – положено производить, по сделанному семин. правлением исчислению, – 7172 р. с. 50 к., т. е. на отопление (62 топки) березовыми (312 саж.) и сосновыми (100 саж.) дровами 1004 р. 40 к., а с кухней и баней 1684 р. 40 к., освещение (59 ламповых рожков и 12 ночников) 848 р. 47 к., содержание служителей, числом до 48, 2733 р.³³⁴, ремонт посуды и столового белья 186 р. 63 к., мытье белья 360 р., церковные потребности (просфоры, вино и пр.) 30 р., ремонт дома 1000 р., на конюшню 330 р. С течением времени расходы увеличивались. Так, с прибавлением 23 топков в 1845 г. уже требовалось на отопление 1947 р. 60 к. В 1849 г. напр. на освещение уже требовалось 1091 р. 14 к., на ремонт посуды и столового белья 672 р. 68 к., церковные потребности 97 р. 49 к., на конюшню (3 лошади) 577 р. 25 к., причем недостающие суммы восполнялись, с утверждения митрополита, из остатков, напр. по содержанию воспитанников и др. Но по мере надобности правление обращалось и к высшему начальству. В 1861 г. число служителей увеличено до 55, вследствие представления, по записке смотрителя дома (в виду построения новых флигелей), и на прислугу предположено уже 4636 р. 65 к. Хотя в том же году было предписание держать узаконенное число служителей, но оно не всегда соблюдалось, расходовалось же на прислугу до 4249 р. 15 к. (1865 г.). В следующем году (1862) испрошена прибавка и на освещение: сумма эта была удвоена – 1696 р. 94 к., хотя просили до 2800 р.; но в увеличении суммы на конюшню (до 800 р.) совсем отказано, с предписанием держать 2-х лошадей, вместо 3-х, и пользоваться лучше наймом ямских лошадей, чтобы не тратиться на кучеров и экипажи. В особенности же на ремонт дома постоянно не доставало положенной суммы. Так, еще в 1843 г., по смете архит. Щедрина, требовалось на ремонт свыше 2-х тысяч р., а у правления было в распоряжении только 428 р., поэтому смету пришлось сократить и ремонт ограничили 600 р. В 1846 г. на ремонтные исправления пошло 2144 р. 35 к., в 1849 г. – 3091 р. 9 к. Недостающие суммы уплачивались из остатков, но иногда, особая сумма отпускалась из Дух. уч. управления, так в 1850 г. на ремонт отпущено 1332 р. 50 к., тогда как у семинарии свободных денег всего было до 100 руб. В следующем году на ремонт, даже хозяйственным способом произведенный, нужно было 1100 р., а в запасе имелось только 186 р., недостающие 914 р. испрошены у Дух. уч. управления. В 1865 г. так называемые хозяйственные расходы, т. е. по ремонту, содержанию дома и прислуги, отоплению и освещению, исчисленные по смете правлением, на основании «действительных расходов последних трех лет», и утвержденные св. Синодом, равнялись уже 13432 р. 45 к., а в 1866 г. – 13498 р. 91 к.

Содержание воспитанников

На содержание 100 штатских казеннокоштных воспитанников, по прежнему, полагалось 8570 р. (но 85 р. 70 к. на каждого), но из капиталов Дух. уч. управления выслались и сверхштатные суммы на содержание некоторых бедных учеников на казенном свыше 100, напр. уже в 1842 г. таких было 26 человек. Некоторые из армейских воспитанников пользовались казенным содержанием так же из сумм Дух. уч. управления, напр. в течение 5 лет (1843–48 г.) таких было разновременно до 42-х в семинарии вместе с училищами. Из придворного ведомства Высочайше повелено (1842) принимать на казенное наравне с детьми прочего духовенства (т. е. на основании «Положения о бедных учениках»). На 14 воспитанников, вызывавшихся каждое 6-ти ление из Западной России, выслалась так же особая сумма; затем на иностранцев (греков и славян) даже до 147 р. на человека.³³⁵ Напр. В 1865 г. сверхштатных учеников семинарии, пользующихся казенным содержанием из сумм Дух. уч. управления, было 41, на сумму 3657 р. 70 коп. Что касается своекоштных воспитанников, то относительно их последовало особое определение св. Синода в 1841 г., вследствие предложения об. -прокурора. В бумаге, присланной относительно этого из акад. правления (от 31 июля), между прочим значится: «по разрешению св. Синода, новое здание семинарии обзаведено уже всеми принадлежностями для казеннокоштных учеников, а некоторыми, как-то: постельными приборами и вещами для столовой – на полное число учащихся, и устройство сего заведения по отношению к казеннокоштным воспитанникам не представляет затруднений, напротив того, своекоштные, живущие в семин. здании³³⁶, требуют особенной в настоящее время заботливости, по неимению постоянного правила на счет пансионеров: ибо сии воспитанники вносят сумму только за содержание их пищею и за помещение, а одежду имеют собственную, разнообразную и большею частию не соответствующую казенному заведению; самые оклады, вносимые ими за пищу и помещение доселе, так же разнообразны и именно: от 50 до 100 р. асс. смотря по состоянию родителей, между тем как полная, положенная по штату, сумма составляет на каждого воспитанника 300 р. асс. Таким образом взнос пансионерских денег в меньшем количестве, несоответственном расходам на содержание, естественно производит ущерб семинарской экономии и восполнение оного падает всегда на общие казенные семинарские суммы, тогда как во всех учебных заведениях других ведомств пансионеры допускаются только со взносом полной штатной суммы, положенной на казеннокоштного воспитанника, и заведения не только не обременяются сим, но увеличение числа воспитанников способствует приращению экономии. С перемещением семинарии в новое здание, которое, как выше сказано, обзаведено всеми принадлежностями (кроме одежды) на полное число воспитанников, как казеннокоштных, так и своекоштных, сии последние должны содержаться одинаково с казенными и сохранять совершенное единообразие в одежде. Для достижения сего необходимо нужно постановить правила для семин. пансионеров, (которые и утверждены св. Синодом). 1) Взнос за содержание учеников своекоштных разделить между священноцерковно-служителями столичными, уездными и сельскими на 5 разрядов в нижеследующих размерах: священник петербургский должен вносить 85 р. 70 к. с, протоиерей уездный 57 р. 14 к., здешний дьякон и уездный или сельский священник 45 р. 70 к., здешний дьячек и уездный или сельский дьякон 39 р. 98 к., уездный или сельский дьячек и пономарь 34 р. 28 к. с. в год, – и тогда содержать их наравне с казеннокоштными воспитанниками. 2) Но как оклады последних четырех разрядов не могут покрыть расходов, определенных на содержание казеннокоштных, чрез что должен непременно произойти ущерб в семин. экономии: то для восполнения сих расходов прибавлять каждый раз столько суммы из дух. учебных капиталов, сколько по числу учеников будет нужно, о чем семинарскому правлению и входить с представлением установленным порядком. 3) Правила сии сделать немедленно известными всему духовенству спб. епархии, с таким присовокуплением, что своекоштные ученики не могущие выполнить оных, не будут принимаемы в здешнюю семинарию, а предоставляется им право оканчивать ученье в новгородской и псковской семинариях, ближайших к здешней епархии. 4) По елику... вышеизложенные правила, по разному местопребыванию родителей своекоштных воспитанников, не могут быть приведены в короткое время в действие, то разрешить на

первый раз семин. правлению построить для своекоштных учеников полную одежду по образцам казеннокоштных, и расход потребный на сие единовременное обзаведение по представленному сем. правлением расписанию, принять на счет дух. учебных капиталов, с отпуском исчисленных на сей предмет 8848 р. 50 к. с. ныне же в распоряжение сем. правления, с тем, чтобы (по изготовлении одежды) оно вошло в соображение о пополнении суммы с означенных учеников и донесло бы о сем по надлежащему». Сумма отпущена была на 150 человек, с назначением на каждого по 58 р. 99 к. именно: сюртучная пара темносерого сукна (5 3/4 арш.) 15 р. 99 к. (на два года), другая подобная на один год 12 р. 77 к.³³⁷, летние панталоны и жилет 2 р. 53. к., разные мелкие вещи 2 р. 85 к., три пары смазных полусапог 6 р., шинель темносерого сукна (на 3 года) 10 р. 63 к., фуражка темносерого сукна с кожаным козырьком 1 р., пара перчаток 58 к., белье 6 р. 64 коп. В 1845 г. семинария окончательно уплатила вышеозначенную сумму.

Когда в 1842 г. несколько учеников не уплатили денег за содержание, то чрез академию было предписано: одних, более бедных, по точным справкам, принять на казенное, если они «приобрели внимание к себе хорошим поведением, прилежанием и способностями, других исключить, предоставив им переместиться в другие семинарии; деньги же требовать с учеников за полгода вперед. Деньги за содержание приходилось взыскивать (напр. в 1844 г.) чрез дух. консисторию, при посредстве дух. правлений и благочинных. Но и при этом иногда оставались должники. Так, уволенный из семинарии за нетрезвость И. Л. остался должен за несколько лет 120 р. и хотя поступил в дьяконы военного ведомства, но по бедности не мог уплатить денег; дело оставлено без последствий, по вниманию к крайней бедности Л., но правление постановило: «на будущее время немедленно увольнять из спб. семинарии в другие тех из воспитанников армейского или епархиального ведомства, коих родители или родственники не будут вносить за них добавочной суммы в узаконенные сроки» (1851 г.) Тем больше внимания требовалось по этому вопросу, что прежние недоимки оставались еще невзысканными и с целью упорядочения этого дела в 1844 г., по просьбе секретаря Полисадова, составлен был при семинарии особый комитет о сборной не доимочной сумме с учеников ал. невского училища и семинарии с 1826 по 1841 год.

Из Дух. уч. управления высылалась добавочная сумма на содержание бедных воспитанников по полугодиям в различном количестве, смотря по представлению о числе нуждающихся. Так в 1842 г. 1989 р., в 1845 г. 1543 р. 65 к., за 1849 г. выслано на 67 воен. добавочных денег свыше 2908 р., за 2-е полугодие 1851 г. 1163 р. 78 к. на 53 чел., за полугодие 1852 г. 1232 р. 30 к. на 60 чел., за 2-е полугодие 1854 г. 962 р. на 45 чел. В 1860 г. выслано всего 2925 р. 75 к. (ср. отч. син. об. -прок. 1860 г. стр. 53); на каждого воспитанника добавочных приходилось, напр. в 1848 г. от 40 до 51 руб., в 2 860 г. от 28 р. 56 к. до 51 р. 40 к. и т. д.

Сверх того, из консистории, по прежнему, высылалась сумма на недостаточных учеников, вырученные от продажи венчиков и листов разрешительной молитвы, и из Ал. -Невской лавры – от неполного комплекта соборных иеромонахов, напр. в 1849 г. в два раза из консистории 1480 р. 27 к., из лавры – 171 р. 72 к., в 1850 г. из конс. 1893 р. 70 к., из лавры – 173 р. 87 к., в 1853 г. – 2851 р. 50 к. и – 188 р. 41 к., в 1862 г. – 2296 р. 20 к. и 219 р. 96 к. с. В 1861 г. св. Синодом утверждены были новые «правила о порядке снабжения церковей венчиками и листами разрешительной молитвы и об отчетности в оных», где сказано между прочим, что деньги за них установленным порядком отсылаются немедленно в правление дух. семинарии (§ 6) и что на ректоров сем. возлагается обязанность в дух. консистории наблюдать за верным ходом этого дела, так как выручаемые суммы поступают на содержание бедных учеников (§ 16). – Некоторое вспоможение оказывалось недостаточным ученикам из сиротских сумм от Спб. епархиального попечительства о бедных дух. звания, напр. в 1850 г. таким пособием пользовались 16 человек (вместе с училищами); о них правление должно было сообщать сведения, где именно учатся, давно ли и на каком содержании. В 1850-х гг. был пансионер и от Имп. человеколюбивого общества (Долгомостьев), сын надворного советника. Были и частные пожертвования на бедных учеников сверх сделанных раньше (стр. 213). По завещанию м. Серафима, в цравлении хранились 1428 р. с, проценты с которых должны были идти на содержание дочери тит. сов. Рудина, а после ее смерти на бедных учеников семинарии. В 1854 г. митр. Никанор пожертвовал 2300 р. для содержания на проценты одного из сирот, или детей

бедных родителей. От почетного блюстителя Эзелева поступали пособия, (напр. в 1862 г. 150 р.). В 1864 г. 2-й гильдии купец Мак. Як. Калашников завещал 1500 р. на вечные времена в пользу беднейшего воспитанника сем. под его именем,³³⁸ желающего поступить в священнослужители; в 1867 г. неизвестным лицом пожертвован (через скорохода Высочайшего двора Григорьева) 5% банковый билет в 150 р. в пользу бедных воспитанников. Находящиеся в хоре с-петерб. митрополита состояли на певческом содержании, в 1859 г. напр. таких было 12; но воспитанников на содержании от предоставленных мест уже не видим.

Со введением с 1841 г. новой улучшенной и для всех «единообразной» одежды, с выдачей и верхнего платья – шинелей (на 250 чел.), сделаны улучшения и в столе: вместо 2-х блюд за обедом, согласно донесению эконома Петрова, найдено возможным давать три, за ужином – два. Обер-прокурор гр. Пратасов однажды, при посещении столовой, сказал эконому: «благодарю, мы с вами не дадим ответа ни Богу, ни царю; воспитанники довольны и я очень доволен; царь от нас более ничего и не требует»³³⁹. Жалоб учеников на стол не замечается даже в постные дни. Поступившие из спб. семинарии в академию высказывали иногда, что пища в семинарии – лучше академической³⁴⁰. Столовые принадлежности имели приличный вид, напр. в записках эконома за 1853 г. значатся в пользовании учеников: оловянные миски, мельхиоровые ложки, посеребренные гальванопластическим способом (на 221 руб.), чайные кружки, гантеровские кружки, устроены вновь – 10 скатертей и 302 салфетки, 4 дюжины столовых ложек варшав. серебра, 34 дюжины тарелок («ибо ежедневно в мытье лопаются»). С октября 1841 г. по распоряжению об. -прокурора, для воспитанников заведен был завтрак из хлеба, кваса и соли. Но приобретать какие либо продукты на свой счет строго было запрещено. Булочник, явившийся в новую семинарию, был тотчас же изгнан инспектором Мишиным. Послать служителя за булкой не дозволялось, и если иногда это делали воспитанники, то тайно и с большими предосторожностями, по крайней мере до конца 50-х годов. Впоследствии и в этом отношении стало свободнее. С 60-х годов воспитанникам давался уже казенный чай с французскими булками, на что, по опред. св. Синода от 30 янв. 1861 г., отпускалось 2000 р. с.

Попечение о больных воспитанниках не ограничивалось только содержанием в больнице, на которую вместе с медикаментами по штату полагалось 214 р. 20 к., хотя расходовалось более, напр. в 1849 г. 260 р. 88 к., а к 1866 г. расходы по больнице возвысились до 287 руб.³⁴¹

В 1843 г. было предписание «увольнять не медля учеников больных хроническими болезнями и в семинарию таковых не принимать». В окт. 1847 г. последовало определение св. Синода о мерах и предосторожности против холерной эпидемии, вследствие этого, когда в июне 1848 г. замечены были признаки холеры в 10 семинарских воспитанниках, занятия были прекращены и ученики распущены по домам, в семинарии осталось 49, из которых 8 хотя и находились в больнице, но не холерой были больны. С прекращением эпидемии в городе, ученики были вызваны чрез консисторию к 20-му сентября, согласно и с мнением врача Бобрикова. Мнение доктора Нордстрема (см. стр. 486) о сырости, неудобствах в больнице, отсутствии вентиляции, не достаточности свободного времени для отдыха воспитанников и необходимости гимнастики, было принято правлением 1858 года, хотя и не доведено до полных результатов. В 1862 г. после того как один воспитанник умер от оспы, с которой приехал после вакации, по предписанию спб. физиката, был осмотр всех воспитанников семинарии доктором Бобриковым, и 20-ти из них привита оспа. В 1863 г. золотушных отправили на казенный счет в Старую Русу для пользования тамошними минеральными водами: из семинарии пятерых и из ал. -невского училища 8, в сопровождении училищного надзирателя. – Зубным врачом при семинарии был Вагенгейм, которому, по засвидетельствованию Бобрикова, выдавались иногда денежные награды 100 – 130 р., а в 1861 г. исходатайствован орден Станисл. 3-й ст. – По болезни воспитанники нередко увольнялись домой «впредь до выздоровления», иногда с выдачей прогонов, или перемещались в др. семинарии. По показанию доктора Бобрикова, представившего в 1869 г., при выходе из семинарии, таблицу за последние 5 лет о больных, выздоровевших и умерших воспитанниках, умерший относится к выздоровевшим за его время, как 1: 210.

Вознаграждение служащих

Оклады должностных лиц, за некоторыми исключениями, оставались прежние, по штатам 1836 года. Профессорский оклад был 429 р. с. При этом из ректорского оклада (равнявшегося так же профессорскому) делался вычет от 1/5 до 1/25, если ректор пользовался доходами от управляемого им монастыря, но с 1857 г. это правило отменено³⁴². С увольнением же ректора Иоанникия в 1851 г. от должности настоятеля Ростовского монастыря, ему разрешено, по Высочайшему повелению, производить, в замене монастырских доходов, столовых денег 600 р. После того ректору только лично предоставлялась степень настоятеля первоклассного или второклассного монастыря³⁴³, и жалованья он получал всего 1458 р. другие лица – по прежнему (см. выше стр. 195, 196). Но некоторым оклады были возвышены. Так, помощники инспектора, не состоявшие в должности преподавателей, получали 429 р.³⁴⁴, а состоявшие в этой должности 200 р. 20 к., оклад утвержденный 1 дек. 1840 г. Смотритель дома получал 629 р. 20 коп. Приглашенные вновь преподаватели со стороны получали увеличенные оклады, так, француз Рюо, преподаватель сельского хозяйства Шмальц и художник Солнцев – получали по 573 р., Фриман 300 р. с. за финский язык и потом 300 р. за эстский, за перевод же богослуж. книг особо (см. ниже), помощник Солнцева по классу живописи – 286 р. с.³⁴⁵, техник Коротков 600 р. с, но после него на наем техника 100 – 150 р. и даже 300 р. (1866 г.), преподаватель монгольского языка Попов 1200 р., препод. немецкого языка (с 1856 г.) и французского (с 1857 г.) по 300 р., врач за преподавание еще 143 р. с, каковой оклад, по закрытии медицины, передан учителю при воскресной школе; священник семин. церкви (с 1859 г.) 400 р., дьякон – 300 р. Письмоводители, которых было от 4 до 6,³⁴⁶ получали от 36 р. до 84 (старший).

Наставники из воспитанников дух. академии, по прежнему, получали классные оклады – по ученой степени, пока оставались в духовном звании. В 1845 г. даже было предписано не выдавать классных окладов наставникам овдовевшим, «если только не объявят они письменного желания поступить в монашество». Единовременное пособие, выдаваемое на первоначальное обзаведение воспитанникам академии при поступлении на духовно-учебную службу, в 1843 г. возвышено с 28 р. с. до 50³⁴⁷.

Казенные квартиры в здании семинарии (до 60-х годов) предоставлены были: ректору, инспектору, эконому, смотрителю дома, помощникам инспектора, (которым дозволено было пользоваться и ученическим столом), так же и секретарю. С июня 1842 г. разрешено давать квартиры холостым наставникам семинарии в бывших семинарских комнатах в Александроневской лавре, но с 1857 г. лавра сама уже нуждалась в этих комнатах и давать квартиры семин. наставникам не находила удобным. Отоплять же квартиры в лавре наставникам приходилось на свой счет, впрочем семинария выдавала иногда дрова, вообще по прошению наставников, напр. Бобрикову (1849 г.) и Михайлову (1850 г.) положено было отпускать по 10 саж. берез, дров, священнику Денисову в 1850 г. единовременно 5 саж., Красносельскому в 1852 г. единовременно 6 саж., а с 1855 г. ему и Травлинскому, жившим в лавре, по 10 саж.

Денежное квартирное пособие получали более заслуженные из преподавателей (Боголюбов и Савваитов) по 100 р. с, которое в 1852 г. дозволено выдавать вперед за треть. По представлению киевской дух. академии в 1854 г., Дух. уч. управление признало справедливым назначить нормальное количество квартирного пособия, чтобы в равной мере давать его служащим. Затребованы были соображения от правления спб. семинарии, которое ответило, что 1/4 часть жалованья можно признать нормальным количеством квартирного пособия для семин. наставников. Но такое пособие не всем выдавалось и после этого, а по особым уважениям. Так, Певницкому в 1854 г. правление отказало, «приняв во внимание его службу (около 5 лет) и существующие постановления – 1818 г.» (хотя были и позднейшие, см. стр. 199); Ловягин же и Красносельский, по выходе из лавры в 1857 г., получили квартирное пособие, хотя первый был в спб. семинарии менее года. Бобрикову в 1858 г., по вниманию к 13-ти летней службе, исходатайствовано квартирное пособие. В 1860 г. оно еще назначено Георгиевскому (по оставлении им секретарства) и Евдокимову. В 1857 году было особое предписание Дух. уч. управления о том, чтобы назначать квартирные пособия из дух. -учебных капиталов только в самых крайних случаях, если не имеется экономических сумм, ни

наличных, ни в билетах государственных кредитных учреждений. В 1859 у. последовал запрос о расходах наставников на наем квартир и о количестве семейств их. Оказалось, что платили за квартиру от 180 р. (Нищинский – 5 чел. семейства) до 650 р. (Бобриков – 8 чел. семейства). С построением двух флигелей при семинарии, в них отводились казенные квартиры наставникам, хотя не всем; некоторым, более заслуженным, но жившим на своих квартирах, продолжали выдавать квартирное пособие в 100 руб. (напр. Савваитову, Бобрикову).

Другие денежные пособия, награды и добавочные оклады выдавались или за усердную и долговременную службу, или по вниманию к особым обстоятельствам, на основании прошений, а также за исправление вакантных должностей и за посторонние труды, по поручению начальства. В 1846 г. проф. Боголюбов писал на имя правления, что «13-й год занимается преподаванием различных предметов, из коих некоторые весьма недостаточно обработаны в ученом отношении и требуют со стороны преподавателя особых трудов и усилий, между тем оклад его с квартирными (529 р. с.) едва достаточен на наем необходимой квартиры с прислугой и отоплением; в виду этого просил денежного пособия. «По вниманию к долговременной службе усердной и полезной», назначили ему полугодовой оклад (214 р. 50 к.). Так же в 1850 и 1852 г. Но при выходе из семинарии в награде годовым окладом ему отказано, по опред. св. Синода, как вышедшему из дух. ведомства. В 1848 г. правление представило к награде 300 р. Михайлова, Троицкого и Дашкевича. В 1849 г. Бобрикову исходатайствовано 300 р. за отлично-усердную службу, по выслуги 3-х лет; ему же в 1860 г. выдан в награду годовой оклад 286 р., а при выходе в 1869 г. 300 руб. В ноябре 1850 г. Бронницкий просил пособия на лечение, но, не дождавшись решения, умер от чахотки, тогда выдано было жене его, по ее прошению, единовременное пособие 429 р., согласно опред. св. Синода. В 1852 г. Ил. Беляеву, по вниманию к болезни, выдано жалованье за год, хотя хворал более года³⁴⁸. В том же году инсп. Мишин за долговременную отлично-усердную и полезную службу награжден, по представлению правления, годовым окладом профессорского жалованья. Заболотский в 1852 г. награжден половинным окладом жалованья, а в 1855 г. при выходе из семинарии после 11 лет службы – полным (286 р.). Проф. Савваитову в 1855 г., вследствие его прошения, определено выдать годовой оклад 429 р. из дух. учебных капиталов, в награду за долговременную, усердную и полезную службу и по вниманию к его стесненным обстоятельствам; тоже в 1858 г., а с 1862 г., вследствие его прошения на имя об. -прокурора, Высочайше разрешено ему выдавать двойной оклад жалованья (858 р. с), по вниманию к отлично-усердной службе и ученым трудам, в виде особенной награды. Рюю, при выходе из семинарии (1856 г.), после 12 лет службы, на которой, по его заявлению, он «приобрел болезнь в легких и гортани», разрешено выдать годовой оклад (572 р.). Шаврову в 1858 г. за усердное прохождение секретарской должности 143 р. В 1859 г. по прошению исходатайствованы полугодовые оклады: Нищинскому (214 р. 50 в.); по случаю понесенных им убытков от пожара, и Малову (143 р.), по вниманию к одобрительной службе и недостаточному состоянию а Ловягину за новгородскую службу – полный проф. оклад. В 1862 г. Ловягин подавал прошение митрополиту, где писал: «желая по мере сил своих содействовать успехам духовного образования, как вообще в обществе, так в особенности в дух. -учебных заведениях», издал в 1860 г. книгу об Иоанне Крестителе и истратил 400 р. с. В виду этого, просил денежного вспоможения, так как «находится в затруднительных обстоятельствах». По резолюции митрополита, представлен был к годовому окладу. Письмоводитель Фальковский за усердную службу, по представлению секр. Георгиевского, награжден годовым окладом 90 р. с. Красносельскому, по прошению, (1861 г.) исходатайствован годовой оклад, «как понесшему значительные убытки от произведенной из квартиры его кражи разных вещей», и принимая во внимание постоянно усердную его службу. Вл. Никольскому, получившему в 1862 г. увольнение за границу по болезни, выдано пособие 214 р. 50 к. Дьякону Троянскому (1863 г.) по случаю болезни 50 р. В 1864 г. за проф. Зинченко ходатайствовали, вследствие его прошения, чтобы не взыскивать с него прогонов от Полтавы (откуда он приехал) до Петербурга, что и определено было св. Синодом, а в 1864 г. в награду за весьма усердную и полезную 9 летнюю службу ему исходатайствован полугодовой оклад. Вдове Малова, по вниманию к усердной службе мужа, исходатайствован в 1864 г. его годовой оклад, хотя на службе состоял не 10, а только 7 лет.

За исправление должностей и посторонние труды получили: в 1842 г. Успенский на путевые издержки в Финляндию 150 р. с., свящ. Семенов 30 р. с, за 25 служб в семинарской церкви, хотя представляли к 50 р.; в 1849 г. эконоом Троицкий за исправление должности смотрителя более полугода 270 р., иером. Леонтий за исправление должности. субинспектора в течение 6 месяцев 100 р. 10 к.; в 1850 г. Савваитов за составление зырянской грамматики и словаря, с Высоч. соизволения, по опред. св. Синода, 1200 р. из дух. -учебных капиталов, (получил также премию 714 р. от академии наук); А. Никольский за преподавание 3 месяца словесности ученикам 2-го кл. низш. отд., за смертью Бронницкого, 53 р. 62 к.; в 1851 г. Певницкий за преподавание более 4-х месяцев гражд. истории, по выходе Булгакова, 154 р. 91 к. из остаточного жалованья; Брянцев за исправление более 3-х мес. должности помощника инсп., по выход Леонтия – 52 р. 84 к.; в 1852 г. Михайлов за чтение корректуры алгебры и геометрии – 100 р.; Архангельский, преподававший словесность во 2-м отд. за болезнь Беляева 2 1/2 мес. 91 р. 76 к.; Троицкий за 3-х летнее исправление должности смотрителя дома 891 р. с; в 1856 г. иеромонах Павел и пом. инсп. Троицкий за преподавание в течение 9-ти мес., по выходе Певницкого, по 160 р. 87 к. Шаров за преподавание франц. яз. 16 месяцев 400 р., иером. Феогност за исправление должности смотрителя ал. -невск. училища 8 мес. 154 р. 91 к.; Фриман за переводы богослуж. книг на латышский и эстский языки с 1857 г. получал ежегодно 1020 р. с. С закрытием класса эстского языка (1865 г.) и увольнением от переводов на лат. и эстский, ему оставлено 300 р. за переводы на финский. В 1858 г. Дольский-Михалкевич за испр. должности помощника инсп. полгода 105 р. 66 к.; в 1859 г. Красносельский за рассмотрение нескольких книг и исправление должности преподавателя физики представлен был к полугодовому окладу, но выдано 110 р.; в 1860 г. Вл. Никольский за корректуру учебника по русск-церк. ист. Филарета 50 р., Савваитов, по Высочайшему соизволению, награжден из дух. -учебных капиталов за поднесенное Государю его сочинение: «Библ. Герменевтика» 286 р. Ловягину и Троицкому за преподавание греч. яз. 4 мес. – 109 р. 63 к. пополам. Люперсольский за занятия с воспитанниками из иностранцев (с 1861 г.) 300 руб. В 1862 г. Ловягин за корректуру догматики Антония 50 р., за преподавание вместо Вл. Никольского (1863 г.) два месяца 73 р. 88 к. Письм. Фальковский за занятия в комитете по постройке флигелей – 125 руб. В 1864 г. Евдокимов и Зинченко за преподавание, по выходе Люперсольского, по 120 руб. Виноградов за исправление должности преподавателя иконописания, бывши еще учеником 50 руб.

В ноябре 1865 г. семин. правление представило митрополиту, что за отчислением 10 тыс. р. остаточной суммы в хозяйственное управление, еще остается 3586 р. 17 к. и к 1866 г. предполагается остаток 1760 руб. Поэтому, ввиду бедственного положения наставников, можно было бы им выдать единовременное пособие, по крайней мере наставникам уже достаточно дослужившим в семинарии, числом 7: одним (Савваитову и Красносельскому) – годовой оклад, другим (Ловягину, Евдокимову, Барсову, Иовлеву и Бобрикову) полугодовой. Дело представлено было в Дух. -уч. управление, которое, истребовав нужные справки, разрешило выдачу. В следующем году, на основании синодского определения (от 10 авг.–12 сент. 1866 г.), по предложению митр. Исидора консистории, с целью улучшения содержания наставников, постановлено выдавать из церковных сумм дополнение к окладам жалованья, по расписанию семин. правления, которое предположило разделить наставников на старших, состоящих на службе от 8 лет, и выше, и младших – от 1 до 5 лет, и назначить первым прибавки по 471 р. в год, а вторым по 271 р., так чтобы старший годовой оклад равнялся 900 р., а младший 700 р. Из других должностных лиц – инспектору предположено прибавить 150 р., эконому Троицкому 270 р. 80 к. (чтобы годовой оклад его равнялся окладу старших наставников, по вниманию к его долговременной службе), секретарю 107 р., библиотекарю, его помощнику и врачу по 100 р., всего на семинарию исчислено 6100 р. 80 коп. Митрополит, по рассмотрении дела в консистории, утвердил представление семин. правления, положив следующую резолюцию от 26 июня: «согласно представленному для вспомогательных окладов расписанию, препроводить в семин. правление собранную сумму для выдачи, кому следует, прибавочных окладов на первую половину текущего года, дав знать, что временно-утвержденное назначение, по обстоятельствам, может измениться. О распоряжении уведомить г. об. -прокурора св. Синода, с приложением копии с расписания». Деньги выслались частью из консистории, частью от благочинных. Городских церквей исчислено 111, но некоторые из

них, особенно при казенных местах, от взносов отказались, остальные определили вносить от 500 р. (Владимирская и Вознесенская) до 5 р. Уездные и сельские церкви, числом 244, положили от 218 р. (Усть-ижорская Ал. -Невская) до 1 руб.

Относительно пенсий последовал новый указ, Высочайше утвержденный 6 ноября 1852 года. Назначено только два срока: 20 лет – для половинной пенсии и 25 для полной, вдове положена половинная пенсия; сверх жалованья не дозволено производить пенсии; но для чиновников, приобретших право на пенсию до 1853 г., оставлено старое положение. (См. стр. 202). В 1858 г. правила о сокращенных, сроках на пенсии, существующие по минист. народн. просвещения, распространены и на служащих в дух. -учебных заведениях³⁴⁹. В петербургской семинарии выслужили полную пенсию, в размер годового оклада (429 р.) – Михайлов (1853 г.), Боголюбов (1859 г.) и Савваитов (1862 г.), но последний ее не получал, оставаясь на государственной службе.

Сметные назначения; хранение сумм и их обращение; ревизии; отчетность

Общая сумма на семинарию, назначенная на 1841-й год по смете, утвержденной св. Синодом, равнялась 16561 р. 30 к. с. (с добавочными на 4-х сверхштатных преподавателей). Затем сумма эта увеличилась. В 1843 г. она простиралась до 21133 р. – на жалование служащим: 4947 р. 80 к., на содержание дома и хозяйства 7172 р. 50 к., на больницу 214 р. 20 к., библиотеку 142 р. 80 к., канцелярию 85 р. 70 к., на 100 казенных воспитанников 8570 руб. С половины же 40-х годов особенно увеличиваются сверхштатные назначения, в виду приглашения новых преподавателей со стороны и увеличения числа воспитанников, получавших пособия на содержание из дух. учебного капитала, так что сверхштатата высылалось на семинарию до 8000 р. с, не считая классных окладов, которые получались также на различное число лиц посторонних, в 1842 г. напр. на 31, в 1851 г. – 69, 1852 г. – 78, а в 1861 г. на 82 магистров и 50 кандидатов. В 1854 г. по смете утвержденной св. Синодом, было ассигновано на семинарию, считая с классными окладами, – 35308 р. 58 к., а с училищами (на которые семинария также получала деньги) – 55337 р. 93 к. и по дополнительной смете 888 р. 85 коп. В 1860 г. всего было ассигновано уже 70142 р. 29 к., в том числе на семинарию штатных по прежнему 21133 р. и сверхштатных: на наставников 5862 р. 8 к. и на воспитанников (иноепархиальных, иностранцев и пр.) 1828 р. 47 коп.

В 1864 г. «с преобразованием государственной отчетности по системе смет, св. Синод признал полезным ввести таковой же порядок, важный по единству в распоряжении денежным хозяйством, и по духовному ведомству». Заведывание духовно-учебным капиталом с бухгалтерией и казначейскою частию передано из Дух. -учебного в Хозяйственное управление при св. Синоде, на которое возложено и составление ежегодной сметы доходов и расходов по духовно-учебному ведомству по форме, примененной к общей финансовой государственной смете, после предварительного истребования по той же форме смет от местных управлений. В хозяйственное управление предписано представлять все денежные суммы, которые поступали дотоле в Дух. -учебное управление, также экономические отчеты, объяснения и запросы по экономической части. Сделаем выдержку из сметы на 1865 г. для семинарии и училища, составленной семинарским правлением и препровожденной, на основании указанного предписания (от 30 апр. 1864 г.), в хозяйственное управление, где сметы иногда сокращались и вообще исправлялись.

Доход на 1865 г. определяется следующими цифрами: 57962 р. 39 к. от продажи в церквях свеч и воска³⁵⁰, 2062 р. 80 1/2 к от продажи консисторией венчиков и листов разрешительной молитвы, 432 р. процентов с экономического капитала, состоящего в 200 билетах Государственного казначейства на 10000 р. с., 10277 р. 5 к. за содержание пансионеров и других платящих воспитанников, 500 р. жертвуемых ежегодно почетным блюстителем Эзелевым³⁵¹, 525 р. 88 к. процентов с капиталов, пожертвований разными лицами, 163 р. 74 к. остатка от неполного комплекта соборных иеромонахов ал. -невской лавры, 2443 р. 62 к. ожидающихся остатков за расходами к 1 янв. 1865 г.³⁵². Расходы, как и доходы, исчислены в смете совместно для семинарии и училища, но мы отделим только расходы по семинарии: на жалование служащих 30 лиц – 12251 р. 80 к., содержание воспитанников – казенных, пансионеров и др. 23780 р. 38 к., на содержание дома, ремонта, отопление, освещение и прислугу 13432 р. 45 к., на библиотеку (142 р. 80 к.) с периодическими изданиями 243 р. 68 к. (100 р. 88 к. на период. издания предположено заимствовать, по примеру прошедших годов из пожертвований почетного блюстителя), на канцелярские расходы 85 р. 70 к., на больницу и медикаменты по сложности действительных расходов последних трех лет исчислено 287 р. 44 к., причем излишек против штатного назначения (214 р. 20 к.), по примеру прежних лет, предположено покрыть на счет суммы по содержанию учеников, на мелочные и экстраординарные расходы 214 р. 64 к., на пенсии и классные оклады служащим в семинарии и посторонним 15458 р. 10 к. Всего 65754 р. 19 к. с.

С перемещением семинарии в новое здание, экономические суммы, принадлежащие семинарии, перенесены были из академического казначейства, где они дотоле находились, в собственное, особо-устроенное в семинарском корпусе (см. выше стр. 483). При этом, во избежание случавшихся прежде беспорядков по распоряжению денежным хозяйством, в 1843

г. постановлено, чтобы правление для приема сумм выдавало эконому, «за подписанием членов его, доверенность, по коей он в положенные сроки принимая деньги, представляет их правлению, а правление, записав оные в приходную книгу и означив прием их в журнале, вносит в казнохранилище, за печатью сем. правления». Для выемки денег эконом входит записками каждый раз в правление. Суммы свидетельствуются ежемесячно правлением, и ведомости о них предписано было ежемесячно представлять Дух. уч. управлению. В 1844 г. присланы особые «правила о порядке хранения и свидетельства денежных сумм и казенного имущества в духовно-учебных заведениях», утвержденные св. Синодом 14 июля / 12 авг. 1843 г. Относительно ведения экономии, как и делопроизводства, ревизор Макарий в 1849 г. заметил в своем отчете, что эта часть находится «в надлежащей исправности». По поводу пропажи в вятской дух. семинарии 2622 р. 71 к. (1854 г.), последовало предписание соблюдать правила 1843 г. о порядке хранения и свидетельства денежных сумм, и, сверх того, архиереям назначать внезапные ревизии по семинариям, возлагая их на известных им лиц духовного ведомства. Вследствие этого, ревизорами в спб. семинарию назначены были: член консистории, прот. Окунев и казначей Ал. -невской лавры иером. Геннадий, которые все нашли в должном порядке, о чем и сделано было митрополитом донесение синодальному об. -прокурору.

Свободные деньги, бывшие в семин. казнохранилище и остававшиеся без всякого употребления, по определению правления, приращались процентами. Так, в 1852 г. с этою целью положено в Государственный банк 10000 руб. В 1859 г. четыре билета сохранной казны (трехпроцентные) на сумму до 5980 р., на которые содержались бедные воспитанники, переменены на государственные непрерывно-доходные, приносящие 4 %.

Остаточные суммы, поступающие, по уставу (Проект. §§ 200, 201, Введ. к уст. § 34), в распоряжение правления, расходовались по временам на те или другие потребности, напр. в 1844 г. издержано до 1400 р., в 1845 г. до 1200 р., в 1849 г. свыше 2000 р., а в 1852 г. 3500 р., в том числе напр. на устройство шкафов для церкви, свинцовых труб, на техническое рисование, на награды некоторым из служащих, ремонт и т. п. До 60-х годов по библиотеке оставалось довольно много денег, напр. в 1854 г. остаточных библиотечных сумм было 609 р. 73 к., из которых между прочим куплен минералогический кабинет за 36 руб. В 1860 г. от прошлых годов по библиотеке оставалось 604 р. 68 к., из которых на 318 р. 60 к. приобретено было книг, и затем в 60-х годах книг вообще покупалось больше прежнего.

Из остатков, с разрешения начальства, уплачивались кроме непредвиденных расходов и передержки по некоторым статьям, напр. в 1862 г. передержки преимущественно по содержанию учеников и дома, с разрешения митрополита, покрыты остатками от других статей, на сумму 2615 р. 34 к., в 1806 г. разные передержки покрыты из остатков на сумму до 1100 руб.

Ревизионные комитеты, установленные в 1863 г. (стр. 240), продолжали ежегодно учреждаться из лиц епархиального и училищного ведомства: один из семинарских наставников постоянно назначался в число членов комитета. Но, со введением в хозяйство дух. -учебного ведомства сметного порядка с 1865 г., произведены соответственные «изменения, как в производстве ревизии и отчетности по духовно-учебным капиталам, так и в самой форме отчетов», причем прежняя «инструкция ревизионным комитетам дополнена и изменена» и издана новая форма экономических отчетов; хозяйственному управлению предоставлено ревизию годовых отчетов производить на точном основании 51 и 52 ст. сметного устава, а составление отчета Духовно-учебным управлением о дух. -учебных капиталах отменено. Преобразования эти Высочайше повелено ввести в действие с 1 янв. 1866 г.³⁵³

Воспитанники

Состав воспитанников был весьма разнообразный. Кроме детей петербургского духовенства – епархиального, военного и придворного, поступавших главным образом из дух. училищ, частью же прямо из дома (напр. в 1867 г. до 13), или иногда из гимназии³⁵⁴ и др. учебных заведений – по экзамену (Гр. Прорвич, Вл. Ильинский, Н. Бажанов – даже не к курсу в 1850 г., Н. Солярский, С. Баранский, Митр. Орлов, И. Голубев и пр.), – и сыновья заграничного духовенства определялись, по прошению отцов, обыкновенно в спб. семинарию, «в виду исключительного положения» их «за невозможностью получать дальнейшее образование в дух. православной церкви» (Певницкий – из Штутгардта, Осинин из Копенгагена, Лапчинские, Базаров, Вл. и Ив. Окуневы и пр.). Что касается воспитанников иноепархиальных, то число их в рассматриваемый период значительно увеличилось в спб. семинарии. Из других епархий, с разрешения высшего начальства, переводились воспитанники, но все же, по просьбе разных родственников их, состоявших в Петербурге на службе, или такие, которые приезжали с архиереями, или архимандритами, а так же и приезжавшие для поступления в хор спб. митрополита. Некоторые же отцы из чужих епархий просили о перемещении детей в спб. семинарию, как образцовую, с целью помещения в казенном здании, и до 60-х годов подобные просьбы большею частью беспрепятственно удовлетворялись, воспитанников принимать разрешалось по испытанию, но «без перечисления из своей епархии». Только на прошения о принятии уволенных по малоуспешности из других семинарий отказывали, находя это «несообразным с училищными постановлениями», (напр. отказано в принятии В. Львовскому в 1859 г., увол. из кишин. сем.)

По Высочайшему повелению от 14 февр. 1842 г., «в видах развития православно-русского элемента в западном крае», и с отменой распоряжения о помещении детей западнорусского духовенства в великороссийские семинарии, состоялось определение св. Синода «об отправлении в с. -петербургскую семинарию, как образцовую, для продолжения учения отличнейших учеников из западных епархий (волын., подол., киевск., полоцк., могил., минск., литовск.), с предоставлением для них постоянно 14 казеннокоштных мест... откуда они, возвращаясь потом на родину, приносили бы с собою пример возможно лучшего духовного образования»³⁵⁵. Такие ученики вызывались каждое шестилетие, хотя не все они доходили до конца курса: иные выходили в другие учебные заведения, некоторые уезжали обратно по болезни; случалось, что иных возвращали назад, «как не оказавших достаточного прилежания и успехов» в течение напр. двух лет (в 50-х годах Цитович, Керовский), хотя большинство из западноруссов обыкновенно принадлежало к числу лучших учеников. Иногда, взамен уехавших обратно, высылались другие, напр. в 1845 г. на место больного Никоновича из полоцкой сем. прислан Пл. Обух. Некоторым из западной России разрешалось переходить в спб. семинарию и вне означенного вызова, помимо установленных сроков, тем более что приезжавших в срок иногда было менее 14. Окончившие курс большею частью должны были возвращаться в свои епархии. Первый выпуск воспитанников, приехавших на основании вышеуказанного постановления 1842 г. из зап. России, был в 1847 г., последний вызов сделан в 1865 г., а выпуск в 1871 г. Всех прибывших таким образом было до 60³⁵⁶. В ноябре 1865 г. последовало распоряжение о прекращении вызова из западных губерний в спб. семинарию, а вместо того увеличено число таких воспитанников в дух. академиях³⁵⁷.

Не мало лиц поступало в спб. семинарию из других епархий и с целью изучения живописи и иконописания, по представлению местных архиереев, или по собственному желанию, но обыкновенно с обязательством – ехать учителями живописи на известный срок в свою семинарию, или куда назначит начальство, в виду чего они пользовались казенным содержанием. Из таких воспитанников можем поименовать – Игорева сарат. сем., Малова тамб., А. Звонцова новг., Бисерова, Знаменского и Ксенофонтова тобол., Хламова кавк., Токарева арханг., Н. Павловского, Н. Тихвинского и М. Стратилатова яросл., И. и П. Соколовых, Н. Кушина полоцк., Е. Богословского и Куртукова томск., А. Виноградова тверск., Ян. Страшкевича кишин. и пр. Воспитанники эти поступали в разные классы семинарии, некоторые из них были и окончившие курс. Большею частью они науками почти не занимались, вследствие чего некоторые исключались из разрядных списков, с оставлением в семинарии

для занятий живописью (Звонцов, Ксенофонтов, И. Соколов, М. Кушин), но были и учившиеся весьма успешно (М. Стратилатов). Некоторые получали звание художника от академии художеств (Игорев, Малов, Хламов). В 60-х годах видим уже отказы желающим заниматься живописью из чужих епархий, (напр. в 1862 г. отказано в перемещении Конст. Виноградову – из тверской сем.).

Из некоторых епархий, находящихся на окраинах, с преобладающим иноплеменным и инородческим населением, принимались ученики в спб. образцовую семинарию, под условием ехать после на службу в свои епархии. Так, Гер. Кикодзев, перешедший сначала из тифлисской сем. в псковскую, «Дабы чрез то соделаться более полезным для своих единоземцев – грузин», в 1842 г. перепросился в петербургскую, как образцовую, «для лучшего достижения предположенной цели», и был принят на казенное содержание. Из тифлисской же семинарии приняты в 1845 г. Месхиев Веселовзоров, Одишлидзе, в 1850 г. Михадзев, Цистров – низш. отд., Беридзев – высш. отд., в 1859. Барков и Лазарев. ио просившемуся: в том же году осетину Баеву было отказано за недостатком помещения; из кишиневской семинарии в 1847 г. приняты валахи Романеско, Команеско, Ионеско, Германеско, для которых курс учения сокращен на 4 года, на основании предписания акад. правл. от 29 сент. 1846 г., так как некоторые науки они уже изучали в своей семинарии. Из 7 воспитанников иркутской семинарии, присланных в 1858 г. в С. -Петербург для миссионерского образования и изучения монгольского языка (см. стр. 404), трое приняты в высш. отделение семинарии – Корелин, Миротворцев и Карнаков.

Установленные уведомления об иноепархиальных учениках (стр. 245) посылались правлением спб. семинарии, напр. в 1852 г. в 16 епархий (тамб., мог., минск., лит. вол., моск., тифл., новг., курск., астр., симб., смол., твер., тоб., олон.); всех иноепархиальных в этом году было 29, да и вообще число их было обыкновенно не менее 20. В 1862 г. уведомления посылались в 18 иноепархиальных семинарий. В 1863 г. число иноепархиальных превышало цифру 40. С другой стороны, и петербургских в других семинариях было довольно, не только из тех, которых переводили за неисправности, но и которые сами переходили по болезни, по просьбе родственников и т. п. В 1852 г. таковых было 19 (в семинариях новг., пск., олон., курск.).

В начале 50-х годов, когда возник вопрос о введении: нормального числа учеников в дух.-учебных заведениях см. ниже), последовало определение св. Синода (от 26 июля 1851 г.); «детей иноепархиальных священнослужителей в другие семинарии и училища в число действительных учеников не принимать, если же в принятии оных встретится особая, заслуживающая уважения, необходимость, то каждый раз испрашивать на то разрешения высшего начальства». Хотя к спб. семинарии предписание это, как и постановление о нормальном числе учащихся, не было применено, но в приеме иноепархиальных видим после того нередко отказы, «по недостатку помещений», причем в одно и то же время (напр. в 1860 г.), по усмотрению правления, или распоряжению высшего начальства, одних перемещали, другим отказывали. Вследствие этого в 1863 г. четыре сельских священника спб. епархии, подав митрополиту прошение о принятии детей их в семинарский корпус, указывали на то, что трудно содержать детей на квартирах и может быть вредно для их нравственности, что в семинарии помещается много иноепархиальных воспитанников и что квартиры служащим можно бы опять отвести в ал. -невской лавре. Правление представило, по запросу митрополита, список иноепархиальных (44 чел.) и объяснило, что помещение для воспитанников здешней епархии не будет стеснительно, если не принимать посторонних. Митрополит положил резолюцию: «не принимать посторонних без особенных уважительных причин».

Между прочим стеснение в помещении произошло и от увеличения количества иностранцев в семинарии. По Высочайшему повелению еще от 13 апр. 1846 г., «предоставлено св. Синоду разрешать прием в дух.-учебные заведения молодых людей, хотя и не-русских подданных, но исповедающих православную веру»³⁵⁸. Первоначально из Болгарии «для вящего утверждения православия» предписано принимать по 4 юноши в спб. и моск. семинарии, чтобы по окончании курса они заменялись другими. Вследствие ходатайства попечителей болгар, предписано внушить ученикам из Болгарии ехать на службу на родину (1853 г.). В 1850 г. по донесению управляющего генеральным консульством в Сербии, сербское

правительство решило не посылать молодых сербов в Париж и германские университеты, «дабы они не заразились господствующими там идеями», но отправлять в Россию. В силу этого последовало предписание в февр. 1850 г. о свободном и немедленном принятии сербов в дух. -учебные заведения. В 1855 г. по Высочайшему повелению приняты в низшее отд. семинарии черногорцы (Спасоз Перович и Филлип Ябучанин), относительно которых св. Синод определил «не подчинять их во всей строгости правилам о поступлении». В 1857 г. затребованы были из спб. семинарии краткие программы семин. предметов, для сообщения молодым людям из славян. В этом году поступили: черногорец Март Церович, по ходатайству об. -прокурора, и сербы Илья Боевич и Симо Костратович, по ходатайству управляющего минист. иностр. дел; но первые два в нач. 1859 г. вышли по болезни. Принимали также греков и сирийцев. В 1858 г. принята в низш. отд. греческий уроженец Ив. Георгиадес, вследствие письма об. -прокурора тр. Толстого к митр. Григорию; в следующем году приняты: сын константинопольского священника Конст. Иеропэс, два серба – из Шабачской семинарии и из Дамаска – Георгий Ибраим Маркос. В 1860 г. по распоряжению об. -прокурора, принят был сирийский уроженец Дим. Насралла-Башбаш, но чрез 4 месяца уволен, с утверждения об. -прокурора, вследствие представления семин. правления о том, что он только русский букварь успел выучить в 2 месяца и не знает ни грамматики, ни арифметики, почему бесполезно для него оставаться в семинарии; а в училище поступить ему уже поздно, так как имел под 30 лет. На обратный проезд ему было выдано 120 р., но он просил еще 55 руб., которые и были исходатайствованы из Дух. -уч. управления. В том же году поступил серб Михаил Геориадес, по ходатайству директора азиатского департамента, генерала Ковалевского. В 1861 г. приняты в семинарию черногорцы – Джуро-Лазов Ябучанин и Дим. Пунашевич – для изучения церк. живописи. С тою же целью еще в 1853 г. допущен был к посещению классов иконописания обучавшийся в академии художеств болгарин Стан. Доспевский. В 1861 г. араб Георгий Маркос просил с другом еще арабом Нифонтом Мусеем о перемещении из киевской семин. в спб., так как они в киевской возбудили против себя неудовольствие других иностранцев, особенно сербов и болгар «за то, что не разделяют питаемого ими нерасположения к греческой нации». Семин. правление отказало по тесноте помещения, а также потому, что и в петерб. семинарии с ними может случиться тоже, что в киевской. Но, по распоряжению исправлявшего должность об. -прокурора князя Урусова, Маркос принят в спб. семинарию, причем учившиеся здесь греки (Ив. Георгиадес, Конст. Иеропас и Ант. Филиппеос) дали подписку, что согласны жить с Маркосом вместе в одной комнате; впрочем два последних грека вскоре вышли из семинарии по болезни. В 1864 г. Афонской Хиландрской обители иеродиакон Евстафий допущен был к слушанию уроков в семинарии, с помещением в лавре. В 1865 г. принят грек Эммануил Пападаки, а в 1868 г. бежавший из Турции черногорец Георгий Филиппович и серб Явт Георгиевич. Были в семинарии и присоединившиеся из римско-католического вероисповедания, напр. Антон Залесский – из поляков (с 1848 г.), Мефодий Цехановский (в средн. отд. 1865 г.), чрез два года вышедший по расстроенным обстоятельствам; а также не мало обращенных евреев: Михаил Фалеев (с 1845 г.) Гавр. Архангельский (1847 г.); – в 1855 г. отказано в приеме в семинарию крещеному из евреев Зендерберу, за малолетством (12 лет); Ошер Дзягилер (1862 г.), Липкин (1864 г.) – оба последние имели уже детей, которых привезли потом в С.-Петербург – «для приготовления к православию»; Матвей Беккер (1866 г.), по обращении отданный под нравственное наблюдение семин. священника Мансветова; Сергей Сафир и Потрух (1867 г.).

Большинство означенных воспитанников из иностранцев принадлежало к светскому званию. Но и кроме их допускались воспитанники светские звания, хотя с известными ограничениями. Число светских вообще было незначительно, от 2 до 5; это были, дети большею частию чиновников. (В 1860 г. воспитанник генерал-майора графа Толстого принят был в семинарию, с дозволением посещать классы из дома родителей, и консистории было сообщено о причислении его к духовному званию, но чрез 4 месяца он вышел в другое заведение). Просились иногда в семинарию и лица низших сословий, но принадлежащим к податному состоянию отказывали (напр. в 1853 г. сыну дворового человека кн. Юсупова), на основании постановления Комм. дух. уч. еще в 1821 г. о допущении в дух. -учебные заведения детей лишь свободного состояния (стр. 242); в 1848 г. постановлено принимать лиц податных состояний, по представлении ими формальных свидетельств об увольнении из податного

состояния, но в 1861 г. предписано в этом отношении сообразоваться с новыми узаконениями (1857 г.), т. е. чтобы увольнения лиц податных состояний получались от начальников губерний, а не от сената. В этом году между прочим и принят сын дворового человека (Соболева), по прошению помещицы Пушкаревой.

Число учащихся в с. -петербургской семинарии варьирует между 226 (1843 г.) и 345 (1862 г. сент.), но собственно с конца 50-х годов число учащихся начинает превышать 250, в 60-х же, когда повсюду число учащихся стало увеличиваться, заходить постоянно за 300, несмотря на то, что увольняли в этих годах довольно много, как по малоуспешности, так и по прошениям, особенно для поступления в светские высшие учебные заведения, напр. даже в декабре 1861 г. уволенных было 35 человек; к тому же в этом году последовало дозволение увольнять учеников во всякое время, а не два только раза в год, как прежде. По ведомости, представленной, по запросу, в Дух. -уч. управление в 1850 г., за 10 лет (1840–50 г.) значится выбывших из семинарии ранее окончания курса 231, в том числе умерших 20, вышедших в светское звание 34, исключенных 177. Впоследствии число выбывающих увеличилось. Чаше других выходили для поступления в медицинскую академию, затем в университет, педагогический институт и пр. Из медико-хирургической академии и педагогического института обыкновенно присылались приглашения, на которые не всегда находились охотники из окончивших курс, поэтому желающие выходили из среднего и даже низшего отделения, но в некоторые годы совсем не оказывалось желающих (напр. в 1850 г.). Возвращающихся опять в семинарию, напр. за непоступлением на казенное содержание, большею частью принимали обратно, отказывали разве «замеченным в предосудительных поступках (напр. И. И-скому в 1859 г.). С 50-х годов воспитанники приглашались в медицинскую академию с некоторыми ограничениями. Так, в 1853 г. приглашались поступать сначала стипендиатами, а «по uznании их способностей и нравственности – в казенные. В 1857 г. дозволено являться в мед. -хирург. академию только тем воспитанникам семинарии, которые известны начальству самым безукоризненным поведением и вполне удовлетворительно выдержат в семинарии предварительное испытание во всех предметах, какие требуются программой для поступления в академию, о чем и выдаются им свидетельства от семин. правления, члены же правления подлежат строгой ответственности в случае отправления неблагонадежных воспитанников³⁵⁹. Правлению спб. семинарии приходилось на этом основании экзаменовывать не только своих воспитанников, но, по распоряжению Дух. -уч. управления, и из других семинарий, (напр. в 1859 г. из владимирской). В 1861 г. последовало сообщение из мед. академии, чтобы поступающие туда рассчитывали на собственные средства, а не на казенное содержание, так как постановлено выдавать денежное пособие только отличным студентам высших курсов³⁶⁰.

Число оканчивающих курс (1843–1867 г.) варьирует между 45 и 78, причем самые малые выпуски были в 1855 г. (45 чел.) и 1849 г. (46 чел.), а самые большие в 1847 г. (78 чел.) и в 1863 г. (75 чел.), и вообще в 60-х годах.

Число поступающих в дух. академию значительно увеличивается, сравнительно с прежним, тем более, что в спб. академии в 60-х годах допускались своекоштные и даже вольнослушатели³⁶¹. В академию поступали от 5 и 6 человек до 10 и свыше, даже до 20 (1859 г.); всех поступивших в академию было до 130 человек, в том числе в московскую – 3, из них один до окончания курса (А. Громачевский в 1858 г.), и в киевскую до 4-х, остальные в с. -петербургскую, хотя не все поступившие окончили академический курс. В приложенных к книге списках окончивших курс отмечены поступившие в дух. академию. В 1849 г. 4 воспитанника спб. семинарии оказались в числе лучших при поступлении в спб. академию, поэтому, вследствие предложения об. -прокурора акад. правлению, объявлена признательность начальству семинарии за представление лучших кандидатов к приему в академию. Подобное же одобрение было и в 1859 г. (см. стр. 432)³⁶². До 35 чел. из спб. семинарии окончили академ. курс с степенью магистра, не считая получивших после эту степень; шестеро получили академические кафедры: М. И. Голубев, А. Бровкович в мон. Никанор (ныне епископ херсонский), И. Т. Осинин (ныне начальник женских гимназий в С. -Петербург), Л. А. Павловский (см. стр. 330), Б. В. Никольский (стр. 329), Н. И. Барсов (стр. 330)³⁶³. Хотя в 1841 г. запрещено было, по распоряжению об. -прокурора, допускать к экзамену в дух. академию второразрядных и на этом основании отказывали некоторым из 2-го разряда, желавшим

поступить в дух. академию, (напр. Фалееву в 1851 г.), но делались и исключения, напр. для валахов в том же 1851 г., по ходатайству митрополита Нифонта: их причислили, впрочем, с этою целью к первому разряду; в 1853 г. разрешено было допустить в академию второразрядного Георгия Цнскарва – из горцев, «не в пример прочим». Так же три иркутских воспитанника в 1859 г., состоявшие во 2-м разряд, «ради их миссионерской цели» приняты в академии вольнослушателями, но после зачислены в штат, по выдержании экзамена на студента семинарии в 1860 г.

Относительно допущения второразрядных к экзамену на 1-й разряд, семинарское правление должно было руководствоваться до 60-х годов 68 § Начерт. правил 1808 г., подтвержденным св. Синодом от 2–14 ноября 1845 г., по которому только имеющие духовный сан имели право на допущение к экзамену на 1-й разряд. Но в 1847 г., по определению св. Синода, ученик иркутской семинарии Н. Тыжнов, не окончивший курса (одного года) и поступивший в камчатскую епархию на духовно-училищную службу, допущен был к экзамену на студента семинарии и выдержал его в правлении спб. семинарии. После этого, хотя некоторым из воспитанников, как с. -петербургской, так и других семинарий, желавших держать экзамен на 1-й разряд, и отказывали, но других допускали к такому экзамену, на основании бывшего в 1847 г. примера. Так в 1856 г. Гр. Львовский (из кишин. сем.), помощник регента митроп. хора, допущен к экзамену и удостоен 1-го разряда, также Исполатовский (из твер. сем.) в 1857 г. и несколько петербургских, (которые отмечены в списках), но иным и отказывали, по усмотрению, (Антонову в 1860 г.), Другие же для получения 1-го разряда оставались даже на повторительный курс (А. Ладинский, 1853 г.). Только в 1861 г. Высочайше разрешено распространить право священнослужителей держать экзамен на студента семинарии на всех окончивших семинарский курс, «в каком бы ведомстве они ни состояли». После того видим частые случаи подобных экзаменов в правлении спб. семинарии не только своих воспитанников, но и из других семинарий, хотя не все из державших были удостоиваемы 1-го разряда.

Некоторые из окончивших курс, по прежнему, оставались в течение известного времени без места, хотя немало выходило и в светское звание, пользуясь в Петербурге возможностью занять то или другое место. В 1845 г. не получивших места в епархии из окончивших курс с 1837 по 1844 г. было 31 чел., в 1853 г. – 13 чел. и т. д. Относительно таковых дух. консистория в 1845 г. напоминала семин. правлению, ссылаясь на известные правила 1834 г. (стр. 111, 112). Правление просило консисторию предписать благочинным, «чтобы они наблюдали за благонаправлением кончивших курс смотрели за их занятиями, высылали бы их с аттестатами в семин. правление ежегодно, по истечении учебного года». Но консистория ответила, что за занятиями смотреть не дело благочинных, а самого семин. правления, за поведением же можно наблюдать, если только правление будет выдавать окончившим курс срочные билеты. В 1852 г. консистория уже спрашивала, почему семин. правление не назначает окончившим курс ученых домашних занятий. Правление отвечало, что X-м правилом положения Комиссии дух. уч. «выбор ученых занятий предоставляется произволу каждого воспитанника, а семин. начальству вменено только в обязанность назначать определенное время, для отчета кончивших курс в их занятиях», что правление и делает, обязывая кончивших являться к 1 сент. следующего года и отмечая потом в аттестате об этих занятиях. В 1853 г. опять последовал запрос об окончивших и остающихся без места из Дух. управления, в виду «представляю щейся надобности в сведениях о последствиях принятых по дух. ведомству мер к предупреждению накопления в оном значительного числа лиц, остающихся по недостатку мест или по другим причинам без определения к должностям. Принятый же означенные меры состояли в том, что, в силу Высочайшего повеления от 19 дек. 1850 г., предоставлявшего «св. Синоду право определять согласно обстоятельствам нормальное число учеников для семинарий и низших училищ всех епархий», – от 7 авг. 1851 г. состоялось определение св. Синода о нормальном числе учеников для 17 епархий, чтобы число воспитанников оканчивающих курс соответствовало числу открывающихся священнических мест в епархии, а поэтому чтобы и в прочих отделениях семинарии число воспитанников было соответствующее, хотя в среднем и нижнем отделении можно допускать некоторый излишек, «на случай необходимой убыли». Впрочем, в числе 17 помянутых епархий с. -петербургская не значится. С 1859 г. окончившим семин. курс стало труднее поступать и на учительские должности в дух.

училища, так как академическое правление постановила замещать эти должности акад. воспитанниками, вследствие их многочисленности и недостаточности учит. мест в семинариях. На сколько значительно было количество не получавших места в 60-х годах, это видно между прочим из следующей резолюции митр. Исидора (от 27 март. 1863 г.) на прошении о допущении к экзамену на окончившего семинарский курс студента медицинской академии Ивановского, намеревавшегося потом занять священническое место за отца: «по множеству не пристроенных воспитанников семинарии, не нахожу возможным принять просителя. В 1865 г. облегчен был выход в светское звание для семинаристов окончивших курс, но непоступивших на места, и увольнять их по прошениям из духовного звания предоставлено епархиальным архиереям³⁶⁴.

Дела духовно-училищные

Из трех духовных училищ, оставшихся в спб. епархии к началу 40-х годов (стр. 263), вскоре закрыто было ямбургское. Предположение о закрытии этого училища возникало еще в 1838 г. по ревизии инсп. семинарии Антония (стр. 267), затем высказано и в 1842 г. ревизором о. Окуновым (стр. 268), нашедшим в училище, особенно по экономической части, много недосмотров и недостатков. Действительно, в марте 1842 г. училище было закрыто, дом его передан духовному ямбургскому правлению, ученики же (до 80 чел.) переведены в ал. -невское училище, в пользование которого поступила тогда большая часть бывших семинарских помещений между Федоровскою церковью и собором, который оставались в его владении до 1857 г. С увеличением числа учеников ал. -невского училища, предписано было устроить в высшем и низшем уездных массах – параллельные отделения. Некоторые из учителей переведены были из ямбургского училища в ал. -невское, другие остались за штатом. С закрытием означенного училища, гдовское духовное правление ходатайствовало о разрешении священно-и-церковнослужителям гдовского уезда отдавать детей в псковское училище, так как до Петербурга далеко (300 верст). Семинарское правление дало разрешение на это, с утверждения митрополита.

В октябре 1851 г. в ал. -невском училище, в комнате смежной с классом, обвалился потолок. Архитектору Кудинову поручено было осмотреть все здание: он нашел много гнилого, что и послужило поводом к перестройке училищных зданий и даже к построению нового корпуса. Проект и смета (на 76,556 р.) составлены архитектором Сычевым и утверждены 1 янв. 1853 г. В числе членов строительного комитета были из семинарии: ректор архим. Иоанн, наставник иером. Феогност. Чрез 4 года работы по сооружению нового корпуса и исправлению части прежних помещений училища (между Федоровскою церковью и угловою юго-западною башнею) были окончены, на них употреблено 75309 р. 27 к. Семинарское правление исходатайствовало еще 12617 р. на обзаведение нового училищного здания, и тогда же (в 1857 г.) испросило разрешение на постройку при училище церкви иждивением купца 1-й гильдии Кудряшева, исходатайствовав и церковно-богослужебные книги.

В 1861 г. возник вопрос о ремонте дома Петропавловского дух. училища и о возвышении окладов служащим. Но ремонтировать дом, весьма уже ветхий и неудобный, оказалось бесполезным, почему предположено лучше выстроить новый дом. Вследствие же отношения синод. об. -прокурора к митрополиту, семинарское правление, по сношении с училищным начальством, нашло возможным переместить 125 учеников петропавл. училища в ал. -невское, предоставив им помещение бывшего причетнического класса и части учительских квартир, с разделением среднего отделения на 2 паралл. класса, по примеру высшего³⁶⁵, и с прибавлением еще одного по крайней мере учителя к девяти. Вместе с тем, вследствие увеличения труда учителей ал. -невского училища, правление представляло о прибавке им жалованья. Митрополита утвердил постановление семинарского правления, за исключением пункта о жаловании, написав относительно его: «это предмет особый, подлежащий особому рассуждению; в настоящее дело его не включать». По запросу из Дух. уч. управления, найдено нужным произвести некоторые переделки и приобрести новых вещей на 1968 р., кроме имеющих поступить из петроп. училища. Но определению св. Синода от 18 июля 1861 г., петропавловское училище было закрыто на вышеизложенных основаниях, но причисленные к нему певчие-мальчики хоров исаакиевского и казанского поручены наблюдению не ректора петроп. училища прот. Полисадова, как предполагало семинарское правление, а протоиереев означенных соборов; отставленным учителям положено выдавать жалованье до истечения года, пока не поступят на новую должность. Для караула пустого дома петроп. училища, семинарскому правлению пришлось содержать двух сторожей на свой счет, на что в 1865 г. оно испрашивало особой суммы.

В 1867 году, по предложению митр. Исидора, семинарское правление рассматривало вопрос об открытии второго духовного училища (для своекоштных учеников), при староладожском Николаевском монастыре и не нашло целесообразным открытие этого училища, так как туда немного может отделяться учащихся из невского училища (где в 1866 г. было 427 воен.), – практичнее было бы, по мнению правления снова открыть училище в Ямбурге. Но, с

учреждением епархиальных съездов – по новому уставу, вопрос об этом перешел на рассмотрение съезда петербургского духовенства (1868–1870 гг.); причем ни открытие нового училища в Нарве, ни устройство второго дух. училища в С. -Петербург не найдено удобным и настоятельно необходимым, но решено принять меры к расширению помещений ал. неевского училища³⁶⁶.

С постепенным закрытием дух. училищ и уменьшением числа их до одного, естественно, уменьшились хлопоты и сношения сем. правления по дух. училищным делам; с отделением же в 1840–41 гг. смотрительства и экономии ал. -неевского училища от семинарии (стр. 262), сократились и непосредственные отношения семинарского начальства к этому училищу. Но, согласно уставу 1814 г., все стороны дух. училищного быта и педагогики, по прежнему находились в ведении семинарского правления до 1867–68 года.

Неоднократно в рассматриваемый период возникал проект и мероприятия, с целью улучшения духовно-училищного устройства, по отношению к которым сем. правление так же было не безучастно. В 1851 г. от 12 июля состоялось определение св. Синода о преобразовании дух. училищ. «Чтобы сблизить курс учения с семинарским и лучше приготовить учеников училища к слушанию семин. уроков, училища приходские и уездные соединены в один состав под названием уездных и, по примеру семинарий, разделены на три отделения: низшее, среднее и высшее», с двухгодичным курсом в каждом из них; составлено новое распределение предметов и расписание часов; введен даже новый предмет – русская история; перевод в семинарию был ограничен «нормальным числом, вследствие чего (в янв. 1852 г.) дозволено оставлять способных на повторительный курс в высш. отделении училища. Затем проектирован причетнический класс для желающих готовиться к церковнослужительскому званию, от 15–17 лет, но не способных учиться в высш. отделении училища, или к переходу в семинарию. Предметами этого класса были: простр. катехизис и свящ. история, церк. устав и краткое учение о богослуж. книгах, церк. утвари, обрядах и праздниках, церк. пение, русский и славянский языки (практически), чистописание и письмоводство, краткая русская история и география, 1-я часть арифметики, с 1855 г. – оспопрививание. Хотя преобразование это предполагалось для тех 17 епархий, в которых решено было определить нормальное число семинарских воспитанников (стр. 518), но акад. правлениям предписано сообразить, в какой мере оно может быть распространено и на прочие епархии³⁶⁷. По запросу сем. правления, начальства ал. -неевского и петропавловского училищ нашли причетнический класс для себя иеудобным по недостатку помещения, петропавловское же начальство, сверх того, – и излишним по малочисленности учеников. Но сем. правление с этим не согласилось, и свое мнение с соображениям о введении нового порядка в училищах, представило акад. правлению. Новый порядок был введен, но причетнический класс открыт лишь 1858 г. в ал. -неевском училище, по устройении нового здания, – в особом флигеле на училищном дворе, и для него на первый раз отделены 12 малоуспешных учеников. По запросу академии, семин. правление признало за воспитанниками причетнического класса и право на казенное содержание. Но вскоре класс этот снова закрылся³⁶⁸.

В 1852 г. сем. правлению поручено было чрез академию, по предписанию Дух. уч. правления, рассмотреть мнение ректора нижег. семинарии архим. Аполлония о введении в низших училищах изъяснения воскресных и праздничных евангелий, – накануне праздников и в самые праздники. По сношении с училищными ректорами прот. Окуновым и Кочетовым, изъяснения найдены неудобными, так как ученики по праздникам увольняются домой на далекие расстояния, учителя так же живут на вольных квартирах не близко и без вознаграждения приходить в училище по праздникам не имеют охоты, да и залы поместительной не имеется для общих собраний. Так сем. правление и ответило, прибавив, что по предписанию св. Синода от 24 авг. 1851 г. изъяснение воскресных евангелий и апостола уже введено в круг предметов училищного курса. Около того же времени рассматривалось мнение Гавриила, архиеп. тверского о том, чтобы родители прежде отдачи детей в училища научали их читать по церковной и гражданской печати, с целью предоставить более времени для изучения в приходских училищах других предметов, особенно древних языков. Семин. правление сделало сношение с училищным начальством: ректор ал. -неевского училища Окунов согласился с мнением пр. Гавриила, а петропавловского – Кочетов, согласно с препод. Фортинским и Павловским, признал неуместным преподавание лат. и греч. языков в

приходском классе, в виду того, что ученики весьма еще неразвиты и неподготовлены, хотя многие и умеют читать: лучше нужно развивать их мыслительные способности, а не подавлять память изучением грамматики и вокабулов лат. и греч. языка, которые, сверх того, для них могут быть совершенно излишни, так как многие из училища поступают на причетнические должности; помимо того, сироты не имеют возможности дома обучаться грамоте. Семинарское правление, представляя о том академии, сослалось опять на постановление св. Синода от 24 авг. 1851 г. касательно распределения предметов в низших дух. училищах, где между прочим сказано, чтобы поступающие в училище готовились и обучались грамоте дома, или в сельских школах, а в низш. отделении училища чтобы начинали изучение лат. и греч. языков; так. образом мнение Кочетова устранялось, и семин. правление нашло излишним входить в дальнейшее рассмотрение дела, уже решенного. Немного спустя, присланы были для рассмотрения правила, составленный в тверской семинарии, касательно усиления древних языков в училищах. По запросу семин. правления, начальство петроп. училища отвечало (1853 г.), что назначение в низш. отделении училища разбора лат. и греч. слов преждевременно и затруднительно, в среднем же только к концу первого года можно приступить к переводам, а в высшем переводы с русского на латинский и так даются. Семинарское правление предложило вследствие этого видоизменить правила тверской семинарии, соглашаясь, что возможно чаще следует упражнять учеников в переводах в классе и дома, с предоставлением объема их и времени усмотрению наставников и начальства, лишь бы они не требовали несообразного с силами учеников и не подавали повода к лености. В начале 1853 г. рассматривался еще представленный об. -прокурору ректором черниг. семинарии Никодимом (Лебедевым) «взгляд на преобразование низших училищ», в котором правление спб. семинарии нашло некоторые пункты достойными одобрения. По предложению препод. семинарии Фримана, в 1862 г. предполагалось открыть в ал. -невском училище уроки финского и эстского языков, чтобы поддерживать знание этих языков в тех из училищных воспитанников, которые по своему происхождению были знакомы с ними, и готовить их к семинарии; таких воспитанников в училище было тогда до 30 человек. Но училищное начальство нашло это неудобным со стороны помещения и просило дозволить ученикам ходить в семинарию на уроки Фримана. Дело не получило, однако же, дальнейшего движения.

Рекомендуя нередко учебники для училища, по запросу высшего начальства, и давая отзывы о руководствах, по сношении большею частью с училищным начальством, или поручая делать отзывы кому либо из училищных преподавателей, семинарское правление призывалось иногда высшим начальством к особому наблюдению за некоторыми предметами, напр. митр. Григорий в 1858 г. обратил внимание семин. правления на улучшение чистописания в училищах и приказал доносить об успехах в нем после каждого экзамена, правление же с этою целию требовало каждую треть представления опытов в чистописании учеников дух. училищ.

Избрание и назначение должностных лиц, их занятия и отношения, были также постоянным предметом внимания и забот семин. правления. Хотя с 1840 г. определение смотрителей происходило с утверждения св. Синода, но правление семинарии ходатайствовало о тех или других, избранных им, кандидатах. Так, с построением нового корпуса ал. -невского училища в 1857 г., семин. правление ходатайствовало о назначении, просившегося на должность смотрителя, настоятеля тверского Отрочь монастыря Макария (Малиновского), в виду того, что по переводе училища в новое здание в особенности нужен опытный человек, о. Макарий же 16 лет состоял на духовно-училищной службе в казанской академии и тверской семинарии. Архим. Макарий и был утвержден смотрителем, но в следующем году перемещен на должность цензора. Об учительских вакансиях, вследствие предписания академии в 1859 г., семинарское правление должно было сообщать академическому, с поименованием своих кандидатов, – в виду того, что для окончивших академический курс по семинариям было мало вакансий и их определено было назначать и в училища. По случаю перестройки ал. -невского училища с мая до 15 октября 1853 г., по распоряжению митр. Никанора, семинар. правление сделало запрос учителям училища, какие ученые занятия они намерены предпринять, чтобы не оставаться без определенных занятий. Одни (Е. Никольский) указали на рассмотрение по поручению начальства учебных руководств; другие (Двукраев, Щевкунов, Разумовский) изъявили желание заняться составлением записок каждый по своему предмету, которые потом и представлялись в семин. правление, причем

напр. записки Щелкунова по лат. языку, согласно с мнением училищного начальства, признаны «весьма полезным пособием».

Особенно отяготительны для правления были дела, возникавшие по взаимным неудовольствиям и жалобам дух. училищных должностных лиц, тем более, что семин. правление само вследствие таких дел подвергалось особой ответственности и иногда выговорам от высш. начальства. Таковы напр. дела – по жалобе уволенного от должности, но желавшего получить годовой оклад, по закрытии ямбургского училища, бывшего инспектора Васильева (1843 г.); так же по нескольким прошениям и жалобам бывшего училищного эконома Петрова, уволенного за растрату 1359 р. и отставленного от учительской должности «за несправедливые жалобы и ложные донесения и изветы» на училищное начальство (на смотрителя Фортинского) и вообще «неисправности и предосудительные поступки» (1845 г.); наконец по жалобе учителя ал. -невского училища, исправлявшего и должность эконома, И. Смирнова на смотрителя, которого он обвинял в «противозаконных распоряжениях по хозяйственной части» (1845–46 г.). Не входя в довольно запутанный подробности этих кляузных дел, заметим только, что семин. правлению, напр. по делу Петрова, пришлось назначать не раз следственные комиссии, отписываться и давать разные объяснения высшему начальству в течении 13 лет, пока Петров искал удовлетворения и просил чистого аттестата; по делу Смирнова и Фортинского, из которых первого уволили за ложные доносы и «неприличные отзывы, обнаруживающие неуважение к начальству», а второго «за разные беспорядки и упущения» из смотрителей перевели простым учителем петроп. училища, – правление семинарии само получило выговор за «недостаток распорядительности».

По воспитательной части в училищах нередко возникали дела и вопросы, разрешать которые приходилось семин. правлению. В апр. 1842 г. в семин. правление поступила жалоба от дьяконской жены Д-вой на инспектора ал. -невского училища К-лова за истязание ее племянника усыновленного В. Товарищ племянника Л. показал, что В. подучил его украсть 50 р. у матери, бывшей в гостях у одного чиновника, знакомого Л. И вот племянника решено было «пытать: 5 человек служителей и сам чиновник его секли, а инспектор стоял ногою на шее; пытка сия продолжалась более 2-х часов и, примерно, дано ему лозами около 500 ударов». Племянник сделался болен и нуждался в лечении, хотя оказался невиновным, так как деньги были найдены у его; товарища Л.; в виду этого, тетка просила «законного удовлетворения». На запрос к училищному начальству сем. правления, отвечено, что все это – клевета, что ученика В. немного посекли за то, что у него нашлось до 1 р. денег, полученных, по его словам, от товарища Л. Врачу Паковскому поручено было осмотреть высеченного; он донес, что не застал его в квартире дьяконицы, так как его отвезли в деревню, но раньше видел его в больнице и, вследствие его жалобы на инспектора, свидетельствовал и нашел, что ему дано от 25 до 50 ударов розгами, но без опасных последствий. Не получив удовлетворения от семинарии, дьяконица подала прошение в Дух. уч. управление, на имя об. -прокурора, прибавив, что удовлетворения ей не дали, а племянника инспектор снова обидел, приказав вывести его из училища, с словами: «это не ученик, а мастеровой». Предписано расследовать дело. Допрошены были служители, которые секли В.; они заявили, что дано не более 30 ударов. Сущность решения сем. правления в том, «чтобы она (дьяконица) впредь воздерживалась от подобных жалоб, а племяннику внушала бы любовь и повиновение к начальству». По второй жалобе, училище объяснило, что В. явился без билета, и инспектор приказал ему принести билет, он ушел и доселе не явился (в течение 18 дней), а мастеровым его инспектор не называл. Сем. правление решило и об. -прокурор согласился – сделать замечание дьяконице чрез консисторию, а племянника перевести в петропавловское училище, с угрозой об исключении, если будет замечен в подобных поступках.

В 1845 г. ученик петроп. училища низш. отд. Капицкий замечен был в нюханьи табаку; не раз уже у него отбирали табакерку, хотели подвергнуть «отеческой исправительной мере», но он скрылся из училища, неизвестно куда; прежде тоже не зарекомендовал себя поведением и успехами. Предположение училища об исключении семинария утвердила. В 1846 г. сем. правление издало для училищ правила об увольнении в город, подобные семинарским. На запрос же акад. правления в 1852 г. на счет увольнения учеников ведомы родителей во всякое время, как допускало правление моск. академии, семин. правление отвечало, что не следует всех увольнять без разбора, чтобы не поощрять лени и т. п., увольнять же

преимущественно по вниманию к болезни, или вообще слабости здоровья. – Бегство из училищ, по прежнему, продолжалось, хотя в меньшей степени. В 1852 г. не раз убежавший из петроп. училища, А. М. обвинен был еще в похищении денег в знакомом семействе и в нанесении удара ножом товарищу и приговорен правлением к исключению из дух. звания и определению в школу военных кантонистов, с согласия отца, отступившего от него. Братья М–кие (12 и 15 лет) не раз бегали из ал. -невского училища и разыскивались чрез полицию. Сем. правление определило исключить старшего, «как долженствовавшего подавать пример и менее надежного к учению» (1854 г.). К концу периода бегство из училища становится более редким явлением.

Для комнатных надзирателей в училищах сем. правление издало инструкцию, которая в сент. 1844 г. была утверждена св. Синодом. Тогда же определены 6 надзирателей в ал. -невское училище на 470 воспитанников (в петропавловском же были и прежде, стр. 275). Правление следило за соблюдением инструкции и не определяло надзирателей, которые по чему либо не могли точно выполнить ее, напр. в 1851 г. отказало в определении Борисоглебского в ал. -невское училище, не желавшего ночью оставаться с учениками. В 1859 г. ректор петроп. училища, прот. Полисадов доносил правлению о неисполнении инструкции комнатными надзирателями, которые не хотели спать и обедать вместе с воспитанниками. Надзиратели подали объяснение ректору семинарии Нектарию, жалуясь на то, что их притесняют, положение их ухудшают, а труда возлагают более надлежащего, инспектор же Щ. хвалится совсем их уничтожить, как излишних. Сем. правление предписало сделать им внушение, с угрозой и со взятием подписки в точном исполнении обязанностей, прописанных в инструкции, утвержденной св. Синодом в 1844 г.

Большую часть сем. правление относилось с полным доверием к дух. училищным начальствам и не всегда входило в надлежащее обсуждение тех или других представлений с их стороны, вследствие чего отменялись иногда его распоряжения высшим начальством. Напр. в 1861 г., согласно с представлением начальства ал. -невского училища, правление дозволило ему определить двух письмоводителей из учеников училища, но митрополит написал: «не согласен, потому что ученики не могут исправлять должности письмоводителя без ущерба в прямых своих занятиях, и, как маловозрастные не обещают исправности по письмоводству».

Что же касается вообще училищной педагогики и нравственности учеников, то хотя об этом и встречаются одобрительные отзывы некоторых семин. ревизоров, особенно относящиеся ко времени управления прот. Окунева и Кочетова, но с этой стороны спб. училища являлись далеко не благоустроенными. Заявления об этом печати 60-х годов, вроде «очерков бурсь» Помяловского, (который сам учился в ал. -невском училище при Окуневе), считавшиеся обыкновенно слишком преувеличенными, к сожалению, находят некоторое подтверждение в официальных данных. Вот что писал об ал. -невском училище ревизор Карпов в 1863 году. «Грубость учеников и дерзость можно встретить почти на каждом шагу, не выражают они должного уважения не только комнатным надзирателям, но и наставникам; смотритель покровительствует ученикам, не только не подвергая виновных штрафу или замечанию, но еще выражая свое неудовольствие наставнику, если он вносит в журнал дурные поступки учеников в классе; частные проступки, сколь бы важны они ни были, никогда не записываются и официального документа, свидетельствующего о хорошем или худом поведении учеников, нет ни у смотрителя, ни у инспектора; ученики не трогаются отеческими мерами и увещаниями смотрителя, и продолжают курить табак, играть в карты, даже пить водку, буяннить и драться между собою до крови».

Все это поставлено на вид академией – семинарскому и училищному начальству (в 1865 г.). Сем. правление должно было позаботиться об увеличении комнатных надзирателей, о назначении двух помощников инспектора, и вошло по этому поводу в переговоры с учил. начальством. Но вскоре последовала общая реформа.

Ревизия Карпова для училища была исключительной и клонилась в тоже время к проверке деятельности семинарского правления по отношению к дух. училищу. Обыкновенно же наблюдение за производством экзаменов и обозрение дух. училищ принадлежало самому семин. правлению. С этою целью оно назначало ревизоров.

В ал. -невское училище чаще назначался инспектор (Мишин в 1843 и 1847 г., архим. Павел в 1859 г., архим. Корнилий в 1865 г.), иногда и другое лицо из семинарской корпорации, напр. в

1851 г. правление избрало в ревизоры Боголюбова, но, по резолюции митр. Никанора, послан Михайлов с особым предписанием от правления, в заключении которого сказано: «вообще же особым донесением (ревизор) не дремлет, по окончании осмотра, сообщить семин. правлению обо всем, что найдет достойным замечания, а равно и мнение свое о способности и прилежании ректора, инспектора, гувернеров и всех учащихся, с показанием истинной цены каждого из них». Михайлов сделал одобрительный отзыв об училище и сам получил благодарность от митр. Никанора. В петропавловское же училище посылали иногда и посторонних, напр. в 1843 г. Спасосенновского протоиерея Иоанна Иванова, который нашел училище в весьма удовлетворительном состоянии по всем частям, в 1847 г. протоиерея морского собора Иоанна Колоколова. Иногда правление, не назначая ревизоров, поручало произвести экзамен кому либо из своих членов – воспитанникам, назначенным в семинарию, напр. в 1849 г. это поручено было ректору Христофору и инсп. Мишину, иногда же самому училищному начальству поручалось произвести окончательный экзамен и назначить в семинарию «отличных по способностям и успехам» (1845 г.), но при этом, так же как и при ревизиях, правление оставляло за собою право переэкзаменовывать по своему усмотрению присланных в семинарию учеников училища, иногда в присутствии особо назначенных профессоров (1847 г.) В 1853 г. из ал. -невского училища назначено было в семинарию 40 чел. из 1-го отделения, но по экзамену поверочному принято 34, из 37 восп. 2-го отд. 12 отосланы назад в училище, «как недостаточно приготовленные», причем училищному начальству сделано «строгое замечание» за неправильные отметки в свидетельствах. Тогда же из 36 учеников петроп. училища, назначенных в семинарию, вычеркнуто 4. В 1867 г. из ал. неевского училища переведено 45 учеников, а 51 – назначены в конце августа переэкзаменовки: из них принято 43. Число поступавших в семинарию из ал. -невского училища варьирует между 45 (1855 г.) и 109 (1865 г.), из петропавловского – между 27 (1849 г.) и 43 (1857 г.).

Помимо обыкновенных ревизий, бывали экстренные посещения училищ семин. начальством по тем или другим случаям. В 1846 г. ректор академии еп. Афанасий и ректор семинарии архим. Феогност посетили ал. -невское училище и в двух классах не нашли наставников, вследствие чего последовал запрос к училищному начальству и сделано замечание; в тоже время петропавловское училище найдено вполне исправным, и ректор прот. Кочетов получил чрез семин. правление благодарность. В 1851 г., при сдаче училища ректором прот. Окуновым, отказавшимся от должности по многосложности обязанностей, новому ректору архим. Гурию (Карпову, назначен был посредником инспектор Мишин; он же вместе с экон. Троицким в 1854 г. назначен был ревизовать денежные суммы обоих училищ, по предписанию высшего начальства.

Период III – Подготовка реформы дух. семинарии; издание нового устава и введение его в с. -петербургской семинарии

Вопрос о необходимости преобразования духовно-учебных заведений возник и начал разрабатываться со второй половины 50-х годов. Так в 1857 г. синодальный обер-прокурор граф А. И. Толстой писал в своем отчете: «сообразно с современными потребностями, св. Синод признает необходимым заняться пересмотром системы воспитания и образования нашего духовного юношества». С этого же времени высказываются намерения и делаются попытки к устранению разных недостатков в семинарском устройстве, как отчасти это уже и показано выше. В 1858 г. состоялось Высочайшее соизволение об исключении из семинарского курса геодезии и ограничении объема естественных наук (стр. 387, 389). Но «и при этом, – по словам отчета синод. об. -прокурора, – впрочем незначительном сокращении, число наук, преподаваемых в наших академиях и семинариях, остается вдвое и втрое более того, какое преподается в европейских коллегиях и семинариях. Утомляя способности учащихся, не соответствуя самому времени, определенному для учебного курса, многосторонность и разнообразие предметов учения имеет сверх того несомненно вредным последствием заметное истощение телесных сил воспитанников; печальное явление, которое даже не искупается ощутительною пользою для научного образования». Греческий язык и отчасти св. Писание выдвигались на место устраняемых предметов. «Долговременный опыт (приводил также) к убеждению в необходимости упростить прежде приемы преподавания. В нравственном отношении «окружными своими наставлениями св. Синод (старался внушать) местным учебным начальствам, чтобы более прежнего обращено было внимание на духовную жизнь воспитанников», особенно в виду «признаков нравственного недуга, которым в последнее время заразились по местам дух. учебные заведения»; в экономическом отношении – «нищета и лишения, которым обречены беднейшие из воспитанников», необходимость для своекоштных в устройении общежитий, бедность наставников и неимение «средств пользоваться всеми учеными пособиями для усовершенствования себя в преподаваемых ими науках», – все это было также предметом внимания высшего начальства, хотя и признавалось затруднительным напр. «существенное улучшение экономической части, как по возрастающей повсюду дороговизне на жизненные потребности, так и по крайне ограниченным средствам дух. учебного ведомства». Вообще же было признано, «что ни начальники, ни наставники дух. учебных заведений, каким бы усердием к пользе вверенных им заведений они ни горели, не могут вывести дела из такого бедственного положения и следовательно не подлежат за него и ответственности: на обязанности высшего дух. начальства лежит изыскание мер к обновлению жизни дух. уч. заведений... в совершенном уповании на скорую и щедрую помощь от благой десницы Боголюбивого Царя»³⁶⁹. Епархиальные архиереи так же признавали необходимость реформы, призывались высказывать свои мнения и составляли проекты преобразования дух. учебных заведений. Относительно этого находим любопытное свидетельство в одном из писем моск. митр. Филарета к архим. Антонию в 1859 году. Он пишет между прочим: «чудно, что в преосвященном костромском (Разумеется Платон Фивейский) ищут законодателя для училищ: не видно, что обещало бы в нем сие качество. Владыка новгородский (митр. Григорий) написал записку о том, что нужно переменить в училищах. Я написал на нее свою записку, частью соглашаясь с ним, частью представляя неудобства и предлагая свои мысли. Например он хотел, чтобы ученики высших классов ходили в полукафтанах, полурысках и камилавках. Я писал, что камилавку дать неудобно: потому что она при первой степени монашества дается в церкви с благословением. Притом хорошо дать церковную одежду ученикам; если есть надежда сделать ее постоянною; а если будут лицемерить, и вне училища переодеваться в светскую одежду: то пользы не будет³⁷⁰; Главною переменою полагалось устранение медицины и агрономии: но, говорят, правительство на сие не соглашается. А при сем не довольно остается простора для других учебных исправлений. Мне кажется, недостаток не только в уставе училищ, сколько в исполнителях. Ректоры слабо смотрят за учением и поведением, и архиереи недовольно ревностны, от каковых первый есмь аз. Некоторые даже почитают училища чуждыми для себя, как напр. преосвященный

нижегородский (Разумеется Антоний Павлинский), оправдываясь в том, что не позаботился о приготовлении семинарии к прибытию Государя Императора, написал: у них есть свое начальство. Мне кажется, нужнее поощрять и наставлять людей, нежели переписывать уставы»³⁷¹. Тем не менее преобразование митр. Филарет считал необходимым и в возможно скорейшем времени. Между прочим он писал в 1858 году к Филарету Гумилевскому: «дивлюсь, что дело о усовершеннии устройства училищ замедляет кто-то, не имеющий на то права. При нынешнем первенствующем (м. Григории) и при нынешнем об. -прокуроре (А. П. Толстом) это не понятно»³⁷².

Для соображений, при пересмотре прежних уставов дух. учебных заведений, было «признано нужным иметь подробные сведения о состоянии подобных заведений во Франции. С этою целию командирован туда (1858 г.) магистр и бывший бакалавр московской дух. академии Сергиевский», состоявший в то время чиновником особых поручений при об. -прокуроре св. Синода³⁷³. Также отправлявшемуся в 1860 г. на восток управляющему синодальной канцелярией Саломону, с Высочайшего соизволения, поручено было «собрать сведения и о том, как воспитывается и чему обучается на Востоке юношество, приготавливающееся к служению православной церкви». Собранные им сведения признаны полезными особенно по вопросу о внутреннем благоустройстве и дисциплине духовно-учебных заведений. В 1858 году сам Император посетил некоторые из наших дух. семинарий (ярославскую, вологодскую, нижегородскую и литовскую), посещали семинарии и другие лица царской фамилии³⁷⁴. Затем, помимо обычных архиерейских и академических ревизий в семинариях, в 1860 и 1861 гг. экстренно обозрел духовные семинарии десяти епархий директор Дух. уч. управления князь Урусов. Наконец «с целию предварительного собрания верных оснований для зрелого обсуждения этого важного предмета, все ректоры академий и семинарий были приглашены к сообщению своих мнений о тех изменениях и усовершенствованиях, какие они признают полезными в нравственной, учебной и хозяйственной части» дух. учебных заведений. Мнения эти с замечаниями местных преосвященных были представлены к об. -прокурору св. Синода в 1858–59 гг. и из них сделан общий свод, для рассмотрения которого, с представлением окончательных заключений, по определению св. Синода от 25 февр. / 8 марта 1860 г., учрежден особый комитет, вследствие предложения об. -прокурора, который при этом случае снова заявил, что «состояние дух. учебных заведений, сделавшееся в настоящее время предметом всеобщих рассуждений и обратившее на себя Высочайшее внимание Государя Императора, требует существенного изменения и многих улучшений Комитету «предоставлено приглашать к совещанию как духовных, так и светских лиц, и даже вызывать для сего, кого будет нужно, из других епархий... и затем окончательные соображения: о преобразовании дух. уч. заведений представить на рассмотрение св. Синода». В комитете переданы разные материалы, между прочим и замечания кн. Урусова об осмотренных им семинариях и училищах³⁷⁵. В тоже время в печати, как духовной так и светской, постоянно появлялись статьи и сочинения, имевшие предметом своим печальное состояние наших дух. заведений и требование их всесторонней реформы³⁷⁶.

Комитет 1860 г. состоял, под председательством архиепископа херсонского Дмитрия (Муретова), из ректоров – спб. дух. ак. (еп. Нектария, потом Иоанникия Руднева, ныне моск. митр.) и семинарии (Платона), двух чередных архимандритов, (Феофилакта Губина, впоследствии еп. кавказского и Феодосия Шаповаленко впоследствии еп. тамбовского), двух протоиереев, по избранию спб. митрополита (Дебольского и Крупского) к светских членов, по назначению об. -прокурора, (Н. Гаевского, чиновника за об. -прок. столом и Т. Филиппова, чиновника особых поручений при об. -прок., на которого возложено было и делопроизводство). Кроме того приглашены были законоучители: университетский – протоиерей В. Полисадов и, по особому Высочайшему повелению, состоящий при училище правоведения протоиерей М. Богословский. В 1861 г. эти протоиереи сделаны членами комитета, в замену выбывших чередных архимандритов³⁷⁷.

В начале 1862 г. комитет окончил возложенное на него: поручение и представил св. Синоду: 1) общий журнал своих собраний, с подробным разбором «полученных от епархиальных преосвященных предположений, с присовокуплением собственных заключений комитета по всем частям управления дух. семинарий и 2) вновь переделанный на основании заключений и предположений комитета проект устава дух. семинарии», с приложениями.

Документы эти (напечатанные), вместе с «донесением св. Синоду» председателя комитета архиеп. Димитрия, представляют немало интересных данных по вопросу о недостатках в устройстве семинарий и средствах к их устранению. Заимствуем наиболее замечательные из мнений и предположений, тем более что они были приняты во внимание, а некоторые и получили применение, при последующей реформе.

1) По нравственной части. Согласно с отзывами епархиальных архиереев и ректоров, комитета признал, что особенно «воспитание, соответственное главному назначению (духовного юношества) оставляется в крайнем небрежении». Прежде всего, в домах родителей, «особенно необразованных и загрубевших под гнетом нищеты причетников, много грубого, неприличного и даже безнравственного видят их дети» и такой «дух вносят в духовные училища, оказывая «преобладающее влияние на своих невинных товарищей... Зло поддерживается постоянно родительским домом, куда ученики увольняются в свободное от учения время» и где, участвуя между прочим в хождении с родителями «по приходу, они не только бывают свидетелями непристойных поступков родителей своих, но и сами с молодых лет привыкают к ним, а что всего хуже, привыкают к неблагоговеичному и небрежному совершению молитвословий». Во время же учения воспитанники «живут на вольных наемных квартирах, у людей большею частию не только не способных иметь на них какое либо нравственное влияние, но нередко развращающих неопытную их юность примером собственной безнравственной жизни». Существующие средства нравственного надзора в дух. учебных заведениях, особенно за квартирными воспитанниками, «до того недостаточны, что ими едва поддерживается одно внешнее благоприличие в поведении воспитанников, а для спасительного влияния на внутреннюю их жизнь и для сообщения ей истинно нравственного направления, он оказываются совершенно бессильными... для воспитания же религиозного – еще скуднее». С целью «положить начало новому порядку в нравственной жизни дух. уч. заведений», комитет признал необходимым: склонять родителей духовных воспитанников чрез духовников и епархиальное начальство «к внимательнейшему исполнению их обязанностей по отношению к воспитанию детей», за нерадение «подвергать взысканиям», строго воспретить священ. и церк. служителям водить с собой детей по приходу; соединить дух. воспитанников в общежития, по примеру учрежденных в Смоленске с 1857 г., по мысли инспектора архим. Викторина, о которых доставлены были подробный сведения комитету смоленским еп. Антонием³⁷⁸; учеников «ненадежных к исправлению немедленно исключать»; учредить должность комнатных надзирателей – «из младших учителей семинарии, из окончивших курс в академиях, из лучших учеников, окончивших курс в семинариях, – людей вполне благонадежных по поведению, искренно благочестивых и сердечно преданных благу церкви (для них составлена комитетом и подробная инструкция); «при каждой семинарии устроить свою церковь», с ежедневным богослужением, которое посещается учениками последнего курса обязательно, а остальными по свободному усердию и частно по назначению инспектора – до 10 человек для чтения и пения, но в среду и пяток ранняя литургия обязательна для всех, не говоря о богослужении праздничных дней, число которых комитетом значительно увеличивалось; чтение и пение при богослужении и прислуживание в алтаре (поочередно) так же обязательно для всех воспитанников; обязать учеников говеть 4 раза в год; произнесение проповедей ими в церкви отменить, как не назидательное, а предоставить это наставникам; следить за строгим и благоговеичным соблюдением всех православных постановлений и обычаев, приучать их «к постоянно-молитвенному настроению ума и сердца»; учредить при семинарии должность духовника «для постоянного пастырски-отеческого наблюдения за развитием внутренней жизни воспитанников», научения их «духовному бодрствованию над собою, мысленной брани и умной молитве» и т. д.³⁷⁹; поощрять духовно-назидательное чтение сообща и порознь, в преподавании вообще держаться духа благочестия. Далее поставлены были вопросы: о вредном действии поощрений за благонравие и разрядных списков, но комитет высказался в пользу поощрений и списков; «о дурном обращении начальствующих и учащихся с воспитанниками; о недостатке образования вкуса и благоприличия в обращении воспитанников; о недостатке приличных развлечений в свободное от занятий время»; наконец, «о недостатке однообразия в одежде учеников», которых некоторые архиереи желали одеть в полурыски. Последнее комитет не нашел полезным, но скорее вредным, как повод к новому послушанию, к пересудам, даже глумлению и кощунству со стороны общества; большую же

часть других недостатков предоставил исправлять воспитателям. Прогулки, игры, гимнастические упражнения, ручные работы и пение признал необходимыми, и вообще обратил внимание на средства к сохранению здоровья, музыку не воспретил, но не советовал и поощрял, сценические упражнения нашел излишними но недостатку драматических произведений, приличных для дух. учебных заведений, но литературные чтения, под руководством одного из опытных наставников, как собственных сочинений учеников, так я печатных произведений – стихотворных и прозаических – одобрил, как весьма полезные.

2) По учебной части. Признав, что «с специальным богословским образованием, как необходимое к нему приготовление должно соединяться образование общее», комитет постановил: из 12-ти летнего курса первые 8 лет назначить на преподавание предметов общих, «приблизительно в размере гимназическом, но с характером духовных заведений»; остальные же 4 года посвятить предметам богословским. Ради удобств педагогических, административных и экономических низшие училища соединить одно заведение с семинарией (для всех сословий), разделив 12 классом, ее на 3 отделения: низшее (для первоначального, приготовительного образования), среднее (для образования общего) и высшее (для образования собственно богословского); закончившие 8 летний курс общего образования получают, по желанию, аттестата и права окончивших гимназический курс, или поступают в высшее богословское отделение. «Чрез это и духовно-учебные заведения, и вообще духовное сословие, освободятся от лиц, вступающих туда без свободного призвания, по принуждению житейских обстоятельств, и потому не искренно преданных делу своего звания и своим влиянием нередко расстраивающих доброе настроение своих товарищей». Из предметов общего образования латинский и греческий языки «не только удержать в семин. программе, но по возможности усилить», согласно с мнением «лучших педагогов Европы»³⁸⁰; еврейский язык так же удержать в программе; французский и немецкий (из которых один обязателен для всех, а оба вместе по желанию) начинать даже с низших классов, так как «в молодых летах языки вообще легче усваиваются». Изучению отечественного языка и литературы, в связи с общою словесностью (преподаваемою «по преимуществу практически»), а так же и языка церковно-славянского, дать более места; историю и географию «преподавать в надлежащей полноте и возможном приспособлении к главной цели семин. образования». Сельское хозяйство, естественную историю и медицину, как недостигающие предположенной цели и напрасно отнимающие время, отменить, (хотя в пользу оставления медицины в семинарии было несколько мнений архиереев и ректоров) из естественных же наук ввести «физиологию, как науку, составляющую основание естествоведения и сверх того состоящую в тесной связи с психологию, преподавать так же физику и физическую географию («более в популярном виде»), по математике сделать обязательно только арифметику, а алгебру с геометрией предоставить на волю желающих, как науки принадлежащие «более к специальному образованию», к которым «не все ученики имеют способность и охоту». Из философских наук, кроме логики с психологией, преподавать метафизику и критический обзор главнейших философских систем, «ибо сии предметы полезны не только для развития и укрепления мыслительной способности учащихся, но и для более основательного изучения самой системы христианского вероучения»: метафизика хотя начинается на 8-м году семин. курса, но оканчивается уже в IX классе, где проходится и обзор философских учений. Из духовных предметов в общий курс предположено ввести, кроме свящ. истории с катехизисом и церк. устава с церковным пением в низшем отделении (1-й – 4-й годы), – свящ. писание с библейскими древностями (в популярном виде) и церк. историю – в среднем отделении (5-й – 8-й годы); православное же исповедание и учение о богослуж. книгах, как особые науки, вовсе отменить. В высшем, богословском отделении, кроме свящ. писания с еврейским языком и церк. истории (9-й и 10-й годы), который вообще предположено усилить, преподаются: богословия – основное, догматическое, нравственное, пастырское и обличительное, из последнего особенно обличение латинства, лютеранства и преимущественно русского раскола. Патрологию, гомилетику, литургику и канонику, вопреки мнению некоторых архиереев и ректоров, предлагавших соединить эти науки с церк. историей и другими богословскими, комитет оставил также в виде отдельных предметов. К высшему тоже курсу отнесены; пасхалия и главные основания педагогики вообще и дидактика в особенности. Далее комитет обратил внимание на улучшение метода преподавания, на устранение чтения лекций, или

печатных книг в классе, и развитие удобопонятного и живого изъяснения, при постоянном обращении с вопросами ко всему классу, на необходимость программ и печатных руководств по всем предметам, с образованием для того особого ученого комитета, на необходимость снабдить семинар. библиотеки учеными пособиями и каталогами избранных сочинений, особенно книгами свящ. писания, богослужебными, четыминиями и завести ученические библиотеки; для лучшего надзора особенно за учебной частью учредить педагогический совет из ректора с инспектором, старших наставников и 3 – 4 лиц епархиального духовенства, где дела решаются по большинству голосов, с утверждением архиерея. Публичные испытания – с целью внушить обществу доверие к образованию будущих пастырей народа – предположены только из некоторых наук, но ученики могут читать на них приготовленные ими трактаты по разным предметам и давать в объяснение, языком точным и правильным, ответы каждому спрашивающему из публики; затем на собрании происходит чтение отчетов, объявление переводов и раздача наград. Мнение о бесполезности двукратных в течение года испытаний, высказанное несколькими ректорами и архиереями, против которого были представлены в комитет возражения, особенно прот. Крупским, отстранено, и испытания по прежнему оставлены два раза, особенно для старших классов. При этом составлены и частные правила для экзаменов (комитетами) и экзаменических отметок (от 0 до 10). Предметы вновь распределены по годам и учебным часам, причем каждому преподавателю назначен один предмет для всех массов, а если два, то сродные и близкие между собою; уроки сделаны по 1 1/8 часа – для первых 8 классов и по 1 1/2 часа для 4-х последних; в классе допущено до 80 человек, а по предметам, по которым пишутся сочинения, до 60.

3) По хозяйственной части. Комитет признал, что «вопрос об улучшении содержания наставников и учащихся в семинариях есть вопрос первой важности. С него именно должно начаться улучшение и всех прочих частей; без него нельзя и думать об усовершенствовании ни учебной, ни нравственной части в семинариях, потому что все попытки к тому не будут иметь успеха. Как ни изменять программу учения, но главные науки во всяком случае останутся почти те же; а без увеличения средств дух. учебных заведений и успех в науках будет прежний: ибо успех учения зависит не столько от достоинства программ и строгости предписаний начальства, сколько от усердной и просвещенной деятельности учителя. Главное несчастье наших учебных заведений состоит именно в том, что скудость средств лишает их хороших учителей и принуждает их терпеть не только посредственных, но даже и плохих. Да и станет ли духу у ближайшего начальства быть строго взыскательным к бедному учителю; который за свою службу не имеет почти и насущного хлеба, а должен добывать его посторонними занятиями?... Крайняя скудость средств (содержания) развивает и в дух. воспитанниках то недовольство своим состоянием, а затем и пренебрежение к своему званию и обязанностям его, которое постепенно усиливается с развитием умственных сил и которое так ощутительно растет во всем духовенстве нашем. Она побуждает мальчика смотреть на начальника, как на недоброжелателя, который заставляет его терпеть голод и холод, а между тем спрашивает и взыскивает за опущение обязанностей. И здесь-то конечно корень того глухого, но тем не менее сильного, ропота на свое начальство, которые слышится во всем духовном сословии. При таком положении дела, позволительно ли надеяться на улучшение нравственности в наших училищах, а потом и в духовенстве?» Согласно с общим голосом преосвященных и ректоров, комитете постановил: оклады семинарских наставников возвысить сообразно с штатами министерства нар. просвещения, причем разделить наставников на старших, (числом не более 10), выслуживших не менее 6 лет и избранных педагогическим советом, и младших, и постепенно прибавлять жалованье: после 10 лет службы – четверть, после 15 – половину, после 20 – три четверти жалованья, после 25 лет, если наставник местным начальством признан будет полезным для семинарии, выдавать двойной оклад. Далее обращено внимание на тесноту и неопрятность помещений, недостаточность сумм на содержание дома и воспитанников, неудовлетворительное состояние семинарских больниц, несвоевременность присылки денег на содержание дух. учебных заведений. Общие ординарные расходы на епархиальные дух. уч. заведения, простиравшиеся в год до 1 300 000 р. признано необходимым увеличить до 3-х с половиной миллионов. Между тем в распоряжении Дух. уч. управления было в ежегодном приходе только около 1 600 000 р. (950 000 свечного дохода и около 550 000 р. процентов с капитала). Не видя другого исхода и не ожидая существенного

пособия от Государственного казначейства, комитет пришел к мысли: «не требуя от епархий представления свечных доходов в св. Синоде, предоставить им самим содержать необходимые для них дух. учебные заведения на свои доходы», в виду того; что «в большей части епархий свечные доходы собираются весьма неисправно... духовенство же, сознавая нужду воспитания детей своих и убедившись, что средства к этому зависят от его собственного усердия, скорее изыщет меры к увеличению свечного дохода»; а Синод оставить за собой «только необходимый надзор и контроль за содержанием и состоянием дух. уч. заведений», при посредстве смет, годовых бюджетов, составляемых семинариями каждое 3-х летие, отчетов и ревизий на месте. Закон о предоставлении в исключительную собственность церкви продажи церк. свеч, с Высочайшего соизволения, должен быть восстановлен во всей своей силе, с «воспрещением торговать ими частным лицам, как оптом так и в розницу». Проценты с дух. учебных капиталов – употреблять на экстраординарные расходы (пенсии, прогоны, постройки и т. п., а так же и на жалованье в академиях); расходы же на содержание разных канцелярий синод. ведомства «по всей справедливости должны быть отнесены на счет Государственного казначейства».³⁸¹

По управлению. Оставляя правление семинарии в прежнем виде, комитет расширил над ним власть епархиального архиерея, поставив под его «главное начальство» правление, тогда как прежде оно было только под «главным ведомством епарх. архиерея». Комитет признал полезным «ректоров семинарий (из архимандритов или протоиереев) назначать не по одним только ученым достоинствам, но и по доказанной на деле особой опытности в деле воспитания и нелицемерному благочестию» и «без особенно настоятельной надобности» не перемещать их с места на место, а оказавшихся не вполне способными увольнять вовсе от училищной службы; в инспекторы (по баллотированию) в педагог. совет) «определять опытейших и достойнейших из наставников, имеющих священный сан», и отличающихся «искренним благочестием», (с освобождением от преподавательства); эконоом «избирается местным духовенством из священнослужителей, заслуживающих полное доверие»; в наставники назначать из окончивших академический курс, расположенных к духовному званию³⁸² и занимавшихся специально избранным предметом, из которого сдается особый экзамен или пробные уроки в конференции, конференция же выдает «особенный аттестат наставнический». В академии предположено обязательными сделать только богословские науки и педагогику, из светских наук предоставить воле каждого студента избирать одну или две однородных, для специального изучения. Посторонние должности для служащих в семинарии могут допускаться с разбором. Педагогический совет учреждается для постоянного общения и взаимного обмена мыслей между начальствующими и учащими в семинариях, направленного к изысканию всех возможных средств привести дух. учебный заведения в наилучшее состояние, частью же и к водворению полнейшего беспристрастия и строжайшей справедливости во внутреннем управлении семинариями». На усмотрение епарх. преосвященных обязательно «вносить только журнальные по важным делам постановления правления».

С вышеизложенным проектом преобразования семинарий не все члены комитета 1860 года согласились и некоторые из них представили отдельные мнения.

Действ. ст. советник Гаевский особенно возражал против двойственности цели дух. уч. заведений, т. е. «приготовления достойных пастырей церкви» и доставления духовенству возможности воспитывать детей в дух. заведениях, с предоставлением им «дороги и вне дух. звания», причем первая – существенная – цель страдает от второстепенной, образование духовное, богословское отчасти приносится в жертву образованию общему, светскому, которое не достигает тоже полной основательности; в духовных же заведениях происходит многолюдство, неудобное для педагогики, отяготительное для экономии и совершенно излишнее для церкви. Проектированный 12-ти летний курс семинарского учения в сущности не устраняет прежних недостатков, предоставление же ученикам права чрез 8 лет выходить из семинарии с гимназическим аттестатом «видимым образом поощряет их к выходу из духовного в светское звание», тем более что после 4-х летнего обучения в богословских классах семинаристу предстоит незавидная доля служить до получения священнического места несколько лет в звании причетника и диакона. Если же допустить общеобразовательный 8-ми летний курс в семинарии, то с обучением лишь на иждивении родителей, и только поступивших в богословские классы принимать на казенное, или правильное – церковное, содержание.

Таким образом, «церковные суммы, вместо бесполезной и несправедливой траты на людей, ненужных для церкви, стали бы обращаться в пользу именно тех лиц, которые посвятят себя на служение оной». Тогда, «без сомнения откроется возможность к улучшению состояния не только училищ, но всего служащего духовенства». Указав некоторые из практических неудобств проектированных семинарий, как то: необходимость перестраивать все семинарские здания, значительно увеличить расходы на ремонт, неудобства в наблюдении за тысячами воспитанников вместо сотен, – Гаевский решительно отвергает целесообразность предположения содержать семинарии самим епархиям на свечные доходы, указывая, на основании цифровых данных, на то, что епархиальные начальства вообще не увеличат свечных доходов, между тем семинарии разных епархий окажутся в различном положении, в одних оклады могут увеличиться на счет епархиальных свечных доходов, в других они уменьшатся сравнительно с теперешними; притом епархиям с меньшими средствами, но с большим числом учащихся, придется иметь больше расходов, чем епархиям, где церквей больше, а учащихся меньше и т. д.

Другой член комитета из светских, Т. П. Филиппов в своем «особом мнении» разобрал проект комитета по всем частям, подтверждая по местам свои взгляды отзывами некоторых преосвященных и ректоров. 1) По нравственной части, – он указывает напр. на невозможность найти тех идеальных, «высоконравственных и горящих духом надзирателей», каких предположил комитет, а при этой невозможности кандидатами будут «обыкновенные воспитанники дух. семинарий, с их весьма известными всем недостатками и достоинствами», на которых вовсе не целесообразно ежегодно расходовать 200 тыс. руб. (на 2000 надзирателей). Следующие средства к развитию благочестия в дух. воспитанниках, предложенные комитетом, находит неудобными и излишними: увеличение числа праздничных дней, хождение учеников каждую неделю, в среду и пятницу, к литургии, меры поощрения за внутреннее благочестие, вмешательство епархиальной власти в дело воспитания детей родителями, предписание «освещать светом веры православной все семинарские науки». Относительно последнего требования, как известно, практикующегося в иезуитских коллегиях, Филиппов замечает, что оно во многих случаях неисполнимо. Не только математика не может быть поставлена в связь с науками нравственными и богословскими, но и истории «придать такой характер совершенно не возможно, не исказив прямого смысла событий и не наполнив учебника скучным пустословием, вредным для науки и даже для самой религиозной истины, которая имеет за себя множество самых прямых и ясных свидетельств и не может нуждаться в пособии каких нибудь ученых натяжек. Охраняя истину веры от такой услуги, которая, как всякая *pro fraudis*, ей вовсе не нужна и... ее недостойна, нельзя умолчать и о том уважении к свободе самой науки, которую нарушать честный преподаватель не должен ни для какой цели... Сказанное о преподавании истории распространяется на преподавание всех других предметов». Вообще же в деле развития благочестивого расположения в воспитанниках нужно наблюдать большую осмотрительность, чтобы «благоразумно сообразоваться в воспитательных приемах со степенью собственного свободного расположения воспитанника и не напрягать излишне молодой души, возводя ее на такую высоту, на которой она будет бессильна удержаться. Обыкновенным последствием сих неумеренных напряжений бывает общее расслабление души, отвращение от самых легких упражнений благочестия, мрачное уныние и т. д. Лучше ограничиться прочным и верным развитием в воспитанниках обыкновенных честных свойств, напр. отвращения ко лжи, сострадания к чужой беде, искренности в отношении к товарищам и высшим и т. п. и оставить высшие стремления могущим вместить... При назначении в каждую семинарию духовника – старца, которому предполагается вверить руководство воспитанников ко благочестию, указанные опасности весьма возможны: как ни опытен будет старец в жизни собственно духовной (впрочем возможно еще сомнение, найдется ли у нас столько духовно опытных старцев; сколько их потребуются для духовно-учебных заведений, по предположениям комитета), весьма может случиться, что он будет мало знаком с обыкновенными педагогическими требованиями и, применив к учебному заведению порядок воспитания монастырского, нарушит правильность и постепенность в развитии нравственной жизни воспитанников... Так же и к восстановлению в духовных училищах уважения к делам внешнего благочестия надобно приступить с величайшею осмотрительностью и искусством: ибо и здесь есть свои опасности и некоторые

особые обстоятельства, без соображения которых нельзя иметь надежды на действительный успех и даже можно привести дело еще в худшее положение. Прежде всего должно упомянуть о лицемерном исполнении некоторыми воспитанниками всех предписаний внешнего благочестия, без малейшего соответствия между их внутренним настроением и наружными действиями, с целью восхитить доверие и внимание начальства и сопряженные с ними житейские выгоды. Недостаток проницательного рассмотрения действительных побуждений, коими воспитанники руководствуются в своем усердии, и нерассудительное поощрение под наружным видом благочестия скрывающейся своекорыстной лжи разрушительно действуют на общее настроение духовных заведений; презрение к цели лицемеров невольно распространяется и на те их действия, которые сами по себе достойны всякого уважения. Посему предстоит настоятельная необходимость, уничтожить некоторые вкоренившиеся в дух. заведения обычаи, по коим наружное благочестие вознаграждается особыми, чисто житейскими выгодами и незаслуженным предпочтением». 2) По учебной части, вполне одобряя исключение из семинарской программы наук реально-утилитарных, введенных при гр. Пратасове, и усиление классических языков, Филиппов находит, что комитет с устранением одного существенного недостатка – «пестроты и разнородности» предметов, не устраняет другого – их «многочисленности», – и предлагает некоторые предметы слить в один, напр. гомиетику с общею теориею словесности (с чем согласились и члены комитета, прот. Дебольский и Богословский), физическую географию с политической, другие устранить как излишние, напр. психологию с физиологией, еврейский язык; но алгебру с геометрией защищает, как необходимый для более основательного общего развития; о характере же преподавания истории, физики, словесности замечает, что науки эти сами по себе весьма важны для общего образования, а не по тому «служебному значению», какое хочет усвоить им комитет; наконец указывает разные практические неудобства от соединения всех воспитанников епархии в одно епархиальное дух. учебное заведение. 3) По хозяйственной части, – сбор свечной прибыли епархиальными начальствами признает бесполезным для предположенной цели, содержание же семинарии на местные епархиальные средства от свечных операций невыгодным уже по тому, что семинарии будут терпеть неравенство в содержании, а следовательно и вообще в состоянии своем, и испытывать в нем постоянные колебания, как это было в XVIII столетии, когда епархиальные училища, содержавшиеся сбором хлеба по епархии, а впоследствии сбором денег, заменивших хлеб, периодически закрывались и ученики распускались за несоборанием хлеба. Вся важность заключается не в том, куда будет стекаться свечная прибыль, а в упорядочении ее сбора, в установлении надзора и строгой отчетности в этом дел. 4) По управлению – Филиппов прежде всего замечает, что «существующее узаконение (о назначении в ректоры семинарии архимандритов или протоиереев) возобладавшим обычаем изменено в пользу архимандритов и в ущерб протоиереев и, должно прибавить, самого дела». Хотя «монашествующее лицо, как свободное от лишних домашних забот, в состоянии принести заведению более пользы, чем лицо, связанное попечениями о делах собственной семьи; но таких как в нашем дух. учебном ведомстве чувствуется заметный недостаток в опытных и способных ректорах семинарий... то предстоит крайняя необходимость устремить на это обстоятельство особенное внимание и сделать (в уставе) такое дополнение, которого смысл предотвратил бы на будущее время несогласное с законом предпочтение, породившее такие прискорбные последствия, и доставил бы протоиереям, наравне с архимандритами, свободный доступ к занятию ректорских должностей. Отдавать преимущество сану пред способности к делу, значить, самих себя лишать многих средств вести дело с наилучшим успехом». Избрание ректора, как «дело первой важности для семинарии», должно быть предоставлено, по прежнему, исключительно усмотрению св. Синода, без всяких представлений о том епархиальных преосвященных, какие допускаются комитетом. Для правления семинарии и педагогического совета автор желает известной «доли независимости» от епархиальной власти, так что «рассуждение несогласий между этими учреждениями и местными архиереями, за упразднением академических правлений, должно будет предоставить Дух. уч. управлению, которое при другом, новом своем устройстве будет в состоянии понести тяготу такой обязанности». По вопросу о допущении в семинарии воспитанников из всех сословий, Филиппов ратует за полную свободу в этом отношении и совершенное уничтожение замкнутости духовного сословия и, ссылаясь на 33-й

канон VI вселенского собора, находит излишним предположенное комитетом по означенному вопросу ограничение, состоящее в том, чтобы собирать сведения о детях светского звания, «имеют ли они собственное внутреннее влечение посвятить себя на служение церкви».

По свидетельству протоиерея Горского, и другие члены комитета не вполне сочувствовали выработанному проекту. Князь Урусов говорил, что преосвящ. Димитрий замышляет преобразования, не задумываясь о средствах к их осуществлению», или, как выражается сам Горский, «он как будто закрывает глаза» от некоторых недоумений и «затруднений в исполнении его планов» и при всей «возвышенности цели и желании пользы дух. юношеству и церкви» предлагает «малонадежные средства к осуществлению» планов. С другой стороны, преосв. Димитрия обвиняли и в «слабости, недостатке характера – выдержать свое мнение». Он «не тверд в собственных мыслях и предположениях и часто уступает представлениям ректора академии и семинарии петербургских, которые (по предположению) имели тайные инструкции от преосв. Григория». Об отношении к делу других духовных членов так же находим сведения в дневник Горского. Преосв. Нектарий «не выказывает непреклонной твердости стоять за принятые начала, писал Горский к митр. Филарету из С. -Петербурга, – поэтому, может статься, первоначальный план преобразования будет изменен. Для блага наших училищ надобно желать, чтобы Ваше Высокопреосвященство, прп предстоящем свидании с владыкою новгородским (Исидором, который тогда должен был из Киева проезжать чрез Москву в С. -Петербург), в беседе с ним, обратили внимание на предполагаемое их преобразование. Высокопреосвященный Исидор своих замечаний об этом предмет не сообщил св. Синоду, вместе с другими преосвященными: но препроводить записку ректора киевской семинарии, ныне академии (Иоанникия, занявшего потом в комитете место Нектария), – которая теперь не требует преобразований в устройстве наших училищ, но ограничивается скромными требованиями, – и от себя прибавил только, что вполне разделяет мнение своего ректора». Сам Горский, согласно с взглядом митр. Филарета, был против основных мыслей комитетского проекта о содержании каждой семинарии на средства своей епархии и разделения семинарий на общую гимназию и закрытую семинарию. Другие из членов отмалчивались, напр. от прот. Дебольского, по выражению кн. Урусова, «слова не слышали». Об отношениях между светскими и духовными членами комитета Горский пишет, что между ними «замечается охлаждение». Светские говорят, что планы преобразования не имеют себе твердой опоры... Может быть, светских пугает подозреваемое желание устранить их от заведывания духовно-учебными капиталами... Князь Урусов твердит одно: а) прибавки к окладам на семинарии ждать не откуда, б) число воспитанников семинарии нужно уменьшить, приблизив его к действительной потребности для духовного звания, в) приготавливающиеся к духовному званию должны быть воспитываемы по особым строгим правилам». Из посторонних, но влиятельных лиц, протопресвитер Бажанов высказывался по поводу занятий комитета: «не надобно молодых людей особым костюмом и вообще правилами жизни отчуждать от общества; пусть они удаляются дурных людей, но не бегают и не дичатся хороших. Но общежития полезны, для устранения от худых примеров. Светские думают подействовать на улучшение воспитанников более внешними мерами. Но из этого не выйдет ничего полезного; будут лицемеры; может быть возбуждено даже отвращение от благочестия. Нужно ли нам желать, чтобы наши священники были похожи на парижских? (по поводу речи о малой семинарии). Когда преосв. митр. Григорий в своем проекте написал, чтобы ученики говели и приобщались четыре раза: я сказал что это невозможно, потому что летом в успенский пост в селах и службы ежедневной не бывает. Митрополит признал неудобоисполнимость своего требования, сознавшись, что это Сербинович внушил ему. Проект Иннокентия каадатского односторонен, составлен по идеям края неразвитого общественно»³⁸³.

В 1862–63 г. проект комитета 1860 г. со всеми работами разослан был, по определению св. Синода, к епархиальным архиереям, с предписанием, «чтобы, по рассмотрении сих положений комитета чрез лиц известных своею педагогическою опытностью, представлено было св. Синоду заключение». С этою целью, по распоряжению митр. Исидора, при спб. семинарии составлен был комитет, под председательством викария Леонтия, еп. ревельского (потом – Герасима Добросердова) из ректора, инспектора и профессоров семинарии, «с предоставлением членам комитета полной свободы мнений и внесением в журнал частных мнений, не согласных с заключением большинства», причем по вопросам, касающимся

училищ, дозволено приглашать начальников и более опытных из учителей дух. училища. Комитета возражал против многих пунктов проекта и высказал свои предположения, с целью изменения их.

Так, по нравственной части, семинарский комитет нашел излишними строгие предписания и взыскания с духовенства по поводу домашнего воспитания детей, заметив, что с улучшением семинарского образования и воспитания духовенство, естественно, улучшится само собой. Председатель же еп. Леонтий признал даже полезным хождение детей по приходу для развития религиозного чувства, лишь бы только при этом соблюдалось приличие их отцами. Наставников не следует обязывать произносить поучения в семинарской церкви по праздникам, а предоставить это их воле, учеников можно допускать проповедывать разве только в приходских церквях. Инспекторскую должность поручать и лицам не имеющим священного сана. От преподавания инспектора не устранять (Бажанов с Розановым), строго определить, какие наказания инспектор может налагать (Вл. Никольский). Пререкания между инспектором и помощниками предоставлять на разрешение не ректора, а педагогического совета, которому вообще предоставить более участия и влияния в педагогии семинарской. В надзиратели не удобно назначать младших наставников, как занятых своим учительским делом; срок службы надзирателей установить не менее 4-х лет, с предоставлением им полного казенного содержания и прав учительских, а – из академ. воспитанников – и возвышенного оклада. Мнение г. Филиппова о надзирателях «неосновательно и оскорбительно для всего духовного сословия». Дозволить увольнение воспитанников к родственникам и даже знакомым на ночь; неувольнение же считать в числе наказаний (Бажанов и Розанов): в день ангела освобождать от учебных занятий. Каникулы увеличить до двух месяцев. О неодобрительном направлении наставника ректор не сразу должен доводить до сведения архиерея, а сначала сам сделать замечание, потом довести до сведения и педагогич. совета. Не вменять наставникам в обязанность наблюдение за учениками вне класса, а предоставить это их личному усмотрению. Выражение устава «благоговейно» (делать крестное знамение) заменить словом «правильно», чтобы не развивать лицемерия. «Частное дело благочестия вменять законодательным путем, значит, пролагать дорогу лицемерию» (Вл. Никольский). Слишком частое присутствие при богослужении излишне, с ибо может только ослабить и притупить чувство религиозного благоговения к священнодействиям и обрядам церкви». Частые и продолжительные, так называемые, «благочестивые упражнения» могут служить лишь «обременением для неокрепшего еще религиозного чувства», трудны даже для подвижников, могут обратиться в пустой «механический навык», в одну «внешность», а в иных возбудят даже прямое «нерасположение к ним». Поэтому следует ограничить число дней для присутствия при богослужении и сократить число праздников (проектированное); не обязывать к чтению душевспасительных книг между церк. службой и столом, или акафистов при домашней молитве, во время говения. Параграф устава, в котором высказывается желание, чтобы по крайней мере старшие наставники имели священнослужительский сан, исключить. Пение допустить вообще в свободное время, а не по праздникам только. Выражение: музыку «поощрять нет надобности» исключить, но прибавить, чтобы она не вредила учебным занятиям и здоровью. Мера – предоставлять ученика в карцер «скуке и раскаянию» – не педагогична, лишать книг заключенного не следует; более суток не сажать в уединенное заключение. Обвиняемого в уголовном преступлении ученика не исключать из семинарии, пока по следствию не окажется виновным. Отзывам местных священнослужителей о поведении учеников в вакацию семин. начальство не обязуется вполне доверять, но с разбором и проверкой с собственными наблюдениями. По учебной части, – 12-ти летний курс велик, достаточно 10 лет, тем более что некоторые науки можно пройти скорее, чем предполагает комитет, напр. свящ. историю, арифметику, устав и т. п. Математика, по мнению ректора Платона, поддержанному и некоторыми наставниками, должна быть обязательна, «как важная из наук общего образования». Двукратные испытания в году излишни, только малоуспешных можно и в декабре экзаменовывать, с обсуждением результатов испытания в педагог. совете; публичные же экзамены заменить годичными актами, на которых преподаватели могут произносить речи, читать ученые трактаты, а лучшие ученики – свои сочинения, или импровизировать поучения. Ректор Платон предлагал и на частные испытания допускать всех желающих. О поступающих в семинарию светских собирать сведения

затруднительно, следует допускать их свободно, как и духовных в светские заведения, но с светских можно установить плату за обучение в пользу наставников, пока не перейдут в богословское отделение, снисхождения же им не делать на экзамене по классическим языкам, «чтобы не унижать значения этих языков». (Инсп. Палладий высказался против платы с светских, потому что они и без того почти не поступают в семинарии, а свящ. Розанов – в пользу снисхождения по классич. языкам). Дела по управлению семинарией в педагогическом совете могут возбуждаться по предложению кого либо из членов его, в порядке старшинства. Младшим наставникам должно предоставить одинаковое право голоса (Люперсолский и Розанов). По хозяйственной части, – помещение всех училищ епархии в одном в городе неудобно и затруднительно. Наставникам кроме жалованья определить квартирное пособие. В экономах избирать лучше не из священнослужителей, чтобы не стесняла посторонняя должность. Членам от духовенства предоставить более участия по экономическим делам. Ревизию архиереев производит лично, а не чрез доверенных лиц. Текущие расходы дозволить покрывать всякими остатками от прошлого года. – Помимо того, вообще в проекте устава комитет нашел излишними: разные назидательные увещания и наставления, напр. духовнику, комнатным надзирателям, вместо точных правил; мелочные и частные постановления, напр. о распределении часов для домашних занятий учеников, жизни в общежитиях, о чтении книг и порядке их выдачи, о назначении времени каникул и проч., что может быть предоставлено усмотрению местного начальства и педагогического совета. Затем предложил немедленно – отменить медицину и сельское хозяйство с естеств. историей и усилить древние языки, со введением и еврейского, учредить педагогические советы, экзамены комитетами, а также и определять гувернеров, где есть для того средства.

Проект комитета 1860 года «был обсуждаем в продолжение 4-х лет (1863–66), как в местных епархиальных комитетах³⁸⁴, так и в духовной и светской литературе. Путем долгого всестороннего обсуждения вполне выяснилась мысль о необходимости неотлагательного и коренного преобразования во всем строе дух. уч. заведений. Но приступить к ее осуществлению не предвиделось никакой возможности по недостатку денежных средств»³⁸⁵.

Между тем некоторые из предположений комитета, наиболее совпадающие с общими взглядами и желаниями, получили осуществление еще до издания нового устава, как и выше мы уже видели. Изменения в учебной части и администрации семинарий предприняты были в виде опыта сначала по некоторым епархиям, а потом и вообще. Так, по представлению еп. смоленского Антония (1865 г.), из семин. программы исключены: медицина, естественная история, сельское хозяйство, катехизис Петра Могилы, учение о богослуж. книгах и патрология; изучение древних классических языков и философских наук усилено; введена педагогика; в распределении предметов введено более единства и «сосредоточенности в занятиях»; наставники разделены на младших и старших (с добавочным содержанием); состав правления увеличен старшими наставниками и тремя более просвещенными из духовенства, с смотрителем училища, при допущении и младших наставников с совещательным голосом. В правление семинарии стали допускать представителей от духовенства и наставников и в других епархиях (астраханской, херсонской, саратовской), или учреждать педагогические собрания, по распоряжению местных преосвященных, с разрешения св. Синода. Улучшение же материального быта духовно-учебных заведений происходило пока при помощи местных епархиальных средств и частных пожертвований, причем особенно духовенство приглашалось «к наблюдению за правильным расхождением сумм»³⁸⁶. Но все такие средства, по словам отчета об. -прокурора за 1866 год, были «слишком недостаточны для улучшения общего положения дух. учебных заведений... Между окладами (духовных наставников) и вознаграждением за одинаковые труды по учебным заведениям мин. нар. просвещения не было никакой соразмерности. Последствия были весьма печальные. Наставники тяготились дух. учебною службою и пользовались первым удобным случаем перейти на другие более обеспечивающие служебные поприща. В течении одного 1865 г. оставили дух. училищную службу 41 наставник. Постоянная смена преподавателей крайне вредно влияла на правильный ход дух. образования, дух. учебные заведения близились к большому упадку. И вот новый об. -прокурор св. Синода, граф Д. А. Толстой, по своей энергии, стремлении внести новую струю в быт духовенства и отчасти по своим отношениям к нему, напомнивший собою гр. Протасова, «счел своею священною обязанностию всеподданнейше ходатайствовать пред

Его Величеством о назначении из казны необходимого для дух. уч. заведения пособия в размер 1500000 р. ежегодно, с тем, чтобы для облегчения госуд. казначейства сумма эта была отпускаема превонаначально не вся, а в постепенно увеличивающихся мерах, пока не дойдет до означенной нормы» (в 1867 г. 300 тыс., в 1808 г. – 600 тыс. и т. д. до 1871 г. – 1 1/2 милл.). 14 марта 1866 г. по общему всеподданнейшему докладу статс-секретаря Рейтерна и об. -прок. Толстого состоялось Высочайшее назначение означенного пособия, ассигнование же его предположено «начать с тех епархий, духовенство коих оказало или окажет сочувствие к нуждам дух. уч. заведений воспособлением из местных своих способов». Высочайшая милость эта «составляет эпоху в истории духовного просвещения в нашем отечестве, с наступлением которой начинается возрождение дух. учебных заведений к новой жизни, организованной на более прочных началах»³⁸⁷.

Когда обозначилось, что проект комитета 1860 года, встретивший столько возражений, (академические конференции также высказались решительно против него), не может осуществиться, – но предложению гр. Д. А. Толстого, горячо взявшегося за дело реформы, с Высочайшего соизволения от 19 марта 1866 г. открыт был новый комитет под председательством митр. киевского Арсения, с назначением в помощь ему, присутствовавшего тогда в св. Синоде, нижегородского еп. Нектария, из 4-х духовных лиц (архимандритов: Филарета, ректора киевской академии и Михаила инсп. моск. академии, которые в своих мнениях потом отделились от большинства, главного священника армии и флотов прот. М. Богословского и Николаевского института протоиерея Павла Лебедева) и 4-х светских (действ. ст. советников – В. Ржевского – члена совета мин. внутр. дел, А. Воскресенского – ректора спб. университета, А. Тихомандрицкого – состоявшего при мин. нар. просв. и ст. сов. Сергиевского, директора канцелярии синод. об. -прокурора). Комитет подверг новому пересмотру проекты уставов 1808–14 г.; труды комитета 1860–62 г., отзывы о них епархиальных архиереев и местных комитетов и заявления, высказанные одновременно в печати, затребовал из семинарии сведения о вместимости семин. зданий и отдельных комнат, так же о числе учащихся и поступающих, по окончании курса, на места и проч., рассмотрел все эти материалы и постановил общие положения и начала для нового устава, а, по одобрении их св. Синодом, приступил к составлению самых уставов дух. семинарий и низших училищ; окончив этот труд, в декабре того же 1866 г., занялся потом обработкою объяснительных записок и развитием соображений о способах осуществления предположенных преобразований. Проектированные уставы препровождены были на заключение митрополитов московского и киевского и, по получения от них замечаний³⁸⁸, пересмотрены вновь и исправлены комитетом, затем представлены св. Синоду, который, в свою очередь сделав некоторые изменения, одобрил их. Наконец 14 мая 1867 г. уставы и штаты Высочайше утверждены в Царском Селе. Вслед затем «упразднены окружные академические правления, семинарии подчинены непосредственному управлению епархиальных преосвященных», в семинариях «образованы правления с обширным кругом деятельности и с таким составом членов, который должен обеспечивать основательность и законность их обсуждений и решений»³⁸⁹. Тогда же последовало Высочайшее повеление, согласно определению св. Синода, – Дух. уч. управление, «получившее характер исключительно административного бюрократического установления», упразднить, передав хозяйственные дела с книжным запасом в Хозяйственное управление, а переписку по управлению дух. академиями и женскими училищами и дела по инспекторской части в канцелярию синод. об. -прокурора. Вместо того, для обсуждения важнейших учебно-педагогических дел и содействия «св. Синоду в высшем управлении дух. уч. заведениями и в направлении их к истинным целям духовного просвещения», учрежден при св. Синоде Учебный комитет, положение и штат которого Высочайше утверждены так же 14-го мая. Комитет составлен из председателя (из лиц духовного сана) и 9 членов, назначаемых св. Синодом, духовных – по его усмотрению, а светских – по предложению об. -прокурора. Из них 6 постоянно присутствуют в комитете, 3 посылаются на ревизию и присутствуют в комитете только в свободное от ревизий время. Но в комитете могут быть приглашаемы «и посторонние лица из ученых и педагогов», с ведома св. Синода, или об. -прокурора (§ 8). При комитете состоит особый правитель дел и потребное число канцел. чиновников (§ 16)³⁹⁰. Комитету предоставлено рассуждать и делать распоряжения относительно приведения в действие нового устава и усовершенствования дух. уч. заведений, на

основании отчетов ректорских и ревизорских, относительно введения программ, учебных руководств и пособий, рекомендаций книг, назначения конкурсов на сочинения и премий за них и вообще относительно духовного просвещения (§ 11, с разрешения св. Синода (§ 14).

Кроме обсуждения и разрешения частных вопросов по учебно-воспитательной части, Духовно-учебный комитет издал постепенно программы почти по всем предметам семин. курса (кроме гомиластики, практического руководства для пастырей церкви и церк. пения), с объяснительными к ним записками и перечислением учебных руководств и пособий, о которых и отзывы особо были изданы; далее, составил подробную инструкцию в разъяснение устава, правила об епарх. съездах (1867 г.). Форму ежегодных ректорских отчетов (1870 г.), указания «педагогических мер и приемов, необходимых для правильного хода учебного дела в дух. семинариях и училищах» (на основании наблюдений ревизоров), направленные напр. против академических чтений в семинарии и механического заучивания уроков (1871 г.); наставления по воспитательной части, на основании местных правил, представленных семинариями комитету на просмотр (1871 и 74 г.); правила о приобретении книг в ученические библиотеки и о порядке чтения книг учениками (1872 г.); общие положения и планы преподавания в подготовительных классах дух. училищ (1873 г.); наставления относительно преподавания классических языков (1874 г.); постановление о мерах к улучшению письменных упражнений воспитанников (1875 г.), – вследствие заявления ревизоров об упадке этой части и неудовлетворительности сочинений на приемных экзаменах в академии. Первоначально в 1871 г. комитетом издано было «собрание постановлений св. Синода в разъяснение недоумений, возникавших в дух. семинариях и училищах, а равно и на съездах духовенства, при введении в действие новых дух. училищных уставов». Потом в 1875 г. снова издано и выслана для руководства «собрание постановлений св. Синода 1867–1874 гг. (числом свыше 500) относительно устройства дух. семинарий и училищ, согласно требованиям Высоч. утвержд. 14 мая 1867 г. дух. училищных уставов». В тоже время, «в видах скорейшего производства дел», Синод, в изменение 14 § положения об учебном комитете, согласно Высочайшему соизволению, постановил, чтобы «все сомнения и вопросы, которые могут возникать при дальнейшем применении уставов дух. уч. заведении, предоставить на будущее время разъяснять синод. об. -прокурору, по заключениям учебного комитета, во всех тех случаях, когда возникший вопрос точно и определительно разрешается уставами и постановлениями св. Синода, вошедшими в отпечатанный сборник, на обсуждение же и утверждение св. Синода вносить журналы уч. комитета лишь по тем вопросам, для разрешения коих требуется пояснение, дополнение или изменение содержащихся в сборнике постановлений»; заключения комитета по ревизиям также представлять об. -прокурору. С 1876 г. комитет стал делать руководящие указания относительно преподавания семин. наук, на основании отзывов экзаменационных Комиссий о приемных экзаменах в академиях. В 1877 г. комитет издал 1-й том сборника отзывов своих о книгах и руководствах, одобренных для учебных заведений духовного и других ведомств (по богословским предметам). Сверх того, до 1880 г. печатались и рассылались все ревизорские отчеты, представляющие также немало руководительных замечаний по учебно-воспитательной части. – Нет сомнения, что комитет весьма много способствовал своими указаниями уяснению и утверждению нового устава, а ревизиями – введения реформы и обновлению семинарий, хотя первые не чужды были иногда теоретичности и исключительности и слишком подавляли местную педагогическую практику, последние же – не всегда были согласны друг с другом и свободны от увлечений.

От 27 мая 1867 г. состоялся циркулярный указ св. Синода «о порядке приведения в действие Высочайше утвержденных уставов и штатов дух. семинарий и училищ». Предписывалось вводить устав в тех епархиях, «которые прежде других изыскивали местные средства к улучшению содержания своих учебных заведений»³⁹¹ при этом – «из числа таких епархий избрать находящиеся в московском и казанском дух. учебных округах, в которых двухгодичные курсы приходятся в середине», чтобы удобно можно было образовать из трех классов шесть, лучших учеников переведши в высший класс, а худших оставив в низшем. Петербургская: семинария не подходила под это последнее требование, так как в 1867 г. в ней заканчивался курс. Но в указе было прибавлено: «одновременно с сим ввести во всех семинариях и училищах некоторые новые порядки, несоединенные с увеличенными расходами, но весьма важные по отношению к постепенному улучшению дух. -учебных

заведений и полезные в видах приготовления семинарий и училищ, не подлежащих ныне общему и всестороннему преобразованию, к сему последнему», т. е. в отношении управления высшего и внутреннего, также относительно исполнения обязанностей служащими, составления учебных программ и т. п.

Вследствие резолюции митрополита на приведенном указе управление спб. семинарии (состоявшее пока из ректора с инспектором) постановило от 10 июля 1867 г. 1) «в административном отношении – предписать начальству ал. -невского дух. училища принять надлежащие меры к приведению в действие по училищу нового устава и прекратить затем нынешние отношения сем. правления к училищу»; затем избрать членов семин. правления педагогического и распорядительного. 2) В «учебном отношении – распределить предметы по классам и число уроков приблизительно к новому уставу, поручить наставникам составление программ; из наличных наставников, согласно постановлению учебного комитета, некоторых уволить: Савваитова, как выслужившего крайний по новому уставу (§187) 30 летний срок и «видимо утомленного училищною службой» и Евдокимова по совершенному расстройству здоровья; наставникам, получившим уроки сверх 12, назначить добавочное жалованье, по иконописанию оставить одного Солнцева; на Иовлева, как более свободного, возложить заведывание семин. библиотекой; вместо Красносельского, как получившего значительное число уроков, в секретари назначить Ловягина; об открывающихся при семинариях вакансиях греч. и евр. языков, пения и гимнастики «объявить во всеобщее сведение», с целию конкурса. По нравственной части, – назначить еще помощника инспектора (Гурнова), составить проекты инструкций инспектору и его помощнику. По утверждении этого постановления митрополитом, образовано новое правление – педагогическое из ректора с инспектором, 7 наставников, избранных в октябре месяце и снова 14-го декабря³⁹² в общем собрании закрытой баллотировкой по большинству голосов (Щелкунова, Ловягина, Гурнова, Барсова, Вишнякова, Светилина, Рождественского), и 3 членов от духовенства, избранных на епархиальном съезде в декабре (прот. В. Полисадова и священников А. Никольского и М. Горчакова), и – распорядительное, в состав которого, кроме ректора с инспектором, вошли избранные в педагогическом собрании из членов его: от наставников – Щелкунов, от духовенства – В. Полисадов. Первое педагогическое собрание правления в надлежащем составе происходило 28-го, а распорядительное 20-го декабря 1867 г.

Полное преобразование спб. семинарии, в силу указа св. Синода от 11 дек. 1867 г., произведено в 1868 г. Правление по этому поводу еще в январе этого года сделало распоряжение о разделении учеников по классам и распределении предметов между преподавателями (с их согласия), но по резолюции митрополита оно найдено преждевременным и отложено до начала учебного года³⁹³, Введение устава в петербургской семинарии, как и в других в 1867 году, «в видах успешнейшего совершения преобразования и для разъяснения всех могущих встретиться при оном недоумений», поручено было директору канцелярии об. -прокурора Сергиевскому, «близко участвовавшему в составлении новых дух. -училищных, уставов по званию члена комитета»³⁹⁴. После обозрения семинарии, произведенного в октябре и ноябре 1868 г., Сергиевский сделал отзыв в своем отчете, что «деятельною заботливостью и благоразумными мерами своего начальства спб. семинария была достаточно приготовлена к преобразованию» и найдена «в благоустроенном состоянии по всем частям своего управления». (См. ниже).

Должностные лица

Выдающейся особенностью устава 1867 г. является выборное начало по отношению всех должностных лиц в семинарии. «Благоустройство семинарии, сказано в объяснительной к уставу записке, – как учебно-воспитательного заведения, в котором должностные лица, по самому роду своих обязанностей, непременно имеют в своем собственном кругу известную долю самостоятельности, существенно зависит от того, имеют ли эти лица нужные способности – умственные, к исполнению возлагаемых на них обязанностей. Многолетний опыт наших семинарий с очевидностью показал, что, при системе назначения должностных лиц в семинарии высшими инстанциями, не всегда поступали на семинарскую службу вполне способные лица, хотя и всегда существовало требование закона о назначении одних только способных и благонадежных. И нельзя не согласиться, что при такой системе почти неизбежны подобные явления. При всем желании удовлетворить со всею строгостью означенному требованию закона, высшая инстанция не всегда может выполнять его уже по одному тому, что ей не могут быть достаточно известны ни способности, ни характер тех, кого она определяет. Поэтому найдено нужным ослабить господствовавшую доселе систему централизации в назначении должностных лиц высшими инстанциями и ввести систему избрания на самом мест служения»³⁹⁵. При этом кандидаты на должности ректора и инспектора, а также и члены семин. правления из наставников избираются (посредством закрытой баллотировки) при участии всех наличных преподавателей, кроме состоящих по найму, «как лица долженствующие иметь важное влияние на ход дел в семинарии», но преподаватели, библиотекарь, врач, эконо́м, почетный блюститель и секретарь избираются педагогическим собранием в состав 12 членов. Избрание помощника инспектора предоставлено ректору с инспектором. Утверждение должностных лиц принадлежит епарх. архиерею, кроме ректора и инспектора, утверждаемых св. Синодом. Выборное начало для петербургской семинарии имело особенно выгодное значение, в виду широкого выбора из многих достойных кандидатов, заявлявших желание служить в столичной семинарии. С течением времени, впрочем, выборное начало подвергалось разным ограничениям, которые будут указаны в своем месте, но в 1881 г. с Высочайшего утверждения последовало важное изменение в порядке замещения должностей начальников и наставников в дух. семинариях и училищах в виду того, что избрание ректора и инспектора «соединено со многими случайностями, а самый ход избирательного процесса требует значительного времени и сношений с другими учебными заведениями и неизбежно производит в жизни учебного заведения движение, отвлекающее внимание преподавателей и воспитанников от правильного и спокойного течения их учебных занятий»; избрание же преподавателей найдено невыгодным для тех из них, которые, на время оставляя службу, или оставаясь за штатом, сами должны искать себе места. Поэтому постановлено: назначать ректоров и инспекторов, после донесения епарх. архиерея Синоду о вакансиях, и тот же порядок применять «к перемещению из одного дух. учебного заведения в другое начальствующих и учащих лиц, как по усмотрению высшего начальства в пользах службы, так, в исключительных случаях, по прошениям лиц, нуждающихся в перемещении». В следующем году разъяснено, что прежний порядок не отменяется, но предоставляется в сем деле участие и центральному управлению) в случаях необходимости переместить в пользах службы и т. п., начальники же только тогда определяются по прежнему, когда «будет получено от центрального управления извещение, что известную вакансию предоставляется заместить выборным порядком».

С уничтожением духовного звания в 1869 г., и служащие в семинарии, кроме лиц духовного сана, перестали уже числиться в этом звании и подлежат некоторым прежним условиям состояния в нем, в роде обязательного произнесения проповедей по назначению, отметок поведения их в формулярных списках архиереем, или ректором и т. п., но стали числиться на гражданской службе. В 1876 г. от 24 окт. Высочайше утверждено «Положение о правах и преимуществах лиц, служащих при дух. учебных заведениях, и лиц, получивших ученые богословские степени и звания». Это «положение» уравнивает в отношении прав и преимуществ служащих в дух. учебных заведениях с лицами, занимающими соответственные должности в учебных заведениях мин. народного просвещения. Должность инспектора

возвышена в VI-й класс, преподавателей (кроме служащих по найму) в VIII-й, эконома в X класс и проч., с чинопроизводством не по ученой степени, а соответственно классу должности, по выслуге 4-х лет со старшинством со дня службы и правом (которое не распространяется на инспектора) производства тремя чинами выше присвоенного каждой должности класса. Права на пенсии и пособия, с самым размером их, определяемые «положением», указаны будут ниже, при рассмотрении материального обеспечения по семинарской службе. Норма почетных наград, определенная в 1859 г. в количестве 45 на все дух. учебное ведомство, значительно возвышена в 1873–74 г. разрешением об. -прокурору ежегодно представлять к наградам «пропорционально наличному составу служащих в дух. уч. заведениях по расчету одной награды на 5 лиц (потом изменено на 8) по учебно-воспитательной части и одной награды на 20 лиц по административной части». (Отч. об. -прок. 1873 г. 123). Представление к наградам поставлено в зависимость от личного усмотрения ректора.

Ректоры

Получивший силу закона, обычай прежнего времени – назначать в ректоры лиц в монашеском сане, со введением нового устава, значительно был поколеблен, тем более что доверие к монашескому управлению не находило себе опоры в прежнем состоянии семинарий, недостаток же в кандидатах ученого монашества с половины 60-х годов и вообще непопулярность этого звания в рассматриваемую эпоху³⁹⁶ были причиной того, что ректорские должности по семинариям большею частью были замещены лицами из белого духовенства. Впрочем, в петербургской семинарии, при выборах в ректоры, предлагались и кандидаты из монашествующих, даже избранный в 1868 г. был архимандрит (Хрисанф), избранный вторым кандидатом в 1875 г. был иеромонах (Герасим).

В отношении закона о выборах на должность ректора впоследствии произошли следующие перемены, прежде чем выборы начальствующих лиц в семинарии были отменены по указу 1881 г. В 1871 г. разрешено, за неимением двух кандидатов в ректоры, которые по уставу должны быть представлены чрез епарх. архиерея на утверждение св. Синода, баллотировать одного кандидата. В 1875 г. по поводу избрания в ректоры спб. семинарии протоиерея Княжинского из ректоров каменец-подольской семинарии, на основании постановления св. Синода 1867 г. (15–30 дек.), допускавшего избрание ректоров «и из иноепархиальных», последовал указ, согласно заключению учебного комитета: «в виду того, что в состоявшихся до настоящего времени постановлениях не имеется выраженного положительно воспрещения касательно выбора лиц, занимающих ректорские должности в одних семинариях, на ректорские вакансии в других семинариях», предписать, чтобы «в число избираемых на ректорские вакансии в семинариях не были включаемы наличные ректоры других семинарий», так как это имеет значение не нового избрания, а перевода ректора на ту же должность из одной местности в другую и на сем основании он должен принадлежать исключительно непосредственному усмотрению св. Синода.»

Одним из важных условий для должности ректора, «имеющего долг строго наблюдать за исполнением всеми служащими лицами их обязанностей и за сохранением порядка и благоустройства по всем частям в семинарии, как учебно-воспитательном институте постановлено, чтобы кроме службы при семинарии он не занимал никакой другой должности, исключая настоятельства в монастыре, если семинария находится в этом монастыре. Для ректора спб. семинарии, архим. Хрисанфа, состоявшего членом Дух. уч. комитета, сделано исключение по весьма близкому отношению этой должности к учебно-воспитательному делу в семинарии.

Срок службы ректора, как и инспектора, не ограничена числом лет.

1) Павел Лебедев (см. о нем стр. 315). Вскоре по введении преобразования в спб. семинарии и установлении первоначальных порядков – согласно с новым уставом, в сент. 1868 года назначен викарием спб. епархии и, по распоряжению митрополита Исидора, заведывал семинарскими делами и полагал резолюции на журналах правления, кроме утверждения должностных лиц, до половины 1871 г., когда назначен был на кишиневскую епархию.

2) Хрисанф Ретивцев (твер. сем.), магистр моск. акад. 1856 г., назначен был профессором св. Писания в костромскую сем. и в 1857 г., принял монашество; с 1858 г. – профессор казанской академии по облич. и основн. богословию. В 1865 г. перемещен в спб. академии на нравств. богословие и назначен помощником инспектора, потом инспектором, в сане архимандрита (1866 г.) С 1867 г. – постоянно присутствующий член дух. учебного комитета. С янв. 1869 г. ректор спб. семинарии, избранный в общем собрании правления значительным большинством голосов. В 1874 г. назначен епископом астраханским, а в 1877 г. переведен в Нижний Новгород, откуда по расстроенному здоровью в мае 1879 г. уволен на покой и перемещен в московский первоклассный Донской монастырь, с званием управляющего этим монастырем. Скончался от паралича в ноябре 1883 года. – Более замечательные литературные труды его: Современное иудейство и отношение его к христианству (1863 г.), Характер протестантизма и его историческое развитие (1866 г.), Религии древнего мира в их отношении к христианству, в 3-х томах (1873–78 г.). Как профессор, весьма памятен своим

слушателям блестящими, живыми и увлекательными лекциями. Как ученый богослов и писатель, замечателен весьма обширной эрудицией и новостью метода историко-философского, предпочитающего живую характеристику отвлеченной полемике, а так же и необыкновенно изящным и увлекательным изложением.

3) Василий Стах. Княжинский (волын. сем.), магистр спб. ак. 1849 г., был ректором белостокского дух. училища, потом (с 1863 г.) житомирского. С 1855 г. священник, а с 1865 г. ключарь и протоиерей волинского кафедрального собора. В 1869 г. избран ректором кам.-подольской семинарии. В апреле 1875 г. избран в ректоры спб. семинарии и утвержден св. Синодом. В дек. 1879 г., согласно прошению, св. Синодом уволен от должности и определен Высокопр. митрополитом в настоятели Покровской коломенской церкви, † 1882 г.

4) Николай Иван. Розанов, протоиерей (см. о нем стр. 329). В 1878–79 году присутствовал в правлении спб. семинарии, в качестве кандидата, за выбытием одного из членов от духовенства, и в марте 1880 г. избран в ректоры. В 1884 г. состоял в числе членов комитета по пересмотру семин. устава 1867 года и изданию нового.

Инспекторы

Для инспекторской должности духовный сан не признан обязательным, так как, по словам объяснительной записки к уставу (стр. 22), – и кругу обязанностей инспектора же редко могут встречаться такие, исполнение которых удобнее для инспектора не имеющего духовного сана. Избирается же он из наличных или бывших семин. наставников, со степенью магистра и даже кандидата (по опред. св. Син. от 4 февр. 1 мар. 1870 г.). Преподает один из предметов семин. обучения, по собственному избранию, имея небольшое число уроков (кроме семинарий малолюдных, где и инспектору предоставлено нормальное число уроков).

1) Игнатий Клим. Зинченко (см. стр. 316). С 1868 г. преподавал педагогику и заведывал воскресной школой при семинарии; ныне действ. стат. советник.

2) Петр Иван. Нечаев (смол. сем.), магистр спб. акад. 1867 г., в сент. определен на должность библиотекаря спб. семинарии, в июне 1868 г. избран преподавателем церк. истории и практического руководства для пастырей церкви, а в феврале 1870 г. инспектором. Состоя в должности инспектора преподавал сначала русскую церк. историю, но с 1872 г. практ. руководство для пастырей, по которому составил учебник, удостоенный премии и одобренный к употреблению в семинариях: книга напечатана в 1884 году, в двух видах для воспитанников и священнослужителей. В 1873 г. напечатал свою магистерскую диссертацию «Пиетизм и его историческое значение». Неоднократно исправлял должность ректора, С 1879 г. непреременный член совета «попечительства об увольняемых из спб. дух. семинарии и училища учеников»; статский советник.

Преподаватели

Избрание преподавателей семинарским правлением из лиц с ученой академ. степенью, на основании трех пробных уроков, или, при неимении кандидата на преподавательскую должность, – по сношению с академиями, – с течением времени определялось многими другими, более точными постановлениями и некоторыми ограничениями, так что один 58-й параграф устава разъяснен 56-ю дополнительными постановлениями, вошедшими в «собрание постановлений св. Синода об устройстве дух. сем. только по 1874-й год включительно. Некоторые из постановлений впоследствии заменялись другими. Отметим более существенные из них. Окончившие академический курс воспитанники первоначально сами могли приискивать себе места, входя прошениями в семинарские правления, который обыкновенно печатно объявляли об открытии вакансий. Не поступившие на должность оставались в епархии, откуда происходили, и состояли в ведении епарх. власти, которая давала сообщения о них в академию, с целью рекомендации их в ту или другую семинарию и предупреждения уклонений от дух. учебной службы. Но так как семинарии, вследствие такого порядка, подолгу оставались иногда без преподавателей по той или другой кафедре, то центральное управление взяло на себя (1874 г.) распределение по семинариям оканчивающих курс акад. воспитанников, списки которых, с обозначением специальности каждого студента, епархии, куда желал бы он поступить и проч., из академии должны были ежегодно поступать в учебный комитет не позже 15 июня, а семинарские правления обязывались извещать канцелярию об. -прокурора не позднее 1-го мая об открывающихся вакансиях и кандидатах на них, если таковые имелись в виду из лиц уже состоявших на службе. Оставшиеся без назначения кандидаты академии препровождались до времени в свою епархию, состоя в ведении епархиальной власти и в распоряжении учебного комитета и канцелярии об. прокурора. Конкурс на соискание наставнических мест таким образом ограничивался лишь соискателями из состоявших уже на дух. учебной служб лиц, и притом если они «непосредственно являются в семинарию. Но и относительно таких лиц еще в 1872 г. последовало ограничительное постановление, по которому перемещение их не дозволено «без предварительного в установленной форме, сношения правлений семинарий» (т. е. одной, в которую известное лицо желает поступить и другой, из которой оно желает выйти) о том, не имеется ли препятствий к перемещению просителя. Семинарским же начальствам предписано «никак не делать напрасных затруднений к просимым перемещениям, когда таковые перемещения, при соблюдении других законных условий, будут происходить по окончании учебного в семинарии курса или года». Переходы среди курса признаны незлобными в интересах обучения, хотя: и возможными с согласия правления, в ведении которого состоит на службе желающий переместиться. Вышеприведенный указ 1881 г. хотя не отменял окончательно конкурсы и право свободного перемещения преподавателей и избрания их сем. правлениями, но еще более ограничивал это право, поставляя в некоторую зависимость от центрального управления и перемещение лиц, состоящих на службе в дух. учебном ведомстве. Кроме лиц с академическим образованием, в семинарию по предметам общего образования допущены преподаватели, кончившие курс в других высших заведениях и имеющие право на занятие учительских должностей в гимназиях, особенно на новые языки, математику (которая по новому академическому уставу 1869 г. не положена в академии) и так же классические языки. По математике учреждены были даже стипендии дух. ведомства при университетах (с 1872 г.), с условием за каждый год пользования стипендией служить полтора года в дух. уч. ведомстве, и оклады преподавателей этого предмета с университетским образованием увеличены на 200 руб. (1880 г.). Но в 1881 г. оклады сравнены опять с прочими, в виду того, что в университетах по математике было до 14 стипендий дух. ведомства и недостатка в людях для замещения кафедр по математике в семинариях не предполагалось. Тогда же закрыты были и 5 стипендий дух. ведомства, учрежденных при Истор. филологическом институте, так как приняты были меры к усилению древних языков в академиях. Срок преподавательской службы, по уставу, ограничен 25-ю годами, с дозволением вновь избрать выслужившего этот срок на одно пятилетие, «в случае усмотрения особой пользы, приносимой им заведением».

Со введением нового устава в 1868 г., из предыдущего периода остались в спб. семинарии преподавателями, большею частью на непродолжительное время, следующие лица: свящ. Стратилатов, Барсов, Рождественский, Поповицкий, свящ. Хойнацкий, свящ. Гурнов, Щелкунов, Ловягин, свящ. Вишняков, Красносельский. Из них два последних и доселе остаются при семинарии, первый – на еврейском языке с авг. 1868 т. (в 1875 г. издал магистерскую диссертацию о происхождении псалтири и толкования на нее печатает в «Христ. чтении»), второй, преподающий физику и математику, по исполнении 25 лет службы в 1876 г. снова избран правлением на пятилетие (на основ. § 187 Уст.), по истечении же этого срока в 1881 г., вопреки определению семин. правления, оставлен высшим начальством в прежней должности «до усмотрения»; (состоит преподавателем и в женском епарх. училище); стат. советник. Затем вновь поступали постепенно следующие преподаватели.

1) Алексей Викт. Белецкий (новг. сем.), магистр (по представлении нового сочинения) спб. акад. 1865 г., из наставников новгородской сем. избран на кафедру психологии и обзора философских учений в авг. 1868 г. Чрез год перешел на должность секретаря совета спб. дух. академии, откуда вышел в 1873 г. инспектором народных училищ в виленский учебный округ, где состоит и доселе в должности окружного инспектора.

2) Ипполит Вас. Ливанов (сарат. сем.), магистр спб. ак. 1861 г., из наставников самарской сем. в 1865 г. поступил на педагогические курсы при министерстве нар. просв., кандидатом по греч. языку и чрез два года, по получении степени кандидата филологии, определен во 2-ю спб. прогимназию. В авг. 1868 г. избран и в спб. семинарию на греч. язык в III и IV классах. Чрез год вышел из семинарии, по неудобству совмещать семинарские уроки с гимназическими. Ныне инспектор 10-й спб. гимназии.

3) Михаил Порфф. Строкин (спб. сем.), кандидат спб. ак. 1863 г., из наставников смоленской семинарии определен в 1885 г. псаломщиком к придворной церкви в Штутгардте, В окт. 1868 г. избран преподавателем немецкого языка и церковного пения. Состоял учителем пения в разное время и в других учебных заведениях в Петербурге, напр. в Мариинском институте и в училищах Человеколюбивого общества. В семинарии обучал некоторых из воспитанников, по желанию, музыке. В 1882 году перешел на службу в Кронштадт, в канцелярию главного командира Кроншт. порта. Автор нескольких композиций церковных и светских, остающихся большею частью в рукописи.

4) Иван Алекс. Шаршов, личный почетный гражданин, из учителей гимнастики в институте горных инженеров, в июле 1868 г. был избран преподавателем гимнастики, по найму, в спб. семинарии. Уволен с 1 февр. 1877 г. † 1881 г.

5) Сергей Ирин. Миропольский (ворон. сем.), магистр моск. ак. 1866 г., из наставников харьковской семинарии в авг. 1869 г. избран в спб. на кафедру обзора филос. учений и психологии, с 1870 г. преподавал и педагогику, заведая воскресной школой при семинарии; в 1870 г. исправил должность инспектора. Состоял помощником редактора журнала мин. нар. просв. В 1871 г. назначен членом-ревизором дух. уч. комитета, где состоит и доселе, в чине статского советника. Автор многих статей педагогического и частью исторического содержания, помещавшихся в журн. мин. нар. просвещения, Семье и Школе, Народной школе и др.

6) Александр Никол. Надеждин (моск. сем.), магистр спб. ак. 1867 г., из наст., рязанской семинарии в авг. 1869 г. избран в спб. на кафедру гражданской истории, с которой соединяется и должность библиотекаря семинарии. Временно преподавал обзор филос. учений в 1871 г. н французский язык в 1870, 73, 75–76, 79 и 80 гг. Состоял преподавателем истории в спб. женском епархиальном училище (1874–76 г.). С 1883 г. статский советник. В 1873 г. напечатал свою магистерскую диссертацию, под заглавием: «Права и значение женщины в христианстве». Автор «Историч. записки о спб. семинарии» (по поводу ее 75-летия в 1884 г.) и «Истории с.-петерб. семинарии, с обзором общих узаконений и мероприятий по части семинарского устройства 1809–1884 г.»

7) Герасим Яред, монах из Сирии (моск. сем.), магистр спб. академии 1869 г., избран преподавателем греч. языка в спб. семинарии по. найму, в 1870 г. временно преподавал общую церковную историю; с 1871 г. состоял приват-доцентом по кафедре византийской истории в спб. дух. Академии. В сент. 1871 г. принял русское подданство, зачислен на действ. службу при семинарии и возведен в сан иеромонаха, В июне 1876 г. избран в ректоры псковской семинарии и св. Синодом утвержден, «как учившийся и 7 лет служивший в России»,

с возведением в сан архимандрита. В 1881 г. на ту же должность перемещен в рижскую семинарию, но в 1882 г. уволен, по причине «ненадлежащих отношений к указаниям власти епархиальной». Уехал из России в 1883 г. с патриархом иерусалимским, в должности секретаря патриаршего Синода.

8) Никифор Ив. Ляборинский (ворон. сем.), магистр спб. ак. 1869 г., избран на должность препод. догматического и нравств. богословия. В 1870 г. перешел в воронежскую семинарию, где состоял потом инспектором в священническом сане. В 1880 г. переведен в инспекторы холмской семинарии, а отсюда в 1883 г. на ту же должность в донскую.

9) Тимофей Петр. Дивов (новг. сем.), магистр спб. ак. 1869 г. избран на кафедру словесности, истории литературы и логики. В 1872 г. рукоположен во священника к Ильинской церкви на пороховых заводах, но в течение 1872–73 года оставался преподавателем. Доселе состоит при церкви пороховых заводов, в сане протоиерея.

10) Андрей Алексеев. Редковский (горыгор. земл. учил.), классный художник 1-й ст.; преподавал рисование во 2 спб. прогимназии, избран на класс живописи и иконописания в семинарии с янв. 1870 г.; коллежский асессор.

11) Николай Вас. Смирягин (ряз. семин.), магистр моск. акад. 1870 г., в августе избран преподавателем богословия; временно преподавал психологию в 1871 г. Секретарь правления с ноября 1881 г.; коллежский советник.

12) Павел Петр. Васильев (орл. сем.), магистр моск. ак. 1870 г., в авг. избран преподавателем церковной истории, и практ. руководства для пастырей церкви, которое в 1871 г. отделено к другой кафедре; в 1871 г. временно преподавал педагогику; в 1875 г. исправлял должность инспектора. В 1872–74 г. состоял при редакции журнала мин. народн. просвещения; преподает и в пиротехническом училище (историю); коллежский советник.

13) Александр Ив. Тепфер (моск. унив.), из преподавателей французского языка в царскосельской николаевской гимназии, в ноябре 1870 г. избран на франц. яз. в семинарии по найму, но в следующем году зачислен на действительную службу; состоял преподавателем в гимназии, в окт. 1873 г. вышел из семинарии, но с сент. 1876 г. снова поступил и оставался до ноября 1879 г. Ныне, кроме 3-й гимназии, преподает франц. язык в спб. дух. академии; статский советник.

14) Иван Фед. Альбинский (олон. сем.), из финляндских священников в ноябре 1870 г. избран преподавателем финского языка; занимался и переводом богослужебных книг на финский яз. В 1884 г., согласно прошения, уволен из семинарии. Ныне состоит священником стародеревенской церкви

15) Дмитрий Григ. Извеков (кал. сем.), магистр моск. ак. 1866 г., из наставников калужской семинарии избран на кафедру философии и педагогики в янв. 1872 г. В мае того же года умер в больнице св. Николая, от воспаления мозга.

16) Петр Вас. Никитин (спб. сем.), кандидат Истор. филол. института, в мае 1872 г. избран на греческий язык по найму (9 уроков), состоял учителем 2-й гимназии, но к началу 1872–73 г. отказался, вследствие увеличения уроков в гимназии. Доктор греч. словесности; профессор историко-филол. института и доцент спб. университета.

17) Дмитрий Тимоф. Мегоршй (олон. сем.), магистр. спб. ак. 1867 г., из наставников астрах. сем. избран в авг. 1872 г. на греч. язык; преподавал греч. язык и в ал.-невском дух. училище (1874–75 г.) В 1875 г. определен священником к Знаменской церкви, оставаясь и преподавателем семинарии.

18) Петр Фед. Каптерев (вифан. сем.), кандидат моск. ак. 1872 г., избран преподавателем филос. и педагогики. В 1877 г. издал «Педагогическую психологию». С 1 авг. 1878 г., согласно прошению, уволен от службы при семинарии и поступил смотрителем училища при Волковской купеческой богадельни. Читал лекции педагогики и на высших женских курсах. Ныне преподаватель логики и психологии в Александровском лицее.

19) Михаил Григ. Павлович (минск. сем.), кандидат спб. ак. 1873 г., утвержден в должности учителя словесности спб. сем. по указу св. Синода от 21 сент. 1873 г. С июня 1877 г. по ноябрь 1881 г. состоял секретарем семин., правления; коллежский советник.

20) Р. Фон-Барен, гимназически учит. франц. и нем. яз., состоял преподавателем 4–1й спб. прогимназии и в янв. 1874 г. избран на франц. яз. в семинарию. Умер в апр. 1875 г.

21) Адольф Шлебер, удостоенный звания учителя гимназии, избран в окт. 1875 г. на франц. язык, но в следующем году вышел из семинарии, по назначении в Пензу.

22) Иван Гавр. Рождественский (новгор. сем.), кандидата спб. ак. 1875 г. С сент. 1876 г. приказом синод. об. -прокурора назначен в спб. сем. преподавателем. св. Писания. В 1885 г. представил в совет академии сочинение на магистра «о кн. Есфирь»; коллежский советник.

23) Петр Ив. Грандицкий (пенз. сем.), кандидат моск. ак. 1876 г., приказом об. -прокурора назначена на лат. яз. с сент. 1876 г., а в 1879 г. после ревизии, согласно заключению дух. уч. комитета, от должности уволен, по прошении. В 1880 г. назначен учителем в симбирское дух. училище.

24) Михаил Ник. Гурьев (олон. сем.), стипендиат дух. ведомства и кандидат ист. филол. института (1874 г.), из наставников смол. семинарии избран в спб. на греч. яз. в окт. 1876 г. В 1877 г. избран преподавателем гимнастики в семинарии, а с 1881 г. и в ал. -невском училище, на основании свидетельства выданного ему от спб. врачебно-гимнастического общества, но в 1884 г. отказался от преподавания гимнастики в семинарии. В 1879 г. баллотировался и избран в преподаватели латинского языка вместо греческого; коллежский советник.

25) Яков Ив Зарницкий (нов гор. сем.), кандидата спб. акад. 1877 г., приказом об. -прокурора с июля 1877 г. назначен преподавателем литургии и гомилетики. Действительный член археологического института в С-Петербурге; надворный советник.

26) Алексей Петр. Мальцев (я росл. сем.), магистр спб. ак.» приказом об. -прокурора назначен преподавателем психологии, обзора филос. учений и педагогики с авг. 1878 г. В 1879 г. напечатал магистерскую диссертацию «Нравственная философия утилитаризма»; затем издал: соч. «Основания педагогики» и перевод с англ. «Психологии» Бэна. В 1880 г. исправлял должность инспектора и преподавал основное богословие. В 1882 г. определен священником церкви при театральной дирекции и в 1884 г. вышел из семинарии.

27) Николай Алекс. Налимов (спб. сем.), кандидат спб. акад. 1877 г., из учителей ал. -невского училища избран в 1878 г. помощником инспектора спб. семинарии, а в 1879 г. преподавателем греч. языка, с особого разрешения св. Синода. В 1885 г. принял монашество, с именем Николая.

28) Сигизмунд Казим. Добровольский, бывший учитель радомской мужской гимназии; на основании свидетельства об удостоенные его звания учителя гимназии и прогимназии, с правом преподавания французского языка, избран правлением спб. семинарии на франц. язык, в авг. 1880 г.

29) Людвиг Павл. Размусен (из Дании), был библиотекарем спб. дух. академии с 1867 г., затем избран лектором немецкого языка. С 1882 г. состоит преподавателем немецкого яз. и в спб. семинарии; коллежский советник.

30) Иван Вас. Богданов, помощник регента Невского митрополитского хора, в 1882 г. приглашен к преподаванию церк. пения в спб. семинарии.

Затем, с начала 1884–85 г. поступили: Петр Петр. Лебедев (сарат. сем.), кандидата спб. дух. ак. 1884 г., на философию и педагогику, по назначению академии; Михаил Ник. Соболев (спб. сем. 1879 г.), священник церкви Мариинского приюта – на финский яз.; Петр Бокин колл. секретарь – на уроки гимнастики.

Помощники инспектора

До 1876 г. помощники инсп. определялись из лиц с акад. образованием или из студентов семин. по избранию и представлению ректора и инспектора семинарии, после трехмесячного испытания в исправлении этой должности, а при неимении кандидатов сем. начальство обращалось к центральному управлению за рекомендацией. Но такой способ признан был неудобным для успешного ведения воспитательной части в семинарии, поэтому в указанном году, определением св. Синода от 26 июня, предоставлено об. -прокурору назначать помощников инспектора, как и преподавателей, если сем. начальства не имеют в виду кандидатов. Хотя еще в конце 1867 г. разрешено было допускать помощников к занятию преподавательских мест, только по получении отзыва из канцелярии об. -прокурора о неимении способных кандидатов на открывшуюся препод. вакансию, но в 1878 г. помощникам инсп. прямо запрещено ранее 2-х лет переходить на преподавательские должности и проситься на кафедру, не относящуюся к той специальности, какой они занимались в академии. Лета же службы в должности помощника положено засчитывать для получения высшего оклада преподавательского содержания. Другие обязанности с должностью помощника инспектора по уставу не совместны. Для петербургской семинарии, как имеющей не свыше 250 воспитанников, положен по штату один помощник инспектора.

1) Павел Ив. Беляев (спб. сем.), кандидат спб. дух. ак. 1867 г. из наставников псковской сем. с сент. 1868 г. определен помощником инспектора, но чрез год вышел исправляющим должность воспитателя в 1-ю спб. военную гимназию, в которой ныне состоит и учителем.

2) Амвросий Ив. Преображенский (спб. сем.), кандидат спб. ак. 1865 г., из учителей ал.-невского училища, состоял в должности помощника с 1870-го по апр. 1872 г., затем некоторое время снова был учителем училища и вскоре вышел в отставку.

3) Иван Стен. Нечаев (спб. сем.), кандидат спб. ак. 1871 г., в должности пом. инсп. с 1872 г. В 1874 г., согласно желанию, определен и священником сем. церкви, так как, по мнению правления, это «может возвысить должность помощника в мнении учеников и придать ему более авторитета и значения в деле нравственного влияния на воспитанников». В апр. 1878 г. перемещен в Петропавловский собор.

4) Н. А. Налимов 1878–1879 г. (см. выше, стр. 574).

5) Василий Ив. Жмакин (самар. сем.), кандидат спб. дух. акад. 1879 г., в октябре приказом обер-прокурора назначен помощником инспектора. В 1881 г. защитил и издал диссертацию на магистра, под заглавием: «Митрополит Даниил и его сочинения». В 1884 г. рукоположен во свящ. церкви Николаевского кадетского корпуса и вышел из семинарии.

6) Аристион Мих. Ласкеев (спб. сем.), кандидат спб. ак. 1883 г., из помощников инсп. псковской семинарии перемещен в 1884 г. в петербургскую.

Прочие должностные лица

Библиотекари: преподаватели гражданской истории – свящ. Стратилатов (1868–69 г.), Надеждин (с авг. 1869 г.).

Секретари: из преподавателей – Ловягин (1867–77 г.), Павлович (1877–1881 г.), Смирягин (с ноября 1881 г.).

Врачи: И. В. Бобриков (см. стр. 324); Димитрий Александр. Пахомов (моск. унив.), из ординаторов Обуховской градской больницы избран в сент. 1869 г., впоследствии занял должность врача так же и при ал. -невском дух. училище и при дух. академии; действ. статский советник.

Эконом: И. А. Троицкий (см. стр. 317). В 1869 г. после 30-ти летней духовно-учебной службы, вновь избран правлением на должность эконома, без выдачи пенсии на службе; коллежский советник.

Почетный блюститель А. М. Эзелев (см. стр. 337) – в 1875 г. семин. начальством представлен был к ордену, но, уже по выходе из семинарии, удостоен золот. медали на Андр. ленте (1877 г.). После него никто не был найден на эту должность. (С 80-х г. г. разрешено поч. блюстителей особо представлять к наградами, а не на общих основаниях с старостами, как прежде.)

Священники: преподаватель Гурнов (1869–74 г.), помощник инспектора И. Нечаев (1874–78), учитель ал. -невского училища Николай Ив. Судаков (студ. новг. сем.) с 1879 г., в 1884 г. перемещен к гатчинскому Павловскому собору.

Диакон: Алексей Никиф. Дрызлов (твер. сем.), из дьяконов вышневолоцкого собора, определен к церкви спб. семинарии в 1883 г., (до этого же времени с 1870 г. диаконы приглашались по найму из ал. -невской лавры.)

Церковный староста: Мих. Гал. Алексеев, спб. 2-й гильдии купец, утвержден в окт. 1881 г.

Надзиратель за воспитанниками (на основ. указа от 21 дек. 1870 г.) – определен, вследствие ходатайства семин. правления, на средства епархиального духовенства, с окт. 1881 г., из студентов спб. семинарии (1881 г.) Димитрий Мих. Ластев. «Положение о правах и преимуществах» 1876 г, предоставляет надзирателям право на зачет надзирательской службы в действительную, в случае поступления на одну из штатных должностей по учебно-воспитательной части (§ 12).

Деятельность семинарского правления

Входить в подробности и тем более в оценку действий правления спб. семинарии и отношений его к высшему начальству представляется не совсем удобным и, может быть, преждевременным. Но в виду того, что семинарское правление в той форме, какую придал ему устав 1867 года, составляет едва ли не самую видную сторону этого устава, выступающую даже в истории вообще русских учебных заведений, с другой стороны, так как в последнее время правление в означенной форме уже отменено в законодательном порядке и следовательно составляет достояние истории, – ввиду этого рассмотрение деятельности его, касающейся всех сторон семинарского быта, по крайней мере в более крупных фактах, на основании документальных данных, является интересным и необходимым.

Состав правления (из 12 членов с председателем-ректором) в течение рассматриваемого периода неоднократно изменялся, с выходом кого либо из членов, по случаю оставления семинарии, или отказа от членства по выслуге 6-ти летнего срока и т. п. Из наименованных в предыдущей главе преподавателей почти все перебивали членами педагогического правления, исключая преподавателей новых языков и служащих по найму, а также и тех, которые слишком не долго состояли на службе в семинарии (Ляборинский, Извеков), некоторые же снова избирались – до двух раз и более (Надеждин, Смирягин – трижды были избираемы). В 1874 г. когда, по выслуге 6-ти летнего срока тремя членами правления, на одну из вакансий никто не был избран безусловным большинством голосов, а вновь баллотировку потом не производили, но обратились с запросом к высшему начальству, – в члены был назначен епархиальною властью один из старших преподавателей, Ловягин, Членами распорядительного собрания из учителей состояли один за другим – Щелкунов, Каптерев, Смирягин, Гурьев, Мальцев, Налимов и вторично Гурьев. От духовенства членами педагогического собрания были, по избранию епархиального съезда: протоиерей В. Полисадов (стр. 322), священн. А. Никольский (стр. 324), священн. М. И. Горчаков, проф. спб. университета, ныне доктор богословия и церковного права; законоучитель инженерного училища, прот. И. Г. Покровский; законоучитель 1-й военной гимназии А. А. Лебедев, ныне настоятель Казанского собора; прот. церкви смоленского кладбища П. А. Матвеевский (11 лет), прот. Симеоновской церкви Н. И. Верховский, священн. и законоучитель в еврейском приюте В. Ф. Глебов (ныне прот. настоятель Выборгского собора). За выбытием того или другого из членов от духовенства, или за увольнением в отпуск, должность его исправлялась кандидатами к членам, избираемыми также на съезде. Из таких в правлении в разное время заседали: прот. П. А. Горизонтов, И. Г. Заркевич (бывший законоучитель Павловского военного училища, законоучитель военно-юридической академии М. И. Альбов, законоучитель Технологического института. Ф. П. Ставровский, прот. Н. И. Розанов (стр. 356), прот. Казанского собора П. К. Цветков. – В очередные ежемесячные педагогические собрания приглашались и преподаватели, не состоящие членами правления, собственно для заслушивания и обсуждения ежемесячной инспекторской ведомости об успехах и поведении воспитанников, а также на собрания для составления списков. В первые годы приглашение в очередные собрания всех наставников было довольно редко, впоследствии же вошло в обыкновение, причем приглашаемым предоставлялось право голоса не только совещательного, но и решающего. Приглашение не-членов в экстренные педагог. собрания зависело обыкновенно от усмотрения председателя. По некоторым делам, требующим подготовительных работ и соображений, правление составляло особые комиссии. В первую половину периода, под председательством ректора Хрисанфа, правление, заметно, тверже держалось требований устава и более проявляло единодушие и быстроты в своих действиях, несмотря на то, что в первое время предстояло к разрешению более вопросов новых и сложных. При разногласии в журнале правления большею частью получало утверждение то мнение, к которому принадлежал ректор. В 1873 г. состоялось определение св. Синода в разъяснении отношений между семин. правлением и епарх. властью, по которому не утверждение преосвященным решения правления «есть тоже, что и предложение о пересмотр дела». При несогласии архиерея с решением правления, по новом рассмотрении дела, оно «восходит на разрешение св. Синода», согласно § 114 уст. д. сем.

Одним из наиболее трудных и важных, хотя и временных, занятий правления было составление различных правил и инструкций, согласно требованию нового устава. Так, к началу 1868–69 г. были составлены: 1) правила о приеме воспитанников в спб. семинарию, 2) правила для производства годичных испытаний, 3) правила поведения воспитанников, 4) инструкция инспектору и 5) его помощнику. Эти документы напечатаны были в 1868 г. в «памятной книжке спб. дух. семинарии на 1868–69 г., составленной, по мысли и под руководством ректора семинарии преосв. Павла, секретарем правления. Там же напечатаны и списки служащих и учащихся в спб. семинарии, также сведения и правила «о обучении в спб. семинарии» и «о штатном числе, помещении и содержании учеников семинарии». С течением времени, означенные правила и инструкции дополнялись и изменялись, согласно указаниям практики, разъяснениям учебного комитета и замечаниям ревизоров; сверх того, продолжалось составление вновь разных правил. В изданной, по определению правления, в 1873 г. «памятной книжке спб. дух. семинарии», кроме вышеозначенных, отчасти измененных, правил находятся следующие правила для приема воспитанников, переходящих из других семинарий, или прежде вышедших из семинарии; правила относительно испытания лиц, ищущих звания студента семинарии (составленные учебным комитетом); постановления касательно увольнения учеников за неодобрительное поведение; педагогические меры и приемы для правильного хода учебного дела (по указанию учебного комитета); правила относительно ученических сочинений; о средствах, формах и мере участия преподавателей в воспитательных целях семин. образования; правила о порядке приобретения, хранения и выдачи книг из фундаментальной библиотеки семинарии; правила для лиц, приходящих а) в семин. церковь, б) для свидания с воспитанниками и в) для свидания с лицами, служащими при семинарии и имеющими квартиру в главном семин. здании. С конца 70-х годов означенные правила стали вновь пересматриваться правлением и исправляться, согласно требованиям педагогической практики и ревизорским указаниям. Из них «правила поведения воспитанников спб. дух. семинарии» были отпечатаны в 1882 г.; другие окончательно проредактированы, а некоторые не получили еще последней редакции. К перечисленным выше правилам вновь присоединены: правила выдачи увольнительных аттестатов и свидетельств воспитанникам семинарии; правила для производства испытаний для получения тех или других прав; меры для устранения малоуспешности воспитанников; инструкция надзирателю за воспитанниками.

Замещение вакантных должностей составляло также предмет особенных, периодически возникавших, забот семинарского правления, которому нужно было найти кандидатов, выслушать от них пробные уроки и сделать их оценку, наконец произвести выборы. Особенно ректор Хрисанф принимал близко к сердцу дело избрания должностных лиц и по этому поводу собирал сведения о кандидатах и приглашал их из разных мест³⁹⁷. Служба же в столичной семинарии, конечно, настолько заманчива, что недостатка в кандидатах не было, по крайней мере в первые годы рассматриваемого периода, когда право выбора и перехода служащих по духовно-учебному ведомству лиц не было еще ограничено. При избрании ректора в 1868 г. кандидатов в правлении записано было 9, но из них изъявили желание баллотироваться 6, в 1875 г. кандидатов предложено 20, но из них 14 отказались от баллотировки, в 1880 г. из 28 баллотировались 5. Не желая результаты выбора предоставлять простой случайности, избиратели собирали разные справки о кандидатах и предварительно рассуждали о них между собой. Так об избранном в 1875 г. ректоре имелись весьма похвальные отзывы и от одного из ревизоров учебного комитета, и от товарищей и знакомых избираемого в С. -Петербурге и от помнивших его по академии профессоров, и даже от сослуживцев его и учеников по семинарии, в которой он состоял на должности ректора. На преподавательские вакансии являлись так же из разных семинарий наставники, или только что кончившие курс воспитанники духовных академий, пока они не подчинены были ведению центрального управления, – в количестве трех, четырех кандидатов, а в 1881 г. на объявленный конкурс по математике явилось даже 14 человек. В некоторых случаях приглашались эксперты на пробные уроки (напр. по пению в 1868 г. по-фински в 1870 г.). Вообще правление при выборах показывало возможное внимание, старалось наблюдать педагогические интересы и стоять на почве устава, и выборы: его, по крайней мере на преподавательские должности, вообще были удачны, сколько можно судить напр. по отзывам ревизоров. Но дело это не всегда сопровождалось для правления благоприятными последствиями и подвергало его в некоторых

случаях не благоволению со стороны высших инстанций. Указ после избрания ректора в 1875 г. из ректоров подольской семинарии, которым, согласно заключению учебного комитета, запрещалось на будущее время избирать на ректорскую должность из наличных ректоров, косвенно уже осуждал выборы ректора прот. Княжинского, произведенные в петербургской семинарии. В 1873 г. возникало большое дело по поводу выборов на кафедру словесности. 27-го августа избран был большинством голосов из трех конкурентов преподаватель х-ской семинарии О., формулярный список которого был выслан в правление спб. семинарии, а ему выдан от той семинарии увольнительный для держания пробных уроков билет, но окончательный отзыв о неимении препятствий к увольнению О. из х-ской семинарии стал известен правлению петербургской чрез ректора в самый день выборов. На журнале правления от 27-10 авг. по делу избрания О. в преподаватели словесности была положена резолюция от 23-го сентября: «педагогическому собранию правления, в виду нерешительного отзыва правления х-ской семинарии не следовало допускать наставника О. к баллотировке». Тогда же и сдан был этот журнал в правление семинарии, вместе с особым указом св. Синода на имя Его В-ва, в котором значилось: «С. П. Синод слушали представление Вашего П-ва о предоставлении кандидату И.³⁹⁸ учительского места в спб. д. семинарии по кафедре словесности. Приказали: по вниманию к изложенному в представлении В. И. отзыву правления х-ской сем. о встреченных им препятствиях к перемещению учителя О. избрание его признать недействительным, предоставив В. П-ву утвердить в должности кандидата И., получившего после О. большинство избирательных голосов». По заслушании этого указа, правление «нашло необходимым в свое оправдание» доложить Его В-ву, на каких основаниях оно считало свой образ действий «законным и полезным», присовокупив, «что настоящий почтительнейший доклад никак не имеет характера обсуждения ни резолюции Его В-ва, ни тем более решения св. Синода». Правление указало на высланный из х-ской семинарии формулярный список О. и выданный ему билет для держания пробных уроков, как на доказательство согласия х-ской семинарии на увольнение О., указало так же и на извещение, полученное ректором пред самым выборами об имени в х-ской семинарии кандидата на место О., (который в начале сентября уже и занял там его кафедру); сослалось далее на указе св. Синода (1872 г.), в силу которого оно не могло предполагать от правления х-ской семинарии «напрасных затруднений к просимому перемещению» по окончании учебного года, тем более, что О. выслужил обязательные 4 года; указало на прежде бывшую практику в спб. семинарии, «при допущении кандидатов к конкурсу, всегда одобрявшуюся епархиальной властью» (напр. в 1870, 71 и 72 гг.); наконец на готовность прежнего преподавателя словесности в спб. семинарии продолжать уроки несколько времени, до окончательного определения О. В этом правление находило оправдание законности своих действий, прибавляя, что ради пользы заведения оно никак не хотело устранять от конкурса наставника опытного, преподававшего словесность 4 года и издавшего даже учебник по своему предмету. Вместе с тем правление «в интересах педагогического дела» просило преосв. митрополита ходатайствовать пред св. Синодом о разрешении в законодательном порядке следующих вопросов»: 1) можно ли допускать к конкурсу наставника другой семинарии в каникулярное время, если начальство этой семинарии дает условный отзыв о возможности увольнения его и тем делает напрасное затруднение к перемещению, и если притом имеется надежда, по новом сношении, получить утвердительный ответ? 2) «Как должно поступать правление семинарии в том случае, если епархиальная власть, не утверждая его решения, прямо, без предварительного сообщения о том правлению, входит представлением в св. Синод, а правление таким образом, при возбуждении и решении вопроса о правильности его действий в высшей правительственной инстанции, не освобождаясь от ответственности за эти действия, остается вне возможности своевременно представить с своей стороны (в силу 113 и 114 §§ сем. уст.) на благоусмотрение св. Синода подробное и обстоятельное разъяснение тех оснований, которыми оно руководилось в своем решении. » 3) За неутверждением по чему либо избранного на должность кандидата, должно ли, это силе присланного указа, считать имеющим право на занятие должности следующего за ним кандидата, или объявлять новый конкурс, или же производить перебаллотировку, «которая, при сокращении числа баллотирующихся, может дать новые результаты?» – Ректор семинарии и с ним 4 члена не примкнули к этому постановлению и в своем отдельном мнении признали необходимым

ограничиться принятием указа к исполнению, а резолюции Его В-ва к руководству на будущее время. Резолюция по этой статье журнала положена следующая: «утверждается мнение меньшинства членов педагогического собрания, как вполне обнимающее все нужное к исполнению указа св. Синода, с которым в существенных частях согласны и прочие члены». Дело дальнейшего хода не получило. Только О. остался без места³⁹⁹.

С половины 70-х годов, особенно с изданием многочисленных и не всегда достаточно определенных постановлений касательно выборов и с распространением системы назначений, правление уже не заявляло прежней ревности по делу приисквания и избрания кандидатов, тем более что встречало препятствия с разных сторон: кандидаты иногда отказывались, или запаздывали на пробные уроки, вследствие задержек от своего начальства, иные же устранялись центральным управлением, напр. имевшийся в виду в 1876 г. на лат. язык Г., а в 1877 г. даже консистория не допустила имевшегося правлением в виду кандидата на литургику, священника Г., «за многочисленностию его служебных обязанностей». как законоучителя.

В 1875–76 г. возникало недоразумение и съездом по вопросу об избрании нового члена от духовенства. При всей, в сущности, маловажности этого вопроса, дело кончилось для правления весьма неблагоприятно. По выходу из членов правления от духовенства свящ. А. Л., уехавшего совсем из Петербурга, правление, на основании бывших примеров в 1872 и 1874 гг., с утверждения Его В-ва, предложило съезду духовенства избрать нового члена и кандидата к нему. Но съезд 1875 г. ссылаясь на разъяснения св. Син. к § 94 уст., не нашел нужным, с утверждения Его В-ства, избирать нового члена до окончания 6-ти летия службы всех членов, а определил, чтобы избранный раньше и уже присутствовавший в правлении кандидат, свящ. О. заменял члена. Правление не согласилось с таким решением вопроса, указывая на то, что кандидаты, обыкновенно даже не получающие абсолютного большинства голосов при избрании, должны заменять члена только временно отсутствующего, и не могут занимать вакантной должности, по смыслу ст. 222–224 III т. Св. зак., и просило митрополита ходатайствовать о разрешении вопроса в св. Синоде. Но дело было на время отложено ректором, который в одном из следующих собраний заявил свое согласие с решением съезда, тем более, что, по словам председателя съезда, оно согласовалось и с мнением председателя уч. комитета, прот. Васильева; к ректору присоединились три члена правления. Резолюция была: «исполнить по мнению меньшинства голосов». По заслушании резолюции, правление постановило: просить Его В-во дозволить снова обсудить дело, на осн. ук. 1873 г., по которому несогласие архиерея с большинством равносильно предложению его о новом пересмотре дела. Ректор, уже с двумя только членами, снова составил меньшинство, постановившее принять резолюцию к исполнению; четыре же члена правления совсем не явились на это собрание. Хотя новый пересмотр дела мог привести большинство к соглашению, но преосв. митрополит написал: «представить св. Синоду». В конце 1876 г. получен был указ св. Синода, в котором, согласно заключению учебного комитета, предписывалось правлению «безусловно исполнить распоряжение Его П-ва», а большинству членов его объявлялось «строгое замечание за упорное невнимание к ясным и определительным постановлениям Синода», со внушением «воздерживаться впредь от подобного образа действий». По первоначальному же проекту учебн. комитета грозило нечто более серьезное. Ревизор в 1878 г. заметил по этому делу, что правление имело, конечно, основание испрашивать разъяснения своих недоразумений, не имело лишь права входить в критическую оценку действий съезда.

Гораздо более неожиданный исход имел для правления попытка воспользоваться открытием конкурса на должность преподавателя математики; между тем и епархиальная власть в данном случае была на стороне правления. Дело началось по поводу сообщения из канцелярии об. -прокурора о стипендиях дух. ведомства в университет по математике, с запросом: «не имеется ли в семинарии вакансии преподавателя физико-математических предметов». Имея в виду, что в августе того года должна открыться означенная вакансия, с выходом из семинарии после 30 лет службы преподавателя К., правление хотя и рассматривало возбужденный ректором вопрос о возможности ходатайствовать об оставлении К. сверх 30 лет, но «не нашло оснований не применять к нему 187 § и 53 и. к 58 § уст., безусловно запрещающие оставление преподавателя свыше 30 лет», и постановило сообщить

канцелярии прокурора о своем намерении открыть конкурс, напечатав о нем в газетах, а о кандидатах сообщить канцелярии, по установленному порядку, к 1-му мая. Один из не состоящих членом правления, преподаватель В., воспользовавшись соображениями ректора о поводах к ходатайству об оставлении К., по бывшим в других семинариях примерам, подал за него отдельное мнение. Но преосв. митрополит утвердил постановление правления. 14 лиц из кандидатов физико-математических наук, учителей гимназии и пр. изъявили свое желание явиться на пробные уроки. Между тем прежний преподаватель подал прошение об. -прокурору об оставлении его на службе при семинарии; вследствие этого, по словесному распоряжению митрополита, конкурс был остановлен, а спустя несколько времени получен указ, согласно заключению учебного комитета, которым К. оставлялся «до усмотрения» на прежней должности, ректору же указывалось, что он «мог внести в правление свое предположение о ходатайстве» за К., а преосв. митрополит «представил бы это обстоятельство. св. Синоду», но «уклонение от такого направления дела (допущено ректором) без сомнения, по неопытности. Объявление конкурса правлением признано «преждевременным» (в виду прошения К. об оставлении на службе) и «несогласным со всеми постановлениями относительно замещения учительских вакансий», а труд и потеря времени на 42 пробных лекции «нецелесообразными по той причине, что в составе правления нет ни одного компетентного ценителя и судьи предполагаемых пробных уроков, так как все члены семин. корпорации получили образование в дух. академиях, где не преподаются физико-матем. науки по этому конкурс предписано «считать недействительным как незаконный и не могущий привести ни к каким полезным результатами, а «устранение могущих возникнуть затруднений» вследствие его «возложить на благоразумие сем. правления, последствием распоряжений которого было напрасное усложнение дела»⁴⁰⁰.

Из постоянных занятий правления более выдающимся является рассматривание инспекторских донесений и ежемесячных ведомостей об успехах (на основании преподавательских отметок) и поведении воспитанников, причем придумывались и полагались в отношении неисправных те или другие меры и взыскания – сообразно с обстоятельствами неисправности, возрастом, способностями и темпераментом неисправного: увещание, выговор, строгое замечание, с угрозой худших последствий, чрез ректора; извещение родителей или родственников питомца и приглашение их к участию в деле его исправления, напр. чрез нанятие для него репетитора из лучших учеников старших классов и т. п.; лишение отпуска на более или менее продолжительный срок; изредка наказание голодным столом, или лишением булок; заключение в карцер (большею частью за поведение) обыкновенно в часы свободные от занятий и только днем; увольнение с казенного содержания и даже из общежития, наконец исключение из семинарии не только после экзаменов, но и среди года. Позднее стало практиковаться составление в педагогическом собрании списков малоуспешных воспитанников, для сообщения этих списков всем наставникам, с целью чаще спрашивать отмеченных в них учеников, особенно в конце года, на экзамене же спрашивать их прежде других и более обстоятельным образом. В 1876 г. возникло предположение о систематизации всех вышеозначенных мер. По предложению ректора, правление назначило особую комиссию из 6 преподавателей, с поручением ей составить «нормальные правила для определения степени виновности воспитанника в малоуспешности по двум или более предметам и меры взыскания с таковых воспитанников». Комиссия исполнила поручение, особенно обратив внимание на меры предупредительные, но как проект ее не совсем согласовался с установившимися порядками, то впоследствии рассмотрение этого вопроса отложено было до общего пересмотра всех семинарских правил. Но и помимо того, от времени до времени, вследствие предложений ректора (особенно Хрисанфа), иногда инспектора и даже кого либо из членов, делались постановления, с целью побуждения учеников к занятиям, возможного облегчения этих занятий и вообще с целью учебно-воспитательною. При составлении расписания постановлено наблюдать: чтобы предметы трудные не приходились вместе в один и тот же день в одном классе и чтобы назначались по возможности на первые уроки, когда еще не утомилось внимание. По одному и тому же предмету в один день и в том же классе найдено возможным допускать уроки только по класс. языкам. Обращено внимание наставников на необходимость – приучать учеников к хорошей дикции, точности выражения, между прочим при переводах с иностранных языков, и связности речи; наблюдать равномерность в назначении

уроков и занятий; не останавливаться долго на спрашивании одного воспитанника, оставляя других безучастными; давать постоянно вопросы из пройденного прежде; дурные отметки в журнал пояснять замечаниями об обстоятельствах и характере ответа; имеющим много уроков в неделю стараться, чтобы каждый ученик был спрошен, и не раз, в течении месяца, при меньшем количестве уроков – по мере возможности: позднее, под влиянием комитетских разъяснений к § 138 уст., эту возможность старались даже довести до минимума, отчасти давая повод к развитию некоторой механичности и формализма в обучении. Относительно усовершенствования занятий учеников письменными упражнениями, которые в первое время вносились ректором на рассмотрение правления, предлагалось наставникам, если найдут удобным, не только разъяснять тему надлежащим образом в классе, но в течении срока, назначенного для известного сочинения, от времени до времени, спрашивать того или другого воспитанника, что им сделано по сочинению, и тем побуждать к составлению его не накануне только дня подачи; прочитывать же поданные сочинения постановлено в течение месяца и делать отметки о них в классных журналах; строго следить за орфографией дружно всем наставникам, которым подаются письменные упражнения, преподавателям же классич. языков, сверх того, выяснять ученикам и правила русской грамматики. За просрочку учениками сочинений, хотя и со стороны инспекции налагались меры взыскания, напр. понижение балла по поведению за месяц всему классу, или неувольнение в город на праздник неисправных, но это найдено недостаточным и постановлено, что бы инспекция делала отметки на просроченных сочинениях, а наставникам предоставить право, по их усмотрению, сбавлять воспитанникам балл за такие сочинения». Предлагалось потом отметки по сочинениям вносить в инспекторские ежемесячные ведомости, чтобы правление могло своевременно принимать меры о неисправных, но это предложение передано было в комиссию по составлению правил. По поводу ревизий так же делались известные постановления, который будут указаны в своем месте, так же как в частности по поводу того или другого предмета преподавания. Многие из означенных и им подобных постановлений получили постоянное значение и вошли потом в те или другие семинарские правила, о которых упоминалось выше, иные в том или другом виде помещены и в «сборник разъяснений» к уставу 1875 г., некоторые временно действовали. Но этим правление не ограничивалось, а старалось вникать в более общие и часто внешние причины неисправностей воспитанников; оно должно было придумывать свои меры и против этих причин, причем его предположения и распоряжения не могли ограничиваться одною внутреннею семинарскою сферою и дисциплиной, более или менее определяемой существующими постановлениями, но касались и разных сторонних, законом непредусмотренных обстоятельствах и соединялись по этому иногда с препятствиями, от правления независимыми.

В первое особенно время, по введении нового устава, по замечанию ректора архим. Хрисанфа, «нужна была борьба с закоренелыми привычками воспитанников семинарии, которые слагались и развивались в продолжении десятков лет, с ложными взглядами на положение их в семинарии, отношение к учебному делу и т. п., взглядами так же прочно укоренившимися под влиянием прежнего быта семинарской жизни и даже вообще быта духовенства, или под влиянием известного легкомысленного направления и всеобщего ослабления в надзоре, вследствие напора общих псевдолиберальных педагогических воззрений... Переход к новым правилам жизни и быта воспитанников, более строгим и определенным, при введении нового устава и по требованию самого начальства, хотевшего уничтожить прежнюю распушенность, естественно, был очень тяжел для воспитанников»⁴⁰¹. Поэтому тогда особенно возможны были еще такие факты, как «ослушание распоряжениям наставника целым классом» (1868 г.). Воспитанники VI класса отказались сначала сделать письменный разбор назначенной проповеди, а потом не хотели, несмотря на убеждения инспектора и ректора, писать проповедь, по назначению наставника, в классе – на основании требований нового практического метода преподавания гомилетики, считая эти новые обязанности тяжелым и «произвольным» нововведением и своего рода насилием. Правление постановило всем ученикам поставить балл по поведению 3 за два месяца, с внушением в присутствии правления, что если не загладят проступка безукоризненным поведением, то и отличные из них не будут удостоены 1-го разряда, а замеченные в каких либо значительных проступках могут быть уволены из семинарии с баллом 2 по поведению. Дело это осложнилось

отдельным мнением одного члена от духовенства, который такое постановление находил «несправедливым, непедagogичным, неосновательным, нечеловеколюбивым» и. т. д. и требовал переисследования и разбирательства дела в правлении, предлагая и некоторые меры при назначении письменных упражнений вообще. Мнение, согласно резолюции преосв. митрополита, разобрано правлением и оставлено «как неосновательное без внимания», переспрос воспитанников признан «не нужным и неуместным», прежние же постановления оставлены в силе и утверждены епарх. властью. Решение правления по особенно «твердость, с какою оно отклонило разбирательство дела в самом правлении», получили полное одобрение по ревизии 1868 г.⁴⁰² Впоследствии таких случаев не было, но нечто в роде этого произошло на классе одного вновь поступившего наставника, против которого выразил в неприличной форме свое неудовольствие ученик Н. за неудовлетворительную отметку, поставленную его товарищу, и был поддержан другими товарищами. Дело осложнилось вследствие двух записок наставника – в правление и на имя ректора и записки в ином роде инспектора, производившего допрос на классе. Правление постановило сделать чрез ректора строгий выговор всему классу, а ученика Н. заключить в карцер на три дня по три часа. Инспектор полагал для него достаточным трех часов в один день. Преосв. митрополит положил резолюцию: «исполнить, сократив срок наказания ученику Н. на два дня; допрос инспектора, обращенный по сему делу к целому классу, признаю излишним, так как это может служить поощрением к общим протестам против наставников».

Своеволие воспитанников нередко затрудняло правление, находя некоторую поддержку на стороне. Увольняемые напр. к родственникам на праздники иногда и к урокам не являлись, причем ссылались на болезнь, а нередко и на то, что их задержали дома по каким-либо обстоятельствам в сущности пустым. По наведении справок, правление не ограничивалось наказанием воспитанников, но обращалось к начальству тех из духовных лиц, которые их задержали, с просьбой наложить на них взыскание. Отпущенные домой в дни говения некоторые уклонялись от этого долга, даже дети весьма почтенных священнослужителей, и при содействии отцов потом выхлопывали медицинские свидетельства. Правление обязывало неговевших напр. на 1-й неделе поста являться для говения в семинарию на страстной, или говеть в другой пост⁴⁰³. 1880 г. по поводу подобных случаев состоялось постановление: просить Его В–во сделать «предложение духовенству здешней епархии содействовать семин. начальству в его заботах о религиозном и нравственном воспитании семинарских питомцев». Между тем по поводу увольнения крайне неисправных воспитанников отцы их, дотоле, по видимому, безучастные к воспитанию своих детей, нередко заявляли протест и жалобы на правление, даже в неприличной форме⁴⁰⁴.

В суждении о занятиях и поведении воспитанников не упускались из виду и такие свойства, как «раннее и вредное развитие в них практицизма и утилитаризма, в связи с нравственным состоянием общества и столичной жизни». Об этом ректор Хрисанф так писал в своем первом отчете: «к неблагоприятным условиям можно отнести, прежде всего, город – громадный и полный разнообразной жизни с ее развлечениями... Недостаток сосредоточенности и любви к труду, требующему напряжения, есть один из главных недугов, которым страдают воспитанники спб. семинарии. Самый характер столичной жизни по преимуществу деловой – практический (иногда в дурном смысле этого слова) так же не остается без влияний на воспитанников больше неблагоприятных, чем благоприятных. Воспитанники спб. сем. житейски очень развиты – даже не по летам – и эта их житейская развитость и бойкость прямо бросается в глаза при первом знакомстве с ними и особенно оттеняется при отсутствия научного развития. Все это, очевидно, не может благоприятствовать развитию чисто научных стремлений, которые всегда более или менее идеальны. В частности по отношению к семинарии, как заведению с своими особыми целями – Петербург не благоприятен уже тем самым, что дает воспитанникам гораздо более возможности к выходу из семинарии в другие заведения, чем всякий другой город. Большая часть воспитанников и по преимуществу способнейшие смотрят на жизнь свою в семинарии, как на переход только к поступлению в иные заведения – с другим характером, и, живя здесь, занимаются часто не тем, что предлагает семинария, готовясь, и усердно готовясь, к занятиям науками иного рода. Естественна при этом небрежность в отношении к учебным требованиям собственно семинарским»⁴⁰⁵.

Против таких явлений правление приглашало дружно действовать всех членов семин. корпорации, придумывая в тоже время и некоторые внешние меры, напр. сокращение срока отлучек в город, с приказанием всем отпущенным на праздник возвращаться накануне учебного дня к 6 часам вечера, за исключением самых благонадежных и исправных, которым разрешалось оставаться в отпуску до утра учебного дня. Для воспитанников низших классов еще на первых порах заявлено было желание учредить надзирателей, но так как у правления своих средств на это не было, то пришлось обратиться к съезду за помощью, с указанием, что такое учреждение во многих семинариях с пользою практикуется. Но съезд сначала отозвался «скудостью средств», потом (1874 г.) нашел даже надзирателей излишними и несмотря на подтверждение, сделанное ревизией 1878 г. о необходимости надзирателей, снова отказал в отпуске суммы на них, так что семин. правление просило Его В–во довести об этом до сведения г. обер-прокурора, и только в 1881 г. назначена была от съезда сумма на жалованье одному надзирателю. Также по вопросу о параллельных отделениях в низших классах правление иногда встречало несочувствие съезда. Не только в 1870 г., когда правление хотело при 50 воспитанниках, переведенных из двух отделений 2-го класса в третий, удержать в последнем два отделения, в виду весьма слабого и рассеянного состава воспитанников, оно не получило на это согласия, но и впоследствии, при 52–54 воспитанниках (во II–м классе), на его представления о необходимости параллельного отделения, на основании требования устава, съезд отвечал отказом и ходатайствовал пред высшим начальством о допущении числа воспитанников в классе сверх нормы, положенной уставом, вследствие чего подобный класс обыкновенно был самый не исправный и составлял предмет постоянных жалоб в правлении.

Практическая расчетливость воспитанников сказывалась между прочим и в их отношениях к своим ответам и отметкам за эти ответы. Зная, что балл 2 1/2 по правилам повышается до 3 и становится так. обр. переводным, многие не считали нужным выходить из этой нормы, и те, которые имели за год 2, подучивали к экзамену на 3 и, наоборот, получившие годовую отметку 3 не считали нужным особенно ревностно готовиться к экзамену. Правление еще в начале 70-х годов обратило на это внимание и сделало предположение о том, чтобы 2 1/2 образовавшееся из сложения годичной отметки с экзаменической, считать баллом «сомнительным», а «не удовлетворительным безусловно» и педагогическому собранию предоставить половинку прибавить или откинуть на основании общего взгляда на воспитанника, за единицу же на экзамен безусловно назначать переэкзаменовку, хотя бы, по сложении ее с годичной отметкой преподавателя, получался балл переводный. Но как это не согласовалось с существующими постановлениями, то дело представлено было в учебный комитет, который признал, что «при правильности ведения дела не должно быть противоречия между баллами наставников и экзаменаторов... значительное же разногласие между баллами должно служить признаком неправильного ведения дела с какой либо стороны и должно составить предмет обсуждения педагог. собрания». Проект семин. правления не был принят. Между тем, когда теория говорила одно, имея в виду преимущественно учащихся, а не учащихся, практика заявляла другое. Учащиеся продолжали пользоваться выгодным для них правилом, применяя его и к получению звания студента. Попытка правления остановить хотя эту последнюю спекуляцию не имела также успеха. Один из воспитанников, не получивший звания студента, подал прошение об удостоении его этого звания, для которого он «имеет нужные отметки». Правление отвечало на запрос высшего начальства по этому поводу, что кроме двух троек, из которых одна по классическому языку, (а языки в это время уже были отнесены в V и VI кл. к общеобразовательным предметам), все остальные баллы воспитанника 3 1/2 по поведению же он был в последнее время неисправен, хотя, согласно узаконению 1871 г., от сложения всех месячных баллов по поведению за два года, у него и вышло 4 в общем выводе. По заключению уч. комитета, предписано было дать воспитаннику 1-й разряд и «строго сообразоваться с действительными достоинствами ученика, не допуская, чтобы признаваемый по своим успехам и поведению недостойным 1-го разряда, мог иметь право на сей разряд по выставлении ему баллов по поведению и успехам». Правление решило тогда по крайней мере в свидетельствах выставять баллы, как они есть, с половинками, не возвышая их в целые числа; с другой стороны, означенным предписанием нашло возможным пользоваться, с целью не держаться со всюю точностию узаконения 1871 г. о строгом выводе балла по поведению за

год из месячных отметок, а «сообразоваться с действительными достоинствами ученика». Так, одному из лучших учеников, при переводе из V-го в VI-й класс, дали по поведению отметку 3, и он поэтому лишился 1-го разряда⁴⁰⁶.

Мера, указываемая против неисправных уставом и состоящая в лишении казенного содержания, обыкновенно парализовалась в отношении воспитанников военного ведомства, которых в спб. семинарии был всегда значительный процент. Относительно таких воспитанников правление лишено возможности держаться общего узаконения о принятии на казенное содержание, для которого требуются, сверх сиротства или бедности, удовлетворительные успехи и поведение; потому что они обыкновенно зачисляются на казенное содержание, и весьма щедро, по распоряжению своего духовно-военного начальства, без внимания к успехам и даже бедности. Но неравенство между воспитанниками. с этой стороны еще может быть не вредит педагогическому делу. Привилегированное же положение некоторых из них не ограничивается этим: неоднократно правление, сделав постановление о лишении казенного содержания кого либо из воспитанников военного ведомства, получало из канцелярии главного священника сообщение о том, что он находит возможным не лишать воспитанника казенного содержания и высылать на него требуемую сумму. Считая это несообразным с своими педагогическими целями и вредно отзывающимся на занятиях воспитанников военного ведомства, правление должно было вопрос этот внести наконец на разрешение св. Синода (1874 г.). Вопрос был разрешен в том смысле, чтобы и к воспитанникам военного ведомства применять общие правила, за исключением придворных, которые, как состоящие на особых суммах, приравнены к своекоштным. Несмотря на это, и после получались уведомления от главного священника, что он находит возможным оставить на казенном того или другого воспитанника его ведомства. Когда же правление по этому поводу указывало на состоявшееся определение св. Синода, то за некоторых употреблялось особое ходатайство со стороны главного священника о разрешении оставить на казенном содержании (напр. в 1881 г.). В привилегированном положении и в отношении принятия в семинарию и ученья в ней – под условием снисхождений, иногда в разрезе педагогическим целям, – находились также иностранцы из славян и восточных уроженцев, и затем крещеные из евреев. На последних особенно не раз указывалось в правлении, как на практикантов уже по натуре, умеющих пользоваться своим положением, но правление не могло употреблять против них обычные средства и однажды, когда постановило просить Его В-во и к ним прилагать в случае нужды общую меру увольнения с казенного содержания, хотя дни и содержаться на особые суммы св. Синода, иначе «неравномерность взысканий за упорную леность и неодобрительное поведение сопровождается весьма неблагоприятными последствиями», – преосв. митрополит не дал своего согласия на эту статью, «так как лишение их (воспитанников из евреев) казенного содержания может повести к соращению их в иудейство». Между тем для других воспитанников увольнение с казенного содержания было равносильно увольнению из семинарии, вследствие неимения ими никаких средств содержания. Правление большею частью имело это в виду, но иногда не достигало своей цели. Так, один воспитанник нездешней епархии, но из лучших в классе, (пользовавшийся казенным содержанием, которое по новому уставу не определяется ни различием сословий, ни епархий) был предметом обсуждения в педагог. собрании, вследствие донесения инспектора о его непочтительном с ним объяснении. Меньшинство, к которому принадлежал и инспектор, а после присоединился и ректор, настаивало на увольнении его с казенного содержания и из общежития. Большинство определило наказать его карцером и строгим выговором. Резолюция последовала: «исполнить с лишением Т. казенного содержания и помещения в общежитии, на которое он не имел и права по своему происхождению». Не утвержденное мнение правления осталось без нового рассмотрения. Воспитанник должен был выйти из семинарии, не имея средств к содержанию.

Стараясь противодействовать развитию свойств и наклонностей, неприличных особенно духовному воспитаннику и будущему служителю алтаря, правление при недействительности мер предупредительных, не задумывалось, особенно в первое время, пред более решительными средствами и старалось освобождать семинарию от лиц, заявлявших склонности и направление, несообразные с целями духовного воспитания, несмотря даже на их успехи. Не говоря уже о таком случае, когда напр. в воспитаннике, замеченном в

присвоении чужой собственности, обнаружены еще были – «дух строптивости, сочувствие ложным и вредным учениям», заявленное и в найденных у него выписках из запрещенных изданий и карточке Чернышевского, – и факты менее значительные сопровождалось немедленным увольнением из семинарии, напр. вмешательство двух воспитанников, по выходе из трактира, в уличную ссору, с привлечением их полицией; пособничество бегству из семинарии одного из товарищей чрез забор сада, с сокрытием этого от семин. начальства; самовольная отлучка из семинарии на ночь к лицам неблагонадежным по мнению семин. начальства, в соединении с уклонением от богослужения и нетрезвостью. Неоднократные случаи подделки подписи в отпускной книжке под чужую руку, или в расписках от лиц, изъявляющих желание принимать к себе ученика, на первый раз наказывались увольнением с казенного содержания и даже из общежития. Впрочем, в некоторых случаях по подобным делам педагогическое собрание не обнаруживало единодушия в решении, тем более что некоторые влияния и разновременно выходившие постановления не благоприятствовали в данном случае единодушию. В один из последних годов описываемого периода 8 воспитанников III кл. составили, по их выражению, «товарищескую группу самообразования»; с этою целью брали из городских библиотек и читали сочинения известного направления – Писарева, Добролюбова, Прудона, Спенсера, Фохта, из журналов – «Отеч. записки» и т. п. и сами писали сочинения на добровольные темы, разделив их между собою, каковы: наука, религия, свобода, женщина и проч. К ним присоединились еще до 6 воспитанников, хотя некоторые потом отстали. Один даже заложил всю свою казенную одежду, чтобы, по его словам, внести деньги в библиотеку для чтения. «Группа самообразователей» получила известность между всеми воспитанниками семинарии и чрез некоторых из них вскоре стала известна начальству. Инспекцией произведен был строгий обыск не только в III-м классе, но и в других местах, в спальнях, на чердаках и т. п., отыскано несколько книг из городской библиотеки для чтения, подписные на чтение книжки, но собственных произведений воспитанников не найдено, и дело представлено на разрешение правления. Правление нашло, что «книги не отвечают целям семинарского образования» и чтение их, сверх того, способствует небрежному отношению к ученическим обязанностям, но воспитанников определило – наказать карцером и оставить до усмотрения на экзаменах. Меньшинство настаивало на увольнении по крайней мере двоих, одного – как инициатора «товарищеской группы», другого – заложившего в ссуд казенные вещи, тем более что оба отличались постоянно малоуспешностью. Утверждено мнение большинства. Означенные два воспитанника и вместе с ними еще двое из «группы» вскоре сами подали прошения об увольнении. Отобранные книги пересланы в городскую библиотеку по принадлежности, но вместе с тем вновь сделано постановление на счета посторонних книг, чтобы он ни под каким видом не приносились в семинарию, где их будут отбирать без возврата. В связи с этим внесено в правление и особое предложение ректора о мерах к большему развитию между воспитанниками духовно-нравственного чтения.

Религиозно-нравственное воспитание и благочестивые упражнения, составлявшие особое требование устава, всегда были предметом внимания со стороны правления. Еще в 1870 г. оно поручило инспектору «представить соображения относительно усиления средств для воспитания религиозного чувства». С этою целью введено не только общее пение молитв утром и вечером и в столовой, но и в церкви при богослужении – более известных песнопений за литургией и всенощной и поочередное чтение в церкви воспитанниками трех старших классов. Проектировалось и ежедневное обязательное чтение воспитанниками из Нового завета, а также прочитывание пред уроками по одной глав из библии, по прежнему обыкновению, но эти предложения не имели применения. Также не получили развития и объяснения дневного апостола и евангелия пред литургией в праздники (по 151 § уст.), предписанный ректору или инспектору, так как признавались семин. начальством неудобными с практической стороны, на что обратила внимание и ревизия 1878 г.⁴⁰⁷. С 80-х годов к особому вниманию по части религиозного воспитания правление побуждалось предписаниями высшего начальства, напр. в 1881 г. о том, чтобы обязывать всех учеников по очереди к чтению в церкви и прислуживанию в алтаре, также к общему пению, с особым подготовлением каждый раз – к чтению при содействии преподавателя литургии, а к пению – учителя пения. В 1883 г. (от 30 ноября) последовал указ о воспитании духовного юношества, и дома и в школе, в

христианском благочестии, любви и уважении к священно-действиям и уставам православной церкви, при поощрении к тому примером самих воспитателей. Вместе с тем высылались для раздачи воспитанникам в собственность экземпляры Библии и Нового завета и предписывалось устранять из обращения между учениками книги, несоответствующие православному духовному образованию. Воспитанники петербургской семинарии, помимо того, удостоились «доброго слова» и назидательного наставления со стороны самого г. обер-прокурора св. Синода К. П. Победоносцева, приезжавшего с этою целию в семинарию, вскоре после страшной катастрофы 1 марта 1881 г. Воспитанникам указаны главные основы воспитания их – в слове Божиим и церковности, без притязаний на внешнее, надмевающее знание, а существенные достоинства их – в смирении и подчинении, с воздержанием от всякой гордости мысли и преждевременных стремлений на шумную арену жизни.

Сообразно с этим, должны были возникнуть и у правления особые заботы о развитии церковности и доброго направления, по поводу чего оно обращалось и к содействию съезда, и в тоже время строже нужно было относиться к проявлениям между воспитанниками направления не соответствующего характера. Но в этом отношении еще нужно было приспособляться и к циркулярному указу св. Синода от 5 сент. 1881 г., которым предписывалась особая осмотрительность при суждении о проступках учеников, на исключение из семинарии предписывалось смотреть «как на меру крайнюю, применяемую только после испытания всех средств к исправлению, а к аттестации воспитанников, исключаемых из семинарии, рекомендовалось относиться с особенною осторожностью, в виду тех тяжких последствий, каким за порогом школы подвергались воспитанники, исключенные из семинарии с дурною отметкою поведения». Впоследствии аттестация исключаемых за неблагоповедение совершенно отменена. Означенный указ прежде всего оказал влияние на отношение правления к проступку нетрезвости.

Старинный порок дух. -учебных заведений – нетрезвость, со введением устава 1867 г., преследовался неумолимо и значительно был ослаблен. По словам ректорского отчета за 1868 /69 г., «правление намерено по отношению к грубым порокам, воровству или пьянству, действовать на будущее время со всюю строгостию и решительностию, увольняя из семинарии и за каждые отдельные случаи воровства или пьянства». Последнее предположение на первых порах казалось, однако же слишком строгим, поэтому правление за нетрезвость в соединении с самовольной отлучкой назначало напр. карцер, с лишением казенного содержания и понижением балла по поведению, но и это казалось тяжким: на подобном определении правления в начале 1869 г. преосв. митрополит написал: «от карцера освободить и за одно преступление многих наказаний не назначать». Но вскоре затем последовало несколько предписаний, по опред. св. Синода, чтобы немедленно исключать замеченных в пьянстве и доносить канцелярии об. -прокурора, если факт пьянства соединялся с буйством; исключенных же за неодобрительное поведение обратно в семинарию не принимать. Вследствие этого, хотя иногда в педагогическом собрании, которое даже экстренно созывалось при обнаружении факта нетрезвости, возникало сомнение, следует ли исключать за единичный факт нетрезвости, но дело кончалось обыкновенно приговором о немедленном исключении, даже с прописанием причины его в свидетельстве, без уважения и успехов ученика. Так было до второй половины 70-х годов, когда жалобы на суровость меры против нетрезвости раздавались и в обществе, разделялись и некоторыми лицами, принадлежащими к духовно-правительственным сферам. Но случаи нетрезвости в петербургской семинарии в эту пору были вообще редки, так что не придется и по одному случаю на год, при том замеченные в нетрезвости – собственно из города являлись в таком виде. С конца 70-х годов оказывается уже более снисхождения к замеченным в нетрезвости. Первый такой случай относится к 1877 г., когда выпивка обнаружена была в самом заведении, и в ней принимали участие трое. Рассматривая этот факт, вследствие донесения инспектора, правление нашло возможным не судить «этот первый и единичный случай по всей строгости правил, под который подводится не трезвость или пьянство, как склонность и порок». Двое из воспитанников были уволены по прошению, согласно их желанию, а третий наказан карцером. Случайно ли, или под влиянием ослабления первоначальных суровых мер за нетрезвость, но факты выпивки – и притом компанией в стенах заведения, – в ученической библиотеке, в живописном классе, или в саду, – стали от времени до времени повторяться, и правление, в виду особенно вышеупомянутого

указа 1881 г, не считая «единичный случай нетрезвости выражением нравственной испорченности», оказывало снисхождение к провинившимся и наказывало их карцером, или лишением казенного содержания, увольнением из общежития, в некоторых случаях и увольнением из семинарии по прошению. Но выраженное правлением несочувствие к принятию в семинарию исключенных из других семинарий за нетрезвость сопровождалось для правления неблагоприятными последствиями. Двое из таких воспитанников, вследствие прошений о возвращении в семинарию, поданных высшему начальству, были направлены в петербургскую семинарию. По долгом рассуждении, – одного из них, на деле которого и преосв. митрополит написал: «принять ежели есть вакансия», – правление решило принять, как уже «испытавшего в полтора года всю тяжесть последствий своего увлечения и раскаявшегося». Другому, на деле которого митр. написал: «правление сем. имеет доложить, нет ли с его стороны препятствий к принятию ученика в III кл.», постановлено отказать, в виду того, что он исключен, а не уволен по прошению, раскаяния пока заявить не успел; живя на вольной квартире, к соблюдению дисциплины не привык; притом было бы соблазном для воспитанников, если из провинциальной семинарии принять в столичную провинившегося в проступке, за который здесь увольняют. Решение утверждено преосв. митрополитом. Но, по приказанию высшего начальства, воспитанник был принят, с внушением правлению о неуместности его рассуждений. Замечательно, что оба воспитанника потом попались снова в нетрезвости. Один, найденный инспекцией в спальне в бессознательном и неприличном виде, уволен по прошению; другой, пивший водку, по его словам, в гостях и в портерной пиво, как доселе заявлявший себя хорошими успехами и поведением, только уволен из общежития. Прошения о возвращении в семинарию и по другим причинам исключенных поступали не раз к высшему начальству в 80-х годах и вызывали правление на объяснения, в оправдание своих постановлений, который иногда и отменялись. Но потом подача подобных прошений в центральное управление воспрещена. Обсуждение результатов экзаменов, производимых комиссиями из членов правления, и составление разрядных списков было одним из занятий общего педагогического собрания, в особенности затягивавшим заседания и нередко возбуждавшим пререкания. Хотя и на этот счет, кроме прямых требований устава, издано несколько разъяснительных постановлений уч. комитета, и правление, особенно в первые годы, опасаясь всякого произвола, в этом отношении преимущественно нередко до преобразования, старалось держаться на почве закона и беспристрастия, но не могло устранить некоторых особенных случаев, производивших немалые замешательства, особенно во вторую половину периода. Так, когда воспитанник О., с утверждения преосв. митрополита, был оставлен на повторительный курс во 2-м классе за полученную им двойку на переэкзаменовке, один из членов правления от духовенства подал прошение митрополиту, указывая на то, что «сем. правление, на этот раз строго держась устава, постановило оставить восп. О. во 2-м классе за 2 1/3 на письменном упражнении, между тем О. – его племянник, которого теперь, по лишении казенного содержания, ему трудно будет содержать». Рассмотрев прошение, по поручению Его В–ва, правление отвечало, что О. оставлен не только согласно с существующим постановлением, но и с педагогическою целию, чтобы он, как малоразвитый и особенно не успевающий по письменным упражнениям, приобрел в них больший навык на повторительном курсе, «денежные же расчеты его дяди не сообразны с воспитательными целями семинарии». Обратив далее внимание на то, что переводение теперь О. в 3-й кл. подрывало бы уважение и доверие воспитанников к педагогическому собранию, тем более что и у других воспитанников выходили дроби менее 1/2 и, согласно узаконению, откидывались, (вследствие чего некоторые даже были исключены), правление осталось «при прежнем своем заключении, утвержденном Его В–вом». Но ректоре К. подал отдельное мнение, в котором, признавая законность заключения правления, обратил внимание на то, что «голоса членов комиссии при оценке переэкзаменовочного сочинения О. разделились, два поставили по 2 и один 3», и он ректор «не усматривает в сем сочинения неопровержимых препятствий согласиться с последним баллом». Резолюция была положена: «перевести О. в III кл. согласно с мнением ректора, который с одним из членов комиссии ставит на упражнении балл 3». По заслушании резолюции, голоса разделились. Большинство постановило вывести на справку между прочим, что экзам. комиссия состояла из 4-х членов, ректор в ней не участвовал, правление же, согласно требованию устава, только средний балл, выведенный и подписанный

4-мя членами комиссии, рассматривало и на основании его сделало свое постановление; затем определило: в виду того, что и «ректором подтверждается законность прежнего определения правления» и что «О. переводится по особому распоряжению Его В-ва, – включить его в число воспитанников III класса по резолюции Его В-ва». Меньшинство же, предлагавшее представить дело на разрешение св. Синода, не пожелало внести в журнал своего мнения, под влиянием уже бывших коллизий. Но в след затем в правление поступили от четырех преподавателей прошения об увольнении из членов правления, в которых указывалось на «нравственное беспокойство», «нравственную тягость», «неудобство» и «затруднения» в исполнении обязанностей члена правления. Правление нашло возможным уволить их «без ущерба дела», так как до 5 лиц из наставников не были еще в числе членов. Тогда же и член от духовенства, по прошению которого дело получило такой оборот, воспользовавшись окончанием 6-ти летия его службы при епархии, заявил съезду, что «находит для себя невозможным продолжать эту службу». Замечательно, однако же, что в том же журнале, по другому, но сходному, делу большинство оказалось на стороне иных взглядов⁴⁰⁸. По видимому, под разными влияниями, правление потеряло почву и действовало непоследовательно. С течением времени, выработался в правлении даже особый принцип, не находящий, однако же, основания в уставе – ходатайствовать о неприменении к известному случаю того или другого предписания. В силу этого, ходатайствовали напр. о допущении к приемным экзаменам после срока, о переводе некоторых учеников в высший класс с двойкой на переэкзаменовке, даже по устному ответу; так, воспитанник К. вследствие ходатайства переведен был из 2-го кл. в 3-й с двойкой по наиболее важному предмету – словесности. Правда, ни разу подобные дела не проходили без возражений и без заявления отдельных мнений, напр. по делу К. 6 преподавателей большею частию того класса представили отдельное мнение против перевода его, но обыкновенно подобные мнения, принадлежащие преподавателям, оставались без последствий. Несколько иное направление им до дело одного воспитанника из крещеных евреев, получившего 2 на переэкзаменовке по математике. Правление определило оставить его на повторительный курс согласно требованию устава. Меньшинство, с ректором во главе, постановило ходатайствовать о снисхождении. Двое же из членов экзаменационной Комиссии указали на то, что подобных воспитанников много в классе, даже есть еще слабее, но они переведены, так как годичный балл по математике имели удовлетворительный; оставить же этого воспитанника, по другим предметам успевающего и мальчика очень живого, будет для него лишь вредно, тем более, что он «по математике, при теперешней постановке ее в здешней семинарии, едва ли возвысил бы свои познания и на повторительном курсе». Митрополит предписал о нем «заготовить представление св. Синоду». По опред. св. Синода, воспитанник был переведен в следующий класс. Стали возможны и случаи допущения в семинарию уволенных перед тем за малоуспешность.

Признавая училищную подготовку воспитанников весьма важным условием для преуспевания семинарского образования, правление, призванное новым уставом к наблюдению лишь за педагогическою частию в училище, постоянно следило за учебно-воспитательным делом в ал. -невском училище. Обыкновенно те или другие пособия и руководства и книги для чтения вводились в училище с одобрения семин. правления, оно же утверждало инструкции правила и программы, пока он не были изданы учебным комитетом, делало те или другие изменения в них, но применяясь к требованиям устава и предписаниям уч. комитета. Так, ходатайство съезда в начале 70-х годов о введении в училище русской истории и увеличении уроков по русскому языку на счета греческого, правление хотя не отклонило, но заявило, чтобы программа по греч. языку была выполнена, иначе в семинарии не могут быть удовлетворительны занятия греч. языком⁴⁰⁹. Рассмотрение годичных отчетов смотрителя, приемные в семинарию экзамены и отношения училищного правления в семинарское по тем или другим педагогическим вопросам – давали повод к разным постановлениям и предписаниям к усовершенствованию учебно-воспитательной части в училище. В 1869–70 г. постановлено было испросить разрешение у преосв. митрополита посещать классы в училище членам семин. правления, с целью лучше наблюдать за ходом учебного дела, потом поручение это дано наставникам семинарии соответствующих предметов, результаты же их наблюдений обсуждались в правлении. По поводу поставленных на вид училищу недостатков, последнее просило дозволить училищным преподавателям посещать уроки в семинарии, для

ознакомления с приемами преподавания, но это найдено нецелесообразным и рекомендовалось, с означенной целью, посещать уездные училища и низшие классы гимназии. Но присутствовать на приемных в семинарии экзаменах учителям училища было разрешено, для ознакомления с требованиями, какие предъявляются к училищным воспитанникам на экзамене. В 1873 г., согласно требованию устава и вследствие особого указа св. Синода, в училище назначены были сем. правлением два ревизора, из преподавателей семинарии, Мегорский и Каптерев, которым поручено не только посещать уроки, но и просмотреть все журналы по учебной и нравственной части, равно и по экономической, на сколько она касается физического воспитания. В первое особенно время и самые отчеты смотрителя не всегда признавались обстоятельными и выражалось желание, чтобы напр. в них было более соответствия с действительностью, чтобы не одна формальная сторона дела указывалась, но выяснились бы «причины неуспеха» по тому или другому предмету, методы и приемы преподавания. Из наук же в особенности неудовлетворительными по результатам признавались языки: русский с церковно-славянским и древние. Училищу предложено было придумать меры к возвышению этих предметов и, когда такие меры были сообщены в семин. правление, составлена особая комиссия для рассмотрения их. В общем меры были одобрены, но сделаны некоторые частные замечания, напр. о неудобстве в конце месяца непременно повторять все пройденное, о нецелесообразности, при обучении орфографии, учителю на доске делать намеренные ошибки, о необходимости приучать к осмысленному чтению, между прочим по славянски, и изложению собственных мыслей на бумаге, чаще практиковать классные письменные работы и грамматический разбор, иногда назначать отрывки по древним языкам для заучивания. К этому после предложено: давать и домашние письменные упражнения, при обучении же орфографии не ограничиваться только механическим списыванием с книг и т. д. В 1874 г. было замечено, что сравнительно с прежним успехи по языкам стали лучше, но еще не достигли вполне удовлетворительности. Из других предметов чаще обращалось внимание, на основании отчетов и приемных экзаменов, на недостатки надлежащих успехов по свящ. истории, арифметике и географии, несмотря на то, что на двух последних предметах большею частью состояли преподаватели из светских учебных заведений. При этом указывались и некоторые неудобные для правильной педагогики явления и обычаи, напр. собирать два отделения в одно, в отсутствие одного из наставников и т. п.

По нравственной части, особенно в первое время, поставляли училищу на вид необходимость отучать учеников от некоторых дурных привычек, приносимых ими и в семинарию, напр. табакокурения, лжи и пр., отменить старших из учеников и дядек унтер-офицеров и заводить надзирателей, согласно указу св. Синода 1871 г. не прибегать к унижительным и нецелесообразным наказаниям, в роде ставления на колена, одевания, будто бы для отучения от неряшества, в поношенное платье, не особенно часто практиковать публичность выговоров, для их успеха.

В 1874 г. на основании наблюдений ревизии, произведенной в училище, предписано – позаботиться: о поднятии классной дисциплины, об устранении механического записывания переводов по классич. языкам, подучивания урока по учебнику во время класса, о необходимости ответов ясных и внятных, спрашивания «не по заведенному порядку», чтобы вперед учение не мог рассчитать, когда его спросят, объяснения уроков без ораторства, удобопонятным языком, с проверкою усвоения их терпеливым спрашиванием учеников, записывания уроков в классных журналах своевременного и отчетливого и хождения на них более аккуратного, под надзором смотрителя. В частности, в отношении преподавания, чтобы при уроках по свящ. истории не опускалась из вида география и хронология, чтобы катехизис усваивался толково, а не чрез механическое заучивание, преподавание географии сопровождалось бы черчением на доске карт самим учителем, в арифметике – пользоваться прибором для наглядного ознакомления с делом счисления и обращать особенное внимание на способы решения задач; при изучении классических языков, наблюдать за правильностью чтения и за изучением слов, объяснять собственные имена и названия, приучать правильно писать, переводить не только на русский, но и с русского, по гречески – не опускать двойственного числа; чаще прибегать к письм. упражнениям и внимательнее их поправлять, причем пользоваться взаимопомощью преподавателям, держаться однообразной терминологии, а русской орфографии обучать общими стараниями; по церк. пению составить

определенную программу, (которая в 1875 г. и утверждена с некоторыми исправлениями). По воспитательной части, – гимнастические движения во время уроков допускать в видах гигиенических, но без нарушения классной дисциплины, следить за целостью и чистотой книг, удобнее и лучше обстроить спальни, столовую и больницу, для гимнастики устроить, если можно, особый зал. В правлении – внимательно обсуждать ежемесячные ведомости по успехам и поведению, не ограничиваясь только принятием «к сведению», правила об экзаменах переделать сообразно постановлениям высшего начальства. В виду неисполнения предписаний семин. правления, снова предложить наставникам семинарии посещать уроки в училище и о своих наблюдениях делать периодически донесения сем. правлению.

Позднее, с начала 80-х годов, обращено особенное внимание на развитие более выразительного чтения по церковным книгам и молитв, с заучиванием из последних более употребительных наизусть, на приучение к церковной практике, на занятие, обязательное для всех, церковным пением, относительно которого постановлено ходатайствовать, чтобы уравнивать значение его с прочими предметами преподавания. Наставникам сделано приглашение не отказываться от содействия в деле религиозно-нравственного воспитания учеников. Чрез ректора семинарии и депутаты съезда приглашались к просвещенному содействию в отношении лучшей подготовки воспитанников по учебной и нравственной части. На съезде постановлено между прочим: восстановить прежний обычай помечать на билетах воспитанников настоятелям церквей об упражнении их в чтении и пении в церквях, в каникулярное время и т. д. Характер сношений между семинарией и училищем, а так же и съездом, который наблюдал за делами училища, не всегда был нормален. Напр. в 1874 г. на съезде обсуждались мнения семин. правления об училищном преподавании и некоторые из них оспаривались: правление признало сношения с съездом по этому поводу «излишними и незаконными». В 1876 г. училищному правлению замечено, что оно «совершенно бесполезно входит в излишние препирательства, не соответствующие характеру сношений между официальными учреждениями неравной степени». Но и в отношениях самого семин. правления к училищу ревизия 1878–79 г. указала «тон высокомерный и распоряжения иногда затруднительные».

Приемные в семинарию экзамены училищных воспитанников в первые годы большею частью давали весьма неблестящие результаты, так как удовлетворительно выдерживали экзамен немногие, и принимаемых в семинарию из державших экзамен иногда было гораздо менее половины. Но с течением времени результаты улучшились, тем более, что по некоторым предметам экзамены были отменены высшим начальством напр. по церк. уставу, священной истории, затем приемные экзамены дозволено производить пред каникулами (1877 г.), и не выдержавшим по одному или двум предметам дозволено после каникул переэкзаменовка (1878 г.). Вследствие этого число воспитанников 1-го класса стало превышать 50, и на средства съезда постоянно уже с 1879 года существовал 1-й параллельный класс. В конце 1883 года приемные в семинарию экзамены дух. училищных воспитанников совершенно отменены, с предоставлением семинарии права назначать, по усмотрению, своих депутатов на училищные экзамены.

В экономическом отношении особенно можно отметить заботы семин. правления о расширении семинарского помещения и его удобствах и об увеличении окладов содержания.

Помещение семинарской библиотеки и больницы в одном из флигелей, в нижнем эта же которого устроена была баня еще и по ревизии 1868 г. найдено было неудобным вследствие влияния банной сырости, дыма и пара, и даже опасности от пожара, тем более что и больница и библиотека в этом флигеле были стеснены, – поэтому предполагено библиотеку перевести в главное здание на место квартиры ректора, которую отвести в верхнем эта же означенного флигеля, а для бани построить особое помещение. (Отч. Серг. стр. 49). Проект этот в 1869 г., по предложению ректора Хрисанфа, снова рассматривался в правлении, был одобрен и представлен на разрешение высшего начальства. В 1872 г. окончена была постройка бани и отделка ректорской квартиры и больницы (на что отпущено 11858 р. 80 к.) библиотека же перемещена в бывшую квартиру ректора, где она оставалась, впрочем, недолго, так как помещение это, по просьбе инспектора, отдано было под его квартиру, как выходящее на солнечную сторону и более удобное для жилья, особенно семейного человека, библиотека же снова перенесена в бывшую инспекторскую квартиру, обращенную окнами в семин. сад.

Казенные квартиры наставникам хотя по уставу 1867 г. не положены, но в спб. семинарии остались за ними, и по ревизии 1868 г. признаны (отч. Серг. стр. 49). Но так как не для всех наставников доставало помещения, более или менее приличного, при этом и некоторые другие помещения, особенно больницы, оказывались недостаточными, то в конце 70-х годов снова был поднят вопрос о расширении семин. помещений. Вследствие заявления врача Пахомова правлению «о крайней тесноте и неудобствах помещения семинарской больницы» (от 10 июля 1877 г.), правление нашло необходимым построить новое здание на площади, примыкающей к семин. саду, с 5-ю комнатами для больных, кроме 9 еще небольших комнат для разных нужд по больнице и для прислуги. Дело представлено от имени преосв. митрополита обер-прокурору для зависящего распоряжения. В 1878 г. синодальный архитектор Люшин осматривал семинарские помещения и нашел возможным не строить особого здания для больницы, а перевести больницу из низшего этажа правого флигеля в верхний этаж нового, а квартиры наставников перевести отсюда частью в бывшее помещение больницы, частью в нижний этаж нового флигеля, произведши здесь некоторые перестройки. Семинарское правление, рассмотрев этот проект, нашло что он не представляет тех гигиенических выгод и удобств, какие оно имело в виду при своем ходатайстве о постройке нового здания для больницы: по этому проекту выйдет для больницы 10 комнат, и то большею частью на СВ. мало освещенных солнцем, а нужно 14; негде будет устроить садик для больных; левый флигель открыт для ветров, а со стороны Черной речки и Обводного канала с барками, окружен нечистым воздухом и пылью с набережного шоссе от множества ломовых извозчиков, производящих, сверх того, постоянный шум и стук, четыре же предположенные внизу квартиры постоянно «будут обмениваться с больницей взаимной порчей воздуха». Доказывая далее необходимость приличных квартир для наставников, которые и высшее начальство доселе признавало, правление обратило внимание на то, что семинария находится на окраине города, оклады же наставников очень недостаточны для найма квартиры в городе, преподаватели и без того часто меняются и стали не охотно являться на конкурсы (греч. язык, гомилетика). Предположенные архит. Люшиным квартиры будут плохи и тесны, между тем и некоторые другие квартиры нуждаются в исправлении и улучшении: преподаватель свящ. Писания даже отказался от этой тесной и сырой комнаты, какую ему дали, и выселился в город; преподаватель же немецкого языка и церк. пения живет в подвальном этаже, в соседстве с служителями, а еще один из преподавателей (приходский священник) вовсе не пользуется казенной квартирой; небольшие преподавательские квартиры в главном корпусе не имеют никаких квартирных принадлежностей. Помимо того, в семинарии нет: раздевальной комнаты для воспитанников, рекреационной и актовой залы, заменяемой для учеников коридором, помещения для надзирателей и на случай открытия параллельного класса. В виду этого, «предоставляя устранение прочих недостатков будущему времени», правление постановило по крайней мере повторить свое ходатайство о больнице, «с оставлением без последствий сделанного архит. Люшиным предположения, стеснительного для наставнических квартир и приносящего больнице только расширение ее помещения, неудовлетворяющее всем ее потребностям и даже поставяющее ее в такие неблагоприятные гигиенические условия, каким она не подвержена и в настоящем помещении, при всей его неудовлетворительности». Ревизия 1878–79 г. подтвердила основательность соображений семинарского правления, и высшим начальством разрешена была постройка особого здания для семинарской больницы, со всеми принадлежностями, на что отпущено 26977 р. Постройка окончена в 1881 году.

По вопросу об увеличении окладов на разные статьи правление неоднократно вынуждалось употреблять свое ходатайство. Но уставу 1867 г. не положено различия между семинариями в экономическом отношении, и петербургская сравнена со всеми прочими в назначении окладов. Таким образом, можно сказать, не приняты были во внимание естественные местные условия жизни и отступлено было от исторического как бы предания относительно петербургской семинарии, которая по прежним штатам всегда выделялась из ряда других и имела преимущества. Непрактичность этого нарушения прежде принятого принципа вскоре обнаружилась. Вследствие столичной дороговизны, правление на первых же порах должно было ходатайствовать об увеличении оклада на содержание воспитанников: в 1869 году он возвышен с 90 руб. до 110, на каждого ученика, потом в 1874 г., вследствие нового ходатайства, увеличен до 125 руб., тогда же исходатайствована и прибавка на наем

прислуги (до 500 р.) и жалование врача (200 руб.) В следующем году сделано представление чрез митрополита о прибавке жалования преподавателям новых языков до 50%, вследствие прошения учителя франц. языка Барена и ввиду постоянной смены учителей этого языка, не находящих выгодною службу при семинарии. Во означенное ходатайство высшим начальством не было уважено. В конце 70-х годов поднят был вопрос и об увеличении окладов всех служащих, на основании означенных прецедентов и ввиду возвышения на 50% ректорского оклада, с поступлением на должность ректора прот. Княжинского, жалование которого было сравнено с получавшимся им в Каменец-Подольске. В 1878 г. служащие в петербургской семинарии подали ревизору Керскому докладную записку о необходимости возвышения их жалования и, по его предложению, представили ему два бюджета – одинокого и семейного наставника. Соображения ревизора по этому поводу были переданы, вследствие решения об. прокурора гр. Д. А. Толстого, в Хозяйственное управление, семинарское же правление с своей стороны постановило «почтительнейше просить Его В-во, не соблаговолено ли будет ходатайствовать пред Св. Синодом об увеличении содержания должностных лиц на 50%» Дело это, первоначально ставшееся без успеха, только в 1881 г. со вступлением в должность обер-прокурора Св. Синода К. П. Победоносцева, получило благоприятное разрешение. В отчете об. прокурора за 1881 г. значится: «вследствие ходатайства спб. митрополита Исидора, принимая во внимание, что при существующей в С. -Петербургской дороговизны на все жизненные потребности, положенное по штату 1867 г. для служащих в спб. дух. семинарии содержание оказывается недостаточным и влечет за собой частое перемещение преподавателей, вредно отзывающееся на учебно-воспитательной части и что с разрешения св. Синода последовала уже прибавка к штатным окладам содержания ректору спб. семинарии по 1000 р. и врачу 200 р. в год, св. Синод признал возможным возвысить положенные по штату оклады жалования служащих в спб. семинарии лиц до 20% и постановил с 1-го июля 1881 г. прибавить из дух. учебного капитала к штатным окладам: инспектору 300 р., помощнику инспектора 150 р., учителям наук и древних языков по 200 р. каждому, учителям франц. и нем. языков по 60 руб. и эконому 100 руб.» Ревизия 1877–78 г. между прочим, обратила внимание на передержку, сделанную семинарским правлением по разным статьям семин. хозяйства за прежние годы, и необходимость, согласно мнения правления, увеличить оклад содержания казеннокоштного воспитанника до 150 р. «по случаю значительно увеличивающейся в Петербурге дороговизны на все жизненные потребности». Вследствие запроса Хоз. управления, семинарское правление объяснило, на основании цифровых данных за 3 года, что передержка по содержанию воспитанников, отчасти уже сокращенная в 1879 г. правлением, отложившим некоторые значительные расходы (напр. на пошитие нескольких теплых пальто и приобретение одеял), к 1880 г. простиралась, однако же, до 4277 р. 78 к. и что к покрытию этой передержки в распоряжении сем. правления особых средств не имеется. Согласно заключению Хоз. управления, Св. Синод разрешил (от 23 окт. 1881 г.) отпустить означенную сумму на покрытие передержки, но в увеличении оклада на содержание казеннокоштных, по причине предполагавшегося «значительного увеличения расходов из дух. учебного капитала», отказал, отлагая рассмотрение этого вопроса «до уяснения средств дух. учебного капитала».

Общий вывод о деятельности семинарского правления можно сделать тот, что правление, с полным сочувствием относясь к реформе и стремясь к точному приложению нового устава к практике во всех отношениях, употребляло с своей стороны возможные меры и заботы к осуществлению тех или других требований устава и всестороннему улучшению учебно-воспитательного дела, стараясь согласоваться и с изданными впоследствии разъяснениями и дополнениями к уставу, преодолевать разнообразные внешние препятствия и затруднения, улаживать так или иначе и внутренние несогласия, происходившие обыкновенно вследствие уклонения кого либо из членов, под тем или иным влиянием, от прямого смысла устава и вообще вследствие столкновения личных, своекорыстных целей с требованиями закона. Во всяком случае нельзя не заметить в этой деятельности надлежащей энергии, одушевления и преданности педагогической цели. Члены правления не с формальной только стороны относились к своему делу, желая лишь отбыть повинность, но с живым интересом и сердечным увлечением, сознавая и свои права и свою ответственность пред законом. В этом общем привлечении учащей корпорации к педагогическому делу, в этом предоставлении всем

наличным педагогическим силам известного простора для влияния на ход учебно-воспитательного механизма, причем обсуждение педагогических вопросов является «более зрелым и всесторонним, а при выполнении важного дела воспитания многими лицами, устраняется всякая разрозненность, столь опасная в этом деле»⁴¹⁰, так же и всякий произвол и пристрастие, – во всем этом, без сомнения, заключается, весьма важная сторона устава 1867 г. Но, вследствие разных неблагоприятных причин, она не могла получить надлежащего, цельного развития.

Обучение, воспитание, экономия, ревизии

Из сказанного в предыдущей главе отчасти уже можно заключить о состоянии обучения и воспитания в спб. семинарии, но введении нового устава, по крайней мере о тех требованиях, какие предъявлялись по этой части, о тех заботах, какие заявлялись правлением для усовершенствования этого дела. В настоящей главе мы вкратце покажем особенности, со введением новых порядков, в обучении и воспитании, состояние каждого предмета в отдельности, общий уровень успехов и поведения воспитанников, наконец экономические условия состояния семинарии, – сопровождая все это в заключении отзывами трех бывших в спб. семинарии ревизий.

Прежний 6-ти летний курс разделен по уставу 1867 г. на общеобразовательный (4 первые класса одногодичных) и специально-богословский (классы V и VI). В основу общеобразовательного курса положена классическая система, как в гимназиях, но при этом не упущена из внимания и главная цель семинарского образования и чрез все классы проведена наука о свящ. писании (16 уроков), как основа всего богословского образования. Разделение предметов на главные и второстепенные уничтожено, так же как и соединение нескольких разнородных предметов в одних руках, преподавателям даны определенные программы, с объяснительными к ним записками. С течением времени, составлялись, большею частью наставниками разных семинарий, применительно к нормальным программам учебные руководства и пособия, которые, получив одобрение учебного комитета, рекомендовались им, с предложением иногда на выбор преподавателя, если представлялось несколько руководств по одному и тому же предмету, и вводились в употребление.

Наука о свящ. писании, с реформой, получила совершенно новую постановку. Библия, изучавшаяся прежде отрывочно и притом не столько в своем содержании, сколько с своей внешней стороны, т. е. со стороны библиографических сведений, – вопросов о подлинности, времени написания свящ. книг и т. п., теперь, сверх того, и по преимуществу, стала изучаться в полном, последовательном чтении ее и объяснении, при пособии русского перевода, изданного св. Синодом. С изучением свящ. писания соединена и священная история. Учебник свящ. Смаградова «Пособие к доброму чтению и слушанию слова Божия», употреблявшийся па первых порах, конечно, далеко не удовлетворял цели и требованиям программы, и наставнику свящ. Г. приходилось немало трудиться над составлением своих записок, которые он в виде конспекта выдавал ученикам, с разрешения Св. Синода. Потом постепенно вводились в употребление: Афанасьева, «Учебное руководство по предмету свящ. писания», для I, II и III классов семинарии, т. е. изъяснение книг исторических и учительных; Хераскова, «Руководство к пятикнижию Моисееву» и «Обозрение истор. книг ветх. завета»; Орды, «Руководство к последовательному чтению пророческих книг», так же – учительных; Херезерского, «Обозрение пророческих книг ветх. завета» (для IV кл.); Иванова, «Рук. к изъяснительному чтению книг нов. завета», в 3-х частях; Боголепова, «Учебное руководство к чтению Евангелий и Деяний апост.» (для V и VI кл.)

Классические языки, по числу уроков занимавшие первое место в общеобразовательном курсе (15 лат. яз. и 20 греч.), стали преподаваться уже не в смысле только простого перевода известных страниц или глав, но особенно в смысле грамматического изучения языка, с подробными филологическими, историческими и литературными комментариями, в сопровождении постоянных классных упражнений в переводах с русского (*ex temporalia*), стали излагаться и опускавшиеся в прежнее время правила метрики, скандовки, особенности диалектов и проч.» Для воспитанников выписано лейпцигское издание латинских и греческих классиков. По латыне обыкновенно переводились: в 1-м кл. «Фасты» Овидия и Тит Ливий, во II-м также «Фасты» и Саллюстий, в III-м «Энеида» Вергилия и Гораций, так же и «De officiis» Цицерона, в IV-м до половины 70-х годов Сенека, Августин и Лактанций, потом последние два отменены и. прибавлено «De officiis». Грамматика в употреблении Я. Смирнова; лексикон Кронеберга постепенно вытеснялся словарем Шульца, отчасти и Ананьева. По гречески: в 1-м кл. «Анабазис» Ксенофонта, с изучением греч. синтаксиса, во II-м Геродот и «Одиссея» Гомера, в III-м «Илиада» и Демосфен, в первую половину периода и Исократ, в IV-м «Диалоги» Платона и Плутарх. В последнее время выписана для воспитанников греч. хрестоматия

Орловского и Фаминского заключающая избранные места из всех указанных классиков. Греческая грамматика употреблялась сначала Кюнера, в переводе Коссовича, также Носова, потом она стала заменяться грамматикой Григорьевского, составленной по Курциусу, позднее стали пользоваться и грамматикой Черного. Словарь Синайского заменялся иногда словарем Коссовича, а потом – Грацинского. В V и VI классах положено по уставу чтение отцов церкви по гречески (по 2 урока), которое происходило по старой греческой учебной книге в 2-х частях⁴¹¹. Новый завет на греч. язык употреблялся воспитанниками V и VI кл. на уроках свящ. писания. Латинских отцов церкви читать предписано только в 1878 г., после того как замечен был упадок латинского яз. на академических экзаменах. Для этого отделено от чтения греч. отцов по одному уроку в V и VI кл. и введена особая хрестоматия, составленная Помяловским, «Избранные места из латинских христианских писателей до VIII века». Но в 1881 г. последовало предписание, к ущербу классических языков, не считать отметки по ним V и VI кл. наряду с отметками по богословским предметам, и баллу 3 не придавать значения для степени студента.

Физико-математические науки признаны также весьма важными «для развития умственных сил учащихся и вообще для основательности и прочности общего образования» (Объясн. зап. стр. 8) и по числу уроков занимают второе место после классических языков (15 уроков). Учебником по алгебре введено руководство Сомова, по геометрии – Буссе (во II кл.), прямолинейной тригонометрии – Дмитриева, пасхалии – Ильяшева, также и Тяжелова (в III кл.), физики – Краевича, по космографии – Воленса (в IV кл.) Приобретены математические приборы и геометрические фигуры; физический кабинет пополнен, особенно же увеличился с уступкой большей части кабинета спб. дух. академии, по закрытии там кафедры физики в 1869 г.

Русская словесность с историей литературы (по 3 ур. в I и II кл.) сначала проходила при пособии руководств Петрова, с дополнением записок наставников, потом – Стоюнина, но и последний, по мнению преподавателя П., признан неудовлетворительным по «несоответствию программе, неполной содержания, растянутости изложения, неудобопонятности выражений», поэтому введены литографированные записки самого преподавателя. Пособиями приняты: хрестоматии Галахова – для теории словесности, в 2-х частях и историческая в 2-х частях, Филонова в 4-х ч., Петрова – историческая. Изучение новых русских образцовых авторов признано необходимым. Вообще на первом плане поставлено «ознакомление воспитанников с образцами, на основании которых делаются общие выводы». По логике, которая присоединена к кафедре словесности (в 3-м кл.), введен учебник Светилина. По гражданской истории всеобщей – учебник Иловайского, но не краткий, указанный в объяснительной к программе записке, а подробный (курс старшего возраста, в 3-х частях), по предложению преподавателя Н., как более обстоятельный и отвечающий программе, краткий же оставлен для некоторых отделов; для иных же вопросов программы преподаватель Н. сдавал свои записки. Русская история проходила по Иловайскому (во II кл.), но с Петра Великого до наших времен (в 3-м кл.) по Рождественскому – в связи со всеобщей. В пособие воспитанникам преподавателем Н. были выписаны стенные карты: Киперта, Бретшнейдера, Добрякова, истор. атласы Иордана и Добрякова, и исторические картины – Брауна Мюнхенское издание и Добрякова. По психологии предписано руководство Чистовича, но оно не считалось преподавателями вполне удовлетворительным, особенно преподаватель К. делал от него значительные отступления в своих чтениях, весьма нравившихся ученикам, опускал вопросы метафизические и т. п., но подвергся за то порицанию ревизии (см. ниже), Впоследствии введен еще учебник Гиляревского. Обзор философских учений – наука совершенно новая, по крайней мере по плану и порядку материала, – проходил сначала до запискам наставников. Но со второй половины 70-х годов вошло в употребление руководство Остроумова в 2-х частях, потом и Маркова Педагогика и дидактика (в V и VI кл. по 1 ур.) изучались также по запискам наставников, хотя под руками воспитанников имелись – сначала учебник Шафранова, потом «руководство к начальному обучению», сост. Малышевским, Зайцевым и Экземплярским. С 1883 г., по предложению преподавателя свящ. М., введен в употребление «курс педагогики, дидактики и методики», составленный применительно к семин. программ В. Тихомировым. Практические занятия воспитанников в начальной школе при семинарии происходили сначала 2 раза в неделю (в субботу и воскресенье), но с марта 1869 г. сделаны ежедневными в

послеобеденное время – с соблюдением очереди. В школе обучали чтению, – письму, закону Божию, арифметике, отчасти пению, иногда и отечествоведению. Более ревностные из воспитанников, занимавшихся обучением, получали в конце года награду от правления, в размер до 25 руб. На содержание школы деньги отпускались из министерства народного просв. (300 р. в год), но в 1880 г. этот отпуск был прекращен, и школа закрылась. В первое время воспитанники допускались для занятий и в некоторые из городских школ.

Богословские науки сокращены по количеству, но введена и новая – Основное богословие, имеющее задачей по преимуществу защищение христианской истины от лживых воззрений рационализма и доказательство ее богооткровенности. Предмет этот преподавался ректорами, из которых первые два составляли по нему для воспитанников записки, особенно ректор Хрисанф много и с успехом работал для этой науки; он же, в качестве члена дух. учебного комитета, составил и программу ее для семинарий, так же как и программы богословия догматического и нравственного. Впоследствии введено было печатное руководство по основному богословию архим. Августина. По догматическому богословию предписано руководство преосв. Макария, сокращенное из его обширного труда по догматике; по совету наставника С, ученики имели под руками и «богословие» архиеп. Антония, как более систематичное и сжатое, иногда и катехизис Петра Могилы. Все это восполнялось особенно классными объяснениями, в которых преподаватель С. «при строгом сохранении прежде всего положительного характера науки, старался повсюду указывать живой и современный интерес ее содержания: живой характер науки обуславливают собою вносимые в нее элементы историко-экзегетический, церковно-исторический, сравнительно полемический и по местам апологетический». Нравственное богословие, являвшееся в прежней постановке большею частью наукой сухой, отвлеченной и казуистической, по новой программе получило характер более живой, фактический, опирающийся на данные истории и психологии. В виду этого, ни принятый на первых порах учебник пр. Платона, ни введенное потом руководство прот. Солярского, как не удовлетворяющее цели и не отвечающее вполне программе, должны были в значительной степени восполняться собственными записками наставника. Преподавание церковной истории общей (6 уроков в V кл.) на первых порах представляло немало труда, по неимению удовлетворительного руководства, и наставник Н. выдавал свои записки, признанные ректором Хрисанфом «и в научном и в педагогическом отношении заслуживающими полного одобрения». Но с 1873 г. введен учебник Е. Смирнова, в 3-х выпусках, впоследствии дополненный автором, и преподаватель В. поставил своей «главной задачей довести учеников до отчетливого усвоения учебника», восполняя его, впрочем, «в некоторых пунктах» классными чтениями. В 80-х уже годах введен еще и учебник Розова: «черчки церк. ист. с реформации до настоящего времени». По русской церковной истории учебник Филарета в программе поставлен на первом месте, но, как малосодержательный, заменен был «руководством к русск. церк. истории» проф. казан. ак. Знаменского, удостоенным премии и рекомендованным по опред. Св. Синода (17–23 марта 1877 г.) «в качестве учебного пособия, как наставникам, так и воспитанникам при приготовлении сими последними уроков», но чтобы «преподаватели руководили в правильном понимании событий изложенных автором не вполне точно, или односторонне». Но руководство это, признанное преподавателем весьма дельным и удобным, после ревизии 1882 г. предписано заменить опять книжкою Филарета. К кафедре церковной истории, по уставу, присоединено практическое руководство для пастырей – наука, заменившая прежнее пастырское богословие и каноническое право, но впоследствии (1870 г.), оно присоединено к гомилетике с литургией, в виду того, что в академии церк. истории и каноническое право проходились на разных отделениях. Нормальной программы по практическому руководству не дано, книжки Скворцова и Парвова не отвечали вполне задаче этой науки, и Книги правил было недостаточно, поэтому наставник Н., преподававший потом этот предмет и на инспекторской должности, выработал собственную программу, выдавал записки воспитанникам, которые потом и переделаны им в учебник, одобренный к употреблению в семинариях (см. стр. 567). По литургии учебником сначала служила книга прот. Смолодовича, потом дополнялась у преподавателя 3. руководствами Хорошунова и Смирнова, наконец заменена «наукой о богослужении правосл. церкви», в 2-х частях, Лебедева. Для практического ознакомления воспитанников с церк. службами, им выдавался полный круг церковно-богосл. книг. На гомилетику по уставу

положено 4 урока в V кл. и 2 в V I-м и дано ей особенное значение, без сомнения, с целью приготовить воспитанников к практическому навыку в проповедничестве, которому прежде мало давалось значения в самом служении пастыря. Отсюда, преподавание гомилетики стало по преимуществу практическим, с разбором образцов, как древних, так и новых, и постоянными упражнениями воспитанников в составлении поучений. Теоретические сведения, помимо классных чтений наставника, ученики получали из учебника Фаворова, а с образцами проповеднических произведений знакомились (с конца 1870-х г.) по книгам Поторжинского: «Святоотеческая хрестоматия» и «Образцы русск. церк. проповеди XIX в.» По истории проповедничества имели под руками: Катаева, «Очерки ист. русск. церковной проповеди», так же Заведеева и самого преподавателя 3. налитографированные записки по истории проповедничества в древней христ. церкви.

Из новых языков один сделан обязательным для воспитанников первых 3-х классов. Большинство обыкновенно записывалось на немецкий язык. По французски первоначально руководством была книга Марго, переводилась иногда и хрестоматия Гемилиана, затем введен «теоретико-практический учебник» Игнатовича, имеющий применение к трем классам семинарии. По немецки сначала пользовались руководствами Лонгардта и Массона, потом введен учебник Ганнемана наконец Белицкого – «руководство» и «краткая нем. грамматика». Словари употреблялись – Рейфа, Фукса потом и Макарова. По еврейски и фински (внеклассного времени) занимались очень немногие – из разных классов. Евр. грамматика Павского заменена руководством Гезениуса, пер. Коссовичем. Кроме хрестоматии Павского введена потом и Коссовича. Финская грамматика Окулова заменена грамм. Эврена; для перевода с финского употреблялась свящ. история Stenberg 1869 г. и Grünberg 1874 г.

Церковное пение, иконописание и гимнастика, по уставу, также положены внеклассного времени. По пению (собственно в первых 3-х классах) по плану преподавателя С. обращалось внимание особенно на исполнение более употребительных церк. песнопений по обиходу Львова, затем Потулова. По мере возможности, исполнялись и некоторые из партесных произведений Бортянского, Турчанинова, Львова и др. При этом сообщались и элементарные правила по теории музыки и сведения из истории церковного пения. Семинарский храмовой праздник служил особенным поводом к занятиям преподавателя С. с воспитанниками по части разучивания разных церковных песнопений, которые иногда выполнялись общим хором воспитанников⁴¹². Иконописание открыто снова с янв. 1870 г. на особые средства, как и финский язык. Занимавшихся было иногда до 25 и менее. Некоторые из воспитанников достигали удовлетворительных успехов по части иконописания, иногда и пейзажной живописи. Занятия гимнастикой зимой происходили в зале, где помещались разные гимнастические приспособления, а летом в саду, и стали более систематичными и постоянными, с поступлением преподавателя Г. на должность учителя гимнастики.

Наставникам предоставлено (Уст. § 64) вносить в свои годовые отчеты ректору и предположения об изменениях, какие находят нужным сделать в программах, или метод преподаваемого предмета. Такие предположения, вносимые в ректорский отчет, обсуждались в правлении и представлялись в учебный комитет. Так предположение преподавателя гражд. истории Н., об изменении программы по истории, с целью лучшего применения учебного материала к развитию и силам учащихся, было найдено правлением заслуживающим внимания и представлено в уч. комитет, но осталось без последствий. Преподаватель философии М. (1879 г.) представлял об изменении в программе по обзору филос. учений в отношении расположения материала. Преподаватель математики К. указывал на несоразмерность назначенного по программе во 2-м классе с 3-м и предлагал перенести в последний часть геометрии, с чем правление согласилось. Препод. педагогики К. представлял соображения о неудобствах преподавания дидактики в VI кл. Правление в виде опыта допустило изменение, как не представляющее существенного отступления от программы, хотя и представило о том в уч. комитет. Препод. практич. руководства для пастырей Н. составил свою программу по этому предмету, которая представлена в учебный комитет (1883 г.) Каждый наставник старался выписывать, с разрешения правления, по своему предмету книги и пособия не только указанные в программе, или рекомендуемые уч. комитетом, но и другие, по своему усмотрению, особенно из вновь выходящих, как на русском, так и на иностранных языках (на последних больше выписывалось по богословию, философии и церковной истории).

Фундаментальная библиотека вследствие этого увеличилась. Из пожертвований, в нее поступивших, более значительны – библиотеки бывших ректоров, преосв. Христофора и Хрисанфа; так же и некоторые из вышедших наставников делали пожертвования, особенно взамен утерянных ими каких нибудь казенных книжек. Число книг таким образом увеличилось более, чем на 2000 названий, не считая учебников и периодических изданий. Последние выписывались ежегодно в количестве 15 и более названий. Духовные журналы получались почти все, из светских преимущественно – исторические издания, а также журн. мин. нар. пр., Русский Вестник, Вестник Европы, Отечественные Записки и др. хотя не за все годы. Казенные учебники первоначально выдавались всем ученикам, потом только казенным. КATALOGИ в окончательной форме составлены в 1871 г. библиотекарем Н. как и правила о хранении и выдаче книг. Предположение о составлении подвижного каталога не получило осуществления, по неимению средств. Ученическая библиотека так же значительно пополнилась выпискою большей части классических новых русских авторов и других сочинений, рекомендованных наставниками, каждым по своему предмету. Незначительные средства воспитанников дополнялись иногда пожертвованиями, напр. почетного блюстителя, или ректора (Хрисанфа), затем правление исходатайствовало у съезда ежегодно 100 р. на библиотеку, но потом от этой выдачи съезд отказался. Преосвященный митрополит жертвовал некоторые издания в ученическую библиотеку, Наградные книги стали гораздо более прежнего интересны и ценны для воспитанников по своему содержанию. Впрочем книги назначенные правлением в награду не всегда одобрялись преосвященным, напр. в 1869 г. он не одобрил Куно Фишера ист. философии и Штоля, Мифы классич. древности, в другой раз написал: «что бы впредь избираемы были сочинения более близкие к возрасту и быту воспитанников»

Новая постановка предметов, требовавшая вместо прежней сухости и отвлеченности более живого и реального содержания, вместо иногда без содержательных фраз – научных фактов, сопровождалась естественно и новыми приемами преподавания, более практическими и рационально-педагогическими⁴¹³. Как видно из ректорских отчетов, наставники спб. семинарии, особенно вновь поступившие со введения устава, старались устранять «обычные недостатки прежнего семин. преподавания – сухость изложения уроков без обращения к сознанию и мысли самих воспитанников, отвлеченность чтений, часто переходившую в школьную мертвенность преподавания, не возбуждавшую интереса в слушателях... и простотою, наглядностию, живостию приема преподавания старались вызывать собственную деятельность умственных сил воспитанников и заботились о том, чтобы все преподаваемое действительно. было, воспринято ими и усвоено сознательно». (Отч. рект. Хрисанфа за 1869 г. и след.) Сообразно с этим, классная и вообще учебная дисциплина поднята весьма высоко. Количество воспитанников в классе, ограниченное 50-ю), и 55-ю в старших классах, не представляет преподавателю прежних затруднений: леность и шаловливость лишены уже возможности укрываться в массе. Строгость требований к урокам и вообще учебным занятиям, а так же и к экзаменам, предъявляемая ко всем и к каждому порознь, вела к своей цели и приучала учеников не манкировать своим делом. В особенности же пробуждена была к деятельности масса воспитанников, дотоле косная и нерасположенная к ученью. Обычные прежде случаи перехода из класса в класс и даже окончания курса, при совершенном небрежении многими предметами, напр. архиерейских певчих, – стали решительно не мыслимы, так же как и увольнения из семинарии целыми десятками за малоуспешность. Что касается немногих из даровитых учеников, которые прежде занимались самостоятельно и достигали иногда, помимо семинарских занятий, развития и некоторых серьезных знаний, то они лишились в этом отношении прежнего простора и свободы, которыми, впрочем, пользовались противозаконно, но получили полную возможность удовлетворять своей любознательности официально предлагаемыми им знаниями; жалобы на неудовлетворенность в этом отношении могут касаться разве редких исключений из наставников, тогда как прежде исключение составляли преподаватели удовлетворявшие запросам желавших учиться. Большинство же учеников, скорее, не чуждо теперь жалобе на множество учебного дела и требовательность преподавания и готово выражать свои симпатии менее дельным и нетребовательным из учителей. Для суждения об успехах воспитанников можно взять на выдержку годичную ведомость инспектора, напр. за 1876–77 г. В ней значится удовлетворительных баллов 944 = 92%, неудовл. 81 = 8%. Или в начале 1877–78 г. по

сентябрьской ведомости удовл. баллов 875, неудовл. 172, 16,4%; в октябре удовл. 895, неудовл. 142, около 13,7%⁴¹⁴. По отчету же ректора за 1876–77 гг. процентное отношение высших баллов (5 и 4) распределяется по классам в следующей нисходящей линии: V кл. 77%, VI – 73%, IV – 49%, II – 38%, III – 34%, I – 30%, общий же итог высших баллов по всем классам составляет 47%. Низших баллов (2 и 1) в VI и V кл. ни одного, в IV и III по 5%, в II – 10%, в I – 13%, общий же итог низших баллов на все классы составляют 6%. На посредственный балл 3 падает 47%.

Воспитанникам доставлялась иногда возможность получать и некоторые сторонние знания, напр. два раза был приглашаем в семинарию известный микроскопист Тицнер, в 1883 г. воспитанники VI кл. выслушали чтения доктора Чертороева о первоначальной врачебной помощи, на некоторые из выставок бывших в Петербурге воспитанникам, также доставлялся доступ. Одна лишь сторона дела является, можно сказать, в невыгодных условиях по реформе 1867 г. это – писательство, которое стало, правда, свободнее от прежних риторических форм и схоластических приемов, но за то и неправильнее и даже небрежнее. Причина того – в недостаточной подготовке по русскому языку в училище, в значительном сокращении против прежнего уроков по словесности, на котором собственно в прежнее время и обучали писать, а особенно в подавлении учеников множеством занятий, чтобы приготовиться к четырем урокам, преимущественно же по классическим языкам: одно приискивание слов, записывание и заучивание их поглощает большую часть вечерних занятий, так что для упражнения в сочинениях и чтения книг остается весьма немного времени.

Признавая воспитание нравственное в семинарии «делом в высшей степени важным», реформа старалась поставить его «сколь возможно естественно, просто и безыскусственно», не как «дело механическое и формальное», признала «излишним и даже вредным определять его подробными правилами», но обозначив точно и ясно цель воспитания в семинариях и поставив ее в правильном развитии характера учащихся соответственно их будущему назначению», предоставила дело «педагогической опытности и благочестивому усердию самих воспитателей». (Объясн. зап. стр. 8, 9). Реформа способствовала облагораживанию семинарских нравов, уничтожению прежней грубости, склонности к обману и лицемерию в отношении начальства, и содействовала значительному ослаблению старинных пороков, особенно нетрезвости. «Вежливость и деликатность в обращении, искреннее чувство признательности к наставникам, чувство дружбы в товариществе; у многих уважение к долгу и чести»: – такими словами инспектор характеризовал воспитанников петербургской семинарии в своем донесении правлению в 1871 г., и донесение в таком роде не единственное; взгляд же этот в общем разделялся и наставниками. Исключения, разумеется, имели место, но никогда не оставались без должного внимания и приличных мер и взысканий. И в отчете об. прокурора за 1879 г. значится: «по отзывам ревизоров и по заявлениям семин. начальств, воспитанники преобразованных семинарий вообще держат себя очень прилично, вежливо и почтительно» (стр. 170). Характер церковности, правда, не выдвигался на видный план, но по уставу развитие его весьма поощряется (§§ 147–153 ср. объясн. зап. стр. 11). Задача же воспитания человека и пастыря далеко не ограничивалась этим, но ставилась более широко⁴¹⁵.

Относительно проступков воспитанников спб. семинарии можем привести данные, напр. из инспекторской ведомости за 1876–77 год, где указаны: «несвоевременное возвращение в семинарию из отпуска (12 случаев), табакокурение в спальне и буфете (5 сл.), оскорбление товарищей (4 случая), неуважительное объяснение с преподавателем (2 сл.), грубое обращение с служителем (1 сл.) и порча классных принадлежностей один случай. Большая часть означенных проступков приходится на классы 1-й (который вообще не сразу подчиняется влиянию семин. педагогики) и 2-й. Общее нравственное настроение воспитанников вполне доброе». Но, вообще, с конца 70-х годов, как заметно из донесений инспекции, число проступков увеличивается.

Физическое воспитание стало также предметом особого внимания. Для развития и укрепления сил воспитанников введена гимнастика, к занятиям которой, по предложению ректора Хрисанфа (1874 г.), семин. врач должен был определять способность каждого, и которая, по словам 1-го отчета того же ректора, оказывает «заметное влияние на свежесть и физическую бодрость воспитанников». При размещении учеников по комнатам принимается во внимание объем помещения и количество воздуха, необходимое для каждого; введена новая

классная мебель, по образцам одобренным св. Синодом, с соблюдением требований педагогики (преимущественно в низших классах). С целью дать воспитанникам более удобное и полезное в гигиеническом отношении время для вакационного отдыха, по ходатайству правления, перенесены каникулы сначала на июль и первую половину августа, потом, вследствие предложения инспектора, еще раньше – с 15 июня по 1-е августа (с 1877 г.). Тогда же и экзамены для вновь поступающих перенесены на начало июня, до каникул, чтобы свободнее и спокойнее было отдохновение воспитанников. В 1883 г., вследствие предложения доктора Пахомова об увеличении летних вакаций, для лучшего восстановления сил и здоровья воспитанников, прибавлены две недели каникул для дух. училища. Вопрос о том же поднимался в семин. правлении и относительно семинарии, но получить дальнейшего движения не мог. Меры по улучшению больничного помещения в семинарии указаны выше (см. стр. 609). Пища обыкновенно была удовлетворительная и ропота не возбуждала. В отношении одежды – покррой принят общеупотребительный, и прежняя шинель заменена суконным пальто на вате, более плотно охватывавшим тело.

Число воспитанников семинарии, принимаемых из всех сословий, ограничено известной нормой, как в целях педагогических и экономических, так и в виду потребностей местной епархии. Для спб. семинарии эта норма определена в 223 чел., но, при введении устава, воспитанников было 243, затем число их уменьшилось и напр. в 1878–79 г. было 156, с 80-х же годов снова стало возрастать, так что в 1883–84 г. оно дошло до 229, т. е. на 6 человек более положенного по штату. Состав воспитанников напр. в 1881–82 г. был следующий: 154 спб. епархии, 14 иноепархиальных, 24 военного и придворного ведомства, 14 из светского звания, 2 еврея и 1 герцеговинец. Количество казеннокоштных положено по штату и опред. св. Син. от 17 мая 1868 г. – 111, с содержанием на каждого, постепенно возвышенным с 90 р. до 125 р. Увольняемые с казенного за малоуспешность получали пособие из попечительства (до 500 р. в год на всех), устроенного съездом для таковых учеников. Воспитанники из детей придворного и военного духовенства, а так же из крещеных евреев и иностранцев, пользовались содержанием по особому распоряжению высшего начальства. Из процентов на благотворительные капиталы, увеличившиеся пожертвованиями г-жи Дубовицкой (2001 р. с.), вдовы ген. майора Поляковой (5000 р.), прот. II. В. Рождественского (3000 р.), преосв. Хрисанфа (5000 р.), – содержались стипендиаты. Плата с пансионера сначала соответствовала сумме на содержание казеннокоштного, но с 1882 г. возвышена до 510 р. и на первоначальное обзаведение 25 р. В первые особенно годы правление ходатайствовало о воспособлении некоторым из бедных пансионеров и своекоштных. Напр. в 1870 г. до 300 руб. исходатайствовано на верхнюю одежду некоторым бедным из приходящих воспитанников. В 1869 г. воспособление (по 55 р.) оказано 54 своекоштных, в 1870 г. – 46, в 1871 г. – 5. Хозяйственные расходы по семинарии простирались до 14900 р. (по смете 1883 г.), в том числе на содержание и ремонт здания и разные принадлежности 3396 р. 2 к., отопление и освещение 5595 р. 27 к., конюшню и прислугу (с прибавкой 500 р. с 1874 г.) 5008 р. 71 к., на содержание и ремонт новопостроенной больницы 400 р., на библиотеку с физическим кабинетом 400 р., канцелярские принадлежности 100 р. Расходы разного рода (по церкви, больнице, содержанию иконописного класса и мелочные) – 1680 р.

Оклады служащих с течением времени увеличены против штата (см. стр. 610) в следующих размерах: ректорский – (2000 р.) увеличен в 1875 г. до 3000 р., врача (300 р.) с 1874 г. до 500 р.; к штатным окладам остальных сделана прибавка с июля 1881 г., инспектору (к 1500 р. шт.) прибавлено 300 р., преподавателям – старшим (к 900 р.) и младшим (700 р.) по 200 р., преподавателям франц. и нем. яз. (к 300 р.) по 60 р., эконому (450 р.) 100 р.; секретарь оставлен при штатном окладе (400 р.) без прибавки; так же письмоводитель вольнонаемный (300 р.) и священник (400 р.) с диаконом (300 р.); должность библиотекаря в спб. семинарии безмездна и присоединена к кафедре гражд. истории, по которой по штату полагается только 8 уроков, тогда как вообще для уроков положена норма 12. Впрочем, до нормы не достигает число уроков и по некоторым другим предметам (по словесности, философии, богословию, церк. истории, литургике с гомилетикой), тем более что ректор с инспектором преподавали (без особого вознаграждения) предметы, взятые ими от какой либо кафедры, напр. ректор – основное богословие, инспектор до 1870 г. – педагогику, потом русск. церк. историю, а с 1872 г. практ. руководство для пастырей. Сверх нормы уроки имели преподаватели: свящ. писания,

математики, латинского языка и один из преподавателей греч. языка с 1878 г. Плата за каждый добавочный урок положена 50 р. младшему наставнику и 60 р. старшему. Уроки в параллельном классе, существующем на епархиальные средства, оплачивались на счет съезда. За временное преподавание уроков, по незамещенной кафедре, положено по 1 р. 13 к. за каждый (ук. Св. Син. 21 окт. 1874 г.), но такая плата признавалась иногда недостаточной, и правление входило в особое соглашение с преподавателями (напр. по франц. яз. в 1876 и 79 г.). С реформой, семин. наставники лишились классных окладов, а так же денежных наград и пособий, выдававшихся прежде из бывших в распоряжении правления остаточных сумм, которые теперь предписано возвращать в хозяйственное управление. В исключительных случаях за пособием или вознаграждением кого либо из служащих правление обращалось к высшему начальству. Так, преподавателю Х. в 1871 г. исходатайствовано пособие в 200 р. на лечение, преподавателю Г. в 400 р. по вниманию к затруднительному семейному положению, преподавателю К. вознаграждение в 1879 г. в размер 900 р. за свидетельствования физических приборов для нескольких семинарий, комиссии из 5 наставников, приводивших семин. архив в порядок, 300 р. в 1880 г. При определении на учительские места в семинарию разрешено, с Высочайшего утверждения (1874 г.), выдавать сверх прогонов третное не в зачет жалованье. Но при поступлении на высший оклад, или новую должность, производится вычет в течение трех месяцев в установленном порядке. Установлен также двухпроцентный вычет в пенсионный капитал. По «положению» 1876 г. оклады пенсий за 25 лет службы, по выходе из нее, следующие: ректору 800 р., инспектору 700 р., преподавателям 550 р. преподавателям новых языков 150 р., помощнику инспектора 300 р., эконому по VIII разр. выходящим в отставку, по прослужении 10 и более до 20 лет; предоставлено право на единовременное пособие, в размере годового оклада пенсии; за 20 лет положена половинная пенсия; семьям должностных лиц пенсии положены по общему пенсионному уставу.

Ревизии в спб. семинарии произведены были – в 1868 г. директором канцелярии синод. об. прокурора Н. А. Сергиевским, в 1877–78 г. членом ревизором дух. уч. комитета С. В. Керским и в 1881–82 г. членом ревизором И. К. Зинченко. Во время ректорствования архим. Хрисанфа ни разу не было ревизии, так как он сам состоял членом дух. уч. комитета.

Первая ревизия, найдя семинарии «в благоустроенном состоянии по всем частям своего управления», в частности сделала следующие замечания: а) по учебной части: не заниматься преподаванием за отсутствующих наставников членам правления от духовенства; строго держаться программ и приобрести более учебников; финский язык преподавать ближе к практической цели; по математике более спрашивать учеников и не спешить идти; далее, не убедившись, что преподанное усвоено; в физике с теоретическою стороною соединять практическую, наставнику гражд. истории С. не ограничиваться лишь учебной книжкой и более следить за классною дисциплиной; преподавателю греч. языка Л. держаться в чтении Рейхлина и побольше заниматься с учениками грамматикою, вообще преподавателям – не говорить лекций более 1/2 часа, чаще спрашивать учеников и следить за их вниманием и усвоением преподаваемого. Темы для сочинений давать соразмерно с силами, сочинения читать внимательнее и строже исправлять, по физике и математике тем не назначать; в случае обнаружения мыслей неправильных, особенно же направления ложного – делать вразумление ученикам. По воспитательной части: отменить старших из учеников, допуская лишь дежурных по классу; ректору и инспектору по взаимному соглашению делать присуждение на хлеб и воду и заключение в карцер; из правил о взысканиях исключить параграф, приглашающий начальство заботиться, чтобы «взыскания в сознании учеников представлялись справедливыми»; ученикам не позволять подавать жалобы в правление; принять особые меры против таких недостатков их, как лживость, своеволие, препирательство с наставниками и начальством, воровство, и проект таких мер представить в уч. комитет; не допускать переисследования инспекторских донесений в правлении, к унижению власти инспектора, но чрез него же собирать, если нужно, дополнительные сведения по делу, а учеников в правление отнюдь не приглашать. По административной и хозяйственной части – приобрести вновь нужные книги и физич. инструменты, не выдавать ученикам новых свидетельств взамен полученных; не лишать казенного содержания и иноепархиальных; с выходящих по собственному желанию взыскивать за содержание, по поступлении их на службу, а не с родителей их; не оставлять дух. училище содействием правильному и успешному развитию

учебно-воспитательной деятельности. Все эти требования подтверждены потом особым указом Св. Синода. Результаты ревизии 1877–78 г., представившей весьма обширный отчет о состоянии спб. семинарии, являются в следующем виде по извлечению из журнала уч. комитета от 6-го июня 1879 г. «Учебная часть в состоянии не вполне удовлетворительном. Хотя двумя предшественниками настоящего ректора было много сделано для организации учебного дела, но настоящий ректор, прот. К, не был в надлежащей степени тверд и энергичен в дальнейшем направлении и благоустройстве учебной части». Большинство преподавателей «отличается весьма хорошими способностями и надлежащим научным развитием». К милостивому вниманию начальства представлен особенно преподаватель греческого языка свящ. М., так же и преподаватель церк. истории В. Но латинский язык и философия найдены в неудовлетворительном виде: преподаватель лат. языка Г. обнаружил недостаточное знакомство с преподаваемым им предметом и несостоятельные педагогические приемы», а наставник философии К. «вел дело обучения в духе едва ли уместном в дух. учебных заведений», устранив учебник психологии Чистовича и введши свою книгу, «Педагогическую психологию», которая «представляет учение вовсе не соответствующее целям семинарского образования». Некоторые наставники допускают дословно записывание лекций, излагают новый урок прежде спрашивания данного урока, необстоятельно и несвоевременно записывают уроки в классных журналах; преп. Р. читает по академически лекции, бегло и недостаточно внятно; Г. по долгу спрашивает одного и вдаётся в объяснения, к делу не относящиеся; С. не владеет предметом преподавания и рабски держится учебника (нем. яз.) Как преподаватель пения; «мастер этого дела», но очень много учеников не учится пению, которое сделано обязательным лишь для первых 3-х классов. Для экзаменов положены сроки слишком широкие. Перемены учебников и изменения в программах допускаются «без соблюдения установленного для сего порядка». Неудовлетворительно организовано особенно ведение письменных упражнений, который несвоевременно назначаются, так же как собираются и сдаются; многие из учеников только накануне дня подачи принимаются писать сочинение. В низших классах, особенно 1-м, значительная безграмотность, но и в старших встречаются орфографические ошибки и бессмыслицы. В IV-м классе – «не соответствующее целям семин. образования умственное направление развивается под влиянием уроков философии и чтения книг, преимущественно позитивного характера». В последние 4 года успехи учеников ухудшились. В библиотеке недостаточно книг по некоторым предметам, наставники помногу набирают книг и почти не сдают их в библиотеку до выхода, но и при выходе не все книги возвращаются и долго остаются невзысканными. Ревизионные комиссии для освидетельствования библиотеки и пр. относятся к делу не всегда с должною внимательностью. Ученическая библиотека бедна: «книг для нравственного чтения в ней немного, но есть книги, уместность которых сомнительна». Воспитательная часть «представляет много добрых задатков, хотя и не приведена еще в состояние полного и окончательного благоустройства». Правила требуют пересмотра; некоторые из правил на практике не исполняются, напр. чтение и объяснение Евангелия в праздники. В учениках заметны – практицизм, утилитаризм, грубоватость; из проступков выдаются особенно табакокурение и самовольные отлучки, иногда нетрезвость; инспекцию нужно усилить надзирателями, а помощнику инспектора – быть деятельнее. Меры же взыскания вообще «правильны и целесообразны». «Чувства церковности и молитвенный дух мало развивают в учениках: всенощная служится с сокращениями, слушание часов пред литургией для воспитанников не обязательно, от богослужения в праздники увольнять никого бы из них не следовало, наставникам же следовало бы более посещать семинарскую церковь. Продовольствие и уход за больными удовлетворительны. В правлении ректор обнаруживает «излишнюю уклончивость и нерешительность», не умеет предотвращать «пустые пререкания, которые иногда даже в печать переносятся⁴¹⁶. Наружное согласие в правлении, по словам ректора мешало инициативе его для разных мероприятий по учебно-воспитательной части, но ныне недоразумения, прибавлял ректор, прекратились». Правление усвоило обыкновение назначать конкурсы, вследствие чего происходили проволочки в определения преподавателей. Секретарь правления очень деятелен, но архив не вполне благоустроен. Соображения ревизии о постройке особой больницы, об отпуске суммы на покрытие передержки прежних лет, увеличений окладов, указаны выше (стр. 609), По заключению учебного комитета определено:

просить преосвященного разъяснить ректору недостаток в нем энергии и твердости; учителя лат. языка уволить, (преподаватель философии сам вышел ранее); правила и инструкции пересмотреть и точно выполнять, принять меры против малоуспешности, достигающей 50%, особенно по сочинениям; обучать пению всех воспитанников; не слишком много времени назначать на экзамены; усилить надзор; библиотеку пополнить, архив благоустроить, конкурсы допускать только при имени кандидатов и пр. По заслушании в правлении указа и извлечения из журн. уч. комитета, постановлено: вывести на справку, что правила и инструкции пересмотрены еще в 1869 г. и 1872 г. и исправлены, сообразно с указаниями ревизии 1868 г. и предписаниями уч. комитета, что процент неудовлетворительных баллов по сочинениям за 4 последних года очень незначителен; именно: в 1875–76 г. в I кл. 43% неудовлетворительных, в 3-м 5%, в остальных классах неудовлетворительных баллов не было; в 1876–77 в 1 кл. 13%, во 2-м 10%, в 3-м 3%, в остальных неудовл. ни одного; в 1877–78 в 1 кл. 23%, во 2-м 10%, в 3-м 11%, в 4-м 4%; в 1878–79 г. в 1-м кл. 29%, во 2-м 3%, в остальных ни одного. Далее отмечено, что съезд отказал в назначении оклада для надзирателя, что о возвращение книг выбывшими наставниками сделаны сношения, но пока безуспешно, что архив уже приведен в порядок Комиссией; назначенной еще в начале 1878 г. Для пересмотра же всех правил назначены три отдельные комиссии.

Ревизия 1881–82 г. состав наставников нашла «весьма удовлетворительным, от деятельности которых получаются весьма удовлетворительные результаты обучения, несмотря на то, что из ал. -невского дух. училища семинария получает воспитанников не всегда надлежаще подготовленных. Процент неуспевающих ежемесячно не велик, и из 22 воспитанников, окончивших в год пред ревизией курс, в дух. академию принято 12 человек. Поведение и здоровье учеников вообще удовлетворительно, несмотря на то, что большинство учащихся поступает в семинарию с надломленным в училище здоровьем и с навыками неблаговоспитанных детей. Благоразумная строгость и внимательность инспекции, обнаруживающаяся как в поддержании установившихся в заведении воспитательных порядков, так и в противодействии неблагоприятным внешним влияниям (со стороны напр. некоторых отцов и родственников, потворствующих слабостям и неисправностям отпускаемых к ним воспитанников, а также вследствие поступления, иногда против воли правления, учеников исключенных из других семинарий за поведение, которые, если не всегда вносят заразу, то увеличивают своим влиянием число недовольных существующими в семинарии порядками, вообще строгими, но для большинства здешних семинаристов, вследствие привычки, не отяготительными), – обеспечивают правильное развитие характера и доброго нравственного настроения учащихся; но на эстетическое воспитание особенного внимания не обращается. Содержание учеников, по средствам, весьма удовлетворительно. Экономия в порядке и находится в опытных руках. Дела в распорядительном собрании правления ведутся отчетливо и свое временно. Дела же в педагогическом собрании носят на себе следы весьма естественной в новом ректоре некоторой нерешительности, вызываемой осмотнительностью и благоразумием». Но указаны и некоторые недостатки, по поводу которых предписано: «располагать учеников, особенно готовящихся в академию, к занятию еврейским языком; озаботиться открытием вновь воскресной школы; употребить старание о приведении физического кабинета в состояние, удовлетворяющее правильному преподаванию физики; окончить безотлагательно рассмотрение правил и инструкций по учебно-воспитательной части; для устранения неудовлетворительных результатов преподавания финского языка, изыскать способы к более целесообразной постановке его; обязательно всех обучать церк. пению; рекомендовать преподавателям: богословия – уделять на уроках историко-критическим замечаниям возможно меньше времени; свящ. писания – кроме последовательного чтения библии и изъяснения замечательнейших мест оной, сообщать ученикам и необходимые герменевтические сведения; русской церк. истории – ввести для классного употребления воспитанников одобренный св. Синодом учебник» (преосв. Филарета). По поводу означенного предписания, правление, приняв его к исполнению, входило в обсуждение указанных пунктов и предприняло некоторые меры к усовершенствованию их, напр. об еврейском языке постановлено – просить начальство сделать его обязательным для поступления в духовные академии, с отметкой не ниже 3; финский язык, всегда представлявший не мало затруднений для его надлежащей организации, предположено закрыть и перенести его в какую либо другую

семинарию, но преосв. митрополит написал: «несогласен; испытать другие меры». Тогда правление озаботилось приисканием нового преподавателя и входило в обсуждение проекта, составленного ректором, по поводу назначения из сумм великого княжества Финляндского двух стипендий, ежегодно по 800 марок каждая, для поступающих в спб. семинарию финляндских уроженцев. Чтобы привлечь таковых в семинарию, предположено ходатайствовать о дозволении оказывать по снисхождению при приеме и во время учения, на ряду с иностранцами, даже не обязывать учиться древним языкам и т. п. С целью развития воспитанников в эстетическом отношении, предположено приобрести разные музыкальные инструменты и дать возможность обучаться на них; также озаботиться подготовлением воспитанников к общему хоровому пению при богослужении.

Относительно состояния с. -петербургской семинарии в учебно-воспитательном отношении в рассматриваемый период, встречаются иногда в годичных отчетах синод. об. прокурора одобрительные отзывы, напр. о преподавании того или другого предмета и т. п. Но с особенною похвалою отзывается о состоянии семинарии отчет 1882 года, на основании последней ревизии, заявляя (стр. 127), что петербургская семинария относится к «сравнительно более благоустроенным во всех отношениях» и что в ней «дело обучения и нравственного воспитания учеников поставлено на высоте, указанной Высочайше утвержденным в 1867 году уставом духовных семинарий». Публично спб. семинария выступила первый раз, в рассматриваемый период, в 1883 году, по случаю ее 75-тилетия.

75-тилетие с. -петербургской семинарии

1 марта 1884 года исполнилось 75 лет, со времени открытия спб. духовной семинарии на основаниях всеобщей и коренной реформы духовных училищ 1808 года. На таких основаниях петербургская семинария открыта первая, так же как и петербургская духовная академия; в других семинариях реформа вводилась не ранее, как спустя 5 лет после того, т. е. по окончании 1-го курса спб. академии в 1814 году.

Семидесятипятилетие свое семинария, по определению правления, с разрешения Высокопреосвященного митрополита, отпраздновала особым торжеством. В воскресенье 4 марта, после архиерейского священнослужения, устроен был акт в одном

из классов. Акт происходит под председательством самого Высокопреосвященного митрополита Исидора, в присутствии членов св. Синода, некоторых чиновников духовного ведомства и многих почетных гостей, большею частью из бывших воспитанников, или наставников спб. семинарии. Семинарской корпорации особенно утешительно было видеть своим гостем Владыку митрополита, весьма давно неудостоивавшего семинарию своим посещением. На акте читал историческую записку о спб. семинарии преподаватель гражданской истории, им составленную и потом напечатанную в «Христ. чтении» (1884 г. № 5—6); секретарь сообщил сведения о спб. семинарии к 1-му марта 1884 г., с кратким извлечением из отчета за минувший учебный год; о. ректор читал телеграммы и письма, полученные к этому дню от разных лиц, большею частью преосв. архиереев; синодальный обер-прокурор К. П. Победоносцев так же почтил семинарию письмом своим, на имя ректора, в котором высказывал сожаление, что по болезни «должен отказать себе в удовольствии присутствовать на (семинарском) торжестве». Подробности празднования описаны в особой брошюре, изданной семин. правлением в память 75-летия семинарии.

Год 75-летия спб. семинарии ознаменован еще важным в семинарской жизни событием, это – изданием нового устава дух. семинарий, Высочайше утвержденного 22 авг. 1884 года. Особенности этого устава, весьма быстро составленного комиссией, под председательством московского митрополита Иоанникия, заключаются в следующем: выборное начало отменено, состав правления сокращен, власть епархиального архиерея над семинарией увеличена, так же как и начальственный авторитета ректора; классические языки и математика ослаблены, новые языки сделаны необязательными, словесность и русская история несколько усилены, богословские науки увеличены в числе и раздроблены по всему семин. курсу, церковное пение сделано предметом общеобязательным, образцовая школа начального обучения при семинарии проектирована с ежедневными правильными уроками; по воспитательной части введена особая мера, проектировавшаяся и раньше (см. стр. 335, 538, 546), состоящая в учреждении духовника для воспитанников, с целью религиозно-нравственного влияния на них не только во время исповеди, но и в домашней их жизни. Экономическое положение наставников изменилось к их невыгоде, вследствие сокращения количества оплачиваемых уроков по одним предметам и увеличения числа бесплатных уроков по другим. С новым распределением предметов, явилась необходимость в издании новых программ преподавания, к составлению которых, по распоряжению учебного комитета, приглашено было и большинство преподавателей с. -петербургской семинарии.

Таким образом последняя четверть столетия в истории наших семинарий, как средне-учебных заведений, начинается третьим по счету уставом и четвертой реформой семинарского устройства.

**Список окончивших курс воспитанников С. -Петербургской
Духовной семинарии с 1811 по 1884 г.**

1811 г.

Разряд I.
Сергей Деляев.
Ив. Долоцкий.
Петр Гербов.
Григ. Помяловский.
Вас. Владимиров.
Никита Петин.
Петр Духовский.
Григорий Корейша.
Фед. Песоцкий.
Мих. Абрюцкий.
Разряд II.
Конст. Башилов.
Яков Сахаров.
Сергей Томилин.
А-р Налимов.
Василий Афонасьев.
Ив. Кедров.
Петр Лавров.
Никита Полухтович.
Яков Рождественский.
Вас. Павловский.
Петр Виноградов.
Максим Матрахин.
Разряд Ш.
Ив. Казанский.
Конст. Владыкин.
Ив. Павловский.
Гавр. Пенинский.
Александр Горинский.
Конст. Чернявский.
Ник. Алексеев.
Ив. Виноградов.
Ив. Знаменский.
Вас. Славянский.
Пав. Полянский.
Пав. Дружинин.
А-р Быстряков.

1813 г.

Разряд I.

Мих. Логановский.

А-р Рождественский – в спб. дух. акад. 1814 г.

Григорий Черницкий.

Федор Осторожнов.

Вас. Дремяцкий.

Матвей Преображенский.

Вас. Антонов.

Евсевий Порогский.

Мих. Благовещенский.

Платон Фантовский – в спб. акад. 1814 г.

Ив. Горянский.

Пав. Смирнов.

Разряд II.

Евлогий Логиневский.

Ив. Никитин.

Яков Виноградский.

Ник. Сперанский.

Ник. Автаномов.

Ив. Песоцкий.

Петр Николаев.

Фед. Сильницкий.

Ив. Белявин.

Вас. Смирнов.

Разряд III

Ив. Заборовский.

А-р Белявин.

Пав. Владыкин.

Ив. Знамеровский.

Ник. Логановский.

Малахий Смирнов.

Ал-й Песоцкий.

Ал-й Соловьев.

А-р Васильев.

Мих. Ерофеев.

Фед. Орлов.

Пв. Флеров.

Стеф. Капицкий.

Фед. Тихомиров.

Ал-й Чулков.

Иван Петров.

Ив. Пенинский – исключен (см. стр. 117).

1815 г.

Иван Наумов.

Вас. Кедров.

Петр Веселовский.

Назнач. в состав низш. отд. 3-го кур. спб. акад.

Ефим Хрусталеv – своекоштн. в спб. акад.

Следующие же 10 воспитанников назначены в 1814 г. в спб. акад. в состав ее 2-го курса:

Роман Кутузов.

Андрей Окунев.

Иван Николаев.

Стеф. Наумов.

Ник. Елисеев.

Ив. Максимов.

Яков Иванов.

Иван Иванов.

Кодрат Кораллов.

А-р Максимович.

Остальные 13 воспитанников этого курса вошли в состав высшего богословского отделения, открытого в 1815 г. Двое оставлены на повторительный курс, но не пожелали продолжать ученья. Из низшего отделения образовано два класса: философский (среднее отделение) и словесный (низшее отделение). В первом помещено 40 человек, во втором 14, кроме 71 поступивших из дух. училищ.

1817 г.

Разряд I

Павел Виноградов.
Григорий Дремяцкий.
Стеф. Славинский.
Ив. Васильев.
Ник. Давинский.
Фокий Быстряков.

Разряд II

Василий Васильев.
Матвей Турский.
Конст. Васильев.
Василий Зотиков.
Стеф. Пенинский.
Ник. Федоров.
Вас. Чулков.

По журналу сем. правления от 28 авг. 1817 г., согласно с мнением ревизора еп. Филарета (Дроздова), постановлено: «по тому уважению, что воспитанники сего отделения занимались богословскими науками в продолжении 4-х лет, положено на сей раз третьему разряду в сем отделении не быть».

1819 г.

Разряд I

Филипп Кудрявцев.
Петр Вестгомский.
Дим. Абрюцкий.
Ив. Виноградов 2-й.
Архипп Зряхов.
Пав. Полянский.
Вас. Флеров.

Разряд II

Ив. Лукьянов.
Ив. Виноградов 1-й.
Сем. Разумовский.
Стеф. Цветков.
Федор Тигодский.
Ив. Дивов.
Ив. Павинский.
А-р Мызавский.
Ив. Кедров.
А-р Реткинский.
Вас. Виноградов.
Ив. Александров.
20. Ив. Студийский.
Андрей Эвенхов.
Мих. Максимов.

Разряд III

Ник. Эвенхов.
А-р Песоцкий.
Ив. Лебедев.

Лучшие воспитанники этого курса Спиридон Гуляев и Федор Птицын назначены были в академию в 1817 г. из средн. отделения, за неимением достойных кандидатов в высшем отделении.

1821 г.

Разряд I

Ив. Смирнов, в спб. ак.

Ив. Ивановский, в спб. ак.

Мих. Лабецкий.

Алексей Максимов, в спб. ак.

А-р Горянский, в спб. ак.

Онисифор Копьев.

Вас. Тихомиров.

Антон Игнатъев.

Александр Елисеев.

Ал-й Розанов.

Разряд II

Стеф. Кедров.

Ив. Песков. 1

Ал-р Владимирский.

Вас. Кудрявцев.

Андрей Ласкин.

Семен Вишневский.

Дим. Молчанов.

Пав. Албенский.

Конст. Несвицкий.

Мих. Григорьев.

Христофор Криницкий.

Ник. Воскресенский.

Ив. Рождественский.

Андрей Никитин.

Влад. Логиневский.

Вас. Недремский.

А-р Албенский.

Ник. Эвенхов.

Федот Пикалев.

Гавр. Рубцов.

Ефим Соловьев.

Петр Лебедев.

Ал-й Филиппов.

Разряд III

Николай Владыкин.

Ник. Александров.

Из этого курса Фед. Аменицкий, Сем. Каменский – по назначению и Иосиф Самческий – по прошению поступили в спб. академию из сред. отд. в 1819

1823 г.

Разряд I

С спб. дух. акад.

Иван Чупровский

Андрей Михайлов

Маркель Монастырев

Вас. Березин

Мих. Николаев

Ив. Гуляев – в спб. дух. акад.

Петр Орнатский

Ив. Соколов

А-р Голубов

Петр Цветков

Мих. Ивановский

Разряд II

Фед. Быстревский

Стеф. Владимирский

Ив. Коченовский.

Пав. Веселовский.

Яков Азиатский.

Мих. Галицкий – в спб. дух. ак.

Вас. Рождественский.

Ив. Ильинский.

Пав. Грацианский.

Мих. Черновский.

Ал-й Владыкин.

Гр. Славинский.

Петр Силин.

А-р Звонарев.

Антон Молчанов.

Онисим Виноградов.

А-р Окин.

Вас. Голубов

Мих. Кедров.

А-р Лебедев 1-й.

А-р Лебедев 2-й

Мих. Креницкий.

А-р Листов.

Мих. Креницкий.

Петр Успенский.

Елисей Примоский.

Разряд III

Ив. Рождественский.

Ив. Дремяцкий.

Гарв. Красногорский.

Вас. Соболев.

Ник. Турчанинов, по прошению отца, с разрешения Комиссии дух. уч., принят в спб. дух. академию из среднего отд. в 1821 г.

1825 г.

Разряд I

Сергей Орнатский – в спб. акад.

Антон Нечаев – в спб. акад.

Алексей Орлов – в спб. акад.

Михаил Азимов

Семен Устинов.

Алексей Лебедев

Александр Кемский

Александр Естифеев

Петр Мацеровский – с спб. ак.

Александр Веновский

Михаил Городицкий

Илья Лебедев

Михаил Модолицкий

Василий Гуляев

Разряд II

Иван Абрюцкий

Григорий Молчанов

Захарий Солнцев

Димитрий Сретенский

Григорий Кедров

Александров Перекомский

Федор Лебедев

Михаил Разумовский

Андрей Вишневский

Иван Путиловский

Конст. Владимиров

Михаил Вишняков

Петр Георгиевский

Павел Рубцов

Разряд III

Семен Эвенхов

Николай Орлов

1827 г.

Разряд I

Гавриил Михайлов – в спб. акад.

Гавриил Розов – в спб. акад.

Василий Шишов – в спб акад.

Николай Сильницкий

Федор Васильев.

Димитрий Николаев.

Федор Беляев.

Алексей Горский.

Иван Лебедев.

Стефан Покровский.

Разряд II

Платон Вотский

Егор Рыболовский

Иван Силуанов

Федор Соколов

Иродион Скроботов

Александр Лебедев

Андрей Ламанов

Петр Рябинин

Иван Барсов

Михаил Горунович

Федор Молчанов

Косьма Барсов

Николай Логиневский

Разряд III

Мих. Турский

Александр Быстров – оставлены на повторительный курс, но вскоре вышли.

1829 г.

Разряд I

Дим. Максимов – в спб. акад.

Филипп Сперанский – в спб. акад.

Як. Заозерский – в спб. акад.

Мих. Быстров

Влад. Нечаев

Григ. Барсов

Мих. Петропавловский

Ив. Шабров-Михайлов

А–р Троицкий

Мих. Березайский

А–р Эвенхов

Ал–й Смирнов

Семен Ольгинский

Разряд II

Ф–р Орлов

Ник. Дремяцкий – причислен к 4-му разряду после экзамена 1830 г.

Федор Смирницкий

Петр Флоринский

Григ. Лакомцев

Пав. Лебедев

Пав. Васильев

Стеф. Попов

Петр Быстряков

Мих. Забойкин

Ив. Грацианский

Конст. Перскомский

Ив. Павский

Ив. Рябинин

Вас. Перов

Ив. Федоров

Ив. Вишняков

Конст. Петров

Герасим Вознесенский

Петр Ильинский

Фед. Зосимовский

Гар. Зотиков

Фед. Опольский

Афанасий Соколов

Разряд III

Ник. Быстров

Фед. Краснопольский

1831 г.

Разряд I

Пав. Налимов – в спб. акад.

А-й Виноградов – в спб. акад.

Дим. Орнатский – в спб. акад.

Ник. Гостинопольский – в спб. акад.

Петр Григорьев

Вас. Никольский

Ив. Исполатов

А-р Благовещенский

Фед. Черновский

Фома Григорович

Пав. Полевицкий

Ив. Чупровский

Разряд II

Илья Велитский

Порф. Строкин

Козьма Турский

Ив. Васильев

Петр Свиязев

Фед. Покровский

Сем. Светлов

Петр Зосимовский

Петр Колоколов

Ив. Надеин – оставлен на повторительный курс по желанию

Сем Скворцов

Фед. Виноградов

Сем. Петропавловский

Мих. Покровский

Викт. Протопопов

А-р Кедров

Ив. Тихомиров

Ник. Духовский

Разряд III

Гавр. Силуанов

Стеф. Львов

1833 г.

Разряд I

Вас Долоцкий – в спб. акад.

Ив. Скроботов – в спб. акад.

Матв. Сиженский – в спб. акад.

Адриан Колоколов – в спб. акад.

Ив. Надеин

Фед. Измайлов

Ив. Вершинский

Ив. Голубов

Вас. Смирнов

Фед. Розанов

Пав. Трачевский

А-р Петров

Мих Шатонов

А-р Дегожский

Разряд II

Ив. Хованский

Ив. Быстряков

Ив. Павловский

Ив. Зарянов

Пахом Пахомов

Як. Лабецкий

Як. Землянский

Ник. Соболев

Флогонт Милов

Петр Петропавловский

Ник. Громов

Мих. Васильев

Плат. Андреев

Ив. Шишов

Вас. Успенский

Фед. Близнецкий

Ник. Кедров

Вас. Зряхов

Разряд III

Ник Алексеев

Егор Воинов

1835 г.

Разряд I

Ал-й Недешев – в спб. акад.

Еф. Михайлов – в спб. акад.

Гр. Рарский – в спб. акад.

Ив. Надеждин – в 1856 г. в моск. дух акад.

Ив. Верольский

Илья Гуляев

Ник. Мокиевский

Еф. Михайлов 2-й

Ник. Михайловский

Ст. Нечаев

Вас. Ушаков

Мих. Владимиров

Фед. Заозерский

Илья Смирнов

Петр Петропавловский

Сем. Воинов

Разряд II

Ив. Успенский

А-р Стефанов

Андрей Конкордин

Вас. Вещезеров

А-р Кулевский

Ив. Покровский 1-й

Ив. Покровский 2-й

Петр Фроловский

Ник. Соколов

Афанасий Яценко

Фед. Скроботов

Петр Турчанинов

А-р Турчанинов

Мих. Григорьев

Ал-й Ольгинский

Фед. Литвин

А-р Дьяконов

Ал-й Рождественский

Ив. Владимиров

Фед. Князев

Ив. Зотиков

Ал-й Шишов

Ив. Птицын

Ив. Алексеев

Разряд III

Петр Славинский

Вас. Кедров

Андрей Новоградский

Разряд I

Ник. Виноградов – в спб. акад.
Ник. Петров – в спб. акад.
Вас. Помяловский – в спб. акад.
Вас. Мудролюбов
Влад. Кочетов
Ив. Преображенский
А-р Братолюбов
А-р Голубов
Евграф Морев
Сергий Бажанов
Ник. Дмитриевский
Мир. Сперанский
Семен Румянцев
Мих. Черновский
Ив. Черновский
А-р Лебедев
А-р Чернов
Вас. Смирницкий
Григорий Гуляев

Разряд III

Лев Ляшкевич
А-р Сампсониевский
Вас. Барсов
Ив. Орлов
Вас. Благовещенский
Петр Полянский
Петр Яковлев
Фед. Боголюбов
Ник. Благовещенский
Мих. Соколов
Вас. Криницкий
Сем. Ярославцев
Ив. Заозерский
Мих. Пальмов
Мих. Успенский
Вас. Соколов
Дим. Шишов
Ал-й Малов
Сергий Алексеев
Ив. Разумовский
Ник. Приморский
Дим. Семенов
Платон Янусов
Мих. Ярославский
Вас. Ветвеницкий

Разряд III

А-р Тихомиров
Пав. Андреев
Ник. Литвинов
Вас. Марков
Конст. Семенов

Алексей Алексеев
Приватно обучавшийся:
Вас. Заозерский – «обращается в предшествовавшее состояние»
Андрей Адамович из этого курса поступил в моск. акад. В 1836 г.

Разряд I
Ив. Бронницкий
Петр Евдокимов
А-р Долоцкий
Дим. Верещагин
Конст. Казанский
Ник. Матвеев
Федор Флоровский
Стефан Богомоллов
Вас. Смирнов
Фед. Румянцев
Конст. Крылов
Ф-р Скроботов
Поликарп Петровский
Вас. Боголюбов
Ал-й Романовский
Яков Смирнов
Павел Кедров
Павел Долоцкий
Мих. Соколов 2-й
Ал-й Голубов
Ал-й Тихомиров
Разряд II
Александр Наманский
Ал-й Смирнов
А-р Богословский
Ив. Смирнов
Вас. Ксеномонтапов
А-р Кедров – в спб. дух. акад.
Ив. Кочановский
Пав. Ламанов
А-р Щеглов
Матфей Веселовский
Евграф Скородумов
Ив. Парвицкий
Дим. Романский
Ал-й Знаменский
Петр Благодатский
Вас. Павский
Вас. Музовский
Вас. Васильев
Егор Орловский
Ив. Музовский
А-р Светлов
Василий Кутневич
Ив. Налимов
Василий Ильинский
Илья Быстров
Петр Быстряков
Николай Владыкин
Ив. Миролубов
Алексей Ростиславов

Ив. Краснопевцев
А-р Соколов
А-р Владыкин
Стефан Яковлев
Михаил Хребтов
Разряд III
Павел Несвицкий
Мих. Соколов 1-й

1841 г.

Разряд I

Конст. Добронравин – в спб. дух. акад.

А-р Никольский – в спб. дух. акад.

Вас. Барсов – вол., в спб. дух. акад.

Влад. Петров – вол., в спб. дух. акад.

Вас. Покровский

Вас. Сыренский

Ив. Беляев

Ив. Аландский

Конст. Смирнов

Сергей Кутневич

Петр Редкинский

Ник. Соколов

А-р Славинский

Ив. Ляшкевич

А-р Разумовский

Матвей Платонов

Вас. Цвинев

Вас. Наумов

Пав. Петровский

А-р Несвицкий

Ив. Тихомиров

Разряд II

Вас. Ильинский

Алексей Мансветов

Петр Киприанов

А-р Заводский

Ив. Знаменский

Мих. Озеров

Ив. Зосимовский

Стефан Дубягский

Ник. Петров

Пав. Казанский

Игнатий Вознесенский

А-р Сурмин

Мих. Петропавловский

А-р Касаткин

Мих. Дмитриев

Ал-й Колосов

Пав. Державин

Разряд III

А-р Башилов

Вас. Белявин

Пав. Троицкий

Ник. Знаменский

Вас. Копьев

Илья Албенский

Пав. Голубов

Конст. Рождественский

4 последних внесены в список в сент. 1841 г., в силу отнош. Дух. Уч. Упр. 12-го июня 1841 г. (см. стр 185)

Вне разряда:

Матвей Зрелов
Вас. Исполатов
Никита Светлов

По определению Св.Синода, должны поступить в причетнич. должности

Разряд I

Моисей Голубев – в спб. акад.

Вас. Парвицкий – в спб. акад.

Всеволод Разумовский – в спб. акад.

Ив. Ветвеницкий

Пав Никольский – вол. в спб. ак.

Фед. Орлов

Ив. Добровольский

Фед. Студийский

Пав. Песоцкий

Вас. Томаринский

Як. Спасский

А-р Заводский

Петр Зиновьевский

Мих. Мансветов

А-р Молчанов

Мих. Тихомиров

Илья Кедров

Вас. Флеров – вол. спб. акад.

Гарв. Крылов – вол. спб. акад.

Ал-р Соловьев

Петр Рудаков

Ив. Братолюбов

Мих. Верольский

Еф. Долоцкий

Ив. Белявин

Ал-р Тихомиров

Разряд II

Ив. Рождественский 2-й

Ст. Павлов

Ив. Белявин

Ив. Рождественский 1-й

А-р Одоевский

Ник Копьев

Семен Певцов

Ив. Соловьев

А-р Петров

Андрей Власов

Андрей Троицкий

Ник Лебедев

Иван Копьев

Андрей Соколов

Петр Казанский

Ив. Ласкеев

Ив. Розанов

Мих. Каменский

Ив. Щелкунов

Пав. Федоров

Ник. Успенский

Фед. Пенинский

Разряд III

Григ. Рождественский

Стеф. Скородумов
Ив. Максимович (2 разр. В 1844 г.)
Петр Каменский
Сергий Малиновский

Разряд I

Александр Рудаков – в спб. акад.

Влад. Добронравин – в спб. акад.

Гавр. Вещезеров – в спб. акад.

Никандр Брянцев – в спб. акад.

Вас. Серафимов – вол. в спб. акад.

Конст Никольский – вол. в спб. акад.

А-р Эвенхов 2-й

Герасим Кикодзев – вол. в спб. акад.

Иероним Домский – вол. в спб. акад.

Влад. Славинский – вол. в спб. акад.

Ник Певницкий – вол. в спб. акад.

Антон Богданов

Алексей Щелкунов – вол. в спб. акад.

Конст. Травлинский

Андрей Ветвеницкий

Алексей Михайлов

Никифор Верольский

Мих. Каменский

Ив. Тигодский

Пав. Александров

Пав. Щелкунов

Вас. Ильтонов

Петр Аревов

Петр Веселовзоров – вол. в спб. акад.

Разряд II

Ник. Черновский

Виктор Казанский

Александр Верховский

Ив. Добронравин

Стефан Преображенский

Ив. Сперанский

Адриан Пустынский

Ник. Симеоновский

А-р Сретенский

Конст. Мансветов

Ив. Петров

Ив. Тихомиров

Петр Адандский

Ив. Лебедев

Ив. Солнцев

Мих. Покровский

Алексей Мудролюбов

Григ. Пруденский

Алексей Колумбов

Вас. Голубков

Ник. Москвин

Ив. Флевицкий

Вас. Вознесенский

Алексей Лебедев

Алексей Кедров

Андрей Барсов

Сем. Чижов
Ив. Смирнов
Вас. Дилигенский
Андрей Спасский
Лев Лебедев
Ник. Гербов
А-р Эвенхов 1-й
А-р Жданов
Пав. Стрелинский

Разряд I

А-р Бровкович*⁴¹⁷ – в спб. ак.

Иван Черницкий

Дим. Флоринский – в спб. ак.

Ив. Головин – в спб. ак.

Ник Смирнов – в спб. ак.

Матфий Соколов

Григорий Словцов – в спб. ак.

Плат Травлинский – вол. в спб. ак.

Степан Жиличевич*

Амвросий Плюховский*

Петр Соловьев

Петр Образцов

Мих. Прорвич – вол. в спб. ак.

Лев Крамаренков*

А-р Сахаров

Семен Сулковский*

Ив. Заркевич* – вол. в спб. ак.

Мих Студийский

Евтропий Прокопович* – в моск. ак. в 1850 г.

А-р Налимов

Влад Владыкин

Яков Азиатский

Евстафий Горбачевич*

Ник Крылов

Пав. Образцов

Гавриил Вениаминов

Ник. Флеров

Петр Недремский

Мих. Алексеев-Месхиев – вол. в спб. ак.

Ник. Молчанов

Мих. Алексеев

Зураб Одишелидзе – вол. в спб. ак.

А-р Приморский

Разряд II

Ив. Боровский

Петр Журавский*

Ник. Соболев

Александр Васильев

Иван Верещагин

А-р Разумовский

Петр Соболев

Ив. Меглицкий

Ефим Флеров

Ив. Дашкевич

Алексей Богданов

Пав. Леонтьев

Конст. Сильницкий

Андрей Любимов

Алексий Скородумов

Ник. Хрусталеv

А-р Успенский

Ив. Лебедев
Ник. Тихомиров
Конст. Исполатов
Ив. Соболев
А-р Верекундов
Конст. Стратилатов
Евсигней Прибужский
Вас Соболев
Ал-й Соколов
Конст. Васильев
Ал-й Молчанов
Ал-й Васильев
Пав. Чистолубов
А-р Елисеев
Ник. Флоровский
Петр Кедров
Ив. Орлов
Ник. Алексеев
Вас. Белявин
Петр Никольский
Петр Успенский*
Фед. Петропавловский
Семен Сквитаров
Петр Суслов
Александр Копорский
Ив. Пустынский
Ник Павлов
Ал-й Рудаков

Разряд I

А-р Преображенский – в спб. ак.

Ив. Флеров – в спб. ак.

Ив. Положенский – в спб. ак.

Вас. Георгиевский – в спб. ак.

Ал-й Ярославский

Ив. Цветков – в спб. ак.

А-р Воздвиженский

Вас. Малоземов

Ив. Ключарев

Фед. Травлинский

Ал-й Вашневский

А-р Соколов – вол. в спб. ак.

Ив. Иродионов

Вас. Лебедев

Сергий Веселовский

Разряд II

А-р Флоровский

Григ. Рыбин

Сергий Благовещенский

Мих. Казанский

Фед. Мироллюбов

Мих. Зиновьевский

Ефим Петропавловский

Пав. Тихомиров

Гавр. Смирнов

Феодор Лукин

Вас. Пикалев

Влад. Успенский

Вас. Павловский

Вас. Колосов

Фед. Эвенхов

Стеф. Соколов

А-р Иванов

А-р Петров

Павел Богданов

Вас. Хрусталеv

Фед. Ильинский

Фед. Дьяконов

Фед. Знаменский

Влад Лавров

А-р Передольский

Мих. Знаменский

Петр Заозерский

Ив. Никольский

Вас. Фортунатов

Ив. Петров

1851 г.

Разряд I

А-р Гумилевский – в спб. ак.

Андрей Павловский – отказался от ак.

Ник Соболев – в спб. ак.

Дим. Соколов – в спб. ак. (назн. вместо А Павловского)

Конст. Черницкий

Савва Прозоров

Ник. Юхновский – в моск. ак. в 1852 г.

Вас. Смирницкий – вол. в спб. ак.

Ник. Большой – вол. в спб. ак.

Вас. Добровольский

Сергей Заборовский

Андрей Соболев

Ник. Соколов 2-й

Ник. Соловьев

Петр Романеско – в спб. академию по распоряж. высш. начал.

Ник. Карпов – вол. в спб. ак.

Леонид Петров – вол. в спб. ак.

Пав. Благовещенский

Конст. Петров

Глеб Кочетов – вол. в спб. ак.

Ник. Лебедев

Влад Гречулевич*– в киев. ак. чрез 2 года учител. службы

Валахи – причислены к 1 разр. по распор. высш. нач. в спб. ак.:

Георгий Ионеско

Ник. Команеско

Ив. Германеско

Разряд II

Илья Михайловский

Ив. Александров

Георгий Беридзе

Ал-й Георгиевский

Андрей Грузинский

Ив. Разумовский 2-й

Ив. Малоземов

Мих. Щеглов

Влад. Петров 3

Фед. Лебедев

А-р Быстров

Фед. Львов

Ал-й Иродионов

Платон Обух*

Влад. Смирницкий

Вас. Вашневский

Ник. Азиатский

Агафоник Белоцерковский

Матфей Смирнов

Мих. Романский

Мих. Фалеев

Лев Быстреевский

Мих. Ильинский

Пав. Ефимов

Мих. Литвин
Стеф Рождественский
Конст. Молчанов
Ник. Стратанович
Ив. Несвицкий
Ник. Эвенхов
Ал-й Горский
Ник. Смирнов
Ник. Лавров
Влад. Быстряков
Ив. Разумовский 1-й
Пав. Эвенхов
Егор Солнцев
Разряд III
Ник. Соколов 1-й
Ник. Заозерский
Семен Романов
Вне разряда:
Вас. Птицын – «за нехождение а класс по упорной лености и совершенную
безуспешность»
Ив. Попов – «из астрах сем. оставляется в том же классе», с согласия архиеписк. астрах.
Евгения»
Из тоб. сем перемещены не задолго и оставлены в том же классе:
Яков Бисеров
Мих. Знаменский

1853 г.

Разряд I

Федор Павлович* – в спб. ак.
Ник Верховский – в спб. ак.
Иван Осинин – в спб. ак.
Фед. Павский
Ив. Любимов
А-р Перов
Вас. Попов
Ив. Фаворский
Ник. Минкевич – вол. в киев. ак.
Антон Залесский
Ал-й Надеждин
Ник.Соколов*
Петр Верховский
Лев Ласкеев
Вас. Головин – вол. в спб. ак.
Ник. Перетерский
Влад. Постников
Влад. Юревич*
Исидор Мацкевич*
Ник. Кутневич

А-р Гостинопольский

Пав. Ветвеницкий

Ив. Никольский

Влад Ильинский

Петр Лабецкий

Яков Бисеров

Мих. Знаменский

Разряд II

Андрей Виноградов

Ив. Покровский

Вас. Фаворский

А-р Ладинский – остался па повт. Курс.

Конст. Серебренников*

А-р Василевский – в 1862 г выдержал на 1-й разр.

Евстафий Крюков

Егор Молчанов

А-р Георгиевский

Конст. Антонов

Яков Зиновеевский

Ал-й Казанский

Вас. Славницкий

Андрей Головкин*

Георгий Цискаров – в спб дух. ак.

Иосиф Микадзе

Авраамий Вороновский

Ив. Заянский

А-р Смирнов

Мих. Азиатский

Фед. Бенедиктов

А-р Казанский

А-р Портанский

Конст. Лацевич*
Вас. Дьяконов
Влад. Тихонравов
Мстислав Тихонравов
Ал-й Преображенский
Семен Никольский
Дим. Стратонович
Ник. Братолюбов
Ник. Сидин
Ник. Ставровский
Петр Казанский
Ник. Ладанский
Елпидифор Стратилатов
Вас. Рождественский

Разряд I

Влад. Никольский – в спб дух. ак.

Ив. Покровский – в спб. дух. ак.

Ник. Бажанов – в спб. дух. ак.

Ник. Мансветов

Пав. Тихомиров

А-р Ладинский – вол. в спб. ак.

А-р Исполатов – вол. в спб. ак.

Петр Белявин

Кир. Галахов

Пав. Благовещенский

Влад. Петров

Ник. Михайлов

Гавр. Крылов

Пав. Томилин

Петр Студийский

А-р Окунев

Ник. Казанский

Мих. Кутневич

Дим. Хованский

Вас. Знаменский

Разряд II

Петр Зотиков

Ив. Троицкий

А-р Перов

Ив. Смирнов

Ник. Розанов

Феод. Паозерский

Вас. Пелушский

Ник. Владыкин

Мих. Иконников

Еф. Агапитов

Ал-й Малов

Павел Зайцев

Ив. Жемчужин

Як. Заболотский

Вас. Лебедев

Семен Лебедев

Пав. Быстров

Пав. Рябинин

Викт. Благовещенский

Парфений Свиткин

Ив. Соколов

Ник. Новенский

Петр Софронов

Петр Виноградов

Фед. Хламов

1857 г.

Разряд I

Федор Быстров – в спб ак.

Ал-й Ставровский – в спб ак.

Леонид Павловский – в спб ак.

Иван Шишов

А-р Врудский

Яков Никалев

Фед. Положенский

Ив. Стратилатов – вол. в спб ак.

Мих Быстреевский

Вас. Быстреевский

Ив. Фаворский

Мих. Травлинский

Дим. Быстреевский

Вас. Смирнов

Ал-й Васильев

Илья Свиткин

Мих. Воробьев

Разряд II

Вас. Китаев

Ал-й Колоколов

Ник. Травинский – в 1862 г. 1-го разр.

Григ. Певцов

Андрей Положенский – 1-го разр в 1860 г. вол в спб акад. 1861 г.

Ник. Благовещенский

Мих. Хорошкевич

Ник. Грацианский –1 разр. и в спб ак. в 1859 г.

Ив. Смирницкий

Ефим Орлов

Фед. Перетерский

Конст. Пашский

А-р Редкинский

Пав. Георгиевский

Евгений Ксенофонтон – «уволен из семин., но за изучение иконописания предоставлен на распор. высш. начальства»

Всеволод Григорьев

Вас. Троянский

Ив. Кострицкий

Ник. Помяловский

Ник. Кедров

Пав. Власов

Як. Щелкунов

Феодосий Гуляев

Ник. Весин

Ал-й Лебедев

Ив. Добронравин

Петр Преображенский

Ив. Зотиков

А-р Тихонравов

Евгений Воинов

Ник Львов

Ив. Тяжелов –1-го разр. в 1860 г.

Пав. Логиневский

Разряд I

Николай Барсов – в спб. ак.
 Конст. Немшевич* – в спб. ак.
 Диомид Петухович* – в спб. ак.
 Вас. Попов – в спб. ак.
 Мих. Родевич* – в спб. ак.
 Флор Абрамович* – вол. в спб. ак.
 Влад Смирнов
 Павел Иовлев – вол. в спб. ак.
 Мих. Строкин – вол. в спб. ак.
 А-р Покровский 2-й
 Ник. Григорьев
 Пав. Краснопольский – вол. в спб. ак.
 Ал-й Смирнов – вол. в спб. ак. 1861 г.
 Андрей Тихомиров
 А-р Полиевктов
 А-р Цветков – вол. в спб. ак.
 Григорий Чернявский* – киев дух. ак.
 Павел Тихомиров
 Конст. Соколов – вол. в спб. ак.
 Мих. Азимов
 Яков Уткин
 Вас. Колоколов
 Ник. Вещезеров – вол. в спб. ак.

Разряд II

Никанор Бобров
 Ив. Уверов
 А-р Благовещенский
 А-р Преображенский
 Евгений Кудрявцев
 Виктор Добровольский
 А-р Покровский 1-й
 А-р Щеглов
 Вас. Миротворцев – в дух. ак. из иркутских, изучавших монг. Яз., и 1-го разг. в 1860 г.
 Антоний Корелин – в дух. ак. из иркутских, изучавших монг. Яз., и 1-го разг. в 1860 г.
 Вас. Назаревич*
 Ал-й Мещерский
 Ник. Смирягин – 1-го разг. и вол. в спб. ак.
 А-р Щедров
 Дим. Никольский
 Ник. Павловский
 Ник Славницкий
 Ив. Гиляровский
 Виктор Тихонравов
 Ив. Исполатов
 А-р Красновский
 Петр Киссель*
 Вас. Ужинский
 Яков Рождественский
 А-р Николаевский
 Вас. Токарев
 Ник. Садовский

Венедикт Подгаецкий*
Иннокентий Корнаков – в спб. акад. (монг. яз.) в 1861 г и 1-го разр.
А-р Петров
Ник. Зосимовский
Ник. Колоколов – вольносл. в спб. ак. и 1-го разр. 1860 г
Ник. Николаевский
Петр Молчанов
Митрофан Васильев
Петр Максимов
Мих. Павский
А-р Калачев
Ник. Трифан
Конст. Чепурин
Ник. Залыбедский
Ник. Муратовский
А-р Громачевский *– в 1858 г вышел из сем. и поступил в моск. акад.

Разряд I

Петр Мазанов – в спб. ак.
 Влад. Краснопольский – в спб. ак.
 А-р Индийский – в спб. ак.
 Андрей Шишов – в спб. ак.
 Ник. Солярский
 Дим. Флеров – вол. в спб. ак.
 Семен Сажин
 Андрей Боголюбов – вол. в спб. ак.
 Спасоэ Перович – вол. в спб. ак.
 Амвросий Преображенский – вол. в спб. ак.
 Илья Бровкович – вол. в спб. ак.
 Петр Аннинский – вол. в спб. ак.
 Ив. Орлов
 Ив. Молчанов 1-й
 Мих. Красноцветов – вол. в спб. ак.
 Фед. Иванов
 Пав. Молчанов – вол. в спб. ак.
 Ник. Ветвеницкий – вол. в спб. ак.
 Ив. Васильев – вол. в спб. ак.
 Мих. Львов – вол. в спб. ак.
 Евграф Медведский
 Конст. Добросердов
 Вас. Луженский
 А-р Лебедев
 Вас. Изгородин

Разряд II

А-р Быстряков
 А-р Колумбов
 Дим. Быстров
 Ив. Зверев
 Ник. Кесарев
 Ал-й Путиловский
 Мих. Еленев
 Ник. Яковлев
 А-р Пашский
 Фед. Покровский
 Матфей Добросердов
 Вас. Хутынский
 Ал-и Иванов
 Мих. Велитский
 Ник. Петропавловский
 Фед. Тропеефоров
 Ив. Вороновский
 Петр Петров
 А-р Лебедев
 Дим. Охонский
 А-р Карпин
 Яков Смирнов
 Ив. Окин
 Ив. Зотиков
 Ив. Князев

Евстафий Семенов
Конст. Семенов
Валентин Кедров
Виктор Зверев
А-р Колоколов
Ив. Григорьев
Ив. Молчанов 2-й
Мих. Зерцалов
Матвей Срезнев
Вас. Чернышев
Ив. Ижевский
Евграф Ярославский
Мих Флоринский
Никанор Тихвинский
Вас. Тихомиров
А-р Соколов
Ник. Вишневский
Пав. Иродионов

Разряд I

Влад. Гуляев – вол. в спб. ак. (в сане диакона)

Игнат. Аннинский – назн. в спб. ак.

Яков Яновский

Ник. Скроботов – назн. в спб. ак., но не принят на каз. сод.

Влад. Павский – вол. в спб. ак.

Ал-й Васильев

Гр. Самчевский

Ник. Разумовский

А-р Розанов

Ив. Поспелов

А-р Тихомиров – вол. в спб. ак.

Фед. Сретенский

Вас. Василевский

Пав. Беляев – вол. в спб. ак.

Дим. Приморский – вол. в спб. ак.

Мих. Положенский

Мих. Окин

Вас. Лесков

Павел Нильский – вол. в спб. ак.

Ник. Фасанов – вол. в спб. ак.

Сергей Горонович

Пав. Свиязев

Ив. Китаев

Гавр. Молчанов

Гр. Покровский

Ник. Иванов 1-й

Фед. Гефсиманский – вольносл. в спб. ак.

Разряд II

Мих. Лебедев 1-й

А-р Румянцев

Евгений Горский

Антон Стефанов

Ник. Парийский

Сергей Каменский

Пав. Барсов

Стеф. Колумбов

Петр. Георгиевский

Вас. Лебедев

Гавр. Чистосердов

А-р Бенескриптов

Гавр. Стратилатов

Петр. Петропавловский

Ив. Литвин

А-р Лебедев

А-р Чернов

Петр Кемецкий

Ник. Ламанов

Ал-й Смирницкий

А-р Смирнов

Сергей Весин

Лев Аннинский

Мих. Лебедев 2-й
Ник. Землянский
Ал-й Велитский
Як. Смирнов
А-р Братолубов
Ив. Богословский
Ив. Гостинчиков
Конст. Реутов
Вас Красовский
Пав. Лебедев
Сергей Баранский
Дим. Мацеровский
Ник. Иванов 2-й
Егор Богословский
Вас. Платонов
Ив. Логиневский
Илья Попов
Мих. Самецкий
Гавр. Белокозов
Дим. Шестоковский
Разряд III
Вас. Гостинопольский
Як. Землянский
А-р Налимов
Ник. Богословский
Ник. Шугозерский

1865 г.

Разряд I

Вас. Перетерский – в спб. ак.
Конст. Стефановский – в спб. ак.
Сем. Трипольский
Вас. Сенаторский
Пав. Аландский
А-р Богословский – в спб. ак.
Мих. Стратилатов
Викт. Смирнов – в спб. ак.
Иосиф Высоцкий* 1
Ив. Брянцев – в спб. ак.
Мих. Полотебнов
Ив. Вишневский*
Ник. Осьминский
Пав. Флеров
Влад. Шишов – вол. в спб. ак. 1867 г.
Сергей Савваитов
Вас. Нильский
Викт. Горский
Мих. Лебедев 2-й
Стеф. Смеречинский*
Петр Иовлев
Ник. Сахаров
Ник. Горизонтов
Ив. Лебедев
Влад. Сольский*–в киев. ак. Вол. в 1867 г.

Разряд II

Ив. Нечаев – в 1866 г. 1-го разр. и в 1867 г в спб. ак.
Мих. Кириллов
А-р Виноградов – в 1867 г 1-го разр. и после в спб. ак.
Ник. Заборовский
Петр Кушин*
А-р Флоровский
Матв. Тихомиров
А-р Сабельский
Афанасий Беляев
Митр. Добржанский*
А-р Евдокимов
Гавр. Ширяев
Пав. Песоцкий
А-р Полотебнов
Мих. Фасанов – в 1867 г 1-го разр. и в спб. ак.
Влад. Велитский
Влад. Платонов
Кирилл Аристотелев
Ефим Лебедев
Митр. Орлов
Ник. Гиляровский
Ник. Горонович
Вас. Орнатский
Конст. Хутынский
Петр Бенескриптов

Ник. Парвицкий
Петр Добровольский
Вас. Сперанский
Пав. Песков
Викт. Смирягин
Ник. Верховский
Пав. Голубов
Фед. Львов
А-р Тихомиров
Ал-й Богданов
Мих. Лебедев 1-й
Фед. Петров
Ив. Камчатов
Ив. Медведский
Ив. Лавровский
Гр. Тихомиров
Андрей Лебедев
Мих. Буткевич
Дим. Фальковский
Ник. Благовещенский
Влад Александров

1867 г.

Разряд I

Петр Никитин –отк. от назн. в спб. ак.

Ник. Ветвеницкий – назн. в спб. ак.

Евгений Смирнов – вол. в спб. ак.

Конст. Ветвеницкий – вол. в спб. ак.

Ив. Яценко

Петр Азимов – вол. в спб. ак.

Ив. Александровский

Ник. Федоровский

Вас. Маренин – вол. в спб. ак.

Ник. Иванов

Андрей Ветвеницкий

Сем. Григорьев

Фед. Быстров

Ал-й Полисадов – вол. в спб. ак.

Мих. Исполатов

Ник. Боголюбов

А-р Добронравов

Ив. Сыренский

Ефим Положенский

Конст. Лебедев

Конст. Тимофеев

А-р Сыренский

Петр Александровский

Ник. Соколов

Сем. Флоринский

А-р Златковский – вол. в спб. ак. в сане свящ. 1881 г

Разряд II

Вас. Мансветов

Пав Добряков

Андрей Дубровский

Як. Смирницкий

Дим. Тимофеев

Ник. Златковский

Ал-й Фортунатов

Влад. Иванов

Никанор Самсоньевский

Ив. Лебедев

Ив. Недешев

Капитон Петров

Вас. Быстров

Влад. Черновский

Евгений Орлов –1 разр. 1871 г.

Вас. Боротинский

Пав. Лебедев

Ив. Шишов

Ник. Благовещенский

Пав. Романский

Герасим Флеров

Ал-й Краснопевков

Ив. Исполатов

Вас. Орнатский

Пав. Быстряков
Мих. Боголюбов
Андрей Краснопольский
Ник. Сергеев
Петр Тихомиров
Вас. Петров
Игнатий Шереметинский – в 1808 г. 1 разр.
Пав. Дзягилер
Петр Ласкеев
Ник. Каллистов
Ник. Божуков
Андрей Боротинский
Ник. Янусов
Ал-й Мансветов
Вас. Медведский
Федот Гордиевский
Мих. Марковский
Ив. Ольшевский
Конон Папоротский
Петр Быстреевский
Вас. Михайлов
Георгий Обучанин

1869 г.

Фед. Фаворский – назн. в спб. ак.
Елпид. Остроумов – назн. в спб. ак.
Вас. Мудролюбов – назн. в спб. ак.
Ник. Черенский – вол. в спб. ак.
Стеф. Аландский – вол. в спб. ак.
Ник. Белявин
Вас. Копьев
Разряд II
Конст Нечаев – 1-го разр. в 1869 г.
Як. Черенский – 1-го разр. в 1869 г.
Пав. Попов
Ив. Черенский
А-р Кедров
Фед. Молчанов 2-й
А-р Мамисов – 1 разр. в 1869 г.
Фед. Молчанов 1-й
А-р Марков
Вас. Кутузов
Ник. Кедров
Стеф. Дамаскинский
Петр Лавров
Вышедшие в 1868 г. 1 разр. в 1870 г.:
Пав. Ужинский
А-р Дилигенский

1870 г.

Разряд I

Пав Рождественский – в спб. ун.

Мих. Скородумов

Матв. Дремяцкий

Вас. Воскресенский

Мих. Налимов

Ив. Благовещенский

Разряд II

Конст. Веселовский

Мих. Землянский

Ив. Каменев

Влад. Каменев

А-р Левицкий

Влад. Добровольский

А-р Благовещенский

Вас. Смирнов

Петр Григорьев

Ив. Бенескриптов

Арс. Черновский

Ник. Дамаскинский

Ив. Сперанский

Петр Малиновский

Ник. Белявин

1871 г.

Разряд I

Ив. Перетерский – в спб. ак.
Влад. Страшевский* – в спб. ун.
Мих. Кедров – в спб. ак.
Ив. Тимофеев – в спб. ак.
Петр Вознесенский
Мод. Быстров
Ив. Зинкевич
Клавд. Папоротский
Петр Соболев – вол. в спб. ак.
Мих. Соколов
Ник. Шепиловский – в спб. ак.
Петр Добронравин
А-р Піешиевский
Конст. Голубков
Вас. Киркевич*
Ник. Покровский
Ник. Васильев

Разряд II

А-р Тихомиров
Ник. Сцепуржинский* – в спб. унив.
А-р Павлинский – 1 разр. в 1873 г.
Дим. Лебедев – 1 разр. в 1872 г.
Ник. Гербановский* – в спб. унив.
Андр. Лавров
Ал-й Молчанов
Ник. Щеглов
А-р Разумовский
Вас Боголюбов
Гр.. Глебогорский
Як. Львов
Дм. Бойцов
Викт. Боротинский
Ив. Копьев
Фед. Владимирский – (3 разр.)
Конст. Фаворский – 2-го разр. в 1872 г.
Вячесл. Иезбера (из чехов) вне разр.

Серг. Протопопов и 37. Серг. Любимов – вышли из семинарии в 1870 г. для поступления в спб. дух. акад., 1-й поступил сначала в унив., 2-й выдержал на 1-й разр.

1872 г.

Разряд I

Ник. Окунев – от ак. отказ., но пост. в унив.

Вас. Лебединский – назн. в спб. ак.

Петр Клепачевский – вол. в спб. ак.

Ник. Голубев

Вас. Шишов

Вас. Соболев

Ал-й Успенский – вол. в спб. ак. в 1875 г.

Фед. Малов – вол. в спб. ак.

Конст. Вознесенский – в спб. ун.

Разряд II

Ник. Соколов –1 разр. в 1873 г.

Мих. Тихомиров

Викт. Благодатский

Ив. Каменогородский

А-р Разсудовский

Ник. Розанов

Григ. Смирягин

Влад. Вознесенский

Ник. Черновский – 3-го разр.

1873 г.

Разряд I

Ник Налимов – назн. в спб. ак.

Ник Криницкий – назн. в спб. ак.

Ив. Соболев – назн. в спб. ак.

Ив. Лебедев – вол. в спб. ак.

Ал-й Тимофеев – вол. в спб. ак.

Арс. Крещенский – вол. в спб. ак.

Петр Тихомиров – вол. в спб. ак.

Ал-й Дмитриев

Серг. Преображенский – вол. в спб. ак.

Ник Долоцкий – вол. в спб. ак.

Разряд II

Ник. Дымский

Ал-й Уверов – 1 разр. в 1874 г.

Ник. Владимиров

Мих. Дмитриев

Ев. Приморский

Мих. Троицкий

Ник. Скородумов

Петр Богданов

Ник. Петров

А-р Преображенский

Ник. Чистяков

Вышли из V-го кл. в 1872 г., но в 1874 г. Выдержали на окончивших курс 2-го разряда:

Вас Лукин

Ал-й Лебедев

1874 г.

Разряд I

Гавр. Соболев – назн. в спб. ак.

А-р Ярославский – в медиц. ак.

Мих. Заозерский

Петр Алексеев – назн. в спб. ак.

Серг. Благовещенский – вол. в спб. ак.

А-р Предтеченский

Вас. Ильинский

Разряд II

Мих. Казанский

Гавр. Розанов

Влад. Малов –1 разр. в 1875 г. и в медиц. ак.

Никан. Уствольский

Викт. Смирнов

Викт. Мироллюбов

Ив. Каменский

А-р Сергеев

Ник. Благодатский

Ал-й Лебедев

А-р Городецкий

Ник. Соколов

Всеv. Сахаров

Иоиль Тихомиров

Ник. Щеглов

Ник. Флеров

Фед. Светлов

Ив. Зотиков

1875 г.

Разряд I

А-р Несоцкий

Мих. Уствольский

Анат. Лебедев

Олимп Сретенский – в спб. унив.

А-р Словцов – вол. в спб. ак.

Мих. Полевитский

Конст. Рыбин – в спб. ак., после в унив.

Сер.г Окулов – вол. в спб. ак.

Влад. Фаворский – в спб. унив.

Ник. Кедров

Разряд II

Ив. Докоцкий

Мих. Дьямский

Конст. Голубев

Петр Соболев

Мих. Успенский

Ал-й Соболев

1876 г.

Разряд I

Ив. Лавров – назн. в спб. ак.

Анат. Покровский

Ник. Черепанов – вол. в спб. ак.

Петр Львов

Леон Тихомиров – в дух. ак. 1880 г.

Ник. Соболев

Влад. Ушаков

Разряд II

Пав. Кедров

Фед. Порфиридов

Фед. Верекундов

Мих Бриллиантов

1877 г.

Разряд I

А-р Иванов

Петр Ветвеницкий

Мих Книницкий

Мих. Назаревский

Вл. Добровольский

Мих. Боголюбов

Як. Тихомиров

Вас. Вознесенский

Илья Вишняков

Влад. Образцов

Вас. Ушаков

Ив. Иродионов

Мих. Архангельский

Разряд II

Дм. Любимов – 1-го разр. 1878 г. вол. в спб. ак.

Мих. Лебедев – 1-го разр. 1878 г. вол. в спб. ак.

А-р Боротинский

Влад. Лебедев

А-р Криницкий

Ал-й Солнцев

Влад. Дамаскинский

Вас. Румянцев

Ив. Малов

Анат. Быстров

1878 г.

Разряд I

А-р Никитский – вол. в спб. ак.

Влад. Налимов – назн. в спб. ак.

Петр Ламанов – в медиц. Ак.

Дм. Яценко – в спб. унив.

Ал-й Княжинский – вол. в спб. ак.

А-р Трушлевич – вол. в спб. ак.

Вас. Гречулевич – в медиц. ак.

Вас. Каменский

Разряд II

Конст. Скородумов

Па. Голубев – 1 разр. в 1882 г.

Влад. Никольский

Гавр. Песоцкий

Ник. Соколов – 1 разр. в 1879 г. И вол. в спб. ак.

Влад. Полигнотов

Влад. Тихомиров

Конст. Самсоньевский

1879 г.

Разряд I

Серг. Лавров – назн. спб. ак.

Аристон Ласкеев – назн. спб. ак.

Як. Боголюбов – вол. в спб. ак.

Ник. Лебедев – вол. в спб. ак.

А-р Алексеев – вол. в спб. ак.

Влад. Соколов – в медиц. ак. с аттест. зрелости

Гр. Дементьев – вол. в спб. ак.

А-р Вишневский

Разряд II

Ген. Докучаев – 1 разр. в дек. 1879 г. и в дух. ак. в 1880 г.

Мих. Соболев

Мф. Кузьминский

Петр Ловягин

Ив. Лебедев

Ник. Троицкий – по церк. начитанности

1880 г.

Разряд I

Ник. Соколов – вол. в спб. ак.

Ник. Соболев – вол. в спб. ак.

Влад. Васильев – назн. в спб. ак.

Ив. Александров – вол. в спб. ак.

Ник. Высокоостровский

Мод. Александров – вол. в спб. ак.

Ив. Преображенский – вол. в спб. ак.

Иннок. Запольский – вол. в спб. ак.

Ив. Знаменский – вол. в спб. ак.

Разряд II

Ив. Люкровский – 1 разр. в 1881 г. и в дух.ак.

Влад. Казанский – 1 разр. в 1881 г. и в дух.ак.

Ник. Лебедев

Влад. Зайцев

Конст. Модестов

Пав. Смирнов

Ив. Лебедев

Ник. Каменев

Вас. Быстров

1881 г.

Разряд I

Фед. Ласкеев – назн. в спб. ак.

Филос. Орнатский – назн. в спб. ак.

Андрей Лебедев – вол. в спб. ак.

Ник. Павский – вол. в спб. ак.

Ник. Зарницкий – вол. в спб. ак.

Дм. Ласкеев

Сем. Налимов – вол. в спб. ак.

Вас. Осьминский

Вас. Добронравин – вол. в спб. ак.

Дм. Добровольский – вол. в спб. ак.

Леон Шепиловский

А-р Попов – вол. в спб. ак.

Разряд II

Гр Воробьев – прич. к 1-му разр. по указу св. Синода

Ник. Симеоновский – прич. к 1-му разр. по указу св. Синода

А-р Кезма – в моск. ак.

Андр. Петров – причислен к 1-му разр. по указу св. Синода и вол. в спб. ак.

Ив. Черенский – причислен к 1-му разр. по указу св. Синода и вол. в спб. ак.

Вас Ильинский

Ал-ii Перов

Дион. Смирнов

Плат Врудский

Спир Копривица из сербов – вол. в спб. ак.

Разряд I

Тим. Налимов – назн. в спб. ак.
Тим. Соловьев – назн. в спб. ак.
Серг. Любимов – вол. в спб. ак.
Пав. Мегорский – вол. в спб. ак.
Ник. Орлов – вол. в спб. ак.
Влад. Недремский – вол. в спб. ак.
А-р Евграфов – вол. в спб. ак.
Дм. Заозерский – вол. в спб. ак.
Серг. Голубев – вол. в спб. ак.
Ник. Бельский – вол. в спб. ак.

Илья Персигов

Дм. Федоров

Дм. Чистосердов

Разряд II

А-р Яворский

Ник. Васильковский

Вен. Вещезеров

Вас. Вишняков

Ив. Орлов

Разряд I

Конст. Смирнов –назн. в спб. ак.

Ник. Никольский – вол. в спб. ак.

Ник. Соловьев – с атт. зрелости в спб. унив.

Ил. Алексеев – вол. в спб. ак.

Ник. Добронравин – в ист филолог. инст.

Анат. Остроумов

А-р Архангельский

Ал-й Хованский

А-р Калачев –вол. в спб. ак.

Ник. Зимнев

Ал-й Курочкин

А-р Щипунов

Разряд II

Тих. Казанский

Дм .Дубецкий

Вас. Антонов

Пав. Пашский

Сем. Молчанов

Мих. Пенинский

Ив. Лебедев

Ив. Орлов

Ник. Боротинский

Конст. Покровский

Ник. Щукин

А-р Старопольский

Конст. Лорченко (по церк. начит.)

1884 г.

Разряд I

Петр Белевский – назн. в спб. ак.

Мих. Славнитский – в спб. ак.

Пав. Добронравин – в спб. ак.

Дим. Соколов – в спб. ак.

Вас. Недремский

Мих. Тимофеев – моск. ак.

Ник. Радзиминович – в спб. ак.

Ив. Полянский

Сергей Бельский

Лавр Загадаев

Мих. Землянский

Разряд II

А-р Воинов

Тихон Спонаровский

А-р Зосимовский

Вас. Любимов

А-р Флеров

А-р Стретов

Сергей Щеглов (ост был в 1883 г. на повт. курс)

Примечания

¹ - По Духовному регламенту признается особенно полезным «Семинариум для учения и воспитания детей, какие вымышлено немало в иноземных странах,» – в смысле "закрытого учебного заведения, «дом образом монастыря», а «воспитываемые в дому том семинаристы нарицаются». (Гл. «Домы училищные», § 22).

² - Первоначальный учебник для таких школ, составленный Феофаном Прокоповичем, носил следующее заглавие: «Первое учение отроком, в нем же буквы и слоги, – та же: краткое толкование законного десятилетия, молитвы Господней, символа веры и девяти блаженств».

³ - Более подробные сведения: о старой Александроневской семинарии и академии (до 1809 г.), история которых собственно не относится к нашей задаче, находятся в соч. Я. А. Чистотича: «История С. -Петербургской духовной академии», 1857 г., части же и в «Истории С. -Петербургской епархии», помещаемой в издании Спб. епархиального историко-статистического Комитета. вып. 1, 2, 3, 5, 6.

⁴ - Недостатки эти указаны и в «Докладе Комитета о усовершенствовании духовных училищ». 1809 г. стр. 9 и след.

⁵ - Чистович. История Спб. академии, стр. 178.

⁶ - Первоначально из двух отделений: низшего и высшего. Лучшие 7 воспитанников бывшей александроневской академии приняты во вновь открытую академию, в состав ее 1-го курса. Из них особенно заслуживает быть упомянутым Герасим Павский, первый магистр 1-го курса Спб. академии, впоследствии знаменитый профессор академии и законоучитель Императора Александра II.

⁷ - Дело Синод, арх. 1809 г. № 714.

⁸ - О дне открытия Семинарии и начале ученья говорится в записке ректора, архимандрита Анатолия, внесенной в правление семинарии и записанной в журнал от 20 октября 1809 г. и затем сообщенной, с мнением семинарского правления, на рассмотрение и утверждение академического правления и Комиссии дух. уч. Ректор писал: «для назначения времени частным и публичным испытаниям нужно знать, когда должен начинаться и оканчиваться год семинарского курса. Но как семинария открыта 1 марта, а учение по новому образованию началось, по получении устава, мая 18 дня: для того сей запрос подлежит сомнению». Какое на это последовало определение, об этом сказано будет в своем месте.

⁹ - Ректор спб. академии Филарет Дроздов, при открытии 1-й конференции 1814 г. в следующих словах характеризовал это живое отношение к педагогическому делу: «здания сооружаемые из стихийного вещества, созидаются единожды, и потом дают покой трудившимся: но то, что зиждется из живых камней, по совершении первоначального созидания, требует непрестанного воссозидания, утверждения, возвышения, расширения, украшения, по размерам возрастающего внутреннего совершенства». (Журн. первого собр, конфер. Спб. ак. – Спб. 1814. Стр. 8.)

¹⁰ - Напр. в 30-х годах в состав ее входили духовные лица: С. -Петербургский митрополит Серафим, Московский Филарет, Киевский Евгений, Казанский архиепископ Филарет, Тверской Григорий, обер-священник армии и флотов Кутневич; духовник Его Величества Музовский.

¹¹ - Обер-прокурорами, после князя Голицына, были: князь П. С. Мещерский (1824–1833 г.), действ. ст. сов. Ст. Д. Нечаев (1833–1836 г.) и граф Н. А. Протасов – с 1836 г.

¹² - Проект уст. дух. сем. ч. 1. Гл. I. § 1.

¹³ - Филарет, еще не присутствуя в Синоде, был уже членом Комиссии, так же как и преемник его по ректорству в Пет. академии – Григорий Постников.

¹⁴ - Знаменский, Основные начала дух. уч. реформы в царств. Александра I. Прав. Соб. 1873. I. 21.

¹⁵ - Некоторые из резолюций Высокопр. Серафима весьма обширны, до полуторы страницы большого листа, и обнаруживают в нем, вообще присущие этому архипастырю, черты благоразумия и осторожности.

¹⁶ - Особенно известны своими близкими и дружелюбными отношениями к своим семинариям и семинаристам такие архипастыри, как Платон (Левшин) Московский Парфений (Сопковский) Смоленский, Симон (Лагов) Рязанский, Ксенофонт (Тропопольский) Владимирский и др. или позднее, Феофилакт (Русанов) Рязанский. Знаменский, Дух. школы, стр. 721, 722. – Феоф. Рус. в Вестн. Евр. 1873 г. XI. XII. Впрочем и митр. Амвросий бывал иногда запросто в старой, александроневской академии. (Записки прот. Виноградова, Рус. Стар. 1878. VIII. 560.)

¹⁷ - По уставу (§ 14, b), ректором семинарии мог быть и протоиерей первоклассной церкви. Нельзя сказать, чтобы в Петербурге не было лиц, достойных занять ректорское место в семинарии из белого духовенства; таких лиц было немало, которые отличались и учеными и административными заслугами (напр. прот. Андрей Окунев, Иоаким Кочетов, Герасим Павский, Тимофей Никольский и др.); но в рассматриваемый период, как и в последующий, существовал вообще обычай, имевший даже силу закона, – назначать ректорами семинарий монахов.

¹⁸ - Ректоры, как и инспекторы, иногда, особенно в первое время, вводились в должность с особенною торжественностью. Так в 1819 г. ректор академии Филарет, епископ Ревельский, прибыл в семинарский зал 7 марта, «где, по кратком духовном пении, при всех учениках семинарии и уездного училища прочитано было предписание академического правления о назначении архимандрита Поликарпа на должность ректора семинарии, а иеромонаха Зосимы на должность инспекторат» (Журн. Сем. пр. 1819 г.)

¹⁹ - Поводом к удалению Иннокентия из С. -Петербурга и назначению его в Пензенско-саратовскую епархию считается не сочувствие его распространенному в то время мистическому направлению и одобрению к напечатанию книги, в которой обличались новые учения. Об этом так рассказывает один из учеников Иннокентия: «давно хотел он воевать противу масонов и надеялся остаться победителем, будучи уверен в чистоте учения своего и святости своего замысла. Мы видели все сие из открытых его слов в класс. Открылся случай и по его сердцу. Некто Станевич издал книгу: плач матери (над гробом младенца); описал в оной нестроения и заразу, кои вносит западная церковь в восточную и разительно изобразил жалкое состояние православия. Поборник веры не долго думал и решил, как цензор: «печатать позволяется», – не предвидя хитростей ехидны, давно уже зияющей против него злобою за смелые его выходки, и не сорамеряя сил своих с могуществом множества знатных, покровительствовавших масонам. Книга вышла в свет с разрешения Иннокентия, и вышла скоро, между тем как около пяти лет Станевич ходил с нею по Москве и Питеру, и ни там, ни здесь цензора не позволяли ее обнародовать. Восстало масонское общество против смелого цензора и дерзкого сочинителя обвинили их в нарушении мира церкви; донесли и решено: сочинитель сослан, цензор удален от должности, яко возмутитель церковного спокойствия. Что-то тут после происходило тайно: потом назначили Иннокентия епископом пензенским, вероятно по ходатайству вельмож, его уважающих... Два месяца не более жил он на епархии. Смерть пресекла златые дни его, ко всегдашнему воспоминанию церкви и в вечную укоризну мирской кривды... Ибо, что после случилось? Год один прошел после блаженной кончины его, как Отаневича, яко невинного автора, возвратили в отечество, книгу, за которую пострадал праведный цензор, напечатали яко полезную церкви и пустили во всеобщее употребление. (Зап. прот. Виногр. Рус. Стар. 1878. VIII. Ср. Пр. Об. 1868. 8. Стр. 523 и сл. Воспом. митр. Филар.)

²⁰ - Моск. митр. Филарет в 1834 г. писал инспектору Моск. акад. Филарету Гумилевскому: «вследствие дошедших сведений, предписывается иметь внимательнейшее наблюдение за образом поведения ректора архим. Поликарпа и о последствиях сих наблюдений секретно доносить мне чрез каждые две недели, а буде нужным окажется и чаще. » Неустройства до академии и образ жизни Поликарпа не-монашеский были причиной его увольнения (см. Твор. св. отц. 1883 г. IV. 658–660), а также и отношения его к митр. Филарету, о которых некоторое понятие дает следующее письмо к нему Филарета в 1830 г. «Удивляете вы меня о. ректор: В одном письме два дела одного рода: по одному советуетесь вы со мною, а по другому представляете мимо меня (в Комиссию дух. учил.) Или отрешите меня от академии совсем, или оставьте при ней совсем. Иначе нельзя знать, за что ответственать». (Смирнов. Истори. Моск. дух. акад. стр. 249. ср. 263.)

²¹ - Печальная участь архим. Макария доказывает между прочим тот факт, как губительно для человека попасть не на свою дорогу, в особенности же, легкомысленно, по тщеславию, принять монашеские обеты, – что прежде бывало нередко и без надлежащего разбора поощрялось, даже с нарушением закона о летах (Высоч. ук. 1832 г.), – принять, не испытавши ни своей натуры, ни жизни, хотя бы обеты эти и не считались столь же строгими для ученого монашества, как для простого. По отзывам лиц, знавших о. Макария, это был человек умный, красивый, с светскими манерами и стремлениями, склонный к щегольству и сибаритству, вследствие чего, бывши, как увидим ниже, вообще весьма способным профессором и дельным администратором, не всегда, однако же, был исправен по службе; все это было не безызвестно и обер-прокурору Протасову, раз даже не заставшему Макария на уроке в слб. семинарии, и Комиссии дух. училищ, в частности же влиятельному члену ее, митр. Филарету, который, как строгий монах, возмущался образом жизни и поведения Макария, также как потом в Твери и архиепископ Григорий. Несмотря на то, что митр. Серафим защищал Макария, отзываясь, что у него еще не было такого ректора, Макария удалили из Петербурга в Тверь, где, как потерпевший понижение по службе, он, естественно, стал еще небрежнее в жизни и дал наконец повод к уголовному против него обвинению в противозаконной связи... Будь этот человек на светской службе, или даже просто священником – семьянином, его судьба была бы совершенно иною, и деятельность имела бы гораздо более прочное и плодотворное значение. Подобное же можно сказать и о некоторых других, едва да по своей только вине компрометировавших монашество

²² - По поводу этого в семинарском. правлении возникал (15 ноября 1809 г.) вопрос о замещении должности иеромонаха Филарета; учителя Воронов и Толмачев, которым предложено было занять ее, отказались. Тогда правление постановило «представить акад. правлению, что кандидатов требуемых сем. правление не находит». Но инспектор Филарет представил следующее особое мнение: «К чести семинарии и к ободрению учителей и высших и низших послужить может представление их к высшим постепенно должностям, на усмотрение высшего начальства. Почему полагаю мнение, учителей г. Воронова и г. Толмачева, по уважению их деятельности в настоящих должностях и прежней службы, представить в качестве требуемых Комиссиею дух. училищ кандидатов на класс философский, не отъемля от последнего и класса математики. Что ж касается до должностей инспектора и ректора уездного, то не почитаю их неразрывно соединенными с классом философским: а поскольку они сопряжены с особливою заботливостью, равно как и ответственностию: то за удобнейшее признаю назначить в оные определением, по способности и соображению с другими должностями, нежели утверждаться на желании, коего предварительному объявлению могут препятствовать и скромность, и некоторая недоверчивость к себе, и неизвестность будущего». Митрополит Амвросий написал: «одобряя мнение отца Филарета предлагаю представить с прописанием 6-й статьи (журнала) и сего» (т. е. на усмотрение акад. правления). Но Комиссия дух. уч. постановила вызвать на место Филарета префекта Киевской академии Мефодия, с поручением, до его приезда, оставаться Филарету при прежних должностях.

²³ - Семинарское правление, по переходу Мефодия в ректоры, сначала предлагало учащим в семинарии место инспектора, с принятием монашеского сана, но все отказались.

²⁴ - Первый ректор, по преобразовании ярослав. семинарии.

²⁵ - Перемещение это состоялось, вследствие уголовного дела об убийстве послушником Донского монастыря, Зыковым княгини Голицыной.

²⁶ - В прошении о поступлении в монашество писал, что «чувствует стремление к уединению».

²⁷ - В предписании слб. академического правления об увольнении ректора минской сем. арх. Лазаря, по прошению, (от 28 августа 1819 г.) сказано: «нынешнего профессора богословия и математики, инспектора сел. архимандрита Неофита, который имел бы ближайшее право на ректорское достоинство, но местным епархиальным архиепископом (Анатолием) не рекомендован к оному, уволить от училищной службы».

²⁸ - Император Николай, бывший в классе у Турчанинова, в 1833 г. в 1-й гимназии, заметил, «что один воспитанник сидит с зажмуренными глазами и, полагая, что он спит, сделал строжайший выговор учителю и приказал уволить его». После Государю доложили, что ученик

не спал, а имеет такую привычку, для большего внимания, и что «учитель истории Турчанинов – из лучших учителей», но его все-таки перевели в другую гимназию. (Из автобиогр. протопр. Бажанова. Истор. Вестн. 1883. XII. 562.)

²⁹ - Сидонский и вышеуказанный Делекторский принадлежали к числу лучших профессоров академии, но были удалены из нее, по словам Ростиславова, за свободу своих чтений. Даже Иннокентию Борисову грозила подобная опасность «за свободный дух лекций. » Но митр. Евгений исходатайствовал ему назначение в ректоры академии. (Пис. мит. Филар. к Мурав. стр. 14, 15.)

³⁰ - Проект устава дух. сем. ч. I, отд. 1-е, гл. II ш III.

³¹ - В июне 1826 г. установлена новая Форма магистерских крестов: вместо тернового венка введено изображение нерукотворенного образа.

³² - Впрочем еще в 1811 году учитель уездного дух. училища М. Гронский был и надзирателем при семинарии.

³³ - Фамилию лиц монашествующих предписано обозначать в послужных списках (от 26 июня 1833 г.), для удобства в справках о прежней их службе.

³⁴ - § 110 с. § 112 с. Последнее требование, естественно, должно было одушевлять учащихся энергией и интересом к своему труду и являлось весьма драгоценным в то время, когда светские заведения в 20-х годах находились под сильным умственным гнетом со стороны своих односторонних руководителей, немало соблазнявшихся в свое время тем, что духовное воспитание «вверено людям в Кантовых началах воспитанным» и старавшихся простираť свое влияние и на духовное образование. При этом нужно иметь в виду, что составление дух. училищных уставов относится к наиболее либеральной эпохе в истории русского просвещения. Впоследствии, сообразно с обстоятельствами, являлись и некоторые ограничения по отношению к рассматриваемому пункту устава.

³⁵ - В «Начертании правил» есть примечание о том, что философские и богословские науки собственно должны преподаваться на латинском языке, а словесные, исторические и математические на русском (прим ч. к § 50), но и словесность, как видно из конспектов, преподавалась в первое время в спб. сем. на латинском языке. С реформой, русский язык все-таки получил более прав гражданства в духовной школе и постепенно вытеснил латинский. Еще в 1800 г. поднят был вопрос в самом св. Синоде о преподавании в семинариях на русском языке. Но митрополит Платон, раньше высказывавший мысль о том, что «нелепо приучать к языку латинскому, а родную речь бросать», писал по этому поводу к митр. Амвросию: «чтобы на русском языке у нас в училище лекции преподавать, я не советую. Наши духовные и так от иностранцев почитаются почти неучеными, что ни по французски, ни по немецки говорить не умеем. Но еще нашу поддерживает честь, что мы говорим по латыни и переписываемся. Если же латинскому учиться так, как греческому, то и последнюю честь потеряем, поскольку ни говорить, ни переписываться не будем ни на каком языке, прошу сие оставить. На нашем языке и книг классических мало. Знание латинского языка совершенно много содействует красноречию и российскому. Сие пишу с общего совета ректоров – академического и Троицкого, и префектов и преосв. Серафима». (Истор. Троицк, сем. 310. 340). Митр. же Амвросий, как видно, не разделял такого взгляда, и Комитет 1807 г. восстал против чрезмерного преобладания латыни, рекомендуя заменить ее языком греческим, от которого ждал возрождения самостоятельности для всей вообще русской православной образованности. Гораздо позднее (1834 г.) Моск. митрополит Филарет писал по этому поводу: «владычество в православном богословии латинского языка, прежде языческого, а ныне папистического и протестантского, есть явление не довольно сообразное с духом и целию духовных училищ церкви восточной. По сему полагаю преподавание некоторых частей богословия (в семинариях) на русском языке оставить без преследования» (Смирн. Ист. Моск. ак. 96).

³⁶ - По предписанию Комиссии дух. уч. 1825 г., обязательными учебниками были признаны следующие: по объяснению Св. Писании – руководство митр. Амвросия; по богосл. толковательному – соч. Рамбахия; по догматическому и деятельному – Феофилакта Переяславского; по обличительному богосл. – Иринеа Фальковского; по богосл. беседовательному – руководство к церковному красноречию; по философии – книги

Баумейстера и Брукнера; по словесности – риторика Бургия, с присоединением курса всеобщей словесности Мейнерса, также Лактанций (собственно для учителей); по французски – грамматика Перелогова. По прочим предметам оставлены прежние до усмотрения. Об этих книгах сказано будет ниже.

³⁷ - Смирнов, Ист. Моск. акад. 25, 26.

³⁸ - По конспекту ректора Нафанаила (1829 г.), это уже составляет особую часть богословия, под заглавием: Введение в науку богословия.

³⁹ - В настоящее время эти вопросы входят в особую науку, под названием Основного богословия.

⁴⁰ - Впоследствии, находясь в отставке и проживая в Желтикове монастыре, архимандрит Макарий хотел продолжить и закончить свой труд и с этою целью выхлопотал от Св. Синода пособие в 300 р. на издание, но дело издания не состоялось.

⁴¹ - Введенная архим. Макарием рубрика: «доказательство чрез собственное размышление», дала повод на одном из публичных экзаменов к возражению со стороны митр. Филарета (Дроздова). Ученик высшего отделения бойко отвечал выученное по лекциям Макария об одном из догматов, который назвал между прочим тайной, но стал излагать при этом и доказательства чрез собственное размышление. Преосв. Филарет, вообще не сочувствовавший Макарию, остановил ученика возражением: «если вы называете означенный догмат тайной, то как же можно тайну доказывать чрез собственное размышление»? Едва только ректор Макарий выразил намерение навести ученика на мысль, для разрешения данного возражения, как митрополит Серафим, вообще очень расположенный к о. Макарию, прервал его, обратившись к ученику с словами: «хорошо! очень хорошо!» потом к Макарию: «благодарю вас, о. ректор! у вас хорошо отвечают, а что до тайны, так все ведь тайна: и Бог тайна, и человек, и природа тайна, а размышлять обо всем можно, поколику дано». – Ростиславов в воспоминаниях о петербургской академии (Вестн. Евр. 1883 г. VII) рассказывает, будто митр. Филарет, бывши на публичном экзамене в петербургской семинарии в 30-х годах (следовательно при Макарии), бранчиво отнесся к ректору, к изумлению всех и самого митр. Серафима (стр. 151). Рассказ невероятен и, по обычаю автора, преувеличен, хотя в общем может отчасти свидетельствовать о действительном нерасположении Высокопр. Филарета к Макарию и о его, иногда нецеремонном, обращении с профессорами на экзамене, – но при иной обстановк, в Москве. (См. Чт. в общ. ист. и др. росс. 1877 г. II. Записки епископа Никодима, стр. 11, 12).

⁴² - Обзор русск. дух. лит. изд. 3-е, стр. 429.

⁴³ - Патр. грамоты, по поручению гр. Протасова, отысканы в Синоде и исправлены митр. Филаретом, нашедшим в них влияние латинского учения. «Воспом. м. Филарета», Пр. Обзор. 1868. VIII. 529.

⁴⁴ - По конспекту Антония (1835 г.) этой части нет.

⁴⁵ - После этой статьи, в конспекте Феофана (1813 г.) видим отдел физики (на русском языке): общие свойства тел, о воздухе, о звуке, о воде, о свете, о земле. Но вскоре физика отошла к кафедре наук математических.

⁴⁶ - По Ветринскому, еще – *Ascetica philophica, sen doctrina virtutis subjectivae, a Ethica* называется иначе: *Doctrina virtutis objectivae*.

⁴⁷ - Знаменский, Дух. школы, 755.

⁴⁸ - Корф, Жизнь Сперанского, стр. 260.

⁴⁹ - Ист. Спб. д. ак. Чистовича, стр. 200.

⁵⁰ - Впрочем и Филарет уже пользовался Кантом. Его конспекта нет в архиве, вероятно, потому что он вышел из семинарии ранее экзаменов, но в его письмах к родным (1809 г.) читаем между прочим: «должен заниматься холодною философию. Имев к ней прежде мало внимания, теперь чувствую свои недостатки... Я купил сочинение Канта: за 4 небольшие книги в осьмуху заплатил 25 руб. » (Письм. К родным, № 109 и 112 М. 1882 г.)

⁵¹ - Знаменский, Дух. шк. 753.

⁵² - В старой спб. академии с этою целию приглашали даже знаменитого актера Яковлева (Ibid.)

⁵³ - Но не так отзывался он впоследствии об этой книге. В 1839 г. в письме к ректору Моск. акад. (Филарету Гумилевскому), рассуждая о недостатках книги Руднева (магистра Моск. акад. 1836 г.) «О ересьях и расколах русской церкви», одобренной в академии к напечатанию, он говорит: «Вы в оправдание ссылаетесь на книги, писанные почти за 30 лет назад, человеком, которым тогда был гораздо неопытнее вас и учился самоучкою: сим образом, если угодно, можете иметь совиновного, но не оправдание. Пора вам исправлять то, что прежде недосмотрено людьми, которым предшественники глаза закрывали». – Но и сам Иннокентий скромно смотрел на свой труд. Раздавая на память свои книжки, при прощании с учениками петербургской семинарии в 1817 г. он говорил: «когда сочините лучше, сожгите сии негодны». (Зап. Виногр. 564). Впрочем в указанном выше письме Филарет с критикой относится и к своему труду «Библейская история». Он говорит далее: «Св. Синод не утверждал официально ни церковной библейской истории, ни церковной после библейских времен: а издала их комиссия дух. уч. После -библейская, без сомнения, у Библейской заимствовала выражение: разделенная церковь, – (которое Филарет осудил в книге Руднева). Сочинителю Библейской некогда было пересматривать свой давний труд: а преподаватели по сей книги брели до сих пор по чужому следу не рассуждая, хотя им о сем часто напоминали. В прошедшем году я удосужился пересмотреть Церк. библ. историю, хотя не всю, узнав, что приступают к новому изданию: когда оно выйдет, оно уже не годится для оправдания ваших ошибок. Видя, что вы богословы до сих пор не умеете стать на твердую ногу в богословии, и не имея времени заняться богословием, я теперь пересматриваю катехизис, чтобы в нем, по возможности, досказать то, что прежде отлагалось до богословия, во чего ваша богословия не досказывает. А вы богословы по наряду лучше бы сделали, если бы не заставляли других более вас занятых доделывать дело вашей обязанности». (Тв. Св. Отц. 1883. IV. 682.) Нельзя не заметить при этом, что богословы иногда уклонялись от самостоятельных работ по опасению того же Филарета. Известно, что в Москов. академии бакалавр библейской, истории Побединский за свои записки (1850 г.) натерпелся страху, когда митрополит потребовал их к себе и выразил желание «узнать настоящую в них надобность, когда есть учебная книга». Бакалавр оправдывался, как мог, говоря, что строго держался назначенного руководства, записки же служили ему для некоторых справок и не назначались для изучения воспитанникам, и в конце концов просил прощения у митрополита чрез акад. правление за свое неточное донесение о записках. Тогда митрополит написал: «прощение не нужно. Вопрос предложен был для получения сведения без предосуждения трудившемуся». (Ист. Моск. ак. Смирн. 43). Еще ранее изданная священником Красноцветовым Библейская история подверглась преследованию и изъята из обращения, по предписанию Комиссии дух. уч., согласно мнению Филарета (см. ниже в отд. Библиотека).

⁵⁴ - Напр. по конспекту Саввы, в истории XIV в. опущены имеющиеся в учебнике статьи: ересь стригольников, состояние монашества и соборы западной церкви, также некоторые исторические лица.

⁵⁵ - Физический кабинет Александро-Невской академии (Чист. стр. 128), вероятно, не был общей собственностью академии и семинарии, а с переводом академии в новое здание, перенесен туда же. В 1817 г. ревизор Филарет Дроздов, одобряя уроки профессора физики о. Неофита Веселовского, прибавляет: «жаль только, что недоставало опытов, для украшения и живейшего впечатления оных», (т. е. уроков).

⁵⁶ - По расписанию 1813 г. видим, впрочем, 2 урока в неделю «чтения латинских авторов».

⁵⁷ - Но в посвящении ее наследнику Цесаревичу отказано, равно и в поднесении двух экз. со стихами Окулова великим князьям Александру и Константину Николаевичам.

⁵⁸ - У Толмачева (1812–13 г.) в неделю два раза были письменные упражнения русские и латинские, всего до 50. Раменский писал в конспекте за сентябрьскую треть 1819 г. «на все роды периодов, также на некоторые тропы и фигуры, деланы были задачи, как на российском, так и латинск. языках, а по части поэзии сделано несколько переложений прозы в стихи и описаний. Всех задач в течение сего времени подано было на бумаге 34.» В 1841 году полагалось задач по словесности по 4 в месяце на каждого ученика.

⁵⁹ - Напр. пред митрополитом, когда, вместе со служащими, и ученики избранные ходили поздравлять его с днем ангела или с праздниками: но митрополит, конечно, не имел времени выслушивать их. Преосв. Серафим, как рассказывают, обыкновенно прерывал конфузившегося оратора, глядя его по голове и говоря: «ну, хорошо! знаю, знаю». Речи составлялись для произнесения и на иностранных языках, даже по фински. При этом говорят, преподаватель фин. языка О. обыкновенно давал совет своим ученикам, в случае если забудут, что говорить в речи, то читали бы «Отче наш» по фински.

⁶⁰ - «На основании Высочайше апробованной записки признано полезным: ввести в употребление, чтобы в публичных училищах, а особливо в духовных и народных было показываемо прививание коровьей оспы в тех классах, из коих обыкновенно приготавлиются, по окончании курсов, к выпуску». (Из предписания акад. правл. от 9 янв. 1812 г.).

⁶¹ - В старой александроневской академии были прекрасные певчие и музыканты, устраивавшие концерты в зале, на которые съезжались знатные лица из города, и митрополит Амвросий нередко присутствовал на них. (Зап. Виногр. стр. 560. Русск. стар. 1878. 8.)

⁶² - Извлеч. из отч. об. прок. Св. Син. за 1836 г. стр. 60.

⁶³ - Зап. Виноград. Русск. Ст. 1878, авг. стр. 565.

⁶⁴ - Разрядные списки дают основание для суждения об успехах учеников. В конце книги приложены все списки окончивших курс. Для суждения же об успехах в некурсовые годы и не в одном высшем отделении берем на выдержку списки за некоторые годы.

⁶⁵ - Предпис. Комм. 1828 и затем 1829 г. На основании Высочайше утвержд. 6 дек. 1829 г. положения о способах к улучшению состояния духовенства предписано: «детей незрелого возраста и учения удерживать в низших классах, для совершенствования в свойственных предметах учения... дабы получали более зрелое образование и в более зрелом возрасте приступали к священству».

⁶⁶ - Так в 1837 г., вследствие предписания митрополита, переведен в высш. отделение оставленный по молодости (17 л. впрочем) на повторительный курс в среднем, второразрядный воспитанник Н. П., за которого просила преосв. Серафима крестная мать ученика, помещица.

⁶⁷ - Иногда они вновь сдавали экзамен и получали повышение в списке и напр. Н. Дремяцкий (1829 г.) получил после ревизорского экзамена в 1830 г. 1-й разряд, Ив. Надеин (1831 г.), по желанию, остался на повторительный курс и окончил высоко в первом разр. в 1833 г.

⁶⁸ - Предписание акад. правл. от 9 марта 1834 г. В 30-х годах видим нередкие случаи в спб. семинарии назначения из окончивших курс в старшие, комиссары и проч.

⁶⁹ - С 1837 г. постоянно назначались гувернеры в Петропавловское училище.

⁷⁰ - Об этом было особое предписание Комиссии дух. уч. и в январе того же 1827 года, чтобы профессора неопустительно требовали от учеников отчета в уроках и в чтении книг по тому или другому предмету (ср. § 20 и 23 введ. к уставу дух. учил.) Иннокентий же между прочим писал: «дабы сей части весьма важной в методе основательного учения, но большею частью оставляемой без внимания, дать прочное направление, кажется, полезно было бы заставить учащих представлять в семинарское правление повременные таблицы, в коих должны быть означаемы книги и проч...»

⁷¹ - Об этом преподавателе ревизор отзывался, что он, «может учить с весьма хорошим, учил с довольным, надеется учить с полным успехом».

⁷² - Извл. из отч. об. прок. св. Син. за 1837 г. стр. 55, 56.

⁷³ - Ibid. Ср. отч. за 1838 г. стр. 49–52.

⁷⁴ - Книга, известная под именем катехизиса Петра Могилы, или «Православное исповедание кафолической и апостольской церкви восточной», – сочинена, по поручению митр. киевского Петра Могилы, первым ректором Киево-могилянской коллегии Исаиею Трофимовичем, читана и одобрена на собор малороссийских епископов в Киеве (1640 г.), потом на соборе Яском, где присутствовали и епископы греческие и молдавские, наконец одобрена и подписана всеми восточными патриархами, и признается символическою книгою православной церкви. (Ист. Киев. акад. Мак. Булгакова, стр. 80. Ср. Филарета Черн. Обзор дух.

лит. изд. 1884 г. 193.) Но в то время, как на востоке книга имела большее распространение, у нас некоторое время она была как бы в забвении. По распоряжению св. Синода, она издана при Петре I в 1722 году; спустя сто лет, она переведена на русский язык бакалавром петерб. акад. Колоколовым и только к концу 1830-х годов введена в курс семинарского преподавания, по желанию обер-прокурора гр. Пратасова, советовавшего, впрочем, об этом, как говорят, с преосв. Иннокентием Борисовым. Но введение катехизиса Петра Могилы в семинарский курс было неожиданно для тогдашнего духовенства и, как выразился будто бы обер-священник Кутневич, составляло дело известной партии. (Воспом. Ростисл. о Пет. акад. Вестн. Евр. 1883 г. IX. 237); тем более, что в нем встречаются мысли странные, напр. что грешат против второй заповеди и те, которые «превращают людей в овец и других животных». (Пр. Исп. Ч. III, вопр. 54), не говоря уже о том, что «в нем, по замечанию Филарета Черниг., – есть несколько мнений схоластики, не очень удачных, напр. о форме и материи таинств, о творении душ... Тогда (в XVII в.) особенно боялись папизма и старались говорить его языком». (Обз. дух. лит. стр. 194). Подражанием латинству Филарет митр. московский объясняет и внесение в Православное Исповедание церковных заповедей, (в письме к архиеп. Григорию, Чт. с общ. люб. Дух. пр. 1877 г. т. III., Матер. для ист. русск. церкви). Введение же Прав. исповедания в семинарский курс объясняют католическим направлением сотрудников гр. Пратасова. Между тем изданный, с одобрения св. Синода, еще в начале 20-х годов, Пространный катехизис Филарета не получил пока надлежащей устойчивости и в это время, уже не в первый раз, подвергся новому нареканию. В 20-х годах ретроградная партия министра народн. просв. Шишкова вооружилась против катехизиса Филарета за допущенный в нем либерализм – перевода на русский язык символа веры, молитвы Господней и заповедей. Поэтому в 1827 г. он издан в исправленном виде. В 1838 г., в обер-прокурорство гр. Пратасова, его стали обвинять уже за отсутствие учения о св. предании, о предопределении и церковных заповедях, о чем были трактаты в Православном Исповедании. Вследствие этого, автор, как он сам выражается в письме к Евлампии, еп. екатеринбургскому, – «побужден был дополнить катехизис» (Чтен. 1877 г. III. Ср. Пис. к Филар. Гумил. выше, стр. 74, примеч.) По внесении в него некоторых дополнений, катехизис снова издан в 1839 г. уже в теперешнем виде. Такая история дала повод между прочим к следующему замечанию бывшего в министерстве кн. Голицына, директора департ. дух. дел, А. Тургенева, высказанному им в 1841 г. в письме к Сербиновичу (директору канц. синод. об. прокурора): «я не имею доверенности к нашим духовным, они меняют катехизисы с переменной министров и обер-прокуроров... убеждаюсь, что в церковниках мало веры, и что для них она не цель, а средство». (Русск. ст. 1882. т. 39. стр. 179). Резкость отзыва не соответствует его основательности. Не отрицая, конечно, влияния вообще духа времени и господствующего направления в правительстве, (имевшего у нас в начале 20-х годов протестантский оттенок, с половины же их – характер ультра-консервативной церковности, а с половины 30-х – римско-католическую окраску), отразившегося так или иначе и на катехизисе, следует иметь в виду, что катехизис Филарета, хотя написанный и великим богословом и одобренный св. Синодом, естественно, должен был испытать немало перемен и исправлений, прежде чем приобрести достоинство символической книги. (О судьбе катех. Фил. см. в Русск. вест., ст. Корсунского, 1883 г. I.)

⁷⁵ - «Как это дело трудно, – писал по этому поводу Афанасий в Тверь, может знать только тот, кто знает сколько нибудь их (отцев) учение и то, сколь много ими написано». (Свед. о жизни Афан. Душеп. чтен. 1868. 8. 339.)

⁷⁶ - Журн. сем. правл. № 5, ст. 12.

⁷⁷ - В духовных заведениях «отсутствие или небрежность в положенных часах молитвы, должно считать вящим злом, нежели упущение важнейших уроков». (Введ. к уст. дух. уч. § 8).

⁷⁸ - Утреннее богослужение по праздникам отправлялось в семинарском зале, а на литургию ученики ходили в одну из лаврских церквей, преимущественно Лазаревскую.

⁷⁹ - В приоры избирались большею частью воспитанники среднего отделения. Из этого же отделения назначались старшие для учеников училища ал. -невского.

⁸⁰ - Особое было постановление правления в 1826 г. вследствие записки ректора Антония, чтобы старшие смотрели за целостью казенной мебели, не позволяя ученикам резать столов и пр.

⁸¹ - В Проекте устава сказано: «пение светское и простонародное строго воспрещается» (§67).

⁸² - Дежурные старшие вели обыкновенно ежедневные журналы о благосостоянии семинарии, с отметками инспектора, в графе под заглавием: «решение о. инспектора».

⁸³ - Очередные старшие приобрели даже право наказывать учеников, оставлять их без обеда, ставить на колена, за те или другие проступки.

⁸⁴ - Назначение особого места за общим столом, в стороне от прочих (Проект, § 103, 6), по заявлению инс. Саввы (1826 г.), признавалось сначала неудобным по тесноте семинарской столовой.

⁸⁵ - Консистория же принимала свои меры, напр. В 1837 г. исключенного из низш. отд. Т—на, но произведшего в семинарии, откуда он не получил еще свидетельства, буйство в пьяном виде, консистория приговорила на 2 года в Рождественский Коневский монастырь, «для употребления там в черные труды монастырские».

⁸⁶ - Об учениках помещенных во время холеры (1831 г.) в Петропавловском училище, училищное начальство доносило, что их «невозможно удержать от курения табака».

⁸⁷ - Это и предписывалось и известным указом от 6 дек. 1829 г. (см. стр. 121) и, можно сказать, было согласно с первоначальным значением самого слова семинария. — по Дух. регламенту (см. выше, стр. 1, прим. 1). Старинное убеждение о пользе закрытых заведений таким образом поддерживалось: «дитя аще и тигр ангельскую тамо восприимет кротость на ся», Несомненно, что жизнь дух. воспитанников (особенно сельских) на дурных квартирах, среди мещан и солдат, должна быть устраняема: недаром в настоящее время устраиваются в разных городах общежития, в петербургской же семинарии и доселе почти все воспитанники живут в заведении но, к сожалению, наша старая бурса порождает свой тип бурсака, весьма неприглядный в известном отношении.

⁸⁸ - Из письм. к Гавр. Твер. (Душ. Чт. 1870. XII. 125).

⁸⁹ - Письма митр. Фил. к архиеп. тв. Алексию. М. 1883 г. № 2.

⁹⁰ - «Об устройств дух. училищ в России». Т. II. Изд. 2-е, стр. 54 и след.

⁹¹ - Подтверждение этому упреку можем получить и из более авторитетного источника. В записках красноярского епископа Никодима «о Филарете митр. моск.», рассказывается, что сам Филарет обыкновенно возмущался вышеозначенными наклонностями. Напр. раз он приехал на экзамен в вифанскую семинарию; власти оставив экзамен, бегут к нему навстречу, кланяются, спешат принять благословение. Владыка идет мимо их, потом в зал, когда сел, делает такое замечание: «зачем вы выбежали ко мне? Разве я не знаю, что вы заняты делом? Грабить меня хотели, или думали от меня защищаться, как грабителя?.. Излишние почести мне не нужны». Во время этого же экзамена вошел в залу наместник лавры (архим. Афанасий) и начал кланяться Филарету; последний два раза давал ему знак рукою, чтобы садился. Между тем все ученики поднялись, встали и власти семинарские. Когда шум утих, Филарет гневно сказал: «зачем вы вскочили? Пришел наместник лавры: и для него надобно бросить дело и всем вскочить? Велик человек наместник Троицкой лавры! Мы занимаемся делом: наместник пусть, если хочет, послушает, взявши себе тихонько место... Вот вы хорошо научили учеников своих льстить, а дело делать учите не так усердно». Нещадное иногда обращение Филарета с семинарскими властями еп. Никодим извиняет между прочим «низкою трусостью властей, ложным подбострастием, хуже рабского». (Чт. в общ. ист. и др. росс. 1877. II. 6. 8. Ср. Чт. в общ. люб. дух. просв. 1882. V. стр. 149 и 150).

⁹² - Зап. о. прот. Вин. стр. 563–568. Русск. Ст. 1878. VII.

⁹³ - Воспоминания об Афанасии прот. Владиславлева и Чекалкина см. в Душ. Чт. 1868. VII. 1870. X.

⁹⁴ - Иногда подписку или показание давали ученики с целованием образа. Ученик И—ский, обвинявшийся в 1819 г. в получении чужих денег с почты, подписался под своим показанием: «в истине сего показания целовал образ Божия матери, при секретаре (академии) г. Райковском и писал все своею рукою».

⁹⁵ - *) Знаменский, Дух. школы, стр. 712 и след.

⁹⁶ - Семинарские оркестры играли не одни духовные, но и светские пьесы, увертюры, марши, польские, экосессы, вальсы, минуэты и русские песни. (Знаменский, Духовные школы, стр. 714).

⁹⁷ - «Взгляд на собственную прош. жизнь», проф. Исмаилова. М. 1860.

⁹⁸ - Ист. владим. дух. сем. – К. Надеждина, стр. 162 и след.

⁹⁹ - См. ниже, период II.

¹⁰⁰ - В опред. св. Синода сказано, что ученики эти «замечены в нетрезвости, которая не могла по молодости лет их происходить от склонности, но от несчастных случаев, встреч или примеров, при недостатке постоянно бдительного надзора, при существовании которого нужно ожидать и в их воспитанниках решительного исправления». Поэтому сем. начальству предписывалось обращать на них строжайшее внимание и чрез каждые полгода доносить о них акад. правлению, для сообщения в Дух. уч. управление.

¹⁰¹ - О составлении дух. уч. капитала подробнее см. в статью Покровского: «О способах содерж. дух. уч.» Странник, 1860 г. X. 1861 г. V.

¹⁰² - См. Покровского, «Употребление дух. уч. капитала». Стран. 1862 г. VI. X.

¹⁰³ - Семинарии предписано иметь общую экономию с ал. невским училищем и одного эконома. См. ниже, (Отнош. сем. к учил.).

¹⁰⁴ - О выдаче жалованья по прошествии каждого месяца последовало распоряжение только в 1840 г. от Духовно-учебного управления, хотя и с начала 30-х годов жалованье в петерб. семинарии выдавалось иногда ежемесячно.

¹⁰⁵ - Вместе с этим в 1812 г. делалось представление о прибавке жалованья эконому, библиотекарю, смотрителю лазарета и письмоводителям. Но прибавлено только эконому 200 р. (Турчанинову).

¹⁰⁶ - Но уже в 1827 г. сем. правление делало представление о прибавке на больницу еще 1000 руб.

¹⁰⁷ - Письмоводитель же при эконOME в 1821 г. получал 250 р., но подпись под этими получками следующая: «сии деньги выдал унтер-офицеру. Эк. иером. Мисаиле».

¹⁰⁸ - Неполное жалованье, как и в 1820 г., положено профессорам, а) вновь определяемым – до усмотрения, б) пользующимся жалованьем, или иными выгодами по другому месту.

¹⁰⁹ -

¹¹⁰ - По экономическому отчету за 1827-й год значится передержки против штатного положения свыше 21 тыс., хотя виною этого была вообще беспорядочность в хозяйстве. В 1835 г. передержано до 15 тыс. (См. ниже, о хозяйстве).

¹¹¹ - Введ. к уст. дух. уч. § 31, 32. Проект уст. дух. сем. §§ 200, 201.

¹¹² - Первый раз митроп. Амвросий исходатайствовал эти деньги в 1814 г. для вновь поступивших в семинарию профессоров, но прежде чем деньги были высланы, им пришлось вперед выдать жалованья по 115 р. Впрочем, по вниманию к особым нуждам, вперед выдавали, за поручительством других служащих, иногда и за полгода, напр. Щелкунову в 1816 году.

¹¹³ - Это представлялось и удобнее, в виду отдаленного положения семинарии, на краю города. Поэтому и некоторые из приходящих иногда просили дозволения пользоваться за известную плату казенным столом, (так как были и после обеда уроки), напр. Недешев и В. Помяловский в 1831 г. согласно прошению отцев, пользовались казенным столом за 40 р. в год, также Флеровы в 1838 г. Вообще же приходящих было до 5, редко до 10. Иногда по слабости здоровья выходили на свою квартиру, иногда же высылали из общежития за неисправность взноса за содержание, или приватных.

¹¹⁴ - Исключение делалось иногда, напр. для письмоводителей, по уважению к их трудам. Но бывало и наоборот: письмоводителей лишали казенного содержания, потому что жалованье получают, напр. 1831 г. лишили казенного содержания письмоводителя Ценз. Комитета; в 1838 г. поэтому же правленского письмоводителя не приняли на казенное.

¹¹⁵ - В 1822 г. по инициативе ректора Поликарпа, правление, обратив внимание на обременение семинарии приватными гражданскими ведомствами, положило брать с них «100 руб.

за стол и 100 р. за содержание классов и квартир и прислугу». Впоследствии же вообще частных старались не допускать в общежитие.

¹¹⁶ - Не могшие вносить за свое содержание вынуждались выходить из семинарии, особенно если не отличались успехами. В 1816 г. ученик низш. отд. 3-го разряда Опольский, не имея возможности платить за свое содержание, подал прошение об увольнении из семинарии, но митрополит сделал запрос правлению: «нельзя ли оказать помощь ученику». Правление, затребовав сначала отзыв наставников об успехах Опольского, дало ему вспоможение, но на казенное принять не удостоило.

¹¹⁷ - Нужно заметить, что некоторые из инспекторов, собирая с учеников деньги за содержание, не всегда аккуратно вносили их в правление и иногда высылали их после своего выхода (напр. Феофан, Поликарп, Савва). В виду этого, в выписке из журнала Комм. дух. уч. от 30 мая и 3 окт. 1831 г. между прочим значилось, «что деньги, собираемые с своекоштных учеников должны быть, согласно узаконениям, вносимы в приходную книгу не помесечно, но по мере получения их». Дело внеш. ак. прав. 1832 г. № 18.

¹¹⁸ - Он просил о сложении с него долга 203 р. по крайней бедности, на основании всемилостивейшего манифеста от 1 янв. 1826 г.

¹¹⁹ - По правилам же, изданным сем. правлением в 1826 г., эта обязанность утверждена за инспектором и только в случае его отлучки, или болезни, сборную сумму мог принимать эконом.

¹²⁰ - Церковь носит название Феодоровской по имени св. благоверного князя Феодора Ярославовича (брата св. Александра Невского), которому посвящен престол в верхнем этаже храма. Ист. Росс. иерархии, ч. 2. 219.

¹²¹ - Богослужение это совершал иногда лаврский иеромонах, особенно в дни говения воспитанников. Так в 1831 г. за исправление службы и исповедь учеников на первой и страстной седмице иеромонаху Феодору заплачено 75 руб.

¹²² - Сверх того, во многих комнатах не доставало свету, так как окна их выходили в коридоры, или галереи.

¹²³ - Вестн. Евр. 1838, X. 217

¹²⁴ - Письмо в Тверь (Душ. Чт. 1868. VIII. 338).

¹²⁵ - Письм. ректора Афанасия в Тверь. Душ. Чт. 1868 г. VIII. 337.

¹²⁶ - Назначаемых в академии предписано было костюмировать сполна по высланным образцам одежды (в июне 1837 г.) и из доброкачественных материалов (в ноябре 1841 г.).

¹²⁷ - Т. е. в старой академии, где, как говорит Виноградов, «кроме строгого надзора префекта над состоянием стола, сам митрополит частехонько в подрясничке, в камилавочке, тихонько заходил и в кухню. Что тут делать эконому!» (Зап. Виногр. стр. 560.)

¹²⁸ - Цена рубашки с «исподницею» (1818 г.) была 4 р. 50 к., летние чулки 90 к., зимние получулки 55 коп. (Из экон. дел семин. арх.).

¹²⁹ - См. Ростисл. воспом. (Вестн. Евр. 1883. VIII), также в книге «Об устр. дух. уч.» (т. II) и у Виноградова в Записках.

¹³⁰ - Вып. из журн. Комис. дух. уч. от 30 мая и 3 окт. 1831 г. ст. VII.

¹³¹ - Дело арх. внеш. акад. прав. 1832 г. № 18.

¹³² - Впрочем Иннокентий об экономии прибавил, что «желательно было бы видеть некоторую бережливость, особенно в покупке вещей менее нужных, напр. мебели и больше старания об опрятности».

¹³³ - См. выше, стр. 163 и 220 также Душ. чт. 1868. VIII. 338.

¹³⁴ - В этом году выручено 384 р. 95 к. от продажи старой посуды, костей, сухарей и помоев, в том числе старой лошади и свиней.

¹³⁵ - Извл. из отч. об. прок. за 1836 г. стр. 86, 87; за 1837 г. стр. 100; за 1838 г. стр. 94.

¹³⁶ - Дело арх. спб. дух. консист. 1837 г. № 14.

¹³⁷ - В первое время допускались в семинарию для обучения – лица, состоящие в должности дьячка, или дьякона, (напр. иподиакон Хелаев, 1809–1812 г.), но таких было не много.

¹³⁸ - Дети же консисторских чиновников и служителей считались наравне с церковнослужительскими.

¹³⁹ - Особая армейская семинария для детей военного духовенства устроена была, при императоре Павле I, в 1800 г. по проекту полевого обер-священника Озерецковского в С. Петербурге, на Васильевском острове, в доме тверского подворья. В 1815 г. предполагая преобразовать ее, применительно к общему уставу дух. училищ, но вследствие экономических затруднений, она закрыта, а ученики распределены по разным епарх. семинариям, на основании новых особых «Положений». (Барсов, Об управлении русск. военн. дух., стр. 56, 57. Невзоров, Истор. оч. управ, дух. военн. вед. стр. 17 и д.)

¹⁴⁰ - Форма их, по образцу составленному о воспитанниках спб. сем., утверждена в 1819 г. В них обозначалось: 1) сколько учеников в каждом классе в сентябре такого-то года; 2) после того сколько переведено в высш. классы, 3) уволено в епарх. ведомство окончивших курс и исключено неспособных, 4) исключено в гражданское ведомство за худое поведение, 5) уволено в иные ведомства, 6) умерло; 7) в сентябре следующего года на лицо с прибылыми, 8) в сем числе на казенном и бурсачном содержании, 9) на полубурсачном, 10) на доходах от предоставленных мест и др. пособиях, 11) на своем содержании; 12) сколько обучалось в домах родителей в предыдущем году и ныне.

¹⁴¹ - В «Докладе Комитета о усовершеннии дух. учил.» (изд. 1809 г. стр. 15, ср. «Начертание правил» §§ 61, 65) прямо поставлено целию семинарий – между прочим отправлять и которых в мед. академию.

¹⁴² - Иногда из средн. отд. не оказывалось охотников в медиц. академию, тогда посылали из низшего: в 1818 г. были даже изданы особые правила для семин. правления «при выборе и отправлении учеников из окончивших курс словесных наук в медико-хирургическую академию», а в 1819 г. изданы и дополнения к ним. Но ученики низш. отд. иногда оказывались вовсе неподготовленными и отсылались назад, напр. Хрусталева и Кузьминский в 1821 году.

¹⁴³ - Но предписанием от 23 ноября 1841 г., согласно предложению об. прокурора, второразрядным запрещено было являться на приемные экзамены в дух. академию.

¹⁴⁴ - Сначала затребовано было из высш. отд. спб. семинарии 14 человек, потом 11, а поступило 10 (см. списки). Воспитанники 2-го курса спб. академии учились только три года – 1814–1817. (См. Ист. спб. д. ак. Чистов стр. 270, 271).

¹⁴⁵ - Относительно поступающих по собственному желанию, или волонтеров, как потом их стали называть, особое предписание было от 29 апр. и 21 мая 1840 г., чтобы они являлись на экзамен в академию, с согласия местного училищного начальства, с надлежащими документами, в одно время с поступающими по назначению. Предписанием 1841 г. они обязывались при поступлении в академию шить себе одежду по образцу акад. студентов.

¹⁴⁶ - При вызове 11 человек из спб. семинарии в состав 2-го курса академии между прочим предписывалось: «они должны быть здоровы и без значущих недостатков в благовидности».

¹⁴⁷ - Из остальных, окончивших курс в академии, воспитанников спб. семинарии наиболее известны в духовенстве спб. протоиереи: Ив. Смирнов † (законоучитель в Импер. воспитательном обществе благор. девиц), Ал-й Н. Максимов, Вас. Березин † (законоуч. Морского училища), Гавр. Розов † (законоуч. Инженерного учил.), Вас. Шишов †, Дим. Максимов † (законоуч. Екатер. института), Фил. Сперанский † 5 Пав. А. Налимов, Адриан Колоколов †, Ал-й Недешев †, Вл. Виноградов †, Вас. Помяловский †, Вас. И. Барсов: в гражд. службе: Пл. Пантовский †, Кодр. Кораллов †, Иос. Самчевский †. Из не бывших в академии, кроме упомянутых в числе должностных лиц, назовем ныне здравствующих петерб. протоиереев – Андр. Як. Эвенхова (1819 г.), И. И. Исполатова, И. Я. Преображенского, А. Я. Братолюбова, В. Т. Покровского, М. И. и Н. И. Соколовых, С. И. Не чаева, А. Флоровского и старейшего из воспитанников спб. семинарии А-ра Белявина (1813 г.), свящ. в новолад. уезде (с. Василькова).

¹⁴⁸ - Начерт. Прав. о образов. дух. учил. ч. I отд. I § 12. Отд. II § 28. Ср. Проект. уст. дух. уездн. уч. ч. II.

¹⁴⁹ - При этом еще некоторые ученики только числились в училище, а обучались в домах родителей, на основании § 23 Начерт. прав. и § 39 Проект. уст. прих. уч.

¹⁵⁰ - Певчие Казанского собора, по резолюции митрополита Амвросия в 1812 г., должны были обучаться в спасосенновском прих. и петропавловском уездном училище. В 1817 г. вследствие ревизии архим. Поликарпа, поручено протоиерею Казанского собора для певчих избрать еще особого учителя.

¹⁵¹ - Ревизор Поликарп в 1817 г. писал, согласно 17 § инструкции ревизорам, о петропав. училище, что «ни ректором, ни учителями ученики в домашние услуги употребляемы не были».

¹⁵² - Учитель греч. яз. в Александроневском училище А. Филиппов представил подробный разбор этой грамматики, заключающийся таким образом: «В кратких словах: грамматика Грацинского мелочными примечаниями полна, хорошими бедна, к исправлению трудна, к употреблению, одним словом, негодна».

¹⁵³ - Из воспоминаний секретаря син. Исмайдова. Странник, 1882. IX. 77. 78.

¹⁵⁴ - Направление дела о смене Нечаева и назначении на его место Пратасова приписывают известному духовному писателю А. Н. Муравьеву, бывшему тогда чиновником за обер-прокурорским столом, по назначению самого императора, которому он поднес сочинение свое «Путешествие к св. Местам». Предполагают что Муравьев не рассчитывал на утверждение Государем Пратасова, как человека военного и слишком светского, и надеялся сам получить об. -прокурорское место. (См. зап. Исмайлова, *ibid.* Лескова, «Синод. персоны». Истор. вестн. 1882 г. XI.)

¹⁵⁵ - Письма Фил. к Муравьеву. Примеч. между 24 к 25 письм., ср. прим. к пис. 42. (стр. 59). Муравьев же называет Пратасова «человеком весьма образованным и ловким в делах». *ibid.* стр. 37. Издание устава дух. консисторий и начало обнародования отчетов по дух. ведомству принадлежит также гр. Пратасову.

¹⁵⁶ - Извлеч. из отч. об. прок. за 1837 г. стр. 192; 1839 г. стр. 120.

¹⁵⁷ - Отч. за 1837 г. стр. 109. 104.

¹⁵⁸ - Отч. за 1837 г. стр. 124. Правда, значение Пратасова по воссоединению униатов некоторые умаляют в пользу других деятелей, напр. гр. Блудова (Морошкин, «Воссоед. унии», Вестн. Евр. 1872 г. авг. 538), но не отрицают, что он относился к делу с тактом, энергией и сочувствием. Знаменитый же деятель воссоединения и борец за православие в Зап. Руси, митр. Иосиф Семашко в своих «Записках» период управления Пратасова называет «направлением к одной цели» греко-униатского вопроса, «вместо бывшего разъединения и даже противодействия». Сравнивая же Пратасова с Блудовым, говорит: «Гр. Пратасов был не менее благородного характера, и ежели не столь обширного ума, как Блудов, то более живого и деятельного. Он принялся с полным рвением за униатское дело и заботился о нем всю жизнь свою, — его не нужно было подгонять». В письмах своих, по поводу смерти Пратасова, высокопр. Иосиф называет его «светлым жизнью и заслугами», «незабвенным», «добрым царским слугою и ревнителем церкви православной», — и восклицает: «да будет ему вечная память за добрые дела и за ревностное служение церкви и отечеству». (Записки, 1883. Спб. т. I. стр. 108. т. II, стр. 547–549.)

¹⁵⁹ - Извл. из отч. за 1839 г. стр. 120, 121.

¹⁶⁰ - Записки еп. Никодима, Чтения в общ. ист. 1877 г. II, стр. 33, 34.

¹⁶¹ - Извлеч. из отч. об. пр. за 1855 г. стр. 4.

¹⁶² - Вестн. Евр. 1883. VII. 156. О католическом влиянии при гр. Пратасов моск. митр. Филарет писал между прочим Григорию архиеп. тверскому, от 28 дек. 1844 г. «Западные римские мудрствователи и усиливаются войти к нам с своими мнениями и без усилия входят, потому что мы им широко отворяем двери. Ктонибудь (?), например, имел домашним учителем римского священника, а православного священника не слушал; и легко могло случиться, что он будет защищать римские мнения, мнясь защищать православие, и, если его мнению открыт путь в общество, то оно может пройти далеко». Чт. в общ. люб. дух. просв. 1877. XI. 136.

¹⁶³ - Из письм. преосв. Игнатия Брянчанинова. (Прав. Обзор. 1878. I, Мысли митр. Филар. стр. 109.

¹⁶⁴ - Каково было положение членов Синода при Пратасове, об этом имеются интересные указания, напр. в письмах из Петербурга преосв. Филарета Гумилевского к А. В. Горскому. Так

от 11 марта 1842 г. он пишет между прочим: «дела в таком положении, что едва-едва можно бывает по временам делать отражение натисков. Иначе – приходится только встречать пули в бок и лоб и стоять не морщась. Да, точно таковы дела. О вылазках, или наступательных действиях и думать нельзя... Надобно молить Господа, дабы дал им (т. е. членам Синода) твердость и решимость выдерживать осаду. Силы истощены, средства отобраны, осталось одно – упование на Господа Иисуса... чтобы сохранялась твердость оставаться в оборонительном положении, не щадя последних капель крови. А надобно признаться, что много, очень много нужно твердости оставаться и в этом положении, когда нападения столько жестоки и столько часты, а средств нет». Вообще в этих письмах не раз упоминается о страданиях церкви, подобный тон замечается в письмах и отзывах и других иерархов того времени. Свою же собственную беседу с гр. Пратасовым преосв. Филарет называет «испытанием, или лучше пыткой», замечая: «да, легко пытать, но каково быть в пытке... С этими людьми говорить нелегко, очень нелегко». (Тв. св. от. 1883. I. Приб. 255. 227). В подтверждение этого и еп. Никодим в своих зап. о митр. Филарете пишет, что Пратасов, не дожидаясь приглашения, входил к митрополиту в гостинную и не стеснялся и с ним кричать, «как это в моде у военных и у начальников», так что владыка должен был однажды заметить ему: «если и потише будете говорить, Ваше сиятельство, я услышу». (Зап. гл. XLII)

¹⁶⁵ - Истор. Вестн. 1883. XII. Поводом к удалению московского и киевского митрополитов из Синода в 1812 г. послужило известное дело по доносу о распространении литографированного перевода Библии на русский язык протоиерея Павского, при чем в частной беседе этих митрополитов было высказано предположение об издании нового, более правильного перевода и Библии с толкованиями; но обо всем было доложено Государю и, согласно с мнением митр. Серафима, подчинившегося, как полагают, влиянию гр. Пратасова, – означенное предположение, которое Филарет московский и письменно изложил, признано «излишним и опасным», направлено к обвинению автора, или, по выражению пр. Филарета Гумилевского, «обращено в громкое бесчестие лицу его (моск. Филарета) и всему Синоду, кроме старика потерявшего смысл». (Приб. к Тв. Св. отц. 1883 г. I, стр. 266. Подробнее см. Сушкова, – об увольнении двух Филаретов, в Чт. в Общ. ист. и др. 1869. Г, стр. 185–187, Чистов. Ист. перев. Библии, Хр. Чт. 1872. V. 92–119.) – По этому случаю митр. Филарет писал к наместнику Троице-Сергиевской Лавры, о. Антонию: «забота не о том, что случилось лично со мною, а о том, могу ли я сколько нибудь быть полезен службе. Не указывается ли мне время устранившись, чтобы оплакивать грехи мои и вне мятежа дел молиться о благосостоянии св. церкви». (Ч. И. стр. 13, 14. М. 1878.) После отъезда Филарета московского из Петербурга, там, по его словам, «жаждали клеветы» против него, не отвечали на его письма (Ibid. стр. 325, ср. 132, 112, 113. Ср. к Мурав. стр. 39, 123, 294) и некоторое время оставляли вдали от влияния: «время слушать нас, если отчасти и было, – писал он к Муравьеву в 1848 г. – то миновало». (Пис. к Мурав. № 167). Хотя обстоятельства потом изменились, как увидим ниже, но события 1841–42 г. для Филарета были печальнее 1822–25 г., когда из чуждого Синоду ведомства были возбуждены относительно его противодействия (т. е. Шишковым).

¹⁶⁶ - «Меня, – прибавляет далее Никодим, – уверял совоспитанник его, что граф был католик, а православным объявлял себя из земных видов» (гл. XVII).

¹⁶⁷ - Муравьев, примеч. к письм. Фил. №

¹⁶⁸ - Сушков, об увольнении митр. Чт. в общ. ист. 1869. IV. 186.

¹⁶⁹ - Прот. Павский в своей автобиографии, при рассказе об удалении Филаретов из С. Петербурга, не упоминает даже о Пратасове, а говорит только, что «митрополиты подали различные голоса касательно перевода св. Писании, Серафим подал отдельный голос, что не надо и вовсе переводить св. Писание. Своею разноголосицею они испортили все дело, рассорились и вследствие сей ссоры разбежались, кто в Москву, кто в Киев, и никогда уже после не съезжались». Русск. Стар. 1880 г. V. 117). Действительно, Филарет, не сходясь с первенствующим членом Синода, митр. Серафимом, сам выразил пред гр. Пратасовым нежелание присутствовать в Синоде. Сушк. Зап. об увольнении киевск. и моск. митр, в Чт. в общ. ист. и др. 1869. IV. стр. 185), что, конечно, совпадало с желаниями графа. О митрополите Серафиме думают, что в этом случае он был орудием в руках Пратасова, поэтому и сам Филарет в одном из писем к Антонию (ч. II, 20–31) выражается о его мнении: «подписанное

полумертвою рукою представлено, как написанное живою и сильною и Высочайше утверждено», (ср. пис. к Муравьеву № 87), а Филарет Гумилевский в письме к Горскому весьма даже резко выразился о старческой немощи петерб. митрополита (см. выше прим ч. 1 на стр. 293). Неблагодарные отзывы о митр. Серафиме находим и в записках еп. Никодима Казанцева, Но едва ли верно – участие Серафима в рассматриваемом деле считать только пассивным. Он и раньше грозил «выйти в отставку», если Филарет будет «настаивать на продолжение перевода св. Писания». (Из воспом. митр. Фил. Пр. Об. 1868. Ш. 256).

¹⁷⁰ - Чт. в общ. люб. дух. просв. 1877. XII, стр. 152.

¹⁷¹ - Ч. II. стр. 411, 464, 479, № 680.

¹⁷² - Ниже Никодим объясняет это столкновением между двумя Филаретами по делу о св. истории Красноцветова, которую Филарет киевский разрешил печатать, а московский, «вследствие всеобщих настойчивых похвал ее», прочитав ее внимательно и нашед «никуда не годною», предложил синоду о запрещении. «Филарет киевский принял сие за личное себе оскорбление и ждал случая отомстить». Прочитав конспект Никодима, «весьма восхваленный» Филаретом моск. и некоторыми даже приписанный самому ему, киевский митрополит на первом листе его сделал следующую надпись: «в сочинителе заметны способности, а особенно начитанность новейших, так называемых, германских богословов, но недостает в нем зрелости и верности суждения. Конспект его ни для дух. семинарий, ни для дух. академий. Филарет, м. Киевский». (Зап. гл. XX).

¹⁷³ - Никодим был помещен не в Лавре, а в синоде, подворье, у Семеновских казарм, – с целью, как говорили тогда, держать его вдали от влияния монашествующих лиц. (Ростисл. В. Евр. 1883. IX. 231.)

¹⁷⁴ - Филарету, вероятно, принадлежит только переделка уставов 1809 г., составленных, как известно, Комитетом 1807 г. и в частности арх. Феофилактом и Сперанским, и окончательная обработка их в том виде, как они изданы в 1814 г.

¹⁷⁵ - Никодим отстаивал философию и согласно с взглядом Филарета моск., который высказывал ему, что философия и математика «нужны в семинарии, как оселок испытания, изощрения и приведения в порядок мыслящего духа». (Зап. гл. XXXIX.)

¹⁷⁶ - «А. И. Карасевский (говорил владыка о. Никодиму) вздумал управлять нашими духовными делами. Ему, правда, и дано право на это. Да он очень благоразумно делает, что, не зная наших дел, употребляет для сего из наших (разумеется Никодим). Ему все простительно. Говорит как понимает, и как ему представлено. Но ты как не рассудил спросить никого, кто постарше тебя?. А совет старшего был бы тверд, и тебе полезен, и к делу годен».

¹⁷⁷ - Тв. св. Отц. приб. 1883. IV. стр. 681. Душеп. чт. 1882. XI. 262.

¹⁷⁸ - Приб. к Тв. св. отц. 1883. IV. 679.

¹⁷⁹ - Извл. из отч. об. прок. за 1839 г. стр. 51.

¹⁸⁰ - Извл. из отч. об. прок. за 1839 г. стр. 50 и сл.

¹⁸¹ - Ibid. стр. 51, 52.

¹⁸² - Душ. чт. 1872. XI. 346.

¹⁸³ - Чт. в общ. ист. и др. рос. 1869, кн. I, стр. 77.

¹⁸⁴ - Извл. из отч. об. прок. за 1840 г. стр. 59.

¹⁸⁵ - Ibid. стр. 64 и 59.

¹⁸⁶ - Извлеч. из отч. об. прок. за 1843 г. 62. Ср. Чистов. Ист. спб. ак. 427.

¹⁸⁷ - Письма к Горскому, № 14. (Тв. св. отц. приб. 1883. I. 230). Ср. пис. Филарета моск. к Гавриилу архиеп. ряз. (Чт. в общ. ист. и др. 1868. II. 185).

¹⁸⁸ - Тоже место указывалось еще в представлении сем. правления митр. Серафиму в 1827 г., т. е. площадь между Обводным каналом и Черной речкой (см. выше, стр. 217).

¹⁸⁹ - Писцами, по указанию инсп. Антония, определены: окончивший курс семинарии Мих. Ярославский и исключенный из средн. отд. И. Мансветов, с жалованьем, первому 400 р. а второму 300 руб. при казенной квартире и пище от лавры. Но потом, с перемещением комитета из комнат лавры в семин. правление, письмоводство поручено семинарским письмоводителям, с жалованьем по 150 р.

¹⁹⁰ - Извл. из отч. об. прок. за 1841 г. стр. 63.

¹⁹¹ - По свидетельству еп. Никодима, митр. Серафим в три года его пребывания в Петербурге (1838–41 г.) служил только однажды – в Пасху, когда ему пожалован был посох с драгоценными камнями. («Записки» гл. XLVII).

¹⁹² - Из пис. в Тверь Афан. Душ. Чт. 1868. 8. стр. 327. Об этом. далее так рассказывает Афанасий. «На эти слова (что на сих днях приеду в семинарию) я, привставши, сделал графу легкий поклон. Граф, не дав мне ничего вымолвить, сказал: что вы благодарите? там посмотрим, что будет – Я и не благодарю еще, сказал я, а прошу вас быть к нам снисходительными. – Что это значит? спросил граф. – То, отвечал я, чтобы вы не говорили нам публично при учениках слишком жестких слов. – Почему? спросил граф. – Потому, отвечал я, что такие слова могут привести нас в смущение, и мы вместо надлежащего ответа дадим вам ответ бессмысленный, и притом еще потеряем доверие учеников, а без доверия учеников не можем иметь полезного влияния на них. – Да это нужно, – сказал граф, для учеников: они, видя, что с вас требуют, будут исправнее. – Не нужно, отвечал я; ученики и без того видят, что очень с нас взыскивают все». Афанасий рассказывает, что он бывал в тоже время и у моск. митрополита Филарета, который приглашал его: «ездите ко мне по вечерам, когда будет досужно, поговорить кое о чем; мне приятно будет». Но Афанасий, по его словам, думал про себя: знаю, что приятно будет, потому что я говорил то и так, что и как едва ли другие решались говорить». Неизвестно, были ли какие разговоры у Афанасия с Филаретом, но очень вероятно, что Филарет желал дать и ему некоторые советы и наставления по вопросу о семинарских преобразованиях, как и Никодиму. Афанасий же, сколько известно и можно отчасти заключать по приведенному письму, не принадлежал к числу почитателей митр. Филарета.

¹⁹³ - См. письма Афанасия. Ibid. стр. 336, 337, 339.

¹⁹⁴ - Извлеч. из отч. об. -прок. св. син. за 3841 г. стр. 62, 63.

¹⁹⁵ - В вышеизложенном представлении в окт. 1858 г. о назначения штатного священника прибавлено было, что ради благолепия следует назначить и дьякона в семинарию, так как воспитанникам «необходимо, как будущим служителям церкви, наглядным образом знакомиться со всею обрядностью христианского богослужения во всей его полноте и благолепии».

¹⁹⁶ - В извлеч. из отч. обер-прокурора за 1858 г. (стр. 85) сказано: Посещение Императором в 1858 году нижегородской семинарии «было поводом к принятию новой и самой благотворительной меры» для семинарий, т. е. учреждению почетных блюстителей по хозяйственной части, «преимущественно из лиц купеческого сословия, который по своей опытности в делах житейских могут быть полезными помощниками духовно-учебного начальства».

¹⁹⁷ - Извл. из отч. об. -прок. 1840 г. стр. 110.

¹⁹⁸ - Извл. из отч. об. -прок. за 1851 г. стр. 104, 105. Ср. за 1849 г. стр. 94, 95. 1855 г. стр. 99.

¹⁹⁹ - Нововведение это находилось в связи с намерениями вновь учрежденного тогда министерства государственных имуществ (1837 г.), которое, встречая немалые затруднения в невежестве крестьян для улучшения сельского вообще хозяйства и видя беспомощность народа в гигиеническом отношении, решилось испытать, не достигнет ли добрых результатов в том и другом отношении чрез священников.

²⁰⁰ - Извл. из отч. об. -прок. за 1840 г. стр. 60.

²⁰¹ - Составление новых конспектов по разным предметам семинарского курса, как выше сказано (стр. 307), возложено было на особый комитет при спб. академии, но в тоже время и правлению московской академии поручено было заняться этим делом. (Смирн. Ист. моск. ак. 112).

²⁰² - Антоний (Рафальский), бывший архиеп. варшавский, состоял спб. митрополитом с янв. 1843 г. (по смерти м. Серафима) по ноябрь 1848 г. когда уволен по болезни: училищные дела на время его повторявшейся болезни поручались викарию, бывшему и ректором академии, в 1845 г. Афанасию, в 1848 г. Евсевию (Орлинскому). С ноября 1848 г. митрополитом был Никанор Клементьевский (бывший архиеп. варшавский) – до сент. 1856 г.

Его место занял Григорий Постников, архиепископ, а с 26 авг. 1856 г. митрополит казанский, ум. в июне 1860 г. С 1 июля 1860 г. митрополитом состоит Высокопр. Исидор, (см. стр. 26).

²⁰³ - Извлеч. из отч. об. -прок. Син. за 1837 г. стр. 55. Ср. извл. из отч. 1840 г. стр. 61, 1841 г. стр. 56. (Ср. выше, стр. 121 и след.)

²⁰⁴ - Извл. из отч. 1838 г. стр. 49.

²⁰⁵ - См. общие, заключительные обзоры в извлечениях из отчетов об. -прокурора за 40-е годы и первую половину 50-х.

²⁰⁶ - Перевод библии с еврейского языка на греческий, известный под именем перевода 70-ти толковников, освященный употреблением древней христианской церкви, с течением времени, подвергался, однако же, повреждениям и разнообразился в отдельных списках – по расположению книг, глав и стихов, и по чтениям. Исправления текста, на основании еврейского подлинника, а также и священного предания, хотя и делались, но одного общеобязательного списка не было установлено и утверждено православною церковью. Славянский перевод относят к разряду так называемых смешанных списков перевода 70-ти. Хотя по церковному употреблению он имеет священную важность, но, разнообразясь и по местам искажаясь в списках, неоднократно подлежал исправлениям. (Об этом см. Филарета м. моск. «О догме, достоинстве и охранит. употр. перевода 70-ти»; также Чистов, в Хр. Чт. 1872. III. 389 и сл. Савваитова, Библ. герменевтика, стр. 112–115.)

²⁰⁷ - В числе переводчиков четвероевангелия (Филарет Дроздов, проф. Павский, бакал. акад. о. Моисей) был и архим. Поликарп, инспектор спб. семинарии, который состоял также директором Общества. Ему принадлежит перевод Ев. от Марка.

²⁰⁸ - Вместе с тем боязнь всего мистического стала доходить до того что подозрительно относились к каждому богословскому произведению и, по выражению митр. Филарета, «когда один предлагал напечатать Добротолюбие и книгу Исаака Сирина, другой возражал: не скажут ли, что это мистическое направление. (Чт. в общ. люб. дух. просв. 1868. IV. Прилож.)

²⁰⁹ - Воспом. м. Филар. Прав. обзор. 1868 г. VIII. 526, 527.

²¹⁰ - «Правило о недозволении всем христианам читать св. Писание, писал в 1844 г. архиеп. Григорий к Филарету, – есть только в западной церкви, да и в ней составилось уже по отпадении ее от церкви православной... Одна мысль о запрещении чтения св. Писания простым христианам приводить меня в страх. Не могу постигнуть, откуда происходит такое мнение. Не есть ли оно изобретение всегда скрытно действующих агентов латинства?». Прав. об. 1861. V. 3. 16).

²¹¹ - См. ниже, стр. 350, 351.

²¹² - По этому поводу митр. Филарет писал к архиеп. ряз. Гавриилу: «на что было бы делать новый перевод на один и тот же язык, во всем согласный с прежним? Не редкая в наше время черта, что некоторые люди мнят знать дело, ревновать о пользе, службу приносить Богу, а в самом деле угадывают (и то не всегда удачно) мысль, которая теперь в моде и покровительствуется сильными, и служат ей в надежде, что и она им послужит. Не так создается истинное благо святой церкви». (Чт. в общ. ист. 1868. II. 185. Ср. Фил. Гумил. пас. к Горскому, № 26. Твор. св. отц. 1883. I.)

²¹³ - Выражение митр. Филарета в разговоре о Поликарп. См. Саввы архиеп. твер. «Воспомин. о Леониде арх. яросл.» 1877. 59.

²¹⁴ - Бывши бакалавром московск. академии в 20-х годах, Афанасий сам переводил свящ. книги с еврейского, «по недовольной точности и ясности перевода 70-ти». (Ист. моск. акад. Смирн. стр. 32).

²¹⁵ - Сообразно с этим излюбленным и «модным» взглядом, Афанасий, как редактор академического журнала Христианское чтение, в 1842 г. изменил прежний эпиграф заглавного листа каждой книжки: на здани на основании апостола и пророк, сущу краеугольну самому Иисусу Христу, на другой: да увеси, како подобаемо в дому Божии жити, яже есть церковь Бога жива, столп и утверждение истины. Журнал особенно стал «отличаться статьями, объясняющими православие нашей церкви», (извл. из отчет. обер-прокур. 1843. 72). В том же духе Афанасий дал отзыв об рукописи алтайского миссионера Макария Глухарева: «Алфавит библии», где «не нашел свящ. предания, а встретил произвольный перевод св. текстов с

еврейского». Ректор спб. семинарии архим. Феогност, как член академ. конференции, бывал депутатом на экзаменах в академии, при Афанасии, читал и сочинения студентов и после рассказывал в семинарии, что всякое сочинение в то время непременно начиналось словами: «Святая православная кафолическая восточная церковь».

²¹⁶ - Пис. № 47 стр. 54. М. 1863 г. Между прочим высокопреосвящ. Филарет замечает в своем отзыве о герменевтике: «суждения о Свящ. Писании, основанные на усиленном внимании открывать в нем мнимые недостатки, без указания в тоже время на истинные его совершенства, сколь не сообразны с достоинством богодухновенного писания, столь же могут быть опасны для православия. Сие предостерегательное напоминание нужным представляется для многих мест рассматриваемой герменевтики». (Матер. для: биограф. Филар. в Чтен. в москов. общ. люб. дух. просв. 1868 г. V. 156). Герменевтик не дано было хода. Недовольный Афанасий хотел привлечь митрополита на суд вселенских патриархов. (Пис. Фил. к архим. Антонию, II, 39.)

²¹⁷ - При допросе Павский объяснил, что он делал свой перевод вовсе не как догматист, или экзегет, а как профессор еврейск. языка и филологии, одинаково преподававший в академии более 15-ти лет за некоторые же литографированные оттиски он вовсе не мог признать себя ответственным, как не его редакции принадлежащие.

²¹⁸ - Пис. к архим. Антонию Т. Н, № 315 и 316.

²¹⁹ - «Одни запретительные средства, писал Филарет, – недовольно надежны тогда, когда любознательность, со дня на день более распространяющаяся, для своего удовлетворения бросается во все стороны и тем сильнее порывается на пути незаконные, где не довольно устроены законные. Посему нужно позаботиться о доставлении правильного и удобного пособия к разумению свящ. Писания». (См. Пис. К архим. Антонию, т. II, прилож. к № 317).

²²⁰ - Впрочем отношение это, говорят, составлено в канцелярии обер-прокурора, или вообще, по его поручению, и только подписано митроп. Серафимом. (Сушков, см. выше, стр. 294, прим. 3-е.)

²²¹ - Наприм. помощник спб. семин. Дашкевич показал: «литографированные книги свящ. Писания потому, что все воспитанники академии сознавали неточность перевода 70-ти толковников во многих местах». Павский же прямо говорил, что «греческий перевод есть неверен».

²²² - Между прочим учрежден был негласный надзор (1842–44 г.) за наставником спб. семинарии Саввантовым, помощником инспект. Дашкевичем и инспектором ал. -невского училища Евдокимовым, отозвавшимися при допросе, что литографированных переводов свящ. Писания в академии или не получали, или уничтожили их.

²²³ - Несколько раньше (1841 г.) было постановление св. Синода и по поводу переводов (книги Иова, прор. Исаии и др.) алтайского миссионера архим. Макария (Глухарева), которого, как преступившего своим настоянием на продолжении перевода Библии «пределы своего звания и своих обязанностей», подвергли молитвенной епитимии при томском архиерейском доме, и то только по вниманию к его миссионерским трудам, внушение с угрозой повторено ему в конце 1842 г. по поводу составленной им рукописи: «Алфавит библии», в которой найдено произвольное объяснение свящ. Писания.

²²⁴ - В приб. к Твор. св. отц. 1858 г. Кн. 3, стр. 452.

²²⁵ - Был об. -прокурором с сент. 1856 до 1862 г., после него был А. И. Ахматов (1862 – 1865), затем гр. Д. А. Толстой – до 1880 г.

²²⁶ - В других семинариях еврейский язык также был в упадке. Бывший ректор спб. семинарии, потом казанской академии, Иоанн (Соколов) между прочим писал в своем представлении акад. правлению, по поводу приемных экзаменов в академию в 1858–59 г. Особенно жаль, что знание еврейского яз. совсем пало в наших училищах. Из 32 явившихся в академию студентов только 7 кое-что знают по-еврейски, из прочих никто не учился этому языку. Этим священным языком не надо бы пренебрегать, потому что он имеет весьма важное значение при изучении Св. Писания». (Ист. перм. дух. сем. ч. III. Архам. Иеронима. Стр. 208.)

²²⁷ - На сколько опасно было в семинарии обращаться к еврейск. подлиннику, об этом дает понятие случай, бывший в пермской семинарии. Один учитель в нач. 40-х годов дурно был аттестован архиереем в послужном списке (и впоследствии уволен высш. начальством) за некоторые провинности, перечисление которых в архиерейском объяснении об. прокурору заканчивается следующим образом: сверх всего в данных ученикам уроках его (учителя) о книге Иова сказано: дух писателя очень ясно открывается, если книгу сию прочтем в подлиннике, или в хорошем переводе. Он и греческий перевод LXX толковников и славянский перевод, употребляемый св. церковью, признает переводом нехорошим, и такое же понятие о них сообщает и ученикам». Спустя несколько времени, архиерей опять делал правлению замечание об этом наставнике, что он надписания псалмов объясняет не согласно с церковными книгами и т. п. Правление защищало его и не соглашалось с резолюциями архиерея, направленными против подобного преподавания, но и само получило «строгое замечание» по определению св. Синода, согласно и с мнением акад. правления. (Ibid. стр. 143).

²²⁸ - Впрочем в некоторых конспектах (Бронницкого, Ансера 1845 г.) под заглавием. книги апокрифические – обозначены: Товит, Есфирь, 2-я и 3-я Ездры и три кн. Маккавейские.

²²⁹ - Извлеч. из отч. об. -прок. 1841 г. стр. 55.

²³⁰ - Извл. из отч. об. -прок. за 1840 г. стр. 60.

²³¹ - Ср. извл. из отч. об. -прок. за 1845 г. стр. 64.

²³² - Отч. об. -прок. за 1844 г. стр. 64.

²³³ - Название герменевтика, по совещанию с некоторыми лицами, найдено было как бы не совсем приличным, вследствие сопоставления этого названия с именем Гермеса (Меркурия) – покровителя между прочим воровства.

²³⁴ - См. Прав. уч. о спос. толк. св. Пис. изд. 1857 г. стр. 40 и след.

²³⁵ - Дело об издании герменевтики изложено нами со слов самого автора ее, достопочтенного И. И. Савваитова.

²³⁶ - Резол. 1828 г. на предст. московск. акад. Чт. в общ. ист. и др. 1876 г. Ш. 82. Ср. Смирн. Ист. моск. акад. 183.

²³⁷ - Отч. обер-прокурора за 1841 г. стр. 55 и 56.

²³⁸ - Конспект по патристике составлен был Филаретом для семинарий еще в самом начале рассматриваемого периода (Смирн. Ист. моск. акад. 113), но распространения не получил в то время.

²³⁹ - Матер. для биограф. Фил. в Чт. в моск. общ. люб. дух. просв. 1869 г. кн. VII стр. 68 и ел. и VIII.

²⁴⁰ - Хотя и по правилам 1840 г. это учение вводилось в богословие, вместо отмененной метафизики (§ 3).

²⁴¹ - Извлеч. из отчет. обер-прокурора за 1844 г. стр. 64.

²⁴² - В начале 1848 г. этой брошюры выслано свыше 80 экзempl., продолжали высылать ее и впоследствии.

²⁴³ - «Недостатки учебных книг, далее пишет Филарет, – которые употребляли в ожидании лучших, полезнее обличать и исправлять с умеренностью и снисхождением, нежели преувеличенными обличениями и подозрениями возмущать умы и совести, Надлежит стараться вынуть сучек из ока ближнего, и не колоть ему ока тем же сучцем». Чт. в моск. общ. люб. д. пр. 1869 г. VII. 81 и след.

²⁴⁴ - Ibid стр. 88, 89.

²⁴⁵ - Чтен. в моск. общ. люб. дух. пр. 1869 г. VII

²⁴⁶ - Чт. в общ. люб. дух. просв. 1877. XI. 129.

²⁴⁷ - В этом произведении, согласно с излюбленной идеей Афанасия, учение о церкви изложено на первом месте и предание выставлено на первый план. То же место учение о церкви занимает и во «Введении в прав. Богословие» архим. Макария, чего опять не мог одобрить митроп. Филарет, хотя к книге вообще отнесся благосклонно. (См. к Муравьеву пис. № 167, стр. 267.)

- ²⁴⁸ - Письм. к Горскому № 15. Приб. к твор. св. отцев 1883. I. 234.
- ²⁴⁹ - Смирнов, Ист. моск. акад. стр. 20.
- ²⁵⁰ - Прав. Догмат. богослов. Филарета черниг. ч. 1. «Для читателя».
- ²⁵¹ - Извлеч. из отчет. обер-прокур. за 1848 г. стр. 44.
- ²⁵² - Пис. к Гавриилу ряз. Чт. в общ. ист. 1868. II. 190.
- ²⁵³ - Ист. спб. акад. Чистов. 281. Иннокентий сам трудился около 10 лет над составлением, по поруч. начальства, «Догматического сборника» и представил его в Синод, но ему не суждено было выйти в свет. (Пис. Инок. к Гавр. Чт. вб общ. ист. 1869. I.)
- ²⁵⁴ - См. извл. из отчет. обер-прокур. за 1854 г. стр. 56.
- ²⁵⁵ - «Записки» прот. Солярского, по, его словам, имеющие назначение «не для школы только, но и для жизни», составлены при пособии иностранных соч. Риглера, Штапфа и др., особенно же он «считает себя обязанным академическим урокам высокопреосвящ. митрополита Исидора», двум Иннокентиям, пензен. и херсон. и др. (Т. III. Предисл. 4, 5).
- ²⁵⁶ - Извлеч. из отчет. обер-прокур. за 1855 г. 102.
- ²⁵⁷ - См. отч. обер-прокур. за 1843 г. 112, 1849 г. 97, 1851 г. 107, 1854 г. 97.
- ²⁵⁸ - Ист. спб. акад. Чист. стр. 409.
- ²⁵⁹ - Также, как и в старинных системах, напр. Шуберта (Institut. theologiae polemicae). Для образца разбора вероучений можно указать напр. из конспекта (1849 г.) иером. Леонтия (о преподавании которого ученики его отзываются вообще с похвалой) – главу о магометанстве, где после истории религии, священных книг и сущности учения ислама предлагается «суждение о религии а) из понятия о внутреннем ее достоинстве, б) из понятия о лице Магомета, как основателя религии, с) из недостатка других признаков, которые свидетельствовали бы об истинности магометанской религии».
- ²⁶⁰ - В нач. 1854: г. вызваны из разных епархий священники (22 чел.) «для приготовления к миссионерским действиям на раскольников». Некоторых из них начальство хотело поместить в здании спб. семинарии, но семин. правление отклонило это, за неимением места.
- ²⁶¹ - В письме к Иннокентию херсонскому Макарий писал, что «история русского раскола наделала (ему) много крайних огорчений, когда проходила мытарства синодальной цензуры... (1854 г.) Хр. Чт. 1884 г. № 5–6. 814. Иннокентий же сам испытывал подобное, если не хуже. В одном из писем к Гавриилу ряз. он жалуется, что «обстоятельства нынешние таковы, что охотники до ересей легко могут найти в них (рукописях Иннокентия, представленных в петерб. цензуру), к чему привязаться, а мне уже давно наскучило иметь дело с инквизицией, (Чт. в общ. ист. 1869. I. 106.)
- ²⁶² - Означенное сочинение, по отзыву Филарета арх. черниг. «написано покойно, отчетливо и с терпеливым вниманием к самым мелочным струнам раскола. (Обз. дух. лит. стр. 488.)
- ²⁶³ - Вопрос о чтении и пении воспитанников при богослужении, даже в посторонних церквях возбуждался гораздо раньше. Еще в начале 40-х годов пермский архиерей Аркадий (Федоров) сильно настаивал на необходимости обязать семинаристов особенно высшего отд. читать и петь в соборной и других церквях по очереди, но семин. правление решительно и резко ему противилось, находя это и неудобным в педагогическом отношении, и унижительным для воспитанников высш. отделения, и даже вредным, так как «в делах религиозных всякое принуждение ведет не к исправлению, а к большому злу, к ожесточенно: пример – Юлиан». Но св. Синод сделал постановление, согласно с желанием архиерея, хотя вскоре последовало распоряжение о построении собственной церкви в семинарии. (Ист. перк. сем. Ч. III. стр. 102–126.)
- ²⁶⁴ - Аскоченский, Ист. киев. дух. акад. по преобразовании ее. Стр. 278.
- ²⁶⁵ - Чиновник за об. -прокур. столом Муравьев, обозревавший некоторые семинарии в 1837 г. писал к гр. Протасову: «я попал (в ряз. сем.) на внутренний экзамен исторический младшего класса и нашел тоже, что и вы в академии, т. е. совершенное незнание первых оснований церк. истории, даже соборов, которые учителя, ради извинения, относили к богословию, как будто можно относить число их, время и лица к догматам богословским. Я

воспользовался случаем, чтобы говорить сильно против сего упущения и о духе учения, который угоден теперь св. Синоду, равно и о непоколебимости в православии и старине... Тоже повторял еще сильнее в ворон. сем., где нашел совершенное невежество по церк. истории российской... при порядочных ответах в истории гражданской и библейской». (Русск. арх. 1876. III. 171, 172.)

²⁶⁶ - За 5-й период своей церк. истории (Синодальное управление), Филарет подвергался опасности. Цензор, пропустивший ее, прот. Т. Никольский должен был оставить эту должность, цензорам же по поводу этого подтверждено, чтобы не пропускали без разрешения св. Синода истор. сочинений, относящихся к синод. периоду. М. Филарет (Дроздов) признал книгу «проникнутой духом благочестия и ревности по вере и правде», но находил нужным переделать ее в отношении «к суждениям и выражениям в избытке строгим и резким». (Русск. Стар. 1881 г. XII Архиеп. Фил. Гум. стр. 807, 808).

²⁶⁷ - Извл. из отч. об. прок. за 1850 г. стр. 55. См. ниже, (в гл. Экстраорд. занятия наставников.)

²⁶⁸ - Извл. из отч. об. -пр. 1851 г. 104.

²⁶⁹ - Биография Помял. прилож. к 1 т. его сочинений, стр. X. – Отзыв Благовещенского можно относить к молодым наставникам словесности – Беляеву, Шаврову и Архангельскому. Но первый вскоре по вступлении в должность захворал нервной горячкой, около полугода лежал в Обуховской больнице, потом совсем уехал в Москву. Шавров поступил на его место и был собственно наставником Помяловского (во 2-м отд. словесности). Но сам Благовещенский учился в 1-м отд. у Архангельского, и, как видно из приведенного отзыва, говорит о своем профессоре, который, впрочем, временно, за болезнь Беляева, преподавал и во 2-м кл. низш. отделения.

²⁷⁰ - Архангел. Руков. к изуч. слов. 1857. Саб. стр. II.

²⁷¹ - Философствование и в академии признавалось опасным. Филарет Гумилевский пишет об этом в письме к Горскому: «Здесь довольно шума наделал о. Афанасий (Дроздов) тем, что запретил Карпову читать философию по его запискам, а дал в руки Винклера», потом пригласил на философию проф. Фишера. В других письмах упоминая о том, что в библиотеку спб. академии не выписывают новых книг, Филарет замечает: «они боятся ереси... но так велят поступать обстоятельства...» (Приб. к Тв. св. отц; 1883. I, стр. 228, 238 и 247.)

²⁷² - Эта часть представляет сходство с тогдашним печатным руководством по психологии киевского проф. Новицкого (1840 г.), также как и разделение психологии на общую и частную. Пособиями на русском были еще: Шульце, Психическая антропология, перев. с немецкого еще в 30-х годах проф. Сидонским; Кедрова, курс психологии (1844 г.) Но вопросы о различии души и духа (по Карпову), о цели существования на земле, о бессмертии души (как у Кедрова) не введены в программу, не имея прямого отношения к опытной психологии.

²⁷³ - Биография Помяловского, прил., к 1 т. соч. Помяловского, стр. XII, XV.

²⁷⁴ - О программе по логике можно судить по обширным извлечениям из нее, приведенным в «Истор. пермск. семин.» архим. Иеронима, ч. Ш, стр. 74–81.

²⁷⁵ - Дело архив. спб. акад. по отд. конфер. 1844 г. № 24.

²⁷⁶ - По словам Благовещенского, учитель математики, «дойдя кое как до логарифмов и бинома алгебры, объявил, что их можно выпустить по трудности понимания». По рассказам другого бывшего семинариста 40-х годов, алгебру ученики большею частию не понимали, так как к слушанию ее не были подготовлены, плохо зная и 4 действия арифметики, хотя преподаватель того времени (Михайлов) дело знал и относился к нему серьезно, не опуская по алгебре и статьи о логарифмах (консп. 1847 г.)

²⁷⁷ - В отчете обер-прокур. за 1849 г. сказано: «усматривая очевидную пользу практической геометрии для воспитанников семинарий, чтобы они, поступая на священнические места, могли сами приводить в известность церковные земли, разделять их в случае надобности на участки в хозяйственном отношении, иметь понятие об исчислениях для строительных работ, и руководствовать крестьян в сих предметах, св. Синод постановил: учеников семин. сверх преподавания им геометрии в классах, непременно занимать практическими измерениями, применяясь преимущественно к нуждам сельского быта, так чтобы каждый из них был обучен

составлению плана местностей, сии практические наставления возлагать на преподавателей сельского хозяйства там, где они признаны будут к тому способнее учителей геометрии; и снабжать семинарии не только книгами по части практич. Геометрии и геодезии, но и необходимыми для упражнения учеников инструментами и пособиями, на счет духовно-учебных капиталов». Кроме того предположено было составить программу и общий план практических занятий. (Извл. из отч. обер-прокур. 1849 г. стр. 47, 48.)

²⁷⁸ - Впрочем «на основании Высочайшего разрешения 1854 г. образовать архитекторов из духовных воспитанников собственно для нужд духовного ведомства» – постановлено: посылать духовн. воспитанников разных епархий в московское дворцовое архитектурное училище, с помещением их в зданиях моск. семинарии, под наблюдением семин. начальства. (Отч. об. -пр. 1856 г. 68.) Хотя м. Филарет не одобрял этого, так как «ученики научаются там своеволию и приносят оное в семинарский дом. » (Пис. к Антон. IV. 206.)

²⁷⁹ - Чистов. Ист. спб. акад. стр. 410.

²⁸⁰ - Извлеч. из отч. об. -прок. за 1840 г. стр. 62.

²⁸¹ - Впоследствии естественная история преподавалась только в среднем отд.

²⁸² - Прикладная ботаника, впрочем, не значится в 1852–53 г., но позднее.

²⁸³ - «Относительно агрономии и естественной истории, – пишет Ростиславов, – первоначально хотели было обязать профессоров физико-математических наук в академиях принять на себя хлопоты приготовить наставников этих наук из студентов. Насилу Карасевского убедил один академический профессор, что это дело в духовн. академии немыслимо и что для приготовления наставников по агрономии и естественной истории лучше всего послать из каждой семинарии воспитанников в Горьгорецкую земледельческую школу». (Вестн. Евр. 1883 г. IX, 232). С тою же целью положено назначать лучших воспитанников семин. из детей духовенства удельных имений в находящееся близ С. -Петербурга удельное земледельческое училище, чтобы, по окончании курса и возвращении на родину, преподавать там сельское хозяйство в семинарии, а потом поступать во священники, преимущественно в удельные имения. (Извл. из отч. обер-прокур. 1844 г. стр. 67, 1846 г. стр. 56). Потом в указанное училище посылали воспитанников не из детей только удельного духовенства (из петербургской же семинарии: вовсе не было назначений) и наблюдение за ними поручили одному из столичных протоиереев. (Извл. из отчет. обер-прокур. 1847 г. стр. 48, 49.)

²⁸⁴ - Для семинарий, не имевших своей земли, министерство государственных имуществ изъявило готовность отводить участки. (Извл. из отч. обер. прокур. 1847 г. стр. 47). Иногда ходили за город для обозрения хозяйственных заведений разных владельцев. В иных семинариях, кроме агрономических запашек и посадок на грядках, были опыты в занятиях садоводством, луговодством и шелководством, при моск. и херсон. семинариях заведены были ботанические сады, при вифанской – образцовая сельско- хозяйственная ферма. (Отчет. 1848 г. стр. 45, 46, 1849 г. стр. 48, 49.)

²⁸⁵ - Извл. из отч. обер-прокур. за 1848 г. 46, 47.

²⁸⁶ - «Врачебно-народное наставление для преподавания в духовных училищах», сочинение члена медицинского совета академика Степ. Хотовицкого. Руководство это составлено вследствие сношения духовного начальства с министрами внутрен. дел и госуд. имуществ, напечатано на счет духовно-учебных капиталов и высылалось для раздачи воспитанникам в собственность. Затем, по опред. св. Синода, положена премия в 1500 р. за составление специального сельского лечебника, программу для которого составил в 1845 г. лейб-медик Раух. (Извл. из отч. 1843 г, стр. 62, 63. 1848 г. стр. 49.)

²⁸⁷ - Один из известных петербургских врачей, Ф. имевший случай читать семинарские записки по медицине Бобрикова, сделал о них похвальный отзыв, особенно за краткость их и точность, заметив, что при некоторой переделке, он могли бы составить весьма пригодное популярное руководство по медицине.

²⁸⁸ - В 1855 г. он писал и в отчет, что «ученики понимают и могут даже говорить по французски».

²⁸⁹ - В отчете синод. об. -прокурора за 1843 г. читаем: «при недостатке в искусных и твердо знающих древний стиль иконописцах, многие православные храмы в нашем обширном

отечестве наполнены такими иконами. которые или носят на себе отпечаток иноземного влияния, или, написанные неискусною рукою и без знания правил, представляют свящ. изображения в неблаголепном виде. Чтобы устранить сии неудобства, сколько то может зависеть от дух. училищ, (чтобы дать начало основанию у нас православной школы иконного письма), признано полезным постепенно вводить при них обучение иконописанию, которое для будущих служителей церкви в часы отдохновения могло бы служить самым благочестивым и приличным их сану занятием, и на первый раз положено открыть при здешней семинарии, в виде опыта, класс рисования для воспитанников, имеющих к тому особенную охоту и способность. Он будет направлен преимущественно к иконописанию и поручен главному руководству академика Солнцева, известного в отечестве нашим глубокими познаниями в древнем греческом и русском стиле». (Извл. из отч. об. -прок. за 1843 г. стр. 63. 113).

²⁹⁰ - Солнцев пишет в своих записках в Русской старине: «при начале курса поступало человек 70 и больше, а к выпуску оставалось не более 15, так как многим я советовал не заниматься живописью по их неспособности к тому». (Моя жизнь Р. С. 1876 г. VI. 299).

²⁹¹ - Солнцеву еще в 1845 г. Синодом разрешено составлять сборник старинных подлинников ликов святых и брать их из разных монастырей, – с целью издания, по одобрении духовной цензуры. (См. извл. из отч. об. -прок. за 1845 г. стр. 63).

²⁹² - Солнц. «Моя жизнь», в Русск. Стар. 1876 г. VI. 299. О митр. Серафиме автор замечает, что он «мало обращал внимания на занятия дух. воспитанников живописью». Но Серафим умер еще до введения живописи в семинарии, в янв. 1843 г.

²⁹³ - Извл. из отч. об. -пр. за 1847 г. стр. 50.

²⁹⁴ - Извл. из отч. об. -прок. 1837 г. 122. 1849 г. 97. 1851 г. 107. 1859 г. 20. Ср. Уст. дух. конс. 1841. § 14. Число школ церковно-приходских напр. в 1860 г. простиралось до 7907, а в 1865 году до 21420. (Отч. об. -прок. 1860 г. 67. Всеподд. зап. об. -прок. 1865 г. стр. 45).

²⁹⁵ - Барсуков, Митр. Иннокентий. М. 1884 г. стр. 222–238.

²⁹⁶ - Извл. из отч. об. прок. 1866 г. стр. 70, 118. «Чем успешнее распространились церковно-приходские школы, (главная заслуга которых в том, что они дают воспитание в духе православно-народном), тем большая обязанность лежит на духовном ведомстве и на обществе упрочить их существование подготовлением учителей, улучшением преподавания и в особенности материальным их обеспечением. С этою целью духовным ведомством приняты уже различные меры и можно надеяться, что общество не останется безучастным к положению этих первоначальных училищ, призванных образовывать народ, только что начинающий учиться. Школа – более, чем элементарное училище грамотности; она вместе с тем и преддверие к церкви, в ней дети преимущественно знакомятся с догматами веры и воспитываются в правилах христианской нравственности. Такое значение, признанное за народною школою во всех образованных государствах, принадлежит ей в особенности в России, где народ, проникнутый самым теплым христианским чувством, к сожалению, еще весьма мало знаком с сущностью исповедуемой им веры, отчего нередко у нас отцы поучаются в этом отношении от детей». (Всеподдан. докл. зап. гр. Д. Толстого о деят. прав. дух. 1865 г. стр. 46, 47. Ср. Отч. 1866 г. стр. 116–119).

²⁹⁷ - В следующем 19-м § правиле говорится, что «для многолюдных классов, к облегчению наставников главных предметов в рассматривании ученических упражнений, в том числе и проповедей, употреблять наставников второстепенных предметов, по усмотрению семинарских правлений, с утверждения епархиальных архиереев».

²⁹⁸ - В 1838 г. московск. митр. Филарет писал Николаю (Соколову), еп. калужскому: «упадок латинского языка теперь более или менее общий, только не в одинаковой степени». (Чт. в общ. люб. дух. пр. 1870. XI).

²⁹⁹ - Извл. из отч. об. -прокур. 1856 г. стр. 61, 62.

³⁰⁰ - После третних или декабрьских экзаменов до 60-х годов исключали вообще редко, так как на 1-й год исключение чрез 3 месяца ученья было бы слишком поспешно, а во 2-й год удерживались от исключения в декабре, в виду близости курсовых экзаменов. В 50-х годах даже разрядные списки не составлялись после декабрьских экзаменов.

³⁰¹ - Извл. из отч. обер. -прокур. за 1850 г. стр. 56. Между прочим в отчете так мотивируется рассматриваемое учреждение: «Один из главных предметов духовного образования в нашем отечестве, история российской церкви, коей систематическое преподавание началось не ранее 1811 г. в виде дополнения к общей церковной истории, только с 1838 г. получил в семинариях особую кафедру. С тех пор сделалась ощутительной потребность в специальном курсе сей столь важной науки. Для составления оного в надлежащей полноте необходимо прежде привести в известность все церковно исторические и статистические материалы, рассеянные по пространству обширной нашей империи, хранящиеся в местах, часто недоступных для самых трудолюбивых исследований» (стр. 55, 56.)

³⁰² - Истор. стат. свед. о спб. епархии, т. X. Прилож. стр. 181, 182.

³⁰³ - См. сообщ. Сербиновича, в Русск. Стар. 1877 г. V.

³⁰⁴ - См. в извл. из отч. обер. -прокур. за 1857 г. стр. 73.

³⁰⁵ - На первоначальные расходы испрошено у Духовн. учебн. управления 500 руб., с условием возратить впоследствии, и 125 р. на обзаведение помещения редакции. (500 руб. возвращены в февр. 1861 г. после нескольких напоминаний.)

³⁰⁶ - Он иногда и поправлял некоторые статьи, или выражения в них. (См. об этом в письм. митр. моск. Филарета к архим. Антонию, ч.IV, стр. 90. 99. 138.)

³⁰⁷ - Спб. протоиерей Яхонтов, в виду издания во многих епархиях «Епархиальных ведомостей», просил митрополита исходатайствовать ему разрешение у св. Синода издавать подобный же орган, под названием: «Вестник спб. митрополии». Но так как цель издания и программа совершенно совпадали с «Духовной беседой», а редакторские обязанности по еженедельному изданию последней найдены были «для ректора семинарии обременительными», (согласно и с мнением бывшего ректора, викария Леонтия), то св. Синод от 1 мая 1862 г. определил передать издание прот. Яхонтову. (Церк. лет. Духовн. беседы, 26 мая 1862 г. «Объяснение от редакции»).

³⁰⁸ - По отзыву Благовещенского (в биографии Помяловского), «преподавание светских наук в семинарии шло бестолково и небрежно». Этому отзыву можно доверять в самом ограниченном смысле, в виду того, что автор его, как и выше замечено (стр. 381), вообще отрицательно относится к семинарии и принадлежит к числу писателей отрицательно-обличительного направления 60-х годов, такого времени, когда даже в особенной моде было нападать на семинарское образование, самый же отзыв его относится лишь к половине 50-х годов и подтверждается доводами не довольно убедительными, в роде того, что в алгебре выпускались логарифмы и бином «по трудности понимания», а из физики математические вычисления: тут нет еще ни бестолковости, ни небрежности, если же историю учили «в долбляжку», как выражается автор, то это может быть и справедливо в отношении некоторых наставников, но далеко не составляло общего явления, как выше мы видели. О преподавании словесности и философии Благовещенский, даже в противоречие с своим общим отзывом, дает одобрительное замечание.

³⁰⁹ - Ректор мнительный и осторожный (в роде Иоанникия) опасался допустить какоенибудь отступление от принятой системы, или издавна установившейся программы (см. стр. 379), ректор капризный нападал иногда даже на утвердившиеся пункты программы и сбивал учителя, напр. об Иоанне передают, что и заслуженные наставники, в роде Боголюбова, подвергались его нападкам на своих уроках, пришед же однажды на урок словесности, где речь шла о басне, он стал опровергать учителя и доказывать неуместность и нерациональность этого рода словесных произведений. Из наставников напр. Боголюбов, по замечанию ревизора, давал несколько обширные записки и обременял воспитанников (стр. 425), преемник же его Б. слишком сокращал, или не доводил до конца курса своих наук, как иногда и другие. Правда, в некотором отношении отсутствие программ имело и свою выгодную сторону: программы, составленные напр. в 40-х годах, могли быть довольно односторонни, как отчасти это и указано выше, и стесняли бы деятельность талантливого преподавателя, который без программы мог быть гораздо полезнее. Но не забудем, что это частные случаи, общий же уровень учебного дела при существовании программ должен быть всегда выше, нежели без них. Нужно только, конечно, чтобы программы чрез известные промежутки времени

пересматривались и изменялись, применительно к состоянию науки, выходу новых более дельных руководств и пособий, к указанию опыта и развитию педагогики вообще. В этом отношении указанное выше (стр. 52, 53) правило Проекта уст. дух. сем. (1814 г.) – «держаться на одной линии с последними открытиями и успехами в каждой науке» (§ 112, с.) – весьма важно, хотя, разумеется, в 40-х и частию 50-х годах оно оказывалось совершенно неуместным, в виду разных указанных выше, стеснительных обстоятельств и взглядов, да и вообще означенное предписание должно предполагать правильный и компетентный контроль при его исполнении.

³¹⁰ - Отч. об. прок. за 1860 г. стр. 49.

³¹¹ - Для примера укажем случай, относящейся к 1853 г. Уволенный за штат священник церкви Главного Штаба В. просил митрополита о перемещении в спб. семинарию из тифлисской зятя его К., но семинарское правление, куда сдано было прошение, предоставило дело решению академического, которое отказало просителю на том основании, что наставник К. готовился для своего края. Тогда гр. Пратасов писал митрополиту, что в судьбе священника В. и перевод К. принимает участие председатель Государственного совета, князь Чернышев. Пришлось снова пересматривать дело, но пока наводили справки о положении свящ. В., он умер, и К. остался непереустроенным, вероятно, только по этому.

³¹² - Так в 1847 г. учитель ал. невского училища, магистр А. Никольский писал в своем прошении митрополиту: «В С. -Петербургской Вашего Высокопреосвященства (?) семинарии открывается место профессора словесности по случаю поступления проф. Чубинского в гражданскую службу. Желая и чувствуя себя способным занять оное место, я осмеливаюсь утруждать Ваше Высокопреосвященство, Милостивейшего Архипастыря и Отца, всеуниженнейшею просьбою предоставить мне означенное место, на что и ожидаю милостивейшего Вашего Архипастырского решения. К сему прошению учит. Ал. невского Дух. уездного училища Александр Никольский руку приложил. Ноября 11-го дня 1847 г.» В марте 1848 г. он был перемещен в семинарию, с разрешения об. прокурора.

³¹³ - См. Письма в Тверь рект. Афанасия (Соколова). Душ. чт. 1868 г. VIII. 341.

³¹⁴ - Денежные награды давались иногда (см. в отд. Экономия), но почетные весьма редко. Такие лица, как Боголюбов или Савваитов, если имели ордена, то получили их не на семинарской, а на сторонней службе. Инспектор и один из лучших профессоров, Мишин, в течение 16 лет службы не получил ни одного ордена. Также Михайлов, служивший профессором весьма исправно 25 лет. Только эконо и помощник инсп. Троицкий получил на 22 году службы Станислава 3-й ст. (1859 г.) и Ловягин в 1863 г. Анны 3-й ст. чрез 12 лет службы. Приглашаемые же со стороны преподаватели, не из дух. академии, (Солнцев, Бобриков и т. п.) награждались довольно щедро. Но выход в светское звание, с течением времени, для дух. наставников стал, впрочем, менее затруднителен.

³¹⁵ - Душ. Чт. стр. 339–340. 1868. VIII.

³¹⁶ - Извл. из отч. об. прок. за 1851 г. 73.

³¹⁷ - Учеников заставляли маршировать и ходить попарно в столовую, или в церковь. Рассказывают, что, при похоронах гр. Пратасова, семинаристы были выстроены в шеренгу пред домом об. -прокурора и при выносе гроба, по данному знаку, сбросили с себя шинели, который тут же подхвачены были семин. служителями и попарно выстроились пред выносимым гробом, который сопровождали сам государь и многие другие лица высокопоставленные. Император Николай, заметив это, высказался после: «прекрасно себя держат семинаристы».

³¹⁸ - Инспектор киевской академии, архим. Димитрий (Муретов), по поручению акад. правления, составил в 1841 г. инструкцию для субинспекторов, по которой требовалось, чтобы и один из субинспекторов непременно был из лиц монашествующих. (Аскач. Ист. киев. акад. стр. 202). Бывший чиновник за об. прокурорским столом, А. Муравьев в 1837 г. писал гр. Пратасову из Калуги, где был для обозрения семинарии: «мне неприятно и неприлично было видеть инспектором семинарии молодого мирянина, хотя и скромного человека, но с виду похожего на служку. Кажется, инспектор должен непременно быть духовная особа: иначе не внушит должного уважения». (Русск. арх. 1876. III. стр. 173).

³¹⁹ - Слова гр. Пратасова Фил. черниг. (Письма Фил. к Горскому, 271).

³²⁰ - Так, Благовещенокий нападает и на лекции Мишина (которые, однако же, «заинтересовали Помяловского»), говоря, что «в них все отзывалось мистикой и схоластикой», – тогда как общий голос его учеников – весьма в пользу его лекций, как отличавшихся, наоборот, реальностью и жизненностью. Замечает также, что «начальство считало Помяловского за дурака и негодяя... и он кончил курс предпоследний», между тем в табелях «по способностям прилежанию и успехам» он имеет отметки: по духовным предметам в низшем отд. оч. хорошо, по богословским наукам, словесности и математике – хорошо, по сочинениям дос. хорошо, по философии, св. Пис., церк. истории и др. порядочно и оч. порядочно, только по сельск. хозяйству и физике с естественной историей – слабо. Он окончил курс под № 36 (из 50 учеников), в низш. отд. занимал № 24 (при 47 уч.), в среднем 45–50 (при 74 учен.) Наконец, говоря, что все ученики были против Мишина и в виде протеста пьянствовали, Благ. прибавляет: «и Помяловский в ту пору научился испивать»; между тем сам Помяловский в письме к Полонскому в 1862 г. писал: «первый раз пьян я был на седьмом году. С тех пор, до окончания курса, страсть к водке развивалась кресцендо и деминуэндо. Что за причина?... Она была в начале чисто моральная, но теперь едва ли не перешла в болезнь тела. Я пил в детстве, значит, здесь и искать начало моего порока... При окончании курса я был почти пьяница». Заметив далее, что, по выходе из бursы, под влиянием добрых людей, он начале было исправляться, Помяловский прибавляет, что потом пришлось «повернуть на старую дорогу... Характер мой изменился, – продолжает он, – прежде я пил, теперь пожирал водку, прежде отвергал религию, теперь кощунствую, не терпел деспотизма, а теперь сам деспот, не уважал сплетню, приговор кружка, а теперь – общественного мнения, острит и шутит, а теперь ругаюсь; говорил, а теперь реву. Я дошел наконец до мысли о самоубийстве». Но все это он объясняет безнадежною любовью. (Русск. Стар. 1884. I. 201). Да и сам Благовещенский прибавляет, как бы в противоречие своему главному взгляду о губительном влиянии на Помяловского бursы и Мишина, что «в нем совершился перелом», после того как он стал ходить в университет, сотрудничать в «Современнике» и познакомился с Чернышевским, но вскоре увидел, что и «в жизни тоже бурса и запил». (Биогр. Помял. стр. XLI). Оказывается, что семинария и Мишин вовсе невиновны ни в начале, ни в конце страсти Помяловского к вину может быть, по его выражению, страсть эта была даже деминуэндо, пока он находился в семинарии. Ниже будет показано, насколько, действительно, в семинарии возможно было пить при Мишине. – Подобным образом и автор соч. о свящ. Гумилевском, награждая своего бывшего инспектора разными нелестными эпитетами и подкрепляя их подобными же стишками из «новой семинариады», в доказательство двоедущия Мишина, как педагога, и даже его иезуитизма, приводит тот факт, что в своей квартире он обыкновенно курил в трубу, в виду посещения его дежурными старшими (стран. 21). Помимо того, что этого факта не подтверждают сослуживцы Мишина, нередко к нему заходившие и совершенно свободно вместе с ним курившие, – что в словах самого Мишина, будто бы передававшего об этом, по оставлении инспекторской должности, одному из своих знакомых, могла заключаться шутка, слегка иронизирующая над стеснениями инспекторской должности: помимо этого, означенный факт, если он и верен, никакого двоедущия в педагогии не обнаруживает. Мишин естественно считал неприличным курить при воспитанниках, или принимать их в накуренной комнате, также как напр. есть при них, быть в халате, а не в виц-мундире и т. п. и тем подавал им пример не двоедущия, а благоприличия и воздержания от распущенности.

³²¹ - «Наша светская и духовная печать о духовенстве». Воспоминания бывшего альти-солиста А. Б-а, Спб. 1884 г. стр. 8.

³²² - Исправлявший в то время должность смотрителя дома Т. должен был, по инструкции, донести о таком случае директору Дух. учебы, управления. Карасевский, выслушав донесение, изъяснил сожаление по поводу случившегося и особенно потому, что ни классов все таки не было, ни церковной службы, но при этом прибавил строго: «если ректор велел, обязаны были его слушаться, даже если он прикажет, чтобы уроки были в первый день Пасхи, и то все должны идти в класс». (Заметим кстати, что в 1853 г., по поводу нового расписания праздничных дней для некоторых учебных заведений, помещенного в академическом месяцеслов, последовал циркуляр из Дух. уч. управления, чтобы в дух. уч. заведениях

«соблюдали те же праздничные дни, кои на основании существующих положений были ими доселе соблюдаемы и в отношении дух. уч. заведений остались неотмененными». Духовная власть и раньше всегда старалась поддерживать установившиеся праздники в учебных заведениях. См. Пис. Моск. м. Филар. к Ант. ч. Ш, стр. 367, 372).

³²³ - Христ. чт. 1859 г. ч. II, стр. 37.

³²⁴ - Извл. из отч. синод. обер-прокур. за 1859 г. 40.

³²⁵ - В газете Суфлер 1880 г. (№ 3 – 45) помещен был рассказ одного из бывших петербургских семинаристов, под заглавием «Театр в N-ской бурсе», где изображается внутренний товарищеский быт спб. семинарии переходной эпохи. Означенные неофициальные занятия воспитанников и отношения их взаимные и с начальством передаются в рассказе, с обозначением действительных лиц, мест и событий, конечно, отчасти с прикрасами, но в сущности верно, как удостоверяют петербургские семинаристы той эпохи.

³²⁶ - «Памятная книжка воспит. спб. семин. вып. 1863 г.» стр. 48–50. Спб. 1883. Все стремления его, говорит тот же автор о Никольском, состояли в том, чтобы пробудить в наших молодых умах стремления к лучшим сторонам человеческой жизни. В этом отношении он пользовался каждым удобным случаем и во время лекции, и вне классных занятий, у себя в скромной квартире, которая была всегда открыта для каждого из нас. Эти беседы учеников с учителем, в которых он делился своими взглядами и понятиями на жизнь и ее запросы, сплотили нас с ним и нас друг с другом. Направляя молодой ум и волю, (он) прежде всего заботился развить в наших умах понятие о нравственном достоинстве человека. На эту тему он часто говорил». Ср. Памятн. листок изд. 1881 г. стр. 21.

³²⁷ - Напр. в пермской были такие важные беспорядки (1861 г.), что св. Синод назначил туда две, одна за другой, экстренные ревизии (проф. ак. Карпова и рижского ректора Ефрема), уволил некоторых из служащих и, согласно Высоч. повелению, издал особые постановления о наблюдении за нравственностью дух. воспитанников (см. стр. 478). Отч. об. прок. 1861 г. 89, Ср. Ист. перм. сем. архим. Иерон. Ш. 372–377.

³²⁸ - Инспектор Антоний в 1840 г. заявлял о недостаточности квартиры инспекторской, но ему было указано на план. Инспектор Иоасаф просил перевести инспекторскую квартиру в помещение правления, но просьба его осталась без последствий.

³²⁹ - В 1843 г. на ризницу снова издержано 105 р. 76 к.

³³⁰ - За написание 30 икон художник Антонов положил по 4 р. 25 к. с. за каждую.

³³¹ - Еще в конце 30-х годов, по приказанию об. -прокурора, эконома спб. академии посетил с означенною целию некоторые заведения, между прочим батальон военных кантонистов, откуда потом и в семинарию заимствовано напр. устройство скамеек в столовой, половинки которых поднимаются, пока воспитанники стоят для молитвы за столом, и потом упадают, как бы по команде, в один такт, когда нужно садиться.

³³² - С прекращением публичных экзаменов, в начале 60-х годов, церковь уже перестала служить залом собрания.

³³³ - С увеличением количества книг, с начала 60-х годов (см. стр. 417, 419) и расширением помещения библиотеки, устроены и новые шкафы для книг числом до 6, которые размером меньше и по форме проще, чем устроенные в начале 40-х годов 12 ясеневых шкафов, с стеклянными передвижными дверцами, вышиной 5 арш., а ширины различной, от 2 арш. 10 вершк. до 8 арш. В 1852 г. устроены и особые шкафы для архива (за 250 р.), который около этого времени приводился в порядок комиссией из секретаря Брянцева (потом Архангельского и Шаврова) и препод. Германа и Карашевича.

³³⁴ - В том числе на одежду 695 р. и 2038 р, на жалованье – от 6 р. 25 к. исполнителям (двум), 4 р. гардеробщику и проч. до 3 р. в месяц, но в 1865 г. от 48 до 97 р. в год, при чем в некоторые годы служителей было менее положенного – до 44-х и от их содержания был остаток, напр. в 1849 г. до 250 р. Фельдшеру в 1841 г. назначено жалованья от 72 до 85 р. в год, но по представлению врача Паковского в 1844 г. увеличено до 114 р. 28 к., а с 61-го года до 126 р. 28 к. В услужение набирались лица из разных сословий, напр. в 1855 г. были: унтер-офицер, рядовые, крестьяне, мещане и дворовые.

³³⁵ - Воспитанникам из южных славян положено было (1857 г.) между прочим выдавать ва мелочные расходы по 1 руб. в месяц (из сумм министр. иностр. дел).

³³⁶ - Сначала только певчие митрополита из семин. воспитанников (не более 10 человек) жили вне семинарии, так что, когда в 1850 г. об. священник Кутневич пожелал, чтобы его два сына были приходящими в семинарии, то для этого потребовалось особое разрешение директора Дух. уч. управления. Но в 60-х годах, когда число учащихся превышало цифру 300, уже постоянно выдавались билеты для проживания на вольных квартирах и число приходящих доходило иногда до 25. Правление нередко отказывало в приеме в общежитие (см. ниже) и увольняло из него, напр. оставленных на повторительный курс и частных. В 1862 году 6 учеников, уволенные за малоуспешность из корпуса, допущены за плату в комнату нижнего коридора, служившую прежде классом живописи.

³³⁷ - С 1846 г. сюртуки, брюки и жилеты разрешено шить из черного сукна вместо серого, «по причине встречаемых затруднений в приобретении значительного количества темносерого сукна одинакового цвета и достоинства». Сюртуки отличались особенной длиной. Для починки одежды заведены были, по представлению смотр. Камышников, два портных. На починку назначалось по 1 р. 23 к. в год, за каждого воспитанника. – Для бритья и стрижки воспитанников приглашен был цирюльник за 5 р. в месяц, но потом по контракту за 4 р. 28 к.

³³⁸ - В начале 40-х годов фамилии учеников еще переменялись, и состоявшим на капиталах пожертвованных усваивались фамилии жертвователей, по желанию последних; напр. В. Боголюбов, содержавшийся на капитал митр. Серафима, назван Серафимовым (1340 г.), Ал-й Головин, помещенный тогда же на капитал митр. Михаила, переименован Михайловым. Но в 1846 г. последовал указ св. Синода, «чтобы впредь никому в духовном ведомстве не усваивались фамилии произвольные, но по общему порядку сохранялись такие, которые принадлежат родителям каждого». В 1857 г. дополнено, чтобы ученикам давать фамилии от имен отцов, если отцы без фамилии. В силу этого напр. И. Павловский, по вниманию к многосемейности и полезной 18-ти летней службе отца его, помещенный в 1852 г. на казенное содержание из % на капитал митр. Серафима, остался при прежней фамилии.

³³⁹ - Из объясн. экон. Петрова, поданного митрополиту в 1857 г.

³⁴⁰ - Как видно из записок эконома, для ученического стола покупались: говядина, студень, солонина, рыба (окуни, лещи, сиги, судаки, сетки, иногда корюшка, сырть, щуки, ерши), огородные овощи, (соленые огурцы), хлебные припасы: крупа – крупчатая, перловая, пшенная, манная, гречневая, овсяная, рисовая, белый горох; масло коровье и конопляное, молоко и проч. В 1861 г. вследствие замеченной разницы в цене на покупку припасов в дух. учебных заведениях одной и той же епархии и в расходовании их, последовало предписание назначать общие торги, а частною покупкой приобретать припасы, если торги по чему либо не состоятся. На запрос по этому поводу, семин. правление предлагало составить на целый год общее расписание для дух. уч. заведений одной епархии. Но это не оказалось удобным.

³⁴¹ - В смете на 1866 г. жалованье фельдшера (126 р. 28 к.) внесено в больничные расходы, определенные правлением в 380 р. 68 к.

³⁴² - Извл. из отч. син. об. -прок. 1857. 63, 64.

³⁴³ - Управление ректоров монастырями найдено препятствующим «надлежащему выполнению прямых обязанностей» их по семинарии (отч. об. -прок. 1860. 49), но оно было не выгодно и для самых монастырей. А. Муравьев еще в 1837 г., нашед беспорядки и запущение Боровской обители св. Пафнутия, писал гр. Протасову, что обитель эта сможет служить примером, как пагубны ректоры для монастырей и что необходимо искоренить это зло, чтобы восстановить разоряемые ими обители». Русск. арх. 1876. III. 174. Ср. Пис. м. Филарета к Антонию, ч. IV. 305.

³⁴⁴ - В 1848 г. помощники инспектора из академ. воспитанников утверждены и «во всех тех правах, какие по существующим узаконениям принадлежат наставникам семинарии» (Отч. об. -прок. 1848 г. 43).

³⁴⁵ - «В 1858 г. Высочайше повелено присвоить учителям иконописания (в дух. уч. заведениях) права государственной службы применительно к гимназическим учителям

рисования... жалование же назначено производить сообразно с занятиями, но усмотрению св. Синода» (Отч. об. -прок. 1858 г. 51.)

³⁴⁶ - Определение св. Синода (1853), согласно Высочайшему повелению, о сокращении делопроизводства и переписки и по духовному ведомству, повидимому, не имело влияния на сокращение семинарского письмоводства, напротив, с течением времени, число письмоводителей увеличивалось.

³⁴⁷ - Извл. из отч. об. -прок. 1843. 66.

³⁴⁸ - По ходатайству правления, помещен был в Обуховскую больницу для излечения от нервной горячки, также как в 1854: г. Певницкий – от золотухи.

³⁴⁹ - Извл. из отч. об. -прок. 1858. 50.

³⁵⁰ - Доход от продажи свеч определен на основании поступления прошлого года, с надбавкою 800 р. с. по приблизительному расчету ежегодного увеличения. В 1866 г. предписано вносить свечной доход на потребности дух. -учебных заведений и с кладбищенских церквей, которые прежде были освобождены от этого.

³⁵¹ - Купец Эзелев, кроме ежегодного взноса в семин. экономию 500 р., делал и едновременные пожертвования, напр. на церковь при вступлении в должность в 1860 г. 3000 р. с. и после жертвовал между прочим и вещами также давал пособия на разные нужды, особенно воспитанников.

³⁵² - Были и еще некоторые доходы негласные и не вносившиеся в смету, по их незначительности, напр. от продажи кусков, остающихся от стола воспитанников, или их старого платья. Так в 1849 г. старого платья продано было на 110 р., которые употреблены на новую одежду учеников; в 1855 г. куплены были новые дрожки за 215 р. из суммы, вырученной от продажи старого ученического платья.

³⁵³ - Всепод. докл. зап. об. -прокур. св. Синода, 1865–66 г. стр. 58, 59.

³⁵⁴ - В 1850 г. св. Синод разрешил готовить детей дома и к семинарии, в 1863 г. дозволено обучаться духовным в гимназиях без увольнения из дух. звания, хотя и раньше это разрешалось.

³⁵⁵ - Отч. об. -прок. за 1842 г. стр. 65. Ср. Всеподд. докл. зап. об. -прок. св. Син. 1865– 66 г. стр. 40.

³⁵⁶ - Фамилии окончивших курс из таких воспитанников в приложенных к книге списках отмечены звездочкой.

³⁵⁷ - Докл. зап. об. -прок. 1865–66 г. стр. 40.

³⁵⁸ - Извл. из отч. об. -прок. 1846. 58,

³⁵⁹ - Извлеч. из отч. об. -прок. за 1857 г. 66.

³⁶⁰ - Отмечаем фамилии выходивших из семинарии для поступления в светские учебные заведения, а также и уволенных из дух. звания и поступивших в высшие светские заведения – из окончивших курс, на сколько он известны. Фамилии последних печатаем курсивом. При этом нужно заметить, что некоторые переходили потом из одного заведения в другое, или вовсе оставляли ученье, вследствие чего сведения о таковых не могут быть точны. В Медицинскую академию: И. Верховский (1845 г.), известный по изданию Библейского словаря, Иос. Равич, Гр. Надеждин – из высш. отд. у А–р Садовский (1846 г.), И. Меглицкий, А–р Петров, А–р Горонович (1847 г.), Лаханов, Велицкий, Флеров (1848 г), Елп. Бровкович, – убит на войне, на Аландских островах в 1854 г., Г. Архангельский – низш. отд. (1849 г.), Гавр. и Пав. Смирновы, К. Соколов (1851 г.), Д. Окунев, Степанов, Крюков, Славинский, Путиловский, М. Фалеев (1852 г.), М. Фальковский, А. Лапчинский, Вл. Смирнов, Вас. Кедров, Ив. Семенов, А. Жемчужин (1854 г.), К. Михайлов, В. Иллин, Пероцкий (1855 г.), Ал–й Добровольский (1856 г.), Вен. Подгаецкий, И. Исполатов, И. Орлов, М. Романский, И. Кабаланович (1859 г.), М. Грандплевский, Ал–й Смирницкий, Вас. Румянцев, В. Строкин (1860 г.), Н. Тихвинский, М. Еленев, Н. Красев, А. Полянский, Е. Тихомиров (1861 г.), Гр. Самчевский (1863 г.), Н. Фасанов –из дух. ак., Ф. Лаачинский (1864 г.), П. Флеров, Н. Лебедева, В. Сенатораский, В. Сперанский, В. Горский, Митр. Орлов, М. Полотебнов, Вл. Окунев (1865–66 г.), И. Александровский Н. Боголюбов, Вл. Иванов, И. Исполатов, А. Краснопольский, И. Дубягский, Н. Миролюбов, Н. Светлов, М. Круглевский, А. Черновский (1867–68), Е. Пападаки, Ст. Ставрович, С. Сафир, Ал–й Зрелов, Н.

Сыренский, С. Прутенский, Вл. Разумовский, Вл. Малиновский, И. Исаков (1868 г.). Многие из поименованных доселе подвизаются на медицинском поприще в С.-Петербурге и др. местах. В Университет, большею частию с.-петербургский: И. Горянский (1842 г.), Ф. Горянский (1844 г.), Ант. Богданов – из псаломщиков в Берлине – в берл. университете (1845 г.), П. Верховский (1853 г.), Вл. Петров, И. Строкин (1855 г.), М. Травлинский (1857 г.), Бор. Полянский, Н. Спасский (1858 г.), Митр. Турский (из высш. отд.) – проф. Петровской землед. академии, Н. Степанов, М. Лапчинский – проф. варш. университета, (1859 г.), Пав. Петров (1860 г.), А. Соколов, Немшевич, Петухович, Родевич, Абрамович, И. Бровкович – все из дух. ак., П. Молчанов (1861–62 г.), А–р Братолюбов (1863 г.), П. Аландский – был профессором в Киевском университете, С. Савваитов, М. Добржанский (1865 г.) К. Стефановский (был членом окружного суда в Полтаве), и В. Смирнов, – из дух. ак. (1866 г.), Н. Федоровский, С. Григорьев, А. Дубровский, И. Весин (1867 г.), Ф. Быстров, Бассевич, И. Перов (1868 г.). В Педагогический институт: И. Сапоровский – из высш. отд., Вл. Захаров, Н. Соколов, К. Петров (1851 г.), Ал–й Галахов (1853 г.), И. Долгомостьев, Н. Кедров, И. Андруцкий, М. Владимирский (1855 г.). Як. Эльманович – из высш. отд. (1856 г.) – перешел после в университет, Ф. Соколов (1858 г.) проф. Ист. филол. Инст. и спб. университета; П. Тихомиров (1858 г.) – с закрытием института снова принят в семинарию. В Горыгорецкое Земледельческое училище назначен был в 1843 г. А–р Молчанов (стр. 390), поступивший, по окончании там курса, преподавателем сельского хозяйства в литовскую семинарию. С открытием Историко-филологического института, изъявляли желание и туда поступать (И. Никитин, Н. Громов, И. Бронницкий – 1867 г. Н. Вознесенский 1868 г.). Были из спб. семинарии и в Технологическом институте (К. Соколов, К. Нечаев и др.). Присылались приглашения семинаристам и в такие заведения, как Штурманское училище, Земледельческий институт (1867 г.), Миссионерский институт, в селе Грузине (1862 г.) и т. п. Некоторые же из воспитанников брали увольнения из семинарии и дух. звания для поступления вообще «в одно из светских высших уч. заведений» (в 50-х годах – И. Спасский, И. Жемчужин, И. Тихомиров, И. Молчанов, Вл. Соколов; в 60-х – И. Круглевский, Н. Лапчинский, Кир Заруцкий, Ал–й Барсов, М. Лебедев и др.). Из занимавшихся живописью иные допускались в Академию художеств, от которой, как выше упомянуто, получили и звание художника. В начале 50-х годов были охотники и в военную службу (Крюков – из высш. отд., Мелиоранский, пожертвовавший еще в семинарии 25 р. в пользу раненых, за что получил Высочайшую благодарность, В. Павский; в 1867 г. Гр. Богословский, А. Светлов). – Нередко присылались в спб. семинарию приглашения на псаломщические места за границу (в Иром, Копенгаген, Берлин, Амстердам, Веймар, Рим, Ниццу и пр.), и некоторые изъявляли желание. В 1851 г. трое поехали миссионерами в Абхазию (Добровольский, Соловьев, Белоцерковский). В 1857 г. отправлен на Восток (на Афон) И. Благовещенский, для изучения византийской живописи (см. стр. 408), издавший потом свои путевые впечатления. В 1864 г. был запрос в учителя сельских школ в Вильне: изъявили желание несколько человек, но правление разрешило выйти двум.

³⁶¹ - В 1863 г. последовало, впрочем, предписание – не отправлять в академию «вопреки воле и желанию», волонтеров и предупреждать, что вакансий мало и на казенное поступить весьма затруднительно. Не принятые на казенное, по постановлению акад. правления в 1865 г., должны были сдавать, при окончании курса, сначала экзамен на действительного студента, а потом – на следующую степень.

³⁶² - В 1849 г., по поводу присылки в казанскую академию из семинарий недостаточно приготовленных воспитанников, последовал циркуляр «о мерах касательно назначения в состав академических курсов лучших семинаристов», где значилось между прочим, что расходы на возвращение назад непринятых воспитанников должны быть на счет членов семинарий. Конечно, к спб. семинарии это не могло применяться, по ее близости к академии, хотя назначения из нее и были иногда неудачны напр. Мизинов (1861 г.) признан академией «сомнительным», Н. Скроботов не принят на казенное содержание и вскоре вышел.

³⁶³ - Из других более известны в дух. мир и литературе: Гавриил Кякодзев, епископ Имеретинский и абхазский (вып. 1845 г.), Иаков Домский, еписк. якутский (1845 г.), Исаакий Положенский, еписк. енисейский и красноярский (1849 г.), спб. протоиереи: А. И. Рудаков и Д. И. Соколов (член Дух. учебного комитета), известные своими многими изданиями по предмету

Закона Божия; Д. И. Флоринский, Н. Е. Флеров и И. Г. Заркевич (ныне Николай, еп. новомиргородский) – по изданию журнала «Дух христианина», а последний, сверх того, и изданиями по христианской апологетике; К. Т. Никольский – учеными исследованиями о церк. устав и богослуж. книгах, об антимирах и чине православия; Л. И. Петров – по участию в изд. Спб. историко-стат. епархиального комитета.

³⁶⁴ - Докл. зап. об. -прок. св. Син. 1865–66 г. стр. 52.

³⁶⁵ - О причетническом классе и новом разделении классов в дух. училищах будет сказано ниже.

³⁶⁶ - Журн. съезда депут. дух. спб. епархии 1868 г. мая 28-го и 29-го; 1869 г. журн. № 3-й 11 сент., 1870 г. журн. № 9-й 15 сент.

³⁶⁷ - Ср. Извлеч. из отч. об. -прок. св. Син. за 1851 г. стр. 54, 55.

³⁶⁸ - Вообще причетнические классы не удались. По словам моск. митр. Филарета, «причетническим занятиям учиться нечего. Церковнические школы – жалкие школы. На них смотрят с презрением, сами ученики не могут не сознавать того». (Дневник А. В. Горского. Приб. к Тв. ев. отц. 1885. I. 201. 202).

³⁶⁹ - См. Извл. из отч. син. об. -прок. за 1857 г. стр. 126; 1858 г. 84, 85; 1859 г. 41; 1860 г. 51, 56; 1861 г. 89, 90.

³⁷⁰ - Филарет не одобрял и мнения некоторых о том, чтобы допускать в семинарию лишь давших обязательство оставаться в духовном звании, «Что мысль, – писал он к Филарету Гумилевскому в 1858 г., иметь в семинарии только обязавшихся к духовному званию не одобрительна, в том с Вами я согласен. Для чего же лишать людей удобства образования, в котором одном они имеют надежду хлеба и жизни? Ограничив себя людьми, вы стесняете для себя свободу выбора лучших. И кто поручится, что иной обязавшийся к дух. званию не окажется негодным? Что вы тогда с ними будете делать? Надобно иметь более людей, чтобы из них выбраковывать для себя лучших. Потому и запрещение выхода из дух. звания не нужно. Невольник не Богомольник. И к чему это порабощение свободных ныне, когда и несвободным дают свободу?» (Тв. св. отц. 1884 г. I. 334.)

³⁷¹ - Пис. к Ант. Ч. IV, стр. 170, 171. Мысли митр. Григория о преобразовании семинарий, по словам протоиерея Горского, изложены и в письме к митр. Филарету от 31 мая 1860 г. «1) усилить влияние преосвященных на учебные дела, 2) усилить право конференции на замещение наставников, 3) уничтожить влияние дух. уч. управления, 4) уничтожить то, что сделано покойным об. -прокурором гр. Протасовым», что одобрял и Филарет моск. (Дневник А. В. Горского, в приб. к Твор. св. отц. 1885 г. I. 198.)

³⁷² - Твор. св. отц. 1864 г. I. стр. 335.

³⁷³ - Митр. Филарет в одном из писем к архим. Антонию о поездке Н. А. Сергиевского за границу замечает, что он отправлялся туда собственно «по приглашению графа Путятина в качестве наставника сына его... Поручение же ему изучить училища дано кстати». (Ч. IV, стр. 145). Плодом этого поручения было между прочим издание Сергиевским брошюры: «Описание малой парижской семинарии».

³⁷⁴ - По словам протоиерея А. В. Горского, Императрица также с живым участием относилась к делу преобразования дух. уч. заведений (Дневник Горского, Приб. к тв. св. отц. 1885 г. I. 209, 212).

³⁷⁵ - Извл. из отч. об. -прок. св. Син. 1858 г. 52, 59, 84; 1860 г. 38, 39, 42, 43, 55; 1861 г. 87, 88.

³⁷⁶ - Из духовных журналов особенно Православное обозрение и Труды киев. акад. много послужили деду реформы. Наиболее же сильное влияние на последующую реформу оказало сочинение бывшего проф. спб. дух. академии Ростиславова, напечатанное за границей и имевшее два издания: «Об устройстве духовных училищ в России». Т. I и II.

³⁷⁷ - Отч. об. -прок. 1860 г. 42, 1861 г. 76. Означенные лица (кроме выбывших – Нектария и чередных архимандритов) подписались под «Журналом комитета о преобр. дух. училищ.» Но кроме того в комитет назначен был об. -прокурором кн. Урусов, по предложению об. -прокурора, моск. митр. Филарет послал присутствовать в нем профессора моск. академии, прот. А. В. Горского, который в своем «дневнике» сделал несколько любопытных замечаний о

деятельности комитета (Приб. к тв. св. отц. 1885 г. I). Между прочим, передав отзыв Филарета о графе А. И. Толстом («добрый, иногда твердый человек, но часто верит посторонним суждениям... позволяет себ такие вещи, каких не позволил бы и Пратасов»), Горский рассказывает о своем свидании с графом в Москве, пред отправлением в Петербург. При этом об. -прокурор по поводу семинарской реформы «говорил, что желает только а) уменьшения предметов, б) чтобы обращено было внимание на телесное здоровье воспитанников, и в) чтобы не заботились сгладить с них то собственно духовное, что в них сохранилось, не стремиться, в подражание светским, отучать их от добрых нравов церковных. Не спешите. Вы теперь отправляетесь, говоря по военному, только для рекогносцировки: должны узнать, что сделал Комитет, – что есть лучшего в записках и отзывах ректоров (упомянуты: пермский (разумеется вероятно Палладий Пьянков), тифлисский (Викторин Любимов), нынешний киевский викарий (Серафим Аретинский, ныне архиеп. воронежский), саратовский (Никанор, ныне херсонский) и архиереев (упомянул Василия витебского); в отчете Н. А. Сергиевского о Парижской малой семинарии. И обо всем доложите владыке, что бы можно было вести дело далее. Много мнений будет разнородных: не бойтесь, высказывайте свое. Преосв. Димитрий желает, чтобы его мнения обсуждали, и охотно оставляет свои, если докажут ему, что они неосновательны, и бесполезны». (Стр. 198, 201.)

³⁷⁸ - Архим. Викторин изобразил порядок жизни и характер устройства так называемых коивиктов или общежитий в Приложении к своему сочинению: «Истинный друг духовного юноши. Практические наставления воспитанникам дух. училищ.» Спб. 1858 г. (стр. 243–263). Еп. Антоний обратил внимание комитета на этот труд Викторина.

³⁷⁹ - Комитет признал полезным ввести «в устав семинарский часть устава монастырского» и по окончании курса «готовящимся к священству довоспитываться в известных строгостию устава общежительных монастырях». (ст. дух. сел. стр. 28). Особенно преосв. Димитрий настаивал на таком характере семин. воспитания, заявляя: «нужды нет, пусть будут говорить, что училища наши похожи на иезуитские». (Дневник Горского, 225).

³⁸⁰ - Это согласно было и со взглядом многих русских ученых. По словам прот. Горского, проф. моск. академии Амфитеатров и бывший бакалавр Гиляров-Платонов, а также и сам митр. Филарет, высказывали мнение в пользу класс. языков и философии, как основы образования (Дневник А. В. Горского. Тв. св. отд. 1885 г. I. 197, 202). Мы видели, что и проф. спб. акад. Карпов стоял за усиление древних языков в семинарии (стр. 427, 428). Но некоторые отрицали значение классич. языков в общеобразовательном курс, напр. проф. киевской акад. Певницкий. (Тр. киев. ак. 1863 г. XI). Вообще в литературе начала 60-х годов спор об этом был весьма горячий, как и позднее. (См. «20-тилетие журн. Тр. киев. ак.», Королькова. 1883. стр. 90. Впрочем, комитет 1860 г, далеко не дал классическим языкам преобладающего значения в семин. программе, ограничив преподавание каждого из древних языков 13-ю уроками в неделю (в первых 6-ти классах по 2 урока, в 7-м и 8-м по 1, а в последних 4-х даже ни одного)

³⁸¹ - Преосв. Димитрий и др. члены комитета, согласно и с мнением митр. Григория, стремились особенно «уберечь церковные деньги от употребления на светских лиц, служащих по Дух. уч. и Хоз. управлениям» и вообще «высвободить управление семинариями в свои (архиерейские) руки». (Дневник Горского, Тв. Св. отц. 1885 г. I. 211, 212, 214, 217.)

³⁸² - О таких наставниках и митр. Филарет высказывался: «в духовных училищах должно охранять направление учащихся к духовному званию и сему направлению без сомнения более благоприятствуют наставники духовного звания, или хотя не вступившие в оное, но к оному себя располагающее и потому сохраняющее в себе самих направление духовное, нежели оставившие дух. звание для приобретения светских чинов и следственно получившие в себе самих направление светское, которое может в наставляемых производить впечатление, не гармонирующие с впечатлениями от духовных наставников». (Резолюция на прош. одного киевского профессора из светских, желавшего перейти в Москву в 1857 г. Душеп. чтен. 1880 г. II. 377).

³⁸³ - Дневник Горского, Тв. св. отц. 1885. I, 209–226. Ср. 1884. IV. 530.

³⁸⁴ - В Москв напр., по распоряжению митр. Филарета, комитет составлен был, под председательством викария Саввы еп. Можайского, из ректора семинарии Игнатия

(Рождественского), протоиереев: И. Рождественского, Капустина, священников: Зернова, Богословского-Платонова и Доброва. Комитет высказал многое согласно с Петербургским семинарским, но м. Филарет не одобрил некоторых его суждений, большею частию защищая старые порядки, напр. признал излишним педагогический совет, как парализующий ректора, заметив, что и члены правления могут быть свободны в своих мнениях от давления ректора, «если они не малодушны и не человекоугодливы»; членов от духовенства если допустить, то почему только из белого, а не и из монашеского духовенства? Ректор с инспектором должны преподавать также, чтобы не быть лишь «чем-то похожим на полицейских чиновников». Одногодичные курсы не полезны, так как «влияние наставников раздробляется и науки крошатся на куски», уроки по 1 1/4 часа коротки, вакация в 2 месяца – длинна; испытания необходимы два раза в год. Светских принимать в семинарию «некоторых по удобности и благонадежности». Брать с церковью 1/3 доходов, значит, вооружить прихожан и старост. Влияние архиереев, рукополагающих воспитанников семинарии, должно быть в семинарии не только в экономическом, но нравственном и педагогическом отношениях. На мысль Моск. комитета о том, что нужно развивать в воспитанниках чувство человеческого достоинства, заметил: «не надежнее ли возбуждать сознание испорченного грехом человеческого достоинства, и тем располагать к самоисправлению и смирению?» (Из донесения м. Филарета св. Синоду от 22 марта 1866 г., которое в копии хранится в Моск. епарх. библиотеке, отд. II).

³⁸⁵ - Извл. из отч. об. -пр. за 1866 г. 55.

³⁸⁶ - См. всепод. докл. зап. об. -прок. 1865 г. стр. 37–41. Отч об. -прок. 1866 г. стр. 70–82.

³⁸⁷ - Извл. из отч. об. -прок. за 1866 г. стр. 56–60. Высочайшее назначение пособий из госуд. казначейства, как говорят, состоялось под влиянием пользовавшегося Высочайшим благоволением, покойного генерала М. И. Шипова, который представил Импер. Александру II в половине 60-х годов записку о безотлагательной необходимости духовно-учебной реформы, с назначением потребных на этот предмет средств из государственного казначейства. На этой записке Государь и положил резолюцию об отпуске 1 1/2 милл. («Голос», 1881. № 97). Надежда, какую председатель комитета 1860 г. преосв. Димитрий возлагал в этом отношении на ходатайство митр. Филарета, «которого авторитет у Государя всех выше, чтобы нам ассигновали до 3 милл. к нашим суммам» (Дн. Горского 225), – оказалась тщетною. – Без сомнения, духовно-учебное ведомство должно быть весьма благодарно за Высочайшую милость, хотя означенное пособие представляется незначительным и сильно замедлившимся, в виду тех жертв государству, какие принесены были в свое время этим ведомством, получившим за них «монаршее благоволение и признательность», по рескрипту Импер. Александра I от 25 авг. 1817 г. на имя Комиссии дух. училищ. Так, в 1812 г. Комиссия д. уч. из своих капиталов уделила 5 милл. р. «на дело веры, престола и отечества», в 1824 г. 700000 р. на пособие потерпевшим от наводнения и т. д. Затем, в 1817 г. Комиссия, принимая в уважение затруднительное положение госуд. казначейства, отказалась добровольно от 2-х милл. в год пособия из казны (назначенного Высочайшим указом на имя госуд. казначея Голубцова от 26 июня 1808 г.), приняв на свой счет все расходы по содержанию дух. училищ, но оставив за собою право обратиться к монаршим щедротам, когда собственные ее источники будут недостаточны. (Докл. комит. о усоверш. дух. уч. 1809 г. стр. 85. Покровского, «Способы содерж. дух. уч.» в Страннике 1861. Отд. II, кн. 5, стр. 273, 284. Ср 1862 г. IV 565, 568. См. выше, стр. 189 этой книги). Но об этом законном праве дух. -учебного ведомства как будто совсем было забыто, при введении реформы 60-х годов.

³⁸⁸ - Наиболее существенные из замечаний м. Филарета следующие: при приеме из всех сословий нужно отдавать преимущество духовным, как с малых лет привыкающим к богослужению, ректору и инспектору нужно дать уроки – для ученого авторитета; правление должно состоять не из всех наставников, а то младшие будут подавлять своими голосами старшие, но из 7 более опытных, прочие допускать с совещательным голосом; лекции в 1 1/4 часа коротки, нужно для низших по крайней мере классов 1 1/2 часа. – Филарет сделал возражения и против отдельного проекта архимандритов Филарета и Михаила, которые взяли за основание видоизмененное мнение Димитрия херсонского и предлагали устроить 7 летнее общеобразовательное училище (гимназию) и – для остающихся непременно в духовном звании – 3-х летнее богословское (семинарию), – «два организма, которые не имеют и не

обещают единства духа и направления между тем, по проекту большинства, семинария все таки – один организм, где «над ветвями и листьями общего образования восходит духовный плод». Нужно еще опасаться, что «более способные ученики устремятся в светское звание и богословской семинарии и церковной службе достанутся только дрожжи общеобразовательного училища». На предположение меньшинства сделать еврейский язык обязательным, а греческий нет, Филарет заметил: «разве раввина они хотят образовывать, греческий язык необходим – на нем Евангелие и отцы церкви». При своих замечаниях м. Филарет писал и письмо к митр. Исидору, прося его «поревновать о благе духовного образования». (Мнения митр. Фил. от 2 дек. 1866 г. 15 янв. 1867 г. Ср. Дневн. Горского, стр. 252). Возражения против проекта архим. Филарета и Михаила сделаны были и самим комитетом 1866 г., который «особенно значительные несообразности в недостатки» нашел в нем с экономической стороны. (См. объясн. зап. к проекту уст. дух. сем. 1867 г. стр. 3–6).

³⁸⁹ - Извл. из отч. об. -прок. 1867. 119, 120.

³⁹⁰ - Мысль об упразднении Дух. уч. управления, илп реформировании его, высказывалась и в 1860 г. в комитете о преобразовании дух. уч. заведений (см. стр. 541 и мнение Филиппова). Прот. Горский находил «нужным управление в роде прежней Комиссии дух. уч.» Митр. Филарет высказывал: «можно было бы назначить одного из членов св. Синода собственно для занятий дух. учебными делами. Об. -прокурор гр. Толстой в 1865 г. в разговоре с прот. Горским о необходимости некоторой децентрализации в духовном ведомстве и о возможности сокращения чиновничества по дух. уч. управлению и вообще о его преобразовании, заявил между прочим: «теперь в Дух. уч. управлении нет людей, которые могли бы заниматься собственно учебными делами. Нужно в прежнем или измененном виде Комиссию дух. уч., т. е. управление архиерейское». Горский прибавляет далее: «граф, повидимому, имел в виду учреждение ученого комитета с президентом из архиереев, высказывал нужду, чтобы члены комиссии были постоянные, не сменяющиеся ежегодно, как в Синоде, – чтобы они свободны были от посторонних дел. Ученый комитет должен заниматься пересмотром программ, учебных книг и т. п.» (Дневник Горского, Тв. св. отц. 1885. I. 199, 249, 250). – Председателем Дух. -учебного комитета в 1867 г. назначен был, однако же, не архиерей, а настоятель русской посольской церкви в Париже, протоиерей Иосиф Васильев, постоянно присутствующими членами избраны: инспектор спб. акад. архим. Хрисанф, протоиерей церкви Констант. дворца Сам. Михайловский, законоучитель Горного инст. А. Рудаков, ордин. проф. спб. унив. Благовещенский, орд. проф. спб. д. акад. Чистович, проф. истор. филол. института Кедров, членами-ревизорами: об. -секретарь св. Синода Ненарокомов, начальник отдел. канц. об. -прокурора Керский, служивший прежде в ведомстве мин. нар. просвещения и бывший в отставке ст. сов. Лебедев (Отч. об. -пр. 1867 г. 119–123). В 1870–71 г. число ревизоров увеличено еще двумя, и членов комитета после допущено было больше. По смерти прот. Васильева (дек. 1881 г.), его должность исправлял в течение года прот. И. В. Толмачев, потом председателем назначен из членов, бывший дотоле законоучителем училища правоведения, прот. А. И. Парвов.

³⁹¹ - Местноизысканные средства должны были обратиться на содержание низших дух. училищ епархии и параллельных отделений семинарии и поступить в заведывание и распоряжение епарх. съездов духовенства. Но на средства св. Синода, даже и при вспомоществовании от госуд. казначейства, оказалось возможным обеспечить только семинарии, а в отношении училищ принять лишь расходы по производству жалованья служащим (без параллельных отделений). С половины 1867 г. новый устав введен в епархиях: рязанской, костромской, нижегородской, самарской и астраханской. (Ср. отч. син. об. -прок. 1867 г. 102, 103);. С тех пор он постепенно вводился в семинариях до последнего времени.

³⁹² - Первоначальные выборы 20-го октября – по результатам были одинаковы с выборами 14 дек., но первые не получили силы, так как избрание наставников в члены правления происходило без участия членов от духовенства, которые в то время еще не были избраны съездом.

³⁹³ - Впрочем, ревизор Сергиевский в 1867 г. заметил, что «указанное заблаговременное распоряжение дало наставникам, избравшим другие предметы преподавания, возможность к лучшей подготовке предстоявших им уроков». (Отч. Сергиевск. стр 2).

³⁹⁴ - Извл. из отч. об. -прок. 1867 г. 106.

³⁹⁵ - Объясн. зап. к уст. дух. сем. 1867 г. стр. 19, 20. Ср. Отч. об. прок. 1866 г. стр. 64. «Как присяжные на суд, – сказано далее в объясн. записке, избиратели должны руководиться указаниями своей совести и желанием истинного блага учебно-воспитательному заведению, для которого избирается новый деятель» (стр. 21).

³⁹⁶ - Авторитет нашего ученого монашества, ослабленный еще в протасовскую эпоху и не нашедший потом подкрепления в лице молодых монахов, появлявшихся еще до половины 60-х годов между студентами дух. академий, значительно упал не только в общественном мнении, выражавшемся и в печати, как светской, так и духовной вообще, не говоря уже о радикальной (в роде произведений Беллюстина и Ростиславова), – но и в сознании людей вполне серьезных и независимых от общего настроения. Не будем даже останавливаться на таких, как протоиерей Павский, который в свое время считался слишком свободным мыслителем и резко выражался против монашества, между прочим заявляя: «церковная история учит, что в дух христианской церкви и в практике ее не было монашества: было скитничество, отшельничество, но в таком смысле, в каком утвердилось ныне, считалось богопротивным» ... (Автобиография Г. П. Павского. Русск. Стар. 1880 г. III, стр. 509). Знаменитый автор «Аскетических опытов» и благоустроитель Сергиевской пустыни, епископ Игнатий (Брянчанинов), в письмах к игумену Антонию (Бочкову) в 60-х годах, сильно осуждал современное монашество, которое «стремится елико можно и где можно подражать миру в манерах, в словах, в жизни, обычаях, забывая, что эта внешность часто прикрывает пустоту и бесхарактерность... Известно монашество русское: укажите на людей проходящих этот подвиг правильно. Их нет... Если бы и решились восстановить монашество, то нет орудий для восстановления, нет монахов, а актер ничего не сделает... Правда, и ныне некоторые разгоряченные верхогляды, даже из светских, берутся за поддержание монашества, не понимая, что оно великая Божия тайна. Попытки таких людей лишь смешны и жалки: они обличают их глубокое неведение и судеб Божиих и дела Божия. Такие умницы и ревнители что ни сделают, все ко вреду... Житейской многопопечительностию и подъяческим характером решительно уничтожается дух монашества, исполненный святой простоты» ... и т. д. (Чтен. в общ. ист. и древн. росс. 1875 г. I, стр. 71 и сл.) Известно, что протоиерей Горский, высказывавший высокий взгляд и сочувствие по отношению «к жизни иноческой, свободной от земных забот, покаянной, всей посвященной Богу (Днев. Горск. Тв. Св. отц. 1884 г. IV, 305), не решился, однако же, принять монашества при существующих условиях.

³⁹⁷ - До времени введения нового устава, писал этот ректор в своем отчете о состоянии семинарии за 1868–69 г., – ни одна семинария не стояла в таких неблагоприятных условиях в деле выбора наставников, как петербургская. Нигде это назначение преподавателей не было так случайно, как здесь. К тому же случайно являвшиеся преподаватели также случайно и оставляли семинарию. Ныне за то ни одна семинария не стоит в таких благоприятных условиях по отношению к выбору наставников, как петербургская, и нравственная обязанность правления воспользоваться, как можно лучше, правом выбора, данным уставом, для возвышения уровня семин. преподавания и семинарского образования. («1-й год реформы спб. сем.» Спб. 1872 г. стр. 39.)

³⁹⁸ - Один из конкурентов, окончивший в то время курс в дух. академии.

³⁹⁹ - Окончивший около этого времени 6-ти летний срок службы при семинарии в должности члена от духовенства, свящ. Никольский, который вместе с другим членом от духовенства свящ. И. П., по изложенному делу не принадлежал к меньшинству, заметил только в правлении в заключение этого дела, что он «с грустными чувствами оставляет службу при семинарии». Ректор же Хрисанф, при прощании в 1875 г. с наставниками, намекая на вышеизложенное дело, чистосердечно высказал, что «одно только темное пятно чувствует он на совести из всей своей 6-ти летней службы при семинарии».

⁴⁰⁰ - По выслушании указа, в семин. правлении был поднят вопрос о представлении в свое оправдание чрез преосв. митрополита некоторых соображений в дух. уч. комитет, (весьма влиятельный председатель которого, прот. В., по мнению правления, издавна выражал свое неблаговоление к семинарии). Предполагалось выяснить, что правление не могло считать конкурс «преждевременным» не зная о намерении К. просить высшее начальство о его

оставления и не признавая для себя обязательным, на основании устава и в интересах педагогического дела, не только ходатайствовать об его оставления, но и выжидать результатов его просьбы, что в тех же интересах оно хотело воспользоваться предоставляемым ему по закону правом выборов на предполагающуюся, но еще не открывшуюся, вакансию и, согласно существующим постановлениям, заявило об имеющихся в виду кандидатах канцелярии об. -прокурора к 1-му мая; наконец, что оно находило себя вполне компетентным для суждения о конкурентах не только со стороны их педагогических приемов, но и знания дела, так как из членов правления более половины учившихся в академии при старом уставе, когда преподавались физ. матем. науки, а один даже сам состоял преподавателем физики в семинарии, прочие же довольно знакомы с этими науками по семин. курсу, в котором он значительно подняты по новому уставу. Но, по предложению ректора, найдено приличным испросить чрез него разрешения на означенное представление преосв. митрополита, утвердившего постановление о конкурс. Митрополит же словесно предложил правлению оставить дело без последствий.

⁴⁰¹ - «1-й год реформы спб. д. сем.» (стр. 1, 44, 45).

⁴⁰² - «Преобраз. дух. уч. завед. спб. епархии». (отч. Сергиев.), стр. 44.

⁴⁰³ - Один из таких случаев подал повод к постановлению – давать награды отличным воспитанникам, если они имеют и по поведению не ниже 5, так как один из неговевших на 1-й неделе и к сроку не явившийся в семинарию на страстной для говения, хотя заслуживал по успехам награды, но не удостоен ее за 4 по поведению; но раньше подобная отметка по поведению не препятствовала получению награды.

⁴⁰⁴ - Один отец напр. не хотел взять к себе сына, уволенного за малоуспешность, о которой не раз доводилось до сведения отца, и прогнал сына с словами, что «он ему не нужен, у него есть еще трое детей». Возвратившегося в семинарию сына и неимевшего пристанища начальство должно было поместить в больницы, а правление постановило уговорить отца чрез одного из членов от духовенства. Другой отец, по увольнении сына его из семин. корпуса за непослушание и дерзости, прислал в правление письменный отзыв, называя действия его «странными» и выражаясь в таком роде, что сын его «выброшен на улицу», за него правление «бьет отца по карману, отцу же ничего неизвестно». Бумага отправлена на усмотрение консистории, как «оскорбительная для присутственного места», а отцу дано знать о причинах увольнения, которые ему раньше должны были быть известными от самого сына и из его отпускной книжки, где прописывались все его проступки. Но, видно, отец и после того не принял нужных мер к исправлению сына, или не мог его исправить, так как чрез несколько времени он был исключен за самовольную безвестную отлучку. Еще один отец (из петербургских протоиереев), раньше взявший сына из общежития, где его будто бы стесняли, жаловался на правление митрополиту, после того как сыну его предложили подать увольнение из семинарии, вследствие донесения о нем инспектора, «в виду явно обнаружившегося несочувственного направления его задачам и целям семинарского воспитания»; отец обвинял инспекцию с которой не раз входил в пререкания, и одного из преподавателей, и просил снова принять сына в семинарию. Но просьба его оставлена без удовлетворения.

⁴⁰⁵ - «Первый год реформы спб. сем.» стр. 38, 39.

⁴⁰⁶ - Воспитанник этот не передал инспекции письма, полученного им от к-ских семинаристов, «как дело противное чести против них», по его выражению, но читал письмо всему классу. Подобных писем получено было несколько в спб. семинарии в 1882 г., с предложением воспитанникам взять на себя дело подачи прошения на Высочайшее имя о допущении семинаристов в университет. Меньшинство в правлении предлагало сделать выговор всему классу, из которого никто не заявил о письме, а ученика, не представившего начальству письма, заключить в карцер, выставив балл по поведению, какой выйдет из месячных отметок. Но было утверждено мнение большинства.

⁴⁰⁷ - Но когда в правлении возникал вопрос об этих объяснениях, то в пользу их высказывались многие. Между прочим, при пересмотре правил поведения воспитанников в начале 80-х годов, по настоянию некоторых преподавателей, внесен был и параграф о праздничных объяснениях (§ 14), как могущих иметь весьма назидательный характер для воспитанников и составляющих не что совершенно особое от классного преподавания свящ.

писания, или богословских наук, тем более что собеседования повсюду стали получать широкое развитие. В семинарском уставе 1884 года этого требования уже нет.

⁴⁰⁸ - Сестра одного уволенного по малоуспешности воспитанника 1-го кл. С. подала прошение в правление об оставлении брата ее на повторительный курс, по вниманию к его «крайне бедственному и совершенно бесприютному положению». Правление нашло, что возвращение в семинарию С. «не соединено с существенным нарушением семин. устава», хотя со времени увольнения, утвержденного епарх. властью, и прошло около 2-х недель, и постановило принять С. в 1 кл. на повторит. курс. Меньшинство из 6 преподавателей (большую часть 1 кл.) в своем отдельном мнении указывало на то, что дело конченное и утвержденное нет оснований перерешать по просьбе частного лица, даже неизвестного правлению, может быть и против желания самого воспитанника, о котором наставники класса все дали неодобрительный отзыв, и тем подрывать авторитет педагог. собрания, – и предлагало воспитанника, как уволенного, а не вышедшего по уважительным причинам, допустить к новому экзамену на осн. § 141 и. 2 относительно же бедности и бесприютности присовокупило, что по существующим постановлениям они не служат основанием к возвращению ученика в семинарию и, помимо того, этим возвращением нисколько не устраняются, так как, по уставу, он не может на повторительном курсе пользоваться казенным содержанием. Резолюция была: «согласно с большинством голосов, оставить С. в 1 кл. на повтор. курс». Разница предыдущего дела с этим, где «денежные расчеты, несообразные с воспитательными целями», тоже имели место – состояла может быть в том, что прошение о милости подано было прямо в правление, но сущность дела от этого едва ли изменяется. (Через несколько времени восп. С. был уволен за нетрезвость, в соединении с грубостью характера и малоуспешностью).

⁴⁰⁹ - Только в 1880 г. разрешено высшим начальством увеличить число уроков по русскому языку в IV кл. училища, на счет греч. языка. (См, отч. об. -прок. 1880 г. стр. 133). Намерение ввести в училищ финский и франц. языки (1880 г.) правление само по себе не нашло возможным разрешить, а рекомендовало съезду обратиться к высшему начальству.

⁴¹⁰ - Объясн. зап. к уст. дух. сем. стр. 9.

⁴¹¹ - Ныне уже издана для семинарий составленная, по поручению начальства, проф. спб. академика Е. И. Ловягиным новая греческая святоотеческая хрестоматия.

⁴¹² - Устав предписывает и поощряет занятия учеников музыкою. (§ 160). Поощрение это ограничивалось дозволением брать частным образом уроки на скрипки у преподавателя пения С., для чего впоследствии приобретена и скрипка, для воскресной же школы была куплена небольшая фисгармония. Но попытка устроить в семинарии концерт воспитанников, при пособии и некоторых наставников, остановлена была особым указом, изданным 17 апр. 1871 г. вследствие предложения об. прокурора, где сказано, что «подобные собрания могут сопровождаться неблагопристойными в педагогическом отношении последствиями, требуя на приготовление к ним не мало времени, отвлекая воспитанников от прямых обязанностей и развивая в них склонность к рассеянности и развлечениям», поэтому литературно-музыкальные собрания предписано воспретить. Однако же, с течением времени, в некоторых семинариях образовались даже свои оркестры и давались концерты, тем более, что с 80-х годов начальство с большим сочувствием стало смотреть на музыкальные упражнения. В виду этого, и правление спб. семинарии просило у съезда средств на музыкальные инструменты, но съезд ассигновал только 150 р.

⁴¹³ - Для обучения студентов спб. дух. академии педагогической практике в 1873 г. возникало предположение об открытии при спб. семинарии практических занятий для них, и с этою целью по поручению уч. комитета, составлена была правлением из преподавателей семинарии комиссия, которая выработала проект указанных занятий, проект представлен был в уч. комитет, но дело осталось без последствий.

⁴¹⁴ - Правда, совет спб. университета в своем отчете о поверочных испытаниях семинаристов в 1871 г. указал еще несколько недостатков, которые препятствуют семин. воспитанникам сравняться с гимназическими, и министерство (1873 г.) признало недостаточную подготовку их в русском и латинском языках и в математике и предположило подвергать их с 1876 г. в гимназиях испытанию зрелости по указанным предметам (Сборн. постан. и распор. по гимн. и прогимн. 1874. Стр. 393, 394). Но никогда так много народу, по

крайней мере из петербургской семинарии, не поступало и в дух. академию и в светские высшие учебные заведения, в последний – особенно из IV кл., – как со введения реформы до 1879 г., когда прекращен был семинаристам доступ в университет без аттестата зрелости (см. списки). Прекращение же это вызвано было не столько вопросом о недостаточной подготовке семинаристов к университету, сколько другими обстоятельствами. Говорят, впрочем, что с того времени солидная ученость университетской молодежи не только не возвысилась, но скорее упала. Об учебном же уровне в спб. семинарии можно судить по тому факту, что уволенные отсюда по малоуспешности легко поступали в другие семинарии (особенно в олонекскую) и оканчивали там курс с успехом.

415 - Вот что напр. говорил по этому поводу ректор Хрисанф в своем напутственном слове воспитанникам, при отпуске на каникулы в 1869 г. «Вы должны быть для остального общества представителями высших, идеальных начал человеческой жизни, т. е. того, что не дает человеческой мысли затеряться среди дробных явлений материи, того, что единственно препятствует человеческому эгоизму обратить жизнь человеческих обществ в одну чисто животную «борьбу за существование», что единственно благородит эту жизнь мыслию о небе, о том, что есть нечто высшее обычных земных, эгоистических меркантильных расчетов, того, без чего наша жизнь сделалась бы бесплодным и бесцельным процессом, за которым одно ничтожество, того, наконец, без чего не только умерли бы все так называемые нравственно-социальные интересы, но и едва ли уцелела бы сама наука... Вот ваше великое призвание в мире. Я, пожалуй, мог бы сократить это еще более, и сказать только вот что: вы должны быть среди общества представителями духа любви. Да! любви, потому что высшие начала жизни и проявляются в действительности, как нравственная любовь к человеку, – та любовь, что не может не скорбеть о человеческом невежестве, о человеческой испорченности, та любовь, что готова саму себя отдать на жертву ради высших целей человеческой жизни. Да! священник – это сердце общины, это ее друг-утешитель. Я прибавил бы к этому в заключение, что такой любви от вас давно уже ждет наш бедный, темный, неразвитый народ, который под бременем тяготевшего над ним рабства и материальных лишений, до ныне еще сознательно и свободно не поднимал головы своей к Небу»... Обращаясь далее к воспитанникам, не имевшим намерения оставаться в духовном звании, о. ректор продолжал: «Наши заведения искони, со времени учреждения в России высших специальных школ, давали из себя деятелей для всех сфер знания и жизни, служа источником сил свежих, разумных. Наши заведения никогда не знали той узкой обособленности в своем устройстве, какая существовала и существует на западе в церковных школах. Быт наших дух. учебных учреждений, служивших целям не церковным только, но и общественным, искони служил наглядным выражением того широкого воззрения нашей Церкви, по которому нет разделения между религиею и наукою, между обществом и Церковью, той высокой, истинно христианской идеи, что всякое научное занятие – изучение ли духа с его таинственными проявлениями, или мертвой материи с ее механическими законами, одинаково есть в известном смысле служение Богу, Богу разумов, Богу истины... Новый быт наших заведений не изменил этого порядка вещей. Так было, так и будет. И как бы ни прискорбно было, что в силу этого, вас оставляют иногда наши лучшие силы, сетовать на это мы не можем. Мы напутствуем исход их своими благожеланиями и предлагаем один совет – не забывать среди занятий в других родах знания и жизни о том, во имя чего здесь – у нас соединяются будущие деятели всех родов жизни, что действительно есть неточная сила всей и всякой человеческой жизни, что одинаково нужно и медику, и юристу, и натуралисту, что есть единственная цивилизующая мир сила. Имя этой силе: евангельская истина, евангельская любовь»... Наконец, в заключение, собственно к воспитанникам, ехавшим на вакацию домой, сказано: «Знаете ли, что несете вы с собою в свои родные дома, в свои родные леса и поля из этой школы с ее искусственно созданною жизнью?. Мысль, просвещенную светом веры, умственное развитие, чувство человеческого достоинства, – величайшие приобретения, без которых ничтожна, бессмысленна жизнь, мертва природа с ее красотами. Да! вы воротитесь теперь в свои дома более людьми, чем прежде, более умными глазами будете смотреть на самую природу... Вот зачем нужны эти книги и эти порядки в вашей школьной жизни. Жизнь хороша, но к ней нужно приготовиться разумно;

природа хороша, но когда мы понимаем ее, научаемся читать ее великую книгу, полную тайн, чудес"(. (Христ. Чт. 1869 г. № 8, стр. 182–189).

⁴¹⁶ - В отчете указано напр. на возникавший в 1875 г. вопрос о праздновании 150-летнего юбилея семинарии, т. е. со времени введения названия семинарии для ал. -невской школы, по вопросу этому были заметки и в некоторых газетах, но дело осталось без последствий. По этому поводу ревизия вообще указала на неуместность участия в газетной печати семинарских наставников и двух из них поименовала, вследствие чего вскоре последовало предписание даже «увольнять от службы подобных лиц». После некоторой тревоги, дело обошлось, однако же, благополучно для названных, но одному из них пришлось оставить издание газеты «Современность», в которой принимали участие и семин. преподаватели.

⁴¹⁷ - В этом списке, как и в нескольких последующих, звездочками отмечены воспитанники вызванные с спб. семинарию из западных губерний (см стр 507)